

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ и КАРАЧАЯ

в трудах
Исмаила Мизиева

В трех томах

Том II

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
2010

УДК 902.7 (С 16)
ББК 63.3 (2Р–К–Б) 4
И 90

История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. –
И 90 Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Т. 2. – 368 с.,
72 с. ил.

ISBN 978–5–93680–337–6

Известный ученый, археолог и этнограф, Исмаил Мусаевич Мизиев (1940–1997) разработал оригинальную концепцию древней истории и этнической культуры тюркских народов, посвятив свою жизнь исследованию научных проблем средневековой истории балкарцев и карачаевцев. В результате многолетних археологических экспедиций, анализа этнографических, исторических и лингвистических источников, трудов российских и зарубежных авторов ученый вынес твердое убеждение, что балкарцы и карачаевцы являются автохтонными народами Центрального Кавказа.

В трехтомник, приуроченный к 70-летию со дня рождения самодеятельного ученого-кавказоведа, вошли все опубликованные им книги.

© Издательство М. и В. Котляровых, 2010

К. Т. Лайпанов, И. М. Мизиев

О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ТЮРКСКИХ
НАРОДОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происхождение тюркских народов и их этнокультурных традиций является одной из наименее изученных проблем науки. Ее неразработанность объясняется не столько слабостью научной базы, сколько предвзятым отношением к ней многих ученых, в особенности иранистов. Индоевропейцы диктовали и продолжают диктовать тюркологам пути и методы исследования этногенеза и других проблем истории и лингвистики тюркских народов. При этом некоторые из них сознательно искажают, а порой просто игнорируют их историко-культурное богатство. В плену у языковедов-иранистов оказались скифологи Б. Н. Граков, М. И. Артамонов, А. П. Смирнов, И. Г. Алиев, В. Ю. Мурзин, многие другие добросовестные археологи, которые по археологическим, этнографическим и иным данным знают, что андроновцы, скифы, саки, массагеты, сарматы, аланы не являются иранцами, но раз лингвисты «доказали» их ираноязычность, то они вынуждены признать эти племена ираноязычными. Образовался своеобразный замкнутый круг: некоторые археологи приняли как научную истину принятую языковедами-иранистами версию об ираноязычности названных племен, а лингвисты, в свою очередь, основываются на результатах, добытых археологами при раскопках: как только те находят предметы «скифского типа», их тут же объявляют принадлежащими ираноязычным племенам (*Гейбуллаев**, 1991, с. 288).

Как известно, для отдаленных от нас по времени эпох, по которым мы не можем располагать никакими прямыми лингвистическими свидетельствами, археологический материал наряду с палеоантропологическим остается единственным источником для реконструкции этнической истории населения определенного региона в древности. Но прямое этническое истолкование археологических источников «неизбежно встречается с рядом труднопреодолимых препятствий, и, следовательно, применение их в этногенетическом аспекте очень затруднено» (*Арутюнов*, 1989, с. 11). Со времени появления письменности письменные источники, данные языка имеют огромное значение для определения этнической принадлежности древних племен, но они изучены крайне недостаточно и зачастую толкуются однобоко. Нужно учесть, что и древний письменный

* Сведения об источниках см. в общем списке литературы, опубликованном в 3-м томе настоящего издания. – *Изд.*

источник по самой своей природе не может быть вполне объективным, так как отражает позицию автора (Там же, с. 10).

С точки зрения иранистов, тюркские народы на этих территориях оказались не аборигенами, а пришельцами. И вполне законен вопрос: откуда, как и зачем пришли в эти регионы многочисленные тюркские племена, которые к началу I тыс. н. э. занимали огромную территорию от Охотского моря до Центральной Европы?

На этот вопрос трудно ответить до тех пор, пока, как считает ученый, не исследованы прежде всего сохранившиеся элементы языков тюркоязычных скифов, саков, сарматов, массагетов, аланов, кушанов, тохаров и других древнетюркских племен, пока тюркские элементы их языков не будут тщательно проанализированы в сравнении с современными тюркскими языками, пока сравнительные этнические данные не будут рассмотрены в системе выводов смежных наук: палеоантропологии, археологии, истории, этнографии, мифологии. Лишь после комплексного анализа данных всех этих наук должна быть сформулирована та или иная этногенетическая теория (Там же, с. 23–24).

Тенденциозный подход к истории тюркских народов имеет в официальной науке давние корни. Так, в Ученых записках Императорской академии наук говорилось о том, что тюркские народы «никогда не будут занимать высокого места во всемирной истории» (Ученые записки, 1855, с. 714).

Некоторые ученые и в советский период продолжали искажать прошлое тюркских народов. Например, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, авторы удостоенного Ленинской премии огромного труда «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984), даже не нашли места хотя бы вскользь упомянуть о контактах и взаимовлиянии древних индоевропейцев и древних тюрков в эпоху неолитического расселения древнейших племен в IV–III тыс. до н. э.

Об устойчивости традиционных представлений о древнейшей истории и этногенезе тюркских народов свидетельствует и капитальный труд «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» под общей редакцией академика Б. А. Рыбакова, изданный Институтом археологии АН СССР в 1987 г. В нем перечислено множество племен, но не названо ни одно тюркоязычное племя. Вот какой приговор выносят этим народам авторы названного труда: «Видимо, уже в бронзовом веке на Юге Восточной Сибири – в районах, лежащих в основном к югу от Байкала, – жили предки нынешних тюркоязычных и монголоязычных народов, однако их активное участие в этнической истории Сибири и Восточной Европы падает на более поздние времена, уходящие за пределы эпохи бронзы, а следовательно, и за рамки настоящего тома». Таким образом, у тюркских народов, занимавших в бывшем СССР второе место по численности, нет своей истории в эпоху бронзы. Такая позиция ученых Института археологии Академии наук СССР (ныне Российской академии наук) не может не вызвать недоумения.

Создается впечатление, что в основе этой антинаучной позиции лежат скорее политические установки, чем объективное изучение научных фактов. Нет сомнения в том, что в свое время подобные установки давали уч-

ным сверху партийные идеологи. Приведем лишь два примера. В 1960 г. археолог С. С. Черников выпустил в Москве интересную книгу «Восточный Казахстан в эпоху бронзы», в которой, базируясь на добытом им археологическом материале, высказал «крамольные» мысли: носителей андроновской культуры, которых было принято считать ираноязычными, он справедливо назвал предками тюркских народов. На С. С. Черникова тут же обрушились с жесткой критикой некоторые археологи, плененные идеей об ираноязычности андроновцев. Еще более показательна история с книгой известного казахского писателя и ученого О. О. Сулейменова «Аз и Я» (Алма-Ата, 1975), в которой объективно показана прогрессивная роль тюркских народов в развитии всей мировой культуры. Руководство Академии наук СССР признало ее необъективной и даже вредной, и ее изъяли из обращения. Ни для кого не секрет, что такие меры применялись раньше лишь по приказу сверху.

Сознавая создавшуюся ситуацию, авторы данной работы, много лет посвятившие изучению древней истории и культуры тюркских народов, решили, не откладывая в долгий ящик, опубликовать хотя бы в тезисном порядке свою концепцию их этногенеза. Мы хотим привлечь к поднятой нами теме внимание объективно мыслящих ученых, с тем чтобы они своими исследованиями помогли установить научную истину.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ТЮРКСКИХ НАРОДАХ

Тюркоязычные народы относятся к самым многочисленным народам земного шара. Большая их часть издавна проживает в Азии и Европе. Они живут также на Американском и Австралийском континентах. Тюрки составляют 90 % жителей современной Турции, а на территории бывшего СССР их насчитывается около 50 млн, т. е. они составляют вторую по численности после славянских народов группу населения (Ежегодник БСЭ, с. 10).

В древности и раннем Средневековье существовало множество тюркских государственных образований: скифское, сарматское, гуннское, болгарское, аланское, хазарское, западное и восточное тюркские, Аварский и Уйгурский каганаты и т. д. Из них до настоящего времени сохранила свою государственность только Турция. В 1991–1992 гг. на территории бывшего СССР тюркские союзные республики стали независимыми государствами и членами ООН. Это Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан. В составе Российской Федерации обрели государственность Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия). В форме автономных республик в составе Российской Федерации имеют свою государственность тувинцы, хакасы, алтайцы, чувашаи.

В состав суверенных республик входят карачаевцы (Карачаево-Черкесия), балкарцы (Кабардино-Балкария), кумыки (Дагестан). Свою

республику в составе Узбекистана имеют каракалпаки, в составе Азербайджана – нахичеванские азербайджанцы. Суверенную государственность в составе Молдовы провозгласили гагаузы.

До настоящего времени не восстановлена государственность крымских татар, не имеют государственности ногайцы, турки-месхетинцы, шорцы, чулымцы, сибирские татары, караимы, трухмены и некоторые другие тюркские народы.

Не имеют своих государств и тюрки, проживающие за пределами бывшего СССР, за исключением турок в Турции и турок-киприотов. В Китае проживает около 8 млн уйгур, свыше 1 млн казахов, 80 тыс. киргизов, 15 тыс. узбеков (Москалев, 1992, с. 162). В Монголии проживают 18 тыс. тувинцев. Значительное число тюрков проживает в Иране и Афганистане, в том числе около 10 млн азербайджанцев. Число узбеков в Афганистане достигает 1,2 млн, туркмен – 380 тыс., кыргызов – 25 тыс. человек. Несколько сот тысяч турок и гагаузов живут на территории Болгарии, Румынии, Югославии, небольшое количество караимов – в Литве и Польше. Представители тюркских народов проживают также в Ираке (около 100 тыс. туркмен, много турок), Сирии (30 тыс. туркмен, а также карачаевцы, балкарцы). Тюркоязычное население имеется в США, Венгрии, Германии, Франции, Великобритании, Италии, Австралии и некоторых других странах (Языки народов СССР, 1966, с. 8–12).

Тюркоязычные народы с глубокой древности оказывали значительное влияние на ход всемирной истории, внесли существенный вклад в развитие мировой цивилизации. Однако подлинная история тюркских народов еще не написана. Немало неясного остается в вопросе об их этногенезе, многие тюркские народы до сих пор не знают, когда и на основе каких этносов они образовались.

В данной работе авторы высказывают ряд соображений по проблеме этногенеза тюркских народов и делают некоторые выводы, опираясь на новейшие исторические, археологические, лингвистические, этнографические и антропологические данные.

При освещении того или иного вопроса рассматриваемой проблемы авторы исходили из того, что в зависимости от эпохи и конкретной исторической ситуации какой-то вид источников – исторических, языковых, археологических, этнографических или антропологических – может иметь более или менее существенное значение для решения проблемы этногенеза данного народа. Однако ни один из них не может претендовать на принципиально ведущую роль. Каждый из них нуждается в перепроверке данными других источников, и каждый из них в каком-либо конкретном случае может оказаться лишенным реального этногенетического содержания.

С. А. Арутюнов подчеркивает: «Ни один источник не может быть решающим и преимущественным по сравнению с другими, в разных случаях разные источники могут иметь преобладающее значение, но в любых случаях достоверность выводов зависит прежде всего от возможности их взаимной перепроверки» (Арутюнов, 1989, с. 13–14).

При исследовании проблемы происхождения тюркских народов мы старались сопоставлять данные смежных наук и на этой основе делать научные выводы, хотя подобные сопоставления не всегда возможны из-за отсутствия достоверных источников по тому или иному аспекту вопроса в той или иной науке.

КОНЦЕПЦИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Не зная прошлой истории народов, в особенности их этногенеза, невозможно понять и современную их историю. Как отмечалось выше, проблема происхождения тюркских народов до сих пор остается спорной.

О тюркских племенах и народах писали многие древние и средневековые авторы: Гекатей, Гесиод, Геродот, Страбон, Плиний, Помпоний Мела, Птолемей, Мовсес Хоренаци, автор «Армянской географии» VII века Ананий Ширакаци, Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин, Хордадбех, Абу-л-Фида, Ибн Хаукаль и др. Однако одним из первых научных исследований по истории тюркских народов являются научные труды шведского офицера Ф. И. Табберт-Страленберга, служившего в 1713–1722 гг. в Сибири. Он был одним из создателей так называемой алтайской теории происхождения тюркских народов (*Кляшторный*, 1964, с. 5).

Описывая легенды тюркок-аринцев (хакасское племя) об их борьбе со змеями с человеческими головами и сравнивая с легендой о войне скифского племени невров со змеями, описанной Геродотом в IV книге его «Истории», Страленберг писал: «Не можем ли мы думать, что эти народы из числа потомков тех первых скифов, которые перешли из Азии в Европу, где они жили во времена Геродота» (*Страленберг*, 1888, с. 3–4).

В изучение истории и этнографии тюркских народов внесли свою лепту знаменитые ориенталисты и путешественники XVIII в. И. А. Гольденшtedт, П. С. Паллас, Г. Ю. Клапрот, оставившие весьма ценные сведения о быте, религии, языке и нравах многих народов, в частности карачаевцев и балкарцев (Адыги, балкарцы и карачаевцы, 1974).

В 1829–1830 гг. Крым, Карачай и Балкарию посетил известный венгерский ученый Жан Шарль де Бессе (Беш), занимавшийся изучением этногенеза и древней истории венгров. Он считал, что карачаево-балкарцы и венгры происходят от одного, общего предка. В своей книге «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь в 1829–1830 гг.», изданной в Париже на французском языке (переводами отдельных глав мы обязаны В. К. Гарданову), он писал: «Никакая другая нация не похожа так на венгров, как карачаевцы и дигоры» (Адыги, балкарцы и карачаевцы, с. 333).

Академик Э. И. Эйхвальд первым научно обосновал положение о том, что тюркские племена жили в Европе задолго до нашей эры.

Он писал: «К скифам причисляемы были нередко и разные турецкие поколения... Есть бесчисленные доказательства тому, что под скифами могли понимать и турецкие племена... Геродот упоминает тюррагетов и турков (кн. 4, с. 21)... Вверх по Днестру Геродот помещает турков, живущих охотой, Тирас или Тюрас (Днестр) до сих пор у турков называется Тур... Во всех изданиях имя их пишется *иурки-юрки* вместо *турки*... Племя тюрков упомянуто Плинием и Помпонием Мелой, у Страбона – тюррагеты... У Страбона встречается племя – урги. Это не встречается ни у одного древнего автора и, следовательно, неправильно переписано переписчиком. Описка могла быть в написании слов *тюрки* и *урки*» (Библиотека для чтения, с. 56–60, 63, 75–78).

На этих же позициях стоял другой российский академик А. Н. Аристов, который отмечал: «Весьма возможно, что часть скифов Геродота и других древних авторов принадлежала тюркскому племени, как полагают многие из новейших исследователей» (Аристов, 1896, с. 400).

Мнение Эйхвальда, Аристова и многих других авторов XIX в. о тюркском характере языка и культуры скифов разделяют и подкрепляют новыми фактами ряд последующих исследователей (Лаппо-Данилевский, 1887, с. 361; Мищенко, 1884, с. 50 и сл.; Ямпольский, 1966, с. 62–64; 1970, с. 10, 13; 1971, с. 35–36; Мизиев, 1990, с. 55; 1991, с. 41–49). О том, что среди скифов были тюркоязычные племена, писал во второй половине XVII в. первый русский переводчик геродотовской «Истории» А. Лызлов (См.: Чистякова, 1961, с. 117 и сл.).

Эта точка зрения базируется на том, что почти все древнегреческие и римские писатели – и среди них Гомер, Гекатей, Эсхил, Пиндар, Геродот, Гиппократ, Страбон, Помпоний Мела, Плиний, Птолемей – в один голос называли скифов и сарматов «конеядами», «доителями кобылиц, пьющими кумыс», «из кумыса сыр едящими» и т. п. (Латышев, 1890, 1896, 1904, 1906). Это был своего рода этнокультурный паспорт, выданный им древнегреческой и латинской (римской) традицией при первом же знакомстве с ними. Ясно, что потомкам древних индоевропейцев бросились в глаза совершенно чуждые им элементы культуры. Еще бы! Ведь ни один индоевропейский народ не сохранил ни единого из перечисленных элементов скифской культуры!

Однако многие историки царского времени, а по традиции и некоторые современные ученые, напуганные некогда борьбой официальных властей против так называемого *пантюркизма* или, возможно, боявшиеся всколыхнуть печальную память о гуннском, хазарском, половецком, татаро-монгольском нашествиях, тенденциозно освещали и освещают историю тюркских народов, искусственно «омолаживая» их возраст, подыскивая им своего рода «день рождения» лишь в эпохе хунну в Азии и гуннов в Европе. Вместе с тем подобного рода исследователи совершенно необоснованно считают чуть ли не главным этническим признаком тюрков монголоидность, тогда как лишь часть их приобрела монголоидные черты

при общении с людьми желтой расы, а абсолютное большинство тюрков в древности и настоящее время относились и относятся к белой европейской расе.

Большинство исследователей принижают уровень социально-экономического и культурного развития тюрков, отрицают их вклад в развитие мировой цивилизации. Нередко они показывают тюрков не создателями прогресса, а его разрушителями. Всю культуру тюркоязычных племен Сибири, Алтая, Средней Азии и Казахстана сторонники этой точки зрения преподносят исключительно как культуру иранских племен. Даже в учебном пособии «Историческая этнография Средней Азии и Казахстана» (М., 1980) искажена история казахского народа и народов Средней Азии. В этом пособии автор, С. П. Поляков, излагает старые концепции об ираноязычности древних жителей Средней Азии и Казахстана. По его мнению, тюрки пришли туда с Востока совсем недавно и отуречили местных ираноязычных жителей. Процессы ассимиляции происходили всегда, но не бывает так, чтобы малоразвитые народы, какими представляет С. П. Поляков тюрков, могли ассимилировать «высокоразвитых иранцев», если количественное соотношение было в пользу последних. Ведь известно, что многочисленное азербайджанское население в Иране, к примеру, до сих пор не отуречило иранцев, или же татары Поволжья не ассимилировали ни один из соседних народов и т. д. Остро критически относится С. П. Поляков к утверждению некоторых ученых о том, что саки, жившие в I тыс. до н. э. в Казахстане и Средней Азии, были тюрками. По его мнению, все племена, населявшие этот обширный регион в то далекое время, по языку принадлежали к индоевропейской семье языков, так как еще в VI в. до н. э. их объединяли общим именем «скифы». Позволительно спросить: а где неоспоримые факты, доказывающие ираноязычность скифов, кроме отдельных личных имен, по которым вряд ли можно судить о языке в целом? Да и к тому же многие имена взяты с надмогильных плит Ольвии и других греческих городов Северного Причерноморья, где захоронены купцы со всего света. Конечно же среди них могли быть и лица с иранскими именами, но разве это является основанием для подобных категорических заявлений?

Господствующая, можно сказать, официальная, точка зрения на этногенез тюркских народов сводится к тому, что их предки в последние века до нашей эры (чаще всего называют III в.) обитали где-то на востоке, на территории, лежащей между Алтаем и Байкалом (История СССР, 1975, с. 18–19),

Ряд ученых не разделяет этого мнения, так как в указанном регионе нет истоков для формирования этнокультурного облика древних тюркских племен – ни в эпоху развитой бронзы, ни в эпоху неолита, когда повсеместно особенно интенсивно идут процессы этнообразования. Эта группа ученых считает прародиной тюркских племен Волго-Уральское междуречье с примыкающими сюда регионами. Алтай, Южная Сибирь и Прибайкалье, возможно, были их второй прародиной, откуда они снова двигались в Европу и Западную Азию, где их и застают древние авторы.

Вот что писал по этому поводу выдающийся венгерский тюрколог Юлиус Немет: «Как известно, древнейшие территории, где жили тюрки, обыч-

но относят к Центральной и Восточной Азии. В противоположность этому я высказал мнение о том, что, согласно языковым данным, древнейшие предположительные территории заселения тюрков следует искать в Западной Азии. Тюркские племена, видимо, не следует отрывать от уральских, и нет оснований относить первоначальные территории уральских племен к Средней Азии или Восточной Азии» (*Немет*, 1963, с. 127–128).

Эту концепцию академик Немет выдвинул еще в 1912–1914 гг. после детального изучения языка и истории венгров, балкарцев, карачаевцев, кумыков, татар и ряда других народов, населявших Восточную Европу с древнейших времен (*Немет*, 1912).

Концепцию Ю. Немета поддерживают: известный польский тюрколог А. Зайончковский, российские ученые – историк и лингвист З. М. Ямпольский и антрополог В. П. Алексеев, азербайджанский лингвист М. Ш. Ширалиев, казахский писатель и ученый О. О. Сулейменов, археолог Э. Б. Вадецкая, авторы этих строк и др.

«Долгое время считалось, – пишут М. Ширалиев и С. Асадуллаев, что история тюркских языков начинается с орхоно-енисейских памятников, так как они считаются самыми древними памятниками тюркских языков. А между тем известно, что до нашей эры и в начале нашей эры на территории от Уральских гор до западной части Европы были расселены древние тюркские племена» (*Ширалиев, Асадуллаев*, 1970, с. 8). К тому же, нельзя забывать, что задолго до Орхонских надписей, еще в I в. н. э., у гуннов была своя руническая письменность (*Сарткожа улы Каржаубай*, 1991, с. 440–441).

Отрадно отметить, что в последнее время наметилась тенденция отхода от старых квазинаучных стереотипов и подлинно научного подхода к изучению фактов и явлений, исторических, этнических, языковых, антропологических и иных процессов. Так, видные украинские скифологи В. И. Ильинская и В. А. Тереножкин, основываясь на новейших данных науки, заявили о том, что скифская культура звериного стиля своими корнями связана с тюркоязычными народами Сибири и Алтая, где не могло быть иранского населения (*Ильинская, Тереножкин*, 1983).

Важнейшую научную проблему о времени заселения древними тюрками территории Причерноморья, Передней Азии и Кавказа исследовал талантливый лингвист и историк З. И. Ямпольский, опубликовавший результаты своих исследований в 50–70-х годах в Ученых записках Азербайджанского государственного университета. Опираясь на труды Геродота, Помпония Мелы, Плиния Старшего и Страбона, он доказал, что тюрки жили в названных регионах не позже V в. до н. э. а может быть, и значительно раньше (*Ямпольский*, 1966, 1970, 1971). Ученый подчеркивает: тюрки и «языки тюркского типа» существовали с очень древних времен. При этом он опирается на высказывание И. М. Сеченова, что так называемое двойное верхнее веко, типичное для большинства тюрков Азии, «имеется у всех человеческих существ в утробный период, и предполагал, что антропологический тип с таким веком вообще был первым» (*Ямпольский*, 1966, с. 62).

Весомый вклад в учение этногенеза азербайджанского народа и всех западных тюрков внесли азербайджанские ученые С. С. Алияров (1984),

Г. А. Гейбуллаев (1986, 1991), Ю. Р. Джафаров (1985) и др., научно доказавшие, что в Западной Азии и Восточной Европе тюрки жили задолго до нашей эры и принимали активное участие в развитии этих регионов.

Большим подспорьем в изучении этногенеза народов, в том числе тюркских, стал капитальный труд члена-корреспондента Российской академии наук выдающегося этнографа С. А. Арутюнова «Народы и культуры: развитие и взаимодействие» (М., 1989), в котором автор рассмотрел на конкретных примерах жизни различных древних и современных народов общие закономерности, по которым происходит складывание и развитие этнических особенностей культуры, самосознания, языка. Можно надеяться, что по мере освобождения науки от влияния идеологии старые догматические представления постепенно уйдут в небытие и научная истина восторжествует.

ВОЛГО-УРАЛЬЕ – РОДИНА ПРОТОТЮРКОВ

В период первобытно-общинного строя племена и группы родственных племен являлись основной формой существования этнических общностей. С началом разложения первобытного общества и появлением «военной демократии» возникают племенные союзы крупного масштаба, нередко сопряженные с миграциями на значительные расстояния, с завоеваниями, с подчинением других племен и с их последующей ассимиляцией. С формированием классовых обществ и государств формируются и устойчивые этносы, получившие в литературе наименование народностей.

Быстрый этногенетический процесс начался при неолите (VIII–III тыс. до н. э.). Тогда же человечество начало переход от присваивающего к производящему хозяйству. В бронзовом веке, особенно начиная с IV тыс. до конца II тыс. до н. э., в Европе и Азии сложилось большинство крупных языковых семей: бантоидной, индоевропейской, семито-хамитской, тюркской, китайско-тибетской. Распространение языков этих семей происходило первоначально на сравнительно небольших территориях, занимаемых компактными соплеменностями. На их базе сформировался и вырос ряд мощных племенных союзов, обладавших военным потенциалом, комплексной земледельческо-скотоводческой экономикой и в связи с высокой ролью скотоводства – большой подвижностью (Арутюнов, 1989, с. 75).

По мнению С. А. Арутюнова, «расселение древних арабов и евреев, германцев, кельтов, славян, иранцев и индоарийцев, тибето-бирманцев и тюрков происходило именно в форме экспансии и ассимиляторской активности мощных племенных союзов» (Там же).

В настоящее время большинство тюркологов склонно считать прародиной тюрков Алтай, Южную Сибирь и Прибайкалье. Мы же склонны считать их первоначальной родиной Волго-Уральский регион, откуда тюркские племена в IV–III тыс. до н. э. расселились во многие регионы Азии и Европы.

Волго-Уральский регион, особенно его степная и лесостепная зоны, имел благоприятные природные условия для быстрого развития населявших его этносов. Здесь имелись и отличные пастбища для скота, леса, богатые дичью и зверем, реки и озера, изобилующие рыбой, залежи полезных ископаемых. Именно Урал наравне с Алтаем, Южной Сибирью и Кавказом (Прикубанский очаг металлургии в верховьях Кубани в Карачае), стал одним из первых центров металлургии, и это имело важнейшее значение для ускоренного хозяйственного развития Урала и смежных с ним районов.

Этот регион был одним из тех, где люди, начиная XIII тыс. до н. э., впервые стали одомашнивать диких животных. Особенно важное значение имело одомашнивание дикой лошади в IV тыс. до н. э. в степной и лесостепной зоне Урала, Поволжья, Северного Прикаспия, Северного Причерноморья, Северного Кавказа, а также в степях Казахстана и Туркменистана. Ученые установили, что именно отсюда распространилась она на другие районы мира. В самом передовом земледельческом регионе мира – Передней Азии – лошадь появилась только около середины II тыс. до н. э. (Потому-то в индоевропейских языках нет единого корня для названия лошади). Верхом или на колесницах, запряженных лошадьми, можно было быстро проехать большие расстояния, что было особенно важно для животноводов-кочевников и воинов, каковыми являлись древние тюрки (Материальная культура, 1989, с. 33–35, 160–161).

Ускоренному развитию Волго-Уралья способствовал и такой немаловажный географический фактор: регион расположен на стыке Европы и Азии, и через него в течение тысячелетий проходили с запада на восток, с севера на юг и в других направлениях многочисленные племена. Здесь смешивались различные этносы, которые были далекими предками тюркских, финно-угорских и других народов. Еще при мезолите и неолите рассматриваемый регион был густо заселен. В нем складывалась культурная мозаика, переплетались различные традиции, и регион являлся контактной зоной различных культурных течений. По мнению археологов, сюда проникало население из Черноморья, Приднепровья, с Северного Кавказа, из Прикаспия, Приаралья, Казахстана и Западной Сибири. Немаловажное значение имели и обратные миграции племен из этого региона (Членова, 1981, с. 23–24). Судя по небольшим размерам поселений, люди жили подвижной, кочевнической жизнью. Они обитали в пещерах, шалашах, небольших утепленных землянках и полуземлянках, иногда напоминавших позднейшие юрты (Матюшин, 1989, с. 91–92).

Границы южно-уральской мезолитической (ангельской) культуры смыкались на юге с областями распространения родственных культур на территории нынешнего Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, а на вос-

токе – в Западной Сибири – ее граница проходила по реке Тобол (Там же, с. 144, 146–147). По мнению археолога Г. Н. Матюшина, в эпоху мезолита по обе стороны Уральскою хребта развивались две группы населения, по-видимому, разного происхождения, которые прошли длительный путь развития на протяжении нескольких тысячелетий (Там же).

Археолог Г. Ф. Коробова в своей обобщающей статье «Мезолит Средней Азии и Казахстана» пришла к выводу, что мезолитические культуры Восточной Европы, Западной Сибири и Средней Азии почти идентичны, только имеют разные варианты. По ее убеждению, ошибаются те ученые, которые утверждают, что эта высокая культура пришла в названные регионы из Передней Азии, в частности из Северного Ирана и Северного Афганистана, хотя сходство между нею и культурами Среднего Востока имеются. «Но в целом, – пишет она, – индустрия Восточного Прикаспия, обладая целым рядом особенностей, представляет собой самобытное явление» (Коробова, 1989, с. 152). Г. Ф. Коробова полагает, что прикаспийская культура «генетически восходит к местному верхнепалеолитическому пласту». Она справедливо считает, что племена – носители прикаспийской мезолитической культуры – имели известные культурные контакты с племенами Передней Азии, и именно этим объясняется наблюдаемое в отдельных чертах сходство между культурами племен Восточного Прикаспия, и Передней Азии в эпоху мезолита, в XI–VII тыс. до н. э. (Там же, с. 152–154).

Подобная мезолитическая культура в указанный период существовала и на территории Узбекистана (устюртская культура). Археолог Е. Б. Бижанов, открывший ее, считает что эта культура местного происхождения, сформировавшаяся под воздействием мезолитических культур Прикаспия и Южного Урала (Бижанов, 1982, с. 33).

В мезолитическую эпоху и позднее исключительно велика была роль Кавказа как места, соединявшего Европу с Передней Азией. Социально-экономические преобразования в степной и лесостепной части этого важного региона происходили одновременно с преобразованиями в предкавказских регионах и нередко отражались здесь на процессе этнообразований.

Базировавшиеся на достижениях мезолитического периода отдельные племена Евразийских степей в IV тыс. до н. э. научились доить скот, получать молоко и молочные продукты, употреблять мясную пищу. Мускульную силу одомашненных животных сначала использовали для перевозки вьюков, затем стали запрягать их в сани, волокуши, а с появлением колеса стали использовать в качестве тягловой силы.

На основе мезолитических культурно-экономических достижений в Евразийских степях, особенно в Волго-Уралье, на рубеже IV–III тыс. до н. э. сформировалась степная, так называемая древнеямная, или курганная, культура. Курганная насыпь как неотъемлемый элемент степного пейзажа является своего рода этнокультурным паспортом степных кочевников-скотоводов. В степи курган насыпался для того, чтобы при частых перекочевках не затерялось место погребения сородичей. Для оседлых зем-

ледельческих племен подобное сооружение не требовалось, могилы устраивались в пределах многовековых, оседлых поселений, даже в самом жилище.

Древнеямная культура получила свое название по специфическому погребальному сооружению: вырывалась просторная, обычно прямоугольная яма, дно которой устилалось камышом, травой, войлоком, стены облицовывались бревнами – срубом. Поверх ямы устраивался накат из бревен в несколько слоев, а затем все это накрывалось земляной курганной насыпью. Усопшего укладывали в могиле чаще всего на спину, головой на юго-восток и восток, ноги его обычно были согнуты в коленях. Дно могильной ямы и сам косяк обильно обсыпали красной охрой (Мернет, 1974). Так курганная культура получила свое рождение в степях Волго-Уральского междуречья.

В наиболее ранних курганных погребениях вместе с умершим клали очень бедный инвентарь; чаще всего это были ножевидные кремневые пластинки с ретушированными краями, поделки из трубчатых костей и рогов животных. Как правило, в изголовье клали части туши жертвенной овцы – в основном это были черепа, лопатки, астрагалы (альчики).

Степняки-кочевники мало пользовались керамикой, так как при частых перекочевках она была непрактична. Лишь иногда в погребениях обнаруживаются плохого качества и обжига круглодонные с широким туловом или остродонные яйцевидные глиняные сосуды грубой ручной лепки из низкокачественной глины. Поверхность таких сосудов шлифовалась пучком травы и покрывалась сплошными нарезками, насечками.

В более поздних погребениях обнаруживаются изделия из меди: ножи, кинжалы, стрелы, шилья и пр.

Подвижной характер жизни «древнеямников» затрудняет возможность отыскать их поселения. Археологи таких поселений почти не знают, за исключением небольших временных стоянок в долинах рек.

Кочевой образ жизни вызывал необходимость использования тягловой силы животных и повозок.

Отмеченные выше основные признаки древнеямной, или курганной, культуры позволяли выделить памятники древнейших кочевников на больших территориях, далеко отстоящих от района их прежнего пребывания.

Таким образом, различные группы скотоводческих племен, соприкасаясь с древнейшими центрами производящего хозяйства и подвергаясь их влиянию, приспособивали достижения последних к специфике естественных условий своего существования. В степных, горных, полупустынных областях появились коллективы, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство в подвижных его формах (отгонное, полукочевое, а далее и кочевое), резко ограничивающих или даже исключаящих возможность одновременной земледельческой практики.

Земледельческие племена, сталкиваясь со скотоводческими, перенимали у них новейшие достижения их культуры, навыки разведения ско-

та и ухода за ним, пользовались способами передвижения на значительные расстояния. Нередки случаи, когда не только скотоводы-кочевники становились оседлыми земледельцами, но и земледельцы становились скотоводами-кочевниками (*Мизиев, 1990, с. 16*).

Перемещения древних земледельцев-индоевропейцев в конце IV тыс. до н. э. совпадают с миграцией по Евразийским степям древнейших кочевых скотоводов-«древнеямников», которые, по нашему мнению, являлись далекими предками тюркских народов, хотя этническую принадлежность носителей местных неолитических и энеолитических культур Поволжья и Урала установить нелегко. Некоторые ученые считают их далекими предками современных финно-угорских народов (*Бадер, 1972; Халиков, 1969, с. 370–387*).

Признавая совместное проживание в течение нескольких тысячелетий в Волго-Уралье далеких предков финно-угров и тюрков, мы в то же время считаем, что в лесостепной и особенно степной зоне этого региона преобладающим населением являлись прототюрки. Ставить вопрос в таком ракурсе нам позволяет тот неоспоримый факт, что комплекс этнокультурных элементов волго-уральских «древнеямников» почти без изменений сохранялся в быту и культуре всех тюркоязычных народов Евразии вплоть до XVI–XVII вв. Среди этих специфических черт отметим следующие:

- 1) курганная насыпь;
- 2) захоронения в срубках, деревянных колодах, на повозках;
- 3) войлочная или камышовая подстилка в могиле;
- 4) сопровождение усопшего жертвенными конями или овцами;
- 5) подвижной скотоводческий быт;
- 6) употребление в пищу конины и кумыса;
- 7) войлочные временные жилища – стоянки.

Анализ отмеченных этнокультурных черт позволяет окинуть широким взглядом историю и культуру евразийских племен и народов.

Историко-археологические исследования показали, что в конце IV–начале III тыс. до н. э. основные территории скотоводческих племен значительно расширились вслед за увеличением количества их стад и значительным расширением пастбищ для скота. На огромной территории от Эмбы на востоке до Днестра на западе сложилась культурно-историческая область, получившая название *древнеямной*. Обширная степная полоса, занятая этой областью, непосредственно соприкасалась с тремя раннеземледельческими центрами – Европой, Передней Азией и Средней Азией. С этих пор степные пространства из фактора, разделявшего племена, превратились в фактор, объединяющий их. Эти пространства способствовали значительным перемещениям больших групп скотоводов, облегчали процесс смешения и ассимиляции древних племен, а также давали возможность быстрого распространения экономических и культурных достижений как самих скотоводческих племен, так и населения других областей, с которыми соприкасались древние кочевые племена. Именно поэтому сложение первой и древнейшей культурно-исторической области знаме-

новоало собой первую ступень широкого освоения степных пространств, распространения в них производящих форм экономики, т. е. разведение скота и выработки подвижных, кочевых форм ведения хозяйства.

На такой огромной территории культура древнейших кочевников не могла оставаться единообразной и видоизменялась в соответствии с миграцией или диффузией из древнейшего очага зарождения (Волго-Уральского междуречья), обогащаясь достижениями культуры и экономики иных племенных групп, с которыми кочевники вступали в контакт. В силу этих причин древнеямная культура в период наивысшего расцвета распадалась на девять локальных вариантов, имеющих свои общие и специфические особенности. Исследования показали, что это были Волго-Уральский (наиболее древний), Предкавказский, Донской, Северодонецкий, Приазовский, Крымский, Нижнеднепровский, Северо-западный и Юго-западный варианты, которые, имея отдельные отличительные черты, объединялись единообразием погребального обряда и общностью керамики.

Очень важно, что названные локальные варианты древнеямной кочевнической культуры IV–III тыс. до н. э. почти буквально совпадают с такими же вариантами культуры средневековых кочевников.

Древнеямная культура	Хазарская культура	Половецкая культура
Волжско-Уральский	Средневожский	Поволжский
Предкавказский	Дагестанский	Предкавказский
Приазовский	Приазовский	Приазовский
Крымский	Крымский	Крымский
Донской	Нижнедонской	Нижнедонской
Северодонецкий	Верхнедонской	Донецкий
Северо-западный	Дунайский	Приднепровский

Эта схема свидетельствует о том, что степные просторы Восточной Европы с конца IV тыс. до н. э. по XI–XII вв. н. э. занимали племена с примерно одинаковым хозяйственно-экономическим укладом, сформировавшие стойкое кочевое общество, удачно и прочно приспособленное к степному ландшафту.

В связи с этим выводом уместно вспомнить слова Н. Я. Мерперта: «Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего поселка, даже своего дома... В степи же курганы являются определенной закономерностью, обусловленной и естественными, и психологическими предпосылками. Здесь курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами, с древнеямских до половецких и татарских – во времени, от монгольских на востоке до паннонских на западе и южнубийских на юге – в пространстве» (Мерперт, 1974, с. 84).

Основываясь на общей характеристике этой культуры, попытаемся проследить различные этапы и пути миграции ее, а также выяснить, в каких

позднейших культурах продолжала бытовать ее основная этнокультурная сущность и как далеко ее компоненты проникали в соседние общности древних племен. Но при этом надо иметь в виду, что, когда речь заходит о перемещениях древних племен, необходимо в каждом конкретном случае выявлять не отдельные элементы, вырванные из общего комплекса культуры, а возможно полный набор этнокультурных признаков. Да и в этом случае необходимо выяснять, было ли обнаружение тех или иных черт отдельной культуры вдали от основной территории ее зарождения связано с миграцией этой культуры или же это результат контактов с соседями.

Конечно, передача предметов быта, как и распространение идей, служит в определенной степени указанием на миграцию людей. Но поскольку наличие одних археологических предметов, взятых в отдельности делает сомнительным решение этих вопросов, археологи давно придерживаются того мнения, что если «движение вещей» в эпоху неолита и бронзы не сопровождается «движением» керамики, которую за редчайшим исключением вряд ли могли экспортировать в древности из-за хрупкости, то говорить о перемещениях этнических групп нет достаточных оснований. Если даже наблюдаются отдельные сходные черты в профилировке и орнаментации сосудов, все же крайне рискованно видеть за этим сходством этнические перемещения, так как детали эти нередко могут оказаться результатом культурных связей и заимствования технологических навыков соседей. Поэтому делать выводы о теистических связях населения только на основании сходства керамики нецелесообразно. Между тем, когда подвижный археологический инвентарь – украшения, оружие и прочие предметы, чаще всего являющиеся предметами обмена, сочетается с керамикой, а все это вместе поддерживается сходством погребального обряда – самого стойкого этнического признака, тогда говорить об этнических перемещениях можно достаточно обоснованно. Именно последний случай и наблюдается в процессе миграции носителей древнеямной (курганной) культуры (*Мизиев, 1990, с. 18*).

Древнейшие кочевые племена Волго-Уралья были европеоидами, но среди них встречались и типы с незначительными монголоидными, вернее, лапаноидными, чертами (*Герасимов, 1955*). Носители древнеямной культуры, т. е. древнейшие кочевники-овцеводы, в конце IV – начале III тыс. до н. э. веерообразно распространялись из Волго-Уральского очага на север в среду угро-финских племен. Они вступали здесь в тесный контакт с коренным населением, чем мы склонны объяснять массу тюркизмов в языке финно-угров, и наоборот.

Из отмеченного очага древние курганники распространялись на запад и смешивались здесь с племенами древней поздне трипольской культуры. Этим объясняется проникновение тюркизмов и элементов тюркской культуры в среду праславянских племен Северо-Причерноморских степей.

Ушедшие на юго-запад древнейшие кочевники вступали в тесный контакт с племенами Древнего Предкавказья. Отсюда они проникали на территорию будущих Азербайджана, Грузии, Армении, в Переднюю и Малую

Азию, где вступали в контакт с древнейшими оседлыми племенами земледельцев. Некоторые из них стали заниматься также земледелием, оседали на земле. Наравне с кочевым появилось и отгонное животноводство.

При миграции на восток древнеямники смешивались с племенами желтой расы, многие из них постепенно приобретали монголоидные черты. Там, в степях Саяно-Алтайского нагорья, Средней Азии и Казахстана, они стали одним из основных компонентов сформировавшихся тюркских народов: казахов, кыргызов, хакасов, алтайцев, тувинцев, уйгур, якутов, узбеков, туркмен и др.

Через Юг Туркменистана и Приаральские степи древнейшие кочевники проникали в Северный Иран и Афганистан, где также сталкивались с древнейшими земледельческими племенами.

Древнеямники, расселившиеся в западном и юго-западном направлениях, сохранили, свой европеоидный облик и явились основными слагаемыми в процессе этногенеза древних кавказских булгар, карачаевцев, балкарцев, кумыков, азербайджанцев, турок-османов и др.

Безусловно, на древней прародине оставалась значительная часть древнеямников. Они послужили основой формирования поволжских тюркоязычных народов: татар, башкир, чувашей.

Мы полагаем, что, столкнувшись с встречным движением восточных племен на запад, древнейшие пратюркские племена, проникшие в Среднюю Азию, Алтайское нагорье, Саяны, Прибайкалье с запада, вынуждены были потом двигаться в обратном направлении в Восточно-Европейские степи. Видимо, тяга к древнейшей прародине и историческая память заставили древних булгар и хазар неоднократно возвращаться в степи Поволжья и Приуралья. Наши исследования приводят к выводу о том, что Алтай, Южная Сибирь, Прибайкалье были вторичной прародиной древних тюркских племен, откуда они волна за волной рвались в Европу с первых веков нашей эры.

Следы влияния культуры древнеямников Волго-Уралья на культуру племен соседних регионов выявили исследования М. П. Грязнова, О. А. Кривцовой-Граковой, С. В. Киселева, Н. Я. Мерперта, А. Х. Халикова, Н. Л. Членовой, К. А. Акишева, И. И. Артеменко и других археологов. Так, по мнению Н. Л. Членовой, активные связи археологических культур, первоначальной родиной которых был Волго-Уральский регион, функционировали на огромной территории на протяжении многих тысячелетий. Она пишет, что керамика с чрезмерно вытянутыми заштрихованными треугольниками найдена в Прибайкалье, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, Северном Афганистане, на Украине и в Болгарии. Общая протяженность этой культуры от Енисея до Болгарии более трех тысяч километров (Членова, 1972, с. 120–126; 1981, с. 22–26).

Выводы Н. Л. Членовой подтверждает В. И. Молодин, опираясь на результаты своих исследований в Барабинской степи (Западная Сибирь). По его словам, погребальный обряд барабинцев полностью совпадает с обрядом ямников. Автор вскрывает уникальную преемственность барабин-

ской культуры с ямной культурой Волго-Уралья. По его убеждению, носители ямной культуры пришли на Барабу с севера и северо-запада в конце неолита (*Молодин, 1985, с. 75–77, 171*).

Ретроспективное изучение историко-этнографических и этнокультурных особенностей тюркских народов – курганный обряд, погребения в срубах и деревянных колодах, устилание дна могилы травой, камышом, войлоком, сопровождение усопших жертвенными конями, употребление в пищу кумыса и конины, подвижной овцеводческий характер жизни, проживание в войлочных шатрах – приводит к выводу о том, что генетически эти элементы восходят к древнеямным, андроновским, срубным и скифским племенам. Иными словами, есть основания считать древнеямную, или курганную, культуру праосновой формирования этнокультурных особенностей древнейших пратюркских племен Евразийских степей.

Древнейшая история прототюркских или протоалтайских племен начинается с появлением курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка. Все это позволяет пересмотреть вопрос о древнейшей прародине тюркских племен в пользу Волго-Уральского региона. Именно там в конце IV тыс. до н. э. появились первые курганы, тогда как на Алтае археологи не обнаруживают древних истоков этнокультурных особенностей тюркских народов ни в эпоху бронзы, ни в эпоху неолита.

Но, видимо, нельзя отрицать наличия каких-то древнейших пратюркских этносов в Центральной Азии до прихода туда основной массы пратюрков из Волго-Уралья. Это согласуется с утверждением В. П. Алексеева о том, что в степях по Енисею и западных районах Монголии изначально проживало и население европеоидного облика (*Алексеев, 1989, с. 353*).

Если верны выводы лингвистов о том, что тюркские языки обособились в IV тысячелетии до н. э., наша точка зрения получает и в прямом и переносном смысле материальное подтверждение в виде археологического материала древнеямной, афанасьевской культур, представляющих ямно-афанасьевскую общность, которая явилась прообразом культуры древних тюркских племен (*Мизиев, 1990, с. 42*).

Историко-культурная преемственность включает и преемственность духовную. Если во многих случаях люди под влиянием различных факторов не могут сохранить языковую и антропологическую преемственность, то религиозные представления людей сохраняются в течение длительного времени. Так, древний обряд похорон у тюрков, связанный с их миропониманием, сохранялся в течение многих столетий. Древняя могила являет собой не что иное, как модель мира: подземная ее часть символизирует нижний мир (подземный мир), надземная – верхний мир. Кроме того, существовал и небесный мир, где, по древним верованиям, обитали божества. Ориентировка покойника головой на восток, запад, юг, север также имела прямую связь с мировоззрением людей (север и запад связывали с закатом солнца, а юг и восток – с его восходом). Идея

совмещения в человеке двух противоположных начал – темного и светлого – лежала в основе всего первобытного мировоззрения людей (Эпоха бронзы, 1987, с. 430).

Все первобытные люди поклонялись прежде всего солнцу, луне, звездам. Все это находило отражение в их практической деятельности.

С появлением религий, признающих единого Бога (христианства, ислама и др.), мировоззрение постепенно трансформировалось. Поскольку мировоззренческие установки и ценностные ориентации народов складывались на протяжении всего развития этносов, элементы старых взглядов, а в ряде случаев и отдельные аспекты архаической системы представлений сохраняются в разных областях общественного быта и фольклора. Эти вопросы освещены в ряде специальных работ, к которым и отсылаем читателя (Раевский, 1977; Джуртубаев, 1991; Серебрякова, 1992 и др.).

ЯМНО-АФАНАСЬЕВЦЫ И ИХ НАСЛЕДНИКИ В ЮЖНОЙ СИБИРИ

В III тыс. до н. э. Южная Сибирь была заселена пришедшими с запада племенами, генетически связанными с древнеямниками. В «Истории народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней» (М., 1986) сказано: «В Южной Сибири в эпоху бронзы распространяется афанасьевская культура, в III тыс. до н. э. в Горном Алтае возникает южносибирский очаг обработки металлов, афанасьевцы ведут комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. В 1600–1400 гг. до н. э. афанасьевская культура сменяется андроновской, распространенной от Хакасско-Минусинской котловины до реки Урал. Андроновцы – скотоводы, они пользуются боевыми колесницами, используют четырехколесные телеги» (с. 10).

До проникновения афанасьевцев неолитические племена Сибири почти не знали скотоводства, у пришлых же афанасьевцев с самого начала существовали очень развитые формы этого вида хозяйствования. В силу этой и других причин еще в 1941 г. академик А. П. Окладников определил, что «афанасьевская культура чужда всему, что характеризует сибирский неолит» (Окладников, 1941, с. 9–14).

Археолог Э. Б. Вадецкая подчеркивает «принадлежность афанасьевцев к европеоидной расе, в то время как население соседних областей было монголоидным или смешанным; отсутствие связей афанасьевской культуры с местной неолитической; значительное сходство сибирской культуры с расположенной далеко на западе ямной и, наконец, единообразие афанасьевских могильников. Культурно-историческое единство ямных и афанасьевских племен проявляется в их материальной и духовной общности (погребальный обряд), экономике (скотоводческое производящее хозяй-

ство), в близких формах керамики, в принадлежности к одному антропологическому типу» (*Вадецкая*, 1986, с. 22). Место сложения афанасьевской культуры «могло быть где-то к западу от Алтая, а исходной территорией могла быть восточная граница ямной культуры. Племена ямной культуры продвигались из междуречья Волги и Урала на запад вплоть до Балканского полуострова. Но, став подвижными скотоводами, они продвигались, очевидно, не только далеко на запад, но и на восток, по степям, им привычным» (Там же).

Ямно-афанасьевская этнокультурная общность до прихода на Енисей некоторое время находилась на территории нынешнего Казахстана, Западной Сибири, а затем – на Алтае, причем не только в степях, но и в горах. Захоронения, аналогичные ямным, археологи нашли и в районах Караганды, на реке Тобол, в Верхней Алабуге и Убагане (*Евдокимов*, 1983, с. 436).

Ныне большинство ученых не отрицает того факта, что афанасьевская культура, как и ямная, формировалась в Поволжье и Приуралье. Некоторые авторы заметно расширяют эту территорию, включая в нее Западную Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, Приаралье, Восточный и Северный Прикаспий и Северное Причерноморье, а также Приднепровье. Знаток истории Сибири С. В. Киселев указал на наличие культурных связей афанасьевцев с ямными племенами Причерноморья и Средней Азии (*Киселев*, 1949, с. 364).

Академик В. П. Алексеев после изучения большого палеоантропологического материала из памятников афанасьевской, андроновской и сходных с ними культур пришел к выводу о том, что «эти культуры формировались в западных и центральных районах Казахстана и в Южном Приуралье» (*Алексеев*, 1989, с. 197).

Афанасьевская культура просуществовала в Южной Сибири с III тыс. до XVII в. до н. э. Ее сменила андроновская культура, генетически связанная с ямной (XVII–XI вв. до н. э.). Последняя была сменена карасукской (XI–VIII вв. до н. э.), а та – тагарской (VII–I вв. до н. э.), тагарская же культура – таштыкской (I в. до н. э. – V в. н. э.) (*Вадецкая*, 1986, с. 168).

Почти все специалисты отмечают высокий уровень названных культур, генетически восходящих к древнеямной, их большой вклад в мировую цивилизацию. Носители этих культур на протяжении трех с половиной тысяч лет имели хорошо развитое для того времени полнокровное скотоводческое хозяйство, в котором основную роль играло овцеводство. Значительным подспорьем в их экономике были рыболовство, охота и другие промыслы. Эти племена употребляли в пищу мясомолочные продукты, занимались обработкой кожи, шерсти, мехов. Основными орудиями были топоры, кинжалы, ножи, лук со стрелами, иглы, шилья, скребки и т. п. В качестве украшений они использовали зубы и клыки лисицы, медведя, сурка, астрагалы и фаланги козули, лося и т. д.

По данным профессора Л. Р. Кызласова, уже в афанасьевский период племена Южной Сибири широко применяли не только каменные, но и металлические орудия труда и оружие. Именно тогда Алтай становится одним из мировых центров металлургии. Тогда же в общественной жиз-

ни южносибирских племен утверждаются нормы патриархата (*Кызласов, 1986, с. 291–292*).

Племена Южной Сибири и прилегающих районов в андроновское время, как и прежде, предпочитали шерстяную одежду, вязаные и кожаные шапки, обувь из меха и кожи. Узоров на одежде стало больше. Куртки и штаны делались из овчины и меха, появились собольи шубы и шапки (когда гунны появились в Европе в собольих шубах и шапках, европейцы решили, что они сшиты из шкурок крыс и мышей. – *Авт.*). В то же время появились золотые и серебряные украшения, а также лощеная посуда. В андроновский период мужчины и женщины носили косы, причем мужчины, как правило, оставляли косу на макушке, а остальные волосы на голове сбрасывали. Женщины укладывали косы на затылке (*Там же, с. 131–137*).

В искусстве потомков ямно-афанасьевцев и андроновцев, вплоть до их позднейших потомков – скифов – господствовал звериный стиль. Они создавали великолепные золотые и серебряные украшения. У носителей карасукской, а особенно татарской и таштыкской культур ювелирное искусство достигло очень высокого уровня. В таштыкский период почти все могилы были срубными. Поверхность могил таштыкцы обкладывали овальными или квадратными каменно-земляными насыпями. У тагарцев все чаще встречаются захоронения с ориентировкой покойника головой на восток, трупосожжение (как у гуннов), каменные изваяния (балбалы) над могилами. В течение всего рассматриваемого периода, т. е. с III тыс. до н. э. по V в. н. э., погребальный обряд у афанасьевцев и их потомков усовершенствовался, но не менялся кардинально. Это дает веское основание считать весь названный ряд древних племен одной историко-этнической общностью, генетическое родство в которой прослеживается от ямно-афанасьевцев до скифов, сарматов и гуннов.

В связи с изложенным, укажем на весьма интересное наблюдение Э. Б. Вадецкой, которая подметила существование ряда очень сходных черт, даже идентичность многих элементов у таштыкской и забайкальской гуннской культур, особенно в обряде захоронения. В обеих культурах на дне могильных ям имелись срубы и гробы в срубках. На поверхности земли могилы обозначались невысокими надмогильными сооружениями. «Наиболее похожи таштыкские могилы на те хуннские, – пишет исследователь, – которые имеют низкий сруб, крытый горбылями... Умершего сопровождали астрагалы и ритуальная пища – определенные части туши овцы, поверх сруба клали голову жертвенного животного и его шкуру» (*Вадецкая, 1986, с. 143*). Значительное сходство отмечает она и в материальной культуре таштыкцев и гуннов: «Специфические таштыкские изделия типа булавок, застежек, амулетов, нашивок, пряжек и серег находят свои прототипы у хуннов Забайкалья» (*Там же*).

Говоря о сходстве культур сарматов и гуннов, Э. Б. Вадецкая выделила особый, сарматско-гуннский период истории Южной Сибири. Она весьма существенно подкрепила гипотезу о том, что ямная культура, постепенно перешедшая в афанасьевскую, андроновскую и срубную, очень сходна в

основных чертах с гуннской и таштыкской (с. 167). А поскольку таштыкцы – потомки афанасьевцев, стало быть, таковыми являются и гунны.

Е. А. Окладникова, исследовавшая граффиты (наскальные рисунки) Кара-Оюка (Восточный Алтай), отождествляет материальную и духовную культуру сарматов и гуннов и связывает ее со скифской. Говоря о гунно-сарматском периоде в истории Алтая, она пишет, что петроглифы того периода, изображающие различные сцены охоты, одежду и вооружение охотников, сближают рисунки Кара-Оюка с «рисунками людей скифской эпохи». Трактовка в этих рисунках форм тел животных (развернутые в фас, утолщенные в верхней части ноги с узкими щиколотками и точеными копытами) «получила особенно широкое распространение в искусстве раннего Средневековья: например, именно так изображены ноги лошадей курьканских писаниц Лены, оставленных потомками хунну; гривы, подстриженные тремя зубцами, – прием, известный во второй половине I тыс. до н. э. и существовавший в среде кочевников Юга Сибири, в Прибайкалье, у сарматов Причерноморья, на Кавказе, в Центральной Азии вплоть до VIII в. н. э.» (Окладникова, 1988, с. 148).

Изображенные на скале «короткий меч (акинак) и кинжал входили в число атрибутов воинов I в. до н. э. – I в. н. э. гунно-сарматского круга. В убранстве лошадей выделяются седла с высокими луками (большие, деревянные?) без стремян» (Там же, с. 149).

В искусстве афанасьевцев, андроновцев и носителей последующих родственных культур, вплоть до скифо-сармато-гуннской и аланской, господствовал звериный стиль. В карасукский, татарский и таштыкский периоды это искусство, как уже отмечалось, достигло очень высокого уровня, о чем говорят найденные в могильниках предметы, рисунки на скалах и каменных изваяниях.

О родстве афанасьевской и последующих культур, вплоть до таштыкской, свидетельствуют и антропологические исследования. Двинувшиеся с территории Восточной Европы и Западного Казахстана в степи Южной Сибири афанасьевцы имели массивные черепа удлиненной формы с умеренно широким и низким лицевым скелетом, с низкими орбитами и довольно узким грушевидным отверстием. Они были высокого роста, обладали крепким сложением. Рядом с ними на севере, около нынешнего Красноярска, жили монголоиды, но особых контактов между ними не было, хотя отдельные афанасьевцы, продвинувшиеся в тайгу, смешивались с местными жителями; позже у части афанасьевцев появились незначительные монголоидные черты (Алексеев, 1989, с. 353–354).

По мнению В. П. Алексеева, «столь широкое распространение европеоидов на восток в эпоху энеолита дает возможность предполагать, что и в более ранние эпохи население даже восточных степей Евразии относилось к европеоидной расе и образовывало самостоятельный очаг расообразования в пределах европеоидного ареала. Население европеоидного облика в этом случае можно считать для степей по Енисею и западных районов Монголии изначальным» (Там же).

Для нашей темы очень важны выводы выдающегося антрополога:

«1. В восточных районах степной полосы Евразии мог существовать еще в доафанасьевское время самостоятельный очаг расообразования, входивший в ареал формирования европеоидной расы.

2. Характерный для афанасьевского населения комплекс признаков повторяется у населения ямной культуры.

3. Биологические истоки происхождения населения этих двух культур могут восходить к одному генетическому типу» (Там же, с. 354).

«Таким образом, – утверждает В. П. Алексеев, – европеоидное население могло жить в Восточной Азии еще до прихода афанасьевцев, но это население, а также афанасьевцы и другие европеоиды, имели такие же антропологические признаки, как и те, которые синхронно с афанасьевцами жили на территории современной Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Урала, Западной Сибири и т. д.» (Там же).

Все изложенное дает основание заключить, что на территории, где в древние времена жили афанасьевцы, андроновцы, карасукцы, тагарцы и таштыкцы – европеоидные племена, ныне живут тюрки – хакасы. Они являются потомками этих племен и считаются монголоидами, но с европеоидными, чертами. Раньше там проживали и енисейские кыргызы, родственные хакасам. Их соседи – алтайцы, казахи, кыргызы, узбеки, туркмены и другие тюркские народы – также являются потомками перечисленных выше древних европеоидных племен (Там же, с. 396–399).

ЯМНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Археологические исследования давно доказали, что в эпоху мезолита отдельные слагаемые будущей ямной культуры Волго-Уралья были распространены по Северному Прикаспию, а оттуда – по Кавказу и Северному Причерноморью, Украине, вплоть до Балкан и Венгрии (*Мерперт, 1977. с. 68–80*).

Определить хронологию памятников в Северном и Северо-Западном Прикаспии трудно, так как этот район при подъеме уровня воды в Каспийском море часто затоплялся и люди то заселяли Прикаспийскую низменность, то уходили оттуда. Тем не менее мезолитические памятники этого региона указывают на его связь с соседними районами Волго-Уралья, Причерноморья и Кавказа. Эта связь не только не ослабляется, но даже усиливается в эпоху древнеямной культуры, носителями которой были древнейшие кочевники-овцеводы Евразийских степей.

Особенно расширяются контакты с синхронными культурами Юга Украины.

Диффузия древнеямной культуры в этом направлении представляет огромный интерес. В период расцвета северопричерноморского земледельческого очага – на среднем этапе трипольской культуры (в середине IV тыс. до н. э.) – непосредственно к востоку от ее ареала сложилась среднестоговская энеолитическая культура. Эту культуру еще не именуют степной, так как основная часть ее памятников находится в лесостепи Поднепровья и Левобережья Украины, на границе между лесостепью и степью. На западе памятники этой культуры локализуются в Поднепровье (между Никополем и Черкассами) и в Днепро-Донецком междуречье, в бассейне Оскола и Северного Донца. На востоке ее памятники доходят до низовьев Дона (*Телегин, 1966; Бибииков, 1963*).

Третий вариант этой культуры – нижнедонской, или константиновский, – представляет особый интерес, ибо именно здесь впервые появляются курганные насыпи в могильниках Яма и Койсуг, явно иллюстрирующие нарождающуюся степную традицию на восточных окраинах среднестоговой культурной области. Именно здесь очень слабо прослеживаются земледельческие навыки населения, зато преобладают скотоводческие черты уклада – прежде всего разведение овец и лошадей (*Цалкин, 1970, с. 247*). «Таким образом, – пишет Н. Я. Мерперт, – не случайно доминант овцеводства отмечен в восточной части ареала среднестоговской культуры, т. е. там же, где зафиксировано и появление курганов, что также связано с распространением собственно степной традиции... Трипольская культура и ее импорты на поселениях среднестоговской культуры сочетаются с появлением степной керамики» (*Мерперт, 1974, с. 141*).

Когда речь заходит о древнеямно-среднестоговском культурном синкретизме, очень важно учесть, что именно коневодство было основой хозяйства племен культуры Средний Стог II и что у них впервые в истории животноводства мы встречаем племена коневодов. Но в то же время крайне важно иметь в виду и тот факт, что северопричерноморский очаг – раннее и среднее триполье – в первоначальном процессе формирования культуры степных скотоводческих племен «должен быть сразу отсечен» (Энеолит СССР, с. 326).

Взаимодействие раннеземледельческих культур со степными энеолитическими традициями, безусловно, отражает этнокультурные изменения при переходе к раннему бронзовому веку. Среднестоговская культура, лесостепная в своей основе, в восточных районах своего ареала знаменует начало этого этнокультурного процесса на Днепро-Донецком участке степной полосы. Сыграв в нем роль местного субстрата в первой половине III тыс. до н. э., она вошла затем в качестве компонента в состав степной древнеямной культурно-исторической общности (*Артеменко, 1963, с. 38–48*).

Древнеямная культурно-историческая общность, как известно, является хронологически первой из гигантских общностей, характерных для древнейшей истории степной полосы. Именно она знаменовала первую ступень широкого освоения степных пространств, распространение в них производящих форм скотоводства, главным образом подвижного овце-

водства. История ее предстает как длительный и сложный, многообразный процесс развития и взаимодействия ряда племенных групп.

В восточных пределах ареала среднестоговской культуры появляются черты, характерные для древнеямных племен, продвинувшихся на запад от районов зарождения своей специфической культуры. Здесь происходит вклинивание среднестоговской культуры в собственно степные районы. В стадах доминируют овцы, здесь же впервые фиксируются курганные насыпи над могилами, не свойственные среднестоговской культуре.

Широкое освоение степи и массовое распространение курганного обряда начались в междуречье Урала, Волги и Дона одновременно с формированием среднестоговской культуры в смежном с запада Днепро-Донском районе в период, когда еще были живы традиции раннеземледельческих культур типа Мариупольских могильников в Приазовье, имевших, кстати, много общего с известным Нальчикским могильником, где 12 % погребений были древнеямными.

В XXVI–XXIV вв. до н. э. основные черты погребального обряда среднестоговской культуры из бассейна Северского Донца и Оскола продвигаются далее на северо-запад и фиксируются на Среднем Днепре. Здесь в 14 пунктах впервые обнаружены курганы, относящиеся к раннему этапу среднеднепровской культуры. На этом этапе названная культура представлена только курганами и известна лишь по курганным захоронениям. Могильные ямы прямоугольной формы с закругленными углами, длиной 1,8–2,2 м, шириной до 1,5 м перекрывались деревом. На дне ям имеются следы деревянных настилов, остатки подстилки из камыша, бересты, органических остатков. В могилах обнаруживается красная охра. Погребальный инвентарь крайне беден, керамика изготовлена из грубой глины с примесью песка и шамота. На этом этапе для среднеднепровской культуры характерны сосуды с шаровидным или округлым туловом, круглым и уплощенным дном.

На среднем этапе среднеднепровской культуры (XXIV–XVIII вв. до н. э.) известны уже два вида погребальных памятников – подкурганные и в грунтовых ямах без курганных насыпей. Раскопано около 70 курганов, содержащих 112 погребений. На дне могильных ям по-прежнему прослеживаются берестяные, камышовые и органические подстилки, деревянные конструкции и др.

На позднем этапе (XVIII–XV вв. до н. э.) курганы все еще продолжают играть одну из ведущих ролей в – облике среднеднепровской культуры. Раскопано 40 курганов, содержащих 50 погребений.

Приведенные выше факты позволяют предполагать, что на среднем и позднем этапах данной культуры происходит смешение местных и пришлых этнокультурных традиций – «грунтового» и «курганного» обрядов погребения, т. е. налицо симбиоз и синкретичность культурных традиций (Эпоха бронзы, 1987, с. 41–42).

В настоящее время в археологической науке принято считать, что для древнеямной и среднеднепровской культур характерны захоронения под курганами; при этом могильные ямы перекрывались бревнами или плахами, их дно устилалось камышом, берестой, органическими остатками, в мо-

гилах обнаруживаются куски красной охры или ее следы на скелетах. Ученые единодушно утверждают: «В конце первой и начале второй половины III тыс. до н. э. перечисленные черты погребального обряда в Поднепровье были характерны только для древнеямной культуры... В позднем триполье, среднестоговской (кроме ее нижнедонского ареала в восточных окраинах) и других культурах они отсутствовали» (Мерперт, 1974, с. 79, 141).

Как можно судить на основании новейших стратиграфических исследований, погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о нескольких волнах проникновения племен древнеямной культуры на запад и их существование в течение по меньшей мере тысячи лет (Там же). Такое активное продвижение носителей древнеямной культуры в Донские степи и Северное Причерноморье не могло миновать предгорные районы Кавказа, составляющие естественное продолжение Волго-Донских степей Евразийского континента.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРАТЮРКИ И КАВКАЗ

Процесс внедрения древнеямников в кавказскую среду ученые отмечали давно. Здесь мы затрагиваем большую и неизученную во всей полноте проблему: кочевники и Кавказ, горы и степи.

О первом соприкосновении пришлой степной и автохтонной кавказской культур неоспоримо говорит сам факт появления в Предкавказье (степная часть Северного Кавказа) курганных насыпей, прежде не характерного элемента в комплексе погребального обряда, существовавшего в неолитическую эпоху на Севере и Юге Кавказа, а также на прилегающих к Кавказу с юга, юго-запада и юго-востока территориях, занятых оседлыми земледельцами. Отсутствие курганов как автохтонных факторов в ареале закавказской куро-аракской и смежных культур Кавказа резко контрастирует с этим нововведением, проникшим в традиционные местные культуры эпохи неолита и ранней бронзы.

Древнейшие курганы появились на Северном Кавказе еще в энеолите, а знаменитая курганная майкопская культура Предкавказья, как считает Н. Я. Мерперт, «сама испытывала заметные степные воздействия, в том числе и в погребальном обряде, и уж ни в коем случае ни по материалу своему, ни хронологически не может рассматриваться в качестве компонента или основного источника воздействия в процессе выделения ранних групп древнеямных племен» (Мерперт, 1974, с. 140). Очень важно отметить, продолжает археолог, что в целом ранний этап древнеямных погребений предшествует майкопской культуре, лишь в самом конце доживая до начала формирования последней. И не случайно в наиболее ранних Майкопских поселениях кости мелкого рогатого скота составляют лишь 18 % (при 50 %

костей свиньи), а позднее – под явным воздействием самих степных племен – число их возрастает до 40 %. Если ко всему этому добавить утверждение Мерперта о том, что «ни в инвентаре, ни в погребальном обряде ни Кюль-тепе, ни последняя куро-аракская культура никаких связей с культурой древних племен не имеет» (Там же), то мы сможем констатировать: культура древнеямных племен, послужившая основой формирования майкопской культуры, не могла появиться ни с запада, ни с севера, ни с юга или юго-запада. Она зародилась в степях, между Волгой и Уралом.

Археологические исследования показывают, что древние культуры, подобные волго-уральской, еще в период мезолита распространялись по Северному Прикаспию, Кавказу и Украине, вплоть до Балкан и Венгрии (Мерперт, 1977, с. 68–80).

Кавказ всегда служил местом между восточным, ближневосточным миром и степями Восточной Европы. Перемещения многих племен через Кавказ особенно участилось в период мезолита, неолита и ранней бронзы.

Несмотря на интенсивное изучение древних культур Кавказа, их этническая история до сих пор остается весьма слабо исследованной. Наиболее спорным является вопрос об этнической принадлежности носителей майкопской культуры. По утверждению археологов, эти племена пришли на Северный Кавказ в III тыс. до н. э. и жили там около 800 лет (XXV–XVII вв. до н. э.). В то же время одни археологи считают, что «майкопцы» явились с юга, из Передней Азии, другие – с севера. На наш взгляд, правы вторые, так как майкопская культура является исключительно курганной, а курганы «двигались» с севера на юг. Обратного движения наука не знает.

Первые ямки-курганники стали проникать на Северный Кавказ задолго до формирования майкопской культуры, которая как раз и была основана на культуре древнеямников. В Центральном Предкавказье они появились по крайней мере за 200 лет до формирования майкопской культуры. Ранние ямные и майкопские погребения были совершенно идентичными по всему комплексу погребального обряда (Бетров, 1982, с. 26). Лишь значительно позднее в майкопских курганах прослеживаются следы воздействия местных, кавказских племен и их культуры.

Майкопская культура, сформировавшаяся на основе древнеямной, в пору своего расцвета – в середине III тысячелетия до н. э. – имела самые прямые аналогии с культурой шумерских городов Ур, Лагаш, Киш и др. Особенно близость обнаруживается в ювелирных изделиях, оружии, кремневых орудиях и др. (Мизиев, 1990, с. 30–31; Мунчаев, 1975, с. 212–329).

Вместе с тем майкопская культура и древнеямные племена имели огромное влияние на население соседних регионов – Средней Азии, Саяно-Алтайского нагорья, Поволжья и Причерноморья. Наибольшее воздействие они оказали на культуру кавказских племен III тыс. до н. э. Как отмечал Н. Я. Мерперт, «к северу от Черного моря «контактная непрерывность» и культурная интеграция прослеживаются от Кавказа и Прикаспия до Подунавья и Центральной Европы (древнеямная культурно-историческая область). И на значительном участке этой полосы – вплоть

до Днепровского правобережья – весьма рельефно представлены северокавказские, прежде всего майкопские воздействия» (*Мерперт*, 1988, с. 28).

С течением веков происходило смешение степной (курганной) культуры с культурой кавказских племен. Под курганными насыпями стали появляться чисто кавказские погребальные сооружения – каменные ящики, склепы, гробницы и пр. Даже такие специфические грандиозные каменные сооружения, дольмены Кавказского побережья стали «входить» под курганные насыпи. Это очень серьезный фактор, показывающий влияние степной курганной культуры на такой стойкий этнический определитель, как погребальный обряд.

ШУМЕРЫ – ДРЕВНЕЙШАЯ ЧАСТЬ ПРАТЮРОК

Исследования многих археологов – А. Иессена, Г. Гобеджишвили, О. Джапаридзе, Т. Чубинишвили, К. Кушнаревой, Р. Мунчаева, Л. Вулли и др. – давно доказали, что еще в конце IV тысячелетия до н. э. племенаносители курганного обряда погребения стали появляться в Закавказье, а затем в Анатолии, Месопотамии, на северо-западе Сибири. Проникновение древнейших кочевников в эти регионы повлекло за собой естественное смешение части древних оседлых земледельцев с пришлыми кочевыми племенами, а возможно, и языковую ассимиляцию местного населения. О населении Шумера 3100–2800 гг. до н. э. Л. Вулли писал, что его «в этот период, безусловно, составляли пришельцы, теми или иными способами подчинившие страну и по крайней мере поначалу не усвоившие более высокую культуру коренных жителей... Со временем они достигли определенного развития и, возможно, подготовили почву для замечательных достижений шумеров раннединастического периода» (Цит. по: *Мизиев*, 1990, с. 31–32), т. е. 2900–2350 гг. до н. э.

По данным многих выдающихся востоковедов – прежде всего В. В. Стрuve, В. И. Авдиева, В. А. Тураева, Б. И. Грозного, «сами шумеры утверждали, что их предки пришли в Двуречье откуда-то из-за гор, с севера и северо-востока. По их словам, это были некие «жители гор», «кочевники-скотоводы», «обитатели гор» и пр. Мнение о том, что шумеры пришли в Месопотамию с гор, расположенных к северо-востоку от этого региона, поддерживается сейчас многими учеными. Этому мнению есть немало подтверждений, в том числе и упомянутое распространение курганной культуры IV–III тыс. до н. э. Это могли быть степи Урала, Юг Туркменистана или Северный Кавказ. Именно потому, что они спускались с предгорий, шумеры называли их «жителями гор».

Виднейшие востоковеды XIX в. и их продолжатели – Г. Винклер, Ф. Гомель, Н. С. Трубецкой, Б. Грозный и др. – считали, что шумерский язык был

весьма близок к алтайским (тюркским) языкам. Эту точку зрения разделяют и подкрепляют рядом новых данных современные лингвисты-тюркологи А. С. Аманжолов, М. Ш. Ширалиев, М. А. Хабичев, Ю. Б. Юсифов, А. М. Мамедов, С. Я. Байчоров, О. О. Сулейменов и др.

Выявлено около 400 прямых лексических сходжений между тюркским (в частности, карачаево-балкарским) и шумерским языками. Эти совпадения системны и охватывают всю схему языкового строя и структуру названных языков, включая местоимения, числительные, термины, обозначающие кровно-родственные отношения и т. д. Для подтверждения этого тезиса достаточно привести несколько уникальных лексических шумеро-тюркских сходжений.

Шумерские слова

ме – я
не – что
му – он
уш – три
эм – язык
абаме – старейшина
баба – предок
кыз – девушка
аз – мало
куб – стоять
даим – постоянно
сок – бить
габа – грудь
ру – забивать
руш – свирепый
кура – страна
туд – родился
ед – выходи
гуруваш – слуга
сир – ткать
уд – огонь
узук – длинный
гуду – воровать
джау – враг
джау – масло
црик – валух
джар – разбивать
джыр – разрывать
ада – отец
ама – мать
дингир – бог

Тюркские слова, в том числе карачаево-балкарские

мен – я
не – что
бу – он
уч/уш – три
эм – сосать
аппа – дед, *аба* – бабушка
баба – предок
къыз – девушка
аз – мало
къоб – вставай
дайым – постоянно
сокъ – бить
габара – бюстгалтер
ур – забивать, бить
уруш – ругать, злиться
къура – создавать, строить
тууду – родился
ет – проходи
къарауаш – слуга, рабыня
сыр – ткать
от – огонь
узун – длинный
гуду – воровство
джау – враг
джау – масло
црик – валух
джар – разбивать, расколоть
джыр – разрывать
ата – отец
амма – мать, матушка, бабушка
дингир/тенгри – бог

(Слова взяты из книги И. М. Дьяконова «Языки Древней Передней Азии» (М., 1967, с. 27, 39–62) и других источников; часть слов переведена нами. – Авт.).

Говоря о смысловом тождестве шумерских и тюркских слов, О. О. Сулейменов справедливо отмечает: «Совпадения форм и смыслов – системны, и потому не случайны» (*Сулейменов, 1975, с. 230*).

Приведенный выше материал позволяет нам сделать два важнейших вывода.

1. Есть все основания пересмотреть вопрос об изначальной прародине пратюркского этноса в пользу Волго-Уральского региона.

Алтай и Саяны были «вторичной» территорией их скопления и дальнейшей этнокультурной интеграции. Этот вывод подтверждает и выдающийся тюрколог Ю. Немет, по словам которого, «старые теории о Средне- или Восточно-Азиатской прародине тюрков либо недостаточно обоснованы, либо устарели» (*Немет, 1963, с. 127–128*).

2. Древнейший язык «курганников» (протоалтайцев) распространился на север и северо-восток, а из Евразийских степей через Кавказ и Юг Туркмении в Месопотамию. Вот почему саяно-алтайские, приаральские, кавказские, анатолийские и другие тюркские языки имеют отношение к шумерскому, как целое к своей еще в древности оторвавшейся части.

СКИФЫ / СКОЛОТЫ – ТЮРКИ

От решения «скифской» проблемы, определения этнической принадлежности скифов и их прямых потомков зависит в огромной степени решение вопроса этногенеза тюркских народов, поэтому более подробно остановимся на этой проблеме. Мы старались исследовать проблему, привлекая обширный материал, как того требовал крупнейший кавказовед и скифолог Б. Б. Пиотровский.

Он писал: «Подойти к правильному разрешению скифской проблемы можно, лишь изучая древнее общество VII–VI вв. до н. э. на широкой территории, включая в нее Закавказье и Среднюю Азию» (*Пиотровский, 1949, с. 130*).

Наукой давно установлено, что прямыми генетическими продолжателями культуры древнеямников были племена – носители срубной культуры, а через них и культуры скифских племен (*Граков, 1977, с. 151–153*). Если археология предоставляет возможность проследить на протяжении III–I тыс. до н. э. эволюцию культуры древних кочевников, значит, есть такая же возможность проследить эволюцию самой скифской культуры и ее продолжение в культуре средневековых кочевников Евразийских степей.

Анализ показывает, что весь комплекс этнокультур средневековых кочевников Евразийских степей восходит к культуре скифов. Следовательно, эти кочевники – прямые генетические продолжатели культуры древних кочевников – древнеямников. Об этом свидетельствуют:

1) подвижной, кочевой быт, разведение в основном мелкого рогатого скота и лошадей, употребление в пищу конины, кумыса, айрана и т. п.;

2) комплекс погребального обряда: курганная насыпь, сопровождение умершего трупами жертвенных лошадей, погребальные деревянные срубы и колоды;

3) масса скифо-тюркских языковых, этнографических и других сходжений.

Обо всех этих параллелях мы писали в ряде своих предыдущих работ, поэтому, отсылая читателя к ним, не считаем необходимым сейчас все это повторять. Вместе с тем считаем необходимым осветить в свете новейших достижений науки отдельные вопросы проблемы, в особенности самый острый из них – вопрос о языке скифов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Ни один древнегреческий, латинский (римский), византийский, арабский, персидский автор не утверждает, что скифы говорили на персидском (иранском) языке, хотя многие из этих авторов не раз подчеркивали мельчайшие подробности их быта, культуры, верований, обычаев и нравов. Особенно важен тот факт, что Геродот, на сведения которого чаще всего опираются скифологи, будучи выходцем из малоазийского города Галикарнаса, входившего в одну из сатрапий Древней Персии не мог не отличать персидский (иранский) язык от других, тем более что он бывал в Персии и не раз встречался с иранцами вне Персии.

Тем не менее, Геродот нигде не говорит, что язык скифов был персидским или схожим с ним. Он пишет, что скифы и савроматы – родственные племена, близкие по быту и языку, но данные об их языке приводит крайне мало, причем даже эти скудные данные, как мы увидим ниже, подтверждают гипотезу о тюркоязычности скифов.

Очень бедны данные о языке сарматов и аланов. Один из авторитетнейших авторов древности, Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.), подробно описывает жизнь и быт аланов, наследников скифов и сарматов, но также не дает сведения об их языке. Антиохийский грек Марцеллин владел не только греческим и римским языками, но был знаком и с персидским, так как с 354-го по 363 г. служил в римской армии и участвовал в войне с персами, жил среди них, знал и аланских воинов из римских иностранных легионов, много путешествовал, но ни в одном из своих многочисленных трудов не сказал о сходстве персидского (иранского) и аланского языков. Однако необходимо обратить внимание на следующие сведения, которые он дает в XXXI книге своей «Истории»: «Почти все аланы высокие ростом и красивые, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов (выделено нами. – Авт.), только с более мягким и культурным образом жизни» (Античные источники, 1990, с. 163).

Здесь важно отметить, что, если аланы «во всем похожи на гуннов», которые были тюркоязычными, составитель сборника В. М. Аталиков, на наш взгляд, правильно комментирует эту схожесть: «Очевидно, нужно понимать, что и по языку тоже?» (Там же, с. 242).

О том, что язык скифов не мог быть иранским, прямо пишет автор III в. до н. э. Юстин (II, 3–5), по его словам: «Язык парфов средний между скифским и мидийским, помесь того и другого» (*Латышев*, 1900, с. 39).

Если признать выводы некоторых авторов о тюркоязычности не только скифов, но и мидийцев, верными (*Гейбуллаев*, 1991, гл. 3, § 1), то, следуя логике, Юстин указал на то, что скифы и мидийцы говорили на разных диалектах одного древнетюркского языка.

Кроме упоминания общетюркских черт культуры (к примеру: *коняеды, пьющие кумыс* и т. п.), Геродот пишет и о наличии среди скифов монголоидных племен. Так, в 23-й строфе IV книги своей «Истории» он говорит, что «выше иириков живут другие скифы», и тут же поясняет, что это «люди, которые, как говорят, все плешивые от рождения как мужчины, так и женщины, курносые и с большими подбородками» (*Геродот*, 1972, с. 192–193). Из этих слов явствует, что Геродот отмечает монгольские черты, которые были характерны для отдельных скифских племен.

По С. Я. Лурье, «лысые люди» – аргиппеи – предшественники современных башкир (Там же, с. 519).

По мнению многих ученых (Э. Эйхвальд, З. Ямпольский и др.), упомянутые Геродотом скифские племена *иирки* и *тюррагеты* – искаженное название «тюрки», и они, как и некоторые другие скифские племена, были тюркоязычными (*Ямпольский*, 1966, с. 63; 1970, с. 10–11). Страбон, Помпонию Мелу, Плиний (I в. н. э.) также писали о тюрках, тюррагетах, турках, проживавших в тех же местах, о которых упоминал Геродот (Античные источники, 1990, с. 100, 108). В V в. н. э. византийский историк Зосим писал о гуннах: «Некоторые называют этот народ уннами, другие говорят, что его следует называть царственными скифами, или тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра «с сплюснутыми носами» (Цит. по: *Ган*, 1884, с. 199).

В связи с этими сообщениями древних авторов очень важное значение приобретает захоронение описанного Птолемеем сармата-коняда I в. н. э. на Южном Буге. В нем была найдена статуэтка (ручка зеркала), изображающая «фигурку мужчины восточного типа, сидящего со скрещенными ногами... под стреловидными бровями – узкие глаза с рельефными зрачками. Прямой с широкими крыльями нос слегка приплюснут» (*Ковпаненко*, 1986, с. 67–71).

К сказанному добавим еще один аргумент. Мы имеем в виду тот факт, что П. Мела, Плиний, Дионисий, Периегет, Клавдий Клавдиан, Феофилакт Симокатта, Зосим, Приск Панийский и другие античные авторы именуют «скифами» не какое-либо иное племя, а именно гуннов. Приск Панийский, знаток кочевнического мира, сообщает, что гуннский царь Руа послал в Рим своего посла по имени Эсди (*по-тюркски Мудрый*. – *Авт.*), а римляне в ответ направили к гуннам Плинта, «который был родом скиф». Вряд ли можно утверждать, что римская дипломатия не знала, к кому кого по-

сылать, а римский двор не знал, кого Гесиод, Гомер, Геродот, Эсхил, Страбон, Гиппократ, Птолемей и другие греческие и римские авторы называли «доителями кобылиц» и «конейдами».

Показания древних авторов подтверждают и позднейшие научные данные. Первый русский переводчик Геродота Андрей Лызлов, свободно ориентировавшийся в европейской историографии XV–XVI вв., хорошо знакомый с трудами античных авторов, в частности, Гомера, Вергилия, Овидия, Юстина, Курция, Руфа, Диодора Сицилийского, еще в XVII в. пришел к убеждению, что татары и турки восходят по своей культуре к древним скифским кочевникам. Точку зрения А. Лызова в разное время поддержали и развили такие видные ученые, как В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Э. И. Эйхвальд, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Н. Аристов, В. В. Латышев, Ф. Г. Мищенко. Выше мы приводили высказывания ряда авторов на этот счет, в частности А. Н. Аристова (1896, с. 400), Э. И. Эйхвальда (1838, с. 56–60) и др.

Наличие среди скифов тюркских племен признавал и официальный печатный орган Российской академии наук. В одном из томов ее «Ученых записок» о скифах и сарматах говорилось: «О скифах и сарматах написано множество, но чрезвычайно мало с критическим тактом и с обширным знанием источников и новейших пособий... Если же греки и римляне в дошедших до нас сочинениях употребляли эти два имени не в народном смысле исключительно, то само собой разумеется, что многочисленные народы могли быть разного происхождения и языка... Были ли между ними, черноморскими скифами, уже и народы тюркского происхождения? По всей вероятности, они были уже во времена Геродота» (Ученые записки, 1855, с. 114–115).

Многие восточные авторы, хорошо знакомые с историей и бытом тюрко-монгольских племен, скифов называли «тюрками», а Скифию – «страной тюрков» (Караулов, СМОМПК, вып. 38).

Таким образом в XIX и начала XX вв. даже официальная историография признавала часть скифских племен тюркскими. Концепции советской историографии в этом вопросе начиная с 30-х гг. резко изменились, о чем сказано выше. Сейчас наступило благоприятное время для объективного исследования всех научных проблем.

ИЗ БЫТА И ОБЫЧАЕВ СКИФОВ

А. П. Смирнов отмечал, что «типичные скифские вещи в своих исходных чертах связаны с Азией». Н. Л. Членова писала: «Татарская культура, распространенная в южной части Красноярского края (Минусинская котловина) в VII–III вв. до н. э., – это одна из культур скифского круга», для которой типичны оружие – кинжалы, акинаки, наконечники стрел, – конский убор и звериный стиль. Они имеют большое сходство с теми же категориями

культуры скифов Причерноморья, Поволжья и Приуралья, саков Средней Азии и Казахстана (Членова, 1981, с. 80, 84). «Преемственность многих черт культуры древних тюрков от скифо-сибирских культур», – отмечает А. И. Гоголев, считающий, что традиционная культура якутов (саха) имеет скифо-сибирские истоки (*Гоголев, 1987, с. 143*).

Новейшие данные по культуре и языку скифов и близких им народов приводит Г. А. Гейбуллаев. Он сообщает небезынтересный факт: на территории Иранского Азербайджана, в сел. Зивийе, найден клад IX–VII вв. до н. э., в котором имеются предметы «скифского стиля» (*Гейбуллаев, 1991, с. 291*). Детальное исследование этих предметов, будем надеяться, поможет решению некоторых аспектов «скифской проблемы»

Весь комплекс этнографической культуры и быта скифов разительно совпадает с культурой и бытом тюркских народов.

1. Скифы обитали в войлочных шатрах (юртах), широко практиковали войлочные изделия в быту; употребляли в пищу конину, пили кислое молоко (айран), кумыс, из которого делали сыр и т. п.

Все перечисленные элементы являются специфической особенностью извечной, традиционной культуры исключительно тюркских племен и народов.

2. Скифы хоронили вместе с умершими десятки, а иногда и сотни жертвенных лошадей, захоронение людей производили в деревянных срубах, колодах и т. п. Обряд захоронения гуннов, алтайских тюрков, хазар, печенегов и половцев свидетельствует о том, что перечисленные элементы культуры скифов являются специфической особенностью тюркских племен.

3. Геродот описал оригинальный скифский способ гадания на ивовых прутьях и липовом мочале. По мнению многих ученых (Я. Гмелин, Ф. Г. Мищенко, А. И. Семенов, М. Ч. Джуртубаев и др.) и сведениям древней шаманистской рунической «Книги гаданий», эти способы гаданий были широко распространены среди тюркских народов (Джуртубаев, 1991, с. 30).

4. Геродотом описан скифский способ скальпирования врагов: вокруг головы надрезали кожу на уровне ушей (кн. 4, с. 64), точно такой же способ скальпирования был обнаружен в Пазырыкском кургане алтайских тюрков V в. до н. э. (*Грязнов, 1951; Руденко, 1953; 1960; Кызласов, 1979; Грач, 1980, с. 25–27*).

5. По словам Геродота (кн. 6, с. 71), тела скифских вождей бальзамировались. Для этого покойнику разрезали живот, вынимали внутренности, заполняли его толченым кипером, благовониями, семенами сельдерея и аниса, потом сшивали и покрывали воском (*Геродот, 1972, с. 204*). Во многих алтайских курганах обнаружен в деталях повторяющийся способ бальзамирования и мумификации трупов не только вождей, но и рядовых членов племени (*Грязнов, 1950*).

6. Геродот писал, что, если у скифов-кочевников не окажется под рукой ни котла, ни дров, то они варят мясо весьма оригинальным способом: мясо тщательно очищают от костей, складывают в желудок и варят на огне из костей (конечно, и из дров). «Таким образом, – пишет Геродот, – бык

сам себя варит» (*Геродот*, 1972, с. 202). А. П. Смирнов писал, что подобный способ варки мяса никем из исследователей практически не зафиксирован. Однако у многих тюркских народов, особенно у пастухов-алтайцев, балкарцев, карачаевцев, казахов он был весьма широко распространен. И вот как это делалось у них: вырывали неглубокую ямку и в ней разводили огонь из очищенных от мяса костей, а также дров. Когда земля прогрелась, в эту ямку вкладывали желудок, наполненный мясом, сверху его засыпали горячей золой и продолжали топить дровами и костями. Таким образом животное «само себя варило».

Можно было бы привести еще немало фактов из быта и обычаев скифов, но и приведенные выше, думается, дают основание видеть в современных тюрках наследников скифов.

ИЗ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И МИФОЛОГИИ СКИФОВ

Мировоззрение скифов, выразившееся, главным образом, в их религиозных верованиях и мифах, весьма устойчиво и долговременно, поэтому оно должно помочь найти суть изучаемой проблемы.

Чтобы доказать иноязычность скифов, иранисты опираются именно на этот аспект проблемы. Специальные работы ему посвятили Д. С. Раевский (1977), А. М. Хазанов (1975). Этот же вопрос частично исследован в книге «Скифия и Кавказ» (Киев, 1980), работах ряда ученых – Ж. Дюмезиля, В. И. Абаева, В. П. Окладникова, Л. Р. Кызласова и др.

Изучением мировоззрения древних людей, в том числе скифов, занимался академик А. П. Окладников. Вместе с Е. А. Окладниковой он досконально изучил древние наскальные рисунки Горного Алтая, в частности, рисунки Елангашской долины, и сделал важные научные выводы в книге «Древние рисунки Кызыл-Келя» (1985).

Авторы книги пишут, что рисунки на камнях Елангаша создавались в течение долгого времени, начиная с III тыс. до н. э. и до скифского периода. Они указывают: «К рисункам эпохи бронзы относятся изображения колесниц, быков, яков; к скифскому времени – изображение оленей-пигалиц, символических фигур лучников. Эпиграфические рисунки (петроглифы; исполненные в технике граффити, а также выбивки) в основном представлены изображениями алтайцев в национальных костюмах» (с. 8). По мнению исследователей, наскальное искусство было связано с культом камней и гор, а «культ гор сложился под влиянием древних представлений о высоких вершинах гор как местах скопления влаги, необходимой для скотоводов и земледельцев, обитания божеств, а также представлений о горах как о местах, наиболее приближенных к небу». «Что касается культа

камней, то он связан с представлениями древних людей о долговечности камней, с мечтами людей о долговечности человеческой жизни. До настоящего времени сохранились легенды тюркок-алтайцев о связи наскального искусства с культом гор и камней» (с. 8–9).

Пятна на наскальных рисунках символизируют солнце, звезды и имеют астральное значение (с. 4).

Древние мастера особо выделяли изображения козлов, оленей, быков, яков, лошадей. Почитание дикого козла уходит корнями в каменный век. Камень с изображением козла алтайцы называют «Теке таш» (*по-тюркски* «Козлиный камень». – *Авт*). Круглые крупные пятна или небольшие точки, нарисованные рядом с головами козлов, могут символизировать солнце (с. 5).

На скалах изображены быки, тянущие повозки, яки, груженные поклажей. Быками были запряжены погребальные повозки, обнаруженные при раскопках ямной афанасьевской культуры на Днепре (с. 5–6).

В скифское время появились наскальные рисунки, изображающие оленей, которые были тотемными животными скифов. Сохранились изображения оленей, имеющих рога с солярными завершениями (в виде кругов с отростками). Авторы отмечают: «Корни представлений о космогоническом образе оленя – солнца, как известно, уходят в культуру племен сибирской тайги эпохи бронзы и раннего железа... На рисунках Алтая сохранились два значительных скифских сюжета: олень с древовидными рогами и человек с поднятыми над головой рогами оленя. Оба эти сюжета могут быть сопоставлены с образом Мирового дерева, таким, каким его сохранили мифы скифов, – как об опоре неба и солнца, о пути, по которому осуществлялась сверхъестественная связь трех миров: нижнего (подземного), среднего (земного), верхнего (небесного)» (с. 7). Примерно в таком же плане рассматривает этот вопрос и Д. С. Раевский (1977, с. 46).

Что касается идейной основы наскального искусства Восточного Алтая, то, по мнению авторов, «она отразила в себе житейский опыт и богатый духовный мир древнего человека. Среди петроглифов Еленгаша можно выделить рисунки, сюжет которых порожден представлениями о восходящем и умирающем звере, об изобилии и плодородии, мифами о великих предках. Иными словами, здесь отразились формы мышления людей эпохи бронзы, раннего железа» (*Окладников, Окладникова, 1985, с. 8*).

В главе «Мировоззрение и мировосприятие тазминцев» книги «Древнейшая Хакасия» (с. 188–241) Л. Р. Кызласов весьма подробно и научно обоснованно пишет о семантике тазминских изваяний и писаниц, о представлениях древних людей о Вселенной и божествах, о жизни и смерти, о солнце, небесных богах и духах.

По его словам, в основе культовых представлений далеких предков тюркок-хакасов находилось охотничье мировосприятие (изображение лосей, горных баранов-аргали (архаров), хищников, которое было осложнено идеологией пришлых скотоводов, принесших с собой культуру людей, связанных с производящей экономикой (культ Коровы-матери, изображение быков и т. п.) (с. 239). В результате «как синтез различных в своих истоках мировосприятий сложился и расцвел неожиданный для Сибири и

Центральной Азии феномен – культ монументальных древнейших в Евразийских степях каменных изваяний, стел и менгиров» (Там же). Автор считает, что все это произошло в эпоху неолита и что «сибирский шаманизм сохранил в значительном объеме многие реалии культовой практики южносибирских племен, восходящие к глубокой древности, к началу III тыс. до н. э.» (с. 240).

Исследователь подчеркивает, что «Южная Сибирь уже в глубокой древности являлась крупным и важным культурным центром, центром активности неолитических племен, распространявшим, в свою очередь, передовые по тому времени идеологические и культурные импульсы в глубины глухой сибирской тайги, к обитателям суровых просторов тундры, вплоть до берегов Ледовитого океана» (с. 241).

Весомый вклад в изучение идеологии первобытных людей, отраженной в искусстве древнего населения Сибири, особенно Алтая, вносит Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук, в частности, его сотрудники А. П. Окладников, Е. А. Окладникова, В. Д. Кубарев, З. А. Абрамова, Ю. С. Худяков и др.

В сборнике статей «Антропоморфные изображения», изданном Институтом в 1987 г., представлены почти все регионы Сибири и Урала.

В нем помещены также статьи Н. Л. Членовой «Северокавказские оленные камни и новомордовские стелы» и Л. М. Мосоловой «Древнейшие антропоморфные изображения Киргизии».

В книге в целом идет речь об изображениях, начиная с времен палеолита, а особенно периодов неолита и бронзового века. Все эти изображения имеют смысловое значение и выражают миропонимания первобытных людей.

«Своеобразное восприятие окружающего мира у племен и племенных объединений кочевников Евразийских степей, для которого характерен культ патриархальных богов и героев, находит отражение в многочисленных памятниках зоны Великой степи. Это и наскальные изображения, и антропоморфные каменные изваяния, и стелы» (Антропоморфные изображения, 1987, с. 6).

По словам Е. А. Окладниковой, «наскальные рисунки, в составе которых большое место занимают антропоморфные образы, являются историческими источниками, которые с особой степенью достоверности позволяют реконструировать мир прошлого» (Там же, с. 180).

Известный археолог и этнограф В. Д. Кубарев, изучивший большое количество наскальных изображений на Алтае, написал несколько интересных книг по этой тематике. Он прямо говорит, что создателями этого вида искусства явились предки нынешних тюркских народов, жившие на огромных пространствах Евразийских степей от Забайкалья до Центральной Европы. Об этом говорит само название одной из его книг – «Древнетюркские изваяния Алтая» (1984).

В одной из своих последних работ – «Древние россыпи Каракола» (1988) – ученый реконструирует идеологические представления энеолитического населения Алтая и сопредельных регионов Центральной Азии,

которое было носителем древнеямной афанасьевской культуры. На камнях Каракола (плиты из могильников, стелы и т. д.) чаще всего изображены «солнцеголовые», «быкоголовые» и «птицеголовые» существа, которые имеют свои аналогии в Хакасии, Казахстане, Туве, Монголии. После Солнца в зверином пантеоне древних людей значительное место занимал могучий бык. Образы солнечного божества и лунного бога сливаются воедино в образе быка. В стелах имеются чашечные углубления, которые являлись изображениями небесных светил и звезд (с. 106–107).

Основные персонажи на стелах подтверждают предположение о развитии культа солнца, быка и хищной птицы. Рисунки одного из погребальных камней изображают сцену борьбы красных «духов» с черными «демонами», «символизируя противостояние добра и зла, борьбу между светом и тьмой, извечную борьбу жизни и смерти. Первобытные люди считали, что человек, покидая мир живых и уходя в мир мертвых, нуждался в помощи против опасностей, грозивших ему в потустороннем мире» (с. 118).

Искусству древних жителей Сибири можно найти аналогии в искусстве древних жителей Урала, Поволжья, Кавказа и Северного Причерноморья. Примером могут служить обнаруженные в Карачае и Балкарии наскальные изображения, росписи на камнях, стелах, менгирах и т. д., исследованные С. Я. Байчоровым (1987, с. 5–26; 1988, с. 96–141), а также описанный У. Ю. Элькановым солнечный каменный круг в бывшей столице Алании – Нижне-Архызском городище (Эльканов, 1988, с. 142–150).

На скале в балке Сутол, в верховьях реки Уруп, С. Я. Байчоров обнаружил 75 рисунков. На них запечатлены верховые и пешие люди, птицы, хищные звери, олень, собака, волк, курдючные овцы, ягненок, медведь, лось, соха, плуги, лук со стрелой, копье, аркан, меч, щиты, геометрические фигуры с разным количеством точек (пятнышек) внутри, круги с десятью спицами и с 4 спицами, древнетюркские рунические надписи. Интересно, что один из рисунков изображает мужчину крепкого телосложения, ловящего арканом зверя, у некоторых мужчин на голове широкие шляпы, некоторые одеты в боевые доспехи. Параллели от этих фигур можно провести к сибирским антропоморфным изображениям, в которых люди в шляпах изображают мифических животных (Байчоров, 1987, с. 17–18).

Подобные изображения встречаются в ущелье Хасаута (около Кисловодска), в Горном Дагестане. Изображения геометрических фигур с точками (пятнышками) внутри, как и в Сибири, обнаружены в могилах или при них и имеют ритуальное значение. Среди них находятся изображения, похожие на скифские и аланские колесики-амулеты. Все наскальные рисунки С. Я. Байчоров считает болгарскими (с. 21), но рисунки, опубликованные им, больше похожи на скифские и аланские.

Петроглифы, найденные в местности Бичесын (у самого подножия Эльбруса) также напоминают скифские, но С. Я. Байчоров считает их принадлежностью майкопской культуры (1988, с. 117).

Описание исследователем менгиров в Бичесыне совпадает с описанием древних сибирских и скифских менгиров. Как известно, они имели

культовое предназначение, как и камни (их 23) с чашечными углублениями, солнечные круги с розетками внутри (Там же, с. 104–105).

Весьма показательно то, что внутри средневекового карачаевского надмогильного сооружения – Камгут-кешене (в Баксанском ущелье около города Тырнауза) – до сих пор сохранилось изображение оленя, тотемного животного скифов (Там же, 113).

Выше мы подчеркивали, что Южная Сибирь с, прилегающими районами явилась одним из регионов формирования многих тюркских этнических групп. В их числе были и скифские племена, часть предков которых испокон веков жила в Волго-Уралье и прилегающих к нему регионах, а другая часть из этого региона и из Сибири прибыла на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье в VII в. до н. э., а может быть, и раньше (*Иессен, 1953, с. 109; Погребова, Раевский, 1992, с. 35–37*).

Нет сомнения в том, что и азиатские, и европейские скифы были двумя ветвями некогда единого этноса. Поэтому у них очень сходна материальная и духовная культура, а также идеологические воззрения, особенно религиозные (*Грязнов, 1980, с. 58–60; Тереножкин, 1976, с. 211*).

В книге «Дохристианская религия аланов» В. И. Абаев ведет речь о религии скифов, но он не нашел у них даже следов религиозных обрядов, присущих ираноязычным народам. Как известно, в далеком прошлом иранские племена исповедовали зороастризм. В древности и раннем Средневековье эта религия была распространена на Юге Средней Азии, среди предков таджиков, а также среди ираноязычных племен Афганистана, Ирана, Азербайджана, Северо-Западной Индии и ряда других стран Ближнего и Среднего Востока. Священным каноном зороастризма является Авеста (как Библия для христиан и Коран для мусульман), но скифы, саки, массагеты, сарматы, аланы остались до конца чуждыми зороастризму.

В. А. Абаев справедливо отмечает: «Дошедшие до нас сведения о религии скифов, массагетов, аланов не заключают даже намека на что-либо зороастрийское (*Абаев, 1960, с. 3*). Но, поскольку религиозные верования скифов, сарматов и аланов противоречат теории об их иранском происхождении, автор сразу оговаривается: «Исторические сведения о религии аланов очень скудны. И мы намерены опираться не на них, а на данные языка, мифологии, религиозных представлений современных осетин» (Там же).

А вот между верованиями скифов и тюркских народов можно провести определенные параллели. Тюрколог М. А. Хабичев утверждает: «Полное совпадение названий скифских и карачаево-балкарских божеств свидетельствует о том, что скифская мифология была унаследована предками карачаевцев и балкарцев, и как промежуточное явление многие присущие ей черты сохранились в народной памяти до наших дней» (*Хабичев, 1987, с. 37–38*).

Если не полностью, то в основном совпадают имена скифских и карачаево-балкарских языческих богов и их функции. Это явствует из приведенной ниже таблицы.

Скифские боги	Карачаево-балкарские боги	Греческие боги
<p>Таргитай – сын Зевса, бог неба. По-древнетюркски тагри (таг/ри) – небо+тай (сойти, упасть), т. е. сошедший, упавший с неба (ДТС, с. 527)</p>	<p>Тейри – бог неба, аланский – Тегри, хазарский – Тагарма, гуннский – Тангры-хан, хакасский – Тиигир тай, Тиргимтай</p>	<p>Уран – бог неба</p>
<p>Табити – богиня домашнего очага. По-древнетюркски таб (там) – дом + ити (<i>иди, ийе</i>) – владелица дома, хозяйка (ДТС, с. 203, 529).</p>	<p>Тоба, Табу, Табыг, Тай-бат – богиня домашнего очага. (Там/таб – дом + ити/ийе – хозяйка. Там еще имеет значение «разводить огонь». Отсюда – хозяйка очага. В тюркских языках глухие согласные предшествовали звонким: <i>т-д-й</i> (ити-иди-ийе)</p>	<p>Гестия – богиня домашнего очага</p>
<p>Папай (Бабай) – бог грома и молнии</p>	<p>Папай (Бабай) – бог грома, молнии, града. Дословно: бабай – дед, предок, порусски – отец</p>	<p>Зевс – бог грома и молнии</p>
<p>Апи – животворное земное божество. По-древнетюркски апа, аба, ана – мать, прародительница (ДТС, с. 1, 47). Апи, Аби, Апу – собственное имя у древних тюрчанок (<i>Кашгарский Махмуд</i>. ДТС, с. 2)</p>	<p>Алий (Абий, Амма) – прародительница, дающая жизненное начало. Алий, Абий, Апу – собственные имена и в настоящее время. По-чувашски: апи – мать, апа – бабушка (Чувашско-русский словарь. М., 1956. С. 35–36)</p>	<p>Гея – животворное земное божество</p>
<p>Гойтосир – бог солнца. От гой/гей, кюй, – гореть + тосир (тос – дух, ир/эр – мужчина)</p>	<p>Къантейриси (Къайнар) – бог солнца, света</p>	<p>Аполлон – бог солнца, света, целитель и прорицатель, покровитель искусств</p>
<p>Аргимпаса – богиня любви, цветов, садов, рощ и весны (аргим – моя красавица + псак/согдийское) – цветок или веночек из цветов (ДТС, с. 298)</p>	<p>Ариуум – богиня красоты, прелести (от аргим + паса/цветок по-согдийски), т. е. красивый цветок (ДТС, с. 298)</p>	<p>Афродита – богиня любви и красоты</p>
<p>Фагимасак – бог моря, воды</p>	<p>Фукмашакъ, Пукмашакъ – бог воды, дождя, стихийных бедствий</p>	<p>Посейдон – бог моря, воды</p>
<p>Орей, Орий – бог войны</p>	<p>Орий – бог войны (видимо, отсюда и клич «Орийда!», «Орайда!»)</p>	<p>Арес (Аррей) – бог войны</p>

До настоящего времени карачаево-балкарские женщины клянутся именем богини очага Табити: «Тобады!», а мужчины – именем верховного бога: «Тейри!» В обыденной речи сейчас оба теонима имеют значение «клянись», «ей-богу» (ДТС, с. 1–2, 203, 259, 298, 527 и др; *Хабичев*, 1987, с. 22–23; 1982, с. 13–15; *Боргояков*, 1975, с. 110–120; *Лайпанов*, 1992, с. 131; *Мизиев*, 1986, с. 45–46).

Знаменитый датский тюрколог М. Томсен, расшифровавший древнетюркские Орхоно-Енисейские рунические надписи и обнаруживший в них культ Тенгри, академик В. В. Радлов, некоторые другие тюркологи указали, что Тенгри, означающий «бог» и «небо», издавна бытовал у тюркских и монгольских племен. Он считался у них верховным божеством (*Радлов*, 1905, т. 3, ч. 1, с. 832, 1043–1044).

Археолог Е. П. Алексеева, давно занимавшаяся этногенезом карачаевцев и балкарцев, считает, что культ Тенгри/Тейри был занесен на Северный Кавказ булгарами (*Алексеева*, 1971, с. 169). Этнограф И. М. Шаманов и фольклорист М. Ч. Джуртубаев доказали, что корни Тейри надо искать еще у скифов. Тейри, будучи верховным богом и богом неба, одновременно выступает как источник и податель добра и радости, вершитель людских судеб (*Шаманов*, 1982, с. 155–167; *Джуртубаев*, 1991, с. 162–176).

Интересно отметить, что из числа живших и живущих на Кавказе тюркских народов (азербайджанцы, турки-месхетинцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, трухмены/туркмены) культ Тенгри/Тейри бытовал только среди карачаевцев и балкарцев (*Чурсин*, 1926, с. 73).

Болгарские ученые отмечают, что и после принятия болгарями христианства древнетюркский верховный бог Тенгри (в форме Тангри) продолжал бытовать у болгар еще несколько веков (*Бешевлиев*, 1939, с. 34).

Карачаево-балкарский Тейри, по мнению Ф. А. Урусбиевой, «не получил ни зооморфного, ни антропоморфного облика и наделен универсальными космическими функциями» (*Урусбиева*, 1979, с. 10). В настоящее время культ Тейри вытеснен культом Аллаха, но еще в начале XIX в. верховный бог почитался карачаево-балкарцами. Г. Ю. Клапрот, совершивший в 1807–1808 гг. путешествие по Кавказу, писал о карачаевцах: «Они почитают бога, называемого не Аллах, а Тенгри, который является творцом блага» (*Клапрот*, 1974, с. 245).

Теоним «Тейри» и культ Тейри карачаево-балкарцами были унаследованы, а не заимствованы, и корни Тейри (скифский «Таргитай») и других карачаево-балкарских языческих богов нужно искать в пантеоне древнейших богов пратюрок, носителей ямной, срубной, скифской культур. Тейри, видимо, первоначально почитался как герой, а с течением времени (с началом разложения первобытно-общинного строя) постепенно превратился в могущественного верховного бога древних пратюрок (*Джуртубаев*, 1991, с. 164, 172).

Приведенная выше сравнительная таблица богов у скифов и карачаево-балкарцев наглядно показывает, что скифы – одни из далеких предков последних. При сопоставлении же религиозных верований скифов и осетин

ученым ничего подобного обнаружить не удалось. Поэтому иранистам едва ли целесообразно писать о «прямом наследовании» осетинами духовной культуры скифов. Но такие попытки делаются и сегодня.

Видный французский ученый-индоевропеист Жорж Дюмезиль, написавший ряд книг об осетинском фольклоре, в последней своей книге «Скифы и нарты» (М., 1990) пытается, причем явно неудачно, проводить параллели между скифскими богами и осетинскими нартами. В частности, он совершенно необоснованно находит аналогию между скифским богом Аресом и нартскими богатырями Батразом и Тыхостом. Ученый утверждает, что осетинский «Тыхост – дух коренной, местный; он, безусловно, прямой, остепеневшийся наследник скифского Ареса – и в своих обязанностях распорядителя грозы (тут он замещает святого Илью), и как защитник селения» (с. 13).

Общие мотивы можно найти в фольклоре почти всех народов. В карачаево-балкарском фольклоре, как сказано выше, есть что сравнить со скифами, но уже конкретно, вплоть до аналогичных или сходных имен и функций богов у тех и других.

В названной выше книге М. Ч. Джуртубаева приводятся многочисленные аналогии между героями скифских и карачаево-балкарских легенд и сказаний. Для нас особое значение имеет следующее научное открытие автора.

Как известно, Геродот (кн. 4, с. 5) передал скифскую легенду о том, как на землю скифов упали с неба золотые плуг, ярмо, секира и чаша (Геродот, 1978, с. 188). Эту легенду пытались истолковать многие ученые-индоевропеисты, в их числе и Ж. Дюмезиль, однако до сих пор в астрономиях индоевропейских народов никто не обнаружил указанных предметов, так как прежде чем упасть с неба, там должны были пребывать прообразы золотых предметов из легенды. М. Ч. Джуртубаев открыл астрологическую суть скифского сказания.

Карачаево-балкарцы именуют созвездие Малой Медведицы *Мырыт джуддузла*, или *Мырытла*. М ы р ы т – это лемех, сошник (на карачаево-балкарском языке). Созвездие Ориона именуется *Гида джуддузла*, или *Гидала*. Г и д а – обоюдоострый топор, секира, боевое оружие скифов и карачаево-балкарцев (много таких топоров найдено в археологических памятниках скифов). Группа из семи звезд в созвездии Северной Короны, внешне напоминающая чашу, называется *Чемюч джуддузла*, или *Чемючле*. Ч е м ю ч – это чаша. Созвездие Весов карачаево-балкарцы именуют *Боюнсха* (Боюнса) *джуддузла*, или *Боюнсхала*. Б о ю н с х а – ярмо.

Таким образом, в карачаево-балкарских астрономиях автор впервые обнаружил единственные прообразы легендарных скифских святынь.

Он пишет: «Полагаем, что эти четыре созвездия символизировали для скифов год, почему и считалось, что человек, заснувший при охране золотых предметов, не проживет и года, «уснет». Объезд же на коне участка земли, видимо, символизировал движение Солнца, его годичный цикл, а сам страж – Колакская, образ которого сохранился в культе солнечного бога Голлу... Мы уже приводили и приведем далее доказательства того, что в образе нартов в карачаево-балкарском эпосе фигурируют скифы. Поэто-

му полагаем, что эти предметы, по скифской мифологии, были сброшены на землю именно кузнецом Дебетом» (*Джуртубаев*, 1991, с. 137).

Чтобы смысл приведенной цитаты был ясен до конца, скажем несколько слов о Дебете. В разделе книги «Дебет и Кайнар» М. Ч. Джуртубаев пишет, что покровитель кузнечного дела Дебет Златоликий – Алтынбет Дебет – создан Тейри из кусочка его сердца. Видимо, имеется в виду Солнце. Боги земли и огня дают ему разумение языка камня и огня, и Дебет сразу распознает, что содержится в том или ином куске камня, в земле, в горе и т. п. Ему приписывается изобретение наковальни, клещей, молота (до этого он ковал железо кулаком). Дебет (Дауэт) впервые на земле подковывает коня, он же обучает людей кузнечному ремеслу. Когда он начинал ковать оружие, частицы раскаленного металла, вылетая из-под его тяжелого молота, прилипали к небесному своду, превращаясь в звезды. Тогда рассеялась тьма, ночи стали светлыми, и нарты, овладев оружием, выкованным чудо-кузнецом, стали побеждать чудовищ и диких зверей. После того как Дебет изготовил достаточно оружия, он смастерил крылатую колесницу и улетел в небо, где продолжает ковать железо для небесных жителей, а падающие звезды – осколки раскаленного металла, вылетающие из-под молота.

В карачаево-балкарском нартском сказании о Дебете говорится, что главным именем Тейри-Солнца было «Къайнар-Тейри» («Кипящий Тейри») (скифский бог Гойтосир). Къайнар-Тейри сотворил землю, горы, воды и звезды. Когда он сотворил землю, она дрожала и тряслась, а моря бушевали, поэтому люди целых семь лет били поклоны Къайнар-Тейри, плакали умолая: «Землю сотворил ты – не дай ей трястись. Воды явил ты – не дай им качаться!».

Тогда бог сотворил горы и вбил их в землю, как клинья, после чего землетрясения и штормы прекратились. Къайнар-Тейри извергал на землю желтые камни – золотые самородки (*къусукъ* – изрыгнутое), серебро – его замерзшие слезы, железо – его испражнения, бронзу – родную сестру золота. Когда же нарт Дебет отделил железо от камней и выковал из него боевое оружие, нарты истребили своих врагов, так называемых харра, человекообразных безобразных существ, покрытых красной шерстью.

Имя нартского кузнеца состоит из слов *дып/тын* (огонь, огненный) + *бет* (лицо; следовательно, *дыпбет* означает «огненноликий», т. е. Солнце. Возможно, в какое-то время слово «Дебет» («Дыпбет») само было эпитетом к имени солнечного божества, а затем стало именем нартского кузнеца. «Къайнар» же так и осталось именем бога Солнца. Выстраивается целая цепь: Къайнар – Дыпбет Къайнар (Огненноликий Къайнар) – Дебет – Алтынбет Дебет (Златоликий Дебет) – Къайнар-Тейри (*Джуртубаев*, 1991, с. 155, 157).

М. Ч. Джуртубаев, М. А. Хабичев и некоторые другие ученые считают, что нартский эпос ряда северокавказских народов и абхазцев берет начало от тюрк-скифов. Эта гипотеза подтверждается многочисленными фактами, прежде всего тем, что большинство имен нартских героев этимологизируется из тюркских языков, в частности из карачаево-балкарского: Дебет – Огненноликий, Батраз – богатырь + ас, Алауган – Ал + оглан – первый сын и т. д.

О первоначальной идентичности Къайнара и Дебета говорит присутствие первого теонима в нартском эпосе абхазцев – кузнеца Айнара. Айнар здесь не бог-кузнец, а просто искусный мастер. Богом кузнечного дела у абхазцев был Шашпа, которого абхазцы не отождествляют с Айнаром. Это свидетельствует о том, что Айнар был заимствован у предков карачаево-балкарцев, и подтверждается исследованиями Ш. Х. Салака (1966, с. 57, 72).

Об идентичности Къайнара и Дебета красноречиво говорит и другой факт. Если абхазцы позаимствовали у предков карачаевцев и балкарцев первое имя солнечного божества (Къайнар), то адыги переняли второе имя, Дебет, в форме Дабеч. Ни первое, ни второе имя божества карачаевцев и балкарцев не этимологизируется с абхазского и адыгского языков. В адыгском сказании старый кузнец Дабеч выступает в роли истинно адыгского божества кузнечного ремесла Тлепша (Нарты, 1974, с. 308).

Бог-кузнец Дебет дублируется также в осетинской мифологии и эпосе. Как пишет В. И. Абаев, в некоторых обрядах и сказаниях бог очага и надочажной цепи выступает как бог-кузнец, заменяя Курдалагона. Имя этого божества – Сафа (Абаев, 1982, с. 9).

Осетинский фольклорист Г. Шанаев пишет, что Курдалагон был вторым небесным кузнецом после Сафа (Памятники народного творчества осетин, 1925, вып. 1, с. 62). А Сафа, как утверждает В. И. Абаев, являлся христианским святым Саввой, вошедшим в языческий пантеон осетин (Абаев, 1979, с. 9). По его мнению, Курдалагон состоит из *курд* (кузнец) + *ала* (аланский), *уарх* – старое осетинское название волка, новое – *бираг* (от тюркского берю) и суффикса *он*, означающего принадлежность к известному роду (Абаев, 1949, с. 592, 594).

М. Ч. Джуртубаев справедливо считает подобную этимологию ошибочной и неубедительной. Разгадка же имени Курд + Алагон лежит на поверхности и легко объяснима. Это имя старшего сына Дебета, Алаугана. Нартский эпос повествует о том, что у Дебета было 19 сыновей, самым могучим среди них был старший сын. Причина, по которой карачаево-балкарские Къайнар, Дебет и Алауган дублируют Шашпы, Тлепша и Сафа, вероятно, в том, что наиболее развитая культура железного века на территории СССР, сложившаяся в VII в. до н. э. и достигшая расцвета в V–IV вв. до н. э., принадлежала скифским племенам Северного Причерноморья (*Першиц, Монгайт, Алексеев*, 1982, с. 169).

Нартский эпос, как доказано наукой, – сложился в Причерноморье и на Кавказе, где происходили длительные контакты предков карачаево-балкарцев, абхазов, адыгов, осетин, ингушей, кумыков. Будь скифы ираноязычными предками осетин, как принято считать сейчас, имена богов кузни у абхазцев и адыгов были бы не тюркскими, а иранскими (*Джуртубаев*, 1991, с. 160).

Главная героиня нартского эпоса Сатанай (Сатаней), считающаяся матерью нартов, легко этимологизируется с карачаево-балкарского языка: *Сат* (священная) + *анай* (мать), или же *Сатан* (прекрасная) + *ай* (луна) (*Джуртубаев*, 1991, с. 25).

В сказаниях говорится о том, что Сатанай-бийче была дочерью Луны и Солнца (*Джуртубаев*, 1991, с. 160–161; Къарачай-малкъар нарт таурухла, 1966, с. 28).

Во многих нартских сказаниях говорится, что нарты – сыновья Солнца (Дебета) и Луны (Сатанай). Отсюда объясняется, почему у Дебета 19 сыновей. Речь идет о так называемом Метановом цикле, известном многим народам древности, когда люди пытались совместить число дней лунного месяца и число дней солнечного года. Выход был найден: оказалось, что 19 солнечных лет равны 235 лунным месяцам.

«Таким образом, независимо от того, открыли ли предки балкарцев и карачаевцев этот цикл самостоятельно или позаимствовали у другого народа, 19 лет лунного солнечного цикла стали олицетворяться ими в образах 19 сыновей Солнца (Дебета) и Луны (Сатанай). Когда основа олицетворения была забыта, стало казаться естественным, что первая по красоте и мудрости женщина должна быть женой Ёрюзмека, а не мирного труженика Дебета, живущего отрешенно и не участвующего в повседневных заботах своих потомков, которые, в свою очередь, обращаются к нему только в самых затруднительных ситуациях. Но, разумеется, такая перестановка произошла постепенно, медленно, а не в результате замысла какого-либо сказителя... Образы Дебета и Сатанай – соединительное звено между мифологией карачаево-балкарцев и их эпосом, не единственное, разумеется, но очень важное, подтверждающее со всей наглядностью непрерывность традиций их духовной культуры с глубокой древности до наших дней» (*Джуртубаев*, с. 162).

ДАННЫЕ АНТРОПОЛОГИИ

Ряд антропологов утверждает, что черепа из Средней Азии не похожи на скифские. Отсюда делается вывод о маловероятности прихода скифов из Азии. Всех скифов эти исследователи считают европеоидами.

Эту позицию занимает академик В. П. Алексеев. В своем последнем научном труде он пишет: «Если не принимать во внимание работы, посвященные краниологии скифов, выпущенные еще в прошлом веке и устаревшие по своей методике, то первым исследователем этого комплекса был Г. Ф. Дебец, высказавший гипотезу о его формировании на основе еще более древнего протоморфного комплекса, исходного для европеоидной расы вообще. Не обсуждая последней части этой гипотезы, подчеркну ее высокую вероятность в отношении генезиса самой скифской комбинации признаков. Исходный протокомплекс зафиксирован на той же территории в эпоху неолита и бронзы многими материалами».

Какой этногенетический вывод вытекает из генетических связей скифов с населением эпохи бронзы, проживавшим на той же территории? Он со-

стоит в том, что скифы не появились в Южно-Русских степях с юго-востока, как можно думать в соответствии с археологическими и лингвистическими наблюдениями; не появились они и с юго-запада, как заставляет думать приводимая у Геродота легенда об их происхождении, а сложились они на том же месте, где их застаёт история. Антропологический материал не исключает инородных этнических включений в состав скифов, но преимущественное значение придает все же местным истокам их этногенеза» (Алексеев, 1989, с. 177).

На этой же позиции стоял и выдающийся скифолог археолог Б. Н. Граков (1977, с. 153–154), считавший предками киммерийцев и причерноморских скифов носителей срубной культуры. Но несомненно, что среди скифов было много пришлого из Азии населения, а среди него были и монголоиды, хотя и в незначительном количестве (Акишев, 1973).

По вопросу об антропологическом типе скифов ученые не пришли к единому мнению: одни считают всех скифов европеоидами, другие утверждают, что среди них, в частности не собственно скифов, были и монголоидные племена. Мы считаем верной вторую точку зрения, так как сам Геродот прямо указывал, как отмечалось выше, что среди племен, которые считались скифскими, были монголоиды (Герасимова и др., 1987, с. 25, 238).

Изучая черепа древнейших жителей Поволжья, М. Н. Герасимов обнаружил монголоидность, скорее всего лапаноидность, у части населения региона, жившей еще в эпоху неолита.

Греческие писатели, знакомые со скифами, писали, что это красивые люди крепкого телосложения. Скифы, изображенные на предметах, найденных в скифских курганах, – тоже европеоиды. Это подтверждает версию о том, что монголоидов среди скифов было немного, но они все же были. Знаменитый Гиппократ в своем сочинении «О воздухе, водах и местностях» описал внешний вид скифов. Прежде всего он отмечает их длиннотелость, обусловленную тем, что «лишь только родится ребенок, пока еще его кости мягки, неотвердевшую головку его выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений...» (гл. 21). Далее он пишет: «Все скифское племя – рыжее, вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточной силой, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий (гл. 28) (АИСК, 1990, с. 34–35).

В. Ю. Мурзин, ссылаясь на антрополога С. И. Куц, пишет, что «об антропологической однородности населения Северо-Причерноморских степей в скифское время говорить не приходится» (1990, с. 13). Он пришел к заключению: скифы как этнос сформировались «в результате взаимодействия родственных по языку местных и пришлых кочевых племен, генетические истоки которых следует искать среди различных групп населения культур срубного (местная линия) и андроновского (восточный компонент) круга, носители которых, судя по всему, были ираноязычны» (Там же, с. 14).

С этим выводом можно согласиться вполне, если опустить концовку об ираноязычности скифов, так как мы убеждены, что, «судя по всему», в том числе и по данным языка, собственно скифы – сколоты – наверняка

были тюрками, хотя среди скифов встречались и другие этнические группы. По своим антропологическим признакам нынешние тюркоязычные карачаево-балкарцы довольно близки к древним скифам.

В. П. Алексеев относит северокавказские горские народы – карачаевцев, балкарцев, осетин-дигорцев – к кавказскому типу европеоидной расы. Людям этого типа присущи, по его словам, «высокий рост, массивность черепа, большие размеры головы и лица, сближающие кавкасионские народы с древними представителями европеоидной расы... Широколицый тип фиксируется на Северном Кавказе в палеоантропологических материалах бронзы и раннего железа» (Алексеев, 1974, с. 137).

Эти же антропологические данные присущи и скифам. В. П. Алексеев пишет о европейских скифах: «Это были классические европеоиды, отличавшиеся... удлинённой формой головы, относительно низким и широким лицом, довольно массивным скелетом и сравнительно высоким ростом» (Алексеев, 1989, с. 176–177).

Следовательно, из северокавказских народов больше всех унаследовали скифский антропологический тип карачаевцы и балкарцы, а также осетины-дигорцы, которых многие ученые считали иранизированными тюрками, так как в их языке очень много тюркизмов. Они резко отличаются от остальных осетин не только по антропологическим признакам, но и по языку, о чем будет сказано ниже.

О ЯЗЫКЕ СКИФОВ

Мы уже отмечали, что ни один из древних или средневековых авторов ни словом не обмолвился о том, что язык скифов был иранским. Видный иранист В. И. Абаев и его последователи в один голос говорят, что язык скифов известен нам по отдельным данным ономастики (Абаев, 1949, с. 239). Версия об ираноязычности скифов в основном строится на этом весьма шатком материале.

Многие ученые не придавали особого значения ономастике при определении этнического облика скифов, так как скифские имена, тождественные фракийским и персидским, просто заимствованы из этих языков, и поэтому не имеют никакой доказательной силы в вопросе этнической принадлежности скифов, тем более те, которые взяты с надгробных камней греческих городов Причерноморья, где могли быть похоронены, например, приезжие купцы.

При исследовании вопросов этногенеза необходимо использовать ономастику, но следует при этом учесть, что, если судить по семантике имен нынешних мусульман-тюрков на основе почти исключительного употребления у них арабских личных имен, их можно причислить к семитам.

«Преобладание иранских собственных имен не является достаточным доказательством, если имена нарицательные скифского языка не подтверждают иранских или индоевропейских этимологий, как, например, для обозначения кочевой повозки и шатра, предметов очень важных для кочевых народов. Более чем сомнительно рассматривать скифов как иранцев», – пишет выдающийся американский востоковед и славист профессор К. Г. Менгес (1979, с. 29).

И действительно, нетрудно представить себе, в какие дебри уведет ученого тюркоязычная ономастика у русских или арабо-персидская у восточных народов. Нельзя также определить национальность, скажем, осетин или карачаево-балкарцев по их личным именам, так как у первых они греческие, у вторых – арабские.

Ф. Брун, Ф. Мищенко и некоторые другие российские скифологи весьма сожалели о том, что главный авторитет по утверждению ираноязычности скифов профессор К. Мюлленгоф в своих этимологиях личных имен игнорировал тот факт, что многие разбираемые им имена легко объясняются материалом тюркских языков. Не придавали никакого значения этимологиям Мюлленгофа и ученые 30-х гг., считая их «устаревшими и ничего не дающими для восстановления реального языка скифов и сарматов» (*Колобова*, 1933, с. 416).

Хотя многие иранисты-скифологи сожалеют, что о языке скифов приходится судить только по ономастике, некоторые из них и этот материал, содержащийся в первоисточниках – произведениях Геродота, Страбона, Плиния и других древних авторов, – сознательно игнорируют, чтобы явно тюркские значения скифских имен не разрушали хрупкую теорию ираноязычности скифов. Достаточно упомянуть такие скифские имена, как «Таргитай», «Колаксай», «Липоксай», «Арпоксай», «Папай», «Апи», «Орей», «Мадий», («Мадай», «Матай»), «Партатуа», которые легко этимологизируются с тюркских языков. Что же касается нарицательных скифских слов, содержащихся в источниках, то их иранисты вообще не принимают в расчет. Даже Мюлленгоф не мог отрицать, например, то, что скифское слово «асхи» («ачы») является тюркским и означает «горький». Тожество этих слов признали Томашек, Шафарик, Стратановский, Лурье и другие ученые (Доватур, Каллистов, Шишова, 1986, с. 27).

Приведенные факты подтверждают следующий вывод: «Скифский язык как нечто единое, цельное и монолитное для всех племен, известных у греков и римлян под именем «скифские», есть фикция» (*Колобова*, 1933, с. 433). О том, что это действительно фикция, свидетельствует и Геродот, переводя скифское слово «ойор» как «мужчина» (на тюркских языках «мужчина» – «эйр», «эр» (*Закиев*, с. 26). Подтверждает эту мысль и автор XII в. Иоан Цец, по утверждению которого скифы называли Азовское море «Карбалык» (*по-тюркски* «Гигантская рыба»). Признавая и используя слова Иоана Цеца, многие ученые не задумываются над тем, что приведенный термин состоит из двух общетюркских слов: «кар» («кара») – могучий, обильный, крупный, мощный, «балык» – рыба (ДТС, с. 80). Уместно напомнить, что у половцев-кипчаков один из самых влиятельных родов имено-

вался «Карбалык», а по мифологии саяно-алтайских тюрков, Земля покоится на трех громадных рыбоподобных существах – «Карбалык».

Один из современных авторитетнейших сторонников теории ираноязычности скифов, В. И. Абаев, в книге «Осетинский язык и фольклор» (1949) привел 196 лексических скифо-осетинских сходжений. Его труд с восторгом был принят многими индоевропейцами. На самом же деле, оказывается, как признает сам ученый, 41 слово «не оставило в осетинском никакого следа». Тогда закономерен вопрос: на каком основании эти слова учитываются как скифо-осетинские параллели? Из оставшихся 101 слово имеет прозрачные тюркские значения, не требующие никаких изменений. Объяснение последних 47 слов В. И. Абаевым крайне неубедительно («Смуглый созир»?), «Варазмак с Дона»?), «Волкопечий», «Супоед», «В нем нет дыхания жизни», «Имеющий здоровую жену», «Невредимый утром», «Находящий шерсть оленей» и т. п.).

Далеко от действительности утверждение о наличии у скифов таких якобы иранских слов, как «ману», «вира», «нар» в значении «муж», тогда как Геродот (кн. 4, с. 110) прямо говорит о том, что скифы обозначали понятие «муж» словом «ойр». Подобных примеров множество, но и приведенных, думается, вполне достаточно, чтобы показать их научную несостоятельность.

Кстати, еще в 1960 г. И. Г. Алиев писал, что среди собранных В. Ф. Миллером 425 скифско-сарматских слов лишь 167 можно считать иранскими, а 258 наверняка таковыми не были. Л. Згуста из 613 собранных им скифских имен иранскими считал лишь 286 (Алиев, 1960, с. 102).

СКИФСКИЕ ЭТНОНИМЫ, ТОПОНИМЫ, ОНОНИМЫ

Иранисты не только избегают упоминания таких скифо-тюркских личных имен, как «Папай» («Бабай» – предок, «Апи» («Апай») – мать, матушка, «Атей» («Ата») – отец, но и не могут правдоподобно объяснить этимологию имен легендарных скифов – Таргитай, Липоксай, Арпоксай, Колаксай и других, которые имеют весьма прозрачные поныне бытующие тюркские значения (Мизиев, 1986, с. 45).

С позиций иранских языков до сих пор остаются необъяснимыми основные скифские этнонимы: «ашкузы», «скуты», «скифы», «сколоты» и др. В то же время эти этнонимы являются тюркскими терминами, полностью отвечающими скифским значениям.

Как известно, среди тюркских племен в древности одним из распространенных колен было «Ас-киши» или «Ас-кизи». Нет сомнений, что библейское название скифов, «Ашкузы» – тот самый тюркский этноним. По широко распространенной в тюркских языках закономерности перехода з/с в д/т интересующий нас термин в чужеродной среде легко мог пре-

вернуться в «ашкут». Такому переходу звуков множество примеров из казахского, татарского, башкирского, карачаево-балкарского и других языков: «тарка»/«сарка», «тын»/«сын», «казыр»/«кадыр», «барзым»/«бардым», «ыргыз»/«ыргыт» и т. п. Подобный переход не был чужд и греческому языку: «фазис»/«фазид», «гиппанис»/«гиппанид», «танаис»/«танаид» и др. При отсутствии шипящих звуков греки не могли произносить «ашкут» иначе, как «аскут». Начальный звук «а» варварского термина мог потеряться в иноязычной среде, как, например, «Ыстамбул»/«Стамбул», «Ысхауат»/«Схауат», «Ышканы»/«Шканы» и др.

Таким образом, этноним «Ашкут»/«Аскут» легко превращается в «Скут», что в русском переводе звучит как «скиф». Следовательно, термин «скут» является порождением греко-римской книжной традиции в результате искажения тюркского «Ашкуз»/«Ашкут». Тем самым мы находим подтверждение словам Ф. Г. Мищенко, что термин «скут» может быть искажением туземного слова.

А вот предпринятая В. И. Абаевым попытка объяснить термин «скут» как германское слово «скут» – «стрелок из лука», «стрелять», лингвистами не принята (Абаев, 1865, с. 25).

Известно, что скифы-кочевники, или царские скифы, называли себя «сколоты», или «сколты». До сих пор этот термин не нашел разъяснения ни в одном из языков. Возможно, он тождествен карачаево-балкарскому термину «ысхылты», или «схылты», означающему высшую социальную знать общества (Мизиев, 1986, с. 48).

В «Декрете в честь Протогена» (III в. до н. э.) царские скифы названы скифским термином «сай». До сей поры необъясненный термин «сай»/«сый» – не что иное, как половецко-караимское и карачаево-балкарское слово, означающее «почет», «уважение». Отсюда происходят слова «сайга»/«сыйла» – почтенный, почетный, почитаемый, уважаемый; «сайла» – выбор, избранный, выборный и т. п. (Там же).

Имеют место и другие толкования термина «сколот» (см. ниже). Геродот указывал, что сами скифы именуют себя «сколот». Сколотов, которые управляли всеми разноязычными «скифскими» племенами, древние авторы называют «царскими скифами». Именно из их среды вышли все скифские цари, в их числе и знаменитый Атей/Ачей, который в IV в. до н. э. объединил все три части Скифии в единое мощное государство и который погиб в 90-летнем возрасте в 339 г. до н. э. в битве с войсками Филиппа II, отца Александра Македонского, пытавшегося завоевать Скифию. Б. Н. Граков сколотов называет собственно скифами-кочевниками (Граков, 1977, с. 120).

Сколоты, или царские скифы (они же собственно скифы), состояли из четырех этнических близкородственных племен – «авхат», «катиар», «траспи» и «паралат». По некоторым признакам, прежде всего по их тюркскому самоназванию, именно эти скифские племена многие ученые считают тюркоязычными. Согласно скифской легенде, они произошли от сыновей родоначальника скифов – Таргитая.

Геродот (кн. 4, с. 6) пишет: «Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое *авхатами*, от среднего брата – племя

катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются *сколотами*, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами» (*Геродот*, 1972, с. 188).

Названия упомянутых выше племен, как и имена Таргитая и его сыновей, иранисты неоднократно пытались этимологизировать, исходя из иранских языков. Чтобы получить желаемый результат, они изменяли и переставляли буквы и даже целые слоги в слове, иногда даже целый этноним, антроним, а затем делали далеко идущие выводы.

К примеру, возьмем термин «паралат». В. И. Абаев, Э. А. Грантовский, другие видные языковеды-иранисты этимологизировали это слово, исходя из древнеиранского языка. По их утверждению, в древности оно произносилось как «парадата», что в переводе с персидского якобы означает «поставленные во главе», «предустановленный», «исконно назначенный» (*Абаев*, 1974, с. 298). На основании этого весьма сомнительного объяснения построена легковесная концепция в отношении всех скифов и их языка (как иранского), которую большинство скифологов взяло на вооружение как научную установку.

На самом деле названия сколотских (скифских) племен, а также многих других племен, которые античные авторы именуют «скифскими», легко объяснимы на тюркских языках. Приведем примеры.

«Авхат». От тюркского слова «абак» («дядя по отцу») + соединительная фонема *a* + суффикс мужественности *t*, характерный для общей тюркомонгольской лексики (*ЭСТЯ*, 1978, т. 11, с. 10–11; *Малов*, 1951, с. 51).

«Катиар». От тюркского «каты» («твердый», «стойкий») + «ар»/«эр» = «стойкие мужчины» («люди») (этимология наша. – *Авт.*).

«Траспи». От тюркского «тар» («узкий») + «сепи»/«спи» («глаз») = «узкоглазый». Подобную этимологию давал и сам Геродот (кн. 4, с. 27; 1972, с. 193).

«Паралат». От тюркского «бор»/«берю» («серый» в значении «волк») + «олот»/«элэт» = «волчье племя». Волк, как известно, был тотемным животным древних тюрок (*Гордлевский*, 1947, вып. 4).

«Сколот» (самоназвание скифов). М. А. Хабичев этимологизирует из тюркского «сак» + «олот» («племя») = «осторожное племя». Само слово «сак» означает «осторожный» (*Хабичев*, 1987, с. 18).

Г. А. Гейбуллаев считает, что «сколот» образовано от «иск»/«эски» («старый», «древний») + «кел» («племя» = «древнее племя»). «Скол» схож с древнетюркским этнонимом «эскил», «ешкил» (племя древних булгар). В настоящее время этноним «ешкил» бытует среди части каракалпаков, узбеков, кыргызов. Типологически он стоит рядом с тюркскими этнонимами скифских и сарматских племен «басил»/«барсил» – от «бас»/«баш» («голова» + «ил»/«эл» («племя», «народ») = «главное племя»; «кергил» «чигил» и др. В них есть тюркский корень «эл»/«ил» («племя», «народ») (*Гейбуллаев*, 1991, с. 310, 314).

«Акацир». М. З. Закиев пишет, что среди скифских слов много этнонимов с тюркским корнем «эр-ир»/«эрк»-«эркек» («муж», «мужчина», «люди», «мужественный»), а также с окончаниями *-лы*, *-ты*, характерными для тюркских языков. Крупное скифское племя, жившее в лесистой местности на Дону, частично на Северном Кавказе, называлось «акацир» («акачир»)

(греки писали тюркское ч как ц). Слово «акачир» состоит из «агач»/«акач» («лес» + «эр» («мужчина», «люди») = «лесные люди») (Закиев, 1986, с. 24, 29). Об акачирах писал в 442 г. Приск Панийский, который был послом у гуннского царя Аттилы, и готский историк Иордан (IV в. н. э.). М. З. Закиев полагает, что «хазары идентифицируются с акацирами» (Там же, с. 25). В качестве гипотезы можно предположить: хазары являются потомками скифов-акациров. Некоторые ученые считают, что этноним «хазар» состоит из «хаз»/«каз» («гусь») + «ар»/«эр», т. е. «гуси-люди». Видимо, этноним «казак»/«казак» связан с тотемной птицей – гусем («каз» – «гусь» + «ак» – «белый» = «белый гусь»).

«Агафирс». Этноним «акацир» греческие авторы чаще всего писали как «агафирс». При этом буква с является обычным греческим дополнением к слову, а звук ф передает изначальное т, т. е. «агатир». Это слово является фонетическим производным от тюркского «агачир». В I–IV вв. н. э. агафирсов упоминают Плиний, Помпоний Мела, Клавдий Птолемей, Юлий Солин, Аммиан Марцеллин. Птолемей помещает их выше тюркоязычных саваров (суваров), которые были родственны савроматам (Гейбуллаев, 1991, с. 293–294).

«Савромат». Это слово образуется от этнонима «савар»/«сувар» + «эр» («водные люди») + компонент «мат».

Этноним **«Агаджеры»** сохранился в Азербайджане как топоним «Агаджеры-даг» («Агаджеры» + «гора»). Такой же топоним имеется в Иранском Азербайджане (Гейбуллаев, 1991, с. 294).

«Аримаспи». Это скифское племя, жившее в Северном Причерноморье, было тюркским. Основываясь на сведениях Геродота, называющего их «одноглазыми», М. З. Закиев пришел к заключению, что под этим этнонимом подразумеваются люди с «наполовину закрытым глазом»: от тюркского «йарым» («половина») + «сепи» («глаз») = «полуоткрытый глаз», в смысле «узкоглазый» (Закиев, 1986, с. 17).

«Арим» происходит от «йарым», так как для огузской группы языков характерно, что некогда слово «йарым» имело форму «арим».

Г. Д. Филипс считал аримаспов тюрками, а В. Томашек – предками гуннов и тюрок (Доватур и др., 1982, с. 256),

«Будины». От тюркского «буд» («волк») + «ин»/«йан» («дух») = «волчий дух». Возможно, «будин» означает «племя», «народ», «население» (ДТС, с. 108). У карачаевцев существует древний род «будинан», в который входят Боташ, Байрамук, Акбай, Элкан, Теке, Чотча и другие фамилии – всего 10.

«Исседон» – это тоже тюркское племя: от «ич»/«ис» («подкладка» + «одежда») = «имеющий одежду с подкладкой». Так считает Г. А. Гейбуллаев (с. 296), но данную этимологию нельзя признать убедительной. Скорее всего, с древнетюркского языка надо переводить не «ич»/«ис», а «исси»/«иссе» («горячий») + «дон» («река») = «горячая река», в смысле «живущие у горячей реки», вернее, «у горячих источников», а таковые с древнейших времен известны в районе Пятигорья. Карачаево-балкарцы, древнейшие жители Пятигорья, до сих пор эту местность называют, «Иссисуу» – «Горячая вода». Отсюда и русские казаки называли свою станцию Горячеводская. Она

расположена рядом с Пятигорском, где много горячих минеральных источников.

«Иирки» («тюрки»). Это тюркоязычное скифское племя (о нем сказано выше). Многие ученые (П. И. Шафарик, З. И. Ямпольский и др.) иирков Геродота отождествляют с тюрками. Помпоний Мела и Плиний Старший (I в. н. э.), как уже говорилось, прямо писали именно о тюрках (турках, тирках), проживавших в Северном Причерноморье (АИСК, 1990, с. 100, 108).

«Саки». Многие авторы отождествляют их со скифами и савроматами, а также с их потомками – сарматами. Большинство специалистов считает, что саки были исконными жителями Казахстана и Средней Азии и явились прямыми потомками племен бронзового века (*Литвинский*, 1972, с. 156).

Со своей исконной территории они не позже VII в. до н. э. проникли в Иран, Переднюю и Малую Азию, Закавказье, в том числе в Кавказскую Албанию, где с давних пор жили отдельные тюркские племена. Геродот писал, что йерсы называют скифов «саками» (*Геродот*, 1972, с. 333). Многие античные и современные авторы отождествляют эти родственные племена, что дает основание утверждать, что саки, как и скифы, были тюркоязычными, хотя среди среднеазиатских саков ираноязычных племен, видимо, было больше, чем среди скифов. Некоторые исследователи предполагали, что саки первоначально не были иранцами, а переняли иранский язык от окружающего населения или что, по крайней мере, верхний слой саков был тюркским или монгольским (*Доватур, Каллистов, Шишова*, 1982, с. 394).

В. И. Абаев полагает, что слово «сак» восходит к осетинскому «сак» («колень»). Если бы на самом деле саки были ираноязычным племенем, то этот этноним сохранился бы хотя бы у одного ираноязычного народа. Таких фактов нет, но зато у тюркских народов этот термин бытует с небольшими фонетическими изменениями: этнические группы «шага» – у казахов, «шагай» – у узбеков, «саке» – у кыргызов, «шаклер» – у туркмен, «шаукай» – у ногайцев, «сакай» – у хакасов (*Гейбуллаев*, 1991, с. 84–90). Кстати, сакайский язык – это диалект хакасского языка. Якуты не случайно называют себя и свою страну термином «Саха». У некоторых тюркских народов, в частности, карачаево-балкарцев, сохранилось собственное имя «Шакай», «Шакман», «Шамай», «Сакинат».

Скифов-тиссагетов, массагетов Эйхвальд, Хансен и некоторые другие ученые считают тюрками (*Доватур и др.*, 1982, с. 227).

«Агриппей». Геродот сообщает, что они были лысыми (и мужчины, и женщины). По всей вероятности, они сбрасывали волосы. Одни ученые полагают, что эти племена жили в горах Кавказа, другие же считают их предками нынешних башкир и древнейшими жителями Урала. По мнению М. З. Закиева, термин «агриппей» образовался от «эр»/«ар» + «ат» («конь»). Коня греки называют «гиппос», отсюда и «агриппей» (*Закиев*, 1986, с. 27).

«Зорпата». Геродот переводит этот этноним как «мужеубийца» (от тюркского «эор»/«эр» – «муж» + греческое «пата» – «убивать») (кн. 4, с. 110) называли амазонок – женщин, которые участвовали в войнах наравне с мужчинами.

«Энаррей». М. З. Закиев полагает, что это слово образовано от тюркского «ана»/«эне» («мать», «женщина») + «эр» («муж», «мужчина») с общим значением «женоподобный мужчина» (Закиев, 1986, с. 27). По-видимому, это были евнухи, ставшие таковыми, как писал Гиппократ, из-за долгой езды на лошадях (Гиппократ, 1990, гл. 29).

«Меоты». От тюркского слова «мете» («глина», «ил») (Закиев, 1986, с. 27). Есть другая этимология этого слова из адыгского языка: «ме» («вонь») + «нате» («болото»), т. е. «вонючее болото».

«Тур»/«турк». Крупное сакское племенное объединение в Средней Азии. Термин «туран» выводится из слова «тур» и означает «страна туров/тюрок». Впоследствии Туран стали называть «Туркестан». По мнению некоторых исследователей, Тюрк был сыном библейского Яфета. С этим словом связан один из прародителей тюрок – Афрасиаб. В древнеиранском трактате «Города Ирана» говорится о том, что город Ганзак в древнем государстве Атропатена построил туранец Афрасиаб (Касумова, 1985, с. 22). Афрасиаб был тюркским героем, и в иранском эпосе он выступает как главный враг Ирана. Его имя несколько раз упоминается в Авесте, где он также представлен как главный противник иранцев. В иранских источниках туры именуются также «саками», характерной особенностью которых было то, что они ездили на лошадях. В Авесте говорится: «Туры с быстрыми конями» (Короглы, 1970, с. 104; Фрай, 1972, с. 67-68).

Приведенные факты говорят о том, что скифы и саки в своей основной массе были тюркоязычными племенами. Мы сознательно не обостряем вопросы, связанные с попытками доказать ираноязычность названных племен. Однако следует отметить, что иранисты самым невероятным образом пытаются объяснить скифо-сакские термины из иранских языков, хотя, как известно, видный лингвист-иранист В. Ф. Миллер утверждал, что «апи», «папай» и многие другие скифские термины, в частности имена скифских богов и многие этнонимы, не были иранскими (Миллер, 1987, с. 132).

Топонимика Древней Скифии и Древнего Турана также подтверждает правильность теории тюркоязычности скифов и саков.

Здесь необходимо прежде всего остановиться на названиях рек Скифии, которые иранисты толкуют как иранские, что является главным козырем теории ираноязычности скифов. По их мнению, самым веским доказательством являются названия рек *Дон*, *Днепр*, *Днестр*, *Дунай*. Если это иранские гидронимы, возникает естественный вопрос: почему же названия многочисленных притоков этих рек не являются иранскими, а притоки Дона носят в основном тюркские названия? Ответ на этот вопрос аргументированно дает М. З. Закиев, считающий вышеупомянутые гидронимы тюркскими. Аргументы в пользу этого мнения приведены ниже.

«Дон». От тюркского «тын» – «тихий». Недаром русские называют Дон «Тихим Доном». В скифское время эту реку именовали «Танаис», что напоминает тюркское «тыныс»/«тынч» («тихий», «спокойный»). Слова «тын» и «тыныс» затем могли быть восприняты вообще в смысле «река», ибо они встречаются в других гидронимах (Закиев, 1986, с. 27).

«Днестр». «Тыныч» + «тыр» – «тынчыстыр» («успокойся»).

«Днепр» – «Борисфен» (вернее, «Борисден»). «Борис» от «борыс» / «борыш» («извилистая», «поворачивать», «повернуть») + «ден» (видимо, восходит к слову «дон» («тын»), в целом «извилистая река»). Получается «Дынборус», сокращенно «Дыныбор» и «Дынепр».

«Истр». Так называли Дунай при скифах. Современное название реки происходит от тюркского «тынай» в значении «успокоиться», «сделаться тихим» (Там же).

М. З. Закиев считает, что «в Скифии названием одной реки «Тын» или «Тыныс» (Дон или Танаис) в смысле «тихий» стали называть и другие тихие, т. е. негорные реки». По его мнению, тюркское слово «ыдан» («тропинка», «межа», «путь») могло означать «реку», и слово «ыдан» («дан» – «дон») вполне могло означать не только тропинку /дорогу, путь, но и реку (Закиев, 1986, с. 29–30).

Профессор М. А. Хабичев пришел к подобным же выводам: он также считает, что в древнетюркском языке слово «тан» означало «река». Отсюда и тюркские гидронимы *Дон, Днепр, Днестр, Дунай*, названия многих других рек Причерноморья и Северного Кавказа (Хабичев, 1982, с. 32, 36, 40–44).

«Сиваш». Искаженное тюркское «сайбаш»: «сай» («мелкий») + «баш» («сторона») – «мелкая сторона».

«Кавказ». Это слово образовалось от тюркского «капу» («дверь»/«проход») + этноним «кас» с общим значением «проход сасов». Древние каспии жили в Закавказье, главным образом на западном берегу Каспийского моря, в том числе в районе Дербента. В древности Дербентские ворота назывались «воротами касов» («Кавказ»). Потом это название распространилось на весь регион. Арабы называли Кавказ «Каб»/«Габг», а персы – «Каф»/«Гаф». Эти термины восходят к тюркскому «Капу»/«Капыг». Плиний писал, что скифы называли Кавказские горы «Кроукас», т. е. «белые от снега». Этот термин состоит из «кыырау» («изморозь», «снег») + «кас» («екала»), т. е. «снежная скала» (Гейбуллаев, 1991, с. 300). «Қас» имеет также значение «бровь», «вал», «возвышенность», «высокий гребень» (Мизиев, 1991, с. 47).

«Яксарт». От древнетюркского «силик» («чистый», «благородный») (ДТС, с. 500). Древние греки называли эту реку ближе к тюркскому значению – «Силис».

Тюркскими были имена почти всех скифских богов и царей, скифские слова, обозначающие кровное родство, и т. д.

«Апи»/«аби» – «прабабушка», «прародительница» (ЭСТЯ, т. 1, с. 220–221).

«Апа»/«аба» – «мать», «предок», «отец» (ДТС, с. 644). По Г. И. Рамstedту, слово «аба» в урало-алтайских языках означало «отец», «высокопоставленный», «достопочтенный» (Рамstedт, 1957, с. 184).

«Бити». От древнетюркского «бит»/«вид» – «лицо», «физиономия» (ДТС, с. 103).

«Баба» – «предок», «прадед», «родоначальник» (ЭСТЯ, т. 2, 1978, с. 10–11).

«Иркин» – «дождь» (ДТС, с. 212).

Имена почти всех известных науке скифских царей тюркские.

«Атей» – «отец» (по-татарски «атий»).

«Ада» – «отец», «старший брат», «господин», «хозяин».

«Аспак» – от «ас» («ласка», «польза», «выгода», «радовать», «нравиться»); или от «ее» («ум», «разум»); или от «еш» («товарищ», «опора», «поддержка») + «бак»/«баг»/«бег» – («предводитель», «князь», «вождь»).

«Испакай» – второе имя скифского царя Мадия (Матая). Это имя можно читать и как «Ашкакай» (Дьяконов, 1957, с. 65). Имя этого царя, скорее всего, было «Исбакай», или «Эспакай» от тюркского «ис» («благовоение», «слава») или «ее» («разум», «ум») + «бак»/«бек» («князь», «предводитель») (ЭСТЯ, т. 1, с. 38; т. 2, с. 38–40).

«Таксак» – от древнетюркского «танг» («чудо», «удивительный», «изумительный», «крепкий», «сильный») + «усак» («маленький», «ребенок», «дитя», «мальчик») = «удивительный мальчик» (Гейбуллаев, 1991, с. 304).

«Скопас» – от «Эскопас» («предводитель»). Компонент «бас»/«баш» характерен для тюркских антронимов: «Айбас» – «луноголовый», «Карабаш» – «черноголовый» и т. д. (Авт.).

«Спаргапиф» (Геродот, кн. 4, с. 76) – скифский царь из Северного Причерноморья; такое же имя было у сына сакской царицы Томарис (Тамарис). Оно, видимо (по Г. А. Гейбуллаеву), звучало по-скифски как «Есбирокбит» – от тюркского «ее» («ум», «разум») + «бирок» («только один»+«бит» – «вырасти») – с общим значением «расти только умным» (Там же, с. 305; ЭСТЯ, т. 2, с. 151, 154).

«Ханахис». От «хонак»/«конак» + греческое окончание «ис». Это слово В. И. Абаев объясняет из осетинского «хонек» («приглашающий») (Абаев, 1965, с. 168), а Э. А. Грантовский выводит это слово к индийскому «капака» («копатель», «копающий»). Скорее всего, оно восходит к древнетюркскому «хунак» («опора»). Личное имя «Конак»/«Кунак» бытовало также у аваров, булгар, хазар (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 161). Слово «конак» в значении «гость» и «опора» бытует у карачаево-балкарцев и в настоящее время.

«Таргитай». По В. И. Абаеву – от иранского «долгомощный» (Абаев, 1982, с. 306). В последнее время некоторые этимологи имя родоначальника скелотов выводят из тюркского «тарга»/«таруге» – «здоровый», «шустрый», «ловкий», «подвижный», «поворотливый» (ЭСТЯ, 1980, т. 3, с. 240). Предлагают и другие толкования этого антронима, например, от тюркского «торага» («хищная птица») + компонент «тай» («подобный») – «птицеподобный» и т. д.

«Липоксай». От тюркского «липок»/«лыпкык» («плоский») + «сай» («река») = «плоская река» в значении «разливающаяся река».

«Арпоксай». От тюркского «арпа» («ячмень») + «сай» («река»), дословно – «ячменная река». Возможно, это слово образовалось от «ар» («рыжий», «бурый», «красноватый») (ДТС, с. 50) + «пок»/«бокъ» («навоз», «грязный») (ДТС, с. 111) + «сай» («река») = «бурая, грязная река», в смысле «мутная река». Над этимологией этого слова надо еще поразмыслить, но вторая часть имен всех трех братьев «сай»/«чай»/«суу», несомненно, означает «река», «вода». Ведь в легенде о происхождении скифов говорится, что их матерью была река.

«**Колаксай**». От «кулак» («рукав») (ДТС, с. 465) + «сай» («река») = «рукав реки», в смысле «приток».

«**Скифарб**». От тюркского «е» («ум»), «кут» («счастье») + «ар»/«эр» («мужчина», «герой») с общим значением «умный, счастливый герой».

«**Олкаба**». От «улуг» («большой», «великий», «сильный», «гордый») + «бай» («богатый») в смысле «большой богач».

«**Телестра**» (царица амазонок). От тюркского «теле»/«дала» («дерзкий», «смелый») + «шат» («принц») + «ар» («герой») в значении «смелая принцесса-героиня».

«**Давкет**». От «дай»/«тай» («жеребенок») + «кет»/«кед» («сильный», «крепкий») = «сильный жеребенок» (ДТС, с. 292).

«**Марсагет**». От древнетюркского «барс» («тигр») (ДТС, с. 84) + «кет»/«кед» – «сильный барс». У хазарского кагана был сын по имени Барсбек: «Барс» + «князь». Древнетюркское слово «кед» имело значение «сильный».

«**Тамар (ис)**» (сакская или массагетская царица). От тюркского «тамар»/«тамыр» («жила» (кровеносная) + «ис» (окончание, добавленное греческими авторами).

«**Басил**». От «бас»/«баш» («голова») + «ил» («племя») = «главное племя».

«**Башир**». От «баш» («голова») + «ир»/«эр» («мужчина») в значении «мужчина с головой».

«**Скил**» (V в. до н. э.), «**Скилур**» (II в. до н. э.) – скифские цари. Видимо, их имена образованы от «эс» («ум», «разум») + «кол»/«кул» («правитель», «хан») = «умный хан».

«**Сколопит**». От «эскол» («умный хан») + «бит» («вырасти») в значении «расти умным ханом».

«**Поллак**» (сын царя Скилура). Известен и гуннский вождь по имени Болтах. Видимо, от древнетюркского «болак» («дар», «подарок») (ДТС, с. 117).

«**Партату**»/«**Бартату**» (скифский царь VII в. до н. э.). По мнению Г. А. Гейбуллаева, это искаженное «Барсатай»/«Парсатай» от «барс» («тигр», «пантера») + «тай» = «барсоподобный», или «словно барс» (Гейбуллаев, 1991, с. 315).

«**Меди**»/«**Мадай**» (скифский царь, сын Партату/Бартату). Как и имя вождя гуннов III в. Модэ/Матэ, восходит к тюркскому «маты» («прекрасный») или «мат» («верный», «степенный»), а возможно, к древнеуйгурскому «батук»/«батык» («сильный», «крепкий»).

«**Танай**»/«**Тана**» (скифский царь в Средней Азии). Это имя часто встречается у тюркских народов. «Тана» имеет значение «теленек», «перламутр», «миленький», а также «рассвет», «утренняя звезда» («танг»/«данг») (ЭСТЯ, т. 3, с. 145).

«**Теушпа**» (киммерийский царь). От тюркского «туш» («золотое украшение») + «бай» («богатый»). Возможно, это слово произошло от «тюз» («справедливый») + «бай» = «справедливый бай» (ЭСТЯ, т. 3, с. 310).

«**Тугдамме**» (киммерийский царь в середине VII в. до н. э.). Иранисты переводят это имя как «украшающий силой» (Абаев, 1965, с. 126). Видимо,

оно звучало как «Тугтомай» – от тюркского «тук»/«тюк» («знамя») + «томай» («шить»), или «тома» («украшать») (ДТС, с. 515).

«Сандакшатру». От «сан» («почет», «уважение») + «даг» («подобный») + «шат» («принц») + «эр»/«ир» («мужчина», «герой») = «уважаемый принц, герой».

«Сандапур». От «сан» + суффикс «ды»/«лы» + «кур»/«кюр» («смелый», «отважный») = «смелый герой» (*Гейбуллаев*, 1991, с. 319–321).

Не все приведенные этимологии бесспорны, но, думается, они явно свидетельствуют о тюркоязычности скифов, во всяком случае их значительной части.

По словам В. И. Абаева, «не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения» (*Абаев*, 1949, с. 244). К таким он относит упоминавшийся термин «сколот»; к этому можно прибавить слово «сай», а также имя самого Таргитая – родоначальника всех скифов-кочевников, или царских скифов, и многие другие скифские имена.

При толковании имени «Таргитай» нельзя не вспомнить аварского посла, направленного в 583 г. к римскому императору Маврикию, которого, в передаче Феофилакта Симокатты, звали Таргитий, или же имя старшего сына вождя тюрок из рода Арпад, которое у Константина Порфирородного звучит как *Tarqanuy*. Сюда же можно отнести имя Тарагай, принадлежавшее сыну золотоордынского хана Хулагу. Кроме всего прочего, имя Таргитай стоит в длинном ряду тюркских имен XIII в., которые приведены в летописи Рашид ад-Дина: Актай, Ашиктай, Гуруштай, Бурунтай, Даритай, Оиратай, Камтай, Кутай, Кутуктай, Кяхтай, Субектай, Тубтай, Уйгуртай, Усутай и др. По своей структуре эти имена очень близки к таким тюркским словам, как «Курултай», топонимам – *Алтай*, *Чагатай*, *Маматай*, *Тарбагатай*, *Джегетей*, *Джеметей* и др. Учеными высказывалось мнение о том, что частица *тай* в этих именах и терминах означает принадлежность к чему-то: какому-либо народу, обществу или государству, а также выступает в роли аффикса уподобления. М. З. Закиев и М. А. Хабичев считают, что «тай» восходит к древнетюркскому «тан» – «река», «вода» (*Проблемы тюркологии*, 1964, с. 145; *Хабичев*, 1982, с. 38).

При разъяснении этого имени надо учитывать и тот факт, что в библейской «Таблице народов» эпоним «Ашкуз» и родоначальник хазар Тагар названы родными братьями. Очень важно замечание В. И. Абаева: «В скифском языке самый распространенный вид метатезы с участием «Р»: в группе из согласных «Р» не мирится с положением на втором месте и перескакивает на первое» (*Абаев*, 1949).

О подобной метатезе в трудах древних авторов лингвисты писали не раз. Учитывая эту закономерность, мы можем с полным основанием говорить о переходе «Таргы» в «Тагры». А если к сказанному добавить, что в греческом языке буква «гамма» передавала звуки «Г» и гортанный «Гъ» и особенно «НГ», как в слове «фаланга», то наше предположение о переходе «Тагры» или «Тангри» в «Таргы» получает дополнительную аргументацию.

Итак, можно заключить: скифское божество Таргитай – не что иное, как общетюркское языческое божество Тангри, Тагри, Тагры, вернее, Тагъры (гъ – гортанный звук).

И наконец, при объяснении имени Таргитай важно учитывать, что слово «тарх»/«тарг» на тюркских языках означает: «кровный родственник», «единокровный», «соплеменник».

Таким же образом из тюркских языков объясняется большинство скифских этнонимов, топонимов и собственных имен.

Все вышеизложенные факты из языка, археологии, этнографии, этнонимии, топонимии, ономастики скифов свидетельствуют о том, что значительная часть скифов, по крайней мере, сколоты, или царские скифы, были тюркоязычными племенами.

САРМАТЫ И ГУННЫ – ПРЕДКИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Вопрос об этнической принадлежности сарматов в науке еще не решен, хотя большинство ученых считают их ираноязычными, В подтверждение этой концепции иранисты приводят малоубедительные факты, ссылаясь в основном на сарматскую ономастику.

Гораздо больше фактов, к тому же более убедительных, можно привести в пользу концепции о тюркоязычности сарматов, в то же время признавая наличие среди них не только тюркских, но славянских, иранских, финно-угорских и других племен.

Крупнейший сарматолог К. Ф. Смирнов утверждает, что сарматы были ираноязычными, и, по его словам, сарматы – это «общее обозначение ираноязычных кочевников Восточной Европы» (*Смирнов*, 1984, с. 18).

Этноним «сарматы» в переводе с иранского якобы означает «черноволосяе», «черношапочники», «смуглорукие», «обладатели серых лошадей» и т. д. (*Абаев*, 1949, с. 114, 142).

Трудно поверить в образование этнонимов с подобными значениями, если эти этнонимы являлись самоназванием. А вот на тюркских языках этимология этнонима «сармат» легко объясняется. По М. З. Закиеву, «сармат» восходит к слову «сарма» – «желтый», «рыжий» с аффиксом «т», обозначающим множественное число, как, например, в этнониме «башкор-т» («башкир») (*Закиев*, 1986, с. 35).

Возможно, этот этноним состоит из тюркского «сэры» («желтый», «рыжий») + «мат» (постпозитивная усилительно-выделительная частица) (ДТС, с. 338). П. Ф. Сум писал, что слово «сармат» означало, может быть, «то же, что и «рыжие люди», потому что они имели рыжие волосы, от сарматского слова «сар», что значит «рыжий» (*Сум*, 1948, с. 3).

Интересно отметить, что у современных кыргызов, енисейские предки которых тесно общались с сарматами еще в I тыс. до н. э., сохранилась этническая группа под названием «шермат», которое, по всей видимости, связано с этнонимом «сармат» (Абрамзон, 1960, с. 112, 116, 135). Среди каракалпаков имеется этническая группа «сармат», а среди казахов – «сармат телеу» («сарматское племя»). Кроме того, в Казахстане имеется селение Сармат с казахским населением (Толстова, 1978, с. 9). И все это не случайно.

О многом говорят слова, оставшиеся от сарматов. Большинство из них – тюркские. Приведем ряд сарматских этнонимов, топонимов и личных имен.

«**Сирак**» (крупное сарматское племя). По-ирански будто бы означает «идущий, танцующий плавно, иноходец» (Абаев, 1982, с. 342). «Сирак»/«чырак» – по-тюркски «лучина», в смысле «дающая свет», или «светящаяся». Если частица «ак» в иранских языках имеет уменьшительное или ласкательное значение, то в тюркских она обозначает принадлежность – *кыпчак, кимак, казак* и т. д. В то же время «ак» является словом в значении «белый». В Кумыкии (Дагестан) есть селение Чирак, в Узбекистане – Катта-Сирак (Большой Сирак), в Туркменистане – село Чиракчы (Толстова, 1978, с. 9–10, 285). В Карачае (под Эльбрусом) есть плато Чырак-Сырты (Чыракское плато).

«**Басил**» (сарматское племя). От «бас»/«баш» («голова») + «ил»/«эл» («племя») = «головное, главное племя».

«**Аорс**» (сарматское племя). От искаженного тюркского этнонима «орус»/«урус». Среди сарматов были также тюркские племена – турки, гаргары, онгары, дондары, камаки (кимаки, кумыки) и др. (Гейбуллаев, 1991, с. 336).

Из сарматских топонимов наиболее важным является, наверное, название большого по тем временам города в Европейской Сарматии – «Тамарак». Это слово образовано от тюркского «там» («дом», «стена») + «орек» («крепость», «сооружение») в значении «город-крепость». Другой город – Каракент – «великий город» (от «кара» – «великий» + «кент» – «город») и др.

«**Амаг**» (сарматская царица II в. до н. э.). Это имя иранисты возводят к авестийскому «ама» – «сильный», «могучий», но едва ли девочку могли назвать столь грозным именем. По-тюркски, «амак»/«омак» означает «симпатичный», «красиво одетый» или «бодрый», «живой», «веселый» (ЭСТЯ, т. 1, с. 452).

«**Зорсин**»/«**Чорсин**» (царь кубанских сираков). Образовано от «чор» («витязь», «герой») + «син»/«чин» (возможно, от «Син»/«Чин» – так называли Китай) = «китайский витязь».

«**Абеак**»/«**Обак**» (сиракский царь). От древнетюркского «абак» («дядя по отцу», «брат отца») (ЭСТЯ, т. 1, с. 64–65). Возможно, и это имя Абак/Аббак (дословно – «белым-бело»), которое бытует сейчас у чувашей, татар, кумыков, ногайцев, карачаево-балкарцев и некоторых других тюрков.

О тюркоязычности сарматов свидетельствует и сарматская ономастика, восходящая в своей основе к тюркским корневым словам.

Ниже даются имена некоторых сарматских вождей:

«**Зизаис**». Напоминает патриархальное имя *Зиза-улу*.

«**Арагар**». От тюркского слова «середина», «промежуток». Вполне возможно употребление в смысле «союзник» (ДТС, с. 50).

«**Усафар**». Древнетюркское «усаг» – «жажда» (ДТС, с. 616).

«**Баса**». От «сила», «мощь» – «сильный», «мощный».

«**Агилимунд**». От «агила» – «щедрый» (ДТС, с. 48).

«**Видуар**». От «видгар» – «разведчик» (ДТС, с. 98).

Этнографические и антропологические данные также подтверждают гипотезу о том, что сарматы принадлежали к тюркскому этносу. Древние авторы, которые были знакомы с их жизнью и писали о них, в один голос говорят, что сарматы были кочевниками-скотоводами, ели конину, пили кумыс, широко использовали аркан.

Очень важно следующее сообщение античных историков и географов. Страбон (I в. до н. э.), побывав на Кавказе, писал, что скифское племя сарматов «употребляло в пищу не только мясо вообще, но в особенности конину, а также сыр из кумыса, свежее и кислое молоко; последнее, особым образом приготовленное, служит у них лакомством» (Страбон, кн. 4, с. 6; АИСК, 1990, с. 63–64). Не вызывает сомнения то, что здесь речь идет о национальном напитке карачаево-балкарцев и некоторых других тюркских народов – айране.

Плиний и Мела (I в. н. э.) особо подчеркивали, что «вместо домов им (сарматам. – *Авт.*) служат повозки», что является одной из характерных особенностей быта кочевых тюркских племен (Плиний, кн. 4, с. 80; Помпоний Мела, кн. 2, с. 2).

Что касается антропологических признаков сарматов, то они совпадают со скифскими, гуннскими и признаками других древнетюркских племен. Некоторые антропологи считают, что; наличие монголоидных черт у части скифов и сарматов говорит о принадлежности их к тюркскому этносу.

На статуэтке из сарматского погребения I в. н. э. изображен мужчина с раскосыми глазами, приплюснутым носом и скрещенными ногами. Антропологические исследования черепов из европейских сарматских могильников и сравнение их с черепами азиатских скифов из горно-алтайского Пазырыкского кургана подтверждает этническую близость сарматов к древним тюркам (Тот, Фирнштейн, 1970).

Сарматы и гунны еще в Прибайкалье и на Енисее жили в тесном контакте. У них сложилась единая материальная и духовная культура. Что касается языка, то он, по нашему убеждению, и у тех и у других был древнетюркским. Во всяком случае, язык сарматов и других, живших в Южной Сибири, никак не мог быть иранским, так как, как сказано выше, ученым не удалось найти там даже следов иранства. В III в. до н. э. гунны стали объединяться в племенные союзы и постепенно в поисках пастбищ для скота вместе с сарматами и некоторыми другими родственными племенами начали движение на юг, в сторону Китая, и покорили часть страны. Основная масса гуннов и сарматов двинулась на запад. Спустя короткое время, гунны

завоевали почти всю степную зону Сибири, Алтая и Средней Азии и в I в. до н. э. оказались на Урале и Поволжье, откуда совершали набеги на Северо-Западный Прикаспий, Северный Кавказ и Северное Причерноморье.

В азиатский период жизни их называли «хунну» или «хунны», а в Европе называли «гуннами». Этот и другие тюркские народы сознательно или интуитивно тянулись к Восточной Европе, прародине всех тюрков.

История гуннов, как и летописание других тюрков, можно сказать, еще не разработана. Те авторы, которые писали о них, показали гуннов только как разрушителей культуры. Действительно, они были жестокими завоевателями, но при этом, нанося удары по рабовладельческим государствам, способствовали разрушению реакционной общественной системы, поэтому их завоевания носили объективно-исторически прогрессивный характер. Кроме того, другие народы позаимствовали у гуннов в это время передовые достижения их культуры: организацию скотоводческого хозяйства, технику ведения боя в конном строю, удобную и теплую одежду, особенно меховую, и т. д.

Начавшееся накануне Великой Отечественной войны глубокое исследование истории гуннов известным археологом и историком А. Н. Бернштамом было прервано в начале 50-х гг. Ученого необоснованно обвинили в необъективном освещении истории этого крупнейшего и мощнейшего племени. Стали даже утверждать, что у гуннов-кочевников был низкий культурный уровень, а известный всему миру гуннский памятник I в. до н. э. – Кенкольский могильник, расположенный в Таласской долине Киргизии и исследованный А. Н. Бернштамом в 1938 г. вместе с археологической экспедицией Ленинградского университета, объявили негуннским.

Но «Кенкольский могильник» (Л., 1940), «Очерк истории гуннов» (Л., 1951) и другие книги ученого сыграли огромную роль в изучении истории гуннских племен. В наше время археологи и историки вновь признали ценность научного наследия А. Н. Бернштама и стали ссылаться на его труды. Кстати скажем: археологическая культура раскопанного и описанного им Кенкольского могильника, судя по материалам М. П. Абрамовой, содержащимся в ее книге «Подкумский могильник» (М., 1987), по существенным признакам схожа с культурой сарматов того же времени, которые жили в ущелье Подкумки около Кисловодска. Это еще раз доказывает этническое и культурное родство гуннов и сарматов.

Позитивное влияние культуры гуннов и их непосредственных потомков болгар и хазар на культуру многих народов бесспорно, поэтому вкратце остановимся на ее значении. Как известно, в создании устойчивых этносов огромна роль письменности, так как она, «пусть даже примитивная, доступная вначале лишь немногим, служит знаком подъема коммуникационной структуры общества на качественно новую ступень. Благодаря появлению профессиональных писцов и чтецов речь, запечатленная на камне, звучит вновь и вновь для новых слушателей, для новых поколений слушателей» (Арутюнов, 1989, с. 76).

Одними из первых среди народов многоплеменной Азии гунны, которых в свое время европейцы считали чуть ли не дикарями, создали свою

письменность. Уже в 30-х гг I в. н. э. у них уже была оригинальная руническая письменность, о чем сказано выше.

Описавший пайцзу (грамоту, удостоверение) монгольский ученый Каржаубай Сарткожа улы пишет, что в центре пайцзы изображена голова мужчины с густой бородой и усами (европеоида), а вокруг головы отчеканена древнетюркская руническая надпись: «Ой-сенгир, Елшигыты», что означает «Ой-сенгира посла пайцза». Гунны хана (кагана) первоначально называли «ой-сенгиром» (дословно: «высший»), а китайцы именовали его «шань-юй».

Эта надпись красноречиво свидетельствует о том, что гунны, во-первых, говорили на тюркском языке, что и древние тюрки, и тюркский язык был у них государственным; во-вторых, часть гуннов относилась к европеоидной расе (*Сарткожа улы Каржаубай*, 1991, с. 440–441).

Л. Н. Гумилев также указывает на то, что гунны, покорившие северную часть Китая в 316 г., «были представителями белой расы, бородатыми и горбоносыми» (*Гумилев*, 1990, с. 142).

Отдельные группы гуннов, как пишет Клавдий Птолемей (I в. н. э.), стали из-за Волги проникать в Причерноморье и на Северный Кавказ (*Птолемей*, кн. 4, с. 12, 14; 1942, с. 238). Оттуда они в союзе с аланами и другими северокавказскими племенами совершали набеги на Армению и Переднюю Азию.

БОЛГАРЫ И ХАЗАРЫ

Наукой доказано, что болгары и хазары были гуннскими племенами, принявшими участие в этногенезе многих современных тюркских народов, в особенности балкарцев, карачаевцев, кумыков, чувашей, татар, башкир, дунайских болгар, караимов. Самоназвание «болгар/булгар/блкар» сохранилось ныне у балкарцев и дунайских болгар (*Бешевлиев*, 1939; *Смирнов*, 1953; *Богданов*, 1975; *Мизиев*, 1984, с. 134–144; 1990, с. 101–108; *Халиков*, 1989).

Наиболее полные сведения о древних хазарах и болгарях содержатся в трудах античных авторов, раннесредневековых армянских, грузинских, арабских историках, у географов (Аммиан Марцеллин, Феофан, Прокопий, Зосим, Константин Багрянородный, Хоренский/Хоренаци, Леонти Мровели, Масуди, Ибн Даста, Хордадбех и др.). Древнейшим письменным упоминанием о болгарях является сообщение сирийского ученого Мир-Аббаса Котины о том, что в 149–127 гг. до н. э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар» (*Голубовский*, 1888, с. 25; *Патканов*, 1883, с. 27). Их наследники, нынешние балкарцы и карачаевцы, занимают северные ущелья Центрального Кавказа.

В первых веках новой эры в Северном Причерноморье и прилегающих Восточно-Европейских степях возникло и распалось множество сою-

зов племен: антов, готов, гуннов и др. На рубеже IV–V вв. н. э. возникает мощный союз племен, возглавляемый болгарами. Именно этим и объясняются частые отныне упоминания о болгарах в письменных источниках европейских авторов. Этот союз племен предпринял ряд военных походов во Фракию в 482, 499, 502 гг. В VI в. он достиг могущества и стал широко известен византийским писателям. Распад этого мощного союза связан со смертью хана Кровата (Кубрата), ставка и столица которого находились в середине VI в. у устья Кубани в городе Фанагория. После смерти Кубрата его сыновья не выполнили завета отца, и все они со своими подданными переселились в разные места. На родине отцов, в Предкавказье, остался один старший сын, Батбай (Батбаян, Басиан); Аспарух подался на Дунай, остальные болгары поднялись по Дону до Харьковщины, а оттуда переместились на Среднюю Волгу и основали там Волжскую Болгарию, заложив, таким образом, этническую основу волжских татар.

Под 671 г. византийский писатель Феофан в своей хронике отмечал, что «на восточных берегах Меотийского озера (Азовского моря), за Фанагорией, кроме евреев, живут многие народы. *За тем озером, выше реки Куфиса* (курсив наш. – *Авт.*), в которой ловят болгарскую рыбу кист, находится древняя Великая Болгария».

В этом сообщении очень важны выделенные нами слова, что Болгария находится для европейского автора «за Меотийским озером, выше реки Куфис», т. е. Кубани, значит, в предгорьях Северного Кавказа.

Вероятно, поэтому К. Патканов, комментируя сведения о болгарах в «Армянской географии» (VII в.), писал, что болгары жили на Кубани и южнее. Автор «Армянской географии» Ананий Ширакаци определяет границы древней Болгарии в пределах Азиатской Сарматии, т. е. восточнее Дона, между Азовским морем и Гиппийскими и Кераунскими горами в пределах Северного Кавказа, вплоть до реки Сунжи (Смирнов, 1953, с. 9; Артамонов, 1962, с. 167–168). Гиппийские горы многие авторы отождествляют со Ставропольской возвышенностью (См., например, Гадло, 1979, с. 111), а Кераунские, или Керавнийские, горы еще Страбон отождествлял с северо-восточными отрогами Кавказа. Говоря о сарматских амазонках, он писал: «Амазонки живут в соседстве с гаргарейцами в северных предгорьях тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими» (Страбон, кн. 5, с. 1; АИСК, 1990, с. 74) (гаргарейцы были предками ингушей (галгаев) и чеченцев (нохчи) – АИСК, с. 220–221).

Таким образом, перекрестное сопоставление византийских, армянских, сирийских и других письменных источников говорит о том, что древняя Великая Болгария, или земля древних болгар, охватывала в IV–VIII вв. почти всю территорию Северного Предкавказья и горные районы Центрального Кавказа. А конкретное указание источников («выше Куфиса») прямо свидетельствует о верхнем течении Кубани и ее рукавов.

Указания древних письменных источников со всей полнотой подтверждаются данными археологических памятников древних болгар, обнаруженных во многих местах у устья Кубани в окрестностях Фанагории, в вер-

ховьях Кубани, в окрестностях Кисловодска, в Баксанском и Чегемском районах Кабардино-Балкарии, у сел. Аргудан, у города Майского, в местности Кешене-аллы Кабардино-Балкарии, у сел. Галиат в Северной Осетии, в других районах Центрального Предкавказья (*Плетнева*, 1967, с. 7–8, рис. 1–5 и сл.; *Ковалевская*, 1984, с. 172–174; *Биджиев*, 1982 и др.).

Мало чем отличалось от болгар другое гуннское племя – хазары. История хазар разработана детально, так как ими больше интересовались как западные, так и восточные авторы, поскольку Византия хотела привлечь их на свою сторону в борьбе с «варварами» и арабами. К тому же, верхушка племени приняла иудейство, многие хазары приняли ислам, а некоторые – христианство. Большинство населения оставалось языческим.

В науке сложилось мнение, будто бы кочевое хазарское племя появилось в Восточной Европе вместе с гуннами в III–IV вв. На самом деле часть гуннов, в том числе и хазары могла быть более древними насельниками Восточной Европы. Есть мнение, что хазары – это те же скифские (тюркские) племена акациры (*по-тюркски* «лесные люди»), переселившиеся из лесов в степи (*Гадло*, 1979, с. 60).

Во II половине I тыс. они создали в Северо-Западном Прикаспии сильное раннефеодальное государство – Хазарский каганат, которое просуществовало с середины VII до конца X в. Первой столицей каганата был город Семендер, расположенный в Кумыкии, недалеко от нынешней Махачкалы, а с начала VIII в. столица была перенесена в город Итиль (Эдиль) (близ нынешней Астрахани).

Византийский император и историк Константин Багрянородный (или Порфирородный) (X в.) подробно описывает жизнь хазар и соседних с ними народов. Важно, что хазар и другие тюркские народы, проживающие на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, он называет скифами (*Багрянородный Константин*, 1991, с. 177).

Император считался с Хазарией как с могущественной страной, и в книге-наставлении сыну «Об управлении империей» (русский перевод: М., 1991) учит наследника престола, как натравливать соседние народы на хазар, пишет, что «узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому как эксусиократор Алании» (с. 51).

Алан и гузов византийские политики привлекали на свою сторону и натравливали их на своего главного соперника в Причерноморье. Происходили войны между хазарами и аланами, и к X в. Алания фактически освободилась из-под подчинения Хазарии.

К VIII в. Хазарский каганат подчинил себе почти весь Северный Кавказ и закрепился на берегах Боспора, а затем захватил и часть Крыма.

С Русью хазары поддерживали дружественные отношения. Об этом свидетельствует и тот факт, что в одно время правитель росов в первой половине IX в. принял хазарский титул «хаган» (*Новосельцев*, 1982, с. 150–159). Отношения же Хазарии с Византией были то добрососедскими, то враждебными. В борьбе с общим врагом – арабами – они выступали как союзники. С ослаблением Арабского халифата в X в. Византия натравила на хазар христианскую Аланию и Русь, и Хазария пала под их ударами и в

силу внутренних противоречий (Артамонов, 1962; Якубовский, 1946, т. 3, № 5; Кузнецов, 1962; Плетнева, 1976; 1989).

В борьбе с арабами хазары использовали северокавказских горцев, построив у главных перевалов Кавказа, особенно на территории Алании, крепости. Впоследствии хазары – жители этих крепостей – были ассимилированы среди этнически родственных им тюркских аланских племен.

Арабские авторы Ал-Истахри и Ибн Хаукаль писали, что одни из хазар были очень смуглые, их называли «карахазарами» (букв. *по-тюркски* – «черные хазары»), а другие – светлые, белые, «видные по красоте и наружным качествам» (Караулов, 1908, с. 113; Гадло, 1979, с. 175).

В середине X в. Хазарское государство распалось, подчиненные хазарам северокавказские народы обрели независимость. Именно к концу хазарского периода отдельные племена стали формироваться в народности.

В VIII–X вв. из аланов, асов, булгар, хазар и автохтонных кавказских горцев сформировалась раннефеодальная карачаево-балкарская народность (Караева, 1966, с. 5–6; Лайпанов, 1992, № 32–33).

Хазары, болгары и аланы были также одним из компонентов в формировании кумыкской народности (Магомедов, 1983).

Таким образом, сумма приведенных выше материалов неопровержимо доказывает, что сарматы, гунно-болгары и хазары являлись потомками скифов, а те, в свою очередь, были генетическими преемниками древнейших кочевников древнеямной культуры эпохи неолита. Тюркоязычность всех перечисленных племен не подлежит сомнению. Не надлежит сомневаться и в том, что традиционная культура тюркских народов всеми своими корнями уходит в глубь скифской, гуннской, сарматской, аланской, болгарской и хазарской культур. И наоборот, ни один из индоевропейских народов не сохранил ни единого элемента этнической культуры скифо-сарматских племен.

АЛАНЫ – ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА

В I тыс. н. э. тюркские племена Азии и Европы сформировались как раннефеодальные народности. Многие из них имели свою письменность и государственность. Одним из мощных тюркских племенных объединений был аланский племенной союз, господствующий на Северном Кавказе с I по IV вв. н. э. После разгрома аланов гуннами в 375 г. часть их ушла на запад, а другая часть отступила в горные районы Центрального и Западного Кавказа и сыграла заметную роль в истории народов Кавказа, Восточной Европы, Передней и Малой Азии.

Часть аланов под натиском гуннов отступила на запад и дошла до Франции и Испании, а оттуда аланы переправились через Гибралтарский пролив и, захватив значительную часть территории Северной Африки, создали

на нынешней территории Алжира, Марокко и Туниса алано-вандалское государство. Оттуда на кораблях они совершали набеги на Рим и в конце V в. разрушили его. Впоследствии аланы слились с местными племенами, в частности, приняли участие в формировании испанского народа. В Каталонии (*по-тюркски* «Вторая Алания») они составляли значительную часть населения. Испанский этнограф Хосе-Мануэль Гомас-Табанера отмечает, что тюрки-аланы принимали участие в этногенезе испанцев (Советская этнография, 1966, № 5, с. 62).

Те аланы, которые остались на Северном Кавказе, заключили союз с гуннами и принимали участие во всех их походах в Переднюю Азию и Западную Европу. Они вместе с гуннами разгромили готов в 376 г., после чего часть готов осталась в Крыму, вестготы ушли из Северного Причерноморья в пределы Римской империи, а остготы стали союзниками гуннов и принимали участие в их походах.

В течение короткого времени основная масса гуннов покорила большую часть Европы, дошла до Франции. Только после смерти Аттилы в середине V в. огромная Гуннская империя распалась на отдельные части. Как видно из античных источников, гунны не только держали в страхе народы Европы и Западной Азии, но и служили в войсках Римской империи, Персии и т. д.

Египетский епископ Синезий в конце IV в. писал: «Нельзя не питать страха при виде отрядов молодых воинов, воспитанных в чуждых нам нравах, живущих по своим традициям и замысляющих враждебные нам планы... Достоин удивления, что эти белокурые варвары, носящие распущенные волосы, у одних исполняют роль прислуги, а в политической жизни занимают начальственные места» (Успенский, 1913, т. 1, с. 165–168).

За 130 лет до н. э. китайский автор Чжань Цянь писал, что «восточная часть кангюйцев признавала над собой власть хуннов». Кроме того, он отмечал, что в среднем течении Сырдарьи многочисленный народ под названием *кангюй* (до 120 тыс. кибиток) принадлежал племени *канглы*. Остатки последних обитали в этих районах еще в XIX в.

Из сказанного вытекает, что племя кангюй, с которыми «во всем сходствуют яньцай и алан-асы», было тюркским племенем, подвластным хуннам, сродни кипчакам и канглы.

Необходимо отметить еще один важный момент: китайские источники сообщают, что «Кангюй – кочевое владение, в обыкновениях совершенно сходствует с юечжисцами». А юечжисцы, точнее, юечжи, «совершенно сходствует с хуннами». Следовательно, мы можем сказать, что народы яньцай, кангюй, юечжи и хунну во всем сходны между собой и являются тюркскими племенами. Кангюй занимал степи от Сырдарьи к северу, яньцай – к северо-западу от кангюя, а юечжи – степи между Сырдарьей и Амударьей. Новейшие исследования показывают, что область расселения кангюй включала земли Каракалпакии, Узбекистана, Юго-Западного Казахстана. Вряд ли кто-нибудь из историков и этнографов станет спорить о том, что кангюй (канглы), во всем сходные с аланами-асаами, являются тюрками (Бичурин, 1951, с. 150–152).

У античных авторов термин «алан» впервые встречается в I в. Авторы I в. Сенека, Анней Лукан, Валерий Флакк, Иосиф Флавий и другие прочно локализируют аланов на Кавказе и связывают их с событиями в этом регионе (Ковалевская, 1984, с. 85). Об опустошительных набегах аланов в 72–74 и 135 гг. н. э. на Кавказскую Албанию (Азербайджан), Иберию, Армению, Мидию, Малую Азию пишут многие авторы того времени (История народов Северного Кавказа, 1988, с. 86).

В одежде, вооружении, украшениях, предметах туалета в материальной культуре аланов первых веков нашей эры продолжают доминировать сарматские традиции (Там же).

О северокавказских аланах писали Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци), грузинские источники, именовавшие аланов «асами» («овсами»), и др.

Но наиболее полные и подробные сведения об аланах мы находим у Аммиана Марцеллина (IV в.). В своем многотомном труде «История» он писал: «Аланы высоки ростом и красивы, с умеренными белокурыми волосами, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более легким и более культурным образом жизни». И тут же добавляет, что «они по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему, как Марсу» (курсив наш. – Авт.) (Латышев, 1906, с. 341).

Сопоставительный анализ культур и быта аланов и гуннов, о которых сообщает Аммиан Марцеллин, не оставляет сомнений в том, что варварами в данном случае выступают гунны. А тот факт, что аланы поклоняются мечу, со всей очевидностью говорит о тюркском характере аланов. Это подтверждается и тем, что мечу поклонялись и предки гуннов, скифы. О том, что гунны поклонялись небесному мечу Марса, сообщал хорошо знавший гуннов римский писатель Приск (Иордан, 1965, с. 90, 91, 102).

Сравнительное изучение тюркско-монгольского эпоса приводит исследователей к убеждению, что «преклонение перед оружием привело к возникновению культа «бога меча», букв.: «меча» (Лунец, 1978, с. 109).

Вопрос о том, кому принадлежали средневековые катакомбы Северного Кавказа, до сих пор изучен мало. Многие ученые бездоказательно приписали их ираноязычным племенам, но известно, что у тюрков-гуннов погребения были катакомбными (Бернштам, 1940). Нельзя не учитывать и новые факты: в катакомбах в верховьях Кубани очень часто обнаруживаются древнетюркские рунические письмена. Впервые об этом факте сообщили в 1963 г. У. Б. Алиев, А. Дж. Баучиев, К. Т. Лайпанов, М. А. Хабичев (Алиев и др., 1963). Тексты этих и других рунических надписей, обнаруженных в Карачае и Балкарии, а также в других регионах Европы, исследовали лингвисты М. А. Хабичев (1970; 1972; 1987), С. Я. Байчоров (1989).

В последние годы в Дагестане обнаружено и изучено множество катакомб, оставленных хазарами (Магомедов, 1983, с. 28–64 и сл.).

Учитывая эти факты, необходимо к этническому определению принадлежности средневековых катакомб Северного Кавказа подходить осторожно и дифференцированно. К этому призывают и некоторые сведения письменных источников. Мы имеем в виду игнорируемое многими авторами

ми сообщение итальянца ПIANO Карпини о том, как куманы, или кипчаки, хоронили своих умерших. Он писал, что «они тайком идут в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму, и сбоку этой ямы делают яму под землею», куда и кладут покойника. Такой метод захоронений бытует донныне у казахов, кыргызов и некоторых других тюрков Средней Азии. Как видим, здесь речь недвусмысленно идет о катакомбном захоронении (Путешествие, 1957).

По мнению ведущих специалистов по сарматско-аланской культуре, прежде всего М. П. Абрамовой, В. Б. Ковалевской, земляные катакомбы пока еще не могут без тщательного анализа считаться этнической особенностью северокавказских аланов (Абрамова, 1982, с. 15; Ковалевская, 1984, с. 92).

Нам кажется, что ключ к пониманию истоков катакомбной культуры дал крупнейший специалист по средневековой археологии Евразийских степей А. П. Смирнов, который писал: «К сожалению, вопрос о происхождении катакомбных захоронений еще не разработан, их прототипами, скорее всего, являлись могильные памятники гунно-сарматского времени на Алтае и в Семиречье» (Смирнов, 1971, с. 300).

Все приведенные материалы свидетельствуют о том, что аланы или асы были тюрками.

Данные о языке аланов также свидетельствуют об их тюркоязычности. Что же мы знаем о нем?

Восточные писатели, хорошо знавшие аланов и другие тюркские народы, называют их тюрками (турками). Асов (ясов), т. е. тех же аланов, хорошо знали русские летописцы, упоминавшие о них многократно. Немало русских князей было женато на ясынях. В комментарии к первому древнерусскому переводу «Иудейской войны» Иосифа Флавия переводчик подчеркивал, что язык ясов «яко от печенежска рода родяси» (Мещерский, 1968, с. 454, 530).

Когда речь заходит о языке аланов (асов), ученые обычно ссылаются на Зеленчукскую надпись XII в. Как правило, исследователи, занимающиеся изучением этого памятника, находятся под влиянием авторитета В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, пытавшихся прочесть эту надпись, используя осетинский язык – язык иранской группы, – внося в него новые буквы, даже исправляя уже существующие знаки и пр. Но и после такой правки данный текст на осетинском языке представляет собой лишь бессмысленный набор личных имен и ничего более. В то же время на тюркских языках, в частности, на карачаево-балкарском, он читается полностью и достаточно четко без каких-либо корректировок. Достаточно привести несколько тюркских терминов, встречающихся в Зеленчукской надписи:

- «Июурт»/«джурт» – земля отцов, родина;
- «ябгу» – титул, означающий «исполняющий обязанности», «наместник»;
- «ыйиф»/«джыйып» – собрав, объединив;
- «те»/«де» – скажи, повествуй;
- «зыл» – год;
- «итинир» – стремиться;
- «белюниф» – отделившись, разделившись.

Сама же Зеленчукская надпись представляет из себя весьма поучительное и назидательное сообщение: «Иисуса Христа наместника Николая призвав, от дома Хобса (Дуло, Батбай; Адван, Суван) объединения один сам адван(т) Бакатар бек, от отцовского юрта отделившись, в юрт аланов (степей, долин) стремится, повестуй год Быка» (Мизиев, 1986, 110–116). По нашему мнению, этот памятник не является надмогильным, как считается до сих пор. Это предположение оправдывается и тем фактом, что рядом с его местонахождением нет никаких захоронений.

Вторым памятником, на который обычно ссылаются иранисты, является так называемое Аланское приветствие, записанное знаменитым византийским поэтом и ученым XII в. Иоаном Цецем. Чтобы прочесть данный текст с помощью осетинского языка, исследователи исправляли его, переставляли буквы и даже добавляли их. В переводе В. И. Абаева приветствие звучит так: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?» Мы подозреваем, что подобное обращение к своему господину, повелительнице в XII в. было в принципе невозможным. Нет сомнений в том, что Аланское приветствие Цеца написано на тюркском языке. В его тексте обращают на себя внимание такие общетюркские слова:

«хос»/«хош» – добро;

«хотн»/«хотын» – госпожа;

«кордин»/«кордынг» – увидел, видеть;

«каитариф» – вернув, вернувшись откуда-то;

«оюннгге» – идиома, примерно означающая на карачаево-балкарском языке: «Как же так могло быть?» или «Как же так случилось?»

Итак, данный памятник однозначно говорит о тюркоязычности аланов (асов).

Тюркоязычность асов, или венгерских ясов, подтверждает и «Глоссарий венгерских ясов» 1422 г., опубликованный Ю. Неметом. Большинство слов этого документа – тюркские (Мизиев, 1986, с. 117–118).

Теперь обратимся к ономастике аланов.

Многие выводы отдельных авторов построены на ономастике аланских племен, причем нередко эти исследователи игнорируют явно тюркские имена асов/аланов. Приведем несколько тюркских аланских личных имен:

Алда – Впереди, Передовой, Предводитель.

Алдах – Обет, Обещанный.

Аспар – Гордый, благородный.

База – Сила, мощь, опора.

Буюргур – Повелитель.

Кандак – Кан/Хан – князь; Кандык – Будущий князь, принц.

Хаскар – Волк.

Базук – Толстый, Мощный.

Амбазук – Самый толстый, Наимощнейший.

Хуанхуа – Хунхар – Кровожадный, лютый, жестокий.

Урдур – Бьющий, поражающий.

Бурдухан – Бурди («благоухать») + хан («князь») = Благоухающий хан.

Дургулэль – Тургу (тюркский племенной этноним) + эл («народ, племя»).

Борене – Бор («строгий») + ана («мать») = Строгая мать.

Худдан – Хитрый.

Алтун – Золото.

Сатхи – Поверхностный.

Узур-Бек – Озар («обгоняющий») + Бек («князь»).

Параджан – Пара («деньги») + джан («душа»),

Ачав – Боль, Горький.

Арыслан – Лев.

Бурикан – Бури, Берю («волк») + кан («кровь»).

Буриберди – Волком данный.

Все приведенные выше алано-асские имена, содержащиеся в письменных источниках I–XIV вв., не оставляют сомнений в том, что их носители говорили на тюркском языке.

Этот вывод подтверждается и этимологией самих терминов «ас» и «алан». Слово «ас» на тюркских языках имеет множество значений: «переходить», «переваливать», «перебираться через гору, возвышенность», но дословно оно переводиться как «горностай» (ДТС, с. 59). Вспомним, что в термине «хазар» главным компонентом является «къаз» («гусь») («хазар»/«къазар» – «гуси-люди»). Почему же нельзя допустить, что самоназванием асов был именно «горностай». Во всяком случае, в литературе термин «ас» еще не нашел удовлетворительного объяснения.

При объяснении слова «алан» ученые-иранисты, как правило, придерживаются мнения В. И. Абаева и Г. Вернадского, которые возводили этот термин к авестийскому «арийа», «арийский» или к слову «елен», т. е. «олень» (Абаев, 1949). Эта точка зрения оригинальна, но никто из античных, византийских, арабо-персидских, армянских, грузинских авторов не сохранил за аланами подобных названий. Ни один автор ни разу не искажил этноним «алан», употребив вместо него «арийа» или «елен». Попытки связать этноним «алан» с тюркским «улан»/«оглан» («сын») – «оглан–олан–алан» едва ли состоятельны (Алиев, 1960).

Известно, что на турецком и татарском языках слово «алан» означает «равнина», «долина», «опушка», «поляна». Может быть, аланы называли себя «людьми равнины», так как большинство их жило на равнинах и в долинах? Во всяком случае, над этим вопросом нужно еще поработать.

Сохранились ли слова «алан» и «ас» у современных тюркоязычных народов? Слово «ас» сохранилось у кыргызов, казахов, узбеков, ногайцев, алтайцев для названия отдельных родоплеменных групп. У ногайцев бытуют подразделения: «Шомушли-ас», «Дорт-улу-ас», «Кара-ас», «Ак-ас», «Култы-ас», «Тарту-уллу-ас». В Горном Алтае имеются этнонимы «Дорт-ас», «Ассын», топоним «Аз-Кизи» (тождествен древнетюркскому «Ас-Киши» («человек-ас»). Термин «ас» сохранился также в топонимике Венгрии, Молдавии.

Тюркские племена «ас» и «ас-киши» жили в эпоху Средневековья в Средней Азии, Крыму, на Северном Кавказе и в сопредельных районах. Об этом писали многие средневековые авторы. Арабский географ и историк Абу-л-Фида (Абульфеда), побывавший в XIV в. на Кавказе и хорошо осведомленный о крае, писал, что на восток от абхазов живут аланы и асы, ко-

торые являются турками и исповедуют христианскую религию. Это важное сообщение В. И. Абаев считает достоверным.

Он говорил: «Я думаю, что свидетельство Абульфеды представляет результат точной осведомленности и имеет определенную ценность. Он знал карачаевцев и балкарцев под названием аланов и асов и правильно называет их турками. До наших дней за территорией Карачая закреплено название Аланы (в устах мегрелов) и за Балкарией – название Асы» (Абаев, 1960, с. 131).

В книге «Осетинский язык и фольклор», изданной в 1949 г., т. е. после насильственного выселения карачаевцев и балкарцев в Казахстан и Среднюю Азию, В. И. Абаев нашел в себе мужество написать о репрессированных народах. В частности, он указывал: «В мегрельском термин «алани» удержался до наших дней; он перенесен преемственно на... карачаевцев и значит, кроме того, «удалец», «герой» (с. 47). Об этом еще в 1914 г. писал грузинский лингвист И. Кипшидзе в «Грамматике мингрельского (иверского) языка».

Самоназвание нынешних осетин – «ирон» (так называют себя и иранцы). Слова «ас» и «алан» в их языке отсутствуют. Ираноязычные осетины до сих пор своих давних и добрых соседей балкарцев называют «ас», Балкарию – «Асиаг» («Асия»), Карачай – «Стур-Асиаг» («Большая Асия»). Это является исключительно важным фактом, подтверждающим наше мнение о том, что предки осетин и карачаево-балкарцев издавна общались друг с другом. Осетины входили в Аланский союз, но этническими преемниками тюркоязычных аланов и асов (ясов) являются карачаевцы и балкарцы.

В древнегрузинских хрониках термин «ас» звучал как «ос, «овс», и во времена Вахтанга Горгасала (V в.) этим именем грузины называли гуннов. В XVIII в. выдающийся грузинский историк и географ Вахушти «осами» называл балкарцев. Вот что он писал: «Басиани (т. е. Балкария. – *Авт.*) граничит с севера с горою Черкезскою, отделяющей Басиани от Черкесии, с востока – горою Кавказом, лежащим между Басиани и Дигорией, с юга горою Кавказом, лежащим между Рачой и Басианом, и с запада горою Кавказом, лежащим между Сванетией и Басианом. Здешние овсы знатнее всех прочих овсов, и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян. Басианская река, вступая в Черкесию, впадает в Терек» (*Вахушти*, 1904).

На древней территории почти всех тюркских племен – в горах Алтая и в Средней Азии – сохранились этнонимы «алан» и «ас». Фраза «Аландан келген», т. е. «Пришедшие с равнины», бытует сейчас у алтайских племен. В Туркмении аланы известны в составе племени «салыр» как отдельная родовая группа – ветвь караманов. Язык этих аланов туркменский, и насчитывают они 1500 семейств. По народным преданиям, они до переселения в Туркмению, издавна жили на Мангышлаке и имели там свою крепость Алан.

Кстати, В. В. Бартольд, ссылаясь на английского востоковеда Хирта, пишет: «Хирт делает вывод, что туркмены – потомки покоренных хунтами аланов, и выражает мнение, что установление этого факта будет способствовать выяснению генеалогии туркменского народа... Такое мнение выражал еще в 1896 г. Аристов» (*Бартольд*, т. 2, ч. 1, с. 551).

У карачаевцев и балкарцев этноним «алан» сохранился как обращение друг к другу. Но здесь необходимо отметить одну важную деталь: слово

«алан» используется в значении «сородич», «соплеменник» и исключительно при обращении к людям, понимающим язык балкарцев и карачаевцев, т. е. практически только к соплеменникам.

Древние и средневековые авторы Аланией называли верховья Кубани *Карачай*. Так же именовались эти районы и на российских военно-топографических картах Кавказа XVIII–XIX вв. Даже во времена прокладки Военно-Грузинской дороги через земли ираноязычных осетин на карте грузинских царств – Карталинии, Чечни, Ингушетии, Сванетии – названы Куртатинское, Алагирское, Дигорское, Кобанское ущелья Осетии, нанесены реки Гизельдон, Ардон, Урух и пр., а вот к западу от Сванетии, в горах между Кубанью и Лабой, т. е. на территории Карачая, нанесены аланы (*Мизиев*, 1990, с. 93). Данные карт дополняют тот факт, что соседи карачаевцев – мегрелы – до сей поры называют их «аланами» (*Куншидзе И.*, 1914).

Некоторые лингвисты-осетиноведы пытаются доказать, что на территории не только Осетии, но и Балкарии и Карачая будто бы очень много иранских топонимических названий, оставшихся от ираноязычных аланов. Исходя из этого, В. Ф. Миллер утверждал даже, что на территории Балкарии и Карачая раньше жили осетино-аланы (*Миллер*, 1987, ч. 3, с. 7). Подобное утверждение опирается на неправильное толкование топонимов, о чем мы говорили еще в 1966 г. на научной сессии о происхождении осетинского народа. Так, например, название реки Загдан В. И. Абаев объясняет из осетинского «саг» («олень») + «дон» («река»), т. е. «оленья река» (*Абаев*, 1949, с. 367). Эту реку карачаевцы называют «Загзан» – «зак»/«джак» («защищенная») + «зан» («сторона»). Название реки Уллу-Кам иранисты переводят как «Большое ущелье». На самом деле «уллу» – общетюркское «большое», а «кам» перенято осетинами у тюрков и означает «река», «ущелье». Даже главная река Осетии Терек, именуемая осетинами и карачаево-балкарцами одинаково – «Терк», не этимологизируется из осетинского, а на карачаево-балкарском означает «быстрая», что соответствует характеру течения реки (*Лайпанов*, 1967). В древнетюркском языке слово «терек» имело и значение «река».

По утверждению М. А. Хабичева и Х.-М. И. Хаджилаева, на территории Карачая нет ни одного иранского топонима, но на территории Осетии, где в основном живут ираноязычные осетины, очень много тюркских топонимов. Этот факт признан и языковедами-осетиноведами. Так, известный специалист по топонимике А. Д. Цагаева указывает на наличие большого тюркско-монгольского слоя в топонимике Северной Осетии: «В топонимике Осетии насчитывается около полутора сотен географических названий, объясняемых из тюркских и монгольских языков. Они приблизительно равномерно распределяются в нагорной и плоскостной частях территории республики. Названия, относимые к тюркско-монгольскому топонимическому пласту, закреплены за большими и малыми географическими объектами. Они относятся к различным разделам лексики. Здесь мы находим слова, выражающие понятия общественной жизни, личные имена, географические термины и прочее» (*Цагаева*, 1972, с. 253–254).

Вот некоторые из них:

«Басмата» – «вершины». От тюркского «баш» («голова») + «тау» («гора»).

«Акмаз» – от «ак» («белая») + «баш» («голова»).

«Галаузидон» – от «кала» («крепость») + «уз», «ауз» («рот», «ущелье»).

«Суларта» – «сулар» («воды», «реки») + показатель множественности «т» и окончание «а».

«Суарх» – по-тюркски «высохшее русло реки».

А. Д. Цагаева пишет, что от тюркского «даг» («гора») образовано множество топонимов Осетии: **Далдах** – «ниже горы», **Уалдах** – «выше горы», **Мыстыдах** – «ледяная гора» и др. Что интересно, в Осетии имеется **Тенгиртау** – «небесная гора», по-тюркски («Тенгри» + «тау»).

Немало топонимов, в состав которых входят тюркские «тебе», «тюпе» («холм», «возвышенность»), «кел»/«гель» («озеро»): Татартуп – «татарский холм, стан», Колидон – «озерная вода», Заманкул – «джаман», «яман» («плохое») + «куль» («озеро») и др. (Там же, с. 256–257).

Итак, на территории Карачая нет иранских топонимических названий, в Балкарии их – единицы, тюркских же топонимов в Осетии – великое множество.

Тюркоязычные карачаевцы и балкарцы и ираноязычные осетины жили по соседству в течение многих столетий, поэтому в материальной и духовной культуре этих братских народов так много общего. Безусловно, имеются лексические заимствования. Но тюркские лексические заимствования, в частности, карачаево-балкарзмы, занимают в осетинском языке несравнимо большее место, чем осетинизмы в карачаево-балкарском. В своей книге «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа» профессор М. А. Хабичев дает много примеров таких лексических заимствований. Приведем лишь некоторые, из них:

«Ана» – «мать». Заимствовано осетинами, адыгами и абхазами.

«Ата» – «отец» – «ада» (осетин.), «адэ» (кабард.-черк.).

«Гыкка» – «дитя», «ребенок» (тюрк.) – «гаги» (осет.).

«Къыз» – «дочь», «девушка» (тюрк.) – «чызг» (осет.).

«Тамада» – от «там ата» («отец дома», «отец семейства», «хозяин дома», «старший в семье») – употребляется почти во всех кавказских языках в значении «старший».

«Азау» – «клык».

«Ашхын» – «желудок»: «аш» («еда») + «ктын» («футляр») = «футляр для пищи» (карач.-балк.) – «ахсын» – «желудок» (осет.).

«Богъурдакъ» – «горло», «глотка», «гортань» (общетюрк.) – «глотка» (осет.).

«Бурун» – «нос» (общетюрк.) – «бырынг» (осет.).

«Гыбыт» – «брюхо», «бурдюк» (карач.-балк.) – «гебета» (осет.).

«Джал» – «грива» (карач.-балкар.) – «дзал» – «волос» (осет.).

«Джукка» – «сосок», «женская грудь» (карач.-балк.) – «дзукка» – «сосок» (осет.).

«Джух» – «рот» (общетюрк.) – «дзух», «чух» – «рот» (осет.).

«Сакъал» – «борода» в обоих языках.

Для выяснения этногенеза тюркских народов вообще, аланов и карачаево-балкарцев в частности исключительно важна роль древнетюркских рунических надписей, ранее обнаруженных в верховьях Енисея, на Алтае, в Семиречье, Таласе, на Волге, Дону, в Венгрии и Болгарии, а в последние годы и на Северном Кавказе, в особенности на территории Карачая и Балкарии.

Выдающийся востоковед академик В. В. Бартольд, один из тех ученых, которые начали разработку методики исследования рунической эпиграфии, указал, что древнетюркские рунические надписи являются важнейшими источниками в изучении истории Центральной и Средней Азии, в исследовании истории тюркских народов (*Бартольд*, 1928, с. 11–12). Полный текст обнаруженных до 1936 г. рунических надписей издал в 1936–1944 гг., в Стамбуле крупный турецкий ученый Х. Н. Оркун под общим названием «Ески тюрк йазытлары» («Старинные тюркские надписи»).

Древнетюркские рунические надписи, найденные в последнее время на Северном Кавказе, могут быть переведены и прокомментированы, если при их расшифровке использовать данные карачаево-балкарского языка.

Как пишет Л. Н. Гумилев, карачаевцы и балкарцы «оформились в обособленный этнос раньше, чем сформировались сами древнетюркские народы» (*Гумилев*, 1967, с. 66), и их язык в течение многих веков сохранялся в более «чистом виде» ввиду отсутствия связей его носителей с другими тюркскими народами. Поэтому древнетюркское письмо относительно легко понимаемо карачаевцами и балкарцами.

Профессор У. Б. Алиев, тюрколог и славист, проводит ту же мысль: «Карачаево-балкарский язык, будучи одним из древнейших тюркских языков, заслуживает особого интереса: благодаря историческим условиям жизни его носителей он сохранил в себе много черт, особенно ценных для исторической и сравнительной грамматики тюркских языков» (*Алиев*, 1972, с. 3).

Говоря о значении карачаево-балкарского языка, тюрколог А. К. Боровков еще в 1932 г. писал: «Все более становится ясным, что карачаево-балкарский язык – «мал золотник, да дорог», с точки зрения методологии изучения, в первую очередь языков турецкой системы» (*Боровков*, 1932, с. 39).

В Карачае руны впервые обнаружены учеными в конце XIX в., но надписи тюрков воспринимались здесь до недавнего времени как тамги (тавро). В 1960 г. на загадочные надписи на камнях из разрушенной крепостной стены средневекового Хумаринского городища обратили внимание рабочие, строившие из этих камней скотоферму. В 1962–1963 гг. около Хумары, Сары-Тюза, в аланском городище Гиляч и других местностях Карачая было найдено немало древнетюркских надписей. Впоследствии доктор филологических наук С. Я. Байчоров, посвятивший 25 лет исследованию древнетюркских эпиграфических памятников, обнаружил огромное количество петроглифов и около ста памятников с руническими надписями. Ареал этих надписей охватывает территории Карачая и Балкарии, а также соседних районов, начиная от реки Черек в Восточной Балкарии и кончая рекой Большая Лаба в Западном Карачае. Эти памятники находятся в основном в долинах рек Черек, Чегем, Баксан, Хасаут, Малка (Балык), Джегута, Гиляч и др. С. Я. Байчоров изучал их и опубликовал в ряде сборников

статей и в монографии «Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение Северо-Кавказского ареала к Волго-Донскому и Дунайскому ареалам» (Ставрополь; 1989). Интересно, что в хасаутских наскальных могильниках (недалеко от Кисловодска) и в аланском городище Индыш (в верховьях Кубани) «эпитафии в ряде случаев исполнялись в двух системах письма – рунической и древнеуйгурской» (Там же, с. 28).

Одними из первых статьи о Хумаринских надписях, о новейшем открытии в мировой истории эпиграфики опубликовали один из ведущих тюркологов А. М. Щербак и ведущий специалист по истории аланов археолог В. А. Кузнецов. Последний высказал уверенность в том, что открытие рунических надписей сыграет огромную роль в изучении этногенеза карачаевцев и балкарцев. Вместе с тем он предположил, что Хумаринское городище с мощными каменными крепостными стенами могли построить болгары или хазары, хотя до открытия рунических надписей все археологи этот город считали аланским и даже столицей средневековой Алании (Кузнецов, 1963, с. 283–290).

Выдвигая тезис об изначальной тюркоязычности населявших это городище аланов, хотим в качестве еще одного подтверждения привести перевод аланской фразы, содержащейся в «Истории Армении» Моисея Хоренского, автора V в. Она не переведена ни автором, ни переводчиком этой книги с армянского языка, ни другими учеными, знавшими и армянский, и иранский языки. Недавно эта фраза была переведена М. А. Хабичевым.

В книге речь идет о том, что певцы исполняют на аланском языке песню, сложенную в честь аланской царевны Сатеник (Сатиник, Сартиник), вышедшей замуж за армянского царя Арташеса (II в. н. э.). Вот аланский текст: «Артахур хаварт тиз хаварци». В современном карачаево-балкарском языке, пишет М. А. Хабичев, это выражение звучит так: «Артахыр хапарны тиз, хапарчи (хапарцы)». Перевод с древнетюркского: «Переходи, рассказчик, к заключительной части сказания» (Хабичев, 1987, с. 25). Возможен и такой перевод: «Последнее сказание изложи, сказитель».

Таким образом, известные науке факты о языке аланов свидетельствуют об их тюркоязычности.

Прав был профессор Г. А. Кокиев, хорошо знавший историю и быт осетин: «Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала приводит нас к заключению, что насколько сомнительно отождествление предков осетин с аланами, настолько основательно отождествление балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами» (Кокиев, 1941, 28 янв.).

Археологические данные также говорят в пользу концепции о тюркоязычности аланов и их предков. По этим данным, на территории Карачая и Балкарии, еще до прихода сюда гуннов и болгар, существовали аланские города и поселения. Именно по катакомбному погребальному обряду, сохранившемуся до XIII в., орудиям труда, оружию, конскому набору, керамике археологи установили, что абсолютное большинство здешних памятников оставлено аланами. Материальная культура этих городищ и поселений (катакомбы, балбалы, конский набор и т. д.) тюркская, причем созданная задолго до прихода в горы болгар (Биджиев, 1976; 1987; 1989). Если к этому прибавить еще и наличие древнетюркского письма не только

на городских стенах, как в Хумаре, но и внутри аланских катакомб, как в районе аула Сары-Тюз (Токмак-Кая), то наша концепция получает солидную аргументацию.

В пользу тюркоязычности аланов можно привести множество других фактов. С. А. Плетнева утверждает, что официально принятые в Хазарском каганате язык и письменность и у аланов, и у болгар были тюркскими (*Плетнева*, 1967). Автор IX в. Иосиф Бен Горйон также отнес аланов к тюркам, а автор X в. Ибн Даста тюркоязычными считает не только болгар, но и туласов. «Тула», по мнению В. А. Кузнецова, означает «горцы», «асы», т. е. балкарцы и карачаевцы (*Гаркави*, 1884, с. 39; *Кузнецов*, 1962, с. 73, 87). Тот же В. А. Кузнецов сообщает о тюркской титулатуре аланских царей (*Кузнецов*, 1984, 113).

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что аланы-асы этнически и по языку были тюрками, хотя среди них, безусловно, были иранские и другие племена. Аланы приняли участие в этногенезе не только карачаевцев, балкарцев, осетин, но и чеченцев, ингушей, кумыков, абазин, абхазов, грузин, азербайджанцев, армян, туркмен, венгров, греков, турок, русских, испанцев, алжирцев и многих других народов. Аланы, как и другие тюркские народы, сыграли значительную роль в поступательном развитии человеческого общества. Оставленные ими Нижне-Архызские, Чуанинский (Шоанинский), Сентинский и другие замечательные памятники культуры, известные всему миру, – достояние человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наукой установлено, что тюрки были одним из древнейших этносов, сложившихся на земле. Этноним «тюрк» стал известен миру только в IV в. н. э. с созданием Тюркского каганата в Центральной и Средней Азии, но этот этноним появился намного раньше, во всяком случае, не позже неолитического периода развития человеческого общества.

Косвенным доказательством этого факта являются самоназвания таких весьма древних этносов, как коми, мари, удмурты, немцы, тибетцы, бирманцы и другие, этнические названия которых семантически восходят к словам со значением «человек», «люди», «настоящие люди» (*Крюков*, 1984, с. 728).

По утверждению выдающегося тюрколога академика А. Н. Кононова, этническое самоназвание «тюрк» происходит от древнетюркского слова «человек» (*Кононов*, 1949, с. 40–47).

До недавнего времени большинство ученых придерживалось того мнения, согласно которому прародиной всех тюрков был Алтай. Только небольшое число тюркологов – Ю. Немет, А. Зайончковский, М. Ширалиев и некоторые другие – придерживалось другой точки зрения, согласно которой прародиной тюрков был Волго-Уральский регион.

В последнее время число сторонников этой концепции неуклонно возрастает, так как объективный анализ накопленного материала позволяет заключить, что первоначальной прародиной тюрков были степи и полустепи Поволжья, Урала и прилегающих степных районов. Историко-этнографический, археологический, лингвистический и антропологический материал, которым располагает современная наука, позволил и нам прийти к такому заключению.

Судя по распространению древнеямной, курганной культуры, мы считаем, что, возникнув в Волго-Уралье в конце IV тыс. до н. э., когда усилился процесс этнообразования, эта культура в течение 500–600 лет распространилась на огромную территорию. Скотоводы-кочевники веерообразно расселялись на территории Евразии. Двигаясь на восток, они дошли до Забайкалья и Маньчжурии, на запад – до Дуная и Карпат, на юг – до Передней Азии, т. е. от Забайкалья до Дуная, от Урала до Шумера, Сирии и современной Турции.

Основным населением древнейшего Волго-Уралья были далекие предки тюрков и финно-угров, причем первые занимали преимущественно степную зону, а вторые – зону лесостепей и лесов, причем обе группы жили в тесном контакте друг с другом. Появление тюркских племен на старой родине – в Восточной Европе – и их дальнейшее движение отсюда на запад, юг, север, было возвращением к истокам. На первоначальной территории тюрков испокон веков продолжала жить часть далеких предков нынешних татар и башкир, а также финно-угорских народов.

Вместе с тем мы не исключаем возможности того, что исконной территорией проживания части тюркского этноса мог быть Алтай, а также Южная Сибирь, Прибайкалье, северная часть Монголии и Тува. Поэтому вопрос о прародине тюрков, на наш взгляд, нуждается в пересмотре.

В далекой Азии тюрки-европеоиды вступили в контакт с местными монголоидными племенами, и спустя много веков часть восточных тюрков приобрела монголоидные черты. В большинстве же своем тюрки до настоящего времени являются европеоидами.

В своем движении на юг и юго-запад древнейшие кочевники вступали в тесный контакт с афганскими и иранскими племенами, а на Кавказе сталкивались и смешивались с кавказскими. Именно этим обстоятельством объясняется наличие множества тюркизмов в иранских, финно-угорских, кавказских, праславянских и других языках (*Мусаев*, 1984, с. 120–121, 134; *Добродомов*, 1974, с. 26).

Распространяясь в Предкавказье, а оттуда и в Переднюю Азию, древнейшие кочевники Евразийских степей стали основополагающим тюркоязычным компонентом в процессе формирования шумерского этноса, который, по нашему мнению, является древнейшей частью общетюркского мира, интегрированным с древнейшими оседлыми земледельцами Передней Азии. Именно этим обстоятельством объясняется наличие массы шумеро-тюркских лексических сходжений почти во всех тюркских языках и наречиях.

На просторах Среднеазиатских степей ямно-афанасьевская общность III тыс. до н. э. сменяется во II тыс. до н. э. близкородственной ей срубно-андроновской этнокультурой общностью; позднее образовались: на западе – скифская, на востоке – сако-массагетская племенные группы. Вероятно, к тем же временам, к периоду срубно-андроновской общности, уходит разделение тюркских языков на западно-тюркские и восточно-тюркские языки (Киекбаев, 1962, с. 26). С таким же разделением мы склонны связывать извечное деление тюркского этноса на западные и восточные «дома».

Абсолютно ошибочным, антинаучным является утверждение о том, что тюрки в основном были не созидателями, а разрушителями общественного прогресса. Объективное изучение истории тюркских племен и народов доказывает, что они наравне с другими народами вносили весомый вклад в развитие мировой культуры.

О высоком уровне культуры древнейших тюрков говорит наличие древнейшей культуры шумеров, которые одними из первых в мире изобрели письмо.

С I в. н. э. начали пользоваться древнетюркским руническим письмом прибайкальские и енисейские гунны. Несколько позже тюрки-уйгуры изобрели собственное письмо на основе арамейского. Ареал распространения древнетюркского рунического письма колоссальный: от Монголии до Венгрии.

История древних и раннесредневековых тюрков свидетельствует о том, что они веками жили вместе или рядом с финно-угорскими и индоевропейскими племенами, маньчжурцами, китайцами, корейцами, японцами, тибетцами и т. д. и тесно общались с ними. Это общение отразилось в языке, материальной и духовной культуре многих народов. О взаимовлиянии, отчасти и этническом родстве, например, русских, украинцев, болгар, поляков, с одной стороны, и татар, казахов, прочих тюркоязычных народов – с другой, свидетельствуют многочисленные тюркские слова в славянских языках и наоборот, а также наличие множества русских фамилий тюркского происхождения. Так, например, профессор Н. А. Баскаков приводит триста русских княжеских и дворянских фамилий тюркского происхождения (*Баскаков, 1979*).

И у тюркских народов встречается немало фамилий славянского и иного происхождения. Много сходного между этими двумя группами в языке, обычаях и обрядах, а также в образе жизни.

Многие тюркские племена ассимилировались среди китайцев, индусов, персов, русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар, сербов, литовцев, венгров, немцев, греков, итальянцев, испанцев, арабов, французов и других народов, но и среди тюркских племен было ассимилировано немало представителей иноязычных племен и народов.

Особо остро стоит вопрос об этнической принадлежности скифов, саков, массагетов, сарматов и аланов. Одни исследователи считают их ираноязычными, другие – тюркоязычными. Но одно бесспорно: четко прослеживается преемственность родственных культур древнеямников (курганников) – срубников – скифов – гунно-сарматов – аланов.

В этой связи важнейшее значение приобрела проблема появления первых тюрков на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье и эт-

нической принадлежности скифов, саков и их потомков. Исследованиями ряда ученых, в особенности З. М. Ямпольского, М. З. Закиева и других, научно доказано, что тюрки населяют Северный Кавказ, Переднюю Азию и Северное Причерноморье с древнейших времен. Мы же считаем Восточную Европу прародиной всех тюркских племен.

З. М. Ямпольский еще в 1966 г., основываясь на добытом археологическом материале, утверждал, что на Кавказе, в частности в Азербайджане, предки тюрков жили еще в эпоху бронзы во II–I тыс. до н. э. Они вели отгонное (яйлажное) животноводство. Обнаружены в слоях бронзовой эпохи глиняные макеты кибиток на колесах, в которых жили тюрки-кочевники. Кроме того, в XIV в. до н. э., т. е. более трех с половиной тысяч лет тому назад, в ассирийских клинописных табличках зафиксированы жившие в районе озера Урмия турукки, т. е. тюрки (Вестник древней истории, 1952, № 2, с. 266, 326).

Урартийская клинопись из Калаграна, написанная в начале I тыс. до н. э., также отмечает наличие на территории нынешнего Азербайджана племени «турухи» (Там же). «Все приведенные глухие и гипотетические свидетельства о тюрках в зоне Азербайджана, – заключает ученый, – выглядят несколько более правдоподобно в связи с двумя бесспорными сообщениями античных первоисточников, документирующих, что тюрки жили в зоне Азербайджана две тысячи лет тому назад» (Ямпольский, 1966, с. 63).

Для подтверждения концепции о тюркоязычности скифов, саков, массагетов, сарматов, аланов мы привели, на наш взгляд, немало научных аргументов. В пользу этой концепции привел много лингвистических фактов М. З. Закиев (1986). Для доказательства тюркоязычности мидян, скифов, сарматов и других народов Азии и Европы приводит веские аргументы Г. А. Гейбуллаев (1991).

Наследники ямно-афанасьевской, а затем срубно-андроновской культурных общностей – скифы в Европе и сако-массагеты в Азии явились этнической основой формирования тюркских народов. В эпоху Средневековья предками тюркских народов выступают гунны, хазары, болгары, аланы, печенеги, авары, гузы, огузы, кимаки, кипчаки и многие другие племена.

Можно смело утверждать: к концу X в. н. э. почти все ныне существующие тюркские народы сформировались как раннефеодальные народности. По-разному сложилась их судьба в дальнейшем. В настоящее время они получили возможность для свободного развития.

Небольшой объем труда не позволил нам более масштабно и подробно рассмотреть все аспекты проблемы, хотя старались несколько шире осветить наиболее спорные вопросы, исходя из объективных данных науки. Но мы отнюдь не считаем, что наши выводы, являются истиной в последней инстанции. Хотим надеяться на то, что данное исследование послужит толчком для дальнейшего скрупулезного и детального изучения этой важной и актуальной проблемы.

Черкесск: ПАО «ПУЛ», 1993

**Шаги
к истокам
этнической истории
центрального
Кавказа**

История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир.

Н. М. Карамзин

НАЗРЕВШАЯ ПРОБЛЕМА И ПОИСКИ ПУТЕЙ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Названию этой книги уместно дать подзаголовок: «Полемика, факты, гипотеза». Новая работа И. М. Мизиева меньше всего относится к числу тех, что содержат окончательный ответ по широкому спектру поднятых вопросов этнической истории Центрального Кавказа в ее тесной связи с ближайшей и дальней округой. Она не является, строго говоря, завершенным специальным исследованием отдельно взятого вопроса, а потому не содержит историографического и источниковедческого анализа, демонстрирует преобладающее выборочное толкование спорных вопросов, историография которых, возможно, только начинается. Она выгодно отличается от образцов традиционной научно-популярной литературы, потому что цель автора не облегченно изложить апробированные ученые концепции и версии, а увлечь читателя по непроторенным, а часто еще и непознанным тропам к истокам тюркско-кавказских связей в историческом прошлом. Она объединяет в себе черты обоих жанров и наверняка будет встречена с большим (хотя и явно неоднозначным) интересом.

Основной пафос этой книги состоит в стремлении шире, глубже, сложнее и объективнее поставить проблему этногенеза балкарцев и карачаевцев, отчасти осетин, как древних иноязычных обитателей среди автохтонного населения Северного Кавказа. Средством для этого избрано выдвигание и посиленная мотивировка приемлемой или хотя бы рабочей «тюркской альтернативы» в противовес доминирующей, по убеждению И. М. Мизиева, «индоиранской позиции» в освещении сведений, накопленных исторической наукой.

Следует заметить, что роль тюркоязычного населения в этнической и политическо-культурной истории Северного Кавказа привлекает все больше пристальное внимание. Достаточно, например, обратиться к содержательным исследованиям Е. П. Алексеевой, Я. А. и Г. С. Федоровых, М. Г. Магомедова, А. В. Гадло, Г. В. Цулая, В. М. Батчаева, Х. Х. Биджиева и других, чтобы удостовериться в этом. Однако все они ограничивают проблему хронологическими рамками средневековой эпохи, исходя из общеприня-

той посылки о появлении тюркских кочевых народов в степях Восточной Европы и Предкавказья не ранее IV в. н. э. Далеко не все выводы названных специалистов однозначны, а тем более согласуются друг с другом. Они отнюдь не легко увязываются с мнениями тех историков, археологов, этнографов, лингвистов, которые преимущественно изучают вклад в региональный исторический процесс иных (исконно кавказских или ираноязычных) этнолингвистических формирований. Дискуссионность сложившейся ситуации совершенно очевидна, и я имел возможность на Всероссийской научной конференции по вопросам истории исторической науки Северного Кавказа и Дона еще в 1978 г. сформулировать ее так: «Одной из кардинальных проблем, требующих решения, является необходимость создания новой этнополитической карты Северного Кавказа, на которой, кроме ираноязычных аланов, должны занять подходящее им место и тюркоязычные этносы и группы (гунны, авары, болгары, хазары, половцы и пр.), а также аборигенные племена горных и предгорных районов. Вопросы взаимоотношений ирано-, тюрко- и кавказоязычных этнических групп, объективная и возможно более полная трактовка вклада этносов в местную историю – вот стержневая задача нынешнего этапа изучения раннесредневековой эпохи региона».

Минувшие с тех пор годы не только не поколебали актуальность сформулированной задачи, но и наоборот – еще более заострили ее, так как по-прежнему не достигнута должная концентрация и координация научных сил, не преодолены изолированность интересов и взглядов, а также и субъективизм их части, что диктует невольное (а подчас и сознательное) преувеличение вклада и роли отдельных этносов и групп. Наиболее серьезные и объективные, на мой взгляд, исследователи видят сегодня выход из сложившейся ситуации в признании и обосновании той новой и перспективной точки зрения, согласно которой все основные этнические общности, сформировавшиеся на территории Северного Кавказа к началу нашего тысячелетия, представляли собой образования, длительно создававшиеся на основе межэтнического синтеза самых различных по своему происхождению этнических групп. И именно к этим раннесредневековым общностям так или иначе восходят современные народности Северного Кавказа.

Однако весь перспективный потенциал подобного подхода к осознанию назревшей проблемы может быть реализован лишь в условиях полной мобилизации всех без исключения доступных данных, их комплексного рассмотрения и сравнительного анализа с уже имеющимися трактовками, поисков новых путей мысленного проникновения в сложную и запутанную ткань исторического процесса давно минувших времен. Эти условия чрезвычайно труднодоступны и вовсе не гарантируют изначальной удачи, так как входят в столкновение со сложившимися трафаретами и шаблонами (при всей естественности и полезности тех и других на определенных этапах становления научного познания). Они могут быть достигнуты только в открытой полемике, которая неизбежно сопутствует выдвижению новых идей. А полемика, как хорошо известно, «вещь» обоюдоострая!

Такой путь и выбрал для себя Исмаил Мусаевич Мизиев. Его имя хорошо известно как ученым-кавказоведам, так и широким читательским кругам прежде всего Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. И. М. Мизиев – автор целого ряда научных работ, посвященных археологии, истории, этнографии балкарцев и карачаевцев, в том числе таких толковых и значительных по содержанию книг, как «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» (Нальчик, 1970), «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории» (Нальчик, 1981). Он увлеченный и страстный публицист, пропагандирующий историческую науку в прессе.

За плечами ученого насыщенные сезоны археологических раскопок и разведок, десятки вновь выявленных или дополнительно изученных памятников истории и культуры двух близкородственных братских народов Центрального Кавказа. Ученик покойного выдающегося археолога и кавказоведа, лауреата Ленинской премии, профессора Е. И. Крупнова, он воспринял от своего наставника целеустремленность, трудолюбие, стойкость в научных позициях.

Жизнь подвергла И. М. Мизиева тяжкому испытанию. В результате несчастного случая несколько лет назад он потерял способность двигаться и оказался навсегда прикован к домашнему рабочему кабинету. Все планы археолога-полевика превратились в несбыточные мечты. Стало катастрофически трудно продолжать любимое дело. Но человек не упал духом. Он оказался сильнее драматических обстоятельств.

Бросая вызов превратностям судьбы, И. М. Мизиев резко усилил собирательскую и аналитическую работу в русле изучения истории балкарцев и карачаевцев, как органического компонента в общей северокавказской панораме. Данные не только археологии, истории, этнографии, но и фольклора, сравнительного языкознания, топонимии и антропоники, многих иных смежных научных дисциплин мобилизует он теперь. По крупицам собирает сведения древних и средневековых письменных источников, прорабатывает обширный круг научной (в том числе и ставшей давно библиографической редкостью) литературы, способной пролить добавочный свет на историческое прошлое тюркоязычных народов в границах Северного Кавказа. В процессе напряженной работы на первый план вышла проблема важнейшая, интересная и фундаментальная: происхождение, этническая история балкарцев, карачаевцев, их соседей и партнеров на тропях истории.

Со всей ответственностью следует подчеркнуть, что проблема эта в историографии региона еще весьма далека от сколько-нибудь обстоятельного и достоверного решения. Все усилия науки, затраченные на нее, дали пока лишь предварительные, а во многом и приблизительные результаты, хотя переоценить их, как первые существенные шаги к постижению истины, невозможно. Особенно сложен и запутан вопрос о роли собственно тюркоязычных племен и народов в этногенезе современных балкарцев и карачаевцев, о длительности и глубине их исторической соотнесенности.

Скажу прямо, для меня самого эта сложность стала предельно зрима и значительно понятнее при чтении данной книги И. М. Мизиева, хотя я был знаком с серией его (а также других авторов) предшествующих публикаций, затрагивавших поистине «болеую точку» оценки места тюркоязычных этнических элементов в общей картине исторического процесса на Северном Кавказе. Больше того, прежде волновавшие меня такие исследовательские аспекты, как время и условия проникновения тюркских племен в Предкавказье (являющееся частью обширных Южно-Русских степей), историческое соотношение и взаимовоздействие раннетюркских и ираноязычных племен на Центральном Кавказе, получили при проработке рукописи И. М. Мизиева немалые новые творческие стимулы.

В книгу, которая лежит перед вами, вложен огромный, не поддающийся даже учету труд увлеченного человека, во всеоружии накопленных им знаний и сведений выступившего против нынешнего (превратившегося в традиционный, а в чем-то и рутинный) подхода к оценке этнических процессов на Северном Кавказе в I тыс. до н. э. – XIII в. н. э. В ней читатель найдет первую сводку самых разнообразных и разнохарактерных данных, способных, по мнению автора, помочь привлечь внимание, уточнить, а часто и в корне пересмотреть некоторые принципиально важные позиции при воссоздании древней и средневековой истории народов региона. В ней выстраивается цепь неожиданных предположений, метких наблюдений, а нередко и достаточно обоснованных выводов, которая превращается в гипотезу о несравненно более давнем и результативном участии тюркоязычных этнических групп и народов в прошлом Кавказа.

И. М. Мизиев написал работу намеренно дискуссионную, наполненную новыми версиями толкования фактов, спорами со многими учеными, в том числе и признанными авторитетами в своей области. Не стану излагать суть его построений по каждому из разделов книги. Замечу лишь, что все они, по моему мнению, так или иначе заслуживают обнародования и трезвого научного обсуждения, в котором веское слово должно быть произнесено, в частности, специалистами по тюркскому языкознанию. Опираясь на личный опыт в области изучения скифо-сармато-аланской тематики, мне не трудно было бы во многих случаях дополнить его аргументацию, как, впрочем, в не меньшей мере и возразить части построений, уточнить систему доводов, обозначить перспективные направления дальнейших изысканий, которые наверняка приведут не к однозначным решениям некоторых вопросов раннего периода тюркско-северокавказских связей.

Мне и сегодня, например, видится больше позитивного смысла не в упорных поисках и увлеченно-прямолинейном выявлении собственно тюркских предков балкарцев и карачаевцев и даже не в оценке исторического контекста с позиций ассимиляционных явлений. Среди археологов и этнографов, работающих под моим руководством, более плодотворной признается концепция, согласно которой этническая карта Северного Кавказа в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. определялась преимущественно результатами активно протекавших интеграционных процессов в традиционной

контактной зоне между горами и степью. Здесь происходило не просто сближение или языковая ассимиляция, а слияние, синтез, в итоге чего складывались качественно новые этнообразования, отличные как от степных пришельцев (ираноязычных, тюркоязычных, угроязычных), так и от кавказских автохтонных племен. Ход этногенеза тут зачастую, вероятно, не подчинял одних другим, а постепенно, длительно создавал сперва новые самобытные «предэтнос», затем – сложные по своему составу раннесредневековые народности, на основе которых сформировались в конце концов современные народы региона.

Вполне очевидные элементы «тюркского этноцентризма», не преодоленные в труде И. М. Мизиева, разумеется, не удовлетворяют компетентного и вдумчивого читателя. Но они в известной мере являются естественной реакцией конкретного автора на устоявшиеся и получающие развитие тенденции «ираноязычного» или автохтонного этноцентризма в толковании исторического прошлого Северного Кавказа. Объективно сложившаяся дискуссионная ситуация требует новых упорных исследований, мобилизующих все наличные факты, учитывающих все существующие в литературе мнения. Только так может быть достигнут прогресс в движении к оптимальному варианту уяснения необычайно сложной и далеко не понятной еще ныне истории многонационального Северного Кавказа.

В заключение я хотел бы предостеречь читателей от чрезмерной доверчивости, от некритической увлеченности в восприятии основного содержания книги И. М. Мизиева. Вместе с тем опрометчиво и не видеть в определенной степени новаторский, полезный ее потенциал.

Книга «Шаги к истокам...» наверняка вызовет жаркие споры, столкновения мнений, а то и нападки. Ставя себя на место автора, взял бы смелость сказать так: «Может быть, я в чем-то ошибаюсь. Может быть, даже наверняка! Но лучше, ошибаясь, идти вперед, чем стоять на месте, робко потупив взгляд».

В. Б. Виноградов,
заслуженный деятель науки РСФСР
и Чечено-Ингушской АССР,
доктор исторических наук, профессор

ВВЕДЕНИЕ

Стремление как можно глубже познать особенности этнических процессов в древней истории братских народов нашей страны является составной частью духовной потребности советских людей. Это стремление проявляется особенно наглядно, когда речь идет о таком густонаселенном районе, как Кавказ. Мало кому из историков, археологов, этнографов, языковедов не приходится сталкиваться с вопросами: а кто такие были древние кавказцы, какова была их так называемая кобанская археологическая культура, как давно и откуда явились на Кавказ аланы и гунны, болгары и хазары, кипчаки или половцы, как складывались их связи с местными кавказскими племенами? Разве на все эти и подобные вопросы можно ответить однозначно? Над ними трудились многие поколения ученых, но нерешенных проблем еще остается достаточно много.

Наивно было бы ожидать исчерпывающих ответов и в предлагаемой книге, хотя она и является итогом почти 25-летних раздумий и поисков автора. Порой сказывается недостаток фактического материала и его научной информативности, порой оказываются весьма живучими скоропостижные выводы, сделанные по первому впечатлению ведущими учеными прошлого века, а нередки и случаи, когда отдельные авторы подходят к этнической интерпретации источников с заранее определенной задачей и черпают из них только то, что соответствует их программе. В результате этого в исторической литературе о Северном Кавказе укоренились такие взгляды на этнические процессы, которые не совсем отвечают исторической действительности. Но тем не менее они в наши дни стали почти хрестоматийными. В этих условиях очень трудно пересмотреть некоторые устоявшиеся в науке идеи, хотя они и не находят сколь-нибудь веского подтверждения при проверке сегодняшним уровнем изученности письменных источников, данных археологии, этнографии, языкознания. Поэтому очень своевременно звучат слова одного из ведущих советских археологов В. Б. Ковалевской о том, что какими бы проблемами ни занимался исследователь, хочет он этого или нет, но над ним довлеет состояние науки на сегодняшний день. Именно эта зависимость от традиционного багажа знаний может порою сослужить и недобрую службу, так как она не позволяет под новым углом зрения взглянуть на давно уже известные и многократно проанализированные события. Как справедливо пишет В. Б. Ковалевская, «к пересмотру традиционной точки зрения следует под-

ходить двумя путями: шаг за шагом проверяя каждое из вызывающих сомнения утверждений или вводя новый источник» [160, с. 69] *.

По этнической истории Северного Кавказа трудно найти новый письменный документ. А информацию, содержащуюся в археологическом материале, нередко трактуют однобоко, порою, как нам кажется, просто искажают. Поэтому в своей работе мы пытались следовать по первому пути, который, вполне естественно, придает ей характер научной полемики.

В последние годы даже популярные книги уже не пишут в каком-то облегченном стиле, когда история в них «зачастую сводится к изложению более или менее занимательных событий. Это, как правило, дискредитирует саму науку и одновременно свидетельствует о неуважении к читателю, о недоверии к его интеллекту. Между тем для широкого читателя увлекательность науки истории станет очевидной лишь тогда, когда он постигнет закономерности исторического процесса и принципы исторического исследования» [160, с. 191]. Свою работу, посвященную спорным вопросам этнической истории Центрального Кавказа, мы старались всецело подчинить той безусловно перспективной идее, которая получила широкое одобрение на конференции «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока», организованной Институтом востоковедения АН СССР. Суть ее сводится к тому, что «едва ли было бы разумно сидеть сложа руки и ждать, пока невесть откуда появится принимаемая всеми, еще не существующая общая теория этногенеза» [395, с. 10–11]. Мы пытаемся предложить новое, более соответствующее исторической действительности толкование конкретных письменных, археологических, этнографических, лингвистических, этнотопонимических источников с подробным разбором и критикой всей аргументации авторов, пользующихся этими источниками в первую очередь в культурно-историческом плане. Следуя этим принципам, мы не только не обходили спорные вопросы, а, наоборот, останавливались на них особо, заостряли внимание читателя на всех возможных вариантах интерпретации источников по каждому отдельному вопросу, вовлекая его в поиски возможно оптимальных вариантов трактовки того или иного факта, давно известного в науке только с одних позиций.

Кавказ издавна называют «горой языков», «горой культур», и он продолжает привлекать к себе неослабное внимание многих ученых, путешественников, этнографов, краеведов.

Еще на заре нашей эры знаменитый Страбон** сообщал, что город Диоскуриада (находился на месте нынешнего города Сухуми. – *И. М.*) являлся общим торговым центром кавказских народов, куда «сходятся, говорят, 70 народностей, а по словам некоторых, нисколько не заботящихся об истине, даже 300. Все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно,

* В скобках отмечены номер и страница источника в библиографии в конце данной работы.

** Отец географической науки (63 г. до н. э. – 23 г. н. э.), писал не ранее 18 г. н. э.

без сношения друг с другом... Большая их часть принадлежит сарматским племенам» [167, с. 136].

«Армянская География» VII в. перечисляет на Центральном Кавказе 53 народности, в числе которых можно распознать предков нынешних тушинцев, чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев и др. [231, с. 28–31].

Знаменитый арабский географ и путешественник Абуль-Хасан Али аль-Масуди (умер в 965 г.) писал в своей «Книге сообщений и знаний», что «в горах Кабк громадное количество царств и племен. В этих горах насчитывается 72 племени и у каждого свой царь, свой язык, не схожий с другими наречиями» [127, с. 40]. Несколько позже (в 977 г.) Абул-Касим ибн Хаукаль писал, что «хребет Кабк огромен, говорят, что на нем 360 языков, я раньше отрицал это, пока не видел сам много городов, и в каждом городе свой язык, помимо азербайджанского и персидского» [127, с. 97].

В 80-х гг. XIX в. академик В. Ф. Миллер следующим образом обрисовал формирование столь необычной этнической пестроты на Центральном Кавказе: «Южнорусские равнины со стороны востока на пространстве между северной окраиной Каспия и южными отрогами Урала не представляли естественной преграды для народов, двигавшихся с востока, со степей Центральной Азии в Европу. Перейдя реки Урал, Волгу, Дон, эти народы бесконечной вереницей двигались в Южно-Русские степи... Вытесняемые же ими народы должны были искать убежище в стороне от обычного пути народов, на севере или на юге от него. Те из них, которые искали это убежище на юге, оттеснялись к Черноморскому побережью и берегам Азова или к Кавказским горам. Таким образом, они были приперты к стене и не имели выхода, будучи заперты со всех сторон. С севера их теснили победители, с запада преграждали путь Черное и Азовское моря, с востока – берега Каспия, с юга – сплошная стена гор... Народ, теснимый отовсюду, искал убежище в ущельях и здесь боролся с другими народами, раньше сюда загнанными... То, что творилось на севере Кавказа, творилось и на юге. Со стороны Колхиды, Иверии, Армении загонялись в горы побежденные народы, не имея выхода ни на восток, ни на север, ни на запад... Таким образом, Кавказ становился «горой языков»... которая представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где на сравнительно небольшом пространстве скучивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов. Если когда-либо удастся решить небольшое число запутанных вопросов о национальности разных народов, некогда сменявших друг друга в древние времена и Средние века в необозримых степях Южной России, то только под условием изучения этнографии Кавказа». Миллер был убежден, что «современные маленькие народы Кавказа есть скудные остатки древних крупных народов, некогда бродивших в степях и, может быть, известных древним и средневековым историкам под другими именами» [179, с. 3].

В результате этих событий в самых высокогорных ущельях Кавказа оказались осетины, балкарцы и карачаевцы с их иранским и тюркским язы-

ками, не свойственными Древнему Кавказу, а в предгорьях расселились адыго-черкесо-кабардинцы, ногайцы и другие народы.

Этническая история этих народов изучена недостаточно и далеко не равномерно. Более обстоятельной библиографией обросли вопросы этногенеза осетин, не вызывают особых возражений основные положения по вопросу об этнической истории вайнахских и адыгских народов, сыгравших большую роль в этнической и социально-политической истории Северного Кавказа. Можно считать установленной этническую связь между скифо-сармато-аланами и осетинами, хотя, может быть, и не столь прямолинейно, как это принято в некоторых работах.

Подвергается серьезным сомнениям лишь трактовка места и роли ираноязычных скифо-сармато-аланских племен в истории Северного Кавказа, выраженная в безоговорочном отождествлении этих племен только с современными осетинами [129, с. 130].

Предлагаемая книга является попыткой разобраться в источниках, породивших традиционное толкование наследия скифо-сармато-аланских племен в этнической истории Северного Кавказа. Наибольшее внимание, естественно, уделено самой запутанной проблеме – этнической истории балкарцев, карачаевцев и осетин. В связи с этим затронута более широкая проблема – время проникновения тюркских племен в Восточную Европу и на Кавказ.

Балкарцы, карачаевцы и осетины в лице своих далеких предков попали в гущу исконно кавказских племен по крайней мере уже в первые века новой эры. Географическое размещение этих народов давно привлекает внимание ученого мира, но до сих пор остаются невыясненными многие важные вопросы их истории и культуры, а именно: какой путь развития прошли предки этих народов на подступах к Кавказу, где искать их этнические корни, когда и как они замкнулись в горах, какова картина их взаимоотношений и взаимовлияния их культур и языков вне Кавказа и в его ущельях. Вопросы эти чрезвычайно важны и трудноразрешимы без внимательного анализа всего комплекса имеющихся источников.

В непосредственной связи с этими проблемами определенный интерес могут вызвать впервые вводимые в научный оборот шумеро-балкарско-карачаевские лексические сходжения и скифо-тюркские параллели. Эти материалы вместе с данными балкарско-карачаевского языка проливают ощутимый свет на затрагиваемые вопросы. Давно известные в науке археолого-этнографические, этнотопонимические материалы и сведения письменных источников автор старается рассматривать не только в узких северокавказских рамках, но и на широком историко-географическом фоне от Алтая до Дуная, от Поволжья до Кавказа, т. е. на территории расселения древнетюркских и ираноязычных племен от первых веков до XVIII столетия.

Следует пояснить, что данная работа не является специальным исследованием одного отдельно взятого вопроса, а преследует цель – **посмотреть**

с различных точек зрения на факты, прежде освещавшиеся только с одной, индоиранской, позиции. В результате такого подхода представляется возможным наметить новые направления поиска, а также подвергнуть сомнению или даже пересмотреть ряд традиционных версий по узловым проблемам кавказоведения. Необходимо отметить, что за истекшие 180 лет историческая наука обогатилась громадным количеством новых фактов, памятников, документов, исследований. А между тем вопросы этногенеза и этнической истории во многом еще продолжают трактоваться на основе традиционных установок.

Автор не претендует на роль арбитра в сложных этнических проблемах, его цель – **показать необходимость более критического подхода к интерпретации наиболее существенных исторических фактов, явлений, а также, письменных, археологических и иных источников.** Роль арбитра в этом случае автор оставляет за специалистами, а читателей, проявляющих интерес к истории кавказских народов, предостерегает от слепой веры в недостаточно обоснованные, но прочно вошедшие в литературу толкования многих вопросов истории Северного Кавказа.

Нет сомнения в том, что поднимаемые в книге вопросы и предлагаемый способ всестороннего анализа источников, интерпретация многих письменных документов, археологических памятников, фольклорных и этнографических, этнотопонимических материалов не оставят кавказоведов равнодушными, а вызовут научные дискуссии, которые являются движущей силой науки и всегда полезны для ее поступательного развития [133, с. 4].

Автор надеется также, что предпринятые им усилия в освещении ранних этапов этнической истории Северного Кавказа вызовут отклики в научной литературе, будут способствовать более осторожному и комплексному подходу при освещении этой сложной, но очень интересной проблемы кавказоведения.

ИСЧЕЗ ЛИ ШУМЕРСКИЙ ЯЗЫК?

...Карачаево-балкарский язык – «мал золотник, да дорог» с точки зрения методологии изучения языка, в первую очередь языков турецкой системы.

А. К. Боровков

«Да, исчез», – утверждают все справочные издания и выводы крупнейших исследователей древних языков Передней Азии [280; 315]. Это положение иллюстрируется следующими словами ведущего советского специалиста по языкам Древней Передней Азии И. М. Дьяконова: «Нет, пожалуй, такой семьи языков на земном шаре, с которой не пытались генетически связать шумерский * язык». Признавая структурную близость ряда кавказских языков с шумерским, он продолжает: «Но как бы значительна ни была эта структурная близость, она не свидетельствует о родстве, пока нельзя выявить и материальную близость» [102, с. 84]. Материальную близость словарного фонда шумерского и ряда тюркских языков доказывали виднейшие специалисты прошлого по истории и культуре народов Передней Азии. Однако и их выводы считаются основанными на ошибочном чтении или толковании шумерских слов, «на внешнем сходстве звучаний, не составляющих систему» [102, с. 84]. Таким образом, современная наука о языках Древней Передней Азии приходит к заключению: «При нынешнем состоянии наших знаний ни материал грамматических формантов шумерского языка, ни материал таких слов основного словарного фонда, как числительные, термины родства, названия частей тела и т. п., не обнаруживают никаких систематических соотношений с аналогичным материалом других языков... Поэтому в настоящее время шумерский язык приходится считать изолированным, и родство его с каким бы то ни было другим языком – неустановленным» [102, с. 84].

Однако еще в 1975 г. была высказана гипотеза о том, что «состояние нынешних знаний и лексический материал, содержащийся в статье И. М. Дьяконова, позволяют установить культурное родство шумерского с ныне живыми тюркскими языками» [226, с. 230].

Но каким образом шумерские слова сохранились в тюркских языках? Единственным ответом, как мы видели выше, служит утверждение о том, что это «случайные созвучия». Это не совсем так потому, что совпадают и

* Шумеры – древний народ, живший 5 тыс. лет тому назад на юге современного Ирака.

смысловые значения слов. Встает другой вопрос: почему же столь разительные и буквально совпадающие по смыслу «созвучия» обнаруживаются в основном в тюркских языках?

Для того чтобы сделать попытку понять это, нужно обратиться к специфике исторических отношений между «Европой и Азией», долго олицетворяемой представлениями об извечной военной опасности и культурной отсталости кочевников, в том числе и тюркоязычных. Постулат этот родил-ся давно.

Там постарались отгородиться от тюрков Китайской стеной в 3 тысячи километров, здесь воздвигли Железные ворота (Дербент). Передняя Азия и Ближний Восток были прикрыты неприступными твердынями Кавказских гор и Черным морем. И лишь на севере Каспия, в низовьях Итиля и Яика, гуляли сквозняки и взвивались в вихре этнические перетасовки. Европейские и восточные источники полны описаний мощных прорывов тюркских племен через отмеченные преграды. Походы их через Дербент и Дарьял не раз потрясали Переднюю Азию в первых веках н. э. [32, с. 40–67].

В результате этих событий только племена, находившиеся на гребне первых азиатских волн, могли осесть на Кавказе и у дербентских стен. А таковыми могли быть гунно-болгары, сабиры и предки хазар, сыгравшие большую роль в этнической истории тюркских народов Северного Кавказа. Именно эта ветвь тюркских племен входила в первые контакты с переднеазиатскими и индоевропейскими языками. Не эта ли ранняя связь и смешение делали язык болгар и хазар, по словам средневековых авторов IX–X вв., непонятным другим тюркам [37, с. 37, 509]. Может, поэтому они считали болгар особым родом тюрков, из-за их большой смешанности с другими этническими группами? Исследования советских ученых уводят предков болгар в сарматский мир низовьев Волги и Северо-Восточные степи Казахстана [91, с. 131–148; 260, с. 10]. Хазары же, только в VIII в. перенесли свою столицу на Итиль из Дагестана, по заключению В. В. Бартольда, вообще «народ неизвестного происхождения» [37, с. 37, 597]. Ничего определенного о происхождении хазар не говорит и крупнейший хазаровед М. И. Артамонов, кроме констатации того, что хазары в бассейне Волги появились задолго до VI в., т. е. до возникновения Тюркской империи [32]. Но вопрос, когда и откуда они появились, остается открытым.

Все это заставляет более внимательно отнестись к почти буквальному фонетическому и смысловому тождеству шумеро-тюркских терминов, которые приводят исследователя к выводу о том, что «совпадения форм и смыслов – системны и потому не случайны» [226, с. 230].

Касаясь шумеро-тюркских лексических сходжений, мы всецело придерживаемся чтений, толкований и переводов шумерских слов, принятых М. И. Дьяконовым и другими специалистами по переднеазиатским языкам. Мы обращаем внимание на ряд балкаро-карачаевских нарицательных имен, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес, как не встречающиеся в других тюркских языках.

У балкаро-карачаевцев слово «мать» произносится *амма*, в уменьшительно-ласкательной форме – *амма + ка*, а слово «отец» соответственно – *ата* и *ата + ка*. Дедушка у балкарцев и карачаевцев звучит как *аппа*, уменьшительно-ласкательно – *аппа + ка*, а бабушка соответственно – *буба* и *буба + ка*. Обращает на себя внимание тот факт, что форма *аппа + ка*, *буба + ка*, *амма + ка* и многие другие образованы с помощью ласкательно-уменьшительного форманта «ка».

Одни авторы формант «ка» считают древним западно-иранским, большинство же полагает, что слова с этим формантом вообще не являются иранскими. Такой же спор идет относительно форманта «ук», «ука». В традиционном балкаро-карачаевском быту довольно обычные имена с этим формантом: *Инал + ук*, *Баксан + ук*, *Бат + ука* и др. Э. А. Грантовский пишет, что западно-иранские племена с именами на «ука» и «ка» проникали с севера, через Кавказ [101, с. 295]. В связи с этим выводом специалиста необходимо отметить, что в балкаро-карачаевском языке существует и целый ряд личных уменьшительно-ласкательных имен: *Биля + ка*, *Аруу + ка*, *Илляу + ка* и другие, а также масса слов детской речи в той же форме, обозначающих части тела, предметы обихода, образ действия: *ко + ка* (ручка), *ка + ка* (ножка), *бок + ка* (шапочка), *ук + ка* (обнять), *уу + ка* (прогулка) и т. д.

В балкаро-карачаевском языке столь же распространенными формами являются «ак» и «акк», которые, по словам лингвистов, также характеризуют североиранские имена [101, с. 295]. Но в балкаро-карачаевском они характеризуют не только личные имена, но и в массовом количестве употребляются в названиях предметов, действий. Не будучи специалистом-лингвистом, автор пользовался лишь разговорным балкаро-карачаевским языком, что, разумеется, всегда будет оставлять место для сомнений в оценке истинного тождества сравниваемых терминов. Дальнейшая разработка, подтверждение или опровержение – дело специалистов, но приведенные материалы позволяют автору осторожно поставить вопрос: не является ли все это системой в балкаро-карачаевском языке, так как форманты «ка», «ак», «акка», «ука», «ук» охватывают не только личные мужские имена (а они очень подвижны), как в западно-иранском, но и пронизывают всю систему и мужских, и женских, и нарицательных имен и названия частей тела, предметов обихода и быта, и служат для обозначения образа действия в пространстве и времени?

Высказываемые выше предположения базируются на целом ряде факторов:

1. Есть все основания полагать, что бездоказательно отброшено и забыто в науке мнение Ф. Гоммеля, высказанное в начале XX в., о том, что «по своему языку народы Передней Азии принадлежат к трем обширным группам, раздельность которых может быть прослежена до самой ранней древности: сумеро-алтайской, алорадской и семитской... Остатки сумерийского языка дошли до нас в целом ряде волшебных формул и заклинаний... как разговорный живой язык, сумерийский, вероятно, перестал существовать уже очень рано». К шумеро-алтайскому он относит урало-алтайские

языки и продолжает: «...с ближе всего подходящими к сумерийскому языку тюркскими наречиями и языком монгольским мы, к сожалению, совершенно незнакомы за время до Р. Х. Древнейшие памятники языков, так называемые древнетюркские надписи Южной Сибири и Монголии... возникли лишь в VIII в. по Р. Х.» [100, с. 26]. Здесь необходимо заметить, что это письмо не «возникло лишь в VIII в.», а лишь найденные образцы текстов датируются этим временем. О существовании письменности еще у гуннов довольно определенно говорят письменные источники [245, с. 165–167].

Другой выдающийся ученый, виднейший востоковед, раскопавший в 1906–1907 гг. знаменитый архив хеттских царей Малой Азии, – Гуго Винклер в своей работе «Духовная культура Вавилона» писал, что «попытки на основании языка установить связь шумерийцев с другими известными группами народов и доказать их родственную общность пока кончались неудачей и, по-видимому, безнадежны». Как сказано было выше, к этому выводу ничего не добавил и И. М. Дьяконов. Но Винклер далее продолжал: «...поэтому все, что мы можем сказать о них, состоит в следующем: сумерийцы – не семиты, и еще менее того индогерманцы... Язык их по своему строению тождествен кое в чем с языком тюркских народностей, однако это еще не доказывает их родства» [67, с. 14].

II. В середине XVIII в. до н. э. в Переднюю Азию хлынули из-за гор некие «горные жители», «обитатели гор», «горцы», «полукочевники», «скотоводы», именовавшие себя *кассу* и вошедшие в литературу и историю под именем *касситы* [67, с. 14; 68, с. 299–300]. Имя это образовано по тому же принципу, как от библейского Сима – *семиты*, от Борисфена – *борисфениты*, от Троглос – *троглодиты* и т. п. Они правили Вавилоном более 500 лет, тексты насчитывают 36 правителей из рода *кассу*, династия которых прекращается в XII в. до н. э. «К этому времени они совершенно вавилонизировались. Всего правдоподобнее будет искать их родину во внутренней Азии, так что они действительно являются своего рода предшественниками тюрков и монголов» [67, с. 36]. В этой связи очень важно, что один из царей *кассов* носил имя Ага [100, с. 59–60]. Вполне допустимо предположение о связи имени *кассу* с китаизированным названием хазар – *коса*, восходящим к их самоназванию от слова *каз* – «кочевать» [32, с. 114; 366, с. 51]. А это, в свою очередь, рождает законный вопрос: так ли анахронично сообщение грузинских летописей о нашествии хазар в Закавказье и Переднюю Азию еще в период до н. э. ? [178, с. 25–26]. Во время правления *кассов* «отдельными областями правили цари или «отцы» (*адда*), причем власть... передавалась не от отца к сыну, а от дяди к племяннику (сыну сестры)... выражение «сын сестры» вообще означало «потомок», «член данного рода». Области Элама (возможно, соответствовавшие территориям первоначального расселения племен) находились под общей гегемонией верховного вождя» [68, с. 300–301]. В этой цитате из первого тома «Всемирной истории» наше внимание, во-первых, привлекает то, что слово *адда*, как и у тюркских народов, означает «отец», а во-вторых – передача власти племяннику по сестре. Поэтому в легенде о Саргоне упоминается

дядя по матери – Ака, от которого он получил власть. Уместно заметить, что у тюрков, в том числе и у балкаро-карачаевцев, дядя по матери считается самым почетным, близким и надежным родственником. Существует поговорка: «Когда заходит дядя по матери, то от радости задрожит даже центральный, опорный столб дома», а этот столб всегда олицетворял надежность и благополучие семьи. По общему признанию, «до сих пор нельзя считать установленным, к какой группе языков можно отнести язык Элама», равно как и название самой страны [68, с. 224]. Но если правомерно сопоставление Элама с территориями первоначального расселения племен, то можно вспомнить тюркское слово *эл*, которое уже в памятнике Кюль-Тегину означало «группа племен», «племенной союз», «государственное устройство» или «самостоятельная государственная жизнь», а в балкаро-карачаевском языке употребляется в значении «село», «страна» [46, с. 50–51; 287, с. 42]. А термин *элим* в балкаро-карачаевском означает «мое село», «моя страна», что очень близко понятию: «территория первоначального расселения племен». В языке балкарцев и карачаевцев это слово образовано с помощью притяжательного аффикса *-м*, как и слова: *Адам+ым* «человек мой», *къыз + ым* – «дочь моя», *ага + м* – «дядя мой» и многие другие.

III. Имена многих шумеро-аккадских и вавилоно-египетских богов бытуют в балкаро-карачаевской среде как живые формы божественного заверения, клятвенных заклинаний, изречений, наговоров, т. е. в тех же формах, в каких дошел до нас шумерский язык, – «в целом ряде волшебных формул и заклинаний, божественных песнопений, покаяний, псалмов и пр.» [100, с. 26].

Верховная богиня материнского рода, деторождения, родительница всего существующего – Инанна [100, с. 221] фигурирует в речи балкаро-карачаевских женщин наравне с именем Аллаха в слове *ийнан*, равнозначном русскому «ей-богу!». Кроме того, балкарцы и карачаевцы самую старшую в роде бабушку, прародительницу, называют термином *ынна*. Аккадские племена своих богов называли *Бель*. *Билла* у вавилонян – это был верховный бог земли [68, с. 304] и владыка воздуха [100, с. 32, 41]. Этот термин часто употреблялся у них в значении просто «бог» и приставлялся к именам отдельных богов, как, например, к имени бога Мардука – Бела Мардук (бог Мардук), Бил-Гамеш (бог Гамеш) [68, с. 305].

У древних египтян богом небесного свода, владыкой воздуха был *Шу*, равный вавилонскому Биллу [100, с. 41]. В балкаро-карачаевских божественных заклинаниях часто употребляются выражения: *Шибиля урсун!* – «Пусть поразит Шибиля» (боги Ши и Биль), *Билляхи!* – «Ей-богу» (в речи мужчин).

Имя бога города Вавилона – Мардука, отличавшегося большой силой, отвагой и смелостью [175, с. 227–233], сохранилось у балкарцев и карачаевцев в воинственном, ободряющем восклицании «Эй, марджа!». Этот клич был известен еще и сарматским племенам, но попытки объяснить его с ирано-осетинского языка, как происходящий от слова *марг* – «яд» [179, с. 86], неубедительны, так как не соответствуют смыслу этого восклицания.

Слово *марджа* у балкарцев и карачаевцев употребляется очень часто и выражает просьбу: *Кел, марджа, кел!*; *Айт, марджа?* – «Приди, ради бога!»; «Скажи, ради бога!».

Имя богини любви и плодородия – Иштар, Иштар [68, с. 306; 175, с. 219] сохранилось в речи балкаро-карачаевцев в виде восклицания: *эшта-эшта!*, равнозначного термину «о боже!». Возлюбленный богини Иштар вечно юный Тамуз – бог растительного мира – олицетворял собой умирающий и воскресающий мир [68, с. 221; 175, с. 229–232]. В балкаро-карачаевском языке слово *тамуз* имеет широкое семантическое поле и бытует во многих значениях: в значении семени – *тамызыкъ жокъ*, *тамызыкъ къурду* (нет семени, исчезло семя), в значении живительной капли влаги – *тамыз* – *тамычы*, в значении корня жизни – *жашауну тамызыгы*, в значении растопки для огня – подателя жизни – *тамызыкъ*. Все эти слова по смыслу совпадают с теми благами, которые олицетворял собой Тамуз.

По известной закономерности перехода звуков *р/з* в древнетюркских языках, и в болгаро-чувашском, в частности [111, с. 33–37], слово *тамуз* – *тамыз* легко понимается и как «корень» – *тамыр*. Каков корень, такова и растительность, растительный мир, божеством которого и выступает Тамуз. Не потому ли он возрождается из-под земли при помощи капель живой воды, которыми его окропила Иштар [175, с. 229–233].

При помощи упоминавшегося словообразовательного форманта «ук» от слова *тамуз* образуется термин *тамузук*, что буквально означает «для Тамуза», т. е. для семени, для размножения, для разжигания огня.

Соперница богини Иштар именуется *Эришкигель*. Она является «владычицей подземелья» и живет в своем жилище – *иркалла* [102, с. 51, 55, 69, 433; 175, с. 229–231]. В этом термине (названии подземного жилья – *иркалла*) нельзя не видеть тюркские слова *ир*, *ер* – «земля» и *кала* – «крепость, город». Термином *эришкигель* называлось и владение этой богини. В этом названии бросается в глаза балкаро-карачаевское слово *эришке* – «на соперничество, соревнование» (*эриш* – «соперничать») и *эль*, о значении которого мы уже говорили. Отсюда и имя соперничающей богини и название ее владения (соперничающие: люди, села, страны, общины) вполне понятны балкарцу и карачаевцу.

Исследователи уже обращали внимание на возможную связь между шумерским термином *дингир* – «бог», «небо» и известным верховным божеством тюркских народов – Дэнгир, Тенгир, Тенгри, Тангэр, Тангра [39, с. 239; 40, с. 66–68; 102, с. 16; 226, с. 241].

Насколько известно, до сих пор нет этимологии этого слова. Китайские источники называют его *кок-тенгри*, что приравнивается к термину «голубое небо» [90, с. 78]. С позиций балкаро-карачаевского языка, видимо, можно предложить следующую этимологию.

На балкаро-карачаевском термин *кок-танг-эр* означает «небо + заря + человек, мужчина». Отсюда имя будет – «небесной зари человек».

Поскольку многие тюркские этнонимы являются названием племенной тамги (герба) [226, с. 159], представляется возможным использовать

этот факт и для дальнейшего разъяснения термина *дэнгир* – *тангри*. Как сама этимология термина, так и письменные источники свидетельствуют о том, что *тангри* был олицетворением вечного неба и солнца, создателем всех благ. По археологическим памятникам кочевников Евразийских степей давно установлено, что культ солнца и неба, олицетворенный в облике Тангри, изображался амулетами в виде креста в круге, т. е. символом солнца [232, с. 175]. В балкаро-карачаевском языке, с характерным ламбдаизмом тюркских языков *р/л*, слово «круг» звучит как *дингир* – *дингил*. Таким образом, тамгой, амулетом *тангри* был символ солнца, неба, бесконечности – круг, или *дингир*.

IV. Обратимся теперь к лексическим шумеро-балкаро-карачаевским параллелям. Но при этом следует помнить, что европейские ученые, переводившие шумерские тексты и слова, не могли точно фонетически передать значения шумерских слов. Даже в наши дни европейцам порой бывает очень трудно фонетически правильно произнести восточные слова, тем более фразы. С учетом этого естественного условия обратимся к материалу.

1. В балкаро-карачаевском языке есть слово *эн* – «знак, указатель», а у шумеров должностное лицо, имеющее право созывать совет, принимать решения или править, называлось *энси* [102, с. 47, 81; 68, с. 313]. На языке балкарцев и карачаевцев *энчи* (*энци*) – «ставящий знак» образовано от слова *эн* с помощью словообразовательного аффикса *чи* (*ци*), как и термины *темир-чи* (*ци*) – «кузнец», *жыр-чы* (*цы*) – «певец», *мал-чы* (*цы*) – «скотник», образованные от основы: *темир* – «железо», *жыр* – «песня», *мал* – «скот» и т. д.

2. У шумеров, а затем и ассирийцев лицо, возглавляющее судебную и административную деятельность, называлось *укуллум* [68, с. 313]. В балкаро-карачаевском языке слово *екюлюм* означает «адвокат на судебном заседании».

3. «В законах Хаммурапи» слово *мускин* обозначает того, кто принадлежит к покоренной части населения, т. е. кто занимает положение, соответствующее положению римского вольноотпущенника, и не обладает земельной собственностью, не является полноправным гражданином. Отсюда развиваются дальнейшие значения: «нищий», «бедняк» и затем – «жалкий, больной» [67, с. 170–171]. Именно в этих значениях бытует у балкарцев и карачаевцев термин *мискун*.

4. В Шумере, Аккаде и Вавилоне волю богов передавали людям специальные лица, которых «сохранившаяся до греко-римской эпохи традиция (у Диодора Сицилийского, II, 30) называет толмачами и глашатаями божественной воли» [67, с. 86]. Слово *толмач*, как известно, общетюркское и происходит от корня *тил* – «язык».

И. М. Дьяконов пишет, что в шумерском языке, «например, не только знак «» – «стрела», шумерское *ти* применяется для слова *ти(л)* – «жизнь», но и значок «» – «язык» (изображающий, по-видимому, кожаный язычок и первоначально соответствовавший шумерскому слову *ем* – «язык») применяется для передачи грамматической связки *ме* – «они, суть»

[102, с. 47]. С позиций тюркских языков здесь очень важно заметить, что слово *тил* – шумерское «жизнь» означает «язык», и, вероятно, поэтому эти слова обозначались одним и тем же знаком. Шумерское слово *ем* – «язык» в балкаро-карачаевском означает «сосать» (*емчек* – «сосок»).

5. В одном документе сохранились женские имена [175, с. 288]. Приведем из этого списка только те, которые до сих пор бытуют в балкаро-карачаевской среде:

Шумерские	Балкаро-карачаевские
Кали	Гелля (келля) – мать, бабушка
Анна	Ынна – нарицательное имя бабушек
Гана	Гуна, Гуноу – женские имена
Гуакаша – мальчик, сын Кали	Гукшаш – ласкательное имя ребенка

6. Шумерскому слову *еден* – «степь» исследователи приводят лишь такие соответствия, как «пол юрты», «низ юрты» в форме *еден* и *адан*. Нам представляется, что здесь больше подходит балкаро-карачаевское *езен* – «степь» с учетом закономерного чередования *з/д* в шумерском языке [226, с. 243].

7. Большой интерес представляют балкаро-карачаевские названия женщины – *тиширыу* и мужчины – *эркегырыу*, которые не известны другим тюркским языкам. Название женщины состоит из шумерских слов *ти* и *ши*, означающих «жизнь», и *ру* – «воздвигать», «строить» или слова *уру* – «община» [102, с. 50; 226, с. 233]. Таким образом, балкаро-карачаевское название женщины полностью отражает роль и место женщины в продолжении рода человеческого – «дающая жизнь», «воздвигающая жизнь», «жизнь общины». А слово *эркегырыу* состоит из шумеро-тюркского *эр* «воин», «мужчина» с прибавлением шумерского *угу* – «род» или того же *ру*. Следовательно, балкаро-карачаевский термин означает «воздвигающий род», что очень близко понятию родоначальник.

8. Весьма интересен шумерский глагол *тур*, указывающий направление движения [102, с. 437]. В балкаро-карачаевском языке это слово образует большое гнездо выражений: «стой», «находишься», «встань» – и повседневно бытует в сочетаниях, характеризующих направление движения: *былай тур* – «здесь стой (находишься)», *келе тур* – «приходи чаще», *бара тур* – «ходи (туда) чаще», *ерге тур* – «встань», «вставай» и т. п.

9. Шумерское слово *лу* – «человек» [102, с. 51] у тюркских народов сохранилось в форме *улу*, *улан* в значениях «сын», «молодец». Наряду с этим у балкаро-карачаевцев этот термин сохранился и в первоначальном, шумерском значении – «человек». Например, *орус + лу* – «русский человек», *тау + лу* – «горский человек» и т. п.

10. В шумерском языке удвоенные согласные основы прилагательных означают усиление качества. Например, слова: *гал-гал* – «большой-большой», «великий», *бар-бар* – «чисто белый», *пар-пар* – «светлый-светлый» и т. п. [102, с. 436], эта закономерность ясно прослеживается в

балкаро-карачаевском языке: *уллу-уллу* – «очень большой», *иги-иги* – «очень хорошо», *терк-терк* – «очень быстро» и т. п.

11. В шумерском языке *ме* иногда означает местоимение «я», иногда употребляется как глагол «быть», иногда как грамматическая связка [102, с. 39, 63–64, 79]. В сочетании с *не* оно означает *не-ме*, т. е. «что (есть) что?». От этого сочетания происходит и слово *наме* – «имя» [226, с. 236, 241]. Столь же многообразно употребление частицы *ме* и в балкаро-карачаевском языке. Например, *мен-ме* – «это я», *ким-ме* – «кто я?», *келген-ме* – «я пришел» и т. п. Далее, сочетание *не-ме* означает на балкаро-карачаевском, так же как и у шумеров, «что (суть) это?». Такое же сочетание употребляется и как грамматическая связка в разговорной речи в значении: *неме* – «что-то», «кто-то», в форме *немеге* – «кому-то», «куда-то», «во что-то» и т. п., а в форме *неме бла* означает «с чем-то», «с кем-то». Безусловно, эта частица заслуживает большого внимания лингвистов.

12. Шумерское слово *думу* означает «потомство», «дитя». Этому слову соответствует общетюркское *тума* [102, с. 53, 55; 226, с. 231] и балкаро-карачаевское *туум*. Представляется возможным связать со словом *думу*, или *дамы*, тюркский термин *дамы (р)* – «корень». Не потому ли шумеры первородного сына называли *даму-заг* [102, с. 53], что равнозначно упоминавшемуся балкаро-карачаевскому термину *тамузук* и его вариантам.

13. В массу шумеро-тюркских лексических схождений вплетаются и переднеазиатские тюркские топонимы, отмеченные еще Страбоном. Во внутренней части Малой Азии, на плоскогорье Киликийских тавр, на высоте 800–1000 м над уровнем моря простирается безводное солончаковое плато. Здесь расположены озера Туц-челлю, Кирили-гель (у Страбона – Кирилитас) [100, с. 15]. Эти топонимы состоят из тюркских слов: *гель (гел – кель)* – «озеро», *туз* – «соль», *челл* – «степь», *кирили (кирли)* – «грязный». Названия эти объясняются тем, что в тех краях местность изобилует солеными источниками, в некоторых озерах концентрация соли достигает 22 % [100, с. 19; 201, с. 345].

14. В добавление ко всему сказанному можно привести и целый ряд шумеро-балкаро-карачаевских лексических схождений, не требующих дополнительных пояснений:

Шумерские слова

аз – мало
аба-ме – старейшина
ба-ба – предок
бантаб – прижать
габа – грудь
гажам – госпожа
даим – постоянно
жар – класть
мужер – он кладет тебя
бе-та – из его, от него
ме – я
не – что?

Балкаро-карачаевские слова

аз – мало
аппа – дед, *аба* – бабушка
баба – предки
малтаб – растоптав, помяв
габара – бюстгальтер, безрукавка
гажай-гажи – своенравная женщина
дайым – постоянно
жер – место
муржар – подстилка
беттен – от его, от него
ме, мен – я
не – что?

му – он
ру – забивать
ер, ерен, ери – воин
кура – страна
кур – подземное владение
калам – страна
ки – земля
руш – свирепый
сахарра – из пыли
ту – родить
туд – родился
таг – украсть
ед – выходи
жуб – лежать
чар – круг
хулше – радость
гусур – чертеж
гуруваш – слуга
угу – сверху
гаг – всаживать
сиг – удар
кен – широкий
сир – ткать
уш – три
уд – огонь
узук – длинный, высокий
туш – опуститься, сесть

бу – этот, он
ур – забивай, бей
ер – мужчина
кура – создавай, *кыра (л)* – страна
кер – могила
калам – мой город, моя крепость
кир – грязь
уруш – ругань, война
зыгъыр – песок
туу – родить
тууду – родился
таг – повесь, повесить
ет – проходи
жубан – нежится
чарх – круг, колесо
кюлсе – смеясь, смеяться
кужур – затейливый
карауаш – слуга
огары – выше, вверх, сверху
къакъ – всаживать, прибивать
сек – ругай; *сокъ* – бей (Автор.)
кенг – широкий
сыр – стегать
юч – три
от – огонь
узун – длинный, высокий
тюш – опуститься

К этому списку следует добавить и ряд хурритских, эламских слов:

<i>кути</i> – охранять	<i>кютюу</i> – пасти, следить
<i>кад</i> – сообщить	<i>къоду</i> – глашатай
<i>сур</i> – спешить	<i>сюр</i> – гони
<i>куру</i> – вновь	<i>къуру</i> – повторно

Наш экскурс будет не завершен, если мы не обратим внимания на ряд словосочетаний и фраз шумерского языка в переводе И. М. Дьяконова:

15. В шумерском *иги бар* означает «глядеть» [102, с. 80]. Переводчик пишет, что *бар* не имеет самостоятельного значения. Возникает вопрос: если *иги* означает «глаз», то почему же тюркское слово *бар* – «есть» в этом сочетании не имеет смысла? Глядеть можно, если есть глаза. Именно это и подчеркивает фраза *иги бар* – «глаза есть».

16. Фраза *у-на-ту (д)* переводится как «если ему родился» [102, с. 66]. На балкаро-карачаевском это будет *анга тууду*, а на других тюркских – *она тууды* и означает «ему родился». Фраза *у-на-ди (з)* переводится как «пожалуйста, скажи ему» [102, с. 67]. На балкаро-карачаевском это будет: *анга де*, на других тюркских – *она де*, т. е. «скажи ему».

17. Фраза *e-egar-ta ba-ra-e-di* переведена как «из дома и стен он должен выйти вон» [102, с. 69]. По балкаро-карачаевски эта фраза звучит так: *Эогартын бара еди*, что означает: «Дома выше он шел» (выше дома он шел). В этой фразе привлекает внимание буквальное совпадение слов *бара еди* «он шел, выходил, проходил».

18. В надписи правителя Лагаша Энтемена (XXV–XXIV вв. до н. э.) есть фраза, удивительно совпадающая с закономерностями балкаро-карачаевского языка. Имеется в виду фраза *даммара, едаак*, означающая «войну сделаем» [102, с. 430]. Бросается в глаза тождество тюркского *эдаак* (*этейк*) и шумерского *едаак*, т. е. «сделаем». Эта шумерская фраза стоит в ряду таких балкаро-карачаевских выражений, как *уруш етейк*, *чабыул етейк*, *качхан етейк*, т. е. «войну сделаем», «набег сделаем», «бегство сделаем» и т. п.

19. Особого разговора заслуживает эпическая песня Гильгамеша (XVIII в. до н. э.). Как известно, в ней речь идет о том, что Гильгамеш приносит в жертву Солнцу маленького козленка и просит у него благоденствия. Для справки отметим, что у балкарцев и карачаевцев ежегодно верховному божеству Тейри приносился в жертву первый козленок нового приплода с просьбой у него хорошего окота овец [128, с. 274].

Первая строка песни начинается следующими словами: *Билгамеш-е¹ маш² пар-пар-а³ су-и-м ен-таг⁴*, что переведено как: «Бильгамеш¹ козленка² светлого³ взял⁴» [102, с. 436]. Таким образом, слова *суим ентаг* переведены, как одно слово «взял». С позиций балкаро-карачаевского языка *суим ентаг* означает «жертву сделаем» – *союм (сойум) этейк*. Следовательно, фраза песни будет означать: «Гильгамеш козленка светлого делает жертву». В построении фразы *сойм етаак (суим ентак)* мы вновь видим закономерность типа: «войну сделаем». Далее, Гильгамеш «козленка пестрого, козленка жертвенного к груди своей прижимает» и, обращаясь к солнцу, говорит *уту-ан-акра² гу-му-н-а де-е³*, что переведено как: «солнцу¹ небесному² вещает³». Следовательно, фраза *ан-акра* переведена как «небесному», а *гу-му-н-а де-е* – как «вещает». Но поскольку *уту* – «солнце», а *ан* – «небо», слово *акра* теряется при переводе. В ряде тюркских языков *акыр* означает «кричать» и совпадает со словом «вещать», которое фигурирует в переводе. Следовательно, оставшиеся слова *гу-му-н-а де-е* как раз и дополняют то, с чем обращается Гильгамеш к солнцу. На балкаро-карачаевском языке *гу-му-н-а де-е* или *хы-муна-де* означает буквально: *хо* – «скажи этому», т. е. «одобри это» или «скажи «да» этому». Одним словом, эта строка песни, несколько не нарушая перевода, несколько уточняется и звучит: «солнцу небесному вещает – скажи «да» этому» (т. е. «одобри это намерение Гильгамеша»).

20. Шумерийцы называли свои глиняные таблички для клинописи словом *таб* или *тап* [226, с. 241–242]. В балкаро-карачаевском это шумерское слово образует огромное гнездо лексем и фраз: *тап-ка* – «полочка», образованное с помощью упоминавшегося форманта «ка», *тап* – «аккуратно», *тап-тап-тчыкь* – «аккуратно-аккуратненько», *таппа-тап*, т. е. «как раз»,

«вровень». Все эти слова образованы от корня *тап* и *таб*. В конце таблички после ее заполнения шумеры ставили знак, означающий завершение, конец текста. Этот знак назывался *там* [67, с. 131]. Балкарцы и карачаевцы, когда дело завершено, исполнено, говорят: *tanna – тамам*.

Вот этой шумеро-балкаро-карачаевской фразой, безусловно восходящей к смыслу – «конец тапта (таблички)», и можно было бы символически закончить наш экскурс, но прежде хочется привести читателям еще одно высказывание И. М. Дьяконова. Он писал, что «в материальном отношении также было немало попыток сблизить шумерский язык с другими языками, так, Ф. Гоммель нашел ряд сходных по звучанию слов в шумерском и урало-алтайском, но часть его сопоставлений была основана на ошибочном чтении или толковании шумерских слов, а другая часть – на внешнем сходстве звучаний, не составляющих систем» [102, с. 83–84]. Чтобы избежать подобной критики в свой адрес, мы, во-первых, пользовались чтением текстов, переводов и толкований самого И. М. Дьяконова. Ничего не добавляя и ничего не убавляя в его переводах, мы лишь констатируем, что эти переводы полностью совпадают с их смысловыми значениями в живой балкаро-карачаевской речи. Мы не можем сомневаться в правильности этих переводов и не имеем права углубляться в лабиринты лингвистических законов, но при всем желании нельзя не обратить внимания на то, что весь этот языковой материал в качестве обыденных, разговорных слов бытует в балкаро-карачаевской среде. Во-вторых, на наш взгляд, приведенные параллели раскрывают довольно обстоятельную и стройную систему не простых созвучий, а полных смысловых совпадений. При попытке бросить и нам упрек, адресованный Гоммелю, прежде надо будет ответить на вопрос: чем и как объяснить полное смысловое совпадение шумерских и балкаро-карачаевских слов? Хотя наши первые наблюдения и выявленные параллели далеки от каких бы то ни было категорических выводов, они привлечены здесь для того, чтобы обратить внимание языковедов-тюркологов, которые могли бы определить, какими путями могли сложиться эти схождения, можно ли назвать или выявить посредников общения между собой столь далеко отстоящих во времени и пространстве языков.

Судя по приведенным выше выводам специалистов по переднеазиатским языкам, таких посредников нет. В то же время эти параллели столь разительны и уникальны, охватывают важнейшие стороны жизни и деятельности, названия предметов и частей тела, социальную и религиозную терминологию. Все это дает нам основание утверждать, что лексические схождения не могут быть простыми созвучиями.

Приходится лишь сожалеть, что столь категорические выводы относительно шумерского языкового наследия были сделаны без должной проверки мнения специалистов по тюркским языкам. Думается, в частности, что если бы за исследования этих параллелей взялись во всеоружии специалисты по балкаро-карачаевскому языку, то они непременно подтвердили бы слова А. К. Боровкова о том, что этот язык «мал золотник, да

дорог» с точки зрения истории и культуры тюркских языков, и тем самым внесли бы определенные коррективы в оценку историко-культурного наследия шумерского языка.

Многочисленные шумеро-тюркские схождения более явственнее прослеживаются на примере карачаево-балкарского языка, сохранившего, по общему мнению лингвистов, в недрах кавказских ущелий наиболее архаичные черты тюркских языков.

Я допускаю, что многое из того, что приведено выше, может вызвать споры. Серьезный научный спор всегда служил на пользу и двигал науку вперед. Без таких споров наука мертва, превращается в догму, которая, как известно, не дает возможности «подвергать все сомнению».

Нельзя не коснуться, хотя бы вкратце, вопроса о том, когда и как могли сложиться отмеченные лексические параллели с точки зрения историко-археологической науки.

Результаты, к которым в содружестве с археологами, этнографами, антропологами и представителями других смежных наук приходят современные лингвисты, позволяют заглянуть в глубокое прошлое человечества, выявить общие лексические корни и прародину многих языков. Наиболее наглядно это проявилось на упоминавшейся конференции Института востоковедения АН СССР, основная идея которой заключалась в том, чтобы «если уж не пробить в толще стены, стоящей между лингвистами и историками, маленькую брешь, то хотя бы научиться бить с двух сторон в одни и те же точки». Справедливо отмечалось, что многие проблемы, скорее, были поставлены, чем решены, но поставлены как некие ориентиры, благодаря которым можно будет избежать ошибочных толкований и тупиковых ситуаций, попытаться ответить на вопросы: откуда пошли языки, на которых говорят сегодня, и где и какие народы говорили на языках – предках современных и древних языков?

Представители перечисленных смежных наук постулировали дальнейшее родство большинства крупных языковых семей Старого Света – семитохамитской (или афроазиатской), картвельской, индоевропейской, алтайской, уральской и др. Огромное количество лексических схождений между этими языками приводит компаративистов к выводу, что родиной этих языков была Древняя Передняя Азия [395]. В унисон тематике и выводам этой конференции звучат и приводимые нами шумеро-балкарско-карачаевские параллели.

В обозримом прошлом, применительно к Северному Кавказу, можно лишь предполагать, что они могли зародиться еще в эпоху знаменитой майкопской археологической культуры конца III тыс. до н. э. Ни одна из предшествовавших и последующих за ней культур не имела таких прямых и всесторонних параллелей с культурами Передней Азии, в т. ч. городов Киши, Ур, Лагаш и др. [68, с. 234–235; 185, с. 322]. Исследователи различных дисциплин давно уже доказали и этническую миграцию части переднеазиатских племен на Северном Кавказе в эпоху майкопской культуры [185, с. 120]. К сожалению, никто не пытался связать наличие массы

шумеро-тюркских языковых параллелей с кругом поразительных параллелей между майкопской культурой и культурами Древней Передней Азии. Для постановки такого вопроса теперь материал накапливается. Определенный свет на эту проблему могут пролить и синхронные с майкопской культурой наскальные изображения шумерских тростниковых лодок в историко-археологическом заповеднике «Гобустан» в Азербайджане, которые, по словам Тура Хейердала, аналогичны его знаменитому «Тигрису». Особенно следует отметить один из сосудов Большого майкопского кургана, на котором изображена цепь Кавказских гор с вытекающими из них двумя реками, которые впадают в озеро или море [185, с. 218]. Широко распространено мнение о том, что на сосуде изображен Центральный Кавказ с Эльбрусом и Казбеком, а вытекающие реки являются Кубанью и Тереком. Такое толкование подвергнуто сомнению Р. М. Мунчаевым и Н. В. Анфимовым. Их сомнения получили бы еще более веское звучание, если бы они отметили тот очевидный факт, что художник, изображавший ландшафт Центрального Кавказа, смотрел на хребет не с севера, а с юга, со стороны Ближнего Востока. Только этим можно объяснить, что двуглавый Эльбрус изображен слева от смотрящего, а не справа, как он видится взору с севера, из Предкавказья. Этот факт, вместе с рядом аналогий в керамике, оружии, украшениях Майкопского кургана с предметами из культур Передней Азии, еще более подкрепляет мнение об этнической близости «майкопцев» с племенами Древнего Двуречья.

Возможность древних шумеро-тюркских связей подтверждается рядом новейших археологических открытий. В отрогах монгольского Алтая, в ущелье Яман ус «недавно археологи обнаружили изображение целой вереницы конных колесниц переднеазиатского типа. Все на двух колесах, в упряжках две, три или четыре лошади. Возницы стоят, широко расставив ноги, горделиво оперев руки в бока или держа боевой лук... Откуда появился этот сюжет здесь, в недоступных для колесниц горных ущельях? На нескольких рисунках Яман уса перед колесницами изображены табуны коней и всадники. Значит, можно предполагать, что художник здесь рассказал о каком-то дальнем переходе большой группы людей, может быть, целого племени – переходе, для которого были нужны и колесницы, и лучники, и табуны лошадей» [223, с. 39–43]. Все эти открытия перекликаются с находками С. Руденко в знаменитых Пазырыкских курганах Алтая, в курганах так называемых алтайских скифов. Здесь были обнаружены в слое вечной мерзлоты прекрасно сохранившиеся орудия труда, украшения, оружие, одежда. Среди них особое место занимают деревянные боевые колесницы.

Самые древние изображения колесниц, похожие по конструкции на те, что найдены в Пазырыкских курганах, и на те, что высечены на скалах Яман уса, исследователи обнаруживают за тысячи километров от Алтая – в Месопотамии. Причем примечательно, что яманусские изображения являются «именно чертежами из-за пунктуальной точности их прорисовок в плане» [223, с. 95]. Ученые полагают, что в далеком прошлом эти ближне-

восточные колесницы от берегов Тигра и Евфрата отправились в многовековой путь, прошли трудными путями через хребты Алтая, распространились по всей Центральной Азии [223, с. 43]. В этой ситуации нельзя не вспомнить об упоминавшемся нашествии в Переднюю Азию горцев-скотоводов кассу (коса), которых мы сопоставляли с самоназванием хазар – *каз* (отсюда: *каз-эр* или *хаз-эр*, т. е. «кочевник», «кочевой человек»). В связи с этим мы вплотную подходим к этимологии слова «Кавказ».

В. В. Латышев полагает, что «страна Гага из письма фараона Аменхотепа III (середина XV в. до н. э.), возможно, является сокращенной формой хеттского *каš-каš* (*египетск.* *kš-kš*). В документах Богазкеойского архива так называется народ, живший по южному берегу Черного моря. Этот этнический термин считается прототипом наименования «Кавказ» [171, с. 261]. Известно, что в науке бытует объяснение этого термина, данное еще П. К. Усларом в значении: *кауг* + *ас*, т. е. «горы азов» [134, с. 130]. Если признать это толкование, мы должны согласиться с тем, что тюркоязычные асы (см. ниже. – *И. М.*), от имени которых, возможно, происходит и термин *Азия* (как от греков – *Греция*, франков – *Франция*), были известны еще во время Гекатея Милетского (конец VI в. до н. э.), который первым упоминает название «Кавказ».

Но поскольку в этой этимологии теряется средний звук *к*, есть возможность сомневаться в его правильности. Нам представляется несколько иной этимология этого слова.

Известия древних и римских писателей о Кавказе, собранные В. В. Латышевым и К. Ганом, свидетельствуют о том, что эти писатели под термином «Кавказ» разумели не только современный хребет, но и всю горную гряду, отделяющую Среднюю Азию от Передней на пространстве от Черного моря до Индии [368, с. 122, 128; 378, с. 247–248]. Мы уже отмечали, что арабские авторы Кавказские горы называли хребтом *Кабк*, а слова *каб*, *кап*, *кабак* на всех тюркских языках означают «ворота», как, например, в названии Дербента – Темир-капу (Железные ворота). Это подтверждается и словами В. В. Бартольда о том, что «главная крепость аланов находилась уже в Дагестанских горах, которые известны Ибн Саиду, как и географам XV в., под их тюркским названием *Капык*, т. е. «Ворота» [374, с. 109]. Учитывая эти факты, нетрудно прийти к предположению, что термином *каб-каз* обозначались горные хребты, ограждавшие земледельческие племена Передней Азии от кочевников (казов) Средней Азии. Поэтому эти горы и получили название *Каб-каз* – «ворота кочевий», через которые совершались постоянные набеги. Исходя из этих соображений, можно объяснить и термин *каз-бек* как «владыка кочевий», по типу того, как Махмуд Кашгарский и В. В. Радлов объяснили термин *уз-бек* – «сам себе господин» [37, с. 142]. Такое мнение находит подкрепление и в том, что каракалпаки называют Кавказский хребет и горы Северного Ирана термином *Каптау*, восходящим по мусульманской космогонии к понятию «горы, окружающие мир» [379, с. 148]. В буквальном переводе этот термин означает «Ворота-горы», а в слове «Кавказ» термин *тау* – «гора» заменен словом *каз* – «кочевать» (Кап-тау – Кап-каз).

Применительно к древней территории тюркских племен – Алтаю – затронутый вопрос, по всей вероятности, может быть связан с так называемой карасукской культурой, получившей свое название от речушки Карасук в Хакасии. Эта культура, появившаяся на берегах Енисея примерно в XV в. до н. э., как и майкопская на Северном Кавказе, не имеет в тех краях предшествующих местных истоков. Среди многочисленных предметов этой культуры там обнаруживались детали тех же переднеазиатских боевых колесниц [223, с. 42].

Ведущий советский специалист по проблемам карасукской культуры Н. Л. Членова приходит к неопровержимому выводу, что основная масса боевого оружия «карасукцев» – наконечники стрел, ножи, кинжалы и многое другое – происходит из Сирии, Ирана, Месопотамии [310, с. 134–135].

В настоящее время установлена генетическая связь между искусством карасукской культуры эпохи бронзы и татарской культуры эпохи раннего железа Южной Сибири и Минусинской котловины, одновременной скифам [261, с. 44–45]. Карасукское искусство эпохи поздней бронзы и возникшее на его основе татарское искусство «уже на ранней стадии имеют все основные компоненты скифо-сибирского стиля: неподвижность фигур, подчеркнутая мускулатурность, иногда в виде спирали, ажурность, которую можно проследить в виде кольчатости, образ свернувшегося в круг зверя. Все это роднит скифское искусство с ранним искусством Южной Сибири» [261, с. 45–47].

Таким образом, в скифах мы с полным правом можем видеть пришельцев из Азии, «где они жили в окружении таких скифообразных племен, как население Алтая, саков (принимаемых античными авторами за скифов) и массагетов, которые, если прав Геродот, были причиной вынужденного ухода скифов из Азии». Этот вывод А. П. Смирнова теперь прекрасно подтвердила И. В. Куклина путем скрупулезного анализа античных источников [368, с. 192–193].

Коль скоро мы коснулись эпохи скифов, то следует упомянуть знаменитые Ассиро-Вавилонские надписи Урартского царства Малого Кавказа, относящиеся к VIII в. до н. э. Известный русский дешифровщик М. В. Никольский, не найдя параллелей с языками ныне здесь обитающих народов, писал: «Очень может быть, что среди многочисленных племен, занимающих горы Кавказа, и найдутся остатки этого исчезнувшего с арены истории племени (распространившего надписи. – И. М.), и поэтому лингвистические сближения в этом смысле во всяком случае были бы желательны» [335, с. 4]. К сожалению, такие изыскания с точки зрения языков народов Центрального Кавказа еще не начаты, хотя могли бы оказаться весьма перспективными. Подтверждением тому является целый ряд архаичных и специфичных балкаро-карачаевских слов в этих текстах. Таковы слова: *таби* – «молиться» [335, с. 105,] 118 и сл.], *зи* – означающее «дикий камень, камень из каменоломен», как и в балкаро-карачаевском языке [335, с. 55–57], *дишшти* – *тишшти* – означающие «восстанавливать» [335, с. 30]. Очень интересно слово *пар* – «от», бытующее у балкарцев и карачаевцев

в форме *пара-пара*, что означает: «раздирать на части», «отделять одно от другого», т. е. «отделять» [335, с. 109, 115, 118]. На наш взгляд, неоспоримым тюркизмом в этих надписях является слово *сууни* – «озерный» [335, с. 109, 129]. Никольский пишет: «Под *сууни* мы, вероятнее всего, должны иметь в этом месте Гокчу или бассейн Гокчу...» (Гокчай. – И. М.) [335, с. 110]. Название *сууни* – есть первоначальное нарицательное имя «озеро», «бассейн» [335, с. 125]. Трудно в этом термине не увидеть тюркское слово *сууну* (*суулу*) – «водное» или хотя бы общетюркское *суу* – «вода». Тюркскими могут оказаться и местоимения *ани* (*ини*), означающие и в этих текстах «это», «его» [335, с. 24–25, 29, 48 и сл.]. И наконец, совершенную грамматическую параллель подчеркивают словообразовательные аффиксы *ни*, *хи/ки* [335, с. 26–27, 126], указывающие, как и в караево-балкарском, принадлежность к кому-либо или чему-либо: *Менуа-ни-хи*, *Аргишти-хи-ни*, т. е. «принадлежит Менуа», «принадлежит Аргишти». Любопытно отметить, что в караево-балкарском языке эти агглютинирующие частицы видны даже в самом вопросе: *ким-ни? ким-ни-ки?* – и, естественно, отражаются и в ответах на них: *Менуа-ны*, *Магомет-ни*, *Аскер-ни-ки* и т. д. Было бы желательно, чтобы специалисты по караево-балкарскому языку обратили внимание на отмеченные лексические схождения.

О СКИФО-ТЮРКСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

...Язык савроматов скифский,
но издревле испорченный.

Геродот

Ученые – сторонники ираноязычности всей массы скифо-сарматоланских племен – часто обходят стороной это высказывание отца истории [93, кн. 4, с. 117], потому что оно порождает вполне естественный вопрос: а каким же языком был издревле искажен язык савроматов, если и предки их (скифы), и потомки их (аланы) были ираноязычными? Геродот не стал бы акцентировать внимание на этом факте, если бы речь шла о незначительных расхождениях между двумя какими-нибудь диалектами иранского языка. Тем более что В. И. Абаев рассматривает «скифо-сарматские говоры как одно лингвистическое целое» и считает, что «вряд ли различия между племенными говорами внутри скифского или внутри сарматского были более значительными» [2, с. 149]. Вероятно, утверждение Геродота было продиктовано серьезными языковыми различиями, о чем он не преминул сказать особо. Ведущие скифологи считают, что понятие «скифы» в различных аспектах – географическом, политическом и

этническом – это далеко не одно и то же, что основным признаком, по которому их отличал Геродот, был язык [380, с. 75]. Следовательно, для этнической истории потомков скифо-савроматского мира огромный интерес представляет выяснение того языка, который настолько и с самого начала [83, с. 20] «испортил», т. е. видоизменил, язык савроматов. Сам Геродот пытается объяснить это легендарным происхождением савроматов от брака скифов с мифическими амазонками. Но в этом случае очень важно учесть, что скифы называли амазонок своим термином – *ойорпата*, что со скифского греки переводили как «убийца мужчин» [93, кн. 4, с. 103; 83, с. 17]. Слово, переданное греками как *ойор*, есть не что иное, как общетюркское *ойр, йэр, эр*, т. е. «мужчина», «муж» [272, с. 321]. Заслуживает внимания и то, что амазонки, по словам автора III в. до н. э. Филострата, кормили своих детей кобыльим молоком – кумысом, являющимся традиционным тюркским напитком [83, с. 177; 53, с. 27; 238, с. 105–106; 239, с. 79–80]. Кроме того, амазонки ездили верхом, стреляли из лука, говорили на языке, не понятном скифам [93, кн. 4, с. 113–114], которые для сношения с аргипеями, исседонами, иирками и другими соседями амазонок брали с собой переводчиков на семи языках [47, с. 28]. Все это наводит на мысль: а не тюркским ли языком был «испорчен» язык савроматов? Приводимые ниже материалы дают достаточно оснований для правомочности этой мысли. Необходимо предупредить читателей, что употребляемый автором в этих разделах книги термин «тюрки» или «тюркский» не имеет никакого отношения к известным тюркам «тюю» V–VI вв., представлявшим собой уже сформировавшуюся этническую общность. Автор употребляет эти термины чисто условно, чтобы постоянно не прибегать к развернутой характеристике синтеза и синкретического этнообразовательного процесса с участием каких-то пока еще четко не проявляемых пратюркских или прототюркских этнических элементов.

Поскольку амазонки зачастую помещаются на Северном Кавказе, поднятый вопрос перекликается с проблемой: с какими из тюркских племен впервые столкнулись древние кавказцы – носители кобанской археологической культуры. В поисках ответа на этот вопрос нельзя умолчать тот очевидный факт, что значительная часть топогидронимики высокогорий Балкарии и Карачая, включая высочайшие пятитысячники Центрального Кавказа, перевалы, ледники и реки, носит тюркские названия. Допустимо предположить, что какие-то группы древних тюрок заняли эти территории задолго до расселения в предгорьях Северного Кавказа аланского или адыгского этносов. В противном случае вопрос: каким образом, минуя эти народы, а точнее, через их головы, балкарцы и карачаевцы заняли самые высокогорные районы Центрального Кавказа? – останется без ответа. В широком историческом плане все эти вопросы объединяются в одну сложную проблему первого проникновения в Восточную Европу и на Кавказ тюркоязычных племен и возможного присутствия тюркских племен еще в среде массы кочевников, объединенных обобщенным названием – «скифские племена». При обзоре темы прежде всего надо иметь в виду,

что «чрезмерное расширительное применение термина «скифы» к племенам, сходным со скифами по обычаям или сходным с ними, или, наконец, к племенам, расположенным вдоль торгового пути на восток, восходит еще ко времени до Геродота. Такое употребление этого термина встречается даже у Гекатея Милетского. Он называет... скифами меланхленов и исседонов, которых Геродот только сближает со скифами» [347, с. 47].

Вот как писалось по этому поводу в одном из первых томов ведущего исторического издания середины XIX в.: «О скифах и сарматах написано множество, но чрезвычайно мало с критическим тактом и с обширным знанием источников и новейших пособий. Именно во всей этой массе сочинений не достаёт надлежащего внимания к различию скифов и сарматов в собственном или этнологическом смысле от употребления этих имен в обширнейшем или политическом и в самом обширном – географическом значении. Если же греки и римляне в дошедших до нас сочинениях употребляли эти два имени не в народном смысле исключительно, то само собой разумеется, что многочисленные народы могли быть разного происхождения и языка... Были ли между ними, черноморскими скифами в теснейшем или обширнейшем смысле, уже и народы тюркского происхождения?.. По всей вероятности, они были уже во времена Геродота» [295, с. 114–115].

Еще выдающийся ученый прошлого века А. Н. Аристов писал, что «весьма возможно, что часть скифов Геродота и других древних авторов принадлежала тюркскому племени, как полагают многие из новейших исследователей» [36, с. 400]. Одним из таких исследователей был и Э. Н. Эйхвальд, который приводит много доводов в пользу того, что среди скифов были и тюркские племена. В частности, он писал, что «к скифам причисляемы были нередко и разные турецкие поколения... Есть бесчисленные доказательства тому, что под скифами могли разуметь и турецкие племена... Геродот упоминает тюрагетов и турков (кн. 4, с. 21)... вверх по Днестру Геродот помещает турков, живущих охотой... Тирас или Тюрас (Днестр) до сих пор у турков называется Тур... Во всех изданиях имя их пишется *уурки* – *юрки* вместо *турки*... Племя турков упомянуто Плинием и Помпонием Мелой, у Страбона – тюрагеты... У Страбона встречается племя *урги*. Это не встречается ни у одного древнего автора и, следовательно, неправильно переписано переписчиком. Описка могла быть в написании слов *тюрки* и *урки*» [314, с. 57–60, 63, 75–78]. Здесь, очевидно, Эйхвальд имеет в виду скифское племя Геродота, переведенное комментаторами как *иурки*.

Большой знаток истории скифов Ф. Г. Мищенко писал, что «наличность в Европейской Скифии арийского и частнее иранского элемента установлена убедительно профессором В. Ф. Миллером; только следует искать его не в господствующей части скифского населения Южной России, а в тех зависимых от царских скифов пахарях и каллипидах, которые, будучи оттеснены сюда более воинственными завоевателями, и представляли много общего с сарматами, также, вероятнее всего, принадлежавшими к иранской ветви» [346]. Мнение Ф. Г. Мищенко о том, что царские скифы не

были ираноязычными, поддержал и другой выдающийся знаток скифов – В. В. Латышев [350, с. 18–19 и сл.]. Близки к солидарности с этой точкой зрения и Б. Н. Граков, А. М. Мелюкова [347, с. 50–51]. Прежде чем «списать» эти мысли и предать их забвению как безнадежно устаревшие, необходимо опровергнуть нижеследующие сведения самого Геродота и массу явно тюркских элементов в языке и культуре скифских племен, которые совершенно чужды их ираноязычным потомкам – сарматам и алано-осетинам.

1. Как известно, к кругу скифских Геродот относит около 15 племен: каллипиды, алазоны, скифы-пахари, скифы-кочевники, царские скифы, андрофаги, невры, будины, савроматы, гелоны, аргиппеи, исседоны, аука-ты, иирки (юрки), фиссагеты (массагеты) и др. Но к **собственно скифам по языку он относит только первые пять племен** [95, с. 17–18]. Об остальных же он часто говорит, что они имеют свой отличный от скифов язык. Такими племенами он считал савроматов, аргиппеев, иирков, андрофагов, будинов и т. д. Кстати сказать, этноним *будин* трудно не сопоставить с тюркским *судын* (*будин*) – «народ», «племя».

Интересно сообщение Геродота о племени невров, которые, по его словам, не были этнически скифами. «Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик» [93, с. 213]. «Волк считался тотемным животным невров и почитался ими», – пишет комментатор и переводчик Геродота Г. А. Стратоновский [93, с. 521]. В таком случае можно вспомнить, что волк являлся тотемным животным, прародителем и божеством древних тюрков, как, впрочем, и у многих других народов [54, с. 237, 290; 90, с. 23–24]. Китайские авторы писали о тотемном волке тюрков: «Хан по его характеру и свойствам есть волк»; уместно будет привести слова из инструкции китайских военачальников при нападении на тюрков: «Таковую должно употреблять меру: гнать кочевых и нападать на волков». Наконец, нельзя не отметить легенду древних тюрков о том, что прародительницей их была волчица. Одно из древнетюркских племен, ведущих свое начало от сына этой волчицы, называлось Асян или Ашан. Этот этноним происходит от слова *ашин*, т. е. «благородный волк» [90, с. 23]. Непосредственную связь с этими данными имеют многие балкарско-карачаевские топонимы – *Ас-кала* (крепость ас), *Аш-Тотур* (название урочища), названия месяцев в календаре: Тотур-ай и др. В этих названиях сохраняется и имя народа ас (восходящее к волку), и имя божества – покровителя волков – Тотур [103, с. 13]. А в эпических сказаниях балкарцев и карачаевцев сыновья одного из нартских героев – Дебета – обращаются друг к другу со словами: «Ах ты, волк мой быстроногий...» [305, с. 86].

По сведениям Аммиана Марцеллина, «в середине между аланами, получившими свое имя от гор, живут невры по соседству с высокими вершинами, на отвесных скалах...» [83, с. 188]. Не вызывает сомнений то, что у одного из самых компетентных авторов речь идет о жителях Кавказа.

2. Большое сходство с тюркскими племенами обнаруживают иирки, или иурки, которых комментаторы Геродота считают предками двуязыч-

ных мадьяр, занимавших северокавказские равнины [75, с. 84–85, 324, 371]. У Геродота иирки помещены в окрестностях высоких гор, земля в их краях «твердая, как камень, и неровная», – пишет он. А комментаторы видят в этой оценке солончаковые степи – бывшее морское дно [93, с. 192, 519]. Можно предположить, что здесь могли подразумеваться «черные земли» и степи-буруны Кумо-Манычской впадины. Само название – *юрюки*, *июрки* – очень близко этнониму древних тюркских племен июрков на Балканах и Анатолийском нагорье, а также этнониму *иркан*, от которого происходит название Каспийского моря – Ирганское [113, с. 28–30]. С иирками Геродота вполне сопоставимы ирканцы Страбона и ирканы Помпония Мелы, жившие у Ирганского (Каспийского) моря [169, с. 116, 124; 271, с. 485–486]. Можно допустить связь между этнонимом *ирканы* и названием племени и области *Иркуун* в районе «горы Эльбурз» Шереф ад-Дина Йезиди и Низам ад-Дина Шами, описавших походы Тимура в окрестности Эльбруса в 1395 г. [278, с. 122, 182]. В связи с отмеченными фактами интересно заметить, что В. И. Абаев считает термин *Гиркания* происходящим от названия «волчья страна» [2, с. 28]. В этом случае необходимо вспомнить, что река Терек у арабских географов называлась Волком, а рудимент этого названия сохранился в нынешнем названии одного из рукавов Терека под именем Берючук – «волчонок» [127, с. 51].

3. Сведения Геродота об иирках и аргиппеях, отождествляемых В. В. Латышевым, С. Я. Лурье, Г. А. Стратоновским с предками башкир и мадьяр [93, с. 519; 173, с. 100; 171, с. 249–288] по образу жизни и занимаемой территории, буквально повторяются Плинием и Помпонием Мелой при описании племени турки и тирки. «После долгого перехода по этой каменной области (скифов – иирков. – *И. М.*), – пишет Геродот, – придешь в страну, где у подножия высоких гор обитают люди... Имя этого народа – аргиппеи» [93, с. 193]. **Эти аргиппеи, по словам Геродота, все лысые, говорят на особом языке, одеваются по-скифски.**

Помпонию Мелу почти дословно повторяет геродотовское описание окрестностей Меотиды, земли будинов, и повествует: «В близком соседстве с ними фиссагенты и турки, живут в обширных лесах и добывают средства к жизни охотой. Затем суровая и пустынная страна, на широком пространстве покрытая непрерывной цепью скал... Они отличаются весьма справедливыми нравами, живут в лесах... головы у женщин и у мужчин голые. Поэтому они считаются священными, и не только их самих не обижает никто из столь диких племен, но даже другие, прибегнувшие под их защиту, становятся неприкосновенными» [169, с. 119, 122].

Продолжим геродотовскую характеристику аргиппеев: «...никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными, и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть. Имя этого народа – аргиппеи». Аргиппеи Геродота, в V в. до н. э. живущие рядом с иирками, в середине I в. н. э. Помпонием Мелой названы турками, по всей видимости, поэтому Плиний в 70-х гг. I в. н. э. тех же аргиппеев называет

тирками и помещает в тех же местах, рядом с фиссагетами и зихами – предками адыгов [271, с. 483; 169, с. 180].

Наличие среди геродотовских скифов тюркских племен доказывают слова автора V в. н. э. Зозима, сказанные им в адрес гуннов: «Некоторые называют этот народ *Уннами*, другие говорят, что его следует называть *царственными скифами* или *тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра, со сплюснутыми носами, маленького роста*» [83, с. 199]. Речь, как мы видим, идет о представителях тюрко-монгольской расы. Кроме того, есть все основания сопоставить бритоголовых аргиппеев и турков со средневековыми бритоголовыми тюрками – болгарами и хазарами, о чем пишет «Именник болгарских князей» и Моисей Каганкатвацци [32, с. 155; 124, с. 120–121].

Этноним *иирки* можно сопоставить и с этнонимом *иркан* и *гиркан*, которые, по мнению многих ведущих историков и тюркологов, можно связать с древнетюркским этнонимом и титулом – *гурхан* [37, с. 105; 32, с. 422; 140, с. 100; 184, с. 397]. В пользу этого свидетельствуют и сообщения Иосифа Флавия о том, что аланы, «живущие вокруг Танаида и Меотийского озера... замыслив вторгнуться с **целью грабежа в Мидию** (территория Ирана и Азербайджана. – *И. М.*) и еще дальше ее, вступили в переговоры с царем ирканцев, ибо он владел проходом, который царь Александр запер Железными воротами. **И когда тот открыл им доступ**, аланы напали на **ничего не подозревавших мидян...**» [168, с. 484]. Эти слова позволяют думать, что речь идет о Дербентских воротах, находившихся тогда в руках гуннов, к которым и относится термин Флавия – *ирканцы*. По сведениям Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), гирканцы жили у южного побережья Каспийского моря [376, с. 249]. В этом контексте очень уместны слова Плутарха (46–120 гг. н. э.). Он писал, что «после смерти Дария Александр с отборнейшими силами вступили в Гирканию; увидев морской залив, показавшийся не меньше Понта, но имевший более пресную воду... он предположил, что это Меотида, однако естествоиспытатели за много лет до Александра знали, что это так называемое Гирканское, или Каспийское, море» [376, с. 9, 78]. Плутарх очень хорошо знает иберов, легов, гелов, албанцев и других кавказцев. По словам же Леонти Мровели, в 70-х гг. I в., т. е. во времена Иосифа Флавия, гунны владели и Дарьяльским проходом, откуда пришли в Картли братья Базук и Амбазук. Последнего, как известно, на рубеже V–VI вв. н. э. Прокопий Кесарийский прямо называет гунном и владельцем Дарьяльского прохода [148, с. 112]. Известно также, что овсы времен Вахтанга в середине V в. н. э. были гуннами Северного Кавказа [160, с. 108; 178, с. 33, 69–70]. Гуннами называет войску Амбазука и автор VI в. Захарий Ритор [160, с. 109].

На прямую связь скифов («доителей кобылиц», «пьющих кобылье молоко», «из кумыса делающих сыр» и «употребляющих конину») со средневековыми куманами указывают слова П. Карпини, характеризующие последних: «Когда же он умрет, то... перед ним ставят стол и корыто, полное мяса,

и чашу с кобыльим молоком и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают...» [238, с. 32].

4. По мнению ряда крупных специалистов, «целый ряд языков засвидетельствован почти исключительно ономастикой. Таков и скифский язык» [2, с. 239; 282, с. 53]. Но и «известные скифские имена в большинстве случаев иранские, отчасти фракийские, отчасти пока необъяснимые. То же касается этнонимиики и топонимиики» [347, с. 40]. Обратимся именно к этой, пока не разъясненной категории скифских имен, этнонимов, топонимов и отдельных лексем.

В надписи Ассархадона под 673 г. до н. э. говорится о «царе страны Ишкуза (Ашкуза, Аскуза) – Партатуа» [161, с. 65; 160, с. 72; 32, с. 19]. По нашему мнению, этот этноним скифов совершенно тождествен древнетюркскому этнониму *Аскизи* или *Ашкиши*, известному по трудам Махмуда Кашгарского и Ибн Хордадбеха [37, с. 490–587]. На древней родине тюркских племен – Алтае, в среднем течении реки Абакан имеется речка Аскизи, этот район прежде входил в Аскизскую думу, ныне представляет собой Аскизский административный район. На этой реке расположено селение Аскиз, возле которого открыт известный могильник из каменных ящиков, относящийся к упоминавшейся карасукской культуре. В этом районе жили алтайские тюрки рода Сагай [36, с. 346; 310, с. 71–91; 311, с. 149]. Известно, что многие тюркские племена называли себя именем рек, на берегах которых обитали, как свидетельствует «Армянская география». Известные алтайские этнонимы *Чу-киши*, *Ку-киши*, *Туба-киши*, *Алтай-киши* означают – «чуйский человек», «люди с реки Ку», «люди с реки Туба», «алтайские люди» и т. п. Следуя этим традициям, можно сказать, что этноним *Аскузы* есть *Ас-кизи* или *Ас-киши*, т. е. «Ас-люди» или «Аш-человек» [36, с. 279; 239, с. 5–6; 139, с. 174]. В прямую связь с этим этнонимом можно поставить сообщение Ибн Саида, переданное В. В. Бартольдом в следующих словах: «Из кавказских народов самым западным, по Ибн Саиду, был народ *каса*, косоги наших летописей; далее к востоку жили *аркеши* (или *азкеши*), абхазы и аланы. Все они были христианами; кроме абхазов, все считались тюрками» [388, с. 109]. В этом этнониме видится имя древнетюркского племени *ас*, происходящего от легендарной волчицы. Родоплеменные группы *ас* сохранились до сих пор у казахов, узбеков, киргизов, ногайцев и башкир [36, с. 404; 13, с. 112]. Если же верно чтение этнонима как *шкуз*, то соответствующую этимологию его как тюркского этнонима *иш-гуз* (*иш-огуз*), воспетого в эпическом сказании огузов «О Деде Коркуде», предлагает О. Сулейменов. 24 рода огузов согласно эпосу делились на два крупных объединения: *иш-огуз* – «внутреннее племя» и *таш-огуз* – «внешнее племя». Одна из песен повествует о том, что «таш-огузы восстали против иш-огузов» [41; 226, с. 77]. Исследователи предполагают переход тюркского *иш-огуз* в ассирийское *иш-гуз*; по их мнению, гласная «о» теряется в семитской передаче. Арабы, например, *огуз* превращали в *гуз*. Византийцы именовали огузов их самоназванием – *узы* [226, с. 77; 36, с. 418; 37, с. 91; 78, с. 194].

Есть еще один вариант этимологии этнонима скифов. В комментариях Евстафия к Дионисию (XII в. н. э.) говорится, что скифы получили свое имя от слова, означающего на их языке «сердиться», потому, что они очень раздражительны [83, с. 142; 171, с. 282, 288]. Известно, что на многих тюркских языках, и в частности на татарском, башкирском, слово *ашу* означает «злиться, сердиться». Прибавив к этому слову термин *киши, кизи*, мы получаем интересующий нас этноним *ашукизи* или *ашукиши*, т. е. «злой мужчина». Вполне уместно здесь напомнить и то, что слово *ас* на чувашском языке означает «беситься, шалить, озорничать» [272]. Такая частица в этнониме скифов весьма характерна.

В индоевропеистике утвердилось мнение, что имя скифского царя *Ишпак* восходит к авестийскому *спаа* – «собака» или к мидийскому *спак* – «собака». В индоевропейских языках этот термин распространен очень мало, поэтому говорить об индоевропейском его происхождении не приходится. Он заимствован, как считают Фасмер и Трубачев, но откуда? Трубачев находит для славянского слова прототип – тюркское *кобьяк*. Иранские же примеры остаются без «родителей». Но прямой переход «кобьяк – собака» недоказуем [226, с. 269]. Имена *Испак, Исмак* очень распространены в среде башкир, каракалпаков, карачаевцев и балкарцев по сей день. С позиции тюркских языков имя *Ишпак, Испак* означает «след видь», что тождественно понятию «идти по следу» [226, с. 268]. Но есть возможность видеть в этом имени и вариант – *Асбек*, т. е. «Бек асов». В любом из этих случаев можно полагать, что ассирийские надписи – самый древний документ, «могущий подтвердить факт существования в VII в. до н. э. тюркского этнонима *иш-огуз*, титульного имени *ис-пак*» [226, с. 270].

5. Скифы считали своим родоначальником *Таргитая*, рожденного от брака дочери Борисфена и Зевса. У Таргитая было три сына: Липоксай, Арпаксай и Колаксай [93, с. 188]. Имя *Таргитай* пока не получило бесспорной этимологии, хотя буквально тождественно имени Таргитай – аварского посла 583 г. к римскому императору Маврикию, имени тюркского вождя Таргицай, почти сохраняется в имени Тарагай, сына известного золотоордынского хана Хулагу, и вообще стоит в ряду такого множества тюркских имен XIII в., как Актай, Асутай, Ашиктай, Баритай, Бурилтай, Бурунтай, Даритай, Камтай, Кутай, Колинтай, Кутуктай, Кяхтай, Манзитай, Ойратай, Сабуктай, Сартактай, Субектай, Субетай, Тубтай, Уйгуртай, Усутай, Хокутай, Чагатай, Чутай и многие другие. Кроме того, по своей структуре оно близко к таким тюркским социальным терминам, как *курултай*, и топонимам *Алтай, Тарбагатай, Чагатай, Сартактай*. Частица «тай» в этих именах означает принадлежность к какому-то народу, обществу или государству [37, с. 109, 293]. Следовательно, имя Таргитай может означать «народ Тарги», может быть – Тургу, Турку? Имя Таргитай очень близко к имени родоначальника хазар – Тагарма и родоначальника всех кавказцев грузинской хроники Леонти Мровели – Тагармосу с небольшой метатезой *Тагар – Тарга* и с характерным окончанием «ма», «тай», «мос», подчеркивающим принадлежность к Тагару – Таргу.

Здесь весьма уместно утверждение В. И. Абаева о том, что в скифском языке «самый распространенный вид – метатезы с участием *p*: в группе из двух согласных *p* не мирится с положением на втором месте и перескакивает на первое». Этому факту он приводит множество примеров [2, с. 213]. Пользуясь этим, мы можем предположить переход *тагры* в *таргы*. И если учесть, что в греческом языке буква «у» означала звук *z*, *zъ* и *нz*, то наше предположение получает дополнительную аргументацию для чтения *тангри*, *тагри*, *тагъри* как *тарги*, *таргъы*, *тарнгы* и пр. [326, с. 226–227; 330, с. 413–432; 335, с. 165; 338, с. 519].

В балкаро-карачаевском языке при помощи «ма» образуются многие термины: *адам* + *ма* – «человек Я», *сары* + *ма* – «желтый Я». Возможно, в этот ряд могут стать этнонимы: *карай-ма* (*караим*) «смотрю, надзираю» или *кара-ма* – «черный Я»; таким же образом образован этноним *туркмен* (*турк-ме*), что означает: «турк Я», как и в этнониме *ку-ма* (*куман*), т. е. *ку я*, означающем: «лебедь Я», и восходящем к легендарному тотему – Лебедю [326, с. 99]. Таким образом, Тагар-ма с позиций тюркского языка означает: *тагар Я*. Тюрко-скифские параллели могут быть подтверждены и тем, что в Моисеевой книге «Бытие» Аскеназ, Рифат, Тагарм являются родными братьями – сыновьями Гомера (киммерийцами) и внуками Иафета (Бытие. Гл. 10, 3) [171, с. 265]. В связи с именем Таргитая очень важно учитывать, что слово *тарх/тарг* на тюркских языках означает «кровный родственник», «единокровный», «соплеменник» [365, с. 72].

Имена сыновей Таргитая считаются будто бы иранскими и означающими три сферы скифской мифологии – верхнюю (небо), среднюю (землю) и нижнюю (подземелье) [47, с. 84–85]. Полагают, что частица «ксай» в этих именах означает осетинское *хшай* – «повелитель, владыка, царь». Следовательно, *Кулаксай* означает *Кула+ксай*, т. е. «владыка солнца» или «солнца царь». Возникает сомнение: почему же именем верховного божества – светила – назван младший сын при наличии живых старших? Имя другого сына – Арпаксая – считается означающим «владыка глубины», потому что слово *арф* по-осетински означает «глубокий».

Для доказательства же наличия и промежуточного божества земли исследователи прибегают к следующим аргументам: «Лингвистические исследования показывают, что все имена, которые называет Геродот в легенде о происхождении скифов, являются иранскими, но отражают закономерности одного из скифских диалектов, во многом близкого осетинскому языку. Последнему, как и ряду скифо-сарматских диалектов, был свойствен переход «ри» в «ли»... Такая закономерность показывает, что «Липа» в имени Липоксай должно соответствовать форме «Рипа» в других более архаичных скифских диалектах» [47, с. 85]. Таким образом, натягивается недостающее звено в их толковании – название «гора» и «владыка гор». Но разве лингвистическая наука знает множество скифских диалектов, скифо-сарматских диалектов и даже их архаичные формы, если язык скифский «известен только исключительно ономастикой»?! [2, с. 241; 282].

Во-вторых, известно, что ламбдаизм – переход *p/l* является закономерно-стью тюркских языков [42, с. 117; 246, с. 12].

Теперь посмотрим, как объясняются эти имена с позиции тюркских языков. «Матерью» сыновей Таргитая была река, на тюркских языках река обозначается словом *чай, сай* [317, с. 224]. Поэтому ничего удивительного нет в том, что в их именах фигурирует слово «река» – *сай*. Кроме того, в греческом языке звуки *ш, ч* передаются как *кс* [314, с. 83–84], поэтому окончание *ксай* означает не осетинское *хшаи*, а просто *шай* или *чай*. Арпаксай будет Арпачай (Арпашай, Арпасай), Кулаксай – Кулакчай и Липоксай – Липокчай. В первом случае мы можем видеть сочетание ирано-тюркского названия путем сложения иранского слова *арф* – «глубокий» и тюркского *сай, чай* – «река» и получить имя *Арпачай* – «Глубокая река». Это слово можно вознести и к тюркскому *Арпачай*, т. е. «Ячменная река». Во втором названии слово *кулак* в тюркских географических терминах означает «боковая», «рукав», и поэтому *Кулакчай* и *Кулаксай* будет означать «боковая река» или «рукав реки», а может, просто – «приток». Слово *липок* на балкаро-карачаевском и других тюркских языках означает *лыпкык, ялпак* «плоский», что, вероятно, передает понятие «разливающейся реки» (Лыпкыксай). Нет ли в этом имени намек на Днепровские (материнские) лиманы – лиманы Борисфена? Имена этих юношей неотделимы от таких тюркских топогидронимов и этнонимов, как Ени + сай (Енисей), Янь + сай, Бури + чай, Арпа + чай, Кара + чай, Ачи+чай, Кок + сай, Майли + сай, Кин + сай, Одз + жай, и многих других, где отчетливо читается тюркское *чай, сай* – «река». Имя скифского Арпаксая очень близко имени княжеского рода тюрк – Арпад, о которых говорит Константин Багрянородный [142, с. 140].

Тюркскими являются и имена скифских царей – Янгир, т. е. «душегуб» [314, с. 57], Атей, означающее «отец». Вполне возможно, что тюркским окажется и имя Партутай с упоминавшимся характерным окончанием «тай».

Некоторые древнетюркские племена чередовали звуки *м* и *б* [90, с. 114; 110, с. 11; 321, с. 16], точно так же они чередуются в балкаро-карачаевском. Например, слова: *биик-миик*, т. е. «высоко», *муну-бу*, т. е. «это», и т. д. С учетом этой закономерности можно вспомнить и имя царя Мадия, которое сопоставляется с именем Бадий, так широко распространенным в карачаево-балкарской среде, а может быть, и с известным именем Батый с той же частицей «тай».

б. Очень интересно сообщение Геродота о том, что скифы прежде всего и превыше всех богов почитают богиню Табиты, соответствующую греческой Гестии – богине домашнего очага, городов и государств, т. е. всего окружающего [93, с. 201; 95, с. 86; 158, с. 27]. Хотя в контексте недавней газетной статьи крупный специалист по индоевропейским языкам О. Н. Трубачев и отметил, что скифы были предками современных осетин [344], однако в своих специальных работах он приходит к выводу, что «часто в «скифском много псевдоскифского». В «скифском нескифскими» являются и имена богов. По крайней мере, часть этих имен не этимологизируется как иранские, например Табиты, несмотря на попытки Миллера, Трацмера, Белецкого» [282,

с. 54]. Имя этой богини очень близко к имени героя балкаро-карачаевских эпических сказаний – бога кузнечного ремесла Дэбета, рожденного от брака Солнца и Луны и всегда связанного с огнем очага.

Верховное божество скифов «носило имя *Панай* – отец» [22, с. 15; 95, с. 85]. Общеизвестно, что на тюркских языках это слово означает: «отец», «предок» (бабай, баба). «Богиней лесов, лесных зверей, охоты, земли у скифов была Апи – мать» [22, с. 15; 95, с. 81–83, 86]. Это имя не что иное, как тюркское «мать» (апа). Есть прямая возможность с этим именем связать балкаро-карачаевское божество лесов, зверей, охоты – Апсаты, восходящее, вероятно, к форме *Апу-сам*. Слово *сам* на многих тюркских языках означает понятие «святой», «священный», отсюда это имя будет означать «святая мать» [49, с. 45–46]. В балкаро-карачаевском фольклоре она и ее дочь – волшебная красавица Фатимат (Бадымат) – изображаются в образе премудрых ланей. Приведенные факты дают основание серьезно усомниться в утверждениях, будто бы все скифские божества носят бесспорно иранские или осетинские имена [47, с. 22–23].

В последние годы, когда речь заходит о языке скифо-сармато-аланских племен, исследователи, как правило, ссылаются именно на ту работу К. Мюлленгофа [343, с. 5, 7], которая у индоевропеистов еще в 30-х гг. характеризовалась как «устаревшая и ничего не дающая для восстановления реального языка скифов и сарматов» [342, с. 416]. Их мнения сводились к тому, что многие ученые «говорили о языке скифов-иранцев, скифов-осетин, скифов-индусов (санскрит), выворачивали на все стороны несопротивляющийся языковой материал, ломали или вытягивали его на прокрустовом ложе «иранских языков». И вполне естественно, что подобные манипуляции, несмотря на свою явную бесплодность, по сей день оказываются серьезным тормозом в деле продвижения науки вперед, преградив все иные возможности подхода к изучению скифо-сармато-аланского языка. А между тем, широко употребляя термин «скифский язык», даже «диалекты скифского языка», отдельные авторы забывают, что нельзя упускать из виду их условность. «Скифский язык, как нечто единое, цельное и монолитное для всех племен, известных у греков и римлян под именем «скифских», есть фикция» [342, с. 433]. Сам Геродот, как мы видели, писал, что особый язык был и у аргиппеев, и у будинов (кн. 4, с. 23, 106). Сообщения Страбона, Плиния и других свидетельствуют, что «всякое неизвестное или мало известное племя принимает имя скифов». А у целого ряда античных авторов встречаются сведения о том, что эти «скифы говорили на разных языках» [342, с. 434]. В этой связи нельзя не отметить, что многие исследователи, пользующиеся работами В. И. Абаева при освещении этнических вопросов истории Северного Кавказа, упускают из виду, что, «вместо более или менее ограниченных по территории и частью разобщенных племен скифов и сарматов ираноязычной группы в Причерноморье, автор создает грандиозную скифо-сарматскую народность, предков осетин, включая сюда любое племя, получившее у греков одно из этих имен; их историю он отождествляет с

историей древних осетин, ищет корни осетинского эпоса в этой истории, т. е. впадает в ряд явных преувеличений» [347, с. 41]. Прямым продолжением такой тенденции является и новая книга В. А. Кузнецова [343, с. 347]. Осетиноведов не смущает даже такой факт, что многие скифо-сармато-аланские слова вовсе отсутствуют в словарном фонде осетин, для них достаточно, что эти слова встречаются в Авесте или в древнеиндийском языке. Почему бы эти слова не связать с таджиками, афганцами, курдами, иранцами, иронами Бухарской области, т. е. с теми, кто продолжает занимать прежние сако-массагетские области?

7. По утверждению такого крупного специалиста, как О. Н. Трубачев, «нередко в скифских глоссах фигурируют псевдоскифские» [282, с. 53]. Общеизвестно, что, по словам Иоана Цеца, скифы называли Азовское море – Карбалык. Это слово получило в науке широкое признание как термин, означающий «Гигантская рыба» [187, с. 207; 316; 355, с. 171]. Никто не отмечает, что это скифское название состоит из двух тюркских слов: *кар* – «могучий», «обильный», «крупный», «мощный» [141, с. 161–162] и *балык* – «рыба». Можно вспомнить, что у кипчаков был одним из мощных родовых подразделений род *карбалык* [36, с. 367]. Уместно напомнить, что в мифологии саяно-алтайских тюрков земля якобы покоится на трех громадных рыбоподобных существах – *кербалык* [353, с. 539].

Одним из популярных напитков у упоминавшегося скифского племени аргиппеев Геродот называет напиток *асхи* [93, с. 192–193]. Комментируя Геродота, Г. А. Стратоновский пишет: «Слово *асхи* (*ачи*) можно сравнить с древнетюркским *ачуг* (горький)» – и ссылается на башкирское блюдо *ашха*, о котором говорит С. Я. Лурье [93, с. 519; 173, с. 100]. Но поскольку у Геродота речь идет о напитке, а не о кушанье, то это слово больше подходит к балкаро-карачаевскому напитку *ацтхи* (*ачтхи*), и, более того, с учетом естественных трудностей для эллинов фонетически точно воспроизводить слова «варваров-номадов», это слово тождественно балкаро-карачаевскому термину *ицхи* (*иччи*) – «напиток». Относительно напитка *асхи* следует отметить еще и такой факт. Многие авторы считают его напитком казанских татар – *ашы* [386, с. 96]. И. Забелин писал, что *ашы* – *асхи* – это сок вишен, и приводит мнение путешественника XVI в. Павла Иовия об этом напитке. Ф. Г. Мищенко считает, что дерево «Понтик», из плодов которого аргиппеи делали *асхи* – это род черешни [385, с. 96]. В этой связи очень интересно отметить, что византийского посла Зимарха в 569–571 гг. алтайские тюрки и их правитель Дизибул угощали великолепным напитком «не из винограда, но похожего на виноградный сок» [386, с. 85].

В. И. Абаев пишет, что скифское слово *маза* – «большой», «великий» восходит к авестийскому *маз*, а в осетинском языке его нет [2, с. 173]. Хотя оно и восходит к Авесте, но широко бытует у тюркских народов в тех же значениях в форме *мазаллы*, часто употребляется в форме *маза йок*, т. е. «нет сил», «нет мочи». С учетом отмеченного перехода м/б можно указать тюркское слово *база* – «сила», *базын* – «надеяться на силу». Очень интересно и слово *мажа* – «лучший», «отборный» [284; 291]. Здесь же можно от-

метить, что в Малой Букеевской Орде у киргизов был мощный род – *маза* [36, с. 380].

В «Декрете в честь Протогена» (III в. до н. э.) царские скифы названы скифским термином *сай* [33, с. 57; 95, с. 22; 34, с. 635]. До сих пор не объясненный термин *сай/сый* – не что иное, как половецко-караимское и балкаро-карачаевское слово, означающее «почет», «почитать», «уважать»; отсюда происходят у них термины: *сайгъа/сыйла* – «почтение», «почести», «уважение»; *сайгъылы/сыйлы* – «почетный», «почитаемый», «избранный», «уважаемый». От этого же слова происходят термины; *сайла* – «выбор», «выбирай»; *сайлама* – «выборный» и многие другие [330, с. 459–460]. Отсюда можно заключить, что «царские скифы» в буквальном смысле были «почетные скифы» (скифы – базилеи Геродота).

Обращают на себя внимание слова В. И. Абаева: «Не случайно, что у самого раннего автора, Геродота, мы находим наибольший процент терминов и слов, не имеющих удовлетворительного иранского объяснения. К числу их относится, надо полагать, и термин *скул/скол*. Этот элемент в самоназвании скифов – *сколты*, по мнению Абаева, «был, по всей вероятности, каким-то важным термином доиранского населения Юга России» [2, с. 244]. Поскольку этот термин в основном относился к потомкам легендарных сыновей Таргитая и также до сих пор не разъяснен, то заслуживает внимания примечательная догадка филолога М. Джуртубаева о том, что балкарское слово *схылты*, означающее «знать», очень близко по смыслу к геродотовскому термину.

Описывая реку Гиппанис, под которой греки подразумевали реку Буг и реку Кубань, Геродот говорит, что в нее впадает горький источник, «именуемый скифами *эksamпей*, а эллинами «священные пути» [33, с. 57, 93, 200, 208]. Трудно судить, почему греки называли источник «священными путями», а вот скифское слово *эksamпай* объяснить можно. Геродот пишет, что «название источника и местности, откуда он вытекает, по-скифски *Эksamпей*, а на эллинском языке *Святые Пути*» (кн. 4, с. 52, 81). В своем капитальном анализе античных источников И. В. Кукулина совершенно справедливо отмечает, что этимологию слов, которые Геродот передает и переводит как «скифские», не всегда можно объяснять с иранского [368, с. 7]. По словам В. Ф. Миллера, не поддается объяснению с иранского и термин *эksamпей* [179, с. 132]. Однако К. Мюлленгоф первую часть слова – *эksam* переводил как «невредимый», «неповрежденный», а вторую часть – *пей* – он возвел к иранскому слову *пакта, пантаас* – «путь, тропа» [2, с. 175; 369, с. 469]. Однако М. Фасмер считал, что такая этимология с точки зрения лингвистики – неудовлетворительна [368, с. 7]. Дело в том, что Геродот не говорит, что это перевод термина на эллинский язык, а говорит, что «по-скифски *Эksamпей*, а на эллинском языке *Святые Пути*». Достаточно вспомнить, что во многих местах, когда возникала необходимость, Геродот всегда подчеркивает: «скифы называют энареями...», «колхидское полотно у эллинов носит название сордонического...», «скифами их называют эллины...», «называли их по-скифски аримаспами...», «эта река

у скифов называется Пората, а у эллинов Пирет...», или же: «в переводе на эллинский язык...» и т. п. А в данном случае он приводит лишь два параллельных названия, а не перевод одного и того же термина. Кроме того, если согласиться с Мюллэнгофом, то слово *эсен* – это общетюркское «невредимый», «здоровый», «неповрежденный» [354, с. 183]. Более того, слово *эсен* или *эшан* весьма близко к слову *аршан* – «святая вода, целебная вода» [369, с. 53], а слово *бай* первоначально, в досакское время, означало сверхъестественную силу, а позднее – «богатый» [382, с. 154]. Как утверждал Эйхвальд, в этом названии также отражена закономерность греческого языка заменять звук *ш* на *кс*, поэтому название источника должно звучать как *Эшампай* [314, с. 80]. Это слово состоит из двух тюркских: *эсен* – «здоровье» и *бай* – «богатый». Отсюда скифский термин можно понять как «богатый здоровьем», т. е. *эсенбай*. Это название вполне применимо к району реки Гиппанис-Кубани – благодатной оздоровительной зоне Кавказских Минеральных Вод с многочисленными источниками горьких, кислых, горячих вод. Синоним скифского *Эсанбая* сохранился в названии источника и города – *Эсенток* (Ессентуки), что означает «полный здоровья», т. е. *эсен* + *ток* – «полный». Эти названия полностью отвечают своему содержанию, так как наличие многих минеральных вод способствовало укреплению здоровья. Наше объяснение подтверждается еще и тем, что, по словам Геродота, у этого источника стоял огромный медный котел емкостью в 600 амфор, сделанный из наконечников стрел. В связи с этим уместно напомнить, что одна из пяти гор Кавминвод именуется *Темир-кубшек*, т. е. «Железный котел» [180, с. 119–136].

По сообщению Плиния, скифы называли Кавказ своим термином – *Краукасис*, т. е. «белый от снега» или «белоснежный» [169, с. 185; 83, с. 110]. Юлий Солин в начале IV в. н. э. писал, что скифы называют Кавказ – *Краукас* [83, с. 181], что означает «снежный». На карачаево-балкарском языке *краукаш* или *краукас* означает буквально «рябой от инея» и состоит из слов: *крау* – «иней» и *каш* или *кас* – «рябой». Но в скифском названии, переданном эллинами как *краукас*, можно увидеть и метатезу *карукас*, и в этом случае слово будет означать: «рябой от снега» (*кар* – «снег»), что совпадает со скифским названием. Перевод термина *краукас* как «блестящий лед», который предложили Ф. Эйлерс, М. Мэрхофер, не убеждает, так как Плиний говорит: «белый от снега», «белоснежный», а Юлий Солин переводит как «снежный». Надо думать, что они отличали лед от снега. Более того, Ян Потоцкий писал, что на ирано-персидском языке «белый от снега» переводится та часть громадного горного кряжа, который именовался Парапамисом [372, с. 235]. Здесь следует еще отметить тот факт, что вторая часть этого термина – *кас* или *каш* – представляет собой общетюркское слово, означающее «гора», «возвышенность» [369, с. 265], а первую часть можно перевести с помощью карачаево-балкарского языка как *кар-ау*, т. е. «снежная пелена». Таким образом, скифский термин *краукас* – «белый от снега» на карачаево-балкарском может означать *Кар-ау-каш*, т. е. «гора, покрытая снежной пеленой».

Считается, что греческое название *пантикапей* есть скифо-осетинское выражение «дорога рыб», состоящее из ирано-осетинских слов: *панти* – «дорога» и *каф* – «рыба» [2, с. 170; 47, с. 24; 83, с. 11; 103, с. 14]. Такое название можно было бы оправдать по отношению к Керченскому проливу, так как о рыбных богатствах Меотиды и Кубани говорит множество известных Плиния, Страбона, Помпония Мелы, Никифора и др. Но ведь Панतिकопеем греки называли и правый нижний приток Днепра – Ингулец [83, с. 15]. Представляется более правдоподобным и отвечающим своему названию греко-тюркское объяснение этого наименования. Мы уже говорили, что на тюркских языках слово *кап* означает «ворота». К этому слову в приведенном названии прибавлено греческое слово *понт*. Отсюда название *пантикапей* будет означать «ворота понта». Такое название соответствует и Керчи с Керченским проливом и нижнему притоку Днепра, откуда начинается вход в Черное море – Понт. В пользу такого толкования свидетельствуют и слова Аммиана Марцеллина о том, что «из Меотийского болота огромное количество воды прорывается через узкий Панतिकопейский пролив в Понт» [377, с. 287].

Завершая скифо-тюркские лексические параллели, нельзя не отметить, что из 200 скифо-аланских глоссов многие в осетинском языке неизвестны, тогда как 53 слова свободно бытуют до сих пор в балкаро-карачаевской живой речи. Можно было бы подумать, что эти слова – позднейшие заимствования из дигорского, но этому противоречит тот факт, что большинство из этих слов бытует и в других тюркских языках. Достаточно назвать такие вовсе отсутствующие в осетинском слова, как *ана, зор, сир, тири, сары, каш, сай, ши, аз/ыз, бай, ам/эм, уар, базук, гару, маза, пара, фахму, хунер* и многие другие в тех же значениях, в которых они употребляются В. И. Абаевым [2, с. 151–190]. Теперь рассмотрим этнографические материалы, имеющие отношение к нашей теме.

8. Начнем с материальной культуры. Наряду с упоминавшимся напитком *асхи-ицхи* основной повседневной пищей скифов было кобылье молоко – *кумыс* и сыр из него – *иппак*, как писали Геродот, Гиппократ и Страбон [95, с. 47; 271, с. 275, 277, 284]. Интересно, что Гиппократ прямо уточняет, что скифы «пьют кобылье молоко и едят иппак (сыр из кобыльего молока)» [376, с. 269]. Не приходится останавливаться на том, что кумыс и сыр из него считаются специфическими тюркскими традиционными элементами пищи. Они хорошо зафиксированы у гуннов и у других племен еще в первых веках [53, с. 27; 239, с. 78–79]. По нашему мнению, термины *иппак* и *гиппак* можно сопоставить с карачаево-балкарским словом *аппак*, т. е. «белый-белый». Но, разбирая эти термины, филолог С. Я. Байчоров пишет, что «современное карачаево-балкарское *гыпы ак, гыфы ак* – молочные продукты, приготовляемые добавлением к молоку кефирных грибов» [49].

В. И. Абаев пишет: «Напиток кефир, а заодно и его название (в том числе и русское «кефир»), считается кавказского происхождения. Однако первоисточник, насколько нам известно, не установлен» [3, с. 627]. Соответствие

скифо-сарматского *иппак* – *гиппак* с балкаро-карачаевским *гыпы-ак* приводит Байчорова к убеждению, что Геродот и Гиппократ зафиксировали тюркский термин, означающий молочные продукты, заквашиваемые кефирными грибками [49, с. 54]. Интерес к этимологии этого термина усиливается тем, что в отечественной науке еще с прошлого века установленной родиной кефирных грибков являются окрестности Эльбруса по верховьям Кубани [128, с. 187–188]. Добавим к сказанному, что Геродот и его предшественники Гомер, Гесиод, Эсхил часто называли скифов «доителями кобылиц» и «млекоедами» [95, с. 18, 47; 271, с. 275, 815]. Страбон уточнял, что «теперь еще есть так называемые «обитатели кибиток» и «кочевники», занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром, и главным образом сыром из кумыса». При этом Страбон приводит слова Эсхила: «...что из кумыса сыр едят, то скифы справедливые» или «...в земле галак-тофагов, что дома имеют в повозках» (Гесиод). У всех этих авторов среди скифов называются племена – гиппомолги, т. е. «доители кобылиц», и галактофаги – «питающиеся кислым молоком» [271, с. 275, 277, 284, 815]. Весьма кстати и следующее сообщение Страбона, характеризующее некий кочевой народ, живущий рядом с «георгами» – земледельцами: «Скифское племя, живущее над ними (георгами. – И. М.), было кочевым, последнее употребляло в пищу не только мясо вообще, но в особенности конину, а также сыр из кумыса, свежее и кислое молоко; последнее, особым образом приготовленное, служит у них лакомством». Вот почему Гомер называет все население части света «галактофагами». Не может быть сомнения в том, что здесь речь идет о кочевом тюркском племени. А Геродот в тех же местах у устья Дона, за будинами, к востоку от фиссагетов помещал иириков, над ними же аргиппеев. Следовательно, кочевой народ, живущий, по Страбону, над георгами или, по Геродоту, над иириками, является аргиппееми, которых Помпоний Мела прямо называл тюрками.

Доителями кобылиц были и есть все тюркские племена и народы. Все они являются млекоедами, молоко в различных видах, особенно разновидности айрана и вообще молочные продукты составляли их основную пищу. У балкарцев и карачаевцев молоко и молочные продукты настолько почитались, что их название превращено в табу. Скрывая название «молоко», они просто именуют его имя табуизированным термином *акъ*, т. е. «белый» [272, с. 116–117]. Чтобы осведомиться о наличии молока или молочных продуктов, они спрашивают: «Акъ бармыды?», т. е. «Белое есть?». Древнегреческий термин «галактофаги» или «млекоеды», а еще более у Евстафия – «млекопийцы» [171, с. 282] на тюркских языках будет *акъ-ицер* или *акъ-ичер*, т. е. «пьющий белое (молоко)». Общеизвестно, что греческие названия других племен почти всегда являлись либо кличками, либо фиксацией какой-либо особенности их быта, одежды, среды обитания и пр. (троглодиты – пещерники, меланхлены – черноризцы, гениохи – кучера и т. д.). Отсюда питающиеся молоком номады и получили свое прозвище «галактофаги», что на тюркском будет *акъ-ицер*. Позднее у эллинских авторов первых веков эта кличка превратилась в этноним гуннского племени –

акацир. Такое разъяснение гуннского этнонима более соответствует действительности, нежели тюрко-персидское толкование его как «главный народ» [32, с. 56] или «лесной человек» [81, с. 15]. Поскольку гунны – кочевой народ, то вряд ли их можно было считать лесными людьми, так как в лесах народ кочевать не может.

Широко известно, что большое место в материальной культуре скифов занимал войлок, из которого изготовлялась одежда, башлыки, им покрывали свои повозки и пр. [93, с. 193, 205; 271, с. 276]. Столь же широкое применение имел войлок у всех тюрко-кочевнических племен – у древних тюрков Алтая, у гуннов и др. [96, с. 22; 239, с. 102–103]. В наши дни войлок является одним из специфических отраслей домашнего промысла киргизов, казахов, алтайцев, балкарцев, карачаевцев и других тюркских народов. Изготовление различных войлоков и изделий из него является на Кавказе отличительной особенностью мастерства балкаро-карачаевских женщин. В XVII–XVIII вв. их продукция пользовалась большим спросом у многих народов Кавказа [12, с. 208].

9. Не менее интересные скифо-тюркские параллели дает и духовная культура скифов. Кроме отмечавшихся скифских божеств, надо сказать и о том, что скифы верили и поклонялись различным «хозяевам земли, воды», всякого рода оборотням и т. п. [95, с. 86]. Все эти поверья были характерными для древних тюрков, гуннов, болгар, хазар и являются особенностью этнографии современных тюркских народов: чувашей, татар, кумыков, балкарцев, карачаевцев [95, с. 86; 82, с. 342; 90, с. 80; 128, с. 311; 239, с. 104; 260, с. 81]. Хорошо известно, что скифы поклонялись мечу. Божественным даром и предметом поклонения он был и у гуннов, считавших его мечом верховного бога – Тейри, а греки именовали «мечом Марса» [119, с. 90–91, 102]. Сравнительное изучение тюрко-монгольского эпоса привело исследователей к выводу, что «преклонение перед оружием привело к возникновению культа «бога-меча», буквально «меча» [177, с. 109].

Известное развлечение скифов – погоня за зайцами, приведшее в свое время в замешательство войско Дария и часто изображаемое на скифских предметах, в 1883 г. наблюдал М. М. Ковалевский в балкарском селении Былым. Великолепно знавший все законы и обычаи кавказских народов, выдающийся ученый не нашел этому развлечению других параллелей, как случай, описанный Геродотом [95, с. 29; 144, с. 575]. Отголоски этого развлечения запечатлены и в карачаево-балкарском нартском эпосе [304, с. 103–104].

10. По словам Геродота скифы «гадают при помощи множества ивовых прутьев следующим образом: принеся большие связки прутьев и положив их на землю, они раскладывают их порознь и затем, перекладывая прутья по одному, гадают; произнося предсказания, они вместе с тем снова собирают прутья и раскладывают их поодиночке. Таков у них исконный способ гадания». Обычай гадать на прутьях отмечает Аммиан Марцеллин и у аланов. Есть сведения, что подобный обычай сохранился у дигорцев,

но никем подробно не описан. Однако достоверно известно, что «наиболее древнее археологическое свидетельство культового использования прутьев таволги дает Кенкольский катакомбный могильник в Киргизии. Этнографически различные проявления культа таволги отмечены прежде всего в среде тюркоязычных народов (алтайцы, чуваша, казахи, киргизы, узбеки, тувинцы) и их ближайших соседей. Древность связанных с таволгой религиозных представлений подтверждает магическая формула шамаистской по содержанию рунической «Книги гаданий» IX в.: «Одна таволга становится сотней таволг» [339, с. 57–59]

11. Известно, что орнамент являет собой один из элементов традиционной культуры народа. Считается почти всецело признанным фактом, что для многих тюркских племен Алтая, Енисея, для половцев Южно-Русских степей было очень характерно украшать различные предметы, костяные накладки лука, седел, колчанов и пр. орнаментом, состоящим из циркулярно круглых кружков с точкой по центру [217, с. 156–157]. На известной вазе из Кульобского кургана, где изображена целая композиция из жизни скифов, бросается в глаза то, что у первого, четвертого, пятого, шестого и седьмого скифа (т. е. за исключением только двух изображенных) на штанах, кафтанах, башлыках, на обкладках колчанов изображены систематично размещенные узоры именно из подобных орнаментальных кружков.

12. О скифском обычае побратимства мы знаем со слов Геродота следующее: «Клятвенные договоры совершают так: в большой глиняный ковш наливают вина и примешивают к нему кровь договаривающихся, сделав укол шилом или небольшой надрез ножом на теле, затем погружают в чашу меч, стрелы, секиру и дротик. По совершении этого обряда они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойнейшие из присутствующих» (кн. 4, с. 70). Подобный обычай буквально сохранился у половцев: «Половец прокалывает себе иглой палец и выступающую кровь дает сосать тому, кого избирает себе в постоянные спутники и друзья, после чего сосавший кровь своего товарища становится для него как бы собственностью, его кровью и телом. Иногда употребляется и другой обряд. Желавшие вступить в побратимство наполняли напиток медный сосуд, имеющий подобие человеческого лица, пили из него оба, собирающийся в путь и его спутник, и после этого уже никогда не изменяли друг другу» [382, с. 222–223].

13. В связи с рассматриваемым вопросом представляют значительный интерес и антропологические характеристики. Известно, что Геродот характеризует аргиппеев, которые употребляли напиток асхи, следующими словами: «У подножия высоких гор, выше цирков, живут люди, которые, как говорят, все плешивые от рождения – как мужчины, так и женщины, курносы и с большими подбородками; они говорят на особом языке, одеваются по-скифски» (кн. 4, с. 23). Очень важно, что исследователи считают, что «плешивость аргиппеев, вероятно, следует понимать, как слабое развитие растительности на голове и лице, действительно наблюдающееся у некоторых монгольских племен» [375, с. 263]. Гиппократ (460–377 гг. до н. э.)

писал о скифах, что они похожи только на самих себя и не похожи ни на один другой народ, «отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым, немускулистым телом; благодаря тучности и отсутствию растительности на теле обитатели похожи друг на друга: мужчины на мужчин, женщины на женщин» [375, с. 296]. Нетрудно понять, что речь идет о представителях монголоидной расы.

Эти сведения совпадают с характеристикой гуннов Аммиана Марцелина: «...все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками... лица у них безбородые, безобразные, похожие на скопцов» [179, с. 118; 206, с. 236].

14. Перечисленные скифо-тюркские параллели дополняются и рядом археологических фактов. Скифский метод бальзамирования трупов, описанный Геродотом, полностью совпадает с методом бальзамирования у гуннов и горно-алтайских тюрков, как справедливо отмечали С. Руденко и Г. А. Стратоновский [93, с. 521; 248, с. 56]. Геродот сообщал, что по легенде скифов на их землю «упали с неба золотые предметы: ярмо, секира и чаша... в память об этой чаше еще до сего дня скифы носят чаши на поясе» [93, с. 189]. В прямую связь с этой особенностью скифов ставит Ф. Г. Мищенко этимологию термина «скиф». Он писал: «Этимология греческого имени, если только оно не искажение какого-либо из туземных имен, приводит нас к слову *σκυφος* – «чаша», «кружка»; эолийская форма *σκυτος*» [346, с. 200 и сл.]. Нельзя не обратить внимания на тот очевидный факт, что неотъемлемой деталью десятков и сотен сохранившихся половецких и древнетюркских каменных изваяний является именно изображение чаши, которую они, как и скифы, всегда носят на поясе [236, с. 50–52; 384, с. 180–229]. По сообщению Низами, кочевые тюрки до принятия мусульманства поклонялись изваянию с чашей как божеству [226, с. 276]. Половцы являются чуть ли не единственными продолжателями обряда захоронения с конем и в срубам, так свойственных скифам. Все это находит прекрасное подтверждение в капитальном труде С. А. Плетневой, где рассматривается прямая связь между скифскими чашами, котлом, отлитым из бронзовых наконечников стрел, и гунно-половецкими традициями, которые отражены и в этнографической культуре тюркских народов XVIII–XIX вв. [367, с. 22–23].

Отмеченный ряд скифо-тюркских параллелей, проявляемых в материальной, духовной культуре, в языке, по данным археологии и письменных источников, дает основание сделать вывод о том, что незаслуженно и преждевременно отвергнута идея о наличии в массе племен, объединенных под эгидой скифов либо в географическом, либо по хозяйственно-бытовому признаку, племен с тюркской речью. Масса специфических черт культуры скифов сохранилась только у тюркских племен (конина, кумыс, айран, чаша на поясе, каменные изваяния, захоронения коней, войлок и т. д.) и считается их этнографической особенностью. Ни один из перечисленных элементов не встречается у сармато-алано-осетин, считающихся потомками скифов. Среди скифов были тюркоязычные племена. В противном случае невозможно объяснить такой феномен, как сохранение массы

скифских элементов только у тюркских племен. Этот вывод подтверждается и скрупулезным анализом античных источников и археологических материалов, которые свидетельствуют о том, что «территорию первоначального обитания скифских племен следует очертить в Южной Сибири, в Туве» [368, с. 192–193], т. е. на прародине тюркских племен. Вероятно, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что не все племена, именовавшиеся у греков и римлян скифами и сарматами, говорили на одном, иранском, языке. С полной ясностью эта точка зрения нашей ведущей лингвистической школы высказана виднейшим иранистом Б. В. Миллером, сыном и последователем В. Ф. Миллера, много сделавшего для изучения вопроса о языковой принадлежности скифов и сарматов: «Обширность территории распространения иранских языков в настоящее время и в древности... исключает всякую возможность предположить существование некогда на всем этом обширном пространстве какого-то единого народа, создавшего единый иранский праязык» [347, с. 41]. Изложенные в этом разделе факты позволяют думать, что были правы такие исследователи, как Мищенко, Латышев, Цейсс, Нейман, Нибур и другие, считавшие «царских скифов» ветвью урало-алтайских, а не иранских народов, поскольку и сам В. Ф. Миллер ничего существенного не смог противопоставить их доводам и вынужден был заключить, что «вопрос о том, что царские и кочующие скифы принадлежали к неарийскому племени», остается отложенным до новых повторных исследований, хотя не считает доказанным и факт их иранства [179, с. 116 и сл.].

С рассмотренными вопросами тесно перекликается следующий раздел нашей работы, касающийся скифо-хазарских нашествий в Закавказье и Переднюю Азию.

УОБОС, УОБОС-ЕТИ И ОС-ЕТИ

Только противоречие стимулирует развитие науки.
Его надо подчеркивать, а не замазывать.

П. Л. Каница

В третьей части своих «Осетинских этюдов» В. Ф. Миллер писал: «Из сведений, сообщенных о предках осетин древними писателями, мы должны поставить на первом месте то, что сообщается о них их ближайшими соседями-грузинами» [179, с. 15]. Из грузинских источников, освещающих историю северокавказских народов, наиболее авторитетной является хроника Леонти Мровели – автора XI в. [178]. По всеобщему мнению, он провел свою работу «с определенной политической тенденцией, соответ-

ствующей требованиям объединительного движения в Грузии XI в.» [178, с. 12–14]. В этих условиях в Грузии возникает и оформляется письменно идея единства происхождения кавказских народов. Леонти Мровели «оформил эту идею по образцам уже имевшихся у византийцев и армян генеалогических таблиц народов, в основе своей восходящих к библейским сказаниям» [178, с. 5–6, 14]. Именно поэтому он возводит все ему известные кавказские народы к единому родоначальнику – Таргамосу (Тагарму – Таргаму).

Комментаторы наследия Мровели убеждают в том, что он пользовался многочисленными источниками греческих, византийских, древнеармянских, древнегрузинских, персидских и других восточных авторов [161, с. 62–74; 160, с. 70–73]. Поскольку сообщения Леонти Мровели имеют принципиальное отношение к нашей теме, приведем их в достаточно полном объеме.

«...Прежде всего упомянем, что у армян и картлийцев, ранов и моваканов, эров и леков, мегрелов и кавкасионов – у всех этих народов был единый отец по имени Таргамос... внук Иафета. Среди сынов его отличались восемь братьев... Гаос, Картлос, Бардос, Мовакан, Лекан, Эрос, Кавкас и Эгрос».

Шестерым из них Таргамос выделил земли в пределах Закавказья, а «земли же к северу от Кавказа не только не были уделом Таргамоса, но не было и жителей к северу от Кавказа... Потому-то избрал Таргамос из множества героев двух – Лекана и Кавкаса. Дал Лекану земли от моря Дарубандского до реки Ломека (Терек. – *И. М.*), к северу – до великой реки Хазарети (Волга. – *И. М.*). Кавкасу – от реки Ломеки до рубежей Кавказа на запад».

Таким образом, эти двое сыновей Таргамоса водворились – один на побережье Каспийского (Дарубандского) моря до рек Терека и Волги, другой – от реки Терека и до пределов Кавказа на западе. Мровели несколько изменил библейскую «таблицу народов», где Таргам (Тагарм) был назван родным братом Ашкуза (скифов), сыном Иафета, здесь же он является внуком последнего. Но и в этом случае подчеркнута генетическое родство скифов и хазар. Здесь уместно вспомнить хазарского царя Иосифа, который считал хазар и прочих тюрков рожденными от легендарного Тагарма.

Далее Леонти Мровели повествует о нашествии хазар: «В ту пору усилились хазары и начали войну с племенами леков и кавкасов (т. е. с народами Северного Кавказа. – *И. М.*). Таргамосианы в то время пребывали во взаимном мире и любви (т. е. народы Закавказья. – *И. М.*). Над сыновьями Кавказа был владыкой Дурдзук, сын Тирета (т. е. предки вайнахов. – *И. М.*). Решили шестеро таргамосианов (закавказцы. – *И. М.*) искать помощи в борьбе против хазар. И собрались все из племени таргамосианов, **преодолели горы Кавказа, покорили пределы Хазарети и, воздвигнув города на ее подступах, возвратились. Вслед за этим хазары избрали себе царя.** Вся Хазарщина стала повиноваться избранному царю, и возглавляемые им хазары прошли Морские ворота, которые ныне именуются Дарубанди. Не

в силах оказались таргамосианы противостоять хазарам, ибо было их бесчисленное множество. Полонили они страну таргамосианов, сокрушили все города Арарата, Масиса и Севера. Остались за ними (таргамосианами) города-крепости Тухариси, Самшвиди и Мтверская крепость (которая есть Хунани), Внутренняя Картли и Эгриси. Хазары освоили оба пути, как то: морские ворота Дарубанди и **ворота Арагвские, которые суть Дариала**. Стали частыми походы хазар, увод людей в плен, и никто не мог им противостоять. Отныне стали все таргамосианы данниками хазар. В первый же свой поход хазарский царь перевалил горы Кавказа и полонил народы, о чем выше писано мною. **Был у него сын по имени Уобос**, которому дал пленников Сомхети и Картли (Армении и Грузии. – И. М.). Дал ему часть страны Кавказа, к западу от реки Ломека до западных пределов гор. **И поселился Уобос. Потомки его являются овсы. Это и есть Овсети, что была частью удела Кавказа...** Тогда же **отдал хазарский царь двоюродному брату удел Лекана от моря Дарубандского на востоке до реки Ломеки**, к тому же **дал ему пленников из Рани и Мовакана**. И устроился он в уделе Лекана... И с тех пор в течение долгого времени все народы были данниками хазар» [178, с. 22].

Из этого сообщения становится очевидным следующее.

При первом походе хазар ни о каком хазарском царе речи нет. Народы Закавказья перешли горы, покорили пределы Хазарети, воздвигли пограничные города. После этих поражений хазары избрали себе царя, освоили Дербентский и Дарьяльский проходы, покорили закавказские области, угнали пленных из Армении и Грузии (Сомхети и Картли). Земли Северного Кавказа от Терека до западных пределов гор хазарский царь отдал вместе с пленными своему сыну Уобосу, потомки которого назывались уобсы (овсы), а земли их – Уобос-ети (Овсети), восходящие к имени Уобос (т. е. «страна Уобоса»). Если верно утвердившееся в науке отождествление Уобос–овс–Осетия, то получается, что осетины – потомки хазар. Чтобы объяснить этот казус, многие авторы утверждают, что в повествовании Мровели перепутаны походы скифов с нашествием хазар.

Основателем этого утверждения был Ю. Клапрот. Поскольку Мровели в библейской форме описывает происхождение народов Кавказа в период до н. э., то Клапрот, по нашему мнению, перенес эту хронологию и на события той части хроники (до Афридона, Фароборота, Киаксара и др.), где речь идет о хазарах, а потому приходит к заключению: «Однако название хазар не было известно до христианской эры; хронология грузинской истории... не заслуживает никакого внимания, хотя и нельзя отрицать факт набега народа, жившего в северной части Кавказа. Это скифы греков, которые наводнили Переднюю Азию под предводительством Мадиеса в 633 г. до Р. Х. Они властвовали там 28 лет; у Диодора Сицилийского упоминается, что скифы переселили одну колонию мидийцев в Сарматия – страну, расположенную в северной части Кавказа. Эта мидийская колония и является, по-видимому, той, которая, согласно данным грузинских хроник, была образована жителями Картель – Сомхети, приведенными сюда хазарами.

Современные осетины происходят от этой колонии, и они сами называют себя *ирон*» [228, с. 175–176]. Но ведь у Диодора Сицилийского говорится, что «царями скифов были переселены многие покоренные племена, а самых важных выселений было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаис; эти переселенцы... превратили Скифию в пустыню» [376, с. 251]. Из этого сообщения никак не вытекает, что скифы переселили кого-либо из Картли и Сомхети на Северную часть Кавказа. Важно иметь в виду, что Пафлагонией Страбон и другие авторы называют страну на Правобережье Черного моря, в Малой Азии, к западу от реки Кызыл-Ирмак [386, с. 37].

Однако из этого ничем не подкрепленного утверждения, поддержанного В. Ф. Миллером, в науке закрепилось мнение, что хазары грузинских хроник – это скифы, а, стало быть, Уобос – сын не хазарского, а скифского царя и что, дескать, Мровели внес события, связанные с хазарами, в столь раннюю пору из-за нехватки материала по древней истории Грузии [179; 178, с. 4; 160, с. 70–73; 161, с. 62–74].

Если продолжать следовать за Клапротом, то возникает ряд возражений, которые сводят на нет всякую историческую ценность труда Мровели:

1. Теперь уже хорошо известно, что Мовсес Хоренаци, Мар-абас-Котина и другие авторы, на труды которых ссылается Леонти Мровели, достаточно хорошо знали архивы Эдессы, библиотеки Александрии, Италии, Афин, Константинополя, «царские анналы, увековечившие мудрые деяния и подвиги правителей, и сочинения древних историков Вавилона, ассирийцев, египтян и греков, Ниневийского государственного архива» и т.д. [161]. Трудно допустить, что все эти источники не отличали скифов от хазар или другого племени. Общеизвестно, что почти все письменные источники всегда покрывают именем скифов всех кочевников, вплоть до гуннов, хазар и половцев. Достаточно назвать хотя бы таких авторов V в. до н. э. – V в. н. э., как Геланик, Каллиах, Страбон, Арриан, Дионисий Периегет, Феофиллакт Симмоката, Псевдо-Плутарх, Аммиан Марцеллин, Клавдий Клавдиан, Зозим, Нимфедор Сиракузский и многие другие. И только Леонти Мровели, знающий такие солидные источники, вдруг делает как раз обратное – называет скифов хазарами. Уже одно это должностораживать исследователя.

2. Очень сомнительно и то, что автор XI в., современник половцев, наводивших Грузию, десятками тысяч переселявшихся туда по просьбе грузинских царей [29], прибежал бы к истории хазарских нашествий, если ему не хватало исторического материала.

3. Истории неизвестны факты поражения скифов от кавказских племен, которые «преодолели горы Кавказа, покорили пределы Хазарети» (т. е. Скифии, по Клапроту). Во всяком случае Геродот, основной источник о скифских походах через Кавказ, ничего похожего на это не говорит.

4. Разве скифы при походе на Кавказ были без царя? Ведь речь идет, по словам Клапрота, о походе под предводительством Мадия.

5. Между Терекон и Кубанью никогда не существовало скифского государства, т. е. «Хазарети» Мровели.

6. В источнике говорится о хазарских городах и крепостях у Дербента. О каких скифских городах и крепостях может идти речь в этом районе, если во всем Северо-Восточном и Центральном Предкавказье археологи не знают сколько-нибудь заметного скифского поселения [70, с. 66–68; 145, с. 105–167]?

7. Волга и Кубань – Великая и Малая реки Хазарети – никогда не назывались скифскими реками.

8. Непонятно, почему выданные сыну хазарского царя пленники из Картель и Сомхети, т. е. Грузии и Армении [178, с. 54], вдруг у Клапрота стали мидийцами, ираноязычными, предками осетин. Уж если считать их предками осетин, надо признать и ираноязычность армян и грузин! А между тем в своем 16-м письме Юстин (III в.) писал о племени парфы (слово *парфы* – по-скифски, «изгнанник». – *И. М.*) буквально следующее: «Язык у них (у парфов. – *И. М.*) – средний между скифским и мидийским, помесь того и другого» [169, с. 63]. Это сведение выбивает всякую почву под утверждением Ю. Клапрота, так как свидетельствует о том, что язык скифов и мидийцев был различным. Кроме того, если следовать методу Клапрота, мы, согласившись видеть за пленниками из Картель и Сомхети предков осетин, должны признать пленников из Рани и Мовакана предками дагестанских леков и т. д.

9. Исследователи давно обратили внимание на то, что Мровели не внес предков осетин, т. е. Уобоса, в число кавказских народов и тем самым подчеркнул их пришлый характер [178, с. 55]. Но если прав Клапрот, они как раз и должны быть кавказцами, поскольку происходят от жителей Картель – Сомхети.

10. Вызывает недоумение тот факт, что овсы, упоминаемые Мровели и Джуанашером при описании жизни Вахтанга (V в.), считаются гуннами, а овсы Мровели в тексте о нашествии хазар – ираноязычными аланами [178, с. 17, 87].

11. Вместе с тем считается установленным, что овсы – противники Вахтанга – тождественны аланам [179, с. 28, 49]. Тогда почему они названы «неверными», «безбожниками»? Ведь ко времени Мровели и Джуанашера аланы уже около пяти веков были христианами [147, с. 5–11].

12. Считается также установленным, что в XVIII в. комиссия «ученых мужей» во главе с Вахтангом VI сделала «Вставку» в Картлис Цховреба, **вытекающую из основного текста** [178, с. 11, 69]. Тогда, чем объяснить тот факт, что «Вставка» довольно хорошо знает и скифов, и хазар, и овсов в отдельности?

Вполне очевидно, что без ответа на эти вопросы трудно согласиться с утверждениями Клапрота. Вопросы эти безоговорочно снимаются, если мы окинем взглядом историю походов скифов через Кавказ. Первые сведения о скифах, называя их «доителями кобылиц» и «млекоедами», дает автор Илиады [99, с. 198]. Писатель VIII в. до н. э. Гесиод прямо называет

этих «доителей кобылиц» скифами. Имя скифов упоминается в связи с греко-персидскими войнами VII–VI вв. до н. э. Важное место занимают сведения Гекатея из Милета, который обстоятельно знает скифов и их земли. По словам крупнейшего советского специалиста по истории скифов Б. Н. Гракова, в кругозор Гекатея, в противоположность Геродоту, вошла не только территория собственной Скифии, но и Северный Кавказ, на котором он не знает и не называет скифских племен [95, с. 6–7]. Геродот детально очерчивает границы скифов и их реки, среди которых тщетно искать Ломеку, или Терек, или Малую реку Хазарети – Кубань. Большой интерес представляют труды великого врача древности – Гиппократ, который впервые упомянул скифов на правом берегу Дона. Очень важно, что он дает **сведения о быте, нравах, внешности и колхов, и скифов**, чего не могли не знать грузинские авторы древних хроник.

У великого трагика Эсхила, **спустя более чем 120 лет после походов Мадия, Кавказ назван «дорогой скифов»**, что, по убеждению Гракова, означает **«путь их походов, а не место жительства»** [95, с. 7]. Придворный географ Дария I, Скилак Кориандский, описывая скифские племена, не упоминает никаких скифов на Северном Кавказе.

Библейская «таблица народов», как отмечалось, называет Ашкуза, т. е. скифов, родным братом Тагарма, т. е. хазар. Возможно, поэтому Мровели, построивший свой труд по библейским образцам, и не стал различать скифов и хазар, как происходящих от двух братьев? Как бы то ни было, он не мог не знать перечисленных сведений, содержащихся в его источниках. И он не мог не знать, о чем и о ком пишет.

Однако вернемся к походу Мадия. Единственным источником о походе скифов через Кавказ является одно сообщение Геродота. Приведем и его в полном объеме, чтобы сравнить с сообщением Мровели о хазарском нашествии в Закавказье и вслед за Клапротом попытаться найти общее между этими событиями.

«Скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами, преследуя же бежавших, дошли, таким образом, до Мидийской земли. От озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ – саспиры; миновав его, будешь в Мидии. Скифы, однако, вторглись не этим путем: они отклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение в битве и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией.

Отсюда скифы пошли на Египет. Когда они появились в Палестинской Сирии, египетский царь Псамметих, выйдя к ним навстречу, дарами, просьбами отклонил их от дальнейшего движения...

Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет».

Далее Геродот несколько уточняет свой рассказ: «И теперь еще есть в Скифии киммерийские стены, есть киммерийские переправы, есть и

область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор. Киммерийцы, очевидно, бежав от скифов в Азию, поселились на полуострове, где ныне стоит эллинский город Синопа. Видимо, скифы гнались за ними и вторглись в мидийскую землю, сбившись с дороги; ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись в Мидийскую землю, свернув внутрь материка» [171, с. 250–252, 261].

Эти сведения никак не согласуются с повествованием Л. Мровели о нашествии хазар: никакого нападения, а тем более поражения скифов или хазар от местных племен, наоборот: скифы разбили мидян и получили полное господство; никаких скифских городов и крепостей, никакого скифского государства (Хазарети) на Северном Кавказе, просто скифы прошли здесь, сбившись с пути; никаких скифских рек, ни малых, ни больших; никаких пленных армян и грузин, угнанных на Северный Кавказ, никаких выборов царя и т. д. Очевидно лишь очень большое желание Клапрота отождествить созвучие *Уобос* и *Уобос-ети* с *Осети*. Тем более что в далекое скифское время никакой Осетии не было. Термин *Осети* по созвучию с *Уобос-ети* появился во «Вставке» XVIII в. Не из-за такого ли отношения к источникам упрекали Клапрота выдающиеся ученые его времени? Академик А. Берже писал, что труды его «страдают отсутствием критического взгляда и той правдивости, которая должна составлять неотъемлемую принадлежность всякого ученого труда» [322, с. 294–326]. Объективный подход к этим известиям не может не привести исследователей к двум закономерным выводам: либо у Мровели был под рукой не дошедший до нас источник, повествующий о хазарах задолго до теперешних общепринятых хронологических рамок, либо Мровели, поверив библейскому кровному родству скифов и хазар, сознательно заменил их имена, не видя в этом большой ошибки, как и многие древние авторы.

Есть и другой взгляд на труд Леонти Мровели. П. Ингорюк, Л. М. Меликсет-бек, Г. А. Меликишвили и другие видят в его повествовании отражение реальных событий хазарской эпохи VII–VIII вв. Мнение это полностью подтверждается исследованиями крупнейшего хазароведа М. И. Артамонова. Обратимся к его капитальному труду – «История хазар». В VII–X вв. Хазарский каганат был огромной империей, обнимающей почти всю южную половину Восточной Европы, включая Северный Кавказ и Северный Дагестан, где происходило образование каганата. Он объединял все тюркские племена Западно-Тюркского каганата, продолжением которого являлись «царство гуннов» Дагестана и «Великая Болгария» на Кубани [32, с. 170; 385; 203]. С 395-го по 799 г. тюркские племена гуннов, сабириков, особенно хазар совершили около 20 опустошительных нашествий в Закавказье – в Азербайджан, Грузию и Армению, каждое из которых продолжалось по нескольку лет. Все эти походы хорошо засвидетельствованы как европейскими, так и восточными авторами, в т. ч. грузинскими и армянскими [32, с. 114–119, 126–132, 142–156, 460–470]. Так, например, «История Армении» повествует о том, как «толпы хазар и базилов, соединившись,

прошли ворота Джора (Дербент. – *И. М.*) под предводительством своего Внасепа Сурхана, перешли Куру и рассыпались по сю сторону ее». Однако этот поход хазар был успешно отражен. «Вахаршак разгромил их и, преследуя, в свою очередь, перешел через ущелье Джора в страну врагов» [118, с. 134]. Хотя некоторые считают это сообщение анахронизмом, более обосновано мнение К. Патканова о том, что это сообщение исходит из уст известного гностика III в. Бардесана, а потому является вполне реальным историческим фактом. По данным крупнейшего арабского историка IX в. Балазури, которые были повторены в XIII в. Ибн аль-Асиром, при правлении в Иране шаха Кавада Первого (486–531) хазары захватили Джурзан (Грузию. – *И. М.*) и Арран (Албанию – Азербайджан. – *И. М.*). Кавад отгеснил их назад и, заняв область между Араксом и Ширваном, построил город Берда'а – «главный город всей страны и город Кабалу, что есть Хазар». Затем Кавад построил оборонительные стены и 360 городов [32, с. 116]. Другой автор IX в., Якуби, сообщал, что Кавад вернул Ирану захваченные хазарами земли, которые перешли к его сыну Хосрою Ануширвану (531–579), включая и эти 360 городов. Позднее арабские источники пестрят сообщениями о хазарах, особенно в связи с постройкой Ануширваном мощных укреплений Дербента [32, с. 117]. По сведениям Моисея Каланкатуйского, хазары совершили мощный поход в Албанию в 552 г. Но так как в дальнейшем пленные, захваченные при этом Хосроем, именуются сабирами, то М. И. Артамонов считает это нашествие вторжением сабиров [32, с. 128]. Все приведенные сведения о нашествии различных тюркских племен в Закавказье, их поражение, постройка оборонительных городов и крепостей против захватчиков-хазар буквально копируются в сообщении Мровели о первых походах хазар, о их поражении от таргамосианов, о постройке последними городов для обороны от них и т. п. Эти совпадения особенно отчетливо проявляются при описании нашествия хазар в 626–627 гг. Хронография Феофана и «История албан» Моисея Каланкатуйского сообщают, что хазары, привлеченные на сторону Византии Ираклием в его борьбе с Ираном, «прорвались через Дербент и, истребляя все на своем пути, достигли Куры, прошли через земли иверцев и егерцев (через Иверию и Колхиду) до Черного моря...» [32, с. 145]. Во главе этого отряда хазар стоял племянник «царя севера» ябгу-кагана Тун-шеху. Судя по молодости племянника, у которого, по словам Феофана, «едва пробивался пушок на бороде», М. И. Артамонов полагает, что это был сын Мохо-шада (брата Тун-шеху) – Були-шад [32, с. 146–147]. Огромная добыча – пленные и скот, золото и драгоценные одежды, – доставленная молодым племянником из Закавказья, настолько возбудила жадность ябгу-кагана, что он сам решил вторично двинуться против персов и народов Закавказья. «Поэтому, – пишет Моисей Каланкатуйский, – он уведомил о том всех тех, которые находились под властью его: племена и народы, жители полей и гор, живущие в городе или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы, – чтобы по мановению его все были готовы и вооружены». Так, в 626 г. во главе бесчисленного войска «царь севера и великий каган»

двинулся в Закавказье через Дербент. Разгромив Албанию, разрушив Дербент, он направился в Иверию. После неоднократной осады и попыток запрудить Куру ему удалось взять Тбилиси, полонить его начальников, учинить неопишемые жестокости. Захватив в Тбилиси большую добычу, ябгу-каган вернулся в свою страну, а своего сына, представив императору Ираклию, оставил для продолжения покорения этих стран (не об Уобосе ли идет речь? – *И. М.*). При этом он дал сыну приказ: «...в случае, если правители и вельможи этой страны не подчинятся добровольно, не сдадут города, крепости и торговлю, сохранять в живых только женщин и детей моложе 15-летнего возраста, обратив тех и других в рабство» [124, с. 120–121]. Совершенно очевидно, что сведения об этом походе хазар почти дословно повторяются в словах Мровели: «Вслед за этим хазары избрали себе царя. Вся Хазарщина стала повиноваться царю...» Безусловно, здесь может подразумеваться подготовка к походу самого ябгу-кагана. Разве сообщение Мровели о том, что «полонили они (хазары. – *И. М.*) страну таргамосианов, сокрушили все города Апарата, Масиса и Севера... отныне стали все таргамосианы данниками хазар...», не соответствует только что приведенным сведениям? Комментируя слова Леонти Мровели о том, что хазарский царь отдал своему двоюродному брату земли дагестанских племен – «удел Лекана», исследователи полагают, что в рассказе о хазарах прослеживается смутное указание на возникновение на Северном Кавказе различных этнополитических образований. Если речь идет о скифах, то о каких кровно-родственных отношениях их с дагестанскими племенами можно говорить? А вот к хазарам племена Дагестана имели самое прямое кровно-родственное отношение как представители гунно-сабино-болгаро-басилских племенных смешений, легших в основу образования Хазарского каганата. А хазарские города Беленджер, Семендер, Хумара и другие представляют огромный интерес для иллюстрации вышеприведенных сведений. В результате всего изложенного нетрудно сделать следующее заключение:

1. Рассказ Леонти Мровели о наших хазар совершенно не сопоставим с сообщением Геродота о походах скифов через Кавказ.

2. Мровели называл скифов хазарами, исходя из своего библейского источника, где Ашкуз и Тагарм, родоначальники скифов и хазар, названы родными братьями.

3. Если верить источникам Мровели, то Уобос и его потомки овсы – тюркоязычные племена хазарского происхождения, они занимают земли от Терека до западных пределов Кавказских гор, т. е. земли Западного Предкавказья, подвластные хазарам.

4. Овсы V в., упоминавшиеся в жизнеописании Вахтанга – это гунны Северного Кавказа.

5. Название *овсы* или *осы* – это грузинское искажение тюркского этнонима *ас*. Исторические сведения грузинских авторов об овсах к нынешним осетинам отношения не имеют.

6. Древнетюркский этноним *ас* (в грузинских источниках – *ос*) позднее закрепился за новым ираноязычным населением, занявшим эти районы. А земли, занятые асами – *Ас* + *ети*, легко превратились в *Ос* + *ети*.

Обычно этнонимы объясняются либо на языке одного из соседних народов, давших это имя, либо на языке носителя. В случае же с термином *осети* мы имеем тот феномен, когда основа этнонима *ос* не имеет никакого смысла ни на языке носителя, ни на языке народа, откуда происходит это название (грузинском), ни на одном из соседних языков Кавказа [3, с. 80]. Все это случилось потому, что *ас* – это тюркский этноним, непонятный ни грузинам, ни осетинам и объясняющийся только на тюркских языках (об этом см. ниже). Остается непонятным, как грузины могли назвать народ словом, которое в их языке отсутствует?

Еще более неправдоподобно отождествление овсов грузинских источников с аланами. Грузинский историк и географ Вахушти отличал Алан + ети от Ос + ети, т. е. страну аланов и страну осов (асов). Он отдельно описывает Аланети и Овсети, и «знатнейшими из прочих овсов» он называет басаи, размещавшихся к западу от Терека [104, с. 65, 77, 85], т. е. к западу от Ломеки, там, где помещал овсов и Мровели. На невозможность отождествления аланов с горцами-асаами (овсами) прямо указывают слова Масуди: «...большая река по имени Куркруд, что означает *река Волк*... принимает в себя все воды, стекающие с гор Кабк, и впадает в море недалеко от Баб-уль-Абваба. Большой мост пересекает ее у устья – замечательное сооружение... одно из чудес света... **Между царством аланов и горами Кабк есть крепость и мост**, перекинутый через громадную реку. **Эта крепость называется «крепость Алан**», она построена некогда древним персидским царем Исбендиаром, сыном Гистаспа. **Там помещалась стража для защиты от аланов дороги к горам Кабк...**» [127, с. 35, 53–54]. Комментируя эти слова, Сен-Мартен делает вывод о том, что аланы занимали «только низменные районы Терека и Малки, но не горные долины Осети», ибо только на равнине могли быть реки громадными [87, с. 167]. О том, что Баб-уль-Абваб (Ворота ворот. – *И. М.*), или Дербент, находился в районе устья Терека, свидетельствует и тот факт, что правый рукав Терека у впадения в море и сейчас именуется *Берючюк* (Волчонок) [127, с. 35]. Попытка Н. А. Караулова отождествить «крепость Алан» с Дарьялом не может быть принятой потому, что, **по словам Масуди, она ограждала от аланов дорогу к горам и находилась у устья реки**. Пытаясь доказать тождество аланов и овсов (асов), Ю. С. Гаглойти обращается к «Матианэ Картлис», где говорится, что Баграт IV (1027–1072) вторым браком был женат на дочери овсского царя Дорголея. Получив приглашение от своей дочери, Дорголень «вместе со всеми тавадами Овсети с радостью двинулся в путь и через Абхазскую дорогу прибыл в Кутаиси» [87, с. 170]. Но Гаглойти не учел, что эти слова противоречат его утверждениям. Достаточно обратиться к исторической действительности того времени. С XI в. весь Северо-Западный Кавказ оказывается в подчинении кипчаков-половцев, вся Южно-Русская степь и Предкавказье входили в Дешт-и-Кипчак. Большая часть аланских памятников сконцентрирована в бассейне и верховьях Терека, т. е. занимает территорию так называемого восточного варианта аланской культуры, с характерными для аланов эталонами их культуры [242, с. 52–54]. Встает

вопрос: почему бы аланы-овсы, если это был один народ, вынуждены были идти по Абхазской дороге, а не кратчайшим и веками проторенным Дарьяльским путем, который в XI в. мог контролироваться аланами? Вероятно, документ, на который ссылается Гаглойти, фиксировал тот факт, что аланы и овсы были двумя различными народами, владевшими и контролировавшими различные районы Предкавказья. По этому документу также получается, что овсы занимали Западное Предкавказье, т. е. те же районы к западу от Терека, которые отмечали и Мровели, и Вахушти. По нашему мнению, еще задолго до Вахушти, в XIII в., «История и восхваление венценосцев» отличала аланов от овсов, что вытекает из следующих слов, повествующих о том, как отец Тамары, Георгий III, охотился, «как было принято, по горам и долам и держал в повиновении восток и север. Ему принесли дары и братались с ним... скифы, хазары, аланы...». Далее тот же источник говорит: «В зимнее время он иногда переходил в Западную Имерию и доходил до моря Понтийского, охотясь при этом в **стране аланов, которая суть Абхазети...**» [123, с. 26–31]. Оспаривая факт, что грузинские источники отдельно знали и аланов, и овсов, размещали их в различных областях, Гаглойти пишет: «Если бы грузинские названия осетин – овсы (оси) – не являлись эквивалентом имени аланов, то совершенно непонятно, чем объяснить тот факт, что даже в период наивысшего расцвета Алании в IX–XI вв., когда Алания представляла собой крупнейшую политическую единицу на Северном Кавказе, грузинские источники называют на Северном Кавказе не аланов и Аланию, а овсов (осов) и Осети» [87, с. 173]. Ничего не понятного в этом нет. В IX–XI вв. на Северном Кавказе и вообще в Восточной Европе такой политической силой были вовсе не аланы, а хазары и сменившие их половцы, а Северный Кавказ, по словам Хамдаллаха Казвини, составлял основную часть огромного Дешт-и-Хазара, т. е. Степи хазар, как позднее Дешт-и-Кипчак, а не Дешт-и-Алан [278, с. 91]. Зная историческую обстановку того времени на Северном Кавказе, грузинские историки объективно называли овсами тюркские племена – потомков гунно-хазаро-половцев. Если бы аланы и овсы были одним народом, то грузинские хроники не называли бы аланов вдали от Центрального Кавказа, в стране Абхазети, а помещали бы их у этого популярного Дарьяльского прохода вместе с овсами.

Основоположником концепции тождества овсов грузинских источников и аланов является В. Ф. Миллер, сопоставивший «Историю Армении» с хроникой Леонти Мровели. Обратимся к его аргументам.

В «Истории Армении», написанной в IX в. [183, с. 135, 141; 244, с. 157], при описании деяний царя Арташеса (рубеж I–II вв.) сообщается: «Около того времени **Аланы**, соединившись с **горцами** и **привлекши на свою сторону половину Иверии**, огромными массами **рассыпались по нашей стране**» [118, с. 98]. Далее повествуется о том, что Сатиник – сестра аланского царевича, попавшего в плен к Арташесу, спасает его, согласившись стать женой Арташеса [118, с. 99].

Это сообщение обычно сравнивают с сообщением грузинской хроники, данным во «Вставке» XVIII в.: «Тогда цари Картли Азорк и Армазел (70-е гг. I в.)

призвали овсов и леков, привели царей овских – братьев (голиафов) по имени Базук и Амбазук с войском овским. И **привели они с собой пачаников и джиков»** [178, с. 11, 33].

Таким образом, в армянском источнике говорится о борьбе армян с аланами, горцами и грузинами, о пленении сына аланского царя, о браке его сестры Сатиник с Арташесом, взамен чего тот отпускает ее брата.

«Золотой дождь шел на свадьбе Арташеса, жемчужный дождь шел на свадьбе Сатиник... Сатиник стала первой среди жен Арташеса и родила ему сына Артавазда и других», – повествует «История Армении». Далее: «Смбат по приказанию Арташеса идет с войском **в землю Аланов, на помощь брату Сатинику**; ибо отец ее умер, и другой завладел страной аланов, преследовал брата Сатиник. Смбат опустошил землю врагов, которых в большом количестве привел пленными в Арташет» [118, с. 89–101].

У Леонти Мровели речь идет о том, как **картлийцы и овсы с пачаниками и джиннами опустошили земли армян**, захватили много пленных и добра, переправились через Куру, стали лагерем и начали делить захваченное. В это время Смбат, собрав все армянское войско, настигает их и обращается к ним со словами: «Всю доставшуюся вам в Армении добычу – скот, золото, серебро и ткани – я дарю вам, я прощаю также кровь армян, пролитую вами, и впредь не буду мстить за нее. Верните только плененных вами людей, и расстанемся с миром...» Далее говорится, как Смбат убил Базуку и Амбазуку, а раненые цари Картли бежали в Мцхету.

«Прошло с тех пор несколько лет, – повествует Мровели, – возродилась Картли, разоренная армянами... Когда же картлийцы и овсы стали часто тревожить армян, царь Арташан собрал оставшееся у него [в Армении] войско, поставил во главе его сына своего Зарена и направил против Картли». Зарен попадает в плен к картлийцам. Спустя три года армяне и картлийцы заключили мирный договор и отпустили армянского царевича [178, с. 33–35].

При внимательном анализе этих сообщений можно легко усомниться, что речь в них идет об одном событии: в первом – **аланы в союзе с горцами воюют с армянами**, Смбат идет в страну аланов на помощь брату Сатиник; во втором – **Картли в союзе с овсами, пачаниками, леками, дидоями и джиками воюет с Арменией**; разбитые Смбатом картлийские цари бегут в Мцхету, и лишь потом «возрождается Картли, разоренная армянами». Общее между ними только имя Смбат, но это не аргумент, так как в династических семьях имена часто повторяются. Можно подвергнуть сомнению и хронологические соответствия событий: Азорк и Армазел царствовали в 70-х годах I в., а Арташес на рубеже I–II вв., армянский текст принадлежит автору IX в., грузинский – во «Вставке» XVIII в. В. Ф. Миллер строил свою теорию тождества аланов и овсов на том, что картлийцам в армянском источнике помогали аланы, а в грузинском – овсы. Но это сравнение преднамеренное, потому что он отбросил тот факт, что вместе с овсами в грузинском источнике названы – дидои, леки, джики, пачаники. Почему же выборочно отождествлять аланов только с овсами? Армянский

источник называет аланов, горцев, иверов. Грузинский источник – картлийцев, овсов, джиков, леков, дидойцев, пачаников. Картлийцы и ивери – это грузины; джики – это предки адыгов; леки – это дагестанские племена; дидойцы – это вайнахи. Леки и дидойцы вполне отождествимы с горцами армянского источника. Остаются – аланы, овсы и пачаники. Но овсов времен «Вставки» XVIII в. грузинские источники считали горцами. Определенный свет на эту проблему проливает упоминавшийся Вахушти, несомненно, имевший непосредственное отношение к «Вставке» в Картлис Цховреба.

О балкарцах-басианах он пишет: «По западной стороне Дигории находится большое ущелье – Басиани, по которому протекает речка, истекающая из межгорья Рачинского и Басианского. Ущелье это простирается от Кавказа до Черкезис-мта... Басиани граничат с севера горою Черкезскою, отделяющей Басиани от Черкесии, с востока – горой Кавказом, лежащим между Басианом и Дигорией, с юга – горою Кавказом, лежащим между Рачой и Басианом, и с запада – горою Кавказом, лежащим между Сванетией и Басианом... Здешние овсы знатнее всех прочих овсов, и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян...» [104, с. 77–78]. Нет нужды говорить о том, что Вахушти очень четко очертил действительные границы Басиани – Балкарии, населенной овсами – горцами. Рискованно было бы надеяться на то, что Вахушти по своему незнанию грузинской историко-географической традиции и литературы называет потомков гунно-болгаро-хазаро-половцев, т. е. балкарцев, овсами. Таким образом, для отождествления, если в этом есть необходимость, остаются только аланы и пачаники (печенеги). Случайно ли это? В связи с овсами и Овсетией уместно напомнить, что «в царствование Вахтанга Горгасала (446–499) овсы в 453 г. учинили великое нашествие на Грузию и пленили трехлетнюю сестру царя, опустошили Карталанию и взяли город Каспи и **через Дарубандские врата вернулись в Осетию**. Вахтанг собрал сто-тысячную армию и **двинулся на овсов и хазар, которые поджидали их у утесов Терека. Вахтанг свалил двух первейших бойцов Тархана хазарского и оса Багатара. Следуя за бегущими врагами, он вступил в землю пачаников**, народа сильного и многочисленного. **Проходя опять через овсов и кипчаков, он принудил овсов вернуть сестру свою и через Абхазию вернулся в Грузию**» [104, с. 19–20].

В связи с тем, что овсы времен Вахтанга Горгасала (V в.) признаются гуннами, нельзя не вспомнить и о том, что в V – начале VI в., по сведениям Прокопия Кесарийского, Дарьяльским проходом владели гунны под предводительством Амбазука [148, с. 115–116]. Но в науке утвердилось мнение, будто бы имена Базук и Амбазук являются алано-осетинскими, а сами они аланами. Необходимо пояснение. По словам В. И. Абаева, иронский и дигорский диалекты осетинского языка резко отличаются между собой в самых существенных элементах – даже в местоимениях [5, с. 21]. Дигорский диалект изобилует тюркизмами, в Дигории более 150 тюркских топонимов, некоторые авторы писали, что «дигоры говорят на самом старом тюркском наречии» [49, с. 55–62; 179, с. 7–14; 228, с. 101–102; 308, с. 147]. Здесь к месту

одно интересное наблюдение. Весь комплекс языкового, этнографического и исторического материала, с помощью которого В. И. Абаев связывает предков осетин с северными областями, т. е. Причерноморьем, Волго-Донским междуречьем и Югом России, а значит и со скифо-сармато-аланским миром, **строится только на данных дигорской лексики**. Но тогда обращает на себя внимание то, что в Дигории почти нет ни одной фамилии, не встречающейся в Балкарии и Карачае; что балкарцы и дигорцы связывают свое происхождение с двумя родными братьями; что из более чем тысячи дигорских слов добрая треть до сего дня бытует в речи балкарцев, карачаевцев и других тюркских народов, никогда не соседствовавших с дигорцами. Исходя из всего этого, ничего удивительного нет в том, что на дигорском диалекте осетинского языка (но не на иронском. – И. М.), как и на многих тюркских языках, слово *базук* означает «кость предплечья» [179, с. 27–28; 256, с. 1544; 291, с. 67]. Распространив дигорское значение этого слова на весь осетинский язык, исследователи прочно утвердили в науке мнение, будто бы имя *Базук* с осетинского означает «плечо», а *Амбазук* – «равноплечий» [2, с. 159; 87, с. 141; 179, с. 27–28], хотя, если следовать точному значению, должно было быть «предплечье» и «равнопредплечий». Стоит обратить внимание на эту очевидную бессмыслицу. У всех народов имена историческим лицам, а тем более предводителям и царям даются по каким-либо отличительным особенностям их характера, силы, ловкости, цвету глаз, волос, росту и т. п. В приведенном же случае получается, что только *Базук* и *Амбазук* имели равные плечи. Если они отличались только этим, то получается, что весь остальной их народ был горбатым, кривым и т. п. Кроме простого созвучия эти имена ничего общего со словом *базук* не имеют. Имена гуннских предводителей на гуннском (тюркском) языке означали: *Базук* (*Базык*, *Базых*) – «Толстый», а *Амбазук* – «Самый толстый». Не потому ли их называли голиафами (богатырями)? Имя *Базых* считают тюркским американский ученый О. Минчен-Хэльфен, Н. А. Баскаков и др. [45, с. 111]. Нельзя не указать на то, что названный Прокопием *Амбазук* и почти современный ему предводитель гуннов *Басых*, о котором говорит Приск Панийский, не могут быть несопоставимы с *Базуком* и *Амбазуком* грузинских источников. Есть возможность отождествить имена *Базук* и *Базых* с оговоркой: либо это имя часто присваивалось гуннским втяжам, либо Леонти Мровели ошибся в хронологии шестивия овсов-гуннов. Приск рассказывает, что в 80-х гг. V в. орда *Басиха* и *Курсиха*, «проядя пустынную страну и переправившись через Меотиду, через 15 дней перевалила горы Кавказа и вступила в Мидию», оттуда разлилась по всей Передней Азии. Сирийские источники VI в. свидетельствует о том, что вся Сирия находилась в руках гуннов. В источниках достаточно сведений о том, что гунны разоряли Египет, Месопотамию и другие страны [32, 133]. Поэтому ничего удивительного нет в том, что закавказские авторы под «северными врагами», или овсами, имели в виду прежде всего объединения гуннов, затем хазар и другие тюркские племена.

Свидетельством тому являются древнеармянские источники, описывающие события времен Хосроя II (307–314). «Во дни Хосрова жители северной части Кавказа объединяются и делают нападение на центр нашего отечества массою около двадцати тысяч человек... Предводителем копейщиков (врагов, напавших на Армению. – И. М.) выступал какой-то чудовищный исполин во всеоружии, весь покрытый густым войлоком, он совершал чудеса храбрости посреди войска. Храбрейшие из армян, внимательно следившие за ним, напали на него, но не могли причинить ему вреда: от ударов копий только вращалась его войлочная броня», – повествует «История Армении».

Рассказывая об этом же событии, Фавст Бузанд говорит, что организатором этого нападения на армян был маскутский царь Санесан, в войсках которого он называет прежде всего гуннов, а затем кавказские племена похов, таваспаров, хачматаков, ижмалов, гатов, глюаров, гугаров, шигби, баласчи, егерсванов и множество других «разношерстных кочевых племен, все множество войск, которым он командовал (повелевал)» [299, с. 15]. Командовавший всем этим войском и организатор нападения Санесан был царем и предводителем северокавказских гуннов [32, с. 51–52]. К. Патканов перевел этот отрывок следующим образом: «Один из полководцев Санесана, Анариска, копыеносец, одетый в войлок, совершал подвиги при скалистом Ошакане. Если его поражали, то не действовало, но отскакивало» [124, с. 22].

Комментируя эти сведения, Ю. С. Гаглойти заменяет везде имя гуннов-маскутов или масаха-гуннов Северного Дагестана именем массагетов на Сырдарье, а затем приходит к выводу, вовсе не вытекающему из источника. Он пишет: «Во-первых, армянский историк отождествляет аланов и маскутов (массагетов). Во-вторых, аланы-маскуты, возглавляющие это вторжение и стоявшие, очевидно, во главе большого племенного объединения, этнически четко отделялись от других кавказских племен, принимавших участие в этом вторжении» [87, с. 152–154].

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу такого вывода. Во-первых, в истории не известны племена под названием «аланы-маскуты». Во-вторых, как видно, ни Фавст Бузанд, ни Моисей Хоренский в перечне племен, состоящих в войсках Санесана, не упоминают аланов. Вопреки Гаглойти, организаторам этого вторжения были не аланы, а царь маскутов-гуннов Санесан (по Бузанду) и «жители северной части Кавказа» (по Моисею Хоренскому). В-третьих, Гаглойти, ссылаясь на слова Фавста Бузанда о том, что армяне «громили войска аланов, и маскутов, и гуннов, и других племен», считает, что автор отождествляет аланов и маскутов. В таком случае, почему бы Ю. С. Гаглойти не отождествить аланов и с гуннами, ведь там сказано, что громили «аланов, и маскутов, и гуннов, и других»? Лишь один из полководцев Санесана носил имя Анариска, которого Гаглойти только потому считает аланом, что это имя означает на осетинском – «не знающий, не чувствующий боли» [87, с. 154]. Здесь очень к ме-

сту слова К. Маркса: «Я решительно ничего не знаю о человеке, если знаю только то, что его зовут Яковом».

В литературе давно отмечалось, что «дело вовсе не в том, чтобы провести параллель между теми или иными отдельными, сходно звучащими именами», на чем, как правило, строятся почти все языковые сближения осетин со скифами и аланами. Да и те всегда охватывают лишь выборочные имена. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые, обратив на это внимание, уже писали, что «для Вс. Миллера и других исследователей совершенно не встает вопрос, к какому социальному слою принадлежат носители этих имен и чем занимаются люди, имена которых они анализируют. Впрочем, фактически совершенно невозможно анализировать имя вне всякой социальной среды просто потому, что иначе оно превратится в бессмысленное звучание» [342, с. 429]. Эти слова полностью надо отнести и к анализу отдельных топонимов, рассматриваемых вне всякой связи с самой местностью. В результате бессмысленными звучаниями становятся такие имена, как Базук и Амбазук, такое имя, как Итас, переводимое осетиноведами как «вдовец»; можно подумать, что он уже при рождении был обречен на такую участь. Такими же необоснованными являются объяснения топонимов с *ком* – «рот», «отверстие», «небо» [2, с. 169], как «горные ущелья»; объяснение голы, песчаной горы Донгат «мокрым местом», а дремучего леса и глубокого горного ущелья Мысты-кам как «мышинное ущелье» и многие, многие другие.

Вернемся, однако, к вторжению Санесана, в войсках которого было множество племен и, вполне естественно, множество полководцев – предводителей каждого племени, в их числе и Анариска. Но разве из этого выходит, что организаторами и осуществившими вторжение были аланы? Скорее всего, в числе этих войск были и аланы. Ничего невероятного в этом нет, так как гунны тогда господствовали по всей Восточной Европе и Северному Кавказу, в их войсках могли быть представители всех северокавказских племен, о чем и говорят приведенные источники. Это тем более вероятно, что уже в 60-х гг. III в. большую силу представляли «кавказские гунны», а в 90-х гг. того же столетия армянские источники говорят о гуннских воинах. В Сасанидской надписи 293 г. говорится, что один из кавказских каганов был тюрк. Подробный анализ всех письменных источников о гуннах приводит В. Б. Ковалевскую к выводу, что «еще до эпохи, предшествовавшей появлению гуннов в Европе, в качестве наемных солдат или враждебных отрядов они уже проникали с Северного Кавказа в Закавказье и Иран и, значит, находились на Кавказе» [160, с. 95–96].

О том, что основной силой вторгшихся войск были гунны, может свидетельствовать тот факт, что одетым в войлочную броню тогда мог быть только гуннский витязь, так как войлок в Европу был принесен гуннами и являлся их этнографической особенностью [96, с. 49; 53, с. 256–271; 229, с. 45–46; 247, с. 34–37; 188, с. 41]. Кроме того, войлочный защитный доспех, надеваемый на кольчугу, был новшеством для того времени, распространителем которого, естественно, были полчища гуннов, сабиров, хазар,

которые, по словам Аммиана Марцеллина, «угрожая нападением, идут клинообразно со свирепым криком... издали сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашном рубятся очертя голову, уклоняясь от ударов, набрасывают на врага аркан и опутывают» [206, с. 338].

И, наконец, если говорить об именах, этимология которых служит для Ю. С. Гаглоева основным аргументом, то можно отметить, что имя организатора этого похода – представителя гуннов – Санесана состоит из двух тюркских слов: *сан* «части тела человека» и *есен* «здоровый». Отсюда имя царя гуннов будет – «Здоровые части тела», т. е. «Здоровое телосложение», что равнозначно понятиям – «могучий», «здоровый». Не потому ли армянские источники называют его «чудовищным исполином», что является прямым переводом его тюркского имени – Санесен? Из всего сказанного об этом вторжении можно сделать вполне соответствующий исторической действительности вывод, что это вторжение было совершено объединенными силами северокавказских гуннов или овсов вместе с подвластными им племенами.

Отождествление овсов грузинских источников с аланами не находит сколько-нибудь веских научных аргументов.

Чрезвычайной натяжкой является и отождествление аланов с ясами русских летописей. Имя ясов в русских документах появляется в 965 г. в сообщении: «В лето 6473 иде Святослав на Козары... и град их Белу Вежу взя. И Ясы победи и Касоги» [243, с. 160; 355, с. 18; 356, с. 30]. Исходя из того, что хазарский город Белая Вежа, или Саркел, находился на Нижнем Дону, исследователи единодушны в том, что в ранних русских известиях речь идет об асах Донских степей, т. е. носителях так называемой салтовской археологической культуры южнорусских областей [32, с. 56–359]. Е. Г. Пчелина, учитывая историческую обстановку Северо-Западного Кавказа и Подонья, совершенно справедливо пишет: «Предки современных осетин, в это время уже сложившиеся в мощные военно-родовые союзы, жили в бассейне Терека». Этот вывод полностью согласуется с тем, что в VII в. аланы под давлением тюркских племен покидают Северо-Западный Кавказ и Прикубанье, переселяются в бассейн Терека, где размещается так называемый «восточный вариант аланской культуры» и где локализуется аланов «Армянская география» VII в. [231, с. 29]. Упоминание в этом отрывке косогов не оставляет сомнений в том, что описываемые события происходили где-то вблизи Прикубанья и устья Дона. Поэтому естественно утверждение Пчелиной, что эти асы русских летописей не имеют отношения к аланам и осетинам.

Имя ясов 11 раз фигурирует в летописях XII в. в связи с русско-половецкими войнами, культурно-экономическими, кровно-родственными и династическими взаимоотношениями. Достаточно вспомнить, что сам знаменитый Олег был женат на дочери Тугра-хана, его сын Святослав женится на дочери Аепы-хана, а внук Святослава – Владимир, сын Игоря, был женат на дочери Кончака. Владимир Мономах в 1107, 1117 гг. женил своих

сыновей Юрия и Андрея на половецких князях. Только один Мономах 19 раз приводил себе на помощь в своей политической борьбе отряды тюрок и половцев [226, с. 144–145].

Рассказывая о походе русских князей в 1116 г. против половцев на Дон и взятии трех половецких городов на Донце: Сугров, Шарукан и Балин, летопись добавляет, что сын Владимира Мономаха, Ярополк, «приведе с собою ясы, и жену полони ясыню», дочь ясского князя [243, с. 160]. На ясыне Марии был женат и Всеволод III, а сестры Марии также были замужем за русскими князьями.

Комментируя подробные известия о походе 1116 г., М. И. Артамонов писал: «Трудно допустить, что в этом отрывке имеются в виду северокавказские асы или аланы, которые находились очень далеко от места действия русского войска. Вероятнее полагать, вслед за А. А. Спициным, что речь идет о ясах донецких, сохранивших старое имя народа, представленного салтовской культурой» [32, с. 146–147]. Под 1175 г. русская летопись сообщает, что жена Андрея Боголюбского была ясыня «бе-бо балгарка родом» [243, с. 160]. У этой ясыни-болгарки был сын Георгий, первый муж грузинской царицы Тамары, который после смерти отца был вынужден бежать из Киева «к своим родичам (по матери. – *И. М.*) кипчакам и хазарам на Дон и Кавказ» [56, отд. 1]. На этот момент обращено серьезное внимание профессора В. Б. Виноградова и С. А. Головановой [345, с. 182–184]. Это сообщение прямо указывает, что сородичами асов и болгар были половцы и хазары. Наконец, нельзя не добавить, что древнерусский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия гласит, что «язык же ясеський ведомо есть яко от печенеженьска рода родиси» [200, с. 454]. После этих исторических сведений трудно уповать на то, что русские летописцы могли не знать языка асов или, по крайней мере, не могли отличить его от другого языка.

В тон русским летописям звучат и слова выдающегося ученого-энциклопедиста Востока аль-Бируни (974–1048). Он писал, что на берега Каспийского моря переселился с Амударьи «род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского» [78, с. 194]. А виднейший средневековый географ Абульфеда, прямо называя асов тюркским народом, размещал их в XIV в. у Дарьяльского ущелья [134, с. 126].

Ю. С. Гаглойти тщетно пытается обвинить Абульфеду в некомпетентности. Исмаил Абульфеда (1273–1331) – вассальный эйюбид, князь города Хами, потомок знаменитого Салладина, арабский историк и географ. К его времени эйюбиды были повсюду вытеснены из страны мамелюками, и только в Хами удерживалась ветвь эйюбидской династии, к которой принадлежал и Абульфеда. Поэтому он не мог не знать тюрок-кипчаков, положивших начало мамелюкской династии, и не отличать язык тюркских народов от других языков. Абульфеда был участником Крестовых походов, его «Всеобщая история», доведенная до 1329 г., и «География», заканчивающаяся 1321 г., пользуются всемирным признанием и сохраняют свою ценность вопреки мнению Гаглойти.

Ю. С. Гаглойти пытается опровергнуть и слова хазарского царя Иосифа о том, что «во дни Вениамина поднялись все народы на хазар и стеснили их, по совету царя Македонского. И пришли воевать царь Азии и турок... только царь аланов был подмогою» [143, с. 116–117]. В этом сообщении явно видно, как Иосиф различает аланов и асов. Но Гаглойти говорит, что «раздельное упоминание аланов и асов в письменных источниках вовсе не означает их этнического различия». Можно подумать, что такое упоминание когда-нибудь могло означать их этническое единство! Исходя из массы письменных источников, данных археологических исследований, М. И. Артамонов пришел к выводу, что аланы и асы были двумя различными народами [32, с. 359]. В связи с этим он писал: «С появлением тюркютов на Северном Кавказе аланы вынуждены были им покориться, а последующая их история протекает в тесной связи с наследниками последних – хазарами. В VIII в., по данным Фазари (писал в 722–723 гг.), хазары и аланы образовали одно царство» [32, с. 360]. Не потому ли Иосиф говорил, что только царь аланов был ему подмогой? Все приведенные факты привели Сен-Мартена, А. А. Спицина, М. И. Артамонова, В. А. Кузнецова, П. Г. Акритаса, Е. Г. Пчелину и других к выводу о том, что аланы и асы – это два различных народа [32, с. 359; 26; 134, с. 123 и сл.; 243, с. 160]. Мнения этих ученых не новы в историографии. Они лишь новыми фактами подтверждают старые выводы многих исследователей. Еще в середине XIX в. многие ученые, в т. ч. и академик Шёгрэн, сравнивая сведения Ибн аль-Асира о северокавказских племенах о том, как монголо-татарские полчища, пройдя Дербент, «дошли до Алан, а их много племен...», со словами Лаврентьевской летописи о битве на Калке, писали, что аланы и ясы русских летописей – это различные народы [295а, с. 659].

Однако, настаивая на своем отождествлении, Ю. С. Гаглойти ссылается на сообщение летописи от 1318 г. об убийстве Михаила Тверского в городе Демякове, расположенном «на реке Севенце, минуя все горы Ясьские и Черкасские» [243, с. 160]. Ученые поломали немало копий, локализуя город Демяков и горы Ясские и Черкасские. Но Вахушти дает довольно однозначный ответ о месте нахождения Черкасских гор, называя их на грузинский манер – Черкезис-мта, т. е. Черкесские горы. Эти горы находятся на границе Басиани и Кабарды, а значит западнее Терека. Поскольку «Ясские горы» названы перед «Черкасскими», можно предполагать, что под Ясскими горами летопись имела в виду горы Западного Предкавказья.

Разбирая летописные сведения о браках русских князей с грузинками, асынями, академик П. Бутков пишет: «В 35 верстах от Железных врат Дариела, в урочище Гускадине при реке Фаяге, верстах в 20 выше впадения ея в Терек... заметны знаки бывшего города. Он назывался Хун-Худаг*. Нашим же летописцам известен был под именем Дадако, Демяково, Тетякова» [56, примеч. 26]. В этом местном названии города нетрудно прочесть тюркское слово *даг* – «гора» и этноним *хунну*. А поскольку город

* П. Бутков отмечает, что в этом термине он преднамеренно заменил одну букву в первом слове.

находился на реке, «минуя все горы Ясьские и Черкасьские», то нельзя ли предположить, что *Хунхудаг* (горы хуннов) и есть «Ясьские горы», тем более, что овсов (асов) Вахушти помещает в горах западнее Терека и определяет их границы с Кабардой горой Черкезис-мта. Сюда же надо добавить, что, по мнению венгерского ученого Е. Зичи, осы, асы, ясы – это гуннские племена [56].

Относительно термина *дедяков* стоит вспомнить сообщение Захария Ритора о том, что «из пределов *даду* живут в горах...», и замечание В. Ф. Миллера, что в названии *дедяков* имеется осетинское слово *кау* – «село» [179, с. 68–70; 245, с. 165]. Из этих сведений можно предположить, что название этого города было «*Даду-кау*», т. е. «село *Даду*», или «страна *Даду*», «область *Даду*». В Чегемском ущелье Кабардино-Балкарии есть обширнейший горный массив под названием *Даду-Аллы*, что означает «Пределы *Даду*».

АСЫ, АЛАНЫ И ДИГОРЫ В СВЕТЕ БАЛКАРО-ДИГОРО-КАРАЧАЕВСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

...По существу, исторический процесс непрерывен, и всякий разрез производится по живому месту, один «рукой опытного хирурга», другой «топором мясника».

М. Н. Петров

Балкарцы и дигорцы издавна занимают два непосредственно соседствующих ущелья Центрального Кавказа по верховьям рек Черек и Урух. Балкарцы называют своих соседей – *дюгер*, а те именуют балкарцев – *асы*, *ассиаг*, а Карачай зовут – *Стур-Ассиаг*, т. е. Большой Ассиаг [79, с. 98].

Чтобы одновременно называть эти соседствующие народы, необходимо было прибегать к форме «ас-дигор» по типу таких этнопонимов, как холамо-безенгийцы, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия и т. п. Недаром же балкарцы, чтобы подчеркнуть родство с дигорцами, говорят: «Малкъар басиаты, дюгер бадинаты» – «Балкарские басиаты и дигорские бадинаты».

В этой связи вспоминается «Армянская география» VII в., в которой со ссылкой на автора II в. – знаменитого географа античности Птолемея – говорится: «Народы в Сарматии распределены следующим образом, **начиная с запада и направляясь к востоку**. Во-первых, 15) народ Агван [не Албан], 16) Аштигор на юге. С ними вместе живут 17) Хебуры, 18) Кутеты, 19) Аргвелы, 20) Мардуйлы и 21) Такуйры. **За 22) Дигорами**, в области Ардоз Кавказских гор, живут 23) Аланы, откуда течет река Армна, которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем.

В тех же горах за Ардозцами живут 24) Дачаны, 25) Цехойки, 27) Пурки, 28) Цанарки [Цанары], в земле которых находятся ворота Аланские и еще другие ворота Кцекан [Цекан], название по именам народа» [231, с. 28–30].

В этом отрывке важно то, что перечень народов идет с запада на восток Сарматии, т. е. Южно-Русских степей, и начинается с известных тюркских племен – хазар и басилов.

Исследователи давно видят в термине *Аштигор* смешанный народ, название которого состоит из двух этнонимов: *аш* (*ас*) и *тигор* (*дигор*). Об этом говорит и сам автор географии, который в следующей фразе отметил просто: «за Дигорами», т. е. без этнонима *аш*. Это дает нам право полагать, что автор под этнонимом *аштигор* имел в виду два тесно соседствующих народа, а когда нужно было определить границы аланов, он указывает, двигаясь с запада на восток, одних дигоров как исходный ориентир. Такая конкретизация земель свидетельствует о том, что автор размещал сперва племя аш или ас, затем дигоров, а за ними, в области Ардоз, аланов. Вероятно, близкое соседство, а может, и языковая близость асов и дигоров были причиной тому, что он вначале назвал их смешанным этнонимом – *Аштигор*. По мнению многих авторов, в т. ч. и самого К. Патканова, область Ардоз, где живут аланы или ардозцы, представляет одну из центрально-кавказских областей, которую В. Ф. Миллер отождествил с Владикавказской равниной [179, с. 107].

В капитальном труде В. И. Абаева [2] термин *Ардоз* не поддается этимологии с ирано-осетинского, в котором *ар* означает «находить», «рождать», а *ард/арт* является «культовым термином», «божеством» или означает «огонь». Слово *доз/тоз*, *тюз* бытует только у дигорцев в значении «равнина», как и у балкаро-карачаевцев и других тюркских народов, у которых *Ардоз/Артюз* означает «Срединная равнина».

Такая локализация аланов точно совпадает с территорией восточного варианта археологической культуры собственно аланов в бассейне Терека. Подтверждением этого соответствия являются слова автора географии о том, что вместе с дигорами живут кутеты, такуйры и двалы, в которых можно распознать подразделения осетин – тагаур, куртати и двал. В том случае, когда могла возникнуть возможность перепутать народы (как агван и албан), автор непременно отмечает, что это разные народы. То же самое он делает при повествовании о четырех болгарских подразделениях: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор-Блкар и Чдар-Болкар, отмечая, что эти этнонимы неизвестны Птолемею, тогда как о базилах, хазарах, аланах и асах такой оговорки нет [193, с. 140–143]. Относительно народа агван (не албан), о котором говорится сразу после упоминания базилов и хазар, можно высказать предположение, что они из древнетюркского племени адван, из того же древнего рода Дулатов, что и болгары, имевшие свою родовую тамгу, исходящую из общей тамги Дуло. Адваны сохранились в среде алтайских кыргызов [36, с. 286, 352]. Но большой интерес представляют этнонимы *ас* и *дигор*, которыми дигорцы и балкарцы называют друг друга. Племя асов (аттасии) Страбон называет среди кочевых наро-

дов на реке Яксарт (Сырдарья), именующихся общим именем – *скифы*. Наряду с Яксартом Страбон помещает *ассиев* и в Иркании (у Каспийского моря. – *И. М.*). Этих асов исследователи отождествляют со средневековыми асами Северного Кавказа. Уместно отметить, что на Яксарте в 50-х гг. I в., т. е. во времена Страбона, сложился мощный союз гуннских племен, объединенных в государственное образование *чи-чи* [92, с. 33, 119; 134, с. 123; 169, с. 122, 172, 175; 271, с. 483]. В контексте нашей темы очень важно, что Страбон рядом с асами (ассиаками) на Яксарте размещает и племя пасиан, потому что этнонимы *ассиак* и *пасиан* в форме *ассиаг* и *басиан* дигорцы и грузины сохранили за названием балкарцев. Недавно С. Я. Байчоров высказал вполне реальное предположение, что древнеболгарский этноним *Эсегэль* тождествен осетинскому *Ассиаг* с добавлением древнетюркского слова *эль* [49, с. 53; 50, с. 133–136].

Таким образом, имя подразделения болгар – *эсегэль*, упомянутое Ибн Рустэ и Гардизи, очень близко термину *ассиаг-эль* (*эсе-гель*), что означает «народ ас» или «племя ас». В связи с этим нельзя не вспомнить, что еще в надписи на памятнике Кюль-Тегину (732) среди гаогюйских тюрков упоминается племя *исгиль*, а в среде западных тюрков рода нушиби было подразделение *асиги*, весьма близкое дигорскому названию балкарцев [36, с. 296–298; 38, с. 121; 306, с. 22].

Плиний (79) помещает часть асиев (ассиак) в Кавказских горах рядом с исседонами и гипперборейцами, а часть в устье реки Дунай [169, с. 172]. По сообщению Страбона, река Истр на языке варваров называется Матоас, что означает «мутный» [271, с. 314, 817]. Здесь можно указать, что «мутный» на карачаево-балкарском языке звучит *мотхос*. Вполне возможно, что к этим словам восходит и название Меотис (Азовское море), получившее последнее свое имя от этнонима *ас*. Заслуживает внимания и следующее сообщение Страбона о том, что фракийцы делятся на 22 народности, но наибольшей известностью пользуются среди них асты, обитающие у Меотийского озера. В области астов, продолжает Страбон, в их водах водится огромное количество рыбы паломиды [271, с. 292, 816]. Это определение области при помощи рыбных богатств полностью совпадает с подобной же характеристикой устьев Кубани и земли болгар Никифором и Феофаном (IX в.), отмечавшими наличие здесь особой болгарской рыбы – ксис [166, с. 262]. Такую же характеристику устью Дона и Азовского моря дают путешественники XIII в. Рубрук писал, что купцы и корабли из Константинополя часто заходят сюда, «чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в беспредельном количестве» [12, с. 35]. Об обилии рыбы в этих районах, особенно осетров, говорит со ссылкой на Страбона и автор XV в. Г. Интериано [12, с. 51]. Все это вместе заставляет вспомнить скифское название Азовского моря – Карбалык. Но в сообщении Страбона привлекает внимание этноним *асты*, являющийся составной частью термина *аштигор* (*астигор*). В этих этнонимах явно читается персидское слово *аст*, т. е. «восемь». Отсюда этноним *астигор* можно трактовать и как *аст-тигор*, *аст-угор*, *аст-агур* или *аст-гур*. Все эти

этнонимы означают: «восемь тигоров», «восемь угоров», «восемь агуров», «восемь гуров». Одним словом, они свидетельствуют о тюркском происхождении этнонима с возможными разночтениями. В этом случае уместно напомнить, что еще Махмуд Кашгарский и Рашид ад-Дин среди огузов называли тюркское племя *дигур* (тигор) [112, с. 84–85; 113, с. 34]. А слово *гур* на монгольском языке, с помощью которого оформлены тюркские этнонимы, но заключению В. В. Радлова, В. В. Бартольда, Н. А. Аристова и других, означает «народ» [37, с. 269], как в этнонимах: *сары-гур*, *он-гур*, *уй-гур*, *кутур-гур*, *ути-гур* и др. В этом же ряду стоит и этноним *дигур* или *тигур*. Имея в виду, что в тюркских этнонимах сплошь и рядом встречаются числовые обозначения количества племен, входящих в их состав, типа: *тогуз-огуз* (9 огузов), *отуз-татар* (30 татар), *уч-ок* (3 племени) и т. п., нашу трактовку этнонима *астигор* можно признать приемлемой, если добавить, что печенеги, представители огузских племен, по словам Константина Багрянородного, составляли объединение **восьми родоплеменных групп** [142, с. 140]. С этими предположениями согласуется и тот факт, что известный военный деятель прошлого века И. Ф. Бларамберг, получив ответственнейшее задание составить по всем имевшимся тогда свидетельствам сводное описание народов Кавказа, приводит слова Константина Багрянородного о том, что «в 833 г. во время внутренних волнений среди хазар три их племени, под именем *кабары* или *кавары*, будучи побеждены своими соплеменниками, укрылись у маджар, или угров, и **создали под именем *кавары* восьмое угорское племя, принесли с собой хазарский язык...**» [12, с. 407]. Не они ли «восьмой народ» – *аст* + *угор*?

Не обратив внимания на отмеченные факты, В. И. Абаев предпринял попытку сопоставить этноним *дигор* с этнонимом *адыг*, предположив в них одинаковый корень *дыг* [3, с. 380]. Однако много ездивший в составе лингвистической экспедиции по Балкарии и Карачаю Абаев при этимологии этого термина не обратил внимания на то, что слово *дигор*, если уж исходить из его корня, с таким же успехом можно было сопоставить с тюркским словом *дагэр*, состоящим из *даг* – «гора» и *эр* – «человек», равнозначным термину «горный человек», или «горец». Не потому ли дигорцы называли свои земли «страной гор» [269, с. XIV]. Кроме того, нельзя не вспомнить и болгарское племя утигор, оставшееся в Предкавказье после распада державы Кубрата и подчинившееся хазарам. Именно в связи с ними называли дигоров *утигорами* исследователи прошлого века, а, по словам Я. Рейнеггса, дигоры говорили «на одном из самых старых тюркских наречий» [228, с. 102, 106, 107, 111]. Не лишено смысла и сопоставление этнонима *дигор* и *тигор* с тугарами русских летописей.

Крупнейший специалист по истории тюрко-хазарских племен М. И. Артамонов пишет, что этноним *утигор* означает «малые угры» [32, с. 66, 87]. В связи с этим хотелось бы сказать, что слово *ути* (*учи*) с балкар-карачаевского переводится не как «малый», а как «край», «конец», и поэтому можно предположить, что этот этноним мог означать «крайний народ». А разве утигоры не были крайним народом тюрко-болгар, затертым в ущелья Кавказа после распада кубанской Болгарии? В поисках места житель-

ства они вынуждены были двинуться к перевалам через Кавказ, и прежде всего к Дарьялу и Клухору. Такое окраинное положение их в среде тюркского мира всего Юго-Востока Европы могло породить этноним – «крайний народ», или Астигор, т. е. «восьмой народ Хазарии».

Вполне возможно и другое объяснение. На многих тюркских языках название *утигор* – «малый народ» могло переименоваться и на *азтигор*, т. е. «малые тигоры (угоры, агурь)», так как слово *аз* означает «малый», «мало» [272].

Исследователи, пытающиеся превратить в аксиому тождество асов, аланов и дигоров, должны иметь в виду перечисленные варианты этимологии этих слов, учитывая факт сохранения этнонима *ас* в родоплеменных названиях казахов, киргизов, ногайцев, башкир, и помнить сведения о тигорах и тюркском языке асов.

В X в. Ибн Даста, описывая народы, населявшие горы на южной окраине Хазарии, называет в горах племена *тулас* и *лугар* [306, с. 16]. В. А. Кузнецов уже отмечал, что этноним *тулас* очень близок географическому самоназванию балкарцев *таулу* + *ас*, что означает «горный ас», или просто «горец» [134, с. 73]. В том же X в. Ибн Рустэ говорил, что аланы делятся на 4 колена, «а почет и власть среди них принадлежит племени *дахсас*» (дагсас) [127, с. 51]. Здесь без труда видно тождество этнонимов *тулас* и *дагсас*, состоящих из слов *тау*, *даг*, т. е. «гора» и «ас». Таким образом, эти этнонимы означают понятие «горный ас». Но почему-то осетиноведы считают, что В. Ф. Минорский «правильно подметил и исправил «дугсас» на «руксас» и прочел этот этноним с осетинского как «рухсас», т. е. «белый ас» [134, с. 126]. Не было у него и достаточных оснований читать этноним *ас* через какую-то промежуточную форму как *арс*. И столь же очевидно, что это делается для того, чтобы во что бы то ни стало доказать недоказуемое, а именно, что *аорсы* одно и то же, что *ас* [134, с. 123]. Если уж возводить этот этноним к *арс*, то надо бы отметить, что еще Садреддин Димашки именвал одно из половецких племен этнонимом *арс* [32, с. 407].

Наличие горных асов (дагсас) косвенно свидетельствует о том, что были и равнинные асы, иначе не было необходимости для появления эпитета «горный». И такой этноним зафиксирован китайскими источниками I и XIV вв.: «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя... **Обыкновения и одеяния народов сходны с кангюйскими** [55, с. 229]. На карте XIV в. (1369) китайские авторы отмечают, что область Виент-чай, или Иент-сай, именуется *Алан-Асы* [253, с. 65, 71]. Вот уже около 140 лет эта никем основательно не проанализированная фраза используется для отождествления асов и аланов, имя которых исследователи будто бы узрели в слове **аланья**. Однако фраза нуждается в серьезном разборе, прежде чем стать аксиомой. Начнем с того, что она исходит из уст авторов «Истории младшей династии Хань», заканчивающейся 22-м г. н. э., и рукописной карты XIV в. По утверждению Иакинфа (Н. Я. Бичурина), «сведения эти собраны китайским правительством и не оставляют ни малейшего сомнения в их достоверности» [229, с. 6].

Итак, что такое область Янь-цай (Янь-цай, Виент-чай, Иент-сай)? Те же источники уточняют: «От Кангюя на северо-запад через 2 тыс. ли нахо-

дится владение Яньцай, которое может выставить более ста тысяч войска и в обыкновениях сходствует с Кангюем. Оно принадлежит к Великому озеру (Каспийскому морю)... Яньцай – есть название народа, кочевавшего на северо-восточных и восточных берегах Каспийского моря» [229, с. 26]. Поскольку нашим ориентиром служит Кангюй, то отметим, что «россияне зовут ее Киргиз-Кайсаками. При династии Хань назывались Кангюй». Многие известные тюркологи и историки единодушны и том, что кангюйцы – это масса тюркских племен, тождественная канглы, печенегам и кипчакам [55, с. 229; 36, с. 278–280; 90, с. 23–24]. Еще за 130 лет до н. э. китайский посол Чжань Цянь писал, что «восточная часть кангюйцев признавала над собой власть хуннов». Крупнейший знаток истории тюркских племен Н. А. Аристов пишет, что, «вероятно, это были кипчакские роды, обитавшие к западу от Тарбагатая, на северо-востоке и севере от собственно канглов... Удалившиеся в конце I в. н. э. от пределов Китая в Кангюй, северные хунны провели два с половиной века, отделявших их от времен появления в Европе, в земле кипчаков». Имя кипчаков впервые начинает фигурировать уже в V в. до н. э. в Западной Монголии, а в конце III в. до н. э. они покоряются хуннам [36, с. 309; 94, с. 55–57; 90, с. 213, 268]. Кроме того, тот же Чжань Цянь отмечал на среднем течении Сырдарьи многочисленный народ (120 тыс. семей) под названием *кангюй*, принадлежавший к племени канглы, остатки которого обитали в тех же краях еще в XIX в. [36, с. 192]. Таким образом, становится очевидным, что племя кангюй, с которым «во всем сходствовали яньцаи», было тюркским народом, подвластным гуннам и сродни кипчакам и канглы.

Китайские источники продолжают уточнять, что «Кангюй, кочевое владение, в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами, признает власть юечжысцев и хуннов» [55, с. 150], а юечжысцы, по тем же источникам, «совершенно сходствуют с хуннами» [55, с. 151]. Таким образом, **народы янь-цай, кангюй, юечжы и хунны, по сведениям китайских документов, во всем сходствуют между собой**, а их земли находились в непосредственной смежности друг с другом: Кангюй занимал степи от Сырдарьи к северу, Янь-цай – к северо-западу от Кангюя, а Юечжы – степи между Сырдарьей и Амударьей [55, с. 152]. Новейшие исследования показали, что область Кангюй занимала земли Каракалпакии, Узбекистана, Юго-Западного Казахстана [286, с. 21–22] и тождественна с Хорезмским царством. Вряд ли сейчас можно оспаривать тюркоязычность племени кангюй/канглы [366, с. 34 и сл.].

Обратимся к термину *янь-цай*. В китайских источниках под областью Янь подразумевались, вероятно, земли финно-угорских племен, лежащие на северо-западе от Кангюя: «Владение Янь лежит от Яньцай на север; состоит в зависимости от Кангюя, которому податъ платят кожами зверьков мышиной породы» [55, с. 229]. Само слово *янь* на алтайском языке означает «большой» и весьма распространено в топонимике Горного Алтая. Достаточно сказать, что здесь имеется 37 топонимических названий – равнин, полян, ложбин, гор, рек, урочищ, озер и много других с приставкой

и эпитетом *янь* в значении «большой» [201, с. 169 и сл.]. Вторая часть указанного термина *цай* – не что иное, как общеизвестное тюркское слово *чай, сай, цай* – «река» [317, с. 224]. Следовательно, область *янь-цай* китайских источников означает в буквальном смысле «большая река». Разве это понятие не подходит к Сырдарье (Яксарту) или, применительно к землям финно-угорских племен, к огромным водным системам Волги – Урала?

Слово *алан*, будто бы тождественное *аланья*, некоторые ученые возводят к авестийскому *арриан*, к индоевропейскому *олень* [2, с. 246; 134, с. 123, 126], хотя Аммиан Марцеллин, основной источник о европейских аланах, писал, что свое имя аланы берут от названия горы на Алтае [170, с. 339]. Это пояснение вполне соответствует действительности, так как на тюркском языке горцев-алтайцев, а также на татарском, турецком и других тюркских языках слово *алан* означает: «долина», «поляна», «прогалина», «лужайка», «поляна среди лесов» и пр. Именно так характеризовал этот термин и Н. Г. Чернышевский, долго занимавшийся татарской топонимикой [86, с. 93–102; 201, с. 17–18; 239, с. 255; 258, с. 13; 291, с. 26; 284, с. 44]. Среди алтайцев даже существует родоплеменная группа, именуемая *аландан келген*, т. е. «пришедшие с равнины», получившие свое название потому, что их предки некогда переселились в горы с плоскостных районов предгорий Алтая.

Мы уже отмечали, что слово *ас* – это древнетюркский этноним легендарных потомков волчицы. На многих тюркских языках оно означает: «гора, имеющая перевал», «горный перевал», «переваливать через гору», «гора», «возвышенность» [272]. Как древнетюркский этноним, он неоднократно отмечается в Орхоно-Енисейских надписях VIII в. Покинувшие свое отечество – горы – и переселившиеся на равнину именуется *аланья-ас*, т. е. «равнинный ас». Оставшиеся на земле отцов – в горах – назывались *дагсас*, т. е. «горный ас». Оставшиеся на родине отцов всегда пользуются большим почетом и уважением. Вот откуда, на наш взгляд, у аланов почет и власть у племени дагас.

Этноним *асян* состоит из двух тюркских слов: упомянутого *ас* и *ян*, что означает «сторона», «душа». Отсюда термин *асян* можно перевести как «народ со стороны гор», либо «душа горного перевала». Оба понятия близки термину «горец» или «горцы». Из сказанного вытекает, что существовали два тюркских этнонима: *алан* в значении «равнинник» или «степняк» и *ас* в значении «горец». Письменные источники говорят о том, что существовали асы-горцы (дагсас) и асы степные [90, с. 299]. Теперь становится понятным, что китайские источники отметили извечное стремление горцев на равнину и необычность переселения их в долины: область Янь-цай (т. е. область Большой реки) переименована в Аланья-Ас (т. е. в долину горцев). Именно поэтому, вероятно, появляются в VI в. так называемые «степные азы» среди множества тюркских племен Азии.

Суммируя все изложенное, приходим к естественному выводу, что китайская фраза никакого отношения к аланам европейских источников не имеет, она еще и не фиксирует этнонима *алан*, а говорит о географическом

понятии: *аланья* – «долина». Этнонимом это географическое понятие стало, по-видимому, позднее, таким же образом, как от термина *ас* появился этноним *асы*, от термина *тау* – «гора» – этноним *таулу* – «горцы», от «поле» – половцы и т. п. Следовательно, этнонимы *алан* и *асы* определяют два народа – степняков и горцев. На языке алано-осетин, как отмечалось, эти термины не имеют никакого смысла.

Но если слова *алан*, *ас* и *ос* не находят надежной этимологии на ирано-осетинском, грузинском и других соседних языках, а являются тюркскими этнонимами и имеют вполне достоверную этимологию, бытующую в тюркоязычной среде, если *асы* – это распространенное до сих пор среди тюркских народов родоплеменное имя, а письменные источники прямо называют асов народом тюркской расы, а их язык «яко от печеженска рода родиси» – «смешанный из хорезмийского и печенежского»; если асская девушка родом *бе-бо* – «болгарка» и, наконец, если именем *асы* осетины называют балкарцев, тогда на чем же все-таки базируется ставшая популярной аксиома о тождестве аланов и асов? Вопреки сведениям многих восточных авторов и документов XIII–XIV вв.: Хамдаллаха Казвини, Бедреддина Элайна, Бейбарса, Эннувейри, Эль-Омари, Шереф ад-Дина Йезиди, Низам ад-Дина Шами, Абульфеды, аль-Бируни и др., четко различавших аланов и асов [278, с. 2–39, 91, 181, 503; 134, с. 126], есть два сообщения европейских путешественников XIII в. – монахов Г. Рубрука и П. Карпини и автора XV в. Иосафата Барбаро.

Из сведений этих авторов исследователи, начиная с Ю. Клапрота, берут лишь следующую фразу Рубрука: «К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, Черкесы и Аланы, или Аас... Накануне Пятидесятницы пришли к нам **некие Аланы, которые именуются там Аас**» [238, с. 106]. Если вникнуть в суть сообщаемого, то нетрудно увидеть, что автор как раз говорит о том, что аланы и асы – разные народы. Само слово «некие» свидетельствует, что знания его об аланах весьма скудные, да вдобавок эти «некие» называются там, на местах, асами. Эти слова подчеркивают, что термин *аланы* у него употреблен в собирательном, политическом смысле: «некие аланы, которые именуются там Аас». Разве эта фраза не похожа на сведения русских документов XVI–XVII вв. «о неких черкесах», которые на деле почти всегда оказывались чеченцами, ингушами, осетинами и др. Еще более шатки для такого отождествления весьма примитивные знания географии и народов Восточной Европы другого путешественника – Плано Карпини, который, перечисляя народы, покоренные монголами, пишет: «Аланы, или ассы, обезы, или георгианы... малая Индия, или Эфиопия» [238, с. 57]. Эти авторы путали даже черкесов с киргизами [238, с. 57, 226]. Если авторы путают грузин и абазин или абхазов, Индию и Эфиопию, черкесов и киргизов, то где гарантия, что они четко отличали аланов и асов? Такой гарантии нет. А легко поверившие в слова путешественников должны вслед за тождеством аланов и асов признать и все другие невероятные отождествления. Ничего утешительного не дают и слова Иосафата Барбаро, на которого часто любят ссылаться ученые, отождествляющие эти племена.

И. Барбаро писал: «Название *Алания* произошло от народа *аланы*, которые на их языке **называются Ас**» [228, с. 33]. Примечательно, что исследователи не обратили внимания на то, что фраза Иосафата, при внимательном чтении, как раз говорит не в их пользу, а против них. Во-первых, очевидно, что термин *алан* он также употребляет в собирательном значении: «аланы, называющие себя Ас», т. е. речь идет о народе, именуемом себя асами, но в широких кругах известном как аланы. Во-вторых, речь идет о народе, «который на их языке (т. е. на языке аланов. – И. М.) называется «Ас». А ведь асами на языке осетин (т. е. аланов) называются именно балкарцы!

Вот и все доводы в пользу отождествления аланов и асов, которыми так прямолинейно и безоговорочно пользуются исследователи, легко поверившие в незабываемый авторитет Ю. Клапрота в тогдашней науке. Для полной ясности рассмотрим более детально и другие аргументы Клапрота:

1. Продолжим уже упоминавшуюся цитату из работы Клапрота: «У Диодора Сицилийского упоминается, что скифы переселили одну колонию индийцев в Сарматию... У Плиния мы находим упоминание о потомках мидийцев и сарматов на Танаисе. Птолемей сообщает, что в устье этой реки живет народ **осилы**... эта мидийская колония **является, по-видимому, той, которая, согласно данным грузинских хроник, была образована жителями Картель–Сомхети, приведенными сюда хазарами. Современные осетины происходят от этой колонии... Поскольку осетины утверждают, что они пришли с Дона, то вполне вероятно, что они являются этими мидийскими сарматами древности; незнакомые слова в их языке, вероятно, являются сарматскими**» (?!).

2. «По-осетински *дон* означает «вода» или «река», и **этот сарматский корень** мы до сих пор находим во многих названиях рек Восточной Европы, например: Дон, Данаприс, Днепр, Данастр (Днестр), Дуна, Дунай и др.»

3. Слова Рубрука, Карпини и Барбаро он считает бесспорными.

4. Константин Порфирородный, писавший около 948 г. н. э., говорит следующее: «В 18–20 милях от Таматарха находится речка под названием Укрух, которая отделяет Зихию от Таматарха... Зихия тянется на 300 миль от Укруха до Никопсиса, на котором построен город под таким же названием... За Зихией находится Папагия, за Папагией – Казахия, за Казахией – Кавказский хребет, а за Кавказом – страна аланов».

Комментируя эти слова, Клапрот заключает, что на территории современной Осетии в X в. жили аланы [228, с. 108–111, 175–179].

Аланы, конечно, жили в X в. на территории современной Осетии, но доказательством тому вовсе не являются приведенные Клапротом слова. Однако посмотрим, насколько эти утверждения ученого соответствуют действительности.

1. Сарматия занимала огромную территорию от Балкан до Алтая. Европейская ее часть простиралась до Дона (Танаиса), азиатская – на восток от нее. Куда именно были переселены те мидийцы, уточнить никто не может. А вот Юстиниан, как отмечалось, довольно определенно различал язык мидийцев и скифов.

2. Сообщение Плиния о том, что на Танаисе жили потомки мидийцев и сарматов, ничего не говорит об осетинах и о тождестве мидийцев и сарматов. Наоборот, он перечисляет различные народы – «потомков мидийцев и сарматов», как если бы мы сказали: «На Волге живут потомки русских и татар». Разве такая фраза может свидетельствовать о тождестве народов.

3. Что касается этнонима *осилы*, то это более всего подходит к этнониму *басилы*, известному Птолемею, нежели к этнониму *осетины*, введенному в науку грузинскими историками спустя более 1500 лет после Птолемея [34, с. 37]. Больше того, этот этноним можно понять и как *асиль* в значении «народ ас» (*ас-эль*).

4. Утверждение осетин, что они будто бы пришли с Дона, не может быть научным аргументом, так как многие народы – адыги, балкарцы, карачаевцы, дигорцы и др. – выводят своих предков из Египта, Аравии, Крыма и т. п. Но это далеко не научные факты.

5. Повисает в воздухе и предположение Клапрота о том, что незнакомые слова осетинского языка являются сарматскими. Почему же они должны быть именно сарматскими, а не иными?

6. То, что *дон* по-осетински значит «река», вовсе еще не означает, что это сарматский корень. Топогидронимов с корнем *дон* великое множество по всему свету, тем более что тот же Плиний писал: «Самый Танаид (т. е. тот самый Дон. – И. М.) скифы зовут Сином, а Меотийское озеро – Темарундой, что значит на их языке «мать моря». Значит, скифы не называли Дон осетинским термином [169, с. 180].

Надо учитывать, что многие гидротопонимы образованы с помощью тюркского словообразовательного суффикса *дан*, указывающего «откуда», как в терминах: *суу-дан* – «из воды», *тау-дан* – «из гор», *кар-дан* – «из снега» и т. п. Опрямительно пытаться объяснять из осетинского языка такие топонимы, как *мага-дан* или киргизский топоним *керки-дон* и т. д.

7. Рубрук и Плано Карпини говорят, что аланы не пьют кумыс и всячески избегают его, а это противоречит мнению, будто бы аланы были потомками скифов – традиционных доителей кобылиц.

8. О несостоятельности ссылок на пленных из Картель-Сомхети и слова путешественников Рубрука, Карпини, Барбаро мы уже говорили.

9. В своих суждениях Клапрот не совсем последователен. Он писал, что «эти ассы являются или самими осетинами или жившими в их стране (Алании) татарскими племенами балкар и чегем, которых и теперь осетины называют ассами» [228, с. 110]. Совершенно выбивают почву из-под утверждений Клапрота и его последователей сведения того же Рубрука, что монголы называли половцев термином *ак-ас*, т. е. «белый ас» [56, отд. 1], а ведь очень хорошо известно, как четко различали монголы аланов и кипчаков, когда столкнулись с их объединенными силами на Северном Кавказе в 1222 г., т. е. во времена того же Рубрука и Карпини.

10. Сообщение Константина Порфирородного, писавшего в 948 г. [142, с. 153], Клапрот прямолинейно перенес на этническую карту своего времени, запамятавав, что в X в. на Центральном Кавказе Кабарды еще не

было. Стало быть, и территория аланов находилась значительно западнее от современной Кабарды и Осетии.

Надо полагать, что нетрудно сделать вывод о научной состоятельности суждений Клапрота. Коль скоро был упомянут Константин Порфирородный, надо бы сказать и о том, что он отдельно называет земли аланов и асов: «асы южнее аланов, которые граничат с Хазарией» и помещаются у Дарьяльского прохода, там, где их размещал и Абульфеда в XIV в. [32, с. 356–359; 134, с. 123–128]. Вероятно, неспроста он применял к предводителям аланов термин «правитель», а к асам титул «архонт», т. е. князь [37, с. 601].

В итоге всего изложенного можно утверждать, что эти племена были совершенно различными. Ни письменные источники, ни слова путешественников, ни русские летописи не содержат фактов, могущих способствовать отождествлению столь разных народов. В то же время все исторические материалы свидетельствуют о том, что история и культура этих двух племен с самого начала были тесно переплетены, а их территории постоянно находились в смежности друг с другом, возможно, так же, как и территория балкарцев и дигорцев ныне. Все это, естественно, не могло не отразиться и на языке, и на культуре этих испокон века соседствующих народов.

Язык дигорцев и балкарцев Черекского ущелья сближает «цоканье». Исследования лингвистов свидетельствуют, что цокающий диалект осетинского (говор дигорцев. – *И. М.*) и карачаево-балкарского языков был характерен тюркским племенам и языку древних болгар Прикубанья [16; 24; 23; 48; 49; 50; 51], которые, несомненно, сыграли огромную роль в этнической истории дигорцев и балкарцев. В их языке В. Ф. Миллер насчитывал 11 лексических сходжений в топонимике, названии отдельных предметов [179], а В. И. Абаев довел их число до 200, и, везде отмечая эти сходжения, он никогда **не подчеркивает, что эти параллели обнаруживаются только на дигорском диалекте, а на иронском они не наблюдаются.** А такая оговорка чрезвычайно важна. Она в корне меняет существующую историческую интерпретацию этих сходжений. В. И. Абаев неоднократно отмечал, что язык дигорцев настолько отличается от языка осетин-иронцев, что наблюдаются расхождения даже в таких основополагающих элементах языка, как местоимения [5, с. 21]. По его словам, «в балкарском языке сохранился ряд старых осетинских слов (дигорских. – *И. М.*), которые в самом осетинском языке уже мало или вовсе не употребляются» [2, с. 283]. «Десятичный иранский счет настолько чужд современным осетинам, – пишет он, – что сохранившие его **кое-где дигорские пастухи категорически называют его «ассонимайма», т. е. балкарский счет**». Об этом писали еще Миллер и Гр. А. Дзагуров [179; 109]. В своей монографии «Осетины» Б. А. Калоев пишет: «Собранный нами в Балкарии во время экспедиции 1968 г. материал показывает, что до сих пор многие старики здесь хорошо знают десятичный иранский счет, которым широко пользуются также колхозные чабаны» [129, с. 33]. Следует обратить внимание, что этот счет «кое-где сохранили пастухи-дигорцы, а широко пользуются балкарские чабаны», осетинам-иронцам он вовсе не знаком.

Эти факты в свое время породили не совсем верное, как мне кажется, мнение, что балкарцы – это отуреченные осетины, что «на территории Балкарии жили прежде аланы-осетины, что балкарцами были усвоены осетинские мелодии, танцевальные ритмы, двенадцатиструнная осетинская арфа» и т. п. [129; 130].

Занимаясь расшифровкой Зеленчукской надписи, **которая читается только на дигорском диалекте осетинского языка**, Миллер писал: «Другое имя Бакатай – видимо, автор-резчик ошибся и не нанес букву «Р», **иначе придется допустить существование имени Бакатай у предков осетин, которого сейчас нет**» [181, с. 115]. Ничего удивительного нет в том, что надпись на плите читается на дигорском диалекте, потому что ашдигоры жили именно в тех районах, а имена, встречающиеся на плите, и сам текст, вопреки удивлению Миллера, легко читаются на тюркском языке даже не специалистами, а просто знающими греческий алфавит и тюркскую речь. И речь в этой надписи идет не о смерти какого-то мальчика, а о серьезном историческом назидании потомкам (см. следующий раздел).

Если Миллер усомнился в прочтении имени *Бакатай*, то как же объяснить его попытки толковать с ирано-осетинского имя скифского родоначальника *Таргитай*? Как быть со скифскими именами *Партутай*, *Атей*?

Все исследователи единодушны в том, что проникновение иранского языка и формирование осетинского народа проходило в два этапа: первый связан с сарматами III–IV вв., второй – с аланами IV–XIII вв. [2, с. 267; 5; 134, с. 71; 242]. По утверждению тех же ученых, балкарцы и карачаевцы на теперешней территории появились только в XIII–XIV вв. [2, с. 275; 6, с. 132–133; 134, с. 87; 129, с. 31]. В. И. Абаев, изучая балкаро-дигорские лексические схождения, приходит к выводу, что «осетинские элементы (дигорские, как есть на самом деле. – *И. М.*) в балкарском и карачаевском языках – не результат заимствований от современных осетин, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего во всех ущельях от Черка до Теберды». Суммировав эти выводы ученых, мы вправе задать вполне резонный вопрос: если балкарцы и карачаевцы на их теперешней территории до XIII–XIV вв. не жили, а после XIV в. никаких особых этнических перемещений в горных районах Центрального Кавказа не происходило, то как же они могли перенять, сохранить те староосетинские слова, которые даже у самих осетин вовсе не сохранились? Если эти слова были дигорскими, проникшими сюда вместе с сарматами в III–IV вв., то каким образом они попали в язык балкаро-карачаевцев, прибывших сюда ни мало ни много, а ровно 1000 лет спустя после сарматов?

Скорее всего, истоки этих схождений надо искать не в алано-тюркских, а в сармато-тюркских смешениях. А таковыми могли быть лишь сармато-гуннские смешения, происходившие во всех ущельях от Терека до Теберды. Это существенно меняет картину и время зарождения этих схождений. Во всяком случае, наличие на территории Дигории массы тюркских топонимов, наименование Дарьяльского ущелья в осетинской среде именем одного из гуннских племен – ущельем сабиров (Савири-ком), тюрк-

ская этимология Дарьяля как «узкая дорога», сообщения древних авторов (Плиния в I в.) о том, что у этого прохода стояла крепость «Кумания», отражающая древнетюркский этноним Ку-киши, или Куман, что на рубеже V–VI вв. Дарьяльским проходом владели гунны под предводительством Амбазука, свидетельствуют о том, что гунно-сарматские смешения были вполне реальным историческим фактом. Как отмечалось выше, исследователи давно установили факты постоянного прохождения гуннов через это ущелье в Закавказье и обратно, факты постоянного контроля со стороны гуннов всех подступов к этому проходу.

Археологические памятники являются материальным свидетельством тому, что на территории Дигории в VII–VIII вв. могли проживать тюркские племена. В совокупности с такими тюркскими памятниками, как могильник Кешене-аллы, Кишпекская гробница, Тамгацик и др. [52; 160], такие могильники Дигории, как Камунта, Галиат, содержащие элементы тюркской погребальной обрядности – сопровождение покойного тушей коня, деревянная утварь, деревянные седла, совершенно повторяющие подобные изделия из тюркских погребений Алтая VI–VIII вв., допускают такую постановку вопроса [80, с. 22–23, 85 и сл.]. А керамика дигорских могильников своими светло-охристыми тонами, нехарактерными для аланов Центрального Кавказа, ассоциируется с керамикой из памятников верховьев Кубани и Кавминвод, где расселились асы и дигорцы в раннем Средневековье [34, с. 31–32, 111–112, 114]. Архитектурно-археологические памятники Дигории, Балкарии и Карачая эпохи позднего Средневековья особенно хорошо проявляют их общность. В свое время по ряду существенных признаков архитектурного облика и погребального обряда надземные склепы этих областей были объединены нами в отдельный вариант склеповой культуры северокавказских народов [192]. Эти общие элементы в культуре и языке балкарцев и дигорцев не могли появиться спонтанно, после XIV в., а имели, безусловно, глубокие исторические корни, складывались на протяжении многих веков, начало чему, вероятно, было положено еще в период сармато-гуннских и алано-болгарских смешений.

Особенно интересные параллели у этих народов наблюдаются в их **фольклоре** и, в частности, этногенетических преданиях.

Балкарские и дигорские предания связывают происхождение своих народов с двумя братьями – Басиатом и Бадинатом. Вот как передавали это предание дигорцы по записи 1849 г.: «За 900 лет до настоящего времени выходец из нынешней Венгрии, по имени Бадыль, из племени аваров вместе с братом, оставив свое отечество, пришел на Кавказ. Брат Бадыля поселился в Балкарии, а сам он пошел вверх по Уруху и водворился в Дигории (горной стране); на месте своего водворения застал он 5 или 7 дворов, неизвестно когда там поселенных, дворы эти признали его своим главою, покровителем, предводителем, он же признал их своими узденями; по водворении своем он женился, избрав жену из племени карачаевского, фамилии Крым-Шамхалова; от этого брака (законного) было у него семь сыновей: Туган, Кубат, Каражай, Абисал, Кабан, Чегем, Бетуй. Потомки

этих семи фамилий образовали высшее сословие, названное от имени родоначальника *баделяты*. По смерти отца вышепоименованные семь сыновей разделились между собой... По именам этих сыновей происходят семь княжеских фамилий Дигории (вообще Осетии. – И. М.): Тугановы, Кубатиевы, Каражаевы, Абисаловы, Кабановы, Чегемовы и Битуевы» [269, с. 9, XIV].

Почти в тех же словах это предание существует и у балкарцев, оно было опубликовано в 1911 г. М. Абаевым [1, с. 586–627]. Высшее сословие балкарцев по имени Басиата именуется *басиатами*. При верховном басиате, именовавшемся *олий*, в Балкарии существовал народный суд, обозначенный древнетюркским термином *тёре*, т. е. «закон», «обычай» [37, с. 39]. На этом Тёре решались все важнейшие вопросы жизни народа, выносились решения, их оглашали специальные глашатаи – *бегеули*, находившиеся при верховном олии. На Балкарском Тёре в особо важных случаях собирались и дигорцы, и карачаевцы.

Примечательно, что по установившимся обычаям дигорцы постоянно заключали брачные союзы с балкарцами и «лишь в исключительных случаях баделяты-дигорцы выдавали своих дочерей за сыновей старшин других осетинских обществ, но и то только в случаях их физических или психических недостатков» [269, с. 20].

В связи с этими словами дигорцев прошлого века встает вопрос о правомерности именовать все средневековые архитектурные памятники Центрального Кавказа «зодчеством феодальной Алании», потому что феодальные отношения были достаточно развиты **только** в Дигории, а в остальных осетинских обществах не известно ни одного княжеского рода или семьи. Поэтому книга В. А. Кузнецова [135] более отвечала бы исторической действительности, если бы носила название «Зодчество феодальной Азии», так как она построена исключительно на памятниках Дигории, Балкарии и Карачая, где обитали асы, или овсы грузинских источников. Не потому ли Вахушти называл овсов этих областей наиболее почетными, имеющими помещиков и крепостных? Княжеские башни, мавзолеи, носящие имена своих владетелей, имеются только в этих областях. Именно на территории Дигории, Балкарии и Карачая имеется масса христианских церквей и храмов. И наоборот, на территории осетин-иронцев нет ни одного княжеского поименованного сооружения, ни одного христианского храма или церкви, кроме часовни у сел. Нузал.

Все эти факты привели Г. А. Кокиева к выводу о том, что в Дигории «одновременно с асами-дигорцами появились ногайцы и поселились в сел. Уалаг-кау, Стыр-Дигора и др.». Участие ногайцев в этногенезе дигорцев он объяснял некоторыми физическими чертами дигорцев, а также упомянутыми тюркскими фамилиями дигорских баделят [149, с. 19]. Мнение Кокиева заслуживает серьезного внимания, потому что ногайцы после распада Золотой Орды вряд ли могли расселиться в чужеродной для них среде ираноязычного народа, если бы там не обитали тюркоязычные народы, близкие им по языку. Безусловно, их притягивала туда память о далеком этническом и языковом родстве. О том, что в Дигории обитали тюр-

ко- и угрозязычные народы – мадьяры, писали К. Ган, Ж. Бессе. По словам последнего, «ни одна другая нация не похожа так на венгров, как карачаевцы и дигорцы» [12, с. 333; 228, с. 221].

Весь рассмотренный материал о балкаро-дигоро-карачаевских параллелях позволяет высказать предположение о том, что дигоры, очень близкие по своему этнониму с болгарами-утигорами и тождественные огузам-тигорам, попав в ущелья Центрального Кавказа, подверглись ассимиляции со стороны ираноязычных племен – предков иронцев. Такое вполне возможно, если учесть судьбу болгар, ушедших на Дунай и Волгу, где они также подверглись языковой и культурной ассимиляции, судьбу ассимилировавшихся горцев – двалов, тагауров, куртатинцев. В свете исторических материалов, проанализированных в этом разделе, перед исследователями, отождествляющими асов с осетинами, встает очень щекотливый вопрос: если асы – это осетины, то почему же они своим именем называют другой народ, своих соседей, – балкарцев и карачаевцев? Предвидя его, некоторые пытаются утверждать, что будто бы старое название – асы – сохранилось за новым народом, занявшим земли асов. Такие случаи вполне **возможны в письменных источниках или у соседних народов, не заметивших этнических перемещений в глубоких горных ущельях. Но ведь это делают не какие-то далекие письменные источники, не какие-то несведущие соседи, а сами осетины своими устами, своим именем называют другой народ.** Вот этот феномен вряд ли могут объяснить ученые, пытающиеся отождествлять асов с современными осетинами.

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Язык же ясеьский ведомо есть, яко от печенеженьска рода родиси...

Иосиф Флавий.

*Из древнерусского перевода
«Иудейской войны»*

Язык является одним из основных этнических признаков народа [44, с. 228–230; 139, с. 36; 189, с. 119]. Но он становится таковым после всестороннего изучения его морфологии, синтаксиса, словарного фонда, этапов развития, различных контактов с другими языками. К сожалению, историко-сравнительный анализ карачаево-балкарского языка еще не стал предметом специального изучения. Эта обширная и очень важная для всей тюркологии проблема еще ждет своего исследователя. Отдельные

попытки лингвистов пока еще далеки от решения этого вопроса главным образом потому, что язык зачастую рассматривается в отрыве от истории балкарского и карачаевского народов. Но тем не менее определенную лепту в разработку истории карачаево-балкарского языка вносят труды М. А. Хабичева, Х.-М. И. Хаджилаева, А. Ж. Будаева, А. М. Байрамкулова и др. [359; 360; 361; 362; 363].

Автор этих строк не может ставить перед собой задачу – дать ответ на вопросы, которые требуют специального изучения целой группы лингвистов-тюркологов. Но наша задача заключается в привлечении выводов лингвистов к данным письменных документов, археологии, этнографии и фольклора, что, несомненно, должно помочь дальнейшему раскрытию исследуемой темы.

История изучения тюркских племен и их языков имеет весьма печальные страницы, относящиеся к самому бурному этапу накопления источниковедческой базы по истории народов царской России, т. е. к середине XIX в. Тогда усиленно распространялась идея, будто бы тюрки – «низшие народы человечества, никогда не будут занимать высокого места во всемирной истории» [295, с. 714]. Подобное отношение оставило соответствующий след в историографии тюркских народов России. В числе тех, кто испытал влияние таких идей, был и академик В. Ф. Миллер, который видел в балкарцах и карачаевцах только «степняков-татар», ставших затем «горскими татарами». Он не мог допустить и мысли о том, чтобы эти степняки могли оказать какое-либо влияние на «благородных индоевропейцев» [46].

Определенную близость к подобному рода установкам обнаруживают порой и позиции некоторых современных исследователей. Массу тюркизмов в осетинском языке они объясняют не влиянием извечных соседей аланов-осетин – древнетюркских племен и тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, а ищут венгеро-алано-осетинские параллели, будто они могли когда-либо существовать без участия гуннов, болгар, сабиров, хазар, половцев, печенегов и, наконец, балкарцев и карачаевцев. И опять дигоро-венгерские схождения выдаются за общесетинские языковые параллели с венграми, тогда как в иронском диалекте они мало наблюдаются. Не вполне убедительно также мнение А. Дз. Цагаевой, считающей «позднейшими влияниями» более чем 150 тюркских топонимов Северной Осетии, в том числе такие древние этнонимы, как сабиры, басилы, басмалы, огузы и другие, имена которых исчезли со страниц истории еще в XI в. [308, с. 112, 147]. Все это вносит большую путаницу в историю изучения народов Северного Кавказа. А между тем еще в 1654 г. итальянский миссионер Арканджело Ламберти, путешествовавший по Кавказу, писал, что «язык их [карачаевцев] тюркский, но они так быстро говорят, что человек с трудом поймет их. Меня очень удивило, что карачаевцы среди стольких языков, на которых говорят окружающие их народы, могли так чисто сохранить тюркский язык» [172, с. 192]. В начале XX в. В. Преле также подчеркивал, что «самобытное в грамматическом и синтаксическом отношении тюркское наречие карачаевцев в чистоте сохранилось на сегодня» [241].

Большую самобытность карачаево-балкарского языка и его огромную роль для всей тюркологии выражают слова А. К. Боровкова: «Все более становится ясным то обстоятельство, что карачаево-балкарский язык – «мал золотник, да дорог», с точки зрения методологии изучения языка, в первую очередь языков турецкой системы». Эту принципиальную значимость карачаево-балкарского языка подчеркивал и Н. Я. Марр [46, с. 39]. Все это подтверждают новейшие исследования, в которых убедительно раскрывается сохранение в этом языке ведущих черт древнетюркского языка, очень слабо подверженного влиянию нетюркских [15, с. 251; 23, с. 8; 303, с. 213].

В карачаево-балкарском языке выделяются два диалекта с промежуточным говором [16; 24]. В основу диалектного членения лингвисты берут «цоканье» или «зоканье» в речи балкарцев Черекском ущелья и «чоканье» или «джоканье» в Чегемском и Баксанском ущельях Балкарии и в Карачае. Промежуточным говором считается речь холамо-безенгийцев, в котором встречается смесь и того и другого диалекта. В литературе предпринимались попытки объяснить «цоканье» и «зоканье» влиянием соседних дигорцев [2, с. 274], однако не учитывалось, что переход *дж* в *з* в балкаро-карачаевском языке, по утверждению тюркологов, – это прежде всего система, и она встречается во многих тюркских языках, никогда не соседствовавших с осетинами. Все современные звучания *з* в тюркских языках восходят к звучанию *д* и *дж*, где бы они ни встречались [23, с. 72–73, 90–93].

Известно, что в тюркских языках по признаку употребления в начале слова *дж* или *й* имеются две группы. Карачаево-балкарский относится к «джокающей» группе. Перед лингвистами стоял вопрос: какой из этих звуков изначальный? Ссылаясь на Орхоно-Енисейские надписи VIII в., где в основном употреблялся *й*, считали этот звук древней формой [46, с. 39]. Однако это мнение считается малообоснованным. Еще А. Н. Бернштам писал на основании данных византийских, армянских, арабских и персидских источников, что существовали «отличия в произношении (и написании) терминов из западного и восточного домов тюрков, отражающих йокающий (восточный) и джокающий (западный) диалекты тюркских языков» [51, с. 17–24]. Очень важно, что джокающий диалект был свойствен западным тюркам, к которым относились предки балкаро-карачаевцев [225]. А. М. Щербак вообще ставит под сомнение наличие в тюркских языках в древности звука *й*, отмечая, что в некоторых позиционных условиях он появился довольно поздно, либо в результате последовательного преобразования других языков, либо спонтанно [23, с. 80–94].

На все эти вопросы обратил серьезное внимание Ш. Х. Акбаев, который на огромном материале из различных тюркских языков и данных письменных источников VI–VII вв., где вместо *й* имеется *дж*, пришел к выводу, что звук *дж* является древнейшей формой в тюркских языках, из которого позднее вышли звуки *д*, *ж*, *з*, *с*, *й* и т. п. [23; 51]. О том, что карачаево-балкарский язык сохранил древнейшие черты тюркского языка, писал и большой специалист по карачаево-балкарскому языку А. К. Боровков. По его словам, в прошлом бесписьменный язык балкарцев и карачаевцев

«древнее» с точки зрения типологии древнеписьменных мертвых языков турецкой системы, о котором сохранились письменные памятники, изучение карачаево-балкарского языка явится ключом во многих случаях для исследования древнеписьменных языков» [46, с. 50–51]. Подтверждая свои слова, он ссылается на тот факт, что в памятнике Кюль-Тегину слово *эль* (*иль*) исследователи переводят в смысле «группа племен», «племенной союз», «государственное устройство», «самостоятельная государственная жизнь», «народ» и т. п. [51; 36, с. 283; 272; 90, с. 110; 184], а в карачаево-балкарской среде этот термин употребляется лишь в значении «село», и, таким образом, справедливо заключает он, не дошло до абстрагирования его до государственного устройства, союза, державы, системы и т. п. Живой язык карачаевцев и балкарцев, продолжает автор, древнее тюркских письменных языков, и его изучение даст ключ к пониманию самих памятников древнего письма [46, с. 50–51]. Этот вывод можно подтвердить рядом терминов Орхоно-Енисейских памятников. Например, упоминавшийся термин *тёре* в них употребляется в значении «обычай», «закон», «объединенная законом народная масса», а в карачаево-балкарском он не дошел до такого абстрагирования и «застрял» в своем древнем значении – «обычай». С позиций карачаево-балкарского языка можно предложить и объяснение древнетюркского титула *эльтебер*.

В. В. Бартольд пишет: «Томсен полагает, что этим словом обозначалось нечто вроде турецкого наместника... но нигде не говорится (в надписях. – И. М.), например, о назначении эльтебера каким-либо каганом; народ с эльтебером во главе (*эльтеберлиг будун*) только отличается, как менее значительный, от народа с каганом во главе» [37, с. 43].

Учитывая, что в древнетюркских языках и надписях слова *эль* и *будун* означают одно понятие – «народ» [37, с. 43–44, 327–328], можно прочесть фразу «эльтеберлиг будун», состоящую из слов *эль* – «народ» + *тебер* + *будун* – «народ», не как «народ с эльтебером во главе», а как «народ, сдвигающий села (страны)», что состоит из слов *эль* – «село» или «страна» + *тебер* – «сдвигай», «толкай» + *будун* – «народ». Далее Бартольд оспаривает чтение И. Марквартом термина *улус* как «народ» и в связи с этим говорит: «...слово «улус» в смысле «народ» в надписях не встречается, хотя встречается в старых турецких религиозных текстах; употребление его в данном случае тем менее вероятно, что тут же стоит слово «будун»; очень неправдоподобно, чтобы были поставлены вместе слова «улус» и «будун», имеющие приблизительно одно и то же значение» [37, с. 171, 309, 328, 627]. Также маловероятно употребление слов *эль* и *будун* в приведенной фразе «эльтеберлиг будун». Можно предположить, что широкоизвестный термин *улус* в значениях «страна», «область», «город», «селение», «ведомство» и т. д. [272, с. 592] восходит к балкаро-карачаевскому слову *юлюш*, т. е. «удел», «доля», «порция». В таком случае, можно разрешить спор Маркварта и Бартольда, так как текст надписи может гласить об уделе, доле народа – *будун улус* и переводится не как «народы (*улусы*) персов и бухарцев», а как «удел (*улус* –

юлюш) персов и бухарцев». Здесь к месту отметить, что Махмуд Кашгарский писал этот термин как *улуш*, очень близкое к *юлюш*.

В Орхонских надписях упоминается титул басмальского владетеля *идук кут*, что буквально означает «священное счастье» или «величие». Слово *кут* в турецком языке употребляется, когда речь идет о государстве, в смысле «европейского величества». Тот же самый титул в форме *идикут* носил уйгурский владетель в XIII в. [37, с. 113, 366]. В балкаро-карачаевской среде слово *кут* сохранилось в его первоначальном смысле – «счастье» и употребляется в термине *кутсуз* – «несчастный», «без счастья».

Интерес представляет и балкаро-карачаевская этимология термина *курултай*. По нашему мнению, этот термин восходит к слову *кура* – «создавай», «готовь», «строй» или к слову *курал* – «готовиться», «создаваться», «собираться». А ведь на курултаях создавались государственные объединения, органы административного и военного управления, строились различные государственные планы и т. п. В термине *курултай* к основе *курал* прибавлен упоминавшийся слог *тай*, подчеркивающий принадлежность к определенному государству или народу. Не потому ли у балкарцев и карацевцев термин «государство», «страна» обозначается словом *кыырал*.

В надписях встречается термин *хатун* в значении «госпожа», «царица». В таком же значении он употребляется у хазар [37, с. 43, 115, 140], а у балкарцев и карацевцев это слово опять же не дошло до уровня такого высокого социального титула и употребляется в его первоначальном значении – просто «женщина».

В текстах древних надписей встречается термин *юрт* в значениях «дом», «земля», «родина» [37, с. 133, 146]. В балкаро-карачаевском языке это слово звучит на древний манер – *джурт*, *журт* и в основном употребляется в значении «дом», «усадыба», а в сочетании *ата-журт* – в значении «отечество», «родина». Привлекает внимание слово *куль*, встречающееся в Орхонских письменах как титул хана – *Кюль-Тегин*. Встречается он и в титуле карлукских вельмож – *Кюль Иркин*. Махмуд Кашгарский переводил это слово как «озеро», и поэтому он, по словам Бартольда, «прибегает к крайне искусственному толкованию титула, который будто бы должен означать, что ум хана или вельможи так же обширен, как озеро. У Гардизи, – продолжает Бартольд, – титул *Кюль-Тегин* приводится в форме *Кюр-Тегин*; несомненно, что мы имеем здесь одно и то же слово с часто встречающимся колебанием между звуками *л* и *р*. Слово *кюр* известно и Махмуду Кашкарскому, который приводит выражение *кюр эр* в смысле «твердый, стойкий человек», но не узрел того же слова в титуле *кюль*» [37, с. 81–82]. Таким образом, слово *кюль/кюр* в титуле орхонских ханов В. В. Бартольд возводит к слову «твердый», «стойкий». А в связи с таким толкованием напомним о существовании ханского рода у древних болгар – *окуль* [283, с. 87] и отмечавшееся балкаро-карачаевское слово *екюль*, означающее «защитник», «опора».

Неменьший интерес может вызвать и другой древнетюркский титул – *буюрук*. «От буюруков в надписях требовалась не только мудрость, но и храбрость, мужество. Отсюда можно заключить, что эти «повелители»

(буквальное значение слова *буюрук*. – И. М.) принадлежали к числу военных начальников; вероятно, слово *буюрук* – собирательное название для шадов и других подчиненных кагану начальников отдельных родов» [37, с. 243, 326]. В карачаево-балкарском языке слово *буйрук* означает «приказ», «распоряжение» и восходит к слову *буюр* «приказывай», «распоряжайся», оно не дошло до нарицательного имени – «повелитель».

Встречающийся в надписях титул *чуб* многие связывают с тибетским титулом *чжову* – «князь», «господин» [37, с. 300]. В балкаро-карачаевском языке этот титул бытует в форме *джуюс* в выражении *джуюс-хан* – «господин».

Очень интересным, на наш взгляд, является выражение *анда кичрэ* в значении «после этого» [37, с. 293]. В балкаро-карачаевской речи эта фраза звучит *андан кечире* – «позже этого» и восходит к слову *кеч* – «поздно». Термин *тапа* в Орхонских надписях, как и в карачаево-балкарском языке, определял направление. У балкарцев и карачаевцев он очень часто корректирует направление движения: *суула таба* «в сторону вод», *таула таба* «в сторону гор» и т. п. [37, с. 293].

Встречающееся в надписях слово *кыс* ученые переводят как «сдерживать» [37, с. 315]. Нам кажется, это слово более подходит к балкаро-карачаевским «зажимать», «прижимать», «завязывать», «связывать».

В своем труде «О народности половцев» И. Маркварт отождествляет главный печенежский род Кангар, упоминавшийся Константином Багрянородным, с названием Сырдарьи в ее нижнем течении – Канг и переводит этот этноним как *канг-эр* – «люди с Канга». В. В. Бартольд, возражая ему, пишет, что название *Кангар* носила и сама река, поэтому такое толкование он считает неудачным [37, с. 296–297, 404]. Если ниже (широкое) течение Сырдарьи именовалось термином *канг*, то стоит отметить, что слово это на балкаро-карачаевском языке означает «широкий», а отсюда и этноним *кангар* можно перевести как *кенг-эр* – «широкий человек». Подобным термином в балкаро-карачаевской среде именуется человек с широкими возможностями, широким умом, большой силой и т. п. Вполне возможно, что название *канг* (*кенг*) низовья Сырдарьи получили из-за широкого течения. В. В. Бартольд пишет, что название *кангар* происходит от термина *кенг-ер*, т. е. широкое место. В связи с этим вспоминается китайское название *Янь-цай*, которое мы возводим к алтайско-тюркскому «большая река». Не исключено, что китайские авторы тюркский термин *кенг* передали на свой манер – как *янь*, поскольку тюркский носовой звук *нг* трудно передать на другом языке. Поэтому мы допускаем возможность перехода тюркского *кенг* в китайское *янь*; название *Янь-цай* вместе с предложенным «большая река» могло означать и *Кенг-цай*, т. е. «широкая река». С названием *Канг* С. П. Толстов связывал кангюейцев [286]. К этому термину *кангар*, возможно, восходит и до сих пор необъясненный этноним надписей – *кенгерес* или *кенгереч* [37, с. 296–297, 400]. Представляется возможным объяснить это слово при помощи балкаро-карачаевского глагола *кенгерт* – «расширять».

С позиции балкаро-карачаевского языка можно дать вполне реальную этимологию ряда этнонимов. Например, до сих пор остается невыясненным происхождение этнонима *туркмен*, о названии которых «уже в V–XI вв. ничего не было известно, а народная этимология (персидская) – «подобно турку» приводится еще Махмудом Кашгарским». Однако эта этимология считается «явно фантастической» [37, с. 461].

В. В. Бартольд пишет: «Со времени Махмуда Кашгарского «тюрки и туркмены» часто противопоставляются. Вследствие переселений на запад, язык и особенно внешний облик туркмен испытали такое воздействие, что между ними и остальными тюрками признавали только «сходство» [37, с. 572]. Не потому ли, чтобы доказать свою принадлежность к тюркам, они называли себя этнонимом *туркмен*, который означает не «подобно тюрку», а утвердительное, с позиций караево-балкарского: «Я тюрк, т. е. туркмен или туркме». В смысле: «Я тоже тюрк». В подобном плане образованы и этнонимы *караим* (*кара* + *ма*), т. е. «я черный», *кума* или *ку-ман*, т. е. «я ку». Последний этноним восходит к названию легендарного лебедя (*ку*) древних тюрков Алтая и подчеркивает, что этот человек (или эти люди) принадлежит к роду того лебедя, от которого ведут свое происхождение алтайцы, – *ку-манды* (*ку-киши*).

Здесь можно поставить под сомнение предположение Аристова о том, что *ман* или *бан*, встречающееся в тюркских этнонимах, «возможно, означает понятия: *земля, страна*». Скорее всего, это словообразовательный тюркский формант, подчеркивающий принадлежность к чему- или кому-либо: *адам-ман, таулу-ма, сары-ма*, т. е. «человек я», «горец я», «желтый я» и т. п.

Приведенные материалы подкрепляют мнение ученых о том, что караево-балкарский язык является одним из древних тюркских языков, сформировавшимся еще до письменных тюркских языков и сохранившим в условиях высокогорий Центрального Кавказа наиболее древние формы в «чистом виде». Его изучение, безусловно, будет способствовать, как полагал Боровков, изучению и более глубокому пониманию самих древнетюркских надписей VIII в.

Оставив дальнейший разбор терминов Орхоно-Енисейских надписей на долю специалистов, отметим, что известный языковед Б. А. Серебrenников приходит к заключению о том, что «язык Орхоно-Енисейских надписей, хотя и сохраняет значительное количество древнейших черт, представляет все же один из тюркских языков, возникших после распада тюркского праязыка» [276, с. 60]. Приведенные нами факты свидетельствуют в пользу того, что язык балкарцев и караевоцев относится к тому праязыку, если таковой существовал. Этот вывод тем более заманчив и перспективен для дальнейшего исследования, что, по мнению большого знатока истории древних тюркских племен Л. Н. Гумилева, балкарцы и караевоцы оформились в обособленный этнос раньше, чем сформировались сами древнетюркские народы [90, с. 6], а М. И. Артамонов признавал принадлежность балкарцев и караевоцев к потомкам древних болгар Прикубанья [32, с. 172].

В связи с этими словами обращает на себя внимание тот факт, что язык древних болгар относился к джокающему диалекту западных тюрков, а для чувашского языка, считающегося прямым потомком болгарского, характерно «йоканье». Пытаясь сгладить это противоречие, исследователи чувашского языка вынуждены признать, что звук *й* в начале слова в ранние периоды заменялся звуком *д/дж*, и приводят этому много примеров. Например, название р. Урал у Менандра и Птолемея звучит как *Дайык* и *Джайык* вместо последующих *Яик* и *Йаих*, или: титул тюрков VII в. *Ябгу* прежде звучал как *Джавгуя* или *Джабгуя* и т. п. [37, с. 37; 51, с. 18].

Арабские географы, отмечая сходство между «различными наречиями тюрков от печенегов в Южной России до соседей Китая, добавляя, что на особом языке, непонятном для других, говорили болгары и хазары, жившие на Волге». В. В. Бартольд добавляет, что «в таком же положении находится теперь чувашский язык, ближе стоящий к турецким, чем к финским, но одинаково непонятный для турок и финнов» [37, с. 37]. То же самое можно сказать о карачаево-балкарском языке. Владеющий им человек не совсем поймет турецкую, азербайджанскую, татарскую разговорную речь, хотя в словарном фонде разница минимальная. Языковеды признают чувашский язык остатком более древней стадии тюркского языка, когда монгольский уже успел отделиться, но еще не определились характерные свойства ныне известных письменных и живых турецких наречий. Этот вывод перекликается с выводом У. Б. Алиева о том, что балкаро-карачаевский язык является осколком древнего, не учтенного тюркологией языка, а также с тем материалом, который мы привели выше [15].

Многие исследователи утверждают, что болгары и хазары пришли в бассейн Волги в более ранний период, независимо от образования Западно-Тюркского каганата VI в. [37], а А. П. Смирнов писал, что болгары были уже в среде сарматских племен Поволжья [260, с. 10]. По мнению других, предков болгар и хазар привело в эти области переселенческое движение, связанное с гуннами. Уже при Птолемею во II в., пишет Бартольд, гунны находились на небольшом расстоянии от Волги, но названия *Итиль*, означавшего на болгарском, хазарском и чувашском языке «река», тогда еще не было. Но река «Яик уже тогда носила это турецкое название, которое упоминается у Птолемея в форме *Даукс*. Употребление начального *д* вместо *й* в языке местного населения, по-видимому, замечалось и после; византийцы VI в. говорят, что поминки по умершим назывались у тюрков *дохия*; в Орхонских надписях мы имеем то же слово в форме *Йог...* Во всяком случае, – заключает ученый, – *Даукс* Птолемея может считаться древнейшим хронологически установленным словом» [37, с. 37].

У балкарцев и карачаевцев те же поминки в форме *Чек* отмечены еще в XIX в. М. М. Ковалевским [121, с. 553–580]. Почти без изменений этот термин в форме *Дох*, как поминки по умершему, встречается в древних рунических надписях Балкарии и Карачая [48, с. 28; 49, с. 48–49], и с некоторым магическим значением он сохраняется в балкаро-карачаевской среде до сих пор.

Расшифрованные С. Я. Байчоровым около 30 рунических надписей, обнаруженных в верховьях Кубани, Малки и Чегема, по утверждению автора, древнее X в. и являются наследием древних болгар. Его исследования еще раз подтвердили наличие в языке кавказских болгар *д* и *з* диалектов, как в современном карачаево-балкарском языке, чего нет в языке чувашей, считавшихся прямыми потомками древних болгар [48; 49; 50]. В доказательство большой языковой близости балкаро-карачаевцев и древних болгар языковеды приводят ряд интересных лексических сходжений из памятников эпиграфического наследия болгар и современного карачаево-балкарского языка: *джал* – «год», *джити* – «семь», *жирим* – «двадцать», *джю(р)-джю(з)* – «сто», *душек* – «матрац», *дохс* – «девять», *дост* – «приятель», *чавка* – «галка», *чорба* – «суп» и т. д. [225, с. 50–62, 83–86].

Обнаруженные рунические надписи в основном концентрируются в районах размещения так называемых скальных захоронений VIII–X вв., этническая принадлежность которых к древним кавказским тюркам в настоящее время допускается компетентными специалистами [160, с. 155–156, 173–174; 275, с. 89]. Крайне важно, что в ареале распространения болгарских надписей и скальных захоронений письменные источники, «Армянская география» VII в. помещают болгар и аштигоров.

Современные болгарские языковеды приходят к выводу о том, что «к языку древних болгар ближе всего подходит язык хазар, чувашей и балкарцев». По их мнению, язык чувашей на протяжении многих веков испытывал влияние угро-финских языков и поэтому в фонетике, грамматике и лексике «этот язык значительно удалился от болгарского языка. А язык балкарцев также испытал влияние позднейших тюркских языков и тоже удалился от основы болгарского языка» [274]. Но если учитывать историческую обстановку, приведшую к переселению болгар в VII–VIII вв. на Волгу и на Дунай из «Великой Болгарии», и то, что балкарцы и карачаевцы могли сформироваться на базе тех болгар, которые остались во главе с Батбаем на месте и подчинились хазарам, близкородственным им по языку, то мы вправе ожидать наибольшую близость балкаро-карачаевского языка с языком древних болгар, чем языка чувашей, испытавших влияние угро-финских и дунайских болгар, подверженных влиянию славянских языков. Таким образом, можно полагать, что ключ к пониманию древнеболгарского языка надо искать в недрах балкаро-карачаевского языка, сформировавшегося на базе языка болгар, оставшихся на своей прародине и замкнувшихся в горах Центрального Кавказа, что спасло их от влияния других языков, как это произошло с болгарскими, оказавшимися на Волге и на Дунае. Именно поэтому исследователи, начиная с А. Ламберти, отмечают чрезвычайную чистоту древнетюркских форм в языке балкарцев и карачаевцев. Это положение мы можем подкрепить словами выдающегося тюрколога В. В. Бартольда, сказанными им в отношении чувашского языка, но полностью и с большим основанием характеризующими карачаево-балкарский язык. Он писал: «Исторические факты заставляют полагать, что если чувашский язык (а равно и карачаево-балкарский. –

И. М.) представляет остаток более ранней стадии развития турецкого языка, то на этой стадии находился язык хуннов, который, следовательно, не был турецким в том смысле, как теперь обыкновенно понимают это слово, т. е. не тем языком, на котором говорят теперь все турецкие народности, кроме якутов и чувашей. Этот язык, вероятно, был принесен хуннами далеко на запад, и остатки его имеются во всех языках, прямо или косвенно связанных с движением хуннов, до турецких элементов в венгерском языке включительно» [37, с. 38].

Теперь мы подходим к вопросу: если чувашский и карачаево-балкарский языки являются близкородственными древнеболгарскому, нельзя ли отыскать чувашско-балкаро-карачаевские лексические сходжения? Таких сходжений достаточно количество, но исследователи этногенеза чувашского народа объявляют эти слова исторически труднообъяснимыми чувашско-армянскими и чувашско-грузинскими параллелями. Достаточно привести несколько примеров [139, с. 258–259]:

грузинские	чувашские	балк.-карач.	русские
<i>тив, а</i>	<i>тивес</i>	<i>тие</i>	<i>дотрагиваясь</i>
<i>симес</i>	<i>жимеш</i>	<i>жемиш</i>	<i>фрукт, ягода</i>
<i>каба</i>	<i>кепе</i>	<i>кюбе</i>	<i>рубашка</i>
армянские	чувашские	балк.-карач.	русские
<i>сандза арел</i>	<i>сенчерлас</i> (взнуздывать)	<i>сынжыр</i> <i>сынжырлаш</i>	<i>цепь</i> <i>оцеплять</i>
<i>мыртмыртал</i>	<i>мекертатас</i> (ворчать)	<i>макъыр</i>	<i>блеять</i>
<i>сот, ун, зерун</i>	<i>желен</i> (гад)	<i>жилян</i>	<i>змея</i>
<i>чирк</i>	<i>черек</i>	<i>чирик</i>	<i>гниль</i>
<i>хороч</i>	<i>хэрэк</i>	<i>хырык</i>	<i>дупло</i>
<i>хиар</i>	<i>хэяр</i> (огурец)	<i>хыяр</i>	<i>тыква</i>
<i>шу</i>	<i>шу, шыв сапас</i> (орошать)	<i>суу салыу</i>	<i>орошать</i>
<i>чал</i>	<i>чэл</i> (пестрый)	<i>чал</i>	<i>седой</i>
<i>тохмах</i>	<i>тукмак</i>	<i>токмакъ</i>	<i>колотушка</i>
<i>ер</i>	<i>ер</i>	<i>жер</i>	<i>земля</i>
<i>кепер</i>	<i>кепер</i>	<i>кепюр</i>	<i>мост</i>

Языковеды могут найти и больше параллелей, но и приведенных достаточно, чтобы сказать о том, что турецко-армяно-грузинские языковые параллели имеют свою историческую почву, но что касается «чувашско-армяно-грузинских» сходжений, то более исторически обусловлены балкаро-чувашские лексические сходжения, питающиеся общим болгарским истоком из Предкавказья.

В связи с приведенными параллелями очень интересны и дигорочувашско-балкаро-карачаевские схождения:

дигорские	чувашские	балк.-карач.	русские
<i>карз</i>	<i>каврэч</i>	<i>кюйрюч</i>	<i>ясень</i>
<i>чигт</i>	<i>чэкэт</i>	<i>чыгыт</i>	<i>сыр</i>

Эти схождения дополняют количество тюркских слов дигорского диалекта осетинского языка, которое отмечали Миллер и Абаев [225].

Учитывая, что родиной тюркских языков и народов были Алтайские горы, нельзя не обратить внимания на чрезвычайную близость алтайской и карачаево-балкарской лексики, особенно с южно-алтайским диалектом. Приведем для примера несколько терминов, которые на других тюркских языках либо вовсе не встречаются, либо встречаются редко:

алтайский	балк.-карач.	русский
<i>къарын</i>	<i>къарын</i>	<i>утроба</i>
<i>къарындаш</i>	<i>къарындаш</i>	<i>брат (единоутробный)</i>
<i>тёлю</i>	<i>тёлю</i>	<i>близкородственная группа</i>
<i>тёр</i>	<i>тёр</i>	<i>почетное место</i>
<i>ексюз</i>	<i>ексюз</i>	<i>сирота</i>
<i>саба</i>	<i>саба</i>	<i>посуда</i>
<i>къаинагац</i>	<i>къайынагъач</i>	<i>береза</i>
<i>юлюш</i>	<i>юлюш</i>	<i>удел, доля, порция</i>
<i>арчмакъ</i>	<i>артмакъ</i>	<i>сумка</i>
<i>пыштак</i>	<i>бишлакъ</i>	<i>сыр</i>
<i>оро</i>	<i>уру</i>	<i>яма</i>
<i>танг</i>	<i>танг</i>	<i>заря</i>
<i>бёрюк</i>	<i>бёрк</i>	<i>шапка</i>
<i>къыпты</i>	<i>къыпты</i>	<i>ножницы</i>
<i>къаин</i>	<i>къайын</i>	<i>родственники со стороны мужа и жены</i>
<i>семиз</i>	<i>семиз</i>	<i>жирный</i>
<i>къуукъ</i>	<i>къуукъ</i>	<i>мочевой пузырь</i>
<i>салды</i>	<i>салды</i>	<i>положил</i>
<i>тартты</i>	<i>тартты</i>	<i>потянул</i>
<i>чыда</i>	<i>чыда</i>	<i>терпи</i>
<i>елюм</i>	<i>елюм</i>	<i>смерть</i>

Эти лексические схождения подкрепляются целым рядом совершенно тождественных топогидронимов и родовых названий на Алтае, в Балкарии и Карачае, таких, как: Аксаут, Иркыз, Абаса, Иртыш, Биджи, Биджи-улу (Биджиев), Эдок и Эдок-улу (Эдоков), Хасаут (Хасут) и др.

Как уже отмечалось, одним из основных источников изучения древних языков является ономастика и этимология древних имен и терминов. Мы

полагаем, что этот метод в значительной степени поможет определить роль балкаро-карачаевского языка в освещении этнической истории Северного Кавказа.

Древнетюркское название народа *будун*, по нашему мнению, сохранено в имени родоначальника дигорских и балкарских феодалов – Бадин и в имени Будян – сподвижника родоначальника карачаевцев, Карчи [281]. Кроме того, у балкарцев и карачаевцев мчащаяся толпа людей называется *будуман*, буквально означающее «я будун», т. е. «я народ». Монгольское название народа *гур*, образующее множество тюркских этнонимов, сохраняется у балкарцев и карачаевцев также для обозначения толпы в форме «*гур деб барадыла*», что означает: «идут, как гур», т. е. как толпа, орда, идущая гурьбой.

В тюркских языках слово *кара* имеет множество значений. В Орхонских надписях оно употреблялось в значениях: «большой», «обильный», «великий», «сильный», «главный», «крупный» и т. п. [141, с. 161–162]. Исходя из этих значений термина *кара*, мы имеем возможность по-новому взглянуть на этимологию этнонима *карачай*, который восходит к понятию – «большая, главная, сильная, крупная + река», т. е. *кара* + *чай*. А такой рекой на Кавказе действительно была река Кубань, верховья которой являются родиной карачаевцев, берущих свое имя от названия этой реки.

Слово *мал* на тюркских языках означает «скот», а термин *кара* имеет и значения: «толпа», «войско», «масса людей», «простой народ», «простолюдин» [141, с. 169]. Применяя эти значения, можно понять и самоназвание балкарцев *малкгар* как «народ-скотовод» или просто «скотовод».

Гунно-хазарский титул *чатн* (*чатн-гунн*, *чатн-хазар*), вероятно, происходит от древнетюркского слова *чина*, т. е. «истинный», «настоящий» [32, с. 189; 81, с. 149; 226, с. 240]. В карачаево-балкарской среде слово *чынты* означает те же понятия – «истинный», «настоящий» и сохранилось в выражениях: *чынты адам*, *чынты киши* – и других в значении «настоящий человек», «истинный мужчина» и т. п. Этот же термин зафиксирован в топониме *Чатн-тау*, т. е. «Истинная гора».

Многие исторические имена легко объясняются с балкаро-карачаевского языка, широко бытуют в их среде, сохранились в Балкарии и Карачае как названия фамилий, личных имен, гидротопонимов.

Имя Аттилы многие объясняли как происходящее от слова *атта* «отец» и придавали ему значение «батьюшка». Другие выводили это имя от названия реки Итиль, которая с VI в. стала именоваться Волгой [75, с. 321]. Вполне допуская такое толкование, так как с балкаро-карачаевского *ата-лы* означает «имеющий батьюшку», мы отмечаем, что болгаро-хазарское название *Итиль* (*Адиль*, *Эдиль*) сохраняется в гидронимах Балкарии – *Адил-су* и *Адыр-су*. Имя Аттилы в форме Адил широко бытует и как личное мужское имя у балкарцев и карачаевцев. Имя старшего сына Аттилы – Эл-лак, властвовавшего над гуннами-акацирами [75, с. 321], сохраняется в среде балкаро-карачаевцев как фамильное имя – Эллак улу (Элекуевы). Имя одного из приближенных полководцев Аттилы – Эдико (Эдоко) сохраня-

ется в балкарской и алтайской фамилиях Эдок-улу (Эдоков) и Эдока-улу (Эдокаев), а также в личных именах – Эдик, Эдок; это же имя запечатлено в гидрониме *Этоко*. Имена других сыновей Аттилы – Денгиза и Ирника – сохраняются в балкаро-карачаевской среде как личные имена и означают – «море» и «цепкий», «хваткий».

По мнению автора, имена гуннских предводителей Басиха и Хурсиха сохранены в гидронимах и топонимах Балкарии и Карачая: *Басих-кан*, т. е. Басих + река (Басих-кан, Баксан) и Хурзух (река и село в Карачае). Реки Баксан и Хурзух вытекают из смежных ледников Эльбруса. Имя другого гуннского предводителя – Доната – можно увидеть в топониме *Донгат* в Чегемском ущелье [273, с. 82]. Попытки осетиноведов объяснить название этой голы, песчаной горы, на которой даже трава почти не растет, ирано-осетинским термином «водянистое место» не соответствует характеру местности.

Известно, болгары – *кутургу* и *утургу*, как писал Прокопий Кесарийский [32, с. 85], происходят от двух братьев-гуннов: Кутургу и Утургу. Имя Кутургу сохранено в названии старинного балкарского аула в Чегемском ущелье – Гудургу, а имя Утургу сохранилось у северокавказских асов XIV в. в имени бесстрашного эмира, отчаянно сражавшегося с тимуровскими войсками в горах Эльбруса. Название черных гуннов – *биттогуров* сохранилось в названии такого же балкарского селения в верховьях реки Чегем – Биттургу [32, с. 62]. Гуннское имя Муагер и имя предводителя кутургуров – Забирхан до сих пор бытуют в среде балкарцев и карачаевцев [75, с. 324] в форме Забирхан и Мажир.

Без затруднений понятны балкарцу и карачаевцу значения многих княжеских имен древних болгар. Имя Органа означает «бьющий», «наносящий удар». Имя Кубрата очень распространено среди тюркских народов в форме Кумрат с характерным для сабириков чередованием звуков *м* и *б* [110]. Особого внимания заслуживает имя хана Аспаруха. Есть попытки возвести это имя к понятию «конник» в силу того, что в этом слове будто бы видно персидское *асп* – «конь» [314, с. 57]. Но сомнительно, чтобы тюркоязычный болгарский хан в VII в. носил персидское имя. Можно предположить иную версию объяснения этого имени, исходя из того, что здесь читается имя древнетюркского племени асов, которое входило и в состав болгар (вспомним: «ясыня бе-бо болгарка родом»). К этому этнониму прибавлено древнетюркское слово *мара* (*пара*), что означает «дитя», а в сложных словах, как в данном случае, оно означает «внук». Таким образом, имя Аспарух может означать: «внук асов» [226, с. 231]. В известном «Именнике» болгарских князей наряду с Аспарухом названы ханы Ирник, Курут, Безмер, Умор и другие, имена которых бытуют до сих пор в среде тюркских народов, а упомянутое в этом документе имя Гестун можно узреть в балкарском гидротопониме *Гестен-ди* с характерным окончанием *ти, ди*, указывающим принадлежность реки, местности или вообще чего-либо Гестену (Гестуну), по типу таких слов, как *мени-ди, кимни-ди*, т. е. «мое это», «чье это» и т. п. Своего знаменитого хана Хрума болгары обожествляли и поклонялись его

изображению [232, с. 178]. Имя этого хана зафиксировано в названии горы и средневекового городища у города Кисловодска, которое в литературе искаженно именуется Рим-горой, по созвучию Хрум – Рим. У балкарцев сохранилась поговорка, связанная с этим городищем: «Хрум-къала, Гум-къала, къуруп къалсын бу къала!», что означает: «Хрума-крепость, Гума-крепость, да исчезнет эта крепость!» Вероятно, вместе с именем Хрума и этнонимом гуннов или куманов (Гум) народная эпическая память сохранила воспоминание о каком-то кровопролитии у стен этого города-крепости. Позднее балкарцы перенесли название Гум-кала на современный город Минеральные Воды.

Часто используемые при выяснении этнических вопросов имена аланских предводителей Итас, Саросий, Альда, Эльдегур носят легко объяснимые имена, соответственно: *Ит* + *ас* (Собака + ас), *Сары* + *ас* (Желтый + ас), *Эль* + *дегор* (Народ-дегур). Известно, что западные тюрки делились на роды Дуло и Ашин. Болгары принадлежали к роду Дуло, а хазары – к роду Ашин. Между этими родами шла постоянная и непримиримая борьба, почти приведшая к взаимному истреблению [32, с. 162, 170–171]. Имя одного из ханов рода Ашин – Хусэло – могло сохраниться в родовом названии балкарцев – Хоса улу (Хосаевы) [37, с. 318].

Можно предположить, что постоянная вражда между родами Дуло и Ашин, между болгарами и хазарами породила балкарскую поговорку: «Асыдан тугъан асы!», с которой обращаются обычно к балованному, драчливому ребенку, упрекая его словами: «Ас ты, рожденный от аса!». Поговорку эту разъясняет чувашское значение слова *ас* как «баловень», «шалун», «непослушный». Древнетюркский род Дуло еще в V в. в количестве пяти аймаков был известен китайским писателям в числе тюрков-гаогюйцев на западных склонах Алтая, подвластных западно-тюркским ханам [36, с. 297]. Разбирая эти сведения, Н. А. Аристов писал: «Принадлежность болгарских князей, по известному «Именнику», к роду Дуло, существование в числе гаогюйцев в V в. рода Дуло, именование в VII в. пяти западно-тюркских аймаков аймаками Дуло и наличность до настоящего времени многочисленного поколения дулатов – все это дает достаточные основания полагать, что могущественное поколение, или союз Дуло, существовало уже во время хуннов в западной части их владений, имея в своем составе и чуйские роды». Разбирая сведения «Именника», в котором говорится, что пять первых болгарских князей относились к «остриженным головам», он, ссылаясь на китайские источники, пишет, что еще в V в. кочевники юебани, т. е. дулаты, «остригали головы», и приводит сведения по спискам XIX в., что в Большой орде кыргызов (Уллу-джюз) было два основных племени: канглы и дулат, причем главную часть составляли дулаты в количестве 40 тыс. кибиток [36, с. 351]. У дулатов поколения Большой орды была родовая тамга в виде круга, а у ведущих его родов: Батбая – круг с крестиком, у рода Адбан – круг с одной чертой-отростком. У рода Суван – круг с двумя черточками-отростками [36, с. 286]. Наше внимание привлекает и древнетюркское племя джолто, зафиксированное в VIII в. в Тибетской

надписи, где имеются и имена объединения Дуло (Толис) [90, с. 161–162]. В связи с этими сведениями о древнетюркском родовом объединении Дулат можно предположить и объяснение известного северокавказского топонима – названия средневековых области и городов – Джулат, где в 1395 г. столкнулись две огромные армии: Тимура и золотоордынского хана Тохтамыша [278, с. 175]. Разъяснение этого топонима как «места ежегодных конных скачек», исходя из того, что в этом слове можно распознать слова *джил* – «год», *ат* – «лошадь», не могут быть удовлетворительными [349, с. 6–7]. Более вероятным будет видеть в этом топониме имя племенного объединения Дулат, которое было еще среди гунно-болгар, владевших в раннем Средневековье районами Северного Дагестана, Терско-Кумскими степями и Прикубаньем. С учетом упоминавшихся чередований звуков *д* и *дж* в тюркских языках такое толкование названия *джулат* вполне возможно.

Непосредственную связь с объединением Дуло имеет и известная Зеленчукская надпись. В 1888 г. В. Ф. Миллер получил от Д. М. Струкова рисунок каменной плиты с надписью, выполненной греческими буквами. Плита была найдена в верховьях реки Зеленчук, между ее притоками Ропчай и Кизгич, в местности, которую карачаевцы называют *Эски-Джурт*, т. е. «Старое жилище» («Старая родина»). В 1892 г. Г. И. Куликовский осмотрел этот памятник. По его словам, плита лежала против местности «Старое жилище», «Старое место», на правом берегу Зеленчука. Высота ее – 2 аршина, толщина – 2,5 вершка. Представляет собой известняковую плиту, которая была вделана стоймя в каменную основу [181, с. 110–118]. Миллер внес в надпись плиты 8 дополнительных букв, которых на плите не было и без которых он не мог ее прочесть. Эти правки опубликовал А. Ж. Кафоев [132, с. 13]. Так, Миллер внес в седьмую строку дополнительно три буквы – «VPT» в десятую строку букву – «V», в шестнадцатую – букву «N». Кроме того, букву *K* везде читает как *K*, а в строке 19-й – как *Г*, а знак «*Q*» читает как звук *P*. В результате этих правок он прочел надпись следующим образом: «Иисус Христос святой [?] Николай Сахира сын Х...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбал Анбала сын юноши [?] памятник [юноши Иры?] 6200–692 по Р. Х.» [181]. Вслед за ним В. И. Абаев прочел надпись таким образом: «Иисус Христос святой [?] Николай Сахира сын Х... ра сын Бакатар Бакатара сын Анбалан Анбалана сын Лаг – их памятник» [2, с. 261]. Б. А. Алборов предложил такое чтение: «Иисус Христос [?] Николай Сахира сын Хо Бситира сын Анбал Анбалана сын юноши памятник 671 = 1063 г.» [14]. Г. Ф. Турчанинов прочел таким образом: «Иисус Христос святой [?] Николай Сахира сын Овса великого сын Бакатар...» Остальное, как у Миллера [292, с. 48–51]. Не останавливаясь более на различных манипуляциях с буквами и словами надписи, к которым прибегали все его касавшиеся исследователи, напоминаю лишь слова Миллера: «Хотя имени Анбалан у осетин мы не можем указать, но оно звучит вполне по-осетински» [181, с. 115]. Это не довод, хотя бы потому, что такое слово не может звучать по-осетински, так как в словарном фонде осетин нет слова *алан*. Далее Миллер продолжа-

ет: «Последние три строки при всей отчетливости отдельных букв... упорно не поддаются разгадке, и мы даже с уверенностью не можем сказать, содержат ли они хронологическую дату или нет... наконец, в 21-й строке, после точки читаются еще 4 буквы *OTЗЛ*, в которых, по-видимому, не может заключаться никакого слова, потому что такая группа согласных не свойственна ни осетинскому, ни греческому языку» [181, с. 116]. И все же, предполагая, что это дата памятника, он не может не признать, что и эти буквы не дают «никакой разумной цифры ни от Сотворения мира, ни от Рождества Хр. Чтобы вывести какую-нибудь дату, следовало бы предполагать, что «Ө» стоит здесь вместо *S*; и в таком случае «Sc» дали бы цифру 6200 год от Сотворения мира, или 692 г. по Р. Х.». Но в конце концов ученый вынужден был сказать: «**Итак, чтение последних трех строк совершенно гадательно**».

Оказывается, что тот самый «малограмотный резчик письма» [181, с. 115], по словам Г. Ф. Турчанинова, взятый Абаевым за истину, был хорошо осведомлен в буквенных обозначениях греческих цифр, знал, что *Ө* – это 9, а *СЛ* – это 230, великолепно знал, что счет надо вести по солнечному кругу, знал, что этот круг равен 28 годам, знал, что от Сотворения мира и до момента надписи прошло 230 солнечных кругов, а с начала последнего солнечного круга прошло 9 лет и пр. Не правда ли, завидные знания? И после всего этого Турчанинов высчитывает: $230 \times 28 + 9 = 6449$ г. от Сотворения мира, или 941 г. от Р. Х. [2, с. 267–268]. Нам кажется, ближе всех подошел к прочтению текста М. Кудавев, заметивший явное тюркское слово – «*Сл*» – *зыл*, т. е. «год» на цокающем диалекте карачаево-балкарского языка, как и в надписи 1715 г. [50; 164]. Это совпадает с мнением всех отмеченных авторов, которые в последней строке видят дату памятника. По законам греческой фонетики, где отсутствуют Ж и Ш, Щ, он, как нам кажется, правильно видит в слове «ИФОВРТ» тюркское *йюурт* или *жоурт* на йокающем и джокающем диалектах тюркских языков [159]. Прав он и в том, что вслед за Алборовым и Турчаниновым прочел имя **Хобс** (**Овс** у Турчанинова, **Хо-Бси** у Алборова). Все отмеченные авторы в той или иной степени искажали текст, вносили поправки и дополнения: знак Q читали как букву Р, тогда как эта буква пять раз и очень четко написана в 7-й, 12-й, 14-й, 18-й, 20-й строках. Приступая к прочтению текста, мы исходим из того, что подобные памятники на Северном Кавказе чрезвычайно редки, если не сказать – вообще единичны, а поэтому вряд ли это могло быть обычным надгробием какого-то неизвестного юноши, ничем не отмеченного в источниках. Во-вторых, мы полностью доверяем автору письма и ничего к его тексту не добавляем и не убавляем, потому что подобные письменные памятники народ никогда не доверяет исполнять несведущему человеку, даже в наше время. Вряд ли есть право обвинять автора-резчика в «ошибках», как это делает Миллер. В-третьих, текст найден в районе, где письменные источники размещают асов и тюрков-болгар, где находится средневековое городище, именуемое карачаевцами как Эски-Джурт (Старая родина). В этих же районах много рунических тюркских надписей, памя-

ников кавказских тюрков-болгар, относившихся к роду Дуло. Поэтому нет ничего удивительного в том, что осетиноведы могли прочесть эту надпись только с помощью дигорского диалекта осетинского языка с характерным цоканьем. Но, на наш взгляд, прежде чем априорно объявить надпись ирано-осетинской, а затем приступить к ее прочтению, необходимо было вспомнить слова выдающегося русского ученого М. В. Никольского, который, перед тем как приступить к изучению урартских надписей, отмечал, как важно «исследование надписей на месте в связи с теми физическими и археологическими условиями, которые окружают памятники, помогают толкованию их смысла... Понятно, какую пользу для толкования их могут принести личные наблюдения над местностью памятника, соображения, при каких условиях и для какой цели он был воздвигнут... Скажем более: изучение условий местности в связи с географическими данными... может во многих случаях дать весьма полезные указания». По заключениям многих выдающихся дешифровщиков, только местонахождение памятников помогает понять их смысл и значение [335, с. 8–9]. Категоричность наша объясняется еще и тем, что все, кто касался памятника, считают его эпитафией какого-то коллективного захоронения юношей. Но парадоксальность ситуации в том, что ни поиски самого Д. М. Струкова, ни осмотр местности Г. И. Куликовским (1892), ни археологические поиски В. М. Сысоева (1895–1898), ни осмотр местности Н. Я. Динником (1884), ни археологические изыскания Т. М. Минаевой, Х. О. Лайпанова (1939), ни поиски автора этих строк (1959, 1965), ни многократные поиски В. А. Кузнецова не привели к выявлению в этом районе никаких аланских захоронений вообще: ни коллективных, ни одиночных.

Правдоподобно ли, чтобы «единственная алано-осетинская надпись» [2, с. 260] была бы оставлена в таком районе?

Первые строки не вызывают сомнения, там читается монограмма Иисуса Христа. Третью строку все авторы под знаком вопроса читали как «святой», но в этой строке легко читается OAVГ как *ягу*, т. е. тюркский титул «исполняющий обязанности», наместник [90, с. 114]. Четвертая и пятая строки также не вызывают сомнения, и здесь легко читается *Николаос*. Слова 6-й и 7-й строки мы читаем как *сахнриф ой*, что соответствует по цокающему диалекту *цахырыф юй*, т. е. «призвав дома». Если же прав В. Ф. Миллер, который добавил в 7-ю строку слово VPT, тогда строка читается как *призвав юрт* или *журт* и означает «призвав дома» (земли, родины). В 8-й строке, как и Алборов, Турчанинов и Кудяев, мы читаем имя *Хобсы*. В первых трех знаках 9-й строки, по нашему мнению, трудно увидеть какую-либо букву. Это, скорее всего, объединенные родовые тамги. Известно, что тамга Дуло представляла круг – ○, ведущие дулатовские роды: Батбай имел тамгу в виде круга с крестиком или тремя отростками – ⊙, род Адван – круг с одним отростком – ⊙, род Суван – круг с одним вертикальным и одним боковым ответвлением – ⊙. Если мы объединим эти тамги, то получим тот знак, который изображен в 9-й строке «». Буквы «нф» той же строки читаются как *ыф*, т. е. означает «собрать», «объединив» на йокающем

диалекте. 10-я строка с учетом тамги адванов Q читается как *ос Адван* (т.). Далее, слово *ифоурт*, читающееся в 13–14-й и 17–18-й строках, легко читается как *йюурт*, т. е. *йоурт* или *жоурт*. Последнюю строку все авторы принимали за дату памятника. Мы же видим в этой строке в буквах «ӨЭ» (*те*) тюркоязычное завершение всякой речи, особенно назидательной, словом *дэ* или *дэди*, *дэй*, что равно значению: «дескать», «сказал, мол», «повествует, мол», «взывает, мол» и пр. Живым примером такого завершения речи являются старинные песни и сказания многих тюркских народов – тувинцев, башкир, караимов и др. [320, с. 70; 332, с. 37]. Такой же фразой завершались многие караимские сказания.

Вот, к примеру, диалог караимского героя Аланкасара со своим врагом: «Кимга тийишли бу барысы, бунар кѣайтарылыр дэ». Враг отвечает: «Йэтарь гъануз иш, керям, достларыма дэ». Перевод означает: «Кому все это принадлежит, тому и будет отдано», а ответ: «Хватит дела, я вижу, и моим молодцам». Как видно, последняя фраза *дэ* остается, как обычно, без перевода [330, с. 685–687].

В следующих буквах «ОӨ» читается тюркское *от*, *ум*, что в древнетюркских надписях означало год Быка [293, с. 91]. Таким образом, текст письма можно прочесть так: «Иисус Христос Оавг Николаос Сахириф ой Хобси Дуло, Батбай, Адван, Суван ыиф [обозначены тамгой] ос адван (т) пакатар пак ата йюуртан палапан алан йюуртлака интенрте от зл». С позиций цокающего диалекта балкарского языка текст читается таким образом: «Иисус Христос явгу Николай цахырыф юй Хобсны (Дуло, Батбай, Адван, Суван) ыйиф ез Адван Бакатар Бек Ата Журтан белюнюб алан журтлагъа итинер де. Егюз зыл», что в переводе означает: «Иисуса Христа наместника Николая призвав, от дома Хобса (Дуло, Батбай, Адван, Суван) объединения один сам адван (т) Бакатар бек, от отцовского юрта (*ата юрт* – родина, отчизна) отделившись, в юрт аланов (степей, долин) стремится». В слове «адван-т», аффикс «т», как и во многих тюркских этнонимах, образует множественное число [321, с. 13, 16].

Таким образом, текст надписи и уникальная 2,8-метровая стела – не обычное надгробие мальчишки, а серьезный исторический документ, завет и наставление потомкам крупного объединения племен, собранных воедино неким Хобсом. Если верна дата, предложенная В. Ф. Миллером, то надпись согласуется с известным историческим событием – распадом объединения четырех домов – племен кубанских болгар, составляющих объединение Дуло. Известно, что после распада в конце VII в. часть их ушла в степи Юго-Восточной Европы – Подонье и Поволжье (юрт аланов). Имя Хобс весьма близко имени грузинских источников – Уобос, расселившегося в Западном Предкавказье, там, где размещались асы и болгары.

Болгары, ушедшие из Предкавказья на Дунай, в протяжении многих веков были тесно связаны с асами (ясами) Восточной Европы. Архимандрит Руварц, ссылаясь на жизнеописание архиепископа Даниила II, занимавшего архиепископскую кафедру в 1323–1337 гг., пишет, что «Яси или езикъ яшьски в товариществе с Татарами и Турками езикъ (*юзюк* – ветвь. – И. М.)

яшьски в 1330 г. сражался за царя болгарского против его неприятелей, против крляя сербского» [253, с. 76]. Выясняя вопрос о месте жительства ясов, он продолжает: «Полагаю, что они проживали возле Татар в одной части Молдавии, и город Яши (Яссы) получил от этих Ясов свое название. Известно, что прежде Татар в нынешней Румынии господствовали Куманы (Половцы)... Быть может, тогда же с Половцами или Куманами пришла и толпа Ясов из Молдавии в Венгрию, и что от них происходят те, которые называются в грамотах и законах венгерских *яссо-нес* или *язигес* и почти всегда упоминаются заодно с Куманами». Венгерское имя Яцигер есть Ясок, и это имя обозначает понятие «лук», «колчан» и, возможно, восходит к значению – «стрела» [253, с. 77, примеч.]. Эти сведения позволяют полагать, что асы могли представлять собой одну из ветвей или подразделений кипчаков (куманов – половцев). Это предположение подкрепляется и мнением Ф. Бруна, писавшего, что в местах расселения молдавских ясов «находились кочевья татар, называемых «черными» по той же причине, по которой смежная с Угровалахией Молдавия, которую позже турки называли Кара-багдан, была тогда уже известна грекам под названием Мавровалахия и по которой город Белый – Аккерман у них превратился в Черный (Маврокастрон)» [323, с. 237]. Еще более убеждает нас работа Ю. Немета, на которую часто ссылаются осетиноведы [334]. Прежде всего, Немет не прав, называя этих яссов аланами. Этот этноним и самоназвание неведомы яссам. Оказавшись в плену рассмотренного мнимого тождества аланов и асов, он дошел до недоразумения, написав, что «термин *ас* – это тюркское название аланов». Такое утверждение вряд ли кто может хоть чем-нибудь подтвердить, так как оба эти этнонима тюркские. Несостоятельность этих слов не может скрыть и сам автор, вынужденный признать, что куманы (кипчаки) и яссы – «оба народа носят обычно общее наименование Ясс-Кунок, т. е. яссы-куманы», что поселения яссов называются «яссский базар», что в Венгрии «известны семь местностей под названиями Еслар, Осслар, Асслар, образованными с помощью тюркского показателя множественного числа «лар». Наконец, он же отмечает, что многие яссские селения называются *Ясс-фалу* – «яссское селение». Здесь к общетюркскому слову *эль, иль* прибавлен, вероятно, характерный для яссов звук *ф*, как и в слове «мясо» – *фит* (*эт, ит* – общетюркск.). Пристального внимания заслуживает и тот факт, что «куманы и яссы в Венгрии имели определенные области поселения, точнее, административные районы, которые назывались Яссжаг, т. е. «Ясия», и *Кунжаг* – «Кумания» [334, с. 4–7]. Прибавленные к этнонимам *яс* и *куман* тюркские слова *жаг, йаг* означают – «сторона», «край», и буквальный перевод этих терминов будет – «сторона яссов», «край яссов» (или куман). Такое оформление своего самоназвания и страны не может быть продуктом языковой ассимиляции. Народ не теряет ни самоназвания, ни имени своей страны при языковой или культурной ассимиляции. Примером могут быть болгары на Дунае и Волге. Небезынтересно отметить, что слово *йаг* видно и в дигорском названии Балкарии и Карачая – Асс-иаг, т. е. Страна Асов. Нельзя оставить без внимания и слова Немета

о том, что «асы по-венгерски называются Ясс-ок». В связи с этим надо учитывать, что «исходной основой собирательного этнического имени *огуз* является *ог* – «род», «племя», которое в свою очередь находится в прямой связи со старотюркским словом *ог* – «мать». К этой же основе восходят слова *огул* – «потомство», «сын» и *огуш* – «сородич». [140, с. 84]. Глоссарий венгерских яссов представляет для нас большой интерес еще и потому, что он был зафиксирован в 1422 г. в ходе судебной тяжбы вдовы Георги **Батиани** по поводу их фамильных имений, находящихся «**вблизи печенежских поселений**, где говорили на ясском языке». Разве трудно в этой фамилии увидеть характерное грузинское название балкарцев – *басиани* и нарицательное имя балкарских таубиев – *басиаты*? О том, как мог появиться этот документ, Немет пишет: «Я могу высказать только личную догадку», – и полагает, что комиссия, выполнявшая судебное разбирательство, прихватила с собой небольшой словарный справочник, зная, что в тех краях говорят на ясском языке. Но он не отрицает и других объяснений [334, с. 7–8]. Этот словарь записан на оборотной стороне судебных бумаг. Скорее всего, эти слова были записаны на обороте этих документов по ходу судебного разбирательства на месте, по ходу встречавшихся непонятных слов.

В работе Немета имеются 23 тюркских слова и термина. А в самом словнике, насчитывающем 40 слов, 18 являются тюркскими и до сих пор широко бытуют во многих тюркских языках. К таким всеми признанным тюркским словам глоссария, как *каз* – «гусь», *табак* – «тарелка», *чугун* – «чугун» и другие, следует добавить такие балкаро-карачаевские параллели, как: *ваз-бузоу*, т. е. «теленок», *йаика-гаккы*, т. е. «яйцо», *одок-аяк*, т. е. «чаша», с характерным чередованием в тюркских языках звуков *д* и *й*. Очень интересно слово *каса*, которое Абаев считает русским словом «каша». Надо иметь в виду, что у древних тюрков Алтая, у современных чувашей, балкарцев и карачаевцев бытует традиционная ритуальная кашница, которую варят перед первым выходом в поле. Она состоит из девяти компонентов: воды, соли и семи разновидностей зерновых и бобовых культур. Эту кашницу алтайцы называют *кочо*, балкарцы и карачаевцы – *геже* [337, с. 323].

Обращу внимание исследователей еще на одно не понятое комментаторами слово – *гишт*, означающее, по документу, «творог». В. И. Абаев не смог убедительно объяснить это слово, потому что не указал на существование у балкарцев слова *хушт* – «творог».

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что указанный глоссарий характеризует ту же языковую близость аланов и асов, какая ныне присуща языкам дигорцев, балкарцев и карачаевцев.

Для дальнейшего раскрытия темы интересно остановиться на ряде имен представителей асов. Еще Масуди называет имена асов – Ахмада и Куба [187, с. 194], а грузинские источники называют асскую принцессу *Алтын* – «золото» [270, с. 28]. Вспомним слова Миллера, что осетины названия металлов, в т. ч. золота, переняли из урало-алтайского (т. е. тюркского) языка [179, с. 12–13]. В тех же грузинских источниках названы имена овсов-царевичей: Бакатар, Параджан, Узур-бек, Сахти и др., тюркский характер которых не требует доказательств [270, с. 30].

При освещении этнической истории Северного Кавказа исследователи называют имена асов из «Истории Юань-ши» или истории дома Чингисханидов в Китае XIII–XIV вв. Обратимся к этому источнику и мы [253; 270, с. 38–40]. Имя асов в этой «Истории...» впервые упоминается под 1223 г., и затем постоянно фигурируют в ней аские военачальники, титулованные чиновники и бахадурь – полководцы и т. п. Имя же *алан* встречается только однажды, где это имя обыкновенно сочетается с *ас*, так же как и на карте (1369 г. – *И. М.*). И это единственное упоминание связано с уточнением границ России. «На рукописной карте XIV в., хранящейся в библиотеке Пекинской академии, Алосы, как государство, поставлены в северо-западной оконечности Монгольской империи, после Алан-асы (Алан-азы) и Киньча (кипчак). Олосами, как и нынче, китайцы называют русских, очевидно, это есть китайское переложение слова «урус» [253, с. 65]. Отсюда нетрудно увидеть, что в северо-западной оконечности Монгольской империи сперва называются степи асов (алан – ас), затем кипчаки и потом русские. Стало быть, о кавказских асах здесь говорить не приходится. Однако Бретшнайдер в своих выписках об аланах и асах в Китае XIV в., под впечатлением популярного тогда в науке «клапротовского» отождествления аланов и асов, везде говорит об аланах, хотя сам документ везде сообщает об асах. Но он все-таки вынужден признать, что **они обыкновенно прозываются а-су, а-зу, а «имя Алан встречается только однажды, где это имя обыкновенно сочетается с А-се»** [253, с. 71]. На каком основании тогда отождествлять аланов и асов?

В главе СXXXII (132) «Истории Юань-ши» говорится, что, «когда войско императора Окоята (Угедея. – *И. М.*) достигло страны А-су, правитель ее, по имени Хан-ху-зе покорился немедленно; затем император пожаловал ему в достоинство Ба-ду-ра и золотую дощечку (пайцзу. – *И. М.*), утвердив его правителем княжества. Также дан был приказ об образовании полка из тысячи человек народа Асу (для лейб-гвардии)». После смерти Хан-ху-зе власть перешла к его сыну Ан-фа-пу. Старший сын этого хана, Атачи, сопровождал государя в походе, отличился в Китае в войне с Сунгом. В 1283 г. сыну Атачи, Ботару, была пожалована тигровая пайцза, титул главнокомандующего усмирителя отдаленных стран и чин командира гвардии. Вместе с тем за ним было сохранено командование отрядом асов, и он был «возведен в звание асского дарагучи, т. е. телохранителя монгольских ханов, которые состояли исключительно из асов. Его сын Одос (Орос) из свитских дослужился до чина командира гарнизона. Второй его сын Фудин стал первым дарагучи асской гвардии и командовал гвардейским отрядом. Затем он был назначен в Военный совет секретарем и командовал 1000 бойцами» [253, с. 71–72].

Далее в «Истории...» речь идет о второй династии асских военачальников на службе монгольских ханов. «Юй-ва-ши был ас. Его отец Еле-бадур пришел с правителем его государства и подчинился Угедею». А правителем, мы уже знаем, был Хан-ху-зе. Еле-бадур командовал особым отрядом асов. Ему наследовал сын Юй-ва-ши и был в должности тысячника асского корпуса. В это время (при Кубилае. – *И. М.*) он был отправлен против

возмутившихся князей на северо-западе, где Кайду (Хай-ду) окружил войско дарагучи Болотемира. Император велел тогда Юй-ва-ши идти на выручку Болотемира, и тот «пронес монгольское оружие до страны И-би-р – Ши-би-р [Сибирь] и освободил Болотемира». Тогда государь с радостью сказал, обращаясь ко всем военачальникам: «Кто, кроме Юй-ва-ши, способен был выполнить это геройское дело? Если даже облечь Юй-ва-ши в чистое золото, этим не выразить ему моей благодарности». Затем речь идет о третьей династии асов.

В главе СХХIII (123) имеется биография аса Арселана (А-р-сзе-лан). «Когда город был взят ханом Мангу, Арселан вместе со своим сыном Асандженем явился в лагерь победителя и изъявил ему свою покорность. Монгол выдал Арселану грамоту на управление народом Асу». Асанджен был взят в гвардию Менгу-хана [253, с. 72–73]. Далее речь идет о деяниях еще нескольких асских военачальников: Бадура, Утцорбухана, Матаршу, Коуарджи (или Кюрджи) и др.

Это отступление мы сделали для того, чтобы показать читателю, что этот документ и имена, здесь упомянутые, никак не могут свидетельствовать о тождестве аланов и асов. При стольких длительных династиях асов на монгольской службе, на протяжении десятков лет, непременно где-нибудь должно было бы быть упомянуто хотя бы имя аланов. Таких сведений нет. А есть вполне определенное свидетельство Ибн аль-Асира о том, что монголы при столкновении с объединенными войсками аланов и кипчаков в 1222 г., т. е. за год до упоминания асов в «Истории Юань-ши», обратились к кипчакам со следующими словами: «Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же чужие; мы заключаем с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их [аланов] нам» [278, с. 32–33]. Эти сведения сводят на нет всякую надежду отождествить аланов и асов, и тем более монгольских источников, потому что монголы, великолепно знавшие аланов по Северному Кавказу, никак не могли их не отметить среди трех асских династий и среди 72 асских военачальников, находящихся у них на службе. Но тем не менее есть исследователи, пытающиеся (ссылаясь на имена, приведенные выше) доказать это тождество. Рассмотрим эти имена.

Имя Хан-ху-зе повторяет имя упоминавшегося тюркского хана VII в. Хосэлу (Хосэ-улу) и очень близко к этнониму *Ух-с-р* в горах Кавказа, названному хазарским царем X в. Иосифом, возможно, что оно отразилось в названии балкарской волости Хусыр в документе 1743 г. [194, с. 104], а также в названии балкарского урочища Хусанты, где вел раскопки курганов Д. А. Вырубов [126, с. 31–32; 143, с. 104; 76, с. 195–196]. Нет никакой необходимости доказывать тюркскую природу таких имен, как Атачи, Батыр, Арслан, Болотемир, Асанджан и др. Достаточно отметить, что *арслан* на тюркском языке означает «лев», а, по словам В. И. Абаева, «представление о льве настолько было чуждо осетинам, что, когда в новейшее время понадобилось дать ему наименование, они не нашли ничего лучшего, как перенести на него название... зубра (домбай)», слово, кстати, тоже тюркское [2, с. 32].

Имя Юй-ва-ши, означающее «глава дома», часто употребляется как титул у государей Чжунгарии: Халалдай-Нонн-убаши, Хунду-лын-убаши и др. [229, с. 262–264]. Тургутский хан также назывался этим титулом – *убаши* [229, с. 186]. По сведениям Махмуда Кашгарского, титул ю-баши носили и огузские ханы [37, с. 90]. Имя Ель-бадур созвучно с упоминавшимся именем Эль-дегур и означает «батыр народа», а имя Матарша не что иное, как Ба-тырча, т. е. «как Батыр». Имя военачальника Коурджи, или Куарцзи, близко к имени другого асского военачальника, названного Рашид ад-Дином как Качир-укуле [251, с. 38], и имени карачаевского родоначальника – Карчи, которое на цокающем диалекте и у дигорцев произносится как Карца, зафиксировано в названии дигорского селения – Корца [308, с. 116] и тождественно с названием одного из родов печенегов – Куарцидзур, отмеченного Феофилактом Симмокатой и Константином Багрянородным [142, с. 140; 279, с. 141].

Упомянем еще имена асских предводителей, названных в связи с походами Тимура в «горы Эльбруза» Шереф ад-Дином Йезиди и Низам ад-Дином Шами. Одного «правителя народа асов звали Бури-берди, другого – Бурикан» [278, с. 122–123, 181–182]. В именах этих асов отчетливо видно тотемное животное тюрков-асов, легендарная волчица: *Берю* – «волк». Первое имя означает «Волком данный», второе – «Волчья кровь». Такие имена у тюрков давались особо выдающимся и почетным людям, как позднее стали давать имя *Аллах-берди*, т. е. «Богом данный» и др. Стоит отметить и имя «одного из бесстрашных эмиров Джучиева улуса» бесстрашного Утурку, который доставил невероятные трудности армии Тимура в горах Эльбруса. Его имя напоминает нам имя гунна Утурку, ставшего этнонимом для части древних болгар-утургур. В повествованиях этих летописцев Тимура называется крепость некоего Пулада. Имя этой крепости сохранено в названии одной из мощных средневековых крепостей Балкарии – Болат-кала, т. е. «Крепость Болата» [164, с. 86–87; 191 с. 66; 192, с. 51; 307, с. 12].

Завершая этот раздел, хотелось бы отметить еще одно свидетельство путешественника XVIII в., которое, на наш взгляд, имеет прямое отношение к языку осетин-дигорцев и части аланов Северного Кавказа. Якоб Рейнегг писал, что «в долинах Главного Кавказского хребта находятся жилища немногочисленного бедного народа, называемого аланами; татары называют его *этеи* или *эдеки-аланы*. Этот народ говорит на особом диалекте древнего кавказско-татарского языка и отличается этим от другого многочисленного народа, населяющего к юго-востоку высокие долины Главного горного хребта и говорящего на своем собственном смешанном языке» [228, с. 103]. Сообщение интересно тем, что название *этеи* очень близко к карачаевскому названию дигорцев – *те-гей* и со словами Рейнегга о том, что дигорцы говорят на самом старом наречии татарского языка, которые мы уже приводили.

Рассмотренный материал приводит к выводу, что этническая история многих народов Северного Кавказа не может быть должным образом освещена в отрыве от древнетюркского мира Алтайских гор, Средней Азии, Поволжья и Восточной Европы.

Определенное место в этом вопросе может занять карачаево-балкарский язык, по всем признакам являющийся представителем древнего дописьменного языка тюркских племен. Этот язык во многом способствует пониманию самих древнетюркских надписей.

Сохранившиеся древние джокающий и цокающий диалекты карачаево-балкарского языка более сближаются с языком древних болгар, чем йокающий язык чувашей. Цокающий диалект их языка сближается с дигорским диалектом осетинского языка, на котором понимаются известные исторические имена скифо-сармато-аланского мира, читается известная Зеленчукская надпись.

Язык балкарцев и карачаевцев способствует выяснению этимологии многих этнонимов Северного Кавказа, поясняет имена многих исторических лиц и играет важную роль при освещении этнической истории Северного Кавказа.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТРАКТОВКИ СКИФО-САРМАТО-АЛАНСКОГО НАСЛЕДИЯ В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

«Он видел Эфиопов, Лигов и Скифов, доителей кобылиц» (*Геродот*), а «я утверждаю, согласно мнению Еллинов, что... известные северные народы назывались одним именем Скифов или Номадов» (*Страбон*), но «нравы и культура скифских племен различны» (*Помпоний Мела*).

Нет необходимости цитировать далее древних авторов, чтобы показать, как вопросы проникновения ираноязычных племен на Центральный Кавказ породили ряд не совсем верных взглядов на их роль и место в истории народов региона.

Бытуют утверждения, будто бы еще при первом походе скифов через Кавказ они оседали в ущельях Северного Кавказа и ассимилировали автохтонные племена, навязывали им свой язык. Уверовавшие в это утверждение пишут: «Что касается начала иранизация и становления протоосетинского этноса, то этот процесс начинается, по крайней мере, не позже, чем в VIII–VII вв. до н. э.» [87, с. 241; 88, с. 86–96]. Но хорошо известно, что ни Геродот, ни его предшественники не включали Северный Кавказ в зону обитания скифов, а именовали его лишь «дорогой скифов». В предыдущих разделах книги приведено достаточно материала, показывающего, что по-

добная методология интерпретации исторических фактов может привести к утверждению, что иранизация и южных склонов Кавказа, Армении и Грузии началась в тот же период и с еще большим на то основанием, так как основные события скифских походов разворачивались именно там, или же что тюркизация Сирии, Египта и Закавказья началась, по крайней мере, с гуннских погромов Передней Азии в III–IV вв., а арабизация Центрального Кавказа началась с арабо-хазарских войн и походов Масламы в VIII в., что монголизация Восточной Европы была начата в 1222 г. походами Субудея.

Упомянувшиеся предположения Ю. Клапрота отдельные исследователи стараются подкрепить тем, что некоторые этнонимы – *дандарии, роксоланы, аланорсы* – объясняются с позиций ирано-осетинского языка как «рекодержцы», «светлые аланы» и пр. [2, с. 178; 87, с. 233, 236; 179, с. 86]. О научной слабости этих этногенетических построений серьезно говорилось и на сессии по проблеме происхождения осетинского народа в 1966 г. и в специальной литературе [7; 70; 71]. Но стоит отметить, что этимология отдельных этнонимов, на каком бы языке они ни объяснялись, вовсе не свидетельствует о том, что и его носители говорят на том же языке. Например, многие этнонимы кавказских и скифских племен – *троглодиты, гениохи, антропофаги, галактофаги, гиппомолги, меланхлены* и т. д. – объясняются только с греческого. Но рискованно из этого делать какие бы то ни было этногенетические выводы. Живым примером тому являются этнонимы: *осетин, кушха, черкес, кабардинец, чеченец, ингуш* и др., объясняющиеся на грузинском, адыгском, тюркском, русском языках и вовсе не понятные самим носителям. Если даже «дандар» означает на осетинском «рекодержцы», это не означает, что они были иранцами по языку. Рекодержцами скифы должны были именовать народ, преграждавший им путь через реку, владевший речными переправами, устьем или истоками реки, короче, державший реку под своим контролем. А такой рекой на известном меото-колхидском пути скифов, указанным Геродотом, могла быть только Кубань, на берегах которой жили меоты и в районе устьев которой Страбон локализует дандариев, называя их меотским племенем [83, с. 61]. Если даже *рохс* означает на осетинском языке «светлый», то вторая половина этнонима *алан* на осетинском смысла не имеет.

Надо учитывать и тот факт, что один и тот же народ имеет несколько этнонимов на разных языках своих соседей, например: этнонимы *осетин, кушха, дюгер, тегей* – все относятся к осетинам на языках их соседей – грузин, адыгов, балкарцев, карачаевцев – и непонятны самим носителям. Уже отмечалось, что на Центральном Кавказе археологическая наука не знает скифских поселений, а в подборке всех известных погребений степняков скифского времени, в монографическом исследовании В. Б. Виноградова насчитывается всего лишь 50 могил, расположенных в Терско-Кумских степях. Большинство из них разрушено и не представляет полноценного археологического источника [70, с. 38].

Последнее десятилетие сильно изменило и уточнило общую картину. Скифские древности стали массовы в ряде районов степного и пло-

скостного Предкавказья. В новейших исследованиях А. И. Тереножкина, В. А. Ильинской, В. Б. Ковалевской, В. Ю. Мурзина, В. Г. Петренко, В. Б. Виноградова, С. Л. Дударева и других предлагается ныне существенно иное толкование роли скифов в истории степной зоны Северного Кавказа. Однако эта тенденция не распространяется на горную зону региона.

В то же время памятники автохтонных кавказцев даже на равнинной территории известны в виде десятков могильников, поселений, представляющих сотни археологических комплексов [145, с. 76–175]. Поэтому обстоятельные работы Е. И. Крупнова, К. Ф. Смирнова, В. Б. Виноградова, М. П. Абрамовой и других говорят о том, что в VII–IV вв. до н. э. никакого сколько-нибудь существенного иранского населения, способного ассимилировать носителей кобанской древнекавказской археологической культуры, на Северном Кавказе тогда не было [7; 71]. Некоторые исследователи для подтверждения идентичности скифо-сармато-алано-осетин ссылаются на археологические находки отдельных предметов их культуры – стрел, копий, сосудов, украшений и т. п. [129, с. 20; 242, с. 32]. Для полной идилии здесь не хватает только киммерийцев, но, следуя такому методу, и такое предположение вполне возможно, поскольку отдельные предметы киммерийской культуры здесь также хорошо известны [145, с. 61–62]. Если за отдельными предметами всегда видеть этнос, то остается один шаг до расселения египтян на берегах Баксана и Чегема (судя по уникальным египетским скарабеем, бусам и прочим предметам, найденным и описанным В. Ф. Миллером и изученным Б. Б. Пиотровским, В. Б. Виноградовым) или до признания «факта» проживания массы греко-византийского населения в верховьях Кубани, где имеются великолепные храмы, выполненные в византийском стиле [72, с. 39–54; 237, с. 29 и сл.].

Чрезмерно прямолинейно трактуют вопросы скифо-сармато-аланского наследия и этнографы, которые, совершенно игнорируя письменные источники и археологические данные, не приводя каких-либо доказательств, ставят знак полного равенства между скифо-сармато-алано-осетинами, не обращая внимания на то, что каждый из этих народов, в т. ч. и осетины, состоял по крайней мере из 4 различных племен, хорошо различаемых Геродотом, Страбоном, Плинием, Аммианом Марцеллином, Помпонию Мелой, Прокопием Кесарийским, Константином Порфирородным, Моисеем Хоренским, Масуди, Хаукалем, Вахушти и многими другими, вплоть до русских документов XVI–XVII вв. Методологическая несостоятельность и научная беспочвенность таких идей известна в литературе, об этом неоднократно говорили на упомянутой сессии В. Б. Виноградов, М. П. Абрамова, В. Н. Гамрекели, К. Т. Лайпанов и др. [242, с. 177–295].

Однако следует обратить внимание на следующее утверждение Б. А. Калоева: «Неотъемлемой частью осетинского села, весьма явственно связывающей осетин с аланами, является *ныхас* – место сборищ мужчин для решения важнейших общественных вопросов, название которого восходит к древнеиранскому (какому слову? – *И. М.*). Об аланской этнической традиции этого органа общественного управления свидетельству-

ют не только нартовские сказания (разве нарты – это аланы? – И. М.), но и памятники материальной культуры: следы аланского ныхаса в сел. Лац Куртатинского ущелья в Северной Осетии и в сел. Верхний Чегем (откуда видно, что это аланские села? – И. М.). Подтверждением участия аланов-осетин в этногенезе соседних балкарцев, карачаевцев и адыгских народов следует считать сохранение у них ныхаса (у балкарцев и карачаевцев – *ныгъыш*, у адыгов – *хас*)» [242, с. 107]. Однако едва ли на основе лишь одного термина *нихас* (*ныхас*) правомочно делать столь далеко идущие выводы. В самом деле, где же автор мог видеть *нихас* или балкарский *ныгъыш*, или адыгский *хас* хотя бы на одном аланском поселении или городище от Терка до Кубани и от IV до XIII в.? Что касается сел. Лац и Верхний Чегем, так это не аланские села, а осетинское и балкарское. Как один из авторов публикации и раскопок Верхне-Чегемского городища XIII–XIV вв., не могу не заметить, что ничего похожего на *ныгъыш* там обнаружено не было.

Назначение и функции самого органа – *ныгъыш* поняты и переданы не совсем верно. *Ныгъыш* у балкарцев и карачаевцев – это не просто «место сборища мужчин». Сюда собирались не все мужчины любого возраста, а старейшины общины, фамилии или рода, квартала, селения. У этих народов не только не дозволялось, а считалось бестактным для молодых людей толпиться, вольничать и даже присутствовать здесь без особого разрешения старшин. Это собрание старейшин. Лишь с дозволения аксакалов, или имея к ним какое-нибудь важное поручение, молодые люди могли здесь присутствовать, например, как пригласили балкарские нарты молодого Ерюзмека к седобородым старцам на *ныгъыш* [304, с. 36–37]. Именно в таком смысле – как место сбора старейшин для обсуждения особо важных дел – *нихас*, *ныгъыш* и *хас*, или под другим названием, существовал у многих народов мира, о чем писал еще Гомер в «Илиаде». Ни один из письменных источников об аланах не содержит сведения, что у них был *нихас*, и ни один археолог его не находил ни на одном аланском поселении. В фонетическом отношении слово *ныгъыш* у балкаро-карачаевцев стоит в таком лексическом ряду, как *жыгъыш* – «борьба», *чабыш* – «гонки», *сагъыш* – «дума», *чыгъыш* – «выход» и т. п. Термин сам мог перениматься, но функции института у каждого народа могли быть специфичными. Разумеется, общность терминов у разных народов никак не может быть «свидетельством участия в этногенезе» того или иного народа хотя бы потому, что общераспространенный по всему Кавказу институт аталычества носит тюркский термин, восходящий к слову *аталыкъ*, т. е. «отцовство», а в 922 г. посол багдадского халифа Ибн Фодлан зафиксировал этот институт у волжских болгар [193, с. 140].

Говоря о генетической преемственности осетинских построек от аланских, Б. А. Калоев пишет: «Весьма важным подтверждением этому может служить и создание аланами ряда оригинальных в историко-архитектурном отношении жилых, оборонительных и культовых сооружений (башни, замки, церкви, склепы и пр.), сохранившихся до сих пор в виде развалин по всей горной Осетии, Кабардино-Балкарии и в верховьях Кубани. **Аланы, живя в течение многих веков в Центральной части**

Северного Кавказа, создали здесь свое строительное архитектурное искусство, генетически перешедшее к осетинам и во многом отличающееся от подобного им у соседних народов» [242, с. 108]. Подчеркнутые слова субъективны, потому что упоминаемые автором сооружения относятся ко времени XIV–XIX вв., когда аланов не существовало, а **аланы, жившие в Центральном Предкавказье в V–XIII вв., как раз тем и отличались, что у них не было какого-либо каменного зодчества** [136; 137], а потому, естественно, аланы Центрального Кавказа не могли «генетически» передать потомкам то, чего у них не было.

Этнографическая наука, и особенно труды И. И. Щеблыкина, Л. П. Семенова, Е. И. Крупнова, давно установила тот факт, что у вайнахов, хевсуров, сванов и других горских народов башенное строительство издавна процветало, дало кавказской этнографической науке великолепные образцы и достигло определенного зенита [146]. Именно из этих очагов и перенято осетинами, балкарцами, карачаевцами и адыгами башенно-склеповое строительство.

Нельзя не остановиться еще на одном выводе этнографа Б. А. Калоева. В своем докладе, посвященном «этногенезу осетин по данным этнографии», он назвал алано-осетинскими такие общекавказские элементы одежды, как башлык, аркалык, чарык, бешмет, чебкен, бурка и мн. др.

Б. А. Калоев всегда ссылается на Ю. Клапрота, но никогда не цитирует его следующую фразу: «Бурки они (осетины. – И. М.) не умеют делать, покупают их у черкесов и басиян, которые очень хорошо их изготовляют» [228, с. 157].

В связи с этим хотелось бы отметить, что специфические головные уборы – башлыки – были известны персам и мидянам еще в V в. до н. э., о чем свидетельствуют изображения над входом в гробницу Дария в Персеполе [319, с. 8–11], а в мировую науку и во множество языков они вошли под тюркским термином, обозначающим «наголовник». Трудно допустить, чтобы у множества ираноязычных и кавказских народов не было своего термина для обозначения головного убора, если бы это было их изобретением. Но дело в том, что башлык – это не простой, не обычный убор, и ни один народ не перенимает у другого того, что имеет у себя. Не перенимает он и чужое название раньше, чем сам предмет, и не называет бытовавший у себя предмет чужим термином, если есть свой эквивалент. В прошлом веке мы не знали ни терминов, ни предметов – космодром, лайнер, билет, рейс, такси и многих других. Теперь, наряду с ними, у многих азиатских и кавказских народов бытуют *галифе, фуражка, сапоги* и пр. А вот такие повседневные термины, как *соль, хлеб, вода, рубашка* и пр., испокон веков имевшиеся в быту каждого народа, не перенимаются. Следовательно, надо полагать, что перенимаются только ранее не бытовавшие, новые предметы и термины, причем перенимаются они вместе с их названиями. Отсюда можно сделать вывод о том, что перечисленные Калоевым тюркские термины и предметы попали в кавказскую среду только вместе с тюркскими племенами, либо в результате контактов с ними, но никак не раньше или независимо от них.

К сожалению, этот вывод, естественно бросающийся в глаза, тщетно искать в кавказоведческой этнографической литературе, как будто от этого признания могут пострадать чьи-либо исследования. Все сказанное в полной мере относится и к таким социальным терминам, как: *аталык* – «отцовство», *там-ата* – «отец дома», *езден* – «от себя» (имеется в виду живущий своим трудом), *бек*, *кабак*, *бий* и мн. др. Создается впечатление, что в работах Б. А. Калоева аланы V–XIII вв. не всегда отличаются от осетин XIV–XIX вв. Слова В. Ф. Миллера о том, что «кладка и форма башен и склепов Балкарии и верховьев Кубани похожи на осетинские» [242, с. 108], используются как аргументация далеко идущих выводов, объявляющих Балкарию, Карачай, Кабарду **исторической территорией алано-осетин** [242, с. 109–110]. Но Миллер ошибался. Форма склепов Балкарии, Карачая и Дигории и погребальный обряд в них резко отличаются от осетинских склепов [192]. А между тем историко-археологическая наука давно установила, что центральная часть Северного Кавказа, окруженная объединениями тюркских племен гунно-болгаро-хазарского конгломерата на Кубани, в Северном Дагестане и Терско-Кумских степях, а позднее теснимая половцами, лишь в отдельные исторические периоды могла быть **исторической территорией аланов**: до гуннских погромов IV в. между падением Хазарского каганата и появлением половцев-кипчаков IX–XI вв. Историческая же территория осетинского народа складывалась столетиями позже, совершенно в других исторических условиях, в иной физико-географической и этнополитической среде горного Кавказа, в ущельях верховьев Терека. Наконец, автор не учитывает, что в те годы, когда писались работы В. Ф. Миллера и его последователей, изучение тюркских народов Северного Кавказа и северокавказская тюркология не сделали даже первых шагов, что позволило Миллеру сделать по 11 лексическим сходениям поспешные выводы о том, что «на территории Балкарии и Карачая раньше жили алано-осетины» [179, с. 7, 102–116]. Имеющиеся теперь факты всех смежных исторических наук и языкознания существенно меняют картину. Определенным стимулом для рассмотренных выше утверждений служит и книга В. А. Кузнецова «Зодчество феодальной Алании». В. А. Кузнецов считает аланскими и каменные ящики верховьев Архыза, относящиеся к XIII–XIV вв., т. е. ко времени, когда аланов, как таковых, не существовало. Эти памятники ни хронологически, ни по конструктивным деталям погребальных сооружений, ни по погребальному обряду ничего общего с аланскими не имеют. Все отмеченные взгляды осетиноведов питают идеи В. И. Абаева, который свое выступление на сессии 1966 г. начал с того, что подверг резкой критике В. А. Кузнецова за то, что тот в своей монографии «Аланские племена Северного Кавказа» писал о том, что в письменных источниках термин *алан* рассматривается в собирательном смысле, что при «разборе термина *алан* ставятся на одну доску домыслы, будто бы этот термин происходит от названия горного хребта на Алтае, и лингвистически обоснованная этимология, связывающая термин *алан* с древнеиранским *арриан* со строго закономерным фонетическим развитием» [5, с. 10; 2, с. 246]. Но под термином *аланы* объединяют много племен люди, жившие во времена

аланов и хорошо их знавшие, в том числе и лучший знаток их быта, нравов, обычаев, уклада жизни – Аммиан Марцеллин (IV в.). Это он писал, что аланы берут свое имя от названия гор на Алтае, и Кузнецов здесь ни при чем. Термин *алан* с тюркских языков означает «долина», и это совсем не домысел. Н. Г. Чернышевского трудно заподозрить в авторстве различных домыслов. А вот что касается домыслов, так здесь совсем недалеко до возведения имени античного автора Арриана к древнеиранскому *арриан*. И наконец, почему же «эта строгая фонетическая закономерность» ничего не означает на ирано-осетинском языке и в их словарном фонде вовсе отсутствует?

Далее Абаев пишет: «Я оставляю в стороне сведения античных авторов об аланах, сведенные Кулаковским, и начну с первого чрезвычайно важного свидетельства о языке кавказских аланов, принадлежащего византийскому писателю XII в. Иоану Цецу». Иоан Цец зафиксировал довольно странное приветствие своего господина, которое в переводе звучит так: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?» Трудно спорить по поводу правомочности такого перевода, но вот смысл этого приветствия для эпохи XII в., когда господин являлся тенью бога на земле, вызывает подозрение не только у специалистов – историков. Великолепный поэт, прозаик и филолог, незаурядный эрудит своего времени Иоан Цец (1110–1180) оставил после себя 12 674 политических стихотворения, огромное количество писем-размышлений. В числе этого наследия ведущее место занимают «Аллегии к «Илиаде» и «Одиссее» [336, с. 25. 1 и сл.].

В его аланской фразе [2, с. 255] из тринадцати слов только два можно считать осетинскими. Это слова *та* – «твой», «тебе» и *пан* – «день». Все остальное без всяких поправок, добавлений, догадок, которыми изобилует сочинение Абаева, довольно просто читается на тюркском языке. В этом приветствии нет дигорского слова *хварз* или иронского *хорз*. Там есть общетюркское, повсюду употребляемое во множестве словосочетаний слово *хош/хос*, означающее «добро»: *хош кель* – «добро пожаловать», *хош кьал* – «оставайся с добрым», *хош бол* – «будь добр» и т. п. Такими же общетюркскими являются слова *хоти* или *коин*, *кордин*, *каитарыф* и др. А неподдающееся с осетинского объяснению и приводящее многих в недоумение «как тебе не стыдно» в приветствии своего господина представляет собой оригинальный идеоматический образчик, свойственный только балкаро-карачаевскому языку. Оно звучит как «*Оуа оюнгни!*» и передано Цецом в словах *OUā OUYŪE*. Подобное выражение употребляется до сих пор в уважительно-укоряющем, почтительно намекающем на какую-нибудь опрометчивость весьма уважаемого человека смысле, как если бы простой прихожанин намекал на оплошность своего священнослужителя. Чаще всего эта фраза означает нечто вроде: «Как же так могло случиться?», «Где же вы были?» и пр. Но поскольку Иоан Цец передавал приветствие в стихотворной форме, он не нашел ничего лучшего и перевел: «Как тебе не стыдно?». Это можно понять, ведь идеоматические выражения труднопереводимы. Но огромной заслугой Цеца является то, что он очень точно передал труднопередаваемый даже сегодняшней ор-

фограммой тюркский звук *ng* греческой буквой, которая всегда означала звук *z* [335, с. 431–432], звук *z̄* [330, с. 165], звук *zn* [338, с. 519]. Особенно важно, что Гомер, чьи поэмы очень хорошо знал Цец, буквой «Υ» передавал звук *ng*, как в словах «фаланга» и др. [325, с. 226–227].

Таким образом, фраза Иоана Цеца – действительно бесценный документ, позволяющий по-новому взглянуть на язык аланов. Даже если в этой фразе два слова осетинских, они не меняют дела. У кабардинцев, например, стали неотъемлемой частью их речи тюркские приветствия, поздравления, благодарности: «Базар болсун!» – «Да будет базар!» или «Берекет берсин!» – «Да будет благодать!» и пр. Опрометчиво, найдя эти слова, считать любую кабардинскую фразу тюркоязычной. А потом, нельзя путать аланов первых веков и аланов через 12 столетий. За это время могли произойти огромные изменения, в т. ч. и языковые, в такой гуще племенных смешений, как на Северном Кавказе. Одни племена могли потерять свой язык, как, возможно, дигорцы, как болгары на Дунае, другие – распространить его на других, как аланы в отношении кавказцев: тагауров, куртатинцев, двалов (туалов) и дигоров. Именно о таком процессе говорят многие античные авторы, и не надо оставлять их сведения в стороне. Почему же сбрасывать со счетов слова того же Марцеллина? Может быть, только потому, что он в IV в. писал: «Вокруг этих болот (Меотиды – Азовского моря. – *И. М.*) живут разные по языку **яксаматы, меоты, языги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны, агафирсы...** и другие неизвестные, вследствие того что живут вдали от всех» [206, с. 327]. Здесь перечисляются как раз те племена, которые на той же сессии Ю. С. Гаглойти пытался объявить ирано-осетинским этносом [88, с. 76–78]. Или, может быть, потому, что тот же античный автор писал: «За нею (за Доном. – *И. М.*) тянутся бесконечные **степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор** (вот это и называется Абаев домислом Кузнецова. – *И. М.*). Они мало помалу **постоянными победами изнурили соседние народы и распространили** на них свое имя, подобно персам» [206, с. 340–341]. Зачем же сбрасывать со счетов слова Страбона, приведенные нами во введении? Может быть, потому, что он писал, что вся эта масса племен, именующихся сарматскими, «говорила на разных языках»? По этим же причинам отбрасываются сведения Менандра Византийца, Прокопия Кесарийского, Ибн аль-Асира, Ибн Хаукаля, Масуди и мн. др.

В. И. Абаев особенно выступает против этих слов Марцеллина и упрекает исследователей за то, что они, следуя за Марцеллином, считают термин *алан* географическим, собирательным. Он пишет: «В современной иностранной прессе почти за правило принято называть всех советских людей русскими. Но кому же придет в голову на этом основании утверждать, что русские, как особый народ, не существуют, что они являются «географическим понятием»? [2, с. 44]. Все верно. И аланы существовали как отдельный народ, и русские существуют как особый народ. Но их именами покрывались и покрываются у далеких авторов и многие другие народы. Но кому же может прийти в голову утверждение, что все те, кого в иностранной

прессе называют русскими, или все те, кого мы и сегодня именуем дагестанцами, кавказцами, азиатами, представляют только один народ?

Далее В. И. Абаев, сославшись на разобранные выше утверждения Миллера и Клапрота, заключает следующее: «Перекрестное сопоставление разных свидетельств показало, что народ, который, скажем, в византийских источниках назывался аланами, в русских летописях был известен под именем ясов, а в грузинских – овсов, или осов, т. е. осетин... От этого вывода никуда не уйдешь» [5, с. 11].

Как отмечалось выше, сопоставления Миллера вызывают серьезные сомнения: Указанный Абаевым этноним ни на греческом, ни на грузинском, ни на русском, ни на осетинском языках не понимается, и ни один народ не может называть другой народ непонятым для себя термином, которого в его словарном фонде не существует. А поэтому приходится признать, что этнонимы *ас* и *алан* были переняты этими народами у тюрков. У грузин термин *ас* превратился в *ос* и *овс*, а у русских – в *ясс*. Ратуя за единоязычие всех племен, входивших в объединение под эгидой аланов, В. И. Абаев продолжал: «Исторические факты говорят о том, что именно племенные объединения были чем-то рыхлым и неустойчивым, тогда как входившие в них этнические единицы – стабильными и долговечными, а не наоборот. Отмечу попутно, что «племенные союзы» стали играть у некоторых авторов ту же роль, которую играли у Марра «стадии». «Племенные союзы» как «стадии» меняют друг друга. А где же отдельные народы? Они исчезают, растворяются. Их индивидуальные черты уже невозможно распознать, как на размытой фотографии нельзя отличить одну физиономию от другой». Во-первых, не следует термин *племенные союзы* брать в кавычки, это стадии не по Марру, а по Марксу. Племенные союзы – это реально существовавшая, объективно складывавшаяся историческая общественно-экономическая формация, предвестница государственных образований, которую в своем развитии прошли все народы от ирокезов до германцев и греков, от кельтов до американцев и римлян на стадии своей героической эпохи военной демократии. Эти положения – краеугольный камень марксистско-ленинского учения, с ними следует считаться.

Сошлемся на Фридриха Энгельса. «Вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ» [313, с. 4, 109–112, 121–124, 131, 148–149, 169], как множество живших на Северном Кавказе в тесном соседстве племен, именовавшихся ранее аланскими, уже ко времени Иоана Цецца могли говорить на одном из иранских наречий. «...Члены родов, фратрий и племен должны были весьма скоро перемещаться, в округе фратрии и племени селились жители, которые, будучи соотечественниками, все же не принадлежали к этим организациям, следовательно, были чужаками в своем собственном месте жительства». Такие же частые перемещения народов происходили и на Северном Кавказе в бурную эпоху Великого переселения народов, вызванного вторжением гуннов в Предкавказские степи. Во-вторых, в период военной демократии и племенных союзов, в период отмеченных перемещений племен накануне государственных образований происходит постепенное слияние языков

и распространение имени победителя на побежденные племена, о чем так красочно писал Марцеллин.

Ф. Энгельс раскрывает эту мысль следующими словами: «По всем странам бассейна Средиземноморья в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, уже не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков – все они превратились в римлян» [313, с. 149]. Так же примерно к X–XII вв. постепенно превратились в аланов в глазах далеких эллинов – авторов письменных источников – многие северокавказские племена, имевшие раньше свой язык, свою культуру и свое этническое лицо. А многие просто могли покрываться в этих источниках именем более известного племени, хотя на местах могли именоваться совсем иначе. Ничего похожего на размытую фотографию нет в этом объективном ходе исторического развития тесно соседствовавших племен с одинаковыми хозяйственными и экономическими укладами, живущих в одинаковых физико-географических, социально-политических условиях. В-третьих, племенные союзы сменяли друг друга точно так же, как сменяли друг друга родовая организация, рабовладение, феодализм, капитализм. Народы при этом не исчезают, а переходят из одной стадии развития в другую, а в далеких письменных источниках они продолжали выступать под именем того племени или народа, который господствовал в тот период. Под тем же нивелирующим рубанком множество разноразличных племен называлось скифами, сарматами, аланами или же гуннами, хазарами, половцами и т. п.

Наконец, вывод Энгельса: **«Союз племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа»** [313, с. 169]. Нет никаких оснований полагать, что Северный Кавказ и аланские племена были какой-то феноменальной аномалией от этих общечеловеческих закономерностей, установленных марксистско-ленинским учением о развитии человеческого общества. Далее В. И. Абаев пишет: «Нет надобности останавливаться на всех авторах, которые касались алано-осетинской проблемы после Вс. Миллера. Упомяну только некоторых». И, сославшись на ряд справочных, энциклопедических изданий и нескольких зарубежных исследователей (В. Томашека, Роберта Бляйхштейнера, Н. Шельда, Д. Герхардта), которые далеки от марксистской диалектики развития общественно-экономических формаций, для которых утверждения буржуазных ученых Миллера и Клапрота непререкаемы, приходит к заключению: «Итак, в науке действительно царит полное единодушие по вопросу об аланах (как будто бы его источники представляют всю науку. – *И. М.*). Единодушие не в том, что аланов как особого народа не существовало (этого никто и не говорил. – *И. М.*), а в том, что такой народ существовал и имел вполне определенный этнический паспорт». Нам кажется, что в такой работе, как разбираемая, была прямая необходимость учитывать как можно больше работ, касающихся темы,

как можно шире разобрать все «за» и «против», а не ограничиваться лишь весьма сомнительными популярными справками из немецких, шведских энциклопедических словарей, т. е. учитывать только то, что созвучно своим построениям. Почему же не учитывать известия уже упоминавшихся средневековых авторов, выводы А. А. Спицина, М. И. Артамонова, Е. Н. Пчелиной и других, которые доказывают, что асы и аланы – это два различных народа. Почему же не упомянуть слова Б. Е. Деген-Ковалевского о том, что «термин *алан* и *ос* и стоящие за ними этнические образования совсем не полностью совпадают и искони существуют параллельно, с разным этническим и социальным содержанием в разные исторические периоды» [106, с. 446]. Почему же отмахиваться от мнения В. А. Кузнецова о том, что «термин *осы*», введенный в историографию грузинскими хрониками... вероятно, связан с этнонимом *асы* [134, с. 119] и что этноним *асы* – название многих тюркских племен и родоплеменных групп? Наконец, почему бы не сказать о том, что десяток восточных авторов, великолепно знавших народы Азии и Востока, различали аланов и асов? Почему бы не обратить внимание на тот факт, что в 1116 г. сын Владимира Мономаха, Ярополк, ходил на Дон против половцев, ограбил и покорил их города Шарукан, Сугров, Балин, а в плен «приведя с собой Ясы и жену полоня Ясыню»? Вероятно, все это потому умалчивается, что в действительной науке нет никакого единодушия в том, что многочисленные племена, объединенные в письменных источниках термином *скифы*, *сарматы*, *аланы*, являются единоплеменными иранцами-осетинами. Вот от этого факта, вытекающего из массы имеющихся сведений, действительно уйти некуда.

Единодушия нет даже среди наиболее осмотрительных осетиноведов. Мы уже говорили, что не был столь категоричен даже сам Ю. Клапрот. А В. Ф. Миллер вынужден был признать, что «свидетельства об аланах только отчасти касаются овсов (осов), а частью могут относиться к другим племенам Северного Кавказа» [179, с. 47]. В заключение своих знаменитых «Осетинских этюдов» он пришел к выводу, что, по данным множества фактов и «показаний Ламберти, Потоцкого, Клапрота, Рейнегса, под последними носителями термина *алан* были балкарцы и карачаевцы» [179, с. 115–116]. Остерегался полностью отождествлять аланов и осетин и З. Н. Ванеев, а Г. А. Кокиев прямо писал: «Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала приводит нас к заключению, что насколько сомнительно отождествление предков осетин с аланами, настолько основательно отождествление балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами» [150; 151]. Все это далековато от того единодушия, о котором говорил В. И. Абаев, ссылаясь на работы Мункачи «Аланские языковые элементы в венгерской лексике», шведского лингвиста Щельда «Осетинские заимствования в венгерском», список слов венгерских ясов, опубликованный Неметом, где он постоянно заменяет слово «аланские» на «осетинские», но нигде не подчеркивает, что все эти **параллели наблюдаются лишь только на дигорском диалекте**, который отличается от иронского по «самому ядру словарного состава... расходится с ним даже в местоимениях» [5, с. 12–13, 21]. Не вскрывается и причина столь разительных расхождений

этих двух диалектов. Между тем этническим паспортом собственно для аланов в археологической науке являются земляные катакомбные погребения, земляные поселения, глиняные культовые курильницы в виде «стаканчиков», т. е. тот археологический комплекс, который характеризует аланов «восточного локального варианта» на той территории, на которой помещал аланов такой авторитетный и всеми признанный источник, как «Армянская география» VII в., – в бассейне Терека и на Владикавказской равнине. Но никак этим паспортом не могут быть башни, замки, крепости, о которых говорит Б. А. Калоев.

Прямо намекая на археологов, Абаев продолжал: «... должно быть ясно, что тем, кто признает этническую индивидуальность аланов и преемственную связь с ними современных осетин, не грозит никакая научная изоляция. В изоляции могут оказаться те, кто наперекор очевидным фактам и свидетельствам пытается растворить реально существующие этнические единицы в безликой «мешанине» племенных союзов и таким образом создать искусственный туман там, где в действительности нет ничего туманного». Однако безликими многочисленными племена, входившие в племенной союз под главенством более мощного племени, делают не отдельные авторы, а реальная историческая обстановка и неминуемая стадия общественно-экономического развития любого племени и народа, о котором так красноречиво писал Ф. Энгельс. В археологии действительно царит известное единодушие в признании отмеченного и реально наблюдаемого у аланов «этнического паспорта». А вот именно не археологи и осетиноведы – Б. А. Калоев, Ю. С. Гаглойти, Б. А. Алборов и другие последователи Абаева, считающие без разбора иранцами-осетинами всю эту «мешанину» реально существовавших племен, четко различаемых по языку и культуре древними и средневековыми авторами, – забывают хотя бы то, что сам Геродот из 15 племен, называемых «скифскими», собственно скифами по языку считал только пять из них; сарматы состояли из сираков, яксаматов, языгов, аланорсов, роксоланов, аорсов, «говорящих на разных языках»; аланы состояли из четырех племен, а «почет и власть принадлежали племени дагсас»; наконец, сами осетины состоят из двалов, дигорцев, иронов, тагаур, куртатинцев.

Одно дело, что с IV в. аланы, теснимые гуннами, «мало-помалу распростирали на другие племена свое имя» и в XII в. зафиксировано довольно странное приветствие, и уж совсем другое, пользуясь этим и ссылаясь на то, что скифы когда-то проходили через Кавказ, ставить знак полнокровного этнического равенства между скифо-сармато-алано-осетинами.

Однако наименование всей археологической культуры средневекового Северного Кавказа «аланской культурой», а не «культурой северокавказских племен» и наводит тот самый туман и напоминает размытую фотографию, о которой говорил Абаев. Историко-археологические исследования свидетельствуют о том, что аланы – это одно из сарматских племен; в I–III вв. отдельными группами появляются в предкавказских равнинах; в IV–VII вв., теснимые гуннами, заселяют предгорья Западного Предкавказья; в VII–IX вв., теснимые болгарами, теряют Прикубанье и широко осваивают

бассейн Терека и оказываются зажатými между отмеченными объединениями тюркских племен. С этих пор они почти полностью теряют возможность свободного сношения с Волго-Донским и Приазовским районами своего прежнего обитания. Их разделяет масса тюркских племен болгаро-хазарского круга, составляющих мощный Хазарский каганат, контролировавший всю политическую и культурно-экономическую жизнь Южно-Русских степей и Северного Кавказа, именующихся с этих пор Дешт-и-Хазар, т. е. степи Хазарские. С падением каганата аланы получают большую политическую и экономическую возможность контролировать Северный Кавказ. Однако их влияние ослабевает с появлением нового мощного объединения тюркских племен во главе с кипчаками-половцами, когда те же степи стали именоваться Дешт-и-Кипчак.

Попав в чужеродную среду горцев, аланы вынуждены были перенимать у них черты материальной культуры и формы хозяйства. Особенно это видно после XIII в., когда прекращают существование аланские городища и катакомбы. Начинается непосредственный процесс формирования осетинской народности. Алано-осетины в течение веков превращаются в осетин-горцев с каменными жилищами, башнями, замками, склепами. Но язык и мировоззрение, погребальный ритуал, обычай сопровождать покойного различными сосудами в захоронениях, чего нет у других горцев XIV–XVIII вв., т. е. весь духовный мир остается своеобразным. Массовое расселение здесь аланов подвергло ассимиляции горцев – двалов-туалов [65, с. 146; 84, с. 40 и сл.], а возможно, и небольшое тюркское население, раньше них проникшее в ущелья Дарьяла и составляющее меньшинство. Если аланы-иранцы подверглись в горах ассимиляции в материальной культуре, то горцев постигла ассимиляция языковая. Так случилось с болгарамы, окунувшимися в южно-славянский и фракийский мир на Дунае, в финно-угорский мир на Волге. Примером могут быть и кабардинцы, вырвавшиеся из тысячелетиями складывавшегося абхазо-адыгского массива, продвинувшиеся на бывшие земли аланов и половцев и существенно изменившие свой даже погребальный обряд – перешли к курганному обряду захоронений в деревянных колодах, который в раннем Средневековье, на прежней родине, им не был характерен. Точно так же аланы-равнинники перешли к горским склепам.

Влияние кавказской материальной культуры на аланов сопровождалось влиянием и на их иранскую речь местнокавказского субстратного языка горцев, что давно доказано В. И. Абаевым и другими языковедами. Конечно, в языке изменения происходили гораздо сложнее и медленнее, чем в культуре. Один за одним уступались или смешивались с горно-кавказскими наименее существенные элементы этнического облика с постепенным нарастанием уступок, более сложных, более консервативных черт, начиная от формы одежды, формы украшений, формы жилищ, формы погребального сооружения. Мы не случайно повторяем слово «форма», так как содержание еще долго могло оставаться самобытным и специфичным – оформление интерьера жилища, метод ношения того или иного украшения, наделение погребального сооружения каким-то особым, этническим, свойственным ритуальным, предметом или признаком,

несмотря на то что это была уже не катакомба, а каменный ящик или склеп. И лишь в последнюю очередь, с истечением многих веков мог измениться и погребальный обряд, самый консервативный этнический признак. Живым примером могут служить глиняные болгарские котлы с внутренними ушками в исконно аланских формах погребений – в катакомбах, или деревянные колоды половцев в исконно кавказских каменных ящиках, или деформированные черепа, части туши коней, изображения тюркских всадников с развевающимися косичками в исконно кавказских склепах или катакомбах Северного Дагестана. Все это, в конечном счете, приводит к ассимиляции одного языка другим, к значительному изменению в структуре, к значительному обогащению словарного фонда языков. Этот процесс стимулируется, тормозится или ускоряется конкретно сложившимися историческими условиями. Стечение этих условий способствовало сохранению иранского языка осетин на Кавказе. В культуре и языке соседних кавказских народов отразились иранские, алано-осетинские отложения. Точно так же можно наблюдать и обратные связи. Однако некоторые осетиноведы эти отдельные явления, объективно порожденные историческими условиями совместного, почти двухтысячелетнего соседства и тесного контакта ираноязычных, тюркоязычных, адыгских, вайнахских народов, трактуют чрезмерно прямолинейно – как расселение алано-осетин, как историческую территорию осетин, как однобокое влияние осетинской культуры; рассматривают представителей этих народов не иначе как «бывших осетин», и никогда не говорят об обратных течениях, которых достаточно много в этнографии осетинского народа [393].

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПЛЕМЕН

«За Дигорами в области Ардос Кавказских гор живут Аланы»... а если мы доверяем «Армянской географии»... и объективным данным археологии, приходится признать, что соответствующие памятники Осетинской равнины становятся эталоном собственно аланских племен вообще.

В. А. Кузнецов

Научная информативность археологических памятников, играющих огромную роль при решении этнических вопросов, всегда находится в прямой зависимости от объективности их интерпретации. Значимость этого

материала особенно возрастает, когда речь идет о Северном Кавказе, так как регион чрезвычайно пестр по языковому и культурному многообразию в прошлом бесписьменных народов, не имеющих письменных сведений о своей далекой истории, и этногенезу. И если справедливо называли Кавказ «горой языков и народов», то это в первую очередь относится к его северным склонам и горным ущельям, к которым с полным правом можно отнести приводившиеся выше слова Страбона, Масуди, Ибн Хаукаля, «Армянской географии» о пестроте населения Кавказа. Столь же пестра и археологическая картина края, где каждое ущелье или отдельный район представляет скопление самобытных памятников.

Трудности в выявлении этнической атрибуции древностей раннего Средневековья привели в свое время исследователей к не совсем обоснованной версии о связи большей части этих древностей с историей наиболее известного в источниках племени, а именно аланов.

А рассмотренные выше взгляды Клапрота и Миллера способствовали зарождению концепции об «исторической Алании, тождественной исторической Осетии». Уже приводилось достаточно фактов, что идеи Клапрота и Миллера оказались столь плодотворно-живучими только потому, что никогда не подвергались сомнению и анализу на научную прочность. Они отнюдь не убедительны с позиций сегодняшнего уровня научных сведений о кавказских народах.

Теперь рассмотрим, насколько правомочно считать почти все известные археологические памятники северокавказского Средневековья наследием одних только аланов.

В настоящее время установлено, что аланы – это одно из племен сармато-аорского объединения. Наиболее обстоятельно идею преемственной связи аланов и аорсов развивает в своих работах К. Ф. Смирнов [264, с. 192–197, 374; 265, с. 203; 266, с. 39; 204]. Для многих авторов доводом такой преемственности служит термин Птолемея *аланорсы* [32, с. 43; 21, с. 134–140; 205, с. 134–141; 263, с. 34; 265, с. 204]. Во II в. до н. э. центром аорсов являлись равнины Северного Прикаспия и Южного Приуралья, где, по мнению К. Ф. Смирнова, жили «верхние аорсы» Страбона, часть которых занимала и предкавказские равнины [264, с. 197; 266, с. 39]. По заключению ведущих сарматологов, в среде южно-уральских савромато-сарматских племен, в сложении которых приняла участие и часть сако-массагетского объединения Зауралья, Северного Казахстана и Прикаспия, и особенно дельты Сырдарьи, «вызревали» аорсы [264, с. 197, 286].

Установив прочную связь северокавказских аланов с аорсами, ученые подходят к неразрешенной проблеме: откуда у северокавказских аланов появились погребальные сооружения в виде земляных катакомб, ставших эталоном их культуры? Дело в том, что из более чем 500 погребений Прохоровской археологической культуры сармато-аорсов только 33 составляют катакомбы, а для среднесарматского времени I в. до н. э. известны всего 3 катакомбы. В позднесарматский же период, по словам М. П. Абрамовой, катакомбы не характерны ни для Приуралья, ни для

Поволжья. Развивая эту мысль М. П. Абрамовой, В. Б. Ковалевская также приходит к заключению, что земляные катакомбы пока еще до тщательного анализа всего материала не могут являться этнической особенностью северокавказских аланов [9, с. 15; 10, с. 4; 21, с. 122; 160, с. 92; 204, с. 21].

Пока специалисты по сарматской эпохе Северного Кавказа заняты поисками истоков катакомбного обряда, некоторые бакинские археологи в ряде работ преподносят эту сложнейшую проблему как давно установленный факт, не требующий доказательств. Имеются в виду работы И. Алиева, Г. Асланова, В. Алиева [17, с. 178–186; 18, с. 198–211; 19, с. 72–78]. Суть их работ в том, что в Азербайджане, в зоне затопления Мингечаурского водохранилища, было обнаружено более 200 земляных камер-катакомб I–III вв., которые «появляются здесь внезапно и не только не имеют местной традиции, но и не находят, по существу, никаких аналогий в местной среде». Утверждая, что аланы были выходцами из сако-массагетского мира, и ссылаясь на сообщения Иосифа Флавия о нашествии аланов на Закавказье в I в., они пишут: «...аланская принадлежность катакомбных захоронений сарматского времени на Северном Кавказе не может вызывать сомнений... в I в. н. э. и позднее в период походов... можно говорить о вторжении и в северо-западные районы Азербайджана нового этнического элемента – аланов» [19, с. 78–79]. Нельзя не вспомнить, как по первому походу скифов судили о времени оседания иранцев и об ассимиляции горцев. В данном случае то же самое происходит с аланами Мингечаура. Ведь источник, на который ссылаются авторы, говорит лишь о походе аланов в Армению и Мидию: «Аланы, еще более рассвирепевшие вследствие битв, **опустошили страну** (Армению. – *И. М.*) и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств», – пишет Иосиф Флавий [168, с. 484]. В этом отрывке явно видно, что аланы не задержались в этих царствах (Мидии и Армении) и после грабежа вернулись домой. Чтобы оставить после себя такое огромное количество археологических памятников (обнаружено более 200 катакомб), они должны были прожить здесь довольно долгое время. Свой тезис авторы аргументируют сообщениями Леонти Мровели о том, что **«северяне же полностью переправились через Куру** и вступили в Камбечоани, разбили лагерь над Иори и **приступили к дележу пленников и добычи...»**. Далее идут уже известные читателю слова Смбата с просьбой о выдаче пленных и его битва с богатырями-овсами Базуком и Амбазуком. А «История Армении» уточняет, что это были деяния Трдата, и его битва с царем базилов, который «приблизился к государю (Трдату. – *И. М.*) и, вынудив из-под конской сбруи аркан, обвитый ремнем, обтянутый кожей, мощной рукой бросив с тылу, ловко попадает на левое плечо и правую подмышку царя, который в это время поднял было руку, чтобы нанести удар кому-то мечом. Но Трдат увернулся и успел рассечь пополам царя базилов. Все войско его, увидев мощного своего царя рассеченным такой страшной рукой, обратилось в бегство. Трдат пошел по их следам и гнал их до земли гуннов», так что в Камбечоани бази-лы, или «северные враги», которых упомянутые авторы почему-то

езде именуют аланами, не задержались, а остановились для дележа добычи. Грузинские источники говорят о борьбе с овсами, идентичность которых с гуннами и прочими тюрками Северного Кавказа мы уже отмечали, а армянская хроника говорит о борьбе с базами, которые бежали до земли гуннов, преследуемые Трдатом. Следовательно, овсы грузинских авторов – это базы армянских источников. «История Армении» уточняет далее, что земля гуннов «на севере от Дарубанда, ужасной башни, стоявшей у моря, и город их Варачан... Царь севера – хакан, т. е. владыка хазаров, а царица, жена хакана, из рода базилов» [118, с. 267].

«Северные враги», овсы, базы, царь севера – хакан, т. е. владыка хазар, – все это является свидетельством тому, что в приводимых исследованиях источников речь идет о тюркских племенах Северного Кавказа, находившихся тогда под эгидой гуннов, базилов и хазар. Это иллюстрируется тем, как «овсо-гунно-базылы» Базук и Амбазук (Толстый и Самый Толстый) отлично владели арканом, который был наиболее употребительным и излюбленным оружием тюркских воинов.

Авторы, приписывающие мингечаурские катакомбы аланам, вслед за Ю. С. Гаглойти пытаются так же отождествить аланов и маскутов. Напомним лишь слова М. И. Артамонова, что «в разбираемых источниках, наряду с маскутами и гуннами, появляются ранее вовсе не упомянутые аланы» [32, с. 52]. А земли маскутов и гуннов источники локализируют в Южном Дагестане между реками Самур и Бельбек. Это и есть страна Маскат армянских документов. Там же помещает их и крупнейший знаток армянских источников К. Патканов [32, с. 51–53, 57–61; 231, с. 28]. Очерчивая границы распространения христианства при Трдате, Агатангехос, по словам А. В. Гадло, утверждал, что оно при нем дошло «до границ масаха-гуннов и ворот каспиев и той части, где сторона аланов». В армянской версии этого отрывка – «до границы маскутов, по направлению к стране аланов, до страны каспиев». Далее Гадло приводит сведения о том, что при перечислении армянских придворных должностей на четвертом месте по значению Агатангехос называет топократора страны масаха-гуннов [81, с. 32–33]. Эти факты не оставляют сомнения в том, что армянские источники под именем маскутов имели в виду гуннов Южного Дагестана, т. е. масаха-гуннов. Поэтому ссылка Играра Алиева и других исследователей на сведения о маскутах для отождествления их с аланами, а следовательно, обоснования аланской атрибуции Мингечаурских катакомб не могут быть сколько-нибудь убедительными. Достаточно вспомнить слова крупнейшего специалиста по средневековой археологии Евразийских степей А. П. Смирнова, высказанные им в рецензии на работу Л. Р. Кызласова «История Тувы в Средние века».

Он писал: «К сожалению, вопрос о происхождении катакомбных захоронений еще не разработан, их прототипами, скорее всего, явились могильные памятники гунно-сарматского времени на Алтае и в Семиречье» [259, с. 300]. А вот как пишет о катакомбах сармато-аланов М. П. Абрамова, на труды которой постоянно ссылаются указанные авторы. По ее словам, «распространение катакомбных могильников на Северном Кавказе вряд ли мы

можем связывать с влиянием, вернее, проникновением сюда сарматских племен, которые, кстати сказать, не имели ни одного катакомбного могильника и у которых этот обряд был менее всего распространен» [8, с. 77–78].

По описаниям бакинских археологов, катакомбы в разрезе представляли камеры с полусферическими потолками, а подобные камеры на Северном Кавказе являются прототипами хазарских катакомб с двускатными потолками и таких же катакомб Кисловодского района с сильно выраженными тюркскими элементами – половецкие деревянные колоды, деревянная утварь, камышовая подстилка и пр. Такой же тюркской, чертой является и обычай устилать дно камеры травой, досками, что наблюдается в хронологически различных мингечаурских, верхнечирютовских, рим-горских и других катакомбах Кисловодского района и всей территории от Алтая и Хакассии до Южно-Русских степей и Крыма [203, с. 64 и сл.; 233, с. 155; 235, с. 281–282 (рис. 2, 4, 5), 294; 297; 298, с. 130 и сл.; 153, с. 198–199; 154, с. 201; 156, с. 84–85; 207, с. 195; 108, с. 94, 97 (рис. 3), 98, 100; 212, с. 183; 300, с. 161; 254, с. 171–174; 255; 60, с. 282; 267, с. 261–262]. Не находит никакой связи с типично аланскими катакомбами восточного варианта собственно аланской культуры V–XIII вв. и обычай сопровождать покойного жертвенной пищей в виде тушек овец, баранов, коней и пр. Все это является также спецификой тюркских захоронений Средневековья на той же обширной территории [301, с. 144–146; 300, с. 160–161 (рис. 2); 108, с. 98–100; 89, с. 109–110; 233, с. 155, 161–162, 183; 64, с. 91, 103–104; 115, с. 67; 156, с. 83; 235, с. 262; 267, с. 261–266; 232, с. 175, прим.]. И уж явным проявлением гуннской погребальной обрядности следует считать обычай сопровождать умерших панцирями черепах, что характерно для Мингечаурских катакомб [19, с. 82]. Черепаха обожествлялась гуннами, ее изображения широко практиковались на саванах гуннских захоронений. Эти изображения были широко распространены в прикладном искусстве алтайцев, чувашей и других тюркских народов. Изображения черепах украшали шаманские бубны хакасов; большим почитанием пользуются черепаха, лягушка-жаба у балкарцев и карачаевцев. Панцири черепах являются очень частой находкой в раннеаварских погребениях с конем на таких могильниках, как Шомодь, Бадьот и др. [267, с. 261–262; 247; 120, с. 605, рис. 50; 222, табл. XVIII, XXIII; 139, с. 149]. Не могут быть аргументом и деформированные черепа, так как в археологической науке нет еще вполне устоявшегося и не вызывающего возражений объяснения этого явления: Аполлинарий Сидоний в 460 г. н. э. приписывал этот обычай гуннам, об обезображенных лицах гуннов говорит и Иордан [62, с. 161–162; 119, с. 91]. О том, что это гуннский обычай, говорят и многие ученые, в т. ч. К. Ф. Смирнов, на труды которого часто ссылаются Алиев и др. [263, с. 112–114; 115, с. 67; 116, с. 88]. На Северном Кавказе, в Крыму и районах прохоровской культуры сарматов деформированные черепа в большинстве случаев известны либо в скальных гробницах, либо в грунтовых могилах, либо в подземных или полуподземных склепах и только очень редко в катакомбах Прикубанья, Северного Дагестана, восточного варианта

аланской культуры, представляющего эталон аланской археологической культуры Северного Кавказа в V–XIII вв. [157, с. 109–110; 134, с. 15, 17, 79; 196, с. 152 и сл.; 203.; с. 64, 93; 309, с. 56]. По мнению ведущих сарматологов, этот обычай был занесен на Северный Кавказ во времена гуннского нашествия. Он мог бы считаться характерным признаком для аланских погребений, но встречается, однако, «не только у погребенных в катакомбах, но и в других конструкциях – подземных склепах и каменных ящиках, что усиливает наши сомнения в возможности использовать их в качестве этнического признака аланов» [8, с. 76–78]. В исконно сарматской культуре деформированные черепа появляются в массовом количестве (около 83 %) только в II–IV вв. вместе с распространением гуннских луков [21, с. 124–125; 262, с. 18–20]. Специфические тюркско-кочевническими предметами обихода являются кожаные бурдюки, обнаруживаемые в Мингечаурских катакомбах.

Символом верховного тюркского божества Тенгри являются и знаки в виде крестообразно перекрещивающихся линий на предметах из Мингечаура [232, с. 175].

Из всего сказанного вытекает только один вывод: Мингечаурские катакомбы ни согласно письменным источникам, ни по археологическим параметрам ничего общего не имеют с аланами Северного Кавказа. Скорее всего, эти захоронения оставлены гуннами и тюркскими племенами, входившими в их конгломерат.

Недавно Е. А. Алексеева предприняла попытку выяснить, откуда у северокавказских аланов появились катакомбы. Она обратилась к известиям об асах, которых древние авторы локализуют на реке Яксарт, в Средней Азии и Прикаспии, а современные исследователи, и в частности С. П. Толстов, размещали их вдоль северных границ Хорезма, «к востоку и северо-востоку от нижнего и частично среднего течения Сырдарьи (Яксарта), в бассейне рек Или и Чу, вплоть до Тянь-Шаньских гор» [21, с. 134–143; 285, с. 104, 125, 137–140]. Исходя из того, что аланы и асы считаются выходцами из сако-массагетского круга, на территории которых с рубежа н. э. распространены катакомбы, она высказывает предположение о том, что «среднеазиатские сако-массагетские ассии – асиане, вошедшие в состав алано-асской конфедерации племен, возможно, были основными распространителями катакомбного обряда погребения, столь характерного для позднейших аланов» [21, с. 146]. В этой связи стоило бы учесть, что на могильниках Центрального Тянь-Шаня, Алтая, долины Чу, Таласа, Чаткала и Кетмень-Тюбе могилы устроены преимущественно «в виде катакомб с длинным дромосом, хотя встречаются и могилы с подбоями. Погребения в этих курганах антропологически принадлежат европеоидному типу со значительной монголоидной примесью: черепа их часто имеют следы характерной искусственной деформации» [327, с. 80].

Предположение Е. П. Алексеевой заслуживало бы серьезного внимания, если бы оно не базировалось на необоснованно бытующем в науке мнении, будто бы *асы* – это второе имя аланов, и не вызывало естественных, но остающихся без ответа вопросов: почему же аланы, вместе с асами

входившие в сако-массагетский круг, сами не восприняли этот обряд, а превратили его в свою этническую особенность через посредство асов? Ведь в сако-массагетский конгломерат, кроме асов и аланов, входило еще множество племен, в том числе и сами саки и массагеты; почему же катакомбы попали к аланам только через асов, а не через самих массагетов? Почему же на территории расселения асов – в Западном Предкавказье – нет катакомбных погребений во времена асов, т. е. в VII–VIII вв., по «Армянской географии»? Но предположения Алексеевой все же порождают ряд интересных рассуждений: аланы и асы – выходцы из сако-массагетской среды, земли которой находились там, где в I в. китайские источники называют народ и область Янь-цай тождественно кангюю. Затем эта область переименовалась в Аланья-ас, т. е. равнину Ас. В связи с этим очень важно утверждение Абель-Ремюза, М. И. Артамонова и других, что **одна из ветвей массагетов** называлась *арси*, что является китайской транскрипцией имени древних тюрков юэчжей, которые, по сведениям Бичурина, были во всем сходны с хуннами, кангюйцами, янцаями.

Теперь вернемся к так называемой *аланской культуре* Северного Кавказа. В. А. Кузнецов пишет: «Вплоть до последнего времени аланская культура рисовалась как нечто целое, как однородная культура, занимавшая большую часть Северного Кавказа». Сославшись на сообщение Аммиана Марцеллина, Менандра Византийца, Ибн аль-Асира, которые насчитывали множество аланских племен, он приходит к справедливому выводу, что «аланская культура Северного Кавказа не могла быть единой; в этом убеждают нас не только письменные источники, но и современное развитие археологической науки... Термин «алан», введенный в историографию греко-римскими писателями как собирательное наименование ряда племен, обитавших главным образом на Северном Кавказе, требует раскрытия его этнического содержания, что можно сделать в первую очередь археологическим путем», который приводит его к заключению: «Опыт изучения истории и культуры северокавказских аланов показывает, что без дальнейшей разработки аланской проблемы невозможно создать полноценной научной истории современных осетин, вайнахских народов, карачаевцев и балкарцев» [134, с. 11, 133]. Как указывалось выше, подобная трактовка роли аланов в истории народов Северного Кавказа вызвала критику В. И. Абаева. Однако Кузнецов своей этнической интерпретацией археологических памятников, по существу, подкрепляет суждения Миллера. Он пишет: «...историческая Алания состояла из двух этнически однородных племен – асов на территории Карачая и Балкарии и аланов на территории Северной Осетии и отчасти Чечено-Ингушетии» [134, с. 123–131]. Таким образом, игнорируются и сообщения Ибн Рустэ о четырех племенах аланов и сведения Ибн аль-Асира о многочисленных аланских племенах, на которые он только что сам опирался, доказывая неоднородность понятия «аланские племена». Именно он впервые предпринял попытку археологически подкрепить этническое единство асов и аланов, которое так тщетно пытались, вопреки всем приведенным фактам,

доказать Клапрот и Миллер, а вслед за ними Абаев и его последователи. Отмеченный вывод В. А. Кузнецова широко вошел в литературу Северного Кавказа, а исследователи, далекие от знакомства с археологической ситуацией в регионе, восприняли его так, как если бы здесь от IV и до XIII в. и от Кубани до Терека и Сунжи существовала единая историческая Алания.

Попробуем разобраться, насколько правомерно и обосновано археологическим материалом мнение Кузнецова об этническом единстве асов и аланов. Всю археологическую культуру множества северокавказских племен на огромном хронологическом и географическом пространстве он назвал «аланской культурой», вогнал в прокрустово ложе и снівелировал все этническое многообразие Северного Кавказа вездесущими аланами, будто бы безраздельно занимавшими эту территорию на протяжении более чем тысячелетия.

В более поздней и более близко подходящей к действительной исторической обстановке локализации археологических памятников В. А. Кузнецов разделил «предгорную полосу от Кубани до Терека на два варианта: западный – от Кубани до Баксана и восточный – от Баксана до Терека. Но название «аланская культура» сохраняется, хотя следовало бы именовать ее «средневековой культурой северокавказских племен». Именно отсутствие этой оговорки и вызывает большую путаницу при этнической интерпретации этих памятников представителями смежных наук.

Не могут остаться равнодушными и специалисты-археологи, так как, вопреки множеству приводившихся в этой книге фактов, при этнической интерпретации сохраняется старая точка зрения Кузнецова о том, что западный вариант населен частью аланов, именовавшихся асами, а восточный – собственно аланами [136; 137]. А ведь такой авторитетный, по словам самого же Кузнецова, источник, как «Армянская география», размещал аланов восточнее аштигоров, на Владикавказской равнине бассейна Терека, т. е. на территории восточного варианта, который содержит эталоны аланской культуры, отсутствующие на территории западного варианта.

Многообразные памятники горного Кавказа – каменные ящики, склепы, грунтовые ямы, скальные захоронения – отнесены в «горно-кавказский вариант» той же аланской культуры, хотя они ничего общего с культурой аланов не имеют, а поэтому ее следовало бы именовать «горно-кавказской средневековой культурой», которая сама распадается на ряд вариантов по ущельям Кубани, Малки, Баксана, Чегема, Черема, Терека и т. д.

Поскольку «горно-кавказский вариант» этнически связывается со средневековыми потомками кобанских племен, то применение к нему термина «аланская культура» не отвечает современным понятиям историко-культурной общности потому, что не учитывает этнокультурную среду и физико-географический облик, т. е. не учитывается, что до появления аланов здесь обитали различные представители древней и самобытной кобанской культуры. Почему же носители этой древней культуры с появлением аланов, да еще и не представленных в горах аланскими могилками, вдруг должны покрываться термином «аланская культура»? А ведь

именно теперь, с появлением чужеродных племен, постепенно проникавших в горы, должно было бы проявиться все многообразие местной, веками складывавшейся культуры горцев, оказавших значительное влияние и изменивших всю материальную культуру степняков, попадавших в горы.

При историко-этнической интерпретации «аланской культуры» необходимо иметь в виду, прежде всего, соотношение между собой этих двух предгорных вариантов. О неправомочности объединения их под названием единой «аланской культуры», мы уже говорили в тезисной форме [197; 198]. Остановимся на этом вопросе подробнее. Что же общего между этими вариантами?

1. Общим для них являются лишь формы погребального сооружения – катакомбы. Погребальный же обряд этих катакомб резко отличается положением костяков, их ориентировкой, сопровождающим покойного набором предметов, отображающих быт и мировоззрение.

2. В археологическом инвентаре общим являются предметы поясного набора, украшения и в значительно меньшей мере – керамика [134, с. 13–32, 114]. Объединяют эти варианты только внешняя форма погребального сооружения при явной разнице его содержания и та часть инвентаря, которая не связана с какими бы то ни было ритуалами, мировоззрением, спецификой отправляемых при погребении культов, спецификой уклада жизни, являющегося самым подвижным элементом любой археологической культуры. Эти элементы являются определяющими признаками хронологических построений, а при выявлении этнической атрибуции памятников они могут быть лишь дополняющими погребальный обряд – самый стойкий этнический признак.

Погребальное сооружение тоже составляет элемент погребального обряда, но иногда он подвергается изменениям в зависимости от географической среды, в которую попадает народ. В горах невозможно сделать такую же могилу, как в степи, и наоборот. Но изменившаяся форма погребального сооружения еще долго сохраняет этнические особенности содержания погребального ритуала – сопровождение покойного различными, свойственными только этому этносу предметами культа или хозяйственного быта, определенное положение покойного, обрядовая пища, ориентировка костяка и мн. др. В археологии Северного Кавказа хорошо известно наличие в каменных ящиках деревянных колод, характерных кочевникам-тюркам, или наличие в катакомбах аланского типа в Кавминводском районе половецких деревянных колод и предметов тюрко-кочевнического быта – деревянная утварь, глиняные котлы с внутренними ушками (ручками) и пр. [195, с. 242–250; 202, с. 91–93; 298, с. 220–225; 254, с. 171–177]. Поэтому сама форма погребального сооружения без учета сопровождающего обряда не может служить этническим признаком в условиях Северного Кавказа. Тем более не могут быть такими признаками предметы, легко переходимые от одной культуры к другой и больше свидетельствующие о торгово-экономических связях, – оружие, украшения, предметы поясного набора, конской сбруи и т. п. Общеизвестно, что

этническими признаками прежде всего служат элементы, не связанные с производственной деятельностью народа, которые диктуются ему окружающей средой и способом хозяйствования и т. д. [394].

Различия между этими вариантами гораздо более существенны и глубоки:

1. Городища и поселения на западе – «каменные», с мощными каменными оборонительными стенами, башнями, каменными жилищами. На востоке – «земляные», окруженные земляными рвами и валами.

2. Наличие высеченных в высоких скалах гробниц в верховьях Кубани, Малки, Баксана и их полное отсутствие на территории восточного варианта.

3. Наличие подземных, полуподземных, надземных, дольменообразных склепов на Кубани, Малке, Баксане и полное их отсутствие восточнее.

4. Конструкция самих катакомб западного варианта по сводчатым потолкам отличает их от катакомб бассейна Терека и сближает с катакомбами хазар в Северном Дагестане [134, с. 16–17, 28; 203, с. 64, 89].

5. Наличие глиняных котлов с внутренними ушками на территории западного и их отсутствие на территории восточного варианта.

6. Отличие светло-охристых, светло-оранжевых тонов керамики западного варианта от серо-чернолощенной керамики восточного варианта [134, с. 110, 113, 114; 137, с. 60–73].

7. Существенно отличаются памятники и инвентарь дигорских памятников от памятников восточного варианта и сближаются с западным вариантом.

Все эти различия отмечались исследователями, но этот перечень можно значительно дополнить еще рядом серьезных отличительных черт:

8. Наличие в западном варианте массы всевозможных деревянных изделий (столики, ложки, чаши, шкатулки и прочие деревянные колоды, гробовища и т. п.) и их полное отсутствие в памятниках восточного варианта. Эти черты сближают западный вариант с тюркскими памятниками Восточной Европы и Поволжья [91, с. 10, 22–25, 120, 125, 127, 137].

9. Наличие костей жертвенных животных в погребениях – лошадей, коз, баранов – на территории западного и их чрезвычайная редкость в погребениях восточного варианта. Эта деталь также сближает их с памятниками Приморского Дагестана и болгар на Волге [91, с. 22–25, 120, 127, 137; 203, с. 92–94].

10. Наличие деформированных черепов в катакомбах западного варианта и их отсутствие в восточных сближает западный вариант с памятниками Приморского Дагестана [203, с. 64, 93; 134, с. 15–17].

11. Южная ориентировка костяков в катакомбах западного варианта и западная с отклонениями на территории восточного. Южная ориентировка сохраняется только в ранних катакомбах у Дарьяла – Чми, Балта, Харх VII–IX вв.

12. Наличие древнетюркских рунических надписей на территории западного варианта и их отсутствие в бассейне Терека.

13. Письменные источники на территории западного варианта размещают аштигоров, а на территории восточного – аланов.

Приведенные отличительные черты двух вариантов наглядно говорят о том, что объединение их в единую культуру неправомерно ни с какой точки зрения – ни по данным письменных источников, ни по характеру археологических памятников, ни по заселявшим их народам. Нет никаких оснований считать аштигоров аланами или их этнически кровно-родственной разновидностью.

Второй вывод, вытекающий из приведенного материала, – тот, что без тщательного исследования памятников Кавминводского района трудно ожидать решающих успехов в изучении этнической истории Северного Кавказа. Достаточно сказать, что здесь насчитывается около 30 поселений со специфическими глиняными котлами с внутренними ушками, более 35 катакомбных могильников. В непосредственной близости размещается и известное болгаро-хазарское городище Хумара, массовые находки тюркских рунических надписей, скальных захоронений. Весь комплекс археологического материала позволяет отнести памятники этого региона к кругу салтовских памятников Хазарского каганата, оставленных болгарами (по С. А. Плетневой) и асами (по М. И. Артамонову) [32, с. 356; 232, с. 5–12]. Исчезновение из этих районов в VII–VIII вв. катакомбных погребений некоторые ученые связывают с проникновением сюда тюркских племен.

Грандиозные события этого времени, связанные с алано-болгаро-хазарскими войнами, распадом Западно-Тюркского каганата, завершаются к середине VII в. возникновением двух крупных объединений – Хазарии в восточной части Северного Кавказа и Северном Дагестане и последнего мощного объединения болгар на Кубани [32, с. 157–169, 171–175; 58, с. 183; 166, с. 262; 221, с. 363]. Эти события заложили основу этнической карты Северного Кавказа VII–X вв. Зажатые в кольце тюркских объединений и оторванные от Восточно-Европейских и Южно-Русских степей, аланы вынуждены были отойти в VII–VIII вв. в бассейн Терека, на территорию восточного варианта, где складываются эталонные формы их культуры, которые выделены ведущим алановедом В. А. Кузнецовым.

Немногочисленная аланская масса, представленная в Прикубанье могильником Байталчапкан, в создавшихся условиях легко могла быть ассимилирована тюрками точно так же, как аланы, ушедшие в Южно-Русские степи [232]. В свою очередь, тюркские племена, рвавшиеся к горным перевалам через Кавказ в V–VI вв. [32, с. 40–68; 81, с. 17–20; 148, с. 115–116; 178, с. 86–89], несомненно, попали под сильное влияние огромной массы аланов, хлынувших сюда в VII–VIII вв., и могли быть ими ассимилированы точно так же, как болгары, оказавшиеся в гуще южно-славянских племен на Дунае и в угро-финской среде на Волге.

Не эти ли события описывает автор «Истории Армении», когда сообщает, что «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле болгар» [118, с. 62]. Не эти ли события получили отражение в нартских сказаниях осетин, потомков аланов, где очень много места отведено борьбе их предков с некими агурами, древнетюркскими племенами, на реке Уарп, т. е. в верховьях Кубани на реке Уруп [133, с. 82–114]. Тут, конечно, стоит вспом-

нить аст-агуров, т. е. восемь агуров, которых мы видели в названии «аштигры». Оставшиеся на Северном Кавказе аланы и болгары попали под пяту хазар и являлись буфером каганата в его отношениях с Византией и Арабским халифатом. Поэтому здесь возникают такие мощные города-крепости, как Хумара, Семендер, Баленджер и др. [59; 203]. Болгары настолько легко ужились с родственными по языку хазарами, что уже к X–XI вв. аль-Истахри, эль-Балхи, ибн Хаукаль и другие, а также многие современные ученые считают язык болгар одинаковым с языком хазар, а хазарский царь Иосиф в X в. называл болгар хазарским народом [32; 37; 143; 306].

В 965 г. походами Святослава было положено начало распаду Хазарского каганата, а в начале XII в. письменные источники и археологические данные фиксируют в Южно-Русских степях и на Северном Кавказе другое еще более мощное тюркское племенное объединение – кипчаков (половцев) [32, с. 426; 29; 216]. Между этими событиями X–XII вв. в районе нынешнего города Кисловодска вновь появляются катакомбы (Кольцо-гора, Рим-гора, у мебельной фабрики и др.), которые В. А. Кузнецов объясняет возвышением западной части аланов, т. е. асов [134, с. 129–131]. Такое объяснение не убеждает, потому что именно в это время восточные аланы представлены куда более пышным и, как никогда прежде, более богатым могильником – катакомбами у станицы Змейской Северной Осетии [138]. Катакомбы Кавминвод этого времени резко отличаются от змейских и по конструкции самих камер, и по погребальному обряду, и по содержимому инвентарю. Эти особенности подчеркивал и сам В. А. Кузнецов. Напомним их:

1. Наличие дощатых настилов, выдолбленных из стволов деревьев колод в катакомбах Кавминвод и их отсутствие в Змейской.

2. Западная и юго-западная ориентировка костяков в первых и восточная, северо-восточная – у вторых.

3. Массовость керамики в катакомбах станицы Змейской (200 экз.) и ее малочисленность в кавминводских.

4. В катакомбах Кавминвод хорошо представлена деревянная утварь, бронзовые котлы, чего совершенно нет в восточных.

Как видно, здесь так же, как и в предшествующий период, право называть эти катакомбы аланскими дает только форма катакомб, хотя и в их конструкции В. А. Кузнецов отмечает ряд существенных особенностей, а мелкий инвентарь, который легко переходил от одной этнической группы к другой на территории всей обширной салтово-маяцкой культуры, не может являться этническим признаком для аланов [136; 137; 259, с. 301]. Разницу между катакомбами у станицы Змейской и на Кавминводах он объясняет христианизацией западных аланов. К этому его склоняют деревянные колоды, западная ориентировка костяков [134, с. 31]. Однако и это его утверждение не может нас убедить. Катакомбы у станицы Змейской также оставлены аланами-христианами, но здесь мы не наблюдаем именно тех черт, по которым автор объявляет кавминводские катакомбы христианскими. Не содержат этих черт и христианские катакомбы аланов у города Нальчика (Песчанка), на стенах которых были даже высечены

христианские кресты [117, с. 27; 134, с. 18; 230, с. 124 и сл.]. Исторически правдоподобнее видеть в этих особенностях проявление не религиозных, а этнических различий. Западная ориентировка, наличие деревянных колод и плах являлись характерной чертой памятников западного варианта и в предшествующее время, когда эта территория была заселена болгарами, асами, хазарами. Эти особенности были характерны и для болгар VIII–IX вв. на Волге [91, с. 10, 125, 133]. К тому же деревянные колоды и их разновидности являлись неотъемлемой деталью погребального обряда половцев Южно-Русских степей и Северо-Западного Предкавказья в XI–XII вв. [233, с. 155; 216; 297, с. 130 и сл.]. Не потому ли половцы хоронили своих покойных в этих колодах, что вели свое происхождение от легендарного мальчика, найденного в дупле дерева [37, с. 550].

Приведенные факты говорят о том, что группа аланов, оставившая катакомбы X–XII вв. на Кавминводах, была сильно тюркизирована, точно так же, как и вся их масса в районах салтово-маяцкой культуры еще в VIII–IX вв. [32; 232].

Из всего сказанного о западном и восточном вариантах «аланской культуры» вытекают следующие выводы:

1. С территории западного варианта аланы в VII–VIII вв. одновременно уходят и на территорию восточного варианта, и в Южно-Русские степи в результате болгаро-хазарских войн.

2. Все черты, отличающие западный вариант от восточного, сближают западный вариант в VII–IX вв. с болгарами, хазарами и другими тюркскими племенами каганата, а в X–XII вв. – с половцами.

3. В VII–VIII вв. аланы, потеряв районы Прикубанья и Кавминвод, оказались на территории восточного варианта зажатými между крупными государственными объединениями – болгар на Кубани, хазар в Северном Дагестане и низовьях Кумы и Терека.

4. Здесь, в бассейне Терека, археологи выделяют специфически аланскую археологическую культуру.

5. Небольшая часть аланов Прикубанья, оставившая катакомбы Байталчапкана в условиях болгаро-хазарского господства, вероятно, была ассимилирована тюрками, точно так же, как и аланы салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата. Не потому ли в Прикубанье Миллер и Абаев обнаруживали несколько ирано-осетинских топонимов и удивлялись, что эти топонимы отсутствуют в ближайшей к Осетии Балкарии, а обнаруживаются в Карачае [5; 6]?

6. Население западного варианта, известное в VII в. как аштигоры, представляло тюркские племена асов и тигуров (агуров) и оставило после себя массу наскальных гробниц и тюркских рунических надписей.

Несколько слов о горно-кавказской группе памятников, скрытых под названием «горно-кавказский вариант аланской культуры».

Любое племя, попавшее в условия высокогорного Кавказа, оказывалось перед дилеммой – соблюдение прежних погребальных и хозяйственных традиций либо подчинение естественным физико-географическим

условиям гор и образу жизни горцев. Длительное, многовековое общение с кавказским этнокультурным миром, в который попали аланы и болгары, нивелировало их материальную культуру в первую очередь, а со временем и духовный мир. В конце концов этот процесс завершался в пользу кавказских элементов [242, с. 40–49]. Это особенно красноречиво иллюстрируется богато представленной позднесредневековой археолого-архитектурной башенно-склеповой культурой Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Балкарии и Карачая, получившей наиболее интенсивное развитие в постемонгольскую эпоху. В ней явно прослеживаются уже характерные черты культуры чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев и др.

В период господства болгар и хазар в Прикубанье, в самых глубоких горных ущельях появляются так называемые наскальные гробницы, вырубленные в отвесных скалах. Они составляют специфику верховьев Кубани, Индыша, Малки, Баксана, т. е. горной зоны западного варианта «аланской культуры». За этими пределами они известны в Крыму, на Дунае у болгарского городища Плиски, в Чечено-Ингушетии в верховьях Аргуна и Фортанги [217, с. 73–110, 202]. Подобные памятники совершенно неизвестны на территории основной массы расселения аланов – в бассейне Терека. И тем не менее в литературе предпринимаются попытки приписать и эти памятники аланам. Главным аргументом для этого у исследователей служит то, что «камеры наскальных гробниц очень близки и похожи на камеры земляных катакомб аланов». Несостоятельность этого аргумента выясняется сразу же, как только возникает вопрос: а какую же форму может иметь выдалбливаемая в скале могила, кроме как овальную и в плане, и в разрезе? Неужто многогранную, треугольную или циркульно-круглую?

Т. М. Минаева предприняла попытку связать с аланами и крайне скудный инвентарь из этих погребений (об обряде судить трудно, так как все гробницы опустошены). Но при анализе инвентаря она прибегает к аналогиям только из памятников, очень далеких от культуры аланов. Так, серьги из балки Шубшурук она вынуждена сравнивать с подобными предметами, в частности, из Саркела, Дмитриевского могильника, из Агачкалы, принадлежность которых к хазарам невозможно отрицать [234, с. 148–157; 232, с. 7]. Можно добавить аналогии из болгарских погребений Больших Тархан на Волге, из погребений Верхне-Чегемского могильника, памятников дунайских болгар [91, с. 78, рис. 21 (4–9), табл. XIV (4–12); 190, с. 72]. На могильнике Токмак-кая Минаева отмечает фрагменты глиняных котлов с внутренними ушками, так характерными для болгар [217, с. 15]. В гробницах на реке Хасаут М. М. Ковалевский находил фрагмент костяного предмета с циркульным орнаментом из кружков и точек в их центрах. Т. М. Минаева обнаружила фрагмент деревянного предмета с точно таким же орнаментом и пишет по этому поводу: «...орнамент напоминает узор на костяных пластинках от луки седла, найденных в разрушенном половецком кургане в селе Подлужном, близ Ставрополя. Важно отметить, что резной орнамент, состоящий из кружков с точкой в центре, обведенных плавными кривыми линиями, был известен в раннетюркских могилах Алтая.

В могиле 13 Кудыргинского могильника оказалась часть роговой облицовки луки седла с орнаментом из ряда кружков с точкой в центре... В могиле 4 подобный орнамент украшал игольницу... такой же орнамент украшал колчаны в могилах с конем на Енисее... Но удивительно, что в культуре тюрков-половцев, продвинувшихся в степи Предкавказья, долго удерживались исконно древнетюркские элементы украшений» [217, с. 156–157].

В этих же гробницах были найдены фрагменты седел, сабли, распространителями которых были не аланы, а тюркские племена [203, с. 75–78], а также рунические надписи на древнетюркском, болгарском языке [48; 49; 50]. Две глиняные кружки, которым Минаева пытается найти аналогии в катакомбах, в точности копируют сосуды из Большетарханского болгарского могильника [91, табл. V–VI, рис. 2, рис. 11].

Таким образом, приводимые Т. М. Минаевой аналогии явно противоречат версии о связи наскальных гробниц с аланами. В свете приведенных фактов неопровержимые свидетельства получает высказываемая в современной археологической науке точка зрения о принадлежности этих гробниц тюркским племенам Северного Кавказа [275, с. 89; 160, с. 174]. Не потому ли древние тюркские племена, попавшие в условия высокогорий Кавказа, хоронили своих покойных в подобных скальных камерах, что их происхождение связано с пещерами Горного Алтая? Ведь в этнографической науке широко известны факты, когда многие народы строили свои могильные сооружения по образцу своих жилищ.

До проникновения аланских и болгарских элементов на территории горно-кавказского варианта «аланской культуры» бытовали такие погребальные сооружения, как грунтовые ямы с каменными обкладками, различные каменные ящики. В этой позднекобанской среде легко выделялись катакомбы, как не свойственные Древнему Кавказу. Сложнее обстоит дело с выделением грунтовых могил, ям с обкладками из камней, каменных ящиков, которые были столь же характерны и для тюркских племен раннего Средневековья на обширной территории салтово-маяцкой культуры – на Дону и Донце, в Геленджике и Крыму, на Дунае и Южном Алтае [290, с. 272–275; 257; 30, с. 114; 80, с. 16 и сл.]. Широкое распространение этого вида могил на обширной территории, где были горы, не позволяет усматривать в них этнические признаки, если в каждом отдельном случае не учитывать весь комплекс погребального обряда.

А между тем из среды горно-кавказской группы памятников раннего Средневековья хорошо выделяются могильные сооружения, представляющие грунтовые ямы с каменными обкладками, накрытые каменными плитами, но дно которых представляет обычный грунт. Эти могилы отличаются по погребальному обряду от исконно местных каменных ящиков, с которыми нередко размещаются на одном и том же могильнике, в одно и то же время – Гиляч, Усть-Теберда, Харх, Саниба, Даргавс и до. [134, с. 89–103]. Для наглядности достаточно их сравнить с синхронными и широко известными тюркскими и болгарскими памятниками на Дунае, Дону. Волге, Южном Алтае (Нови Пазар, Зливки, Дмитриево, Большие Тарханы, Кудыргэ).

Особенно интересен в этом отношении могильник Кудыргэ, в котором наиболее ярко выражены все особенности тюркских погребений указанного обширного региона. Он датируется VI–VII вв. и «оставлен тюркским населением, близким во времена авар к населению Подонья» [80, с. 104]. В VI–VII вв. в Подонье, безусловно, могли быть и болгары-кутургуры, имя которых мы склонны видеть в названии самого урочища Кудыргэ. Этот могильник настолько близок памятникам Подунавья VI–VII вв., что известный венгерский археолог Д. Лашло должен был признаться в том, что «если бы этот могильник был раскопан в Венгрии, его материал без всякого сомнения мог бы быть отнесен к венгерским аварам» [80, с. 3]. Со своей стороны, с еще большей уверенностью можно сказать, что если бы этот могильник был раскопан на Северном Кавказе, его материал без всякого сомнения был бы отнесен к горно-кавказскому варианту «аланской культуры». Основные черты погребального обряда Кудыргэ сводятся к следующим:

1. Наличие невысоких, от 25 до 40 см, каменно-земляных насыпей и овальных оградок из камней или вертикально поставленных невысоких (в тех же пределах) каменных плит.

2. Под ними грунтовые ямы, или ямы, обложенные камнем, или каменный ящик с деревянной колодой или составным гробовищем, скрепленным посредством шипов и пазов, с деревянными настилами.

3. Наличие жертвенных туш или частей туши коня, овцы, барана, обилие оружия, стремьян, удила, костяных наборов, поделок из дерева, кости, украшения и чрезвычайная редкость керамики.

Что же общего между этим могильником и некоторыми памятниками горно-кавказской группы? Для могильников Кумбулта, Задалеск, Фаскау, Дзивгис, Лац, Бишт IV–VII вв. (т. е. памятники Дигории до появления здесь аланских катакомб) характерны следующие черты:

1. Овальные выкладки из камней на поверхности земли, или «вертикально поставленные плиты, торчащие из-под земли», или обозначенные каменными оградками [134, с. 95–96].

2. Под ними грунтовые ямы, обложенные камнями или накрытые плитами или деревянными плахами.

3. В них остатки деревянных колод, гробовищ, деревянных настилов.

Нет никакой необходимости доказывать, что это одинаковые погребения.

В могильниках же VII–IX вв. и части отмеченных памятников Дзивгиса и Фаскау наряду с указанными погребениями имеются и типичные каменные ящики, отсутствуют деревянные детали. В X–XII вв. в могильниках типа Саниба, Харх полностью господствуют каменные ящики [134, с. 98]. Таким образом, для Дигории IV–VII вв., времени Кудыргэ, характерны все черты последнего. Для VII–IX вв. характерно сочетание каменных ящиков с угасающими тюркскими элементами – колодами, гробовищами, деревянными настилами. Это падает как раз на то время, когда начинается массовое продвижение аланских катакомб в горы, вплоть до Дарьяла (Чми, Гоуст, Балта и др.). А к X в. наблюдается полное исчезновение отмеченных общих с Кудыргэ черт и постепенное сближение с местнокавказскими каменны-

ми ящиками. Но в отличие от катакомб станицы Змейской они сохраняют западную ориентировку, как и памятники западного варианта «аланской культуры» [134, с. 26, 103]. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что археологический материал свидетельствует о процессе смешения тюркских погребальных черт с кавказскими на протяжении IV–XII вв.

Сравнение же рассмотренных памятников Дигории с синхронными и буквально рядом расположенными катакомбами восточного варианта дает следующую картину:

1. В Дигории наблюдается основная концентрация керамики с зооморфными ручками, красно-охристых тонов. Это сближает памятники Дигории с памятниками верховьев Кубани и отличает от керамики восточного варианта [134, с. 110–114].

2. Находящиеся у Дарьяла катакомбы VIII–IX вв. отличаются южной ориентировкой, что также сближает их с Прикубаньем и салтовской культурой [134; 234, с. 45; 91, с. 123–124].

3. Керамика из кумбултовских грунтовых могил и каменных ящиков более близка к керамике верховьев Кубани, чем к керамике катакомб Осетии [134, с. 90].

Из проведенного анализа горно-кавказских памятников и сопоставления их с синхронными аланскими катакомбами вытекают следующие выводы:

1. По комплексу погребального обряда катакомбы Дигории, как и катакомбы Паласа-сырта, Верхнего Чир-юрта и других окраин восточного варианта «аланской культуры», очень близки к Прикубанским.

2. Керамика дигорских памятников также отлична от керамики восточного варианта и близка керамике Прикубанья.

3. Погребальный обряд дигорских могильников, состоящих из грунтовых ям с каменными обкладками и оградками из плит, резко отличается от синхронных памятников других районов Осетии и полностью совпадает с тюркскими погребениями Алтая, Поволжья, Подунавья, Прикубанья, Южно-Русских степей.

4. О проникновении на территорию Дигории определенной группы тюркского этноса в эпоху раннего Средневековья свидетельствуют более чем 150 тюркских топонимов, содержащих в числе прочего и многие тюркские этнонимы *гузов*, *сабиров*, *басмалы*, *басилов* и др.

5. Владевшие в V–VI вв. Дарьяльским ущельем и контролировавшие весь прилегающий район, гунны Константина Багрянородного позднее подверглись ассимиляции со стороны хлынувших сюда аланов VIII–IX вв.

6. Территория Дигории по совокупности историко-археологических, этнотопонимических, этнографических и фольклорных данных неотделима от верховьев Кубани и Балкарии, т. е. от той территории, на которой жили болгары, дигоры, асы (овсы грузинских источников).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История – предмет беспредельный, многосложный, доставляющий более хлопот, чем приятности или истины...

Августин. О порядке

Подводя итог проделанной работе, автор выражает надежду на то, что ему удалось показать читателю и как сложна затронутая проблема, и как существующая в науке интерпретация этнических проблем Северного Кавказа не всегда соответствует исторической действительности и показаниям письменных источников.

Если этнические корни адыгов, вайнахов, восходящие к зихам, керкетам, гаргареям, кистам, глигви, нохчоматьянам не вызывают сомнений, то участие ираноязычных и тюркоязычных племен в этногенезе осетин, балкарцев и карачаевцев изучено недостаточно глубоко и продолжает порождать большие споры. Мы сознательно заострили внимание читателя на спорных сторонах затрагиваемых проблем, с тем чтобы он сам мог проникнуть в самую суть исторических сведений, письменных источников, исторической ситуации в разные эпохи и составить себе более четкое представление о существующих точках зрения и научных взглядах ученых по целому ряду затронутых вопросов. Внимательный читатель заметил, что многие предположения дореволюционных авторов, без должной проверки и анализа их аргументов, приняты некоторыми учеными за реальные научные аксиомы.

В результате рассмотренных материалов напрашивается вывод о том, что тюркоязычные племена проникли в Европу и на Кавказ задолго до новой эры. Вероятно, эти племена находились уже в среде скифов, иначе трудно объяснить такие факты, как этнографические особенности ряда скифских племен, их ономастика, по которой, собственно, и известен язык скифских племен, целый ряд лексем, понимаемых только на тюркском языке. Только среди тюркских племен – гуннов, хазар, половцев – сохраняются почти все археолого-этнографические особенности скифов, ставшие в эпоху Средневековья этнографическими признаками тюрков, а не сармато-аланов (захоронения с конем, захоронения в деревянных колодах и срубам, каменные стелы с чашами, кобылье молоко – кумыс, войлоки и пр.).

Если верны существующие в науке переводы и чтения шумерских текстов, то нельзя отмахнуться от очевидных, уникальных шумеро-балкар-карачаевских языковых сходжений, охватывающих систему этих языков в лексике и морфологии. Эти параллели должны привлечь самое пристальное внимание специалистов, чтобы ответить, как, откуда, каким образом сложились эти сходжения, есть ли какие-либо промежуточные языковые посредники. Вместе с тем эти лексические параллели проливают осязательный свет на вопрос о времени проникновения тюркских племен в Европу и Переднюю Азию.

Неубедительно звучат доводы Ю. Клапрота о том, что Леонти Мровели в своем повествовании перепутал хазар со скифами. Эти предположения нуждаются в конкретных и документальных аргументах, а не в абстрактных общих суждениях и логических построениях по поводу хроники Мровели. Тщательный анализ первоисточников Мровели, предпринятый В. Б. Ковалевской, показал, что он пользовался источниками Мовсеса Хоренаци, архивами и библиотеками Эдессы, Александрии, Афин, Константинополя, сочинениями древних «мудрецов – тружеников-летописцев» – вавилонян, египтян, греков, сирийцев, трудами Мир-Аббаса Котины, долго работавшего в Ниневийском государственном архиве II в. до н. э. Возникающий вопрос: неужели во всех этих документах скифы смешивались с хазарами? – остается без ответа и усиливает наши сомнения в том, что Леонти Мровели не знал, о ком пишет и о чем пишет. Если он и путал скифов с хазарами, то только потому, что следовал своим библейским источникам, где скифский Ашгуз и родоначальник хазар Тагарм названы родными братьями, а потому он не видел в их смешении ничего предосудительного, как не видела этого и масса древних, античных и средневековых авторов, отождествлявших скифов с гуннами, половцами и др.

Весьма сомнительным представляется отождествление Уобоса и овсов грузинских источников с аланами. Уобос – сын хазарского царя, Уобосети – это «область Уобоса» и с названием *осетин* имеет лишь поверхностное созвучие. Грузинский этноним *ос* есть тюркский этноним *ас*, известный русским летописцам как *яс*. А если уж исходить из созвучий, то нельзя обойти реку Кубань, названную Плинием (79 г. н. э.) и Аррианом (100–160 гг. н. э.) термином *Хоб* и *Хобос*, что на тюркских языках будет *Хоб-су*, очень близкое имени *Уобос*, земли которого Мровели определяет рубежами Кубани (Малой реки Хазарети). Вполне уместно вспомнить и гуннского царевича, сына Аттилы – *Хоба*.

Неубедительно звучат объяснения имен гуннских предводителей Базука и Амбазука с позиций осетинского языка как «Плечо» и «Равноплечий». Гунны называли своих предводителей своими именами: Базык (Базых) – «Толстый» и Амбазык – «Наитолстый». Базык, или Базых, тождественно имени гуннского предводителя – Басиха, о котором писал Приск.

Не находит никакой почвы отождествление аланов и асов. Это разные народы с различным языком, разными историческими судьбами. Оба этнонима объясняются только на тюркских языках.

Аланы в узкоэтническом смысле, судя по характерным для них археологическим памятникам, никогда не занимали ту территорию Северного Кавказа, которая сегодня приписывается им. Власть и влияние их на соседние народы могли быть более или менее сильными только в период между IX и XII вв., т. е. между «Дешт-и-Хазар» и «Дешт-и-Кипчак». Основное сосредоточение аланов пришлось на Владикавказскую равнину, т. е. территорию восточного варианта «аланской культуры».

Тщетны попытки этнографов и историков искать истоки некоторых этнокультурных традиций осетин XIX в. в археологическом материале скифо-сармато-аланов (башни, склепы, нихас и пр.).

В. Ф. Миллер в свое время строил свои выводы о том, что на территории Балкарии и Карачая раньше тюркских племен жили ираноязычные аланы, на десятке лингвистических сходжений. Его выводы прочно вошли в кавказоведческую литературу и обросли солидной библиографией. Теперь сами осетиноведы-лингвисты выявили на территории Северной Осетии более 150 тюркских топонимов. При соотношении 150 против 10, подкрепленном достаточными историческими фактами, свидетельствами письменных источников, данными фольклора и этнографии осетинского народа, археологическими памятниками Дигории, мы вправе сказать, что на территории Северной Осетии, прежде расселения там аланов, жили тюркоязычные племена – гунны, сабиры, огузы, утигоры, басмалы и другие, что и нашло свое отражение в топонимах Осетии.

Многие авторы при разработке этнических вопросов прибегают к этимологии этнонимов, отдельных терминов и ономастики древних племен. Я не сторонник видеть за этнонимом или именем исторических лиц, носителей того же языка, с позиций которого данный этноним или имя героя объясняется, но если этимология играет какую-нибудь роль, то не могу не обратить внимание исследователей на тот очевидный факт, что многие древние и средневековые этнонимы легко понимаются и до сих пор бытуют в тюркоязычной среде, как имена людей, как названия фамилий, как топогидронимы и пр. Вполне достаточно назвать хотя бы такие этнонимы и имена, как Ашкуз, Ишкуз, Испак, Янгир, Таргитай, Кулаксай, Арпаксай, Липоксай, Папай, Апи, Атей, Сармат, Языг, Сарыг, Яксагат, Алан, Ас, Болгар, Кутургу, Утургу, Сабир, Басил и многие другие.

Завершая работу, автор надеется, что при ее оценке объективный читатель вспомнит слова выдающегося ученого нашего времени П. Л. Капицы о том, что «если бы не было ошибок, это была бы не наука, а техника», которые вполне подходят и к гуманитарным наукам.

Мы надеемся, что предпринятый нами шаг к выяснению истоков этнической истории Центрального Кавказа послужит определенным стимулом для дальнейших поисков и найдет своих последователей, которые на базе новых материалов и источников смогут обогатить, существенно дополнить, а может быть, и опровергнуть высказанные здесь мысли.

СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

В данной работе известного балкарского археолога и историка И. М. Мизиева показана плодотворность комплексного использования историко-лингвистических и этнотопонимических данных при освещении сложнейших этнических проблем Центрального Кавказа.

Работа не является исследованием одного отдельно взятого вопроса, а охватывает несколько очень сложных и взаимосвязанных проблем. Она построена по строго выдержанному единому принципу, пронизывающему ее от начала и до конца. Основная его суть заключается в том, что при подходе к каждому из затрагиваемых вопросов он знакомит читателя с тради-

ционно устоявшимся в историко-лингвистической литературе мнением, излагает все аргументы своих предшественников и проводит их критический анализ, демонстрируя таким образом, насколько эти аргументы соответствуют действительности. Далее автор показывает, могут ли быть иные решения, а если таковые возможны, то как их можно обосновать.

За редким исключением, он не навязывает читателю своих убеждений и выводов, а ведет с ним оживленную беседу, выстраивая стройную систему фактов, оставляя место для дальнейших рассуждений и раздумий. Большинство из этих фактов общеизвестны, но они почти всегда оценивались исследователями только с одних позиций. Другие же факты, как показывает автор, не учитывались, и все это вызывает у И. М. Мизиева соответствующую реакцию, что иногда придает его изложению острый, полемический характер и в определенной степени оправданно эмоциональный тон.

Его метод научной полемики находится в полном соответствии с марксистско-ленинской методологией исследования, анализа и использования отдельных фактов и явлений при освещении исторических проблем. Все это, вместе взятое, заставляет читателей думать, подвергать сомнению те или иные утверждения и концепции, которые прежде воспринимались нами как хрестоматийные истины, как единственно возможные трактовки. Примечательно то, что И. М. Мизиев рекомендует такой же критический подход и по отношению к своим предположениям, которые иногда также построены на натяжках и потому малоубедительны.

При оценке любой научной работы прежде всего встает вопрос: «Что в ней нового?» Ответ на этот вопрос может быть одним: «В работе И. М. Мизиева много нового». Это и метод его научной полемики, заставивший засверкать новыми гранями ряд фактов, казалось бы, изученных с исчерпывающей полнотой. Новизну ей придает и умелое использование исторических, языковых, археологических и других фактов в комплексе. При решении некоторых из рассматриваемых здесь вопросов языковеды шли своим путем, а историки – своим. И. М. Мизиеву почти удалось нащупать плодотворные узы контакта истории и исторического языкознания при рассмотрении отдельных этапов этногенетического симбиоза разноязычных племен и народов как на подступах к Кавказу, так и в недрах его ущелий.

Автор не является языковедом, но, несмотря на это, его отличает уточненное знание родного языка, что дало ему возможность выявить интересные языковые факты, которые нередко и спорны, а во многих случаях заставляют глубоко задуматься. Например, нам кажется, что приведенные им интересные скифо-тюркские схождения непременно заставят корректировать бытующие утверждения о безусловной ираноязычности всей массы скифо-аланских племен. Сторонники подобной теории теперь вынуждены будут говорить об этом с постоянной оглядкой на работу И. М. Мизиева.

Может возникнуть вопрос: «Представляют ли интерес языковые наблюдения автора?» На этот вопрос можно вполне определенно ответить: «Да». И в первую очередь это относится к той главе, в которой автор говорит о необходимости учета данных балкаро-карачаевского и других тюркских

языков при изучении этнической истории Центрального Кавказа. Конечно, недостатки встречаются и здесь, однако они никак не могут повлиять на общую оценку труда И. М. Мизиева, который собрал большой материал, попытался с позиций историка осмыслить его, или, говоря иначе, он предложил языковедам заняться этими материалами, представляющими значительный интерес в историческом аспекте. Конечно, в работе встречаются отдельные сопоставления, на наш взгляд, излишне прямолинейные, проведенные без учета закономерностей развития карачаево-балкарского и других тюркских языков. Но мы должны быть признательны ему за то, что он обращает наше внимание на целый ряд проблем, остающихся вне поля зрения языковедов. Среди последних и вопрос о новом прочтении Зеленчукской надписи (XI в.), аланской фразы Иоана Цеца (XII в.), глоссария венгерских яссов (XV в.).

Разумеется, не все приемлемо в работе И. М. Мизиева. Автор сделал лишь первый шаг в решении сложной проблемы, а он, как известно, сопряжен с рядом упущений, а то и ошибок. Задача специалистов-тюркологов, и в первую очередь специалистов по карачаево-балкарскому языку, пропустить его наблюдения сквозь призму законов развития тюркских языков. Многое отсеется, многое будет вызывать споры. Но несомненно и то, что останутся рациональные зерна, способные дать хорошие всходы. Состояние историко-сравнительного изучения языка и истории балкарского и карачаевского народов находится на таком уровне, что каждую работу, вносящую в решение этих вопросов определенную лепту, следует приветствовать, с тем чтобы стимулировать дальнейшие поиски. С учетом данного обстоятельства мы считаем возможным констатировать, что появилась именно такая работа, которая старается сдвинуть с места залежавшуюся, затянувшуюся тиной, но очень злободневную проблему. И. М. Мизиев никогда не шел в науке «благоустроенными», проторенными тропами, он всегда искал новый подход к решению волнующих его проблем, всегда умел подвергнуть сомнению то, что обычно преподносилось как готовый шаблон. И в данном случае он сознательно подставляет себя под огонь скоропалительной критики отдельных авторов, которые, при более глубоком и спокойном прочтении книги, рано или поздно вынуждены будут сказать, что она заставляет думать, заставляет возражать, искать, спорить, т. е. двигать науку вперед.

Конечно, с позиций наших привычных представлений трудно с первого знакомства с книгой согласиться с ее автором, но еще труднее его опровергнуть. В предлагаемой своим коллегам дискуссии он опирается на обширную источниковую базу. И. М. Мизиев очень своевременно выступил с серьезной и деловой научной темой, а своевременность – это уже успех.

И. Х. Ахматов,

доктор филологических наук, профессор

Нальчик: Эльбрус, 1986

Библиография

1. *Абаев М.* Балкария: Исторический очерк // Мусульманин. Париж, 1911. № 10–11.
2. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.
3. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1.
4. *Абаев В. И.* Из иранской ономастики // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
5. *Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
6. *Абаев В. И.* Об аланском субстрате в этногенезе балкарцев и карачаевцев // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
7. *Абрамова М. П.* Выступление на сессии по происхождению осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
8. *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология. 1978. № 1.
9. *Абрамова М. П.* Катакомбные и склепные сооружения Юга Восточной Европы // Труды ГИМа: Археологические исследования на Юге Восточной Европы. М., 1982. Вып. 54.
10. *Абрамова М. П.* Культура сарматских племен Поволжско-Днепровских степей (II в. до н. э. – I в. н. э.): Автореф. дисс. ... канд. наук. М., 1962.
11. *Абрамова М. П.* Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // Советская археология. 1968. № 2.
12. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских путешественников XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
13. *Алборов Б. А.* Почему осетины называют балкарцев «асы» // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
14. *Алборов Б. А.* Новое чтение Зеленчукской надписи // Ученые записки Северо-Осетинского госпединститута. Орджоникидзе, 1956. Вып. 2. Т. 21.
15. *Алиев У. Б.* Выступление на сессии по происхождению балкарцев и карачаевцев.
16. *Алиев У. Б.* Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев. Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3.
17. *Алиев Играр, Алиев В. Г.* О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР // Советская археология. 1978. № 1.
18. *Алиев Играр.* Сармато-аланы на пути в Иран // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
19. *Алиев И. Г., Асланов Г. М.* К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. 3.
20. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
21. *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних аланов с местными племенами Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976.
22. *Алексеев Ю. А.* О скифском Аресе // Археологический сборник. Л., 1980. Вып. 21.
23. *Акбаев Ш. Х.* Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1965.
24. *Аннаев А. М.* Диалекты балкарского языка и их отношение к литературному языку. Нальчик, 1960.

25. *Аталиков В. М.* К вопросу о расселении адыгских племен до XV в. // Этнография и современность. Нальчик, 1984.
26. *Акритас П. Г.* Выступление на сессии 1959 года // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
27. *Анучин Д. Н.* О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1877. Т. 10. Вып. 4.
28. *Анфимов Н. В.* К вопросу о населении Прикубанья в скифское время // Советская археология. 1949. Вып. 11.
29. *Анчабадзе З. В.* Кипчаки Северного Кавказа по данным Грузинских летописей XI–XIV вв. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
30. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 131.
31. *Артамонов М. И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
32. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
33. *Артамонов М. И.* Скифское царство // Советская археология. 1972. № 3.
34. Армянская география VII века (приписываемая Моисею Хоренскому). СПб., 1877.
35. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности. СПб., 1897.
36. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3–4. СПб., 1896.
37. *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5.
38. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 г. // Записки Академии наук. Сер. ист.-филол. СПб., 1897. Т. 1. Вып. 8. № 4.
39. *Богданов И.* Хан Аспарух. София, 1975.
40. *Богданов И.* Прабългари. София, 1976.
41. *Бартольд В. В.* Книга моего деда Коркуда: Огузский героический эпос. М.; Л., 1962.
42. *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.
43. *Баскаков Н. А.* Тюркские языки: общие сведения и типологическая характеристика // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2.
44. *Баскаков Н. А.* Выступление на сессии 1959 г. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
45. *Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
46. *Боровков А. К.* Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. 1932. Вып. 7.
47. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский З. А.* От Скифии до Индии. М., 1983.
48. *Байчоров С. Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1977.
49. *Байчоров С. Я.* Гуннско-протоболгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
50. *Байчоров С. Я.* Карачаево-балкарский арабо-письменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
51. *Бернштам А. Н.* О древнейших следах «джокания» в тюркских языках Средней Азии // Сборник, посвященный памяти акад. Н. Я. Марра. М.; Л., 1938.
52. *Бетров Р. Ж.* Захоронения вождя гуннского времени у селения Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М., 1980.
53. *Бичурин (Иакинф)* // Известия о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М.; СПб., 1851. Т. 1.
54. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М., 1950. Т. 1.

55. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... М., 1951. Т. 2.
56. Бутков П. О браках князей русских с грузинками и ясынями в XII в. // Северный архив. СПб., 1825. Вып. 4. Отд. 1.
57. Библиографические листы Кеппена. 1825. Дек. № 30.
58. Бурачков П. О памятниках с руническими надписями, находящихся на Юге России // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1875. Т. 9.
59. Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
60. Буженко А. А., Красильников К. И. Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое // Советская археология. 1981. № 2.
61. Бравин Н., Беляев И. Указатель племенных названий к статье Н. А. Аристов: Заметки об этническом составе тюркских племен // Записки Императорского Географического общества по отделению этнографии. СПб., 1903. Т. 28. Вып. 2.
62. Василевский В. Г. О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан // Журнал Министерства народного образования. 1882. Т. 3. Сент.
63. Василевский В. Г. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1.
64. Васюткин С. М. К дискуссии о бахмутинской культуре // Советская археология. 1971. № 3.
65. Вахушти. География. Тифлис, 1904.
66. Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.
67. Винклер Г. Духовная культура Вавилона.
68. Всемирная история. М., 1956. Т. 1.
69. Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный, 1972. Т. 7.
70. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
71. Виноградов В. Б. Античные источники и данные археологии скифо-сарматского времени в Центральном Предкавказье в свете проблемы этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
72. Виноградов В. Б. Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1988. Т. 2.
73. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
74. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
75. Влислоцкий Генрих. Придунайские народы // История человечества. СПб., 1904. Т. 5.
76. Втурубов Д. Раскопки кургана Хусанты близ сел. Зилги в местности Рахты // Древности: Тр. Императорского Московского археологического общества. М., 1900. Т. 26.
77. Владимирцев Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и хакасского наречия (введение и фонетика). Л., 1929.
78. Волин С. К истории древнего Хорезма // Вестник древней истории. 1941. № 1.
79. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
80. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
81. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
82. Гаджиева С. Кумыки. М., 1965.
83. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1, 2.

84. Ган К. По долинам Чороха, Уруха и Ардона // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1898. Вып. 25.
85. Гамрекели В. Н. Двалы и Двалети в I–XV вв. Тбилиси, 1961.
86. Гайнуллин М. Х. Н. Г. Чернышевский и его рукописи на татарском языке // Известия казанского филиала. Сер. гуман. Казань, 1955. Вып. 1.
87. Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1965.
88. Гаглойти Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников. Происхождение осетинского народа. Тбилиси, 1967.
89. Грач А. Д. Древнетюркские курганы на Юге Тувы // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1968. Вып. 114.
90. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
91. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
92. Гельмольт Г. Ф. История человечества. СПб., 1904. Т. 5.
93. Геродот. История. М., 1974.
94. Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронистической и диахронистической характеристики. М., 1974.
95. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
96. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
97. Грязнов М. П., Шнейдер Е. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии. М., 1929. Т. 4. Вып. 2.
98. Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда. М.; Л., 1935.
99. Гомер. Илиада. М., 1982.
100. Гоммель Ф. История Древнего Востока. СПб., 1905.
101. Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана // История Иранского государства и культуры. 1971.
102. Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1969.
103. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1977.
104. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22.
105. Джавахишвили И. А. Основные историко-этнографические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // Вестник древней истории. 1939. № 4.
106. Деген-Ковалевский Б. Е. Аланы в системе хазарского объединения // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства: Макет (по В. А. Кузнецову). Ч. 3–4.
107. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских народов Кавказа. Грозный, 1963.
108. Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // Советская археология. 1971. № 1.
109. Дзагуров Гр. А. Осетинский пастушеский счет // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1925. Вып. 1.
110. Добродомов И. Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материалах Повести временных лет): Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1966.
111. Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1954.
112. Еремеев Д. Е. Этногенез тюрков. М., 1971.
113. Еремеев Д. Е. Происхождение тюрков и туркмен Турции и основные этапы их истории // Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М.; Л., 1963.
114. Закарая П. Древние крепости. Тбилиси, 1969.

115. *Засецкая И. П.* О хронологической и культурной принадлежности памятников Южно-Русских степей и Казахстана гуннской эпохи // Советская археология. 1971. № 1.
116. *Жиров Е. В.* Об искусственной деформации головы // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1940. Вып. 8.
117. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии СССР. М., 1941. № 3.
118. История Армении (Моисей Хоренского). М., 1893.
119. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1965.
120. *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX–нач. XX в. М.; Л., 1954.
121. *Иванюков И., Ковалевский М.* У подошвы Эльборуса // Вестник Европы, 1886. Кн. 2.
122. *Иерусалимская А. А.* Предкавказский вариант катакомбной культуры // Советская археология. 1958. № 2.
123. История восхваления венценосцев. Тбилиси, 1954.
124. История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. СПб., 1861.
125. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1.
126. Известия Северо-Осетинского НИИ. Дзауджикау, 1944. Т. 6.
127. *Караулов И. А.* Сведения арабских географов IX–X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38.
128. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
129. *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1971.
130. *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1968.
131. *Калоев Б. А.* Скифо-сармато-алано-осетинские параллели // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
132. *Кафоев А. Ж.* Адыгские памятники. Нальчик, 1963.
133. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
134. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
135. *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1974.
136. *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. 3.
137. *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // Советская археология. 1973. № 2.
138. *Кузнецов В. А.* Катакомбный могильник у станицы Змейской Северной Осетии // Археологические раскопки у станицы Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1964.
139. *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965.
140. *Кононов А.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. Л., 1958.
141. *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначения в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М., 1976.
142. *Константин Багрянородный.* О «фемах» и «народах». М., 1899.
143. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
144. *Ковалевский М. М., Миллер В. Ф.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4.
145. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1962.
146. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.
147. *Кулаковский Ю.* Христианство у аланов // Византийский временник. СПб., 1898. Т. 5.

148. *Кесарийский Прокопий*. История войн римлян с персами, вандалами и готами. СПб., 1876. Кн. 1.
149. *Кокиев Г. А.* Склеповые сооружения Горной Осетии. Владикавказ, 1928.
150. *Кокиев Г. А.* К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 28 янв.
151. *Кокиев Г. А.* Алано-балкаро-карачаевские этнические сближения // Список архивного фонда Г. Кокиева: Рукопись, хранящаяся в краеведческом музее. Орджоникидзе. № 33.
152. *Кокиев Г. А.* Боевые башни и заградительные стены Горной Осетии // Известия Юго-Осетинского НИИ. Сталинир, 1935. Вып. 2.
153. *Кызласов Л. Р.* Раскопки в Оглах-тах // Археологические открытия 1969. М., 1970.
154. *Кулемзин А. М.* Работа Акташского отряда Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1969. М., 1970.
155. Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5.
156. *Казакова Л. М., Каменецкий И. С.* Курганы Танаиса // Археологические открытия 1969. М., 1970.
157. *Кропоткин В. В.* Могильник Чуфут-кале в Крым // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1965. Вып. 100.
158. *Кун Н. А.* Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. М., 1914.
159. *Кудаев М.* Зеленчукская надпись // Путь к коммунизму. Нальчик, 1965. 14 февр. (На балк. яз.)
160. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М., 1984.
161. *Ковалевская В. Б.* Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестник АН ГрузССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси, 1975. № 3.
162. *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982.
163. *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгов и кабардинцев // Тр. Института этнографии АН СССР. Нов. сер. 1959. № 51.
164. *Лавров Л. И.* Карачаи и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. 1969. Вып. 4.
165. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
166. *Летопись Феофана* // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1887.
167. *Латышев В. В.* Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. 1. Ч. 1.
168. *Латышев В. В.* Указ. соч. СПб., 1896. Т. 1. Ч. 2.
169. Там же. СПб., 1904. Т. 2. Ч. 1.
170. Там же. СПб., 1906. Т. 2. Ч. 2.
171. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 1.
172. *Ламберта Арканджело*. Описание Колхиды, называемой ныне Мингрелией // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1913. Вып. 43.
173. *Лурье С. Я.* История Древней Греции. Л., 1940. Ч. 1.
174. *Лопатинский Л.* Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1896. Вып. 12.
175. *Липин Л., Белов А.* Глиняные книги / Ред. и предисл. акад. В. В. Струве. М., 1952.
176. *Липец Р. С.* Лицо волка благословенно // Советская этнография. 1981. № 1.
177. *Липец Р. С.* Меч из редкостной бронзы // Советская этнография. 1978. № 2.
178. *Леонти Мровели*. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
179. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3.

180. *Миллер В. Ф.* Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. 3.
181. *Миллер В. Ф.* Древний осетинский памятник из Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. 3.
182. *Миллер В. Ф.* Терская область: Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1.
183. *Манандян Я. А.* Когда и кем была составлена «Армянская география» // Византийский временник. 1947. Т. 1.
184. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1950.
185. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
186. *Меликишвили Г. А.* К истории Древней Грузии. Тбилиси, 1959.
187. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963.
188. *Могильников В. А.* Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
189. *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978.
190. *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик, 1981.
191. *Мизиев И. М.* О некоторых оборонительных сооружениях Балкарии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1968. Вып. 113.
192. *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970.
193. *Мизиев И. М.* Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984.
194. *Мизиев И. М.* Об одном спорном вопросе истории балкарцев и карачаевцев XVI–XVIII вв. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1983.
195. *Мизиев И. М.* Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии // Советская археология. 1971. № 4.
196. *Мизиев И. М.* Некоторые итоги археологических работ в верховьях р. Малки // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1970. Вып. 1.
197. *Мизиев И. М.* Выступление на сессии по проблемам аланской культуры // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. 3.
198. *Мизиев И. М.* Некоторые замечания об аланской культуре Северного Кавказа // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы. Махачкала, 1975.
199. *Мизиев И. М., Назоев А. Х.* Раскопки кабардинских курганов // Археологические открытия 1969. М., 1970.
200. *Мещерский Н. А.* История иудейской войны в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
201. *Молчанов О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
202. *Магомедов М. Г.* О дагестанском варианте хазарской культуры // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы. Махачкала, 1975.
203. *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983.
204. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников. М., 1963. Д. 1–10.
205. *Мацулевич Л. А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии // Советская этнография. М.; Л., 1947. Вып. 6–7.
206. *Марцеллин Аммиан.* История. Киев, 1906–1908. Вып. 1–3.
207. *Мартынов А. И.* Раскопки Серебряковского курганного могильника // Археологические открытия 1969. М., 1970.
208. *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969.
209. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960.

210. *Марковин В. И.* Памятники зодчества в Горной Чечне // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М., 1980.
211. *Марковин В. И.* О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1982.
212. *Мандельштам А. М.* Раскопки на могильнике Аймырлыг и городище Бажих-Аалак // Археологические открытия 1969. М., 1970.
213. *Мамаев Х. М.* О городе Дедякове и Алханкалинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
214. *Магометов А. Х.* Взаимодействие культур иранских (скифов, сарматов, аланов) и финно-угорских народов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
215. *Макалатия С. И.* Хевсурети. Тбилиси, 1940.
216. *Минаева Т. М.* К вопросу о половцах на Ставропольщине, по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 2.
217. *Минаева Т. М.* К истории аланов верховьев Кубани по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
218. *Мужухоев М. Б.* Материальная культура горной Ингушетии XIII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1973.
219. *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура Горной Ингушетии XIII–XVIII вв. Грозный, 1977.
220. *Нагоев А. Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик, 1981.
221. Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история // Византийский временник. 1950. № 3.
222. *Никитин Г. А., Крюкова Т. А.* Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960.
223. *Новгородова Э. А.* В стране петроглифов и эдельвейсов. М., 1982.
224. *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1957.
225. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
226. *Олжас Сулейменов.* Аз и Я. Алма-Ата, 1975.
227. *Ошаев Х. Д.* Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Вып. 2.
228. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
229. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Пер. с китайск. монаха Иакинфа. СПб., 1829. Ч. 1–2.
230. Отчет Археологической комиссии за 1898 год. СПб., 1901.
231. *Патканов К.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного образования. СПб., 1883. Ч. 225.
232. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.
233. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в Южно-Русских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1958. Вып. 62.
234. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения на р. Белая Калитва // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1962. Вып. 90.
235. *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник // Советская археология. 1976. № 3.
236. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. М., 1974. № 4–2.
237. *Пиотровский Б. Б.* Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 6.
238. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

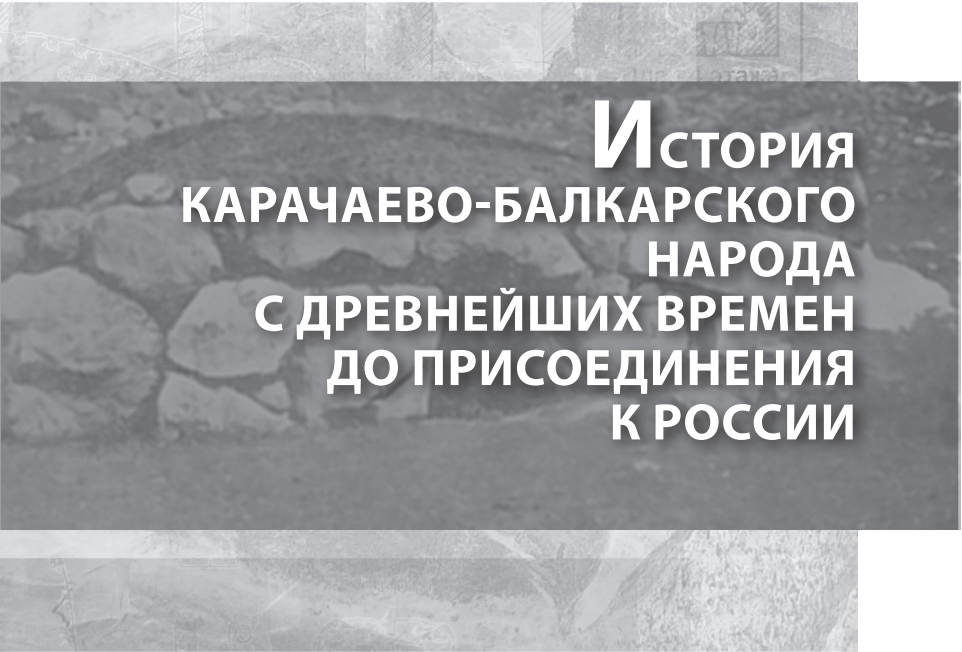
239. *Потапов Л. Н.* Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948.
240. *Попова Е. А.* Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // Советская археология. 1976. № 1.
241. *Преле В.* Карачаевские этюды // Восточное обозрение. Будапешт, 1909. Т. 10.
242. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
243. *Пчелина Е. Г.* О местонахождении яского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. Вып. 114.
244. *Пигулевская Н.* Византия на пути в Индию. М.; Л., 1951.
245. *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
246. *Петров М. П.* О происхождении чувашей. Чебоксары, 1925.
247. *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М., 1962.
248. *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.
249. *Руденко С. И.* Башкиры. М., 1955.
250. *Равдоникас Т. Д.* Об одной детали военного костюма кабардинских феодалов XVIII века // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских этнографических чтений. Л., 1981.
251. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.
252. Русско-хакасский словарь. М., 1953.
253. Русь и асы в Китае, на Балканском полуострове, в Румынии и Угорщине в XIII–XIV вв.: (Заметки Палладина, Бретшнайдера и Руварца) // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1.
254. *Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // Советская археология. 1971. № 2.
255. *Рунич А. П.* Катакомбы Рим-горы // Советская археология. 1970. № 2.
256. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911. Т. 4. Ч. 2.
257. *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 годах // Известия Археологической комиссии. СПб., 1914. Вып. 56.
258. *Саттаров Г. Ф.* Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970.
259. *Смирнов А. П.* Рецензия на книгу Л. Р. Кызласова «История Тувы в Средние века» // Советская археология. 1971. № 1.
260. *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951.
261. *Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966.
262. *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1973.
263. *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1950. № 34.
264. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964.
265. *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
266. *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.–II в. н. э. // Советская археология. 1974. № 3.
267. *Симонова Е. Н.* Новый могильник позднесарматского времени в области Шомодь // Советская археология. 1976. № 1.
268. *Семенов Л. П.* Археолого-этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.
269. *Скитский Б. В.* К вопросу о феодализме в Дигории // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1933. Т. 5.
270. *Скитский Б. В.* Хрестоматия по истории Осетии. Орджоникидзе, 1949. Ч. 1.
271. *Страбон.* География. М., 1964.

272. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркского языка. М., 1974. Т. 1.
273. Сиротенко В. Т. Взаимоотношения гуннов и Римской империи // Ученые записки Пермского госуниверситета. Пермь, 1959. Т. 12. Вып. 4.
274. Симеонов Б. Язык древних болгар // Путь к коммунизму (на балк. яз.). Нальчик, 1979. 24 марта (Перепечатано из еженедельника «Софийские новости»).
275. Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР. М., 1981.
276. Серебренников Б. А. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и тюркологии // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1960.
277. Соттаев А. Х. Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
278. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из персидских сочинений, собранные Г. Тизенгаузенем). М.; Л., 1941. Т. 2.
279. Симмоката Феофилакт. История. М., 1957.
280. Советский энциклопедический словарь. М., 1982.
281. Талицкий Н. Е. Очерки Карачая // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40.
282. Трубачев О. Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4.
283. Тихомиров М. Н. Именник болгарских князей // Вестник древней истории. 1946. № 3.
284. Толковый словарь татарского языка Казань. 1977. Т. 1. (На тат. яз.)
285. Толстов С. П. По следам исчезнувших цивилизаций. М., 1958.
286. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
287. Толстов С. П. Тирания Абура // Исторические записки. 1938. № 3.
288. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.
289. Тменов В. Х. О книге И. М. Мизиева «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1.
290. Труды XII археологического съезда. 1905. Т. 2.
291. Турецко-русский словарь. М., 1945.
292. Турчанинов Г. Ф. Еще раз о древней Зеленчукской надписи // Эпиграфика Востока. 1958. № 12.
293. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
294. Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1880. Вып. 1.
295. Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3. Вып. 5.
- 295а. Ученые записки Императорской академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 5.
296. Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура Горной Чечни XIII–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1970.
297. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1966. Ч. 1.
298. Федоров А. Я. Половецкое наследие в Приэльбрусье // Кавказ и Восточная Европа в древности: Сборник, посвященный памяти Е. И. Крупнова. М., 1975.
299. Фавстос Бузанд. История Армении. Ереван, 1953.
300. Халикова Е. А. Большеатарханский могильник // Советская археология. 1976. № 2.
301. Халикова Е. А. Раннеаварские погребения Прикамья и Приуралья // Советская археология. 1976. № 3.
302. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1966. Вып. 2.

303. *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарский язык // Тюркские языки. М., 1966.
304. *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974.
305. *Холаев А. З.* Дебет Златоликий и его друзья // Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1973.
306. *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Ибн Даста. СПб., 1869.
307. *Хизриев Х. А.* Борьба народов Северного Кавказа с экспансией Тимура: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1982.
308. *Цагаева А. Дз.* Топонимика Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1.
309. *Чехович М. И.* Краниологические исследования черепов из Куркужанского могильника // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 4.
310. *Членова Н. Л.* Хронология памятников Карасукской эпохи. М., 1972.
311. *Шатинова Н. И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981.
312. *Шопен И. И.* Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. СПб., 1886.
313. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950.
314. *Эйхвальд Э. Н.* О древнейших обиталищах племен (славянских, турецких и монгольских) в Южной России, по Геродоту // Библиотека для чтения. СПб., 1838. Кн. 27. Отд. 3.
315. Энциклопедический словарь. М., 1955. Т. 3.
316. Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 1.
317. *Юсупов Г. В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как исторический источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
318. *Яковлев Н. Ф.* Ингуши. М.; Л., 1925.
319. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973.
320. *Атанова Л. П.* Старинные обрядовые напевы у башкир // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1984.
321. *Баскаков А. Н.* О происхождении этнонима *башкир* // Этническая ономастика. М., 1984.
322. *Берже А.* Этнографическое обозрение Кавказа // Тр. III Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876. Т. 1.
323. *Брун Ф.* Догадки касательно участия русских в делах Болгарии в XIII и XIV столетях // Журнал Министерства народного просвещения. 1878.
324. *Брандис К. Г.* Древние народы по бережьям Черного и восточной части Средиземноморья // История человечества. СПб., 1903. Т. 4.
325. *Блаватский В. Д.* Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в советской археологии. М., 1965.
326. Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.
327. История Киргизской ССР. Фрунзе, 1967. Т. 1.
328. *Караулов М. А.* Терское казачье войско в его прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912.
329. *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958.
330. Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
331. *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982.
332. *Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории Тюрк (Ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965.
333. *Курбатский Г. Н.* Песни «60 богатырей» (Алдан маадар) // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1984.

334. *Немет Ю.* Список слов на языке ясов – венгерских аланов. Орджоникидзе, 1960.
335. *Никольский М. В.* Клинообразные надписи Закавказья // Материалы по археологии Кавказа. М., 1896. Вып. 5.
336. Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
337. *Потапов Л. П.* Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
338. *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
339. *Семенов А. И.* Ксилотомическое свидетельство культа таволги на средневековом Кавказе // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1980.
340. *Сидоров Е. И.* Этноним Саха. Этническая ономастика. М., 1984.
341. Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964.
342. *Колобова К. М.* К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций: Сборник, посвященный Н. Я. Марру. М.; Л., 1933.
343. *Кузнецов В. А.* Очерки истории аланов. Орджоникидзе, 1984.
344. *Трубачев О. Н.* Свидетельствует лингвистика // Правда. 1984. 13 дек.
345. *Виноградов В. Б., Голованова С. А.* Страница русско-кавказских отношений XII века // Вопросы истории. 1982. № 7.
346. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1900. Т. 30. Полумот 59.
347. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. Л., 1952.
348. *Мизиев И. М.* Еще раз об аланах // Кабардино-Балкарская правда. Нальчик, 1984. 20 дек.; Ленинское знамя. Черкесск, 1985. 15 янв.
349. *Семенов Л. П.* Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
350. *Латышев В. В.* Об истории и государственном устройстве города Ольвии. СПб., 1887.
351. *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
352. *Быковский С. И.* Яфетический предок восточных славян – киммерийцы // Известия Государственной академии материальной культуры. 1931. Т. 8. Вып. 8–10.
353. Поэзия и проза Древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. М., 1973.
354. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
355. *Калоев Б. А.* Некоторые этнографические параллели к осетинскому нартскому эпосу // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.
356. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982.
357. Древнерусские летописи. М.; Л.: Академия, 1936.
358. *Егоров.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
359. *Будаев А. Ж.* Скифо-балкарские лексические схождения // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 2.
360. *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
361. *Хаджилаев Х.-М. И.* Карачаево-балкарские и венгерские лексические схождения // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.
362. *Хабичев М. А.* О балкаро-карачаевской гидронимии. Нальчик, 1981.
363. *Хабичев М. А.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.
364. *Байрамкулов А. М.* Алано-асские этнические названия, фамилии, имена // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.

365. *Баскаков Н. А.* Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.
366. *Кайдаров А. Т.* К историко-лингвистической характеристике этнонима Канглы // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.
367. *Плетнева С. А.* Средневековые кочевники. М., 1982.
368. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по данным античных источников. Л., 1985.
369. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
370. *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // Вестник древней истории. 1972. № 2.
371. *Луконин В. Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов: Очерки истории культуры. Л., 1961.
372. Путешествие графа Потоцкого в Астрахань и окрестные страны летом 1797 года // Северный архив. 1828. № 2.
373. *Коклев Г. А.* Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926.
374. *Караев О.* Земли тогузгузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте Ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.
375. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 3.
376. *Латышев В. В.* Указ. соч. № 2.
377. Там же. № 4.
378. Там же. № 3.
379. *Толстова Л. С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977.
380. *Артамонов М. И.* Вопросы истории скифов в советской науке // Вестник древней истории. 1947. № 3.
381. *Граков Б.* Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3.
382. *Мокрынин В. П.* Торговые связи Киргизстана VI–X вв. // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.
383. *Кшибеков Д.* Кочевое общество. Алма-Ата, 1984.
384. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
385. *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
386. *Хенниг Рихард.* Неведомые земли. М., 1961. Т. 1.
387. *Хенниг Рихард.* Указ. раб. Т. 2.
388. *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1973. Т. 8.
389. *Струве В. В.* Датировка I вавилонской династии // Вестник древней истории. 1947. № 1.
390. *Струве В. В.* Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тыс. до н. э. // Вестник древней истории. 1948. № 2.
391. *Тюменев А. И.* О предназначении людей по мифам Древнего Двуречья // Вестник древней истории. 1948. № 4.
392. *Дьяконов И. М.* Новые данные о шумерской культуре // Вестник древней истории. 1947. № 2.
393. *Гуриев Т. А.* Как рождается фамилия // Социалистическая Осетия. 1983. 13 сент.
394. *Монгайт А. Л.* Некоторые возможности картографирования археологических культур // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии: Тезисы докладов. М., 1964.
395. Услышать прошлое... // Знание – сила. 1985. № 7–8.

ИСТОРИЯ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
НАРОДА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ
К РОССИИ

Глава I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БАЛКАРЦАХ И КАРАЧАЕВЦАХ

География и территория расселения карачаево-балкарцев

Балкарцы и карачаевцы являются одним из самых высокогорных тюркских народов. Они занимают ущелья и предгорья Центрального Кавказа по долинам рек Кубань, Зеленчуки, Малка, Баксан, Чегем, Черек и их притоков. На территории Балкарии и Карачая расположены почти все известные «пятитысячники» – высочайшие вершины Кавказа – Минги-тау, Дых-тау, Коштан-тау, Гюльча и др. Здесь же находятся крупнейшие ледники и фирновые поля: Азау, Терскол, Иткол, Чегет и др.

Территория Балкарии и Карачая богата горными массивами, лесами, плодородными долинами и альпийскими лугами.

Характеристика карачаево-балкарского народа

Балкарцы и карачаевцы – древнейший народ Кавказа. Истоки их истории и культуры неразрывно и тесно связаны с историей и культурой как многих кавказских народов, так и многочисленных тюркских народов от Якутии до Турции, от Азербайджана до Татарстана, от кумыков и ногайцев до алтайцев и хакасов. В бывшем Советском Союзе тюркские народы занимали по численности второе место после славянских народов, а всего в мире тюркоязычные народы составляют более 200 млн человек.

В высокогорных ущельях Кавказа карачаево-балкарцы проживают в тесном окружении народов, говорящих на иных языках: картвельском, адыгском, осетинском и др. С XIV–XV вв. балкарцы и карачаевцы стали постепенно обособляться территориально, но во всем остальном – это единый народ. Ближайшие соседи называют балкарцев – асы (осетины), балкар (кабардинцы), азы, овсы (сваны), а карачаевцев, например, мегрелы называют аланами. Термином «алан» балкарцы обращаются друг к другу.

Хозяйство и культурно-экономические связи

Балкарцы и карачаевцы с древнейших времен занимались и занимаются горным, отгонным, или яйлажным, скотоводством. Скот на лето вы-

гоняют на летние пастбища – «жайлыкь». От этого термина и происходит широко распространенное понятие «яйлажное скотоводство».

Ведущей отраслью скотоводства у балкарцев и карачаевцев было овцеводство, однако большое место занимало и разведение крупного рогатого скота, и коневодство. Огромное количество скота, в несколько раз превышающее уровень у соседних народов, обеспечивало балкарцам и карачаевцам все жизненно необходимое. Продукция скотоводства одевала, кормила, обувала народ, она же шла на общекавказские рынки, где на нее выменивали все необходимые товары: ткани, посуду, соль и пр.

Высокоразвитое горно-рудное дело обеспечивало балкарцев и карачаевцев медью, свинцом, каменным углем, селитрой и др. Пахотных земель в Балкарии и Карачае было мало, поэтому земледелие не играло такую же, как скотоводство, важную роль в их экономике.

Тем не менее каждый клочок земли тщательно обрабатывался, очищался от камней, орошался при помощи умело проведенных ирригационных сооружений. Во многих местах и сейчас можно видеть горные склоны, изрезанные громадными террасовыми полями древних карачаево-балкарцев – земледельцев.

Балкарцы и карачаевцы имели самые дружественные культурно-экономические связи со всеми соседними народами. Эти контакты часто приводили к множеству смешанных браков и межэтнических родственных взаимоотношений.

Культура, просвещение, наука

Историко-культурное наследие карачаево-балкарского народа вошло в себя многое из культуры кавказских народов и всего тюркского мира. Это нашло отражение в мифологии, эпических сказаниях и других жанрах фольклора, а также в древнейших религиозных представлениях, в которых упоминаются и высочайшие горные вершины, и моря, и бескрайние степные просторы Евразийских степей. В религиозных представлениях ведущее место занимают общетюркские божества Тенгри (Тейри), Умай и др. Древнейшие истоки культуры испытали влияние таких мировых религий, как христианство и мусульманство, бытуют до сих пор среди карачаево-балкарского народа в виде различных обычаев, обрядов, народных игр и представлений. С древних времен предки балкарцев и карачаевцев имели свою письменность в виде рунических надписей кавказских болгар, в большом количестве обнаруженных на территории Карачая и Балкарии в памятниках VII–XII вв. Уже в начале XVIII в. балкарцы и карачаевцы имели письменность на основе арабского алфавита, о чем красноречиво говорит так называемая Холамская надпись 1715 г., найденная в ауле Холам, надпись 1709 г. и др. В настоящее время балкарцы и карачаевцы пользуются русским алфавитом. Среди множества народов бывшего СССР балкарцы и карачаевцы занимали первое место по числу имевших высшее образование на тысячу человек.

Древние сведения о балкарцах и карачаевцах

Современное имя балкарцев восходит к имени древних кавказских болгар, которых уже во II в. до н. э. древние армянские источники размещали «в земле болгар, в Кавказских горах». Арабский автор X в. Ибн Рустэ писал, что в отдаленнейших пределах Грузии живут племена таулу-ас, т. е. «горные асы». Это название вполне тождественно географическому самоназванию карачаевцев и балкарцев – «таулу», т. е. горцы.

Многие видные ученые XIX и XX вв. – Менандр Византиец, Г. А. Кокиев и др. – называли один из крупнейших торговых путей вдоль реки Кумы, мимо Эльбруса, через Карачай в Колхиду (Грузию), которым владели римляне, «Хоручон» – по имени карачаевцев. Анализ всех доступных материалов приводит академика П. Буткова к выводу, что уже в X в. на современной территории Балкарии жили балкарцы.

В 1395–1396 г. всемирный завоеватель Тимур и его летописцы именовали балкарцев и карачаевцев *асами* и вели с ними ожесточенную борьбу. Асами до сих пор именуют балкарцев и карачаевцев их ближайшие исторические соседи – осетины.

В 1404 г. архиепископ Иоан Галонифонтибус называл карачаевцев «карачеркесами», так же именовал их путешественник 1643 г. Арканджело Ламберти.

Таким образом, с древнейших времен и до XIV в. в письменных документах балкарцы и карачаевцы назывались асами, болгарами, карачеркесами, таулусами...

В грузинских документах XIV в. и позднее балкарцы и Балкария назывались «басианами», «Басианией». Наиболее ранним упоминанием этого названия является золотой Цховатский крест (ил. 35). На этом кресте повествуется о том, как некий эристав Ризия Квенипневели попал в плен в Басианию и был выкуплен оттуда на средства Спасской церкви сел. Цховати Ксанского ущелья. Басианию и быт басианов подробно описывал в своем трактате историк и географ Грузии царевич Вахушти в 1745 г. Название «басиани» происходит от имени хазарского племени «баса» с прибавлением к нему грузинского указателя множественности «ани».

В январе и феврале 1629 г. терский воевода И. А. Дашков отправил в Москву два письма, в которых писал, что в земле, где живут «балкарцы», имеются залежи серебра. С тех пор имя балкарского народа постоянно фигурирует в русских официальных документах. В 1639 г. в Грузию отправляется русское посольство в составе Павла Захарьева, Федота Елчина, Федора Баженова. Они 15 дней гостили у карачаевских князей Крымшаухаловых в ауле Эль-Джурт близ современного города Тырныауза. О балкарских кабаках (селениях) говорится и в 1643 г. в отписке терского воеводы М. П. Волынского. А в 1651 г. московские послы Н. С. Толочанов и А. И. Иевлев, следуя в Грузию, две недели гостили у балкарских князей Айдаболовых в Верхней Балкарии. Сведения о балкарцах и карачаевцах содержатся в документах европейских и русских ученых и путеше-

стенников 1662, 1711, 1743, 1747, 1753, 1760, 1778, 1779, 1793–1794, 1807–1808 гг. В 1828 г. академик Купфер называет карачаевцев «черкесами», такое название за балкарцами и карачаевцами было закреплено еще с 1636, 1692 гг. в путевых заметках грузинских и европейских авторов. В подобных документах балкарцев и карачаевцев очень часто называли «горски-ми черкесами».

Глава II

ЧТО ТАКОЕ ЭТНОГЕНЕЗ

Что входит в понятие этногенеза

Этногенез – греческое слово, состоящее из понятий «этнос» – народ, и «генезис» – развитие. Термин «этногенез» обычно понимается в значении «происхождение народа». Этногенез любого народа – это сложный и длительный историко-культурный процесс, охватывающий многие века и тысячелетия. Этот процесс неразрывно связан с различными перемещениями племен, смешением их культуры и языка. Поэтому процесс происхождения народа нельзя объяснить данными одной какой-либо науки. Его изучение должно базироваться на данных многих смежных научных дисциплин, сведений древних и средневековых письменных документов (письменных источников); данных археологии, этнографии, материальной и духовной культуры, фольклора, антропологии, сведений соседних народов об изучаемом этносе и его предках. И лишь когда данные этих наук стыкуются между собой, можно говорить, что найдено правильное направление в изучении этого сложного исторического процесса.

Безусловно, главное место в изучении этногенеза занимает язык народа.

Понятие о языковых семьях и группах

Языки народов мира принято подразделять на языковые семьи: индоевропейскую, семито-хамитскую, урало-алтайскую и др. В эти семьи они объединяются по своему грамматическому строю, морфологии, фонетическому звучанию, словарному фонду и другим показателям. Например, иберийско-кавказская семья языков подразделяется на картвельскую группу, абхазо-адыгскую, нахско-дагестанскую и пр. Тюркская группа, входящая в урало-алтайскую семью, делится на кипчакские, огузские и другие, индоевропейские языки подразделяются на германские, славянские и др.

Нередко наблюдаются ошибочные тенденции связывать происхождение того или иного народа с племенем, имя которого фигурирует в названии языковой группы.

Так, очень часто к потомкам кипчаков относят все тюркские народы, язык которых относится к кипчакской группе тюркских языков. При этом забывается, что большинство языковых групп, в том числе и кипчакская, названы так чисто условно. Из этого положения никак нельзя выводить заключение, что эти все народы имеют одну общую, единую систему этнообразования.

Источники изучения этногенеза

Как отмечалось, основным источником изучения происхождения народа является его язык. Недаром принято считать, что язык народа – это история народа. Зародившись в глубочайшей древности, язык вместе с его носителем проходит сложный путь развития, в ходе которого он смешивается с соседними языками, обогащается, испытывает определенное влияние и влияет сам на соседние языки. История знает примеры и языкового смещения, и ассимиляции одного языка другим. И тем не менее, многие языки сохраняют свои особенности. Именно эти сохранившиеся специфические особенности языка позволяют считать язык основным источником по этногенезу. Вторым важным источником в данном вопросе являются сведения древних письменных источников, в которых возможно обнаружить описание территории расселения отдельных племен и народов, изменения их границ, пути и причины их миграции в различные районы, сообщения о смешении различных народов и т. п. Однако надо всегда иметь в виду, что отдельные племена и народы редко фиксируются в этих источниках из века в век под одним и тем же именем. Нередко в различные исторические периоды в письменные хроники попадают имена отдельных подразделений тех же племен, которые начинают играть более важные исторические роли, а потому попадают на страницы древних летописей.

Очень серьезную роль играют в этом вопросе материальные памятники, оставленные древними племенами, т. е. археологические источники. Среди этих памятников могут быть и остатки жилищ, орудий труда и быта, оружие и прочие предметы обихода древних племен. Нередко многие из этих древних предметов проходят сквозь века и бытуют в традиционной культуре народа. По специфическим особенностям этих предметов можно определить их место в процессе изучения этногенеза.

Совокупность многих археологических признаков: погребальный обряд – ведущее археологическое определение, набор особенных предметов быта, традиции возведения жилищ, изготовления одежды, украшений и др. – составляет понятие археологической культуры, распространенной в определенном регионе, в определенное время.

Археологические культуры принято считать этнографией (народописанием) древних племен и народов. Следовательно, отражение археологических памятников и археологической специфики древности в этнографии современных народов представляет собой неоценимый источник для изучения происхождения народа. Многие этнографические данные – способ приготовления и употребления пищи, покроем одежды и обуви, традиционные формы жилищ, мифологические и религиозные обряды и обычаи являются не менее важным этническим определителем, чем язык и археология.

Этнография народа, его традиционная культура отражает также симбиоз и смешение культуры много веков соседствовавших народов. Важное место в процессе изучения этногенеза занимает и фольклор, в котором народ всегда отражает свое понимание происхождения. Многие сюжеты фольклора на протяжении веков наслаивались один на другой, обогащались различными историческими явлениями и фактами, часто видоизменялись. Однако историческое зерно в народных сказаниях, легендах и преданиях всегда можно отыскать и очистить от второстепенных наслоений.

Состояние изученности этногенеза карачаево-балкарцев

Происхождение карачаево-балкарцев представляет одну из сложнейших проблем кавказоведения. Тот факт, что тюркоязычный народ занимает самые высокогорные районы Центрального Кавказа, обитает в тесном окружении кавказских и иранского (осетинского) языка, издавна привлекал к их истории и формированию культуры особое внимание многих ученых прошлого и настоящего. Сложность проблемы породила массу различных, порой взаимоисключающих гипотез по данному вопросу. Такая ситуация складывалась потому, что эта проблема никогда не была предметом специального изучения в совокупности всех данных: письменных источников, археологии, антропологии, этнографии, языка, топонимики (названия мест, гор, ущелий, урочищ, рек, озер и т. п.), фольклора и других смежных научных дисциплин.

Попытку осветить данный вопрос предприняли в 1959 г. на Всесоюзной научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. Однако и на этой сессии данная проблема не была проанализирована всесторонне. Многие гипотезы строились на поверхностных, случайных фактах и совпадениях, особенно теория о кипчакском происхождении этих народов. Дело в том, что кипчаки, широко известные в Южно-Русских степях с XII в., на Северном Кавказе, особенно в его центральных районах, не зафиксированы ни письменными документами, ни археологическими памятниками, а по антропологическим признакам не соответствуют карачаево-балкарцам. Отличаются они и по языку, который относится к йокающим наречиям тюркских языков, тогда как карачаево-балкарцы говорят на джокающем диалекте тюркских языков. Более веско была аргументирована на данной сессии теория о болгарском происхождении балкарцев и карачаевцев.

Указанная сессия, несмотря на множество недостатков, пришла к заключению, что балкарцы и карачаевцы являются древнейшим кавказским народом, сформировавшимся на базе древних кавказских, иранских и тюркских племен.

Глава III

ДРЕВНИЕ ПРЕДКИ БАЛКАРЦЕВ И ТЕРРИТОРИЯ ИХ РАССЕЛЕНИЯ

Зарождение традиционной культуры тюркских племен

В этнографической науке большое место занимает так называемый ретроспективный метод анализа источников традиционной народной культуры. Взгляд на историческое прошлое через специфические черты современной культуры действительно дает важные исторические сведения.

Применяя этот метод для определения возможных истоков традиционной культуры тюркских народов, мы обнаруживаем, что для многих из них особенно характерны такие ведущие черты материальной и духовной культуры, как:

- захоронение умерших в курганах, деревянных срубках и колодах;
- сопровождение покойников жертвенными конями;
- употребление в пищу конины, кумыса, айрана и т. п.;
- проживание в войлочных шатрах (юртах), изготовление войлочных изделий (предметов одежды, быта, убранства и т. п.);
- ведение подвижного (кочевого) образа жизни с разведением преимущественно мелкого скота, лошадей и т. п.

Приступая к поиску хронологических и географических истоков этих специфических особенностей, нетрудно убедиться в том, что на Алтае, который принято считать древней родиной тюркских народов, для этих истоков нет ни археологических, ни иных признаков. Сочетание всех имеющих научных факторов приводит к выводу, что древнюю прародину тюркских народов и их культуры надо искать в других регионах. Таким регионом оказывается Междуречье Волги и Урала (Итиля и Джаика, или Яика). Здесь на рубеже IV–III тыс. до н. э. зародилась так называемая курганная, или ямная, археологическая культура, в которой сочетаются все перечисленные специфические особенности культуры тюркских народов. Надо отметить, что эти черты не характерны для культуры ни одного из индоевропейских народов ни в древности, ни в настоящее время. А этот факт имеет большое и принципиальное научное значение при изучении

историко-культурного наследия тюркских народов, в т. ч. и карачаево-балкарского народа.

Расселение и древние контакты пратюркских племен

В начале III тыс. до н. э. сформировавшаяся в междуречье Волги и Урала ямная культура с курганным обрядом захоронения стала постепенно распространяться в прилегающие районы. В своем продвижении на север она вступает в контакт с культурой племен финно-угорской группы – с предками марийцев, мордвин и др. В направлении на запад эта культура смешивается с культурой древнейших праславянских племен на берегах Днепра, Днестра, Дуная и их притоков.

Мощное расселение курганной (ямной) культуры наблюдается в восточных и юго-восточных направлениях – в глубь Средней Азии, Казахстана, Алтайского нагорья и на Юг Туркмении. В этих областях зарождается очень близкая к ямной и этногенетически однородная афанасьевская археологическая культура, получившая свое название от наименования горы «Афанасьево» близ Минусинской котловины. В своем продвижении на восток древние ямники-европеоиды постепенно смешивались и приобретали вид монголоидных типов, хотя еще в VIII в. до н. э. на Горном Алтае встречались достаточно «чистые» европеоидные представители. Чем дальше в глубь Азии, тем все больше с течением веков монголоидные черты отражались на облике древних европеоидных ямников. Через Приаральские степи и Юг Туркмении древние пратюрки-ямники проникали в соседние области Ирана и Афганистана. Там они смешивались и вступали в этнокультурные контакты с ираноязычными племенами и народами (*ил. 1*).

В процессе расселения древние ямники вступали не только в культурный, но и в языковой контакт со многими племенами, говорившими на древнеиндийском, иранском, финно-угорском, праславянских и кавказских языках. Этим обстоятельством объясняется факт наличия массы тюркизмов в названных языках и обнаружение многих терминов из этих языков в наречиях тюркских народов.

Все имеющиеся научные данные археологии, этнографии, этнотопонимии и другие факты говорят о том, что Алтайское нагорье является вторичной прародиной части тюркских племен, откуда они в историческое время начинают периодические военные и мирные перемещения обратно на запад, в прежние районы своего зарождения – Приуралье и Южно-Русские степи.

Кавказ и древние пратюрки. Майкопская культура

Древнейшие пратюрки – носители ямной (курганной) культуры широко расселялись и в направлении Кавказа. Здесь они сталкивались и вступали в этнокультурные и языковые контакты с древнейшими кавказскими племенами, которым ранее не было свойственно возводить курганные насыпи над могилами усопших. Курганы на Кавказ и далее – в Переднюю

и Малую Азию принесли с собой древние ямники – предки современных тюркских народов (ил. 2).

Древнейшим археологическим свидетельством проживания на Северном Кавказе пратюркских племен является так называемый Нальчикский могильник конца IV тыс. до н. э. Этот могильник располагался на территории района Затишье нынешнего города Нальчика. Материалы этого могильника показывают теснейшие связи и контакты кавказских племен и древнейших ямников. Позднее эти контакты и связи все более расширяются. Памятники древних ямников обнаруживаются у станицы Мекенской в Чечено-Ингушетии, у сел. Акбаш и Кишпек в Кабарде, у сел. Былым в Балкарии, во многих районах Краснодарского края и Карачаево-Черкесии: у станицы Келермесской, Новолабинской, хут. Зубовского, у города Усть-Джегута и т. д. Всего на Северном Кавказе древнеямных археологических комплексов насчитывается более 35.

Все имеющиеся историко-археологические и этнокультурные факты говорят о том, что древнейшие предки тюркских народов проживали на Северном Кавказе уже более 5 тыс. лет тому назад. Позднее, в середине III тыс. до н. э., на Северном Кавказе формируется так называемая майкопская археологическая культура, получившая свое название по кургану, раскопанному в нынешнем городе Майкопе. Следует отметить, что майкопская культура – это исключительно курганная культура. А курганы издревле не были присущи Кавказу, а являются этнокультурным признаком именно степей, где и зарождалась курганная культура. Майкопская культура на ранних стадиях развития еще сохраняет свои степные формы и погребальный обряд в широких грунтовых просторных ямах, обложенных деревом, с подстилкой из коры дерева, органических веществ или просто чистой желтой глины, никаких каменных сооружений в этих курганах и погребениях еще не было. И лишь позднее, в конце III тыс. до н. э., точнее, примерно в последней трети тысячелетия, в майкопской культуре наглядно просматриваются ощутимые местные черты погребального обряда, отражающиеся в различных каменных включениях в основаниях курганов, каменных подстилок в погребальных камерах, каменных курганчиков внутри земляной насыпи непосредственно над могилой и т. п. Однако сама курганная форма и обряд остаются неизменными. Влияние курганников было настолько сильно, что даже такие типично кавказские погребальные детали, как каменные ящики и даже огромных размеров каменные дольмены, сооруженные из громадных валунов, сами «входили» под курганную насыпь, что особенно хорошо видно на памятниках у станицы Новослободненской.

Курганная культура со своими специфическими этнокультурными признаками в конце IV тыс. до н. э. начинает проникать и на территорию нынешней Турции (в Анатолию). Ранее здесь неизвестные и вновь появившиеся памятники этой культуры обнаружены в долинах реки Амур на северо-западе Сирии, у подножий гор Аманус, в турецкой провинции Хатай, в местностях Норсун-тёпе, Тёпесик, Коруку-тёпе и других областях

Турции и Сирии. Сюда проникали носители этой культуры со своими традициями, скотоводческим укладом жизни, умением разводить лошадей и т. п.

Продвижение пратюрков в Закавказье и Переднюю Азию

В последней трети III тыс. до н. э. курганы начинают проникать с Северного на Южный Кавказ через Дербентский проход – территорию Дагестана и Краснодарский край. Такой путь продвижения наглядно можно проследить через курганы у станицы Новотитаревской и у сел. Утамыш в Дагестане. Археологи Закавказья единодушны в том, что курганная культура здесь появляется внезапно, как совершенно чуждая для местных племен. Эти памятники известны во многих районах Закавказья, но наиболее ранние расположены у сел. Бедени в Грузии, это и курганы Уч-тёпе в Азербайджане и др.

Отсюда – далее на юг – курганная культура достигает берегов озера Урмия в Передней Азии.

На территории Закавказья, Передней и Малой Азии древние ямники-овцеводы впервые сталкиваются с оседло-земледельческими племенами. Происходит закономерный симбиоз двух культур и смешивание различных этнокультурных течений. В результате этого симбиоза формируется новая оседло-земледельческая и скотоводческая этническая общность, сочетающая оба вида экономического уклада.

Этот симбиоз на территории Древней Месопотамии (современный Ирак) дает огромный толчок в формировании известной всему миру цивилизации шумеров (сомаров, суваров). Между носителями майкопской культуры Северного Кавказа и древними шумерами (суварами, сомарами) складываются самые тесные культурно-экономические связи, проявляющиеся в том, что в городах Шумера и майкопских курганах неоднократно обнаруживались уникальные аналогичные предметы вооружения, украшений и т. п. Важно отметить, что эти предметы встречаются в городах Шумера и северокавказских майкопских курганах, но почти не встречаются в памятниках на пространстве между ними – ни в Закавказье, ни в других районах Северного Кавказа. Взаимные контакты между майкопцами и шумерами носили характер отношений между давно оторвавшейся частью древних пратюркских племен с их прародиной на Северном Кавказе и в прилегающих степях Евразии. Создается впечатление, что эти связи носили транзитный характер, вероятно, объясняющийся близостью их традиций и культур.

Есть множество подтверждений тому, что древние шумеры были давно оторвавшейся от основной массы частью пратюркских племен. Поэтому в их языке так много тюркских терминов, о которых писали многие ученые прошлого века и сегодняшних дней.

Шумеро-карачаево-балкарские лексические схождения

Анализ древних шумерских клинописных текстов, проведенный многими учеными, свидетельствует о том, что большинство шумерских слов буквально повторяют общетюркские, в т. ч. и карачаево-балкарские слова, а порой и целые фразы. Например, в песне о Гильгамеше (Бильгамеше) встречается балкарская фраза «Союм этейик», т. е. «Совершим закляние», «Принесем жертву». Или же в надписи, посвященной божеству Гудею (удивительно напоминающее «Кудай» – бог (каз. яз.), на его памятнике XXIV в. до н. э. можно прочесть карачаево-балкарское слово «ЗАНЫМДА-ГЫННАН», т. е. «От того, кто рядом». Таких уникальных совпадений множество. Остановимся на нескольких лексических схождениях:

Шумерские слова

Аз – мало
Абаме – старейшина
Баба – предок
Габа – грудь

Даим – постоянно
Ме – я
Му – он
Не – что
Ру – забывать
Ер – воин
Ту – родить
Туд – родился
Ед – выходи
Чар – круг
Гуруваш – слуга
Гаг – всаживать
Сиг – удар
Уш – три
Уд – огонь
Узук – длинный
Туш – опуститься, сесть
Ешик – дверь
Аур – тяжесть
Жау – враг
Жер – место, земля
Егеч – сестра
Ор – жать
Кал – оставлять
Кыз – девушка
Куш – птица
Уат – разбивать

Карачаево-балкарские слова

Аз – мало
Аппа – дед, аба – бабушка
Баба – предок
Габара – телогрейка, бюстгальтер
Дайым – постоянно
Мен – я
Бу – этот, он
Не – что
Ур – забывать
Эр – мужчина
Туу – родить
Тууду – родился
Ёт – проходи
Чарх – колесо
Карауаш – служанка, рабыня
Къакъ – всаживать
Сокъ – бить
Юч – три
От – огонь
Узун – длинный
Тюш – опуститься
Эшик – дверь
Ауур – тяжесть
Жау – враг
Жер – место, земля
Эгеч – сестра
Ор – жать (урожай)
Къал – оставлять
Къыз – девушка
Къуш – птица
Уат – разбивать

Жарык – светло
Жаз – писать
Жюн – шерсть
Жол – дорога
Жыр – песня
Жарым – половина
Чолпан – звезда
Чибин – муха
Ирик – валух
Кур – создавать
Кюре – грести
Кору – стеречь
Кадау – запор
Кан – кровь
Сан – число
Икки – два
Буз – ломать
Юз – рвать
Сюз – цедить
Ез – сам
Алты – шесть
Ел – смерть
Ул – род
Сен – ты

Жарыкъ – светло
Жаз – писать
Жюн – шерсть
Жол – дорога
Жыр – песня
Жарым – половина
Чолпан – звезда (Венера)
Чибин – муха
Ирик – валух
Къур – сооружать
Кюре – грести
Къоруу – стеречь
Къадау – запор
Къан – кровь
Сан – число, сана – считать
Эки – два
Буз – ломать
Юз – рвать
Сюз – цедить
Ез – сам
Алты – шесть
Ел – умирать
Ул – сын, потомок
Сен – ты

Таких совпадений очень много, более четырех сотен. И приведенных схождения вполне достаточно, чтобы убедиться в родстве шумерского и карачаево-балкарского-языков.

Имеющиеся в нашем распоряжении научные данные говорят о том, что расселение древних ямников-пратюрков – это распад древней тюркской общности, представленной первоначально ямно-афанасьевской этнокультурной общностью. Этот распад по хронологии совпадает с распадом древней индоевропейской общности. Взаимные столкновения в результате этих процессов и обуславливают обнаружение массы взаимопроникавших языковых схождения между тюркскими и индоевропейскими языками. Этот период истории мы склонны считать первым этапом в истории формирования карачаево-балкарского народа, протекавшим более 5 тыс. лет тому назад, на территории Северного Кавказа.

Глава IV

СКИФО-САРМАТЫ – ПРЕДКИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Наследники ямной культуры

Археологическая наука давно установила, что наследницей ямной культуры в Южно-Русских степях была так называемая срубная культура, получившая свое название от погребального деревянного сруба под курганной насыпью. В степях Средней Азии и Минусинской котловине родственная ямной афанасьевская культура была сменена этнически однородной с нею так называемой андроновской культурой. Таким образом, еще в ямно-афанасьевское и срубно-андоновское время наблюдается разделение древней тюркской культурной общности на восточную и западную группы.

Наследниками ямной и срубной культур были скифо-сарматы, а афанасьевской, вероятно, были массагеты, считающиеся прямыми предками современных туркмен.

Краткие сведения о Скифии

С именем скифов связаны почти пять веков истории Восточной Европы, Передней Азии, Кавказа, Южной Сибири и других регионов. Это время совпадает с образованием античных государств Греции, сыгравших огромную роль в формировании европейской цивилизации. Скифия была тесно связана с Грецией и окружавшим ее миром. Скифская держава, включавшая не только степи Северного Причерноморья и Крым, Северный Кавказ и Приуралье, но и племена, населявшие лесостепную область, явилась звеном культурных и торговых связей между Передней Азией, Средней Азией и Европой. Скифия очень тесно была связана с греческими городами Причерноморья и провинциями раннего римского периода. Скифское государство, втягивая окрестные племена в культурно-экономические связи, содействовало одновременно и развитию общественных отношений и росту культуры этих племен. Своими военными походами они способствовали развитию военной демократии, укреплению патриархальной племенной аристократии (ил. 3, 4).

Древние авторы о скифах и сарматах

Основными письменными источниками о скифах к сарматах являются античные авторы. Ведущее место среди них занимают Геродот, Гиппократ,

Страбон, Птоломей и др. Скифы являются одним из первых народов, отмеченных письменными документами древнегреческих авторов. Все они, начиная с Гесиода и Эсхила, называют скифов и сарматов *доителями кобылиц, пьющими кумыс, конядами* и т. д. По их словам, эти народы ведут кочевой образ жизни, живут в войлочных шатрах-юртах на повозках вместе с детьми и бытовой кладью.

Среди скифов в плодородных дельтах и долинах рек выделялись, скифы-пахари, однако, ведущее место занимали скифы-кочевники, или так называемые *царские скифы*, представляющие собой особый социальный слой среди разновидностей племен, объединенных общим названием «скифы».

Описывая территорию расселения, границы и реки Скифии, их соседей, военные походы скифов и т. д., ни один из древних авторов ничего не сказал об их языковой принадлежности. Так что о языке скифов мы можем судить только по сохранившимся отдельным личным именам и терминам, по названиям местностей и рек.

Скифские легенды и сказания об их происхождении

По словам Геродота (484–425 гг. до н. э.), скифы считали, что они произошли в пустынной земле от первого человека по имени ТАРГИТАЙ, родителями которого были дочь реки Днепр (Борисфен) и скифский бог грома, соответствующий греческому Зевсу. У Таргитая родились три сына: Липоксай, Арпаксай и Колаксай. От первого произошли скифы-авхаты, от второго – катиары, а от третьего – скифы-паралаты. Общее же название их было СКОЛОТЫ. Отметим сразу же, что все эти имена носят явный тюркский характер и легко объясняются из карачаево-балкарского языка и других тюркских наречий и диалектов. А термин «сколоты», безусловно, искаженный эллинами, первоначально на языке самих скифов звучал как СХЫЛТЫ, что на карачаево-балкарском означает социальную верхушку общества. Ведь эти три племени вели свое происхождение от прародителя всех скифов – Таргитая.

Геродот слышал и другое предание, или легенду, – что скифы происходят от брака Геракла с полудевой, полужемейей, у которой верхняя часть тела была женской, а нижняя – змеиной.

Однако Геродот продолжает описание происхождения скифов: «Есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю. По этому рассказу, кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийские земли. Действительно, страна, занимаемая теперь скифами (т. е. Причерноморские степи. – *И. М.*), первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам». Здесь надо сказать о том, что древние авторы Араксом называли не только современный Аракс, и не столько эту реку, сколько Сырдарью. Следовательно, скифы могли быть теснимы массагетами из степи Приуралья, где когда-то зарождалась древнейшая пратюркская культура.

Кто такие киммерийцы

Древние авторы Гомер, Гесиод и другие киммерийцев также называли доителями кобылиц и конеядами, явно отмечая их неиндоевропейский облик и быт. История этого народа изучена очень слабо, но установлено достаточно прочно, что киммерийцы родственны скифам. На Северном Кавказе археологи обнаружили множество типично киммерийских предметов быта, труда и оружия. Исключительно большое их скопление известно на территории Карачая у аулов Карт-Джурт, Учкулан, Теберди, Индыш, Сары-тюз и мн. др. Такое скопление киммерийских находок на территории Карачая имеет исключительное значение для понимания происхождения карачаевцев и балкарцев.

Археологические материалы значительно подкрепляются данными языка и в первую очередь этимологией термина-этнонима «киммер». Дело в том, что по одному из множества понятий, которое несет слово «кара», это слово означает «большой», «великий», «могучий». Слово «чай»/«сай» означает на общетюркском «река», «русло».

Таким образом, термин «Карачай» означает «Большая, Великая, Могучая река», т. е. имя народа могло произойти от названия реки, как это часто бывает во всем тюркском мире, и означать «речные люди». Но в тюркских языках столь же часто река называется словом «кам», «кем» (как, например, Енисей называли Хем, а его приток Хемчик). От этого термина происходит и карачаево-балкарское слово «айрыкам», т. е. остров, или, точнее: «Разделенный водой». Такое же название имеет река в Дунайской Болгарии – Камчия и мн. др. Отсюда нетрудно убедиться в том, что термин «Кам-ер» или «Ким-ер» является типично тюркским – «Речной человек», точно так же, как позднейшие «Сув-ар», «Булак-ар» (Болкар) или же ранние «Суб-ар», «Сув-ар» (т. е. то же Шум-ер). Чередование во многих языках звуков «Ш» и «С» никого не должно удивлять.

О языке скифов и сарматов

В Библии имя скифов звучит как «Ашкузы», что является небольшим семитским искажением имени тюркского племени «Ас-киши». Недаром арабские авторы IX в., например Хварезми, называли Скифию страной тюрков, страной ас-киши или тогузогузов. Таким образом, Библия зафиксировала древнетюркское племя скифов, как ашкузы. Выступающее в этом этнониме слово «Ас» также является тюркским и означает «сбиваться с пути», «бродить», т. е. кочевать. Важно учитывать, что от этого имени древние греки первоначально выводили и географический термин «Азия» и поначалу локализовали ее именно в Прикубанских степях Предкавказья. Вероятно, это происходило оттого, что древнегреческие авторы были осведомлены о распространении древних кочевых племен (асов) в эти регионы.

О тюркском характере скифо-сарматского языка свидетельствуют многие имена сарматских вождей, упоминаемые римскими историками – Та-

цитом, Аммианом Марцеллином и др. Язык скифов известен почти исключительно по личным именам, среди которых встречаются и тюркские, и иранские слова. Но без привлечения к анализу обнаруживаемых в письменных источниках нарицательных имен и различных терминов говорить о языке скифов невозможно, тем более что древние авторы по этому поводу хранят полное молчание. И тем не менее, упоминавшиеся выше тюркские слова: *Таргитай*, *Кулаксай*, *Липоксай*, *Арпаксай*, *Схылты* и другие говорят в пользу того, что скифы и сарматы были тюркскими племенами. Следует добавить и такие общетюркские слова, как:

Папай – верховный бог скифов, имя которого на тюркских языках означает «старший», «старейший».

Апи – супруга Папая, означает на тюркских языках «мать», «матушка».

Атей – скифский царь, имя которого является общетюркским термином, означающим понятие «отец».

Эйр – скифское слово «мужчина», «муж». То же самое значение это слово несет и на тюркском языке – «эйр», «эр».

Тагы – скифское слово «нить» совпадает с тюркским таким же понятием.

Жюн – на скифском и тюркском языках означает «шерсть».

Юшю, *иш* – скифское слово «зябнуть». Такое же значение эти слова имеют в карачаево-балкарском и других тюркских языках – «юшю».

Даже из этого краткого перечня нарицательных слов, до сих пор игнорировавшихся многими учеными-скифологами, виден явно тюркский характер скифского языка.

Культура и быт скифов и сарматов

Скифы и сарматы были исконными кочевниками. О тюркском характере культуры и быта сарматов прежде всего прекрасно говорят находки на Южном Буге в захоронениях I в. Здесь была найдена скульптурка сармата, сидящего по-азиатски скрестив ноги, в стеганном халате, с раскосыми глазами и приплюснутым носом.

Культурно-бытовой уклад скифов и сарматов также отличается массой тюркских элементов. Так, например, кифский мудрец Анахарсис на вопрос о том, как питаются скифы, ответил, что завтраком и обедом для каждого скифа служит кислое молоко и сыр. Эти слова идентичны карачаево-балкарскому выражению: «Айран ола бишлакъ», характеризующему их повседневную пищу. По сообщению автора I в. Плиния, сарматы питаются «сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко».

Вполне очевидно, что римский историк не смог отличить сырую муку от муки из жареных зерен – кзуут, который служит деликатесным блюдом балкарцев и карачаевцев. К куууту они, как правило, добавляют либо айран, либо масло, а могли добавлять и кумыс.

В тех же источниках говорится о том, что сарматы питаются крутой белой кашицей, что в буквальном смысле совпадает с карачаево-балкарским блюдом из муки и мелкой крупы, кашицей – «как».

Из элементов одежды скифов и сарматов на близость с карачаево-балкарской одеждой указывают короткие до колен кафтаны, стеганные и изготовленные из шкур; длинные кожаные сапоги и ноговицы с подколенными подвязками. Такие сапожки могли быть и войлочными. Скифы и сарматы носили островерхие головные уборы, очень близко напоминающие башлыки. Изображения таких уборов обнаруживаются на каменных статуях и других изображениях. Скифы и сарматы, кроме того, носили и бурки – *жамычы*. Многие элементы одежды скифы и сарматы изготавливали из различных войлоков, которые имели широкое применение в быту этих племен, а сейчас являются неотъемлемой традиционной деталью карачаево-балкарской одежды и быта.

Искусство скифов и сарматов

Искусство скифских племен представляет собой неповторимый пласт мировой культуры. В своем искусстве скифы достигли высочайших вершин в манере отображения окружающего мира, бытового уклада, мировоззрения и религиозных представлений... Для этих целей они умело использовали как подручный материал – кость, дерево, шерсть, кожу, так и драгоценные металлы, камни и пр. Широкое распространение получило золотое литье, чеканка и тиснение по золотой фольге, пластинке. Золотом украшали и отделывали кость, деревянные изделия и др.

В искусстве скифов нашли отображение сцены бытовой жизни, вооруженных столкновений и народных игр, ристалищ и пр. Особым блеском отличались захоронения племенных вождей в богатейших курганах Прикубанья и Причерноморья. Предметом гордости и зависти любого музея мирового значения могут служить известные всему миру золотая гривна из кургана Солоха, золотая ваза из Чертомлыкского кургана, непревзойденные вещи – шейные гривны из кургана Куль-Оба, кургана Солоха, зеркало из кургана у станицы Келермесской и многое другое в Крыму и Прикубанье.

В мужских захоронениях, как правило, обнаруживаются предметы вооружения, ритоны, колчаны, украшенные золотыми накладками, а в женских чаще всего археологи находят неповторимые изделия из драгоценных камней и металлов – серьги, перстни, браслеты, шейные гривны, диадемы для головных уборов и т. п.

В искусстве скифов большое место занимали изображения диких животных: львов, барсов, пантер, неукротимых коней; птиц – орлов и грифов. Очень богато скифы украшали свои войлочные ковры-киизы, среди которых встречаются изготовленные из разноцветно окрашенных кусочков шерсти, которые укладывались в определенном порядке и создавали пестрый колорит скифского традиционного орнамента. Такое же распространение получило у скифов искусство изготовления различных киизов с аппликациями из кусочков войлока. Весь набор орнамента, технология изготовления и применения войлочных киизов – ковров скифского обли-

ка до сих пор бытует в традиционной культуре балкарцев и карачаевцев, составляя ее специфическую отличительную особенность.

По сообщениям ученых XVII–XVIII вв., балкарцы и карачаевцы еще в те времена славились на весь Кавказ своим искусством в изготовлении войлочных изделий.

Быт и устройство скифского общества

Бытовой уклад жизни и хозяйственную деятельность скифских племен достаточно подробно описали древнегреческие писатели. Геродот насчитывает около 15 скифских племен, среди которых были скифы-пахари, т. е. земледельцы, скифы-кочевники, царские скифы и т. д. Ученые единодушны в мнении, что скифами-пахарями греки-эллины называли подвластные скифам-кочевникам и царским скифам племена оседлого причерноморского мира, к которым название «скифы» относилось чисто условно. Что же касается действительно этнических скифов, то таковыми были скифы-кочевники, царские скифы, считавшие прочих своими рабами.

Настоящие скифы почти всю свою жизнь проводили в войлочных шатрах-повозках, здесь рождались их дети, здесь они росли и жили. Мужского пола дети сызмальства приучались ездить верхом и всю жизнь проводили в седле, в набегах и войнах. В искусстве наездничества и коневодства скифы достигли наивысшего уровня во всем Древнем мире.

Основным видом хозяйственной деятельности скифов было разведение скота, преимущественно лошадей и овец. Значительным дополнением их экономики были постоянные набеги и разорение соседних племен, а также походы в соседние с Причерноморьем государства и города-колонии Греции на побережье Черного моря. Высоко были развиты различного рода ремесла, промыслы, охота и обмен.

Скифское общество было первым в истории подвижным, высоко организованным военно-патриархальным обществом, во главе которого стояли вожди, племенная аристократия, военачальники и предводители отдельных боевых дружин. В этом обществе строго соблюдались нормы и порядок субординации и соподчинения низших высшим представителям военно-аристократической власти. Скифское общество являлось первым в истории Северного Причерноморья и прилегающих областей, Крыма, Приуралья, Средней Азии, Алтая, Северного Кавказа и Закавказья государственным объединением со своими специфическими внутренними законами и обычным правом.

Большое место в скифском обществе занимало жречество, объединявшее в своих рядах всевозможных гадателей и гадалщиц, предсказателей, которые искусно владели навыками предугадывать будущее по солнцу, звездам, явлениям природы и т. д.

Скифское общество было обществом рабовладельческим. Вместе с умершим вождем племени или крупным военным предводителем хоронили их рабов, наложниц, пленных и т. п.

Скифы были первым племенем, которое разработало свои методы ведения коротких и длительных военных действий, набегов на укрепленные города и крепости оседлых народов.

Военно-политическая история скифов – предков карачаево-балкарцев

Собственно говоря, вся история скифов в европейских степях связана с военно-политическими событиями в этих регионах с первого их появления и почти до самого конца скифской эпохи. В скифскую эпоху на безграничных просторах Евразийских степей господствовали три родственных племени – киммерийцы, массагеты, скифы. Как отмечает Геродот, скифы вынуждены были продвинуться в Причерноморье под натиском своих азиатских сородичей-массагетов, в результате этого столкнулись с другими сородичами-киммерийцами, обитавшими в степях Причерноморья и Прикубанья, включая территорию современного Карачая. Вместе с тем скифы постоянно вынуждены были вступать в военные столкновения с древними обитателями Причерноморских степей, с оседлыми племенами этих областей. Многие из них были подчинены скифам, испытывали огромное влияние скифской культуры, быта и нравов. Именно поэтому древнегреческие авторы называли их скифами с добавлением к их имени различных определительных кличек «пахари», «кочевники» и т. п. (ил. 3–7).

На кровно-родственные связи киммерийцев и скифов указывает и Библия, где родоначальник киммерийцев Гомер и родоначальник скифов Ашкуз названы родными братьями – сыновьями Тагарма, имя которого есть искаженное имя общетюркского божества Тангри (Тейри). Сразу же отметим, что Тагарма считали родоначальником и средневековые тюркские племена – хазары. Таким образом, источники указывают на родство киммерийцев, скифов и хазар. Этот момент чрезвычайно важен для понимания этнической истории многих тюркских племен и народов.

Походы скифов в Переднюю Азию

Судьба древней цивилизации стран Ближнего Востока и Передней Азии тесно связана со скифами. Эти процессы, безусловно, отражались и на развитии европейской цивилизации. С течением времени в них активно включались и другие страны Средиземноморья, степей Подунавья и Украины, Северного Кавказа и Закавказья.

Скифские вожди и военные отряды с жадностью смотрели на богатейшие страны и крупные культурные центры Передней Азии. Для осуществления своих целей скифы через Северный Кавказ и по Черноморскому побережью двинулись на юг. В своем движении они, возможно, включали в свой состав многие северокавказские племена.

Геродот довольно точно определяет пути движения скифов в Переднюю Азию: «...имея Кавказ по правую руку». Существует и другое мнение –

что скифы пользовались дорогой вдоль западного побережья Кавказа. Археологические исследования могильников Северного Кавказа (у станицы Нестеровской, сел. Нартан, Каменномоетского, Нижний Чегем и др.), а также в Закавказье, относящихся к I тыс. до н. э., подтверждают эти сообщения Геродота, так как в этих могильниках обнаруживаются скифские вещи – оружие, части конского убранства, украшения и др. – и погребения, отражающие скифский погребальный обряд. В Закавказье к таким памятникам можно отнести могильник у сел. Куданурха близ Гудауты. Скифы при этих походах разрушили центральную крепость государства Урарту – Тейшебаини, Каркемиш в Северной Сирии, крепости около озера Урмия и др. В Закавказье скифы создали мощное политическое образование, сыгравшее большую роль в политической жизни края в VII в. до н. э. В «Книге пророка Иеремии», который более других библейских авторов склонен к историзму, скифы характеризуются как народ жестокий и неумолимый, пришедший с севера. Нашествию скифов на Израиль он уделил много внимания.

Вот что он писал: «Вот приведу на вас – дом Израилев, народ издалека, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его как открытый гроб, все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои, разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься». И все эти предсказания скифы исполнили сполна, разорив и разрушив многие города Передней Азии. В 70-х гг. VII в. до н. э. скифы во главе с царем Ишпаком напали на Ассирию. Ассархадону, царю Ассирии, удалось заключить со скифами мир. Он согласился даже отдать за Партуту (Партутая), царя скифов, свою дочь. Чтобы в полной мере оценить этот исторический факт, надо учесть, что Ассирия в то время была крупнейшей и сильнейшей державой. Вскоре после этого скифы двинулись дальше на юг и достигли Палестинской Сирии. Отсюда они намеревались двинуться на Египет, но фараон Псаметих I (663–616 гг. до н. э.) вышел им навстречу и дарами «отклонил их от дальнейшего движения». Скифы, по сообщению Геродота, оставались в Азии 28 лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо, кроме того, что они взымали «с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они еще и совершали набеги и грабили, что было у каждого народа». Сопоставляя сроки пребывания скифов в Азии, по Геродоту, со сведениями восточных документов, с политической историей, известной по античной традиции, некоторые ученые считают, что скифы могли пребывать в Азии значительно больше, чем 28 лет. Весьма вероятно, что часть скифов могла остаться в пределах Передней Азии. Народам Передней Азии было известно, что они пришли с севера, с территории Северного Причерноморья, через степи Северного Кавказа и вдоль западного побережья Кавказа. Пребывание скифов в Передней Азии не могло не отразиться на культуре и языке и скифов, и народов, с которыми они сталкивались.

Походы Дария на скифов

Разрушив и разорив многие города и государства Передней Азии, скифы возвратились обратно в свои земли в Предкавказье и Причерноморье. Но возвращение скифов не было слишком радостным. В государственном масштабе в Скифии разыгралась крупная междоусобная война, вызванная тем обстоятельством, что жены скифских воинов, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами. От этих рабов и скифских жен произошла молодежь, решившая воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии. Они отрезали свою землю, отгородив ее широким рвом. При всякой попытке скифов вторгнуться, они выходили против них и вступали в битву. Неоднократные попытки скифов не увенчались успехом, но, в конце концов, изменив тактику атаки, скифы одолели своих рабов и их потомков.

В это время Скифия представляла собой большое политическое объединение со значительной самостоятельностью отдельных ее частей, между которыми очень часто возникали жестокие войны.

В конце VI в. до н. э. Скифия вновь оказывается втянутой в орбиту мировой политики. Самая могучая в то время держава, объединенная под властью персов, простирающаяся от Передней и Малой Азии до Индии, поднялась на скифов войной. Во главе огромной персидской армии стоял Дарий, который провел большую подготовительную работу по организации и мобилизации сил для вторжения в Скифию, якобы за то, что те 150 лет тому назад разорили Переднюю Азию при своем вторжении и господстве там на протяжении указанных 28 лет.

Около 513 г. до н. э. многочисленное войско Дария начало свой поход на скифов. По словам Геродота, войско Дария состояло из 700 тыс. человек и 600 кораблей.

Переправившись через Дунай (Истр) по мосту, построенному для Дария малоазийскими греками, Дарий вступил в пределы Скифии. Отдавая себе отчет в том, что в открытом бою они не смогут одолеть такое огромное войско, скифы стали прибегать к своим старинным «партизанским» методам ведения войн. Совершив молниеносные набеги на отдельные отряды персов, они тут же исчезали в безграничных степях, избегая открытого боя.

Персы не смогли выиграть ни одного сражения и потеряли много войска и добычи. Разгневанный Дарий послал к скифскому царю Идантирсу послов со словами: «...если ты считаешь себя в силах противостоять моему могуществу, то зачем ты все убегаешь, прекрати свое блуждание и сразись со мной...». На этот упрек скифский царь передал: «Если персам необходимо ускорить сражение, то пусть они посмеют найти и разрушить гробницы наших предков, и тогда персы увидят, на что способны в бою скифские воины... А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты еще заплатишься».

Вскоре персидская и скифская армии выстроились друг против друга для решительного сражения. В это время, рассказывает Геродот, между

рядами скифов пробежал заяц. Скифы, побросав свое оружие, и не обращая никакого внимания на персов, готовых к бою, побежали догонять и ловить этого зайца. Узнав об этом, Дарий заметил: «Эти люди относятся к нам с большим пренебрежением, и мне теперь ясно, что в сражении скифов нам не одолеть». С наступлением ночи, оставив лагерь ослабевших воинов, Дарий вынужден был покинуть Скифию. Таким образом провалилось предпринятое Дарием намерение покорить скифов (ил. 4).

Применительно к историко-культурному наследию скифов в культуре карачаево-балкарцев, уместно отметить, что в 1885 г., выдающийся ученый-социолог, известный всему миру как специалист по законам и обычаям кавказских народов XIX в., М. М. Ковалевский, проводил раскопки древних захоронений у селения Былым в Балкарии. Во время работы балкарцы-рабочие увидели пробежавшего зайца, и побросав свои орудия труда, бросились ловить этого зайца, поймали, поиграли с ним и отпустили. Эта сцена произвела на известного ученого такое сильное впечатление, что он не смог найти этому факту никакой аналогии в кавказской среде и закономерно сопоставил его с игрой с зайцем из скифской истории.

Указанный эпизод с зайцем, а также отмеченные выше скифо-балкар-карачаевские параллели дополняются и другими фактами. Так, например, можно отметить, что у многих тюркских народов, в т. ч. у карачаевцев и балкарцев большое распространение имеет игра в альчики (австрагалы). Как известно, археологи часто обнаруживают эти игральные кости во многих древних ямных погребениях пастухов-овцеводов. Позднее, в захоронениях II тыс. до н. э. в могилах детей археологи обнаруживали игральные альчики, например, в кургане у сел. Кишпек и в других местах Кабардино-Балкарии. Такие же альчики – частая находка в памятниках бронзового века и в Средней Азии. Интересно, что игральные альчики, изготовленные из горного хрусталя, найдены в шумерском городе Уре в памятниках III тыс. до н. э. В связи с этими фактами важно иметь в виду, что в скифских курганах Кабардино-Балкарии археологи находили отлитые в бронзе игральные альчики VI в. до н. э. Подобные параллели имеют важное значение в освещении истории и культуры балкарцев и карачаевцев.

Борьба скифского царя Атея с Филиппом Македонским

Наиболее известным событием из области скифской истории на западных границах является деятельность выдающегося скифского царя Атея, который считается основателем скифского рабовладельческого государства. Уже в середине IV в. до н. э. Атей довольно прочно обосновался на правом берегу Дуная. Эта территория известна у древних авторов под названием Малой Скифии в отличие от основной Скифии на берегах Днепра и в степях Северного Причерноморья. В этом районе Атей вел активную политику. В письменных источниках сохранились сведения о том, что Атей в своем обращении к гражданам греческого города Византия грозился напоить своих лошадей у стен этого города. Известна и его замечательная

победа над племенами этого региона. Важное место в военно-политической истории скифов занимает война Атея с Филиппом II Македонским, отцом знаменитого Александра Македонского.

По завершению одного из эпизодов войны скифов с сопредельными племенами, когда обстоятельства складывались не в пользу скифов, Атей обратился к Филиппу. Он откликнулся на просьбу Атея, но оговорил условия: Атей должен был сделать Филиппа своим наследником, и, следовательно, Филипп должен был после смерти Атея получить Скифию. Атею в это время было уже около 90 лет. Однако Атей отказался от этого условия и заявил, что у него есть свой наследник. После этого отношения между ними обострились и Филипп пошел войной на скифов. В крупнейшем сражении сам Атей руководил армией, но скифы проиграли бой и Атей пал на поле сражения.

Борьба Атея удивительно напоминает сюжет карачаево-балкарского нартского эпоса о борьбе эпического героя князя Ачея с враждебными нартам племенами. Имена Атей и Ачей, безусловно, идентичны.

Время правления Атея было временем наивысшего расцвета скифской державы, наибольшего его могущества. Смерть Атея и поражение в войне с Филиппом – это и есть начало упадка Скифии, как одного из мощных государств I тыс. до н. э. Сражение, в котором погиб Атей, произошло в 339 г. до н. э. Через восемь лет Македония нанесла Скифии еще один сокрушительный удар. Господство скифов в Причерноморье катилось к закату и в конце концов завершилось разгромом. Во II в. до н. э. на арену истории выходят наследники скифов. Среди этих наследников были прежде всего гунно-болгары и сарматы. С распадом скифской державы завершается второй этап процесса этногенеза балкарцев и карачаевцев.

Глава V

ГУННО-БОЛГАРСКИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Наследниками скифов по культурным и кровно-родственным признакам являются гунно-болгарские племена. Основной этнический признак – погребальный обряд скифов и гуннов – чрезвычайно однотипен. Это те же курганные насыпи, погребальные срубы из бревен и толстых плах, погребальные колоды, жертвенные лошади и пр. Погребальные памятники гуннов хорошо известны на всем протяжении древней скифской территории в Причерноморье, Подунавье – так называемой Малой Скифии, на Северном Кавказе и других областях. Весьма выразительные памятники гуннов раскопаны и на территории Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Очень интересными являются находки археологов в окрестностях сел. Кишпек в долине реки Баксан, в урочище Байтал-Чапкан в Карачае и др.

Гунны Северного Кавказа

По сведениям ранних средневековых авторов, на Северном Кавказе, особенно в Приморском Дагестане сложилось мощное государственное объединение тюркских племен, возглавляемых гуннами. Царство гуннов оказывало огромное влияние на весь ход исторического и военно-политического развития на Кавказе, в Закавказье и на Ближнем Востоке.

В науке утвердилось мнение, что гунны – это азиатские племена, известные в III в. до н. э. по китайским источникам под названием «сюнну». Но в Центрально-Азиатских степях нет никаких источников формирования этнокультурного облика гуннов ни во II, ни в III тыс. до н. э., а гунны появляются неожиданно в III в. до н. э., уже в виде вполне сформировавшегося государственного объединения во главе с царем, военачальниками, административно-военными структурами. А если таковых истоков здесь не наблюдается, значит, утверждение о том, что гунны произошли и сформировались как этнос (народ) на центрально-азиатских просторах, звучит не вполне оправданно.

Скорее всего гунны сформировались на базе тех самых древних ямно-афанасьевских племен, проникавших в глубины Центральной Азии с Волго-Уральского междуречья. Именно поэтому они позднее так часто направляли свои военные походы именно в эти районы, т. е. на древнюю прародину.

Иначе трудно научно оправдать тот молниеносный скачок гуннов III в. до н. э. через всю пестронаселенную евразийскую зону и уже в I в. до н. э. властвовать над всем Прикаспием, как повествует Дионисий Периегет, а тем более образовать государство в Приморском Дагестане, распространиться вплоть до Дуная, организовать и там державу Аттилы, громить Римскую империю. Все эти вопросы порождают множество сомнений и не позволяют считать отмеченное выше утверждение о прародине гуннов в Центральной Азии обоснованным. История ранних гуннов и их происхождение нуждается в дальнейших исследованиях.

Для истории карачаево-балкарского народа большое значение имеет упоминание о так называемых «кавказских гуннах» Прикаспия. Уже в 60-х гг. III в. кавказские гунны служили в персидской армии, а в 90-х годах того же века армянские источники пишут о гуннских войнах в Предкавказье. Более того, в одной из сасанидских (персидских) надписей 293 г. отмечено имя одного из тюркских хаканов на Кавказе. В 363 г. армянские, римские и персидские авторы пишут о необходимости укрепления кавказских проходов, особенно Дербентского, от гуннских полчищ, постоянно совершавших набеги и походы на персов, армян и ближневосточные народы. Эти события и вынудили сасанидский Иран построить Дербентские укрепления, называющиеся у тюрков «Темир-капу» – Железные ворота.

Таким образом, еще до эпохи, предшествовавшей появлению гуннов в Европе, в качестве наемных солдат или враждебных отрядов они уже оседают и создают на Северном Кавказе свое государство. Столицей этого государства арабские и персидские авторы называют город Варачан, или Беленджер, в долине реки Сулак у сел. Верхний Чир-юрт в Дагестане. Некоторые авторы позднее этот город или страну Баланджар называют родиной хазар. И действительно, среди гуннских племен были предки хазар, именовавшиеся басылами («Бас» – голова, «ил» – «эль» – народ, т. е. главный народ).

Источники описывают гуннов как всадников, «приросших к своим коням». Они, по словам античных писателей и историков, «скачут врассыпную, без всякого порядка, с неожиданными обратными набегами...», «сражаются копьями с острыми костяными наконечниками, а в рукопашном бою дерутся очертя голову мечами и, сами уклоняясь от ударов, набрасывают на врагов крепкие витые арканы». В письменных источниках гунны отождествляются со скифами и киммерийцами, особенно их сопоставляют с так называемыми *царскими скифами*. Такое отождествление подкрепляется и тем фактом, что этноним скифов «ас-киши», или его основа «ас» сохраняется в письменных источниках, особенно в древнегрузинских документах, в «названии гуннов, как «овс», «ос». Так именуются гунны в V в. при набегах на Грузию при царе Вахтанге. Термин «овс» грузинских источников – это и есть несколько видоизмененное тюркское название племени «ас».

Гунны в Европе. Держава Атиллы

Вторжение гуннов в Южно-Русские степи и европейские просторы потрясло весь мир древних разноплеменных этнических образований этого региона. Эти события получили в истории вполне оправданное название «Великое переселение народов» (ил. 9). Нашествие гуннов послужило одной из причин распада некогда великой Римской империи, господствовавшей над всем миром. При характеристике гуннских походов конца IV в. (375) в истории господствует представление о них римского обывателя, который видел в гуннах «диких варваров». Надо иметь в виду, что к тому времени Древнеримская империя была жестоко раздирема внутренними раздорами.

Доевропейский период истории гуннов изучен плохо, хотя и привлекал внимание ученых на протяжении XVII–XIX вв. Несомненным является то, что гунны проникли в Европу с востока из-за Дона и Азовского моря, и что язык их был тюркским.

В Придунайских степях, на территории бывшей Малой Скифии, гунны образовали свое новое государство во главе с легендарным вождем Атилой, имя которого ученые возводят к тюркскому слову «ата» – отец. На протяжении всего V в. Атила вел в Европе самую активную политику, удерживая под своей властью множество европейских племен и народов,

и никто не мог ему перечить в решении сложных международных вопросов этого времени.

В престарелом возрасте Аттила женился на молодой красавице и умер в брачную ночь. Его сыновья не стали соблюдать установленные отцом правила, и каждый из них со своими подданными народами стал претендовать на верховную власть. Это привело их к взаимным войнам, а в конце концов к распаду созданной их отцом великой державы, перед которой содрогалась вся Европа.

Потомки гуннов на Северном Кавказе

Один из авторитетов византийской исторической науки Прокопий Кесарийский (V в.) писал, что по берегам Азовского моря и Дона живут племена, которые «в древности назывались *киммерийцами*, а теперь зовутся *утигурами*». Об этих последних племенах надо сказать, что у одного из государей гуннов было два сына – Утигур и Кутургур. После смерти отца они (каждый из них со своими подвластными племенами) образовали новые племена – утигуров и кутургуров, которые явились составными этническими частями древних болгар. Многие ученые разделяют это мнение и считают, что болгары представляли собой одно из подразделений гуннов, которые после распада державы Аттилы поселились в Малой Скифии между Дунаем и Днестром под начальством любимого сына Аттилы – Ириника, известного в «Именнике болгарских князей» IX в.

Болгары известны были не только в степях Западного Причерноморья, но и в Предкавказье, и в Поволжье.

Древнейшее упоминание о кавказских болгарях (булках) встречается в древнеармянских письменных источниках. В них повествуется о том, что армянский царь Вахаршак (царствовал между 149-м и 127 г. до н. э.) созывает племена, «живущие на северном склоне у подошвы великой Кавказской горы, в долинах, в глубоких продольных ущельях, простирающихся с Южной горы до устьев Великой равнины, и приказывает им не заниматься разбоем и угоном скота и людей...».

При сыне Вахаршака – Аршаке (127–114 гг. до н. э.), продолжает источник, «возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы в земле булгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Коха, в плодородных и хлебородных местах». В местах расселения тех болгар до сих пор сохранилось название реки «Болгар-чай» – Болгарская река.

Таким образом, армянские источники, хорошо знавшие окрестные Армении земли, этнополитическую и географическую ситуацию, убеждают в том, что древние кавказские болгары обитали в горах и ущельях, прилегающих предгорьях уже во II в. до н. э. и земли в горах Кавказа назывались «землей булгаров».

Эти сведения подтверждаются тем обстоятельством, что уже в III в., как отмечалось выше, гунны представляли собой сильное политическое госу-

дарственное образование на Северном Кавказе, а в V в., по свидетельству Прокопия Кесарийского, гунны под предводительством Базука («Базык» – толстый, мощный) и Амбазука («эмбазык» – самый толстый, самый мощный) владели Дарьяльским проходом в Закавказье. А по свидетельству сирийского автора VI в. Захария Ритора, на месте бывшей гуннской государственности, севернее Дербента, обитали те же потомки гуннов – болгары.

Великая Болгария – держава Кубрата

Болгарские племена обитали на Северном Кавказе начиная со II в. до н. э. Этот факт вытекает из того, что отмечено в письменных документах, но, учитывая, что в письменные источники различные племена попадают не в тот же момент, как появляются на данной территории, а значительно позже, в силу каких-то исторических событий, следует признать и более древнее обитание болгар на Кавказе.

С III по VI в. на Северо-Восточном Кавказе, в Приморском Дагестане существовала гуннская государственность, в недрах которой зарождался Хазарский каганат, включивший позднее в свою среду почти все тюркские племена Северного Кавказа и Юга России. В V–VI вв. на Северо-Западном Кавказе, особенно в Прикубанье, формируется древнее болгарское государство, называвшееся в византийских письменных документах «Великой Болгарией» (ил. 10). Таким образом, Северный Кавказ в III–VI вв. контролировался двумя тюркскими государственными объединениями: гуннским на северо-востоке, и болгарским на северо-западе Предкавказья.

Весь степной Евразийский континент в V–VI вв. был охвачен постоянными войнами двух крупнейших объединений тюркских племен: Восточного каганата в глубинах Центральной и Средней Азии и Западно-Тюркского каганата на западе от Сырдарьи и Приуралья до Придунавья и Северного Кавказа.

Но и внутри каждого из этих каганатов постоянно шли междоусобные войны за первенство между различными ведущими родами. В Западно-тюркском каганате такими родами были Ашина и Дуло. Разразившаяся между ними война 630–631 гг. сильно пошатнула мощь этой державы и дала возможность некоторым племенам освободиться из-под власти каганата. Одними из первых такой возможностью воспользовались болгары и, уже начиная с 582–584 гг., стали вести себя как самостоятельное племенное объединение.

Во главе их встал весьма дальновидный вождь, князь Кубрат. Он был крещен и воспитывался долгие годы в Византии, тесно был связан с Константинопольским двором и в качестве болгарского государя осуществлял свою политику, которая оберегала его от нарастающего хазарского могущества. Константинополю также необходимо было иметь надежный буферный заслон от тех же хазар на восточных своих границах.

Кубрат объединил все приазовские и предкавказские болгарские племена в единую Великую Болгарию в 635 году. Вообще же период правле-

ния Кубрата падает на 584–642 гг. Письменные источники, исходящие из Византии, где Кубрат всегда имел теплый и радушный прием, сообщают, что он правил почти 60 лет.

В самом начале VII в. мощное хазарское объединение подчинило себе и болгар. После смерти Кубрата его сыновья Батбай, Котраг и Аспарух разделились, и каждый со своими подвластными племенами обосновался в различных местах: Аспарух на Дунае, на территории бывшей Малой Скифии и территории, где когда-то господствовал Атила; Котраг ушел вверх по Дону, а оттуда на Волгу, на древнюю территорию, где когда-то в глубине тысячелетий формировалась древняя кочевническая культура праторкских племен. Старший сын Кубрата – Батбай (Батиан, Басиан) остался на родине отцов и вскоре подчинился хазарам (*ил. 11*).

Сами хазары, ученые-специалисты по истории хазар, сведения византийских и восточных авторов говорят, что хазары и болгары были почти одним народом, говорили на одном языке. Средневековые письменные источники сообщают, что среди кавказских, или прикубанских, болгар выделялись четыре колена: Купи-болгар, Дучи-болгар, Огхондор-болгар, Чдар-болгар. Исходя из того, что древние тюркские племена часто именовали себя по названиям рек, ученые полагают, что и в данном случае эта традиция имеет место. Но дальше того, что под Купи-болгар они видят кубанских болгар, их предположения не дают ничего убедительного, и остальные термины остаются пока еще не разъясненными. По нашему мнению, Огхондор-болгар – это некие тюркские племена, обитавшие на реке Орхон и влившиеся в состав болгар. Дучи-болгар некоторые авторы читают как *Кучи-булгар*. В таком случае их название объединяет тюркские племена, обитавшие на берегах реки Ку-Лебедь и реки Чу. Это могли быть, вероятно, племена Ку-киши и Чу-киши, т. е. *люди с реки Ку и Чу*.

Некоторые авторы связывают название болгарского племени утигор с этнонимом *дигор*, которые, по словам восточных ученых Рашида ад-Дина и Махмуда Кашгарского, являлись составной частью огузских тюрков. На цокающем диалекте карачаево-балкарского и дигорского языков термин *Чдар* будет звучать как Цдар (или Стар, Стур). А это слово означает «большой» (как в названии дигорского селения «Стур-Дигора» – Большая Дигора). Значит, название Чдар-булгар означает «Большая Болгария», равнозначное термину «Уллу Малкър», т. е. Большой Малкар (Большая Балкария).

Этнопонимическое наследие гунно-болгар и хазар

Имя одного из подразделений гуннов и составной части болгар – племя Кутургу – оставило память о себе в Балкарии в названии одного из самых древних селений Чегемского ущелья – Гюдюргю. Имя гуннов-масаха сохранилось в имени легендарного героя и родоначальника некоторых балкарских патронимических подразделений – Мисака.

Имя хазар сохранилось в Балкарии в названии средневекового городища, исследованного в 30-х гг. у сел. Былым. Поселение или городище это

называлось «Хазар-кала» (автор раскопок передает его как «Гацар-кала»). Хазарский царь Иосиф в IX в. писал, что на самом Юге Хазарии в смежности с Грузией в высоких горах живут хазарские племена под названием «Баси» или «Бас». От имени этого племени происходит имя другого легендарного героя балкарцев – Басият, что, в свою очередь, дало название социальной, княжеской верхушке Балкарии – *басият*. Вероятно, по имени тех же басов происходит и грузинское название балкарцев – *басиани*. Имя самих болгар является до сих пор одним из самоназваний современных балкарцев. Это название «балкар» известно и всем соседним народам, а через них вошло и в русские документы начала XVII в. Термин «малкар» (что равнозначно термину «балкар») относится жителями других ущелий к жителям Черекского ущелья исключительно. Кроме того, некоторые языковеды утверждают, что языку болгар, как и диалекту балкарцев Черекского ущелья, было присуще цоканье.

Имена отдельных подразделений и родовых групп болгар сохранены в названиях карачаево-балкарских селений: Чылмас, Булунгу, Хурзук, Учкулан, Биттургу Былым и мн. др.

Имя болгарского царя Аспаруха на карачаево-балкарском языке означает «Гордый», «Величавый» (происходит от слова «оспар»). В Дунайской Болгарии также имеются, например, такие гидронимы, как: Кам-чай (Камчия), что означает «река Кам». Подобная же речка имеется в Верхнем Чегеме. В Болгарии имеется селение, называющееся Карноват, что идентично названию старинного балкарского селения в верховьях Череха – Курнаят. Название карачаевского селения Мара сохраняется в названии местности в Болгарии – Мара. А существующее в Болгарии название местности «Карачала обасы» означает «Карачаевские могилы». Подобных фактов можно считать большое количество.

Археологическое наследие болгар в Балкарии и Карачае

Основным населением Хазарского каганата, объединявшего Южно-Русские и Предкавказские степи, были тюркоязычные племена болгар и аланов. Где-то в конце 30-х гг. VIII в. хазары перенесли свою столицу из Приморского Дагестана на Волгу. Вероятно, этот факт, наряду с внешними причинами хазаро-арабских войн, диктовался «зovem крови» на древнюю прародину пратюркских племен Волго-Уральского междуречья.

Крупнейшим археологическим памятником Хазарского каганата на Северном Кавказе является известный болгарский город Хумара на правом берегу Кубани у сел. Хумара. Этот город-крепость был обнесен мощной каменной стеной, толщина которой достигает от 3,5 до 6 м. Активная жизнь на этом городище протекала на протяжении VIII–X вв., хотя следы поселения на месте этого памятника прослеживаются с глубокой древности.

В Хумаре археологи раскопали многие разновидности жилищ от каменных и до кочевнических юрт и полуземлянок. Здесь же изучены различные виды погребальных памятников – захоронений в каменных склепах,

скальные захоронения, грунтовые могилы и др. Важно отметить, что во многих могилах дно было застлано войлоком, что напоминает такую же традицию погребений кочевников III тыс. до н. э. на Северном Кавказе.

В окрестностях Хумары обнаружено множество древних рунических тюркских надписей, весьма близких по своей фонетике к цокающему диалекту карачаево-балкарского языка.

Все известные находки и сведения письменных источников говорят о том, что Хумара являлась крупнейшим военно-политическим и культурно-экономическим центром кавказских болгар и всего Хазарского каганата.

Большое количество болгарских археологических памятников известно в ближайших окрестностях Хумары. Здесь следует отметить более 10 болгарских поселений у города Кисловодска, памятники в местности Тамгацик, в верховьях реки Индыш (в местности Индыш-баши, Джашырын-кала и др.), у реки Уллу-кам (истоки Кубани) в Карачае.

Такое же разнообразие болгарских памятников известно и в Балкарии, например, поселение у сел. Нижний Чегем, сел. Лашкута, захоронения у сел. Кашхатау, поселения и могилы у сел. Верхний Чегем и др. Такие же памятники известны у так называемых Эльхотовских ворот на территории нынешней Северной Осетии, у сел. Аргудан, у города Майского на территории современной Кабарды.

Наследие болгар в традиционной культуре балкарцев и карачаевцев

Судя по сооружениям на городище Хумара и других археологических объектах, древние болгары были великолепными мастерами каменного зодчества. Они умело обтесывали камень, изготавливали огромные каменные блоки и плотно подгоняли их один к другому в основании своих зданий. Это мастерство древних болгар, отраженное в памятниках Балкарии и прилегающих районов, в достаточно полной мере сохранилось у современных балкарцев Черекского ущелья. Возможно, именно поэтому балкарцы других ущелий называют их «хуначы малкъарлыла», т. е. балкарцы-каменщики.

Другой специфической чертой материальной культуры болгар являлось строительство срубных жилищ из цельных деревянных бревен. Эта специфика целиком сохранена в Карачае и является в современной этнографии Кавказа особенностью исключительно карачаевцев, хотя в отдельных случаях срубные дома встречаются в соседнем с Карачаем Баксанском и в меньшей мере в Чегемском ущельях. Восточнее на Кавказе подобные жилища неизвестны.

Очень важной болгаро-карачаевской параллелью является тот факт, что аспаруховские болгары место своего первого поселения на Дунае называли «Эски-Джурт» – т. е. Старая Родина. Именно так же именовали карачаевцы поселение легендарного своего родоначальника Карчи в верховьях реки Архыз (Эски-Джурт).

Традиционная культура карачаевцев и балкарцев насыщена и множеством других болгарских параллелей. Это относится и к войлочным изделиям, элементам одежды: меховая оторочка кафтанов, широкие платья типа кимоно, рубашки, платки-пледы (джаулык), именующиеся так же, как и у карачаево-балкарцев, а также женские украшения – серьги в виде знака вопроса и мн. др.

Много общего и в традиционной пище, например, кислое молоко – айран и пр.

Гунно-болгары и хазары в генеалогических преданиях балкарцев и карачаевцев

В легенде о происхождении балкарцев говорится о том, как некий охотник по имени Малкар, будучи на охоте, в поисках оленей набрел на расположенное в прекрасной горной долине селение горцев-«таулу». Малкар мирно ужился с ними. Вскоре к ним из дагестанских равнин приходит некий Мисака (в этом имени легко читается этноним гуннов – *массаха*). Вероломно завладев сестрой братьев-малкаров, он приводит сюда и свое племя. Затем к ним приходят из Северо-Кавказских степей два родных брата Басиат и Бадинат.

Басиат остается в Балкарии и становится родоначальником балкарских князей, а Бадинат уходит в соседнюю Дигорию. Так складывается в итоге «малкъар эль», т. е. Балкарское общество.

В этом предании отражается вполне научно объяснимый процесс формирования балкарского народа: смешение местных племен с болгарами, гуннами и хазарами. Последние видны здесь в имени легендарного Басиата («баси» – хазарское племя, «ат» – тюркский показатель множественности).

Бадинат, ушедший в Дигорию, женился на карачаевской княжне из рода Крымшаухаловых, и от этого брака родилось семь сыновей: Кубат, Туган, Абисал, Кабан, Чегем, Караджай, Бетуй. Эти сыновья стали родоначальниками семи княжеских фамилий Дигории. Таким образом, получается, что балкарские, карачаевские и дигорские князья являются родственниками.

Все изложенные в этом разделе и другие материалы не оставляют сомнения в том, что гунно-болгарские и хазарские племена являлись одной из составных частей в сложении карачаево-балкарского народа. С ними связан еще один и очень важный (третий) этап процесса происхождения балкарцев и карачаевцев.

Глава VI

АЛАНЫ И АСЫ – ПРЕДКИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Как и гунно-болгарские племена, алано-асы являлись этническими потомками скифо-сарматских племен. Аланы, именовавшие себя, а также называвшиеся в некоторых письменных источниках асами, известны на Северном Кавказе с первых веков н. э. Но основное расселение их здесь начинается с IV в. Однако в IV–VII вв. они не играли особой политической роли в регионе, где господствовали племена гунно-болгар и хазар.

Только с полным развалом Хазарского каганата в середине IX в. открываются для аланов более благоприятные условия, и они вступают на арену истории как ведущая сила на Северном Кавказе, начинают играть активную роль в международных отношениях Византии, Кавказа, всего Юга России (ил. 8).

Расселение аланов на Северном Кавказе

Как мы уже говорили, аланы известны на Северном Кавказе еще в I в. н. э. Об их присутствии здесь писали и римские писатели, поэты и ученые. Но основное, массовое расселение аланов в пределах Северного Кавказа происходит в IV в. под напором гуннских племен. Современник тех событий римский историк Аммиан Марцеллин писал о событиях 353–378 гг., что **вокруг Азовского моря (Меотийского болота) живут разные по языку племена яксаматов, меотов, языгов, роксоланов, аланов, меланхленов, гелонов, агафирсов**. Гунны же, постепенно покоряя все известные тогда племена Европейских степей, дошли до «аланов, прежних массагетов», уточняет автор. В науке прочно установлено, что массагеты – это предки туркмен. Это одно из свидетельств того, что аланы изначально были тюркоязычными.

Массовое распространение аланских археологических памятников на Северном Кавказе падает на период с VII по XII в., и особенно на территории Центрального Предкавказья, хотя в этом регионе известны отдельные могильники аланов более раннего времени. Оттеснение аланов с Прикубанья, с территории нынешнего Карачая связано с усилением здесь болгарских, а затем и хазарских племен. Аланы были вынуждены сосредоточиться в верховьях Терека, особенно у Дарьельского прохода и в Дигории. С VII по IX в. имя аланов почти исчезает со страниц древних письменных источников в связи с активными военно-политическими событиями между арабами, хазарами и Византией. В орбиту этих событий оказывались

втянутыми и другие племена, исконно обитавшие на Северном Кавказе, т. е. потомки скифов, болгар, гуннов и др.

Археологические памятники аланов известны на территории Карачая в урочищах Байтал-Чапкан, в окрестностях города Кисловодска, на берегах Баксана, Чегема, в окрестностях Нальчика, у Эльхотовских ворот, в верховьях Терека, у Дарьяльского прохода, в Дигории, в среднем течении Терека, у города Майского и т. д.

Культура и быт аланских племен

Как потомки кочевников-скифов аланы традиционно сохранили в своем быту и культуре все основные элементы образа жизни и мировоззрения своих древних предков – ямников и сарматов. По словам древних авторов – современников аланов, последние, как истинные номады (кочевники) перекочевывали на огромные пространства вместе со всем своим скарбом, семьями и пр. Как пишет Аммиан Марцеллин, у них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, они питаются мясом и молоком, живут в кибитках с «изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям». «Почти все аланы высоки ростом, – продолжает он, – и красивы, с умеренно белокурыми волосами. Они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения (лук, стрелы, копьё, дротик и пр. – *И. М.*), и во всем похожи на гуннов, только с более легким и более культурным образом жизни... Они по варварскому (т. е. гуннскому. – *И. М.*) обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему как Марсу-покровителю стран, по которым они кочуют... Гадают о будущем по ивовым прутьям, собранным в определенное время. Рабства не знают, будучи все одинаково благородного происхождения, в судьи, начальники, правители выбирают до сих пор лиц, долгое время отличавшихся в боях», – заключает Аммиан Марцеллин, один из римских знатоков истории и культуры кочевых племен.

Это кочевнический период истории аланов. С постепенным оседанием «на землю», с переходом к оседлой форме жизни, значительно меняется их культура и бытовой уклад. Они начинают строить сначала земляные рвы и валы вокруг своих оседлых поселений, затем переходят к каменному зодчеству, начинают строить дома на каменном цоколе, сооружать каменные погребальные сооружения – склепы, гробницы и т. д. Постепенно начинают заниматься хлебопашеством, земледелием, огородничеством, разведением крупного рогатого скота, обработкой земледельческого и скотоводческого продукта.

С падением Хазарского каганата (под ударами арабов и русов) усиливается роль аланов в международной политике. К ним начинает проникать христианство из Византии. Эта мировая религия у аланов тесно переплетается с пережитками языческих представлений. В этом отношении в их культуре находят прямое продолжение языческие обряды и представления, как поклонение божественному мечу у скифов, как почитание меча у гуннов, воспринимавших его как божий дар Аттиле, как скифо-гуннский

способ предсказывать будущее по гаданию на ивовых прутьях и т. д. Таким образом, аланы сохранили образ жизни, бытовые и культурные традиции своих предков-кочевников древней эпохи.

С падением Хазарского каганата аланские племена объединяются в мощное раннефеодальное государство, активно воздействующее на весь ход истории на Кавказе, в Крыму, Подунавье и Закавказье. В 20-х гг. X в. аланы принимают христианство, начинается в Алании мощный расцвет христианской культуры, строительство древнейших (старше новгородских) храмов на реке Архыз, на Зеленчуке, городище Эски-Джурт (Верхний Архыз), в других районах Карачая, Балкарии и прилегающих местностях (ил. 14, 15).

Христианство на Северном Кавказе развивалось и распространялось вплоть до утверждения Золотой Орды в этих областях. В XIV в. было начато строительство раннемусульманских мечетей на месте прежних христианских церквей, у Эльхотовских ворот, в местности Татартуп, на городище Нижний Джулат у города Майского в Кабардино-Балкарии и других местах. Христианские церкви в Балкарии и Карачае функционировали вплоть до конца XVII в.

Необходимо иметь в виду, что как в Алании, так и в Балкарии и Карачае христианство сильно сочеталось с пережитками язычества.

Мощное развитие в Алании получило прикладное искусство, отображающее различные сюжеты мифологических представлений и легенд. Археологические находки говорят о том, что небывалого расцвета получили камнерезное, косторезное, кожевенное ремесло, обработка дерева, шерсти, горно-рудное дело, а также обработка драгоценных камней и металлов, изготовление оружия: луков, стрел, копий, дротиков, ножей, кинжалов и сабель.

Широко был развит в Алании и обмен. Торговали с Византией, арабскими странами, Грузией, Арменией, странами Восточной Европы, Средней и Центральной Азией.

Аланы – предки балкарцев и карачаевцев

По данным римских авторов, аланы – это «прежние массагеты», а современная наука установила полное тождество массагетов и туркмен. Следовательно, аланы являлись тюркским племенем. Этот факт подтверждается тем обстоятельством, что среди современных туркмен как отдельная родовая группа сохранились аланы. Интересно напомнить родовые имена этих аланов: Мирши-кар, Болук-аул, Эшек, Аяк-чар, Кара-мугул, Токуз, Кер, Бельке и др. Родоплеменные группы аланов проживают и в Узбекистане, Таджикистане, на Алтае. Среди алтайцев существует родовая группа, именуемая «Аландан келген», т. е. «пришедшие с равнин».

Кроме того, слово «алан» на многих тюркских языках означает понятие «равнина», «долина».

Ближайшие соседи карачаевцев – мегрелы и поныне называют карачаевцев аланами. Этот этноним на Кавказе не знает ни один народ, кроме

балкарцев и карачаевцев. Термин «алан» у балкарцев и карачаевцев употребляется при обращении в смысле «сородич», «соплеменник». Кроме перечисленных фактов, о тождестве аланов и балкаро-карачаевцев говорят и письменные источники, исходящие из Византии, которые Аланией называли территорию Карачая. Традиция называть Аланией именно этот регион сохранилась и в географических картах Кавказа XVIII–XIX вв., даже в период строительства Военно-Грузинской дороги через Владикавказ.

Неоспоримыми аргументами в пользу мнения о тюркоязычности аланов и их ведущей роли в формировании карачаево-балкарского народа является так называемая Зеленчукская надпись XII в., найденная на карачаевском поселении Эски-Джурт (Верхний Архыз), и Аланское приветствие, зафиксированное византийским поэтом XII в. Иоанном Цецем. В Зеленчукской надписи очень легко читаются общетюркские слова и термины: «Ата журт» – родина, отчизна; «Белюлюб» – отделившись; «зыл» – год; «де» – повестуй; «Тейри» – верховное божество тюрков Тенгри; «цахырыф» – призыв; «алан юртлагъа» – на равнинные поселения; «Багатар» – богатырь и мн. др. Одним словом, надпись повествует о том, что некогда, призвав бога, собравшись вместе, некоторые группы племен решили переселиться на равнину. Надпись гласит о распаде племенного объединения.

В Аланском приветствии Иоанна Цеца также легко читаются балкаро-карачаевские выражения, ни у кого больше не встречающиеся (так называемые идиоматические выражения) типа «Ой юйюнге!», а также слова: «кюн» – день; «хош» – добрый; «каитыф» – вернувшись; «катын» – госпожа и др. Все иные попытки прочесть эти документы, вписывая не существующие в них буквы, переставляя слова и буквы и прочие насилия над текстами, не дают ничего утешительного, кроме бессмысленных нагромождений отдельных слов или личных имен. Имеющиеся в историко-этнографической и лингвистической науке материалы однозначно говорят о том, что аланы были тюркоязычным племенем и являлись одним из основных компонентов в происхождении балкарцев и карачаевцев.

Кто такие асы

Термин «ас» на тюркских языках означает: «сбиваться с пути», «терять дорогу», «блуждать», что почти равнозначно понятию «кочевать». Именно исходя из этого термина древние греки называли первоначально «Азией» степи Прикубанья, где они впервые узнали древних кочевников-овцеводов, носителей ямной (курганной) культуры, позднее, с расселением этих кочевников в различные регионы, название «Азия» распространилось на Среднюю, Переднюю и Малую Азию.

Термин «ас/аз» отразился в этнониме потомков древних курганников – скифов в виде «Ас-киши» («Ашку-зы»). Название *Ас-киши* сохранилось в позднейших названиях тюркских племен Крыма, Средней и Центральной Азии. Более того, есть достаточно прямые письменные свидетельства о том, что «асы» были тождественны скифам и сарматам (Птолемей – II в. н. э.; Стефан Византиец – VI в. н. э.).

Как одно из ведущих подразделений асы сохранились и в составе потомков скифов – у древних болгар. На одной из представительниц асов-болгар был женат русский князь Андрей Боголюбский. Сын Андрея Боголюбского и ясыни-болгарки – Юрий – был женат на грузинской царице Тамар.

Одним из ведущих и почетных подразделений аланов были асы, именовавшиеся «дагсас», т. е. «горный ас»,

В XIV в. тюркские племена асов были известны у Дарьяльского ущелья и в Крыму. С народом асы в конце XIV в. воевал в горах Центрального Кавказа, на территории Балкарии и Карачая завоеватель Тимур.

Асами до сих пор называют балкарцев их ближайшие и исторические соседи – ираноязычные осетины. Более того, термином «Ассиаг» они называют Балкарию, а Карачай именуют «Стур-Ассиаг», т. е. Большая Асия. Исходя из этих фактов, трудно верить в то, что асы являлись предками осетин. В истории нет народа, который своим именем называл бы других.

Приведенные нами факты базируются на том, что уже в VIII в. в древнетюркских надписях упоминаются тюрки-асы. Очень часто их имя употребляется как часть тюркешей, киргизов и других тюрков в долине реки Чу. Среди тюркских народов называет асов и Махмуд Кашгарский, автор XI в. А древнерусский летописец, хорошо осведомленный о тюркских народах XII в., прямо пишет, что язык асов сродни языку печенегов. Подразделения асов известны до сих пор среди ногайцев, алтайцев, киргизов, казахов и других тюркских народов. Все сказанное свидетельствует о том, что древнейший этноним, относившийся более 5 тыс. лет тому назад к древнейшим кочевникам-овцеводам, через скифов, болгар и аланов сохранился до сих пор в названии балкарцев и карачаевцев. Асы были прямыми предками балкаро-карачаевцев.

Военно-политическая история алано-асов – предков карачаево-балкарцев

Еще в первом веке аланы были известны на Северном Кавказе, в Приазовье и даже в Придунайских степях Европы, в Нижней Паннонии, где некогда размещалась Малая Скифия. В 378 г. подчиненные гуннам аланы вторглись в составе гуннских полчищ в пределы Римской империи. Девятого августа 378 г. под Адрианополем объединенное войско аланов и гуннов наголову разгромило римскую армию и положило конец всемирному господству империи. С этого исторического момента и гунны, и аланы безраздельно господствуют во всей европейской политике вплоть до усиления Хазарского каганата. Известны имена таких аланских каганов (ханов), как Гоар, Буургур, Сарос, Кандак. В 50-х гг. V в. аланский хан Кандак покорил Малую Скифию (Добруджу). Очень важно отметить, что современник этих событий историк Иордан называет аланов Кандака термином «кerti алан», т. е. «истинные аланы». Историки-алановеды не смогли объяснить этот термин, потому что не прибегали к помощи карачаево-балкарского языка. Аланские вожди неоднократно оказывали помощь Византии в ее

борьбе с Ираном и другими варварскими племенами, – вандалами, готами и др. Мы уже говорили, что византийцы умело использовали аланов, как буферный заслон от азиатских кочевников – авар, хазар, половцев и т. д. (ил. 17).

Огромным полем раздора между Византией и Ираном был регион Кавказа. И здесь начатые еще в первом веке походы аланов в Закавказье и на Ближний Восток с успехом продолжались позднее вплоть до X–XI вв. Аланы неоднократно помогали Армении, Грузии в их борьбе с иноземными захватчиками – арабами, персами и др. Очень интересно, что армянские письменные источники называли этих защитников аланами, а грузинские – овсами, осами. Таким образом, эти два этнонима ставились в один ряд и отождествлялись.

Однако нельзя считать, что аланы и асы не преследовали в этих походах свои цели. Как и всякий другой кочевой народ, они, защищая оседлых землевладельцев Закавказья от набегов персов и арабов, сами также обогащались за счет тех же народов. История их взаимоотношений полна кровавых столкновений и мирных культурно-экономических контактов. Взаимоотношения алано-асов с народами Закавказья и Ближнего Востока часто носили и кровно-родственный характер, обогащались взаимными династическими браками. Особенно активизируются взаимоотношения алано-асов и Закавказья при царях Дургул-эле и Худдане. Дочь Худдана – Бурдухан – была матерью грузинской царицы Тамар. Ее воспитательницей была сестра Бурдухан – Русудан, т. е. тетка Тамар. Таким образом, можно уверенно сказать о тесных родственных отношениях царствующих родов предков балкаро-карачаевцев – асов-аланов и Грузии.

Мощь алано-асского государства значительно упала с расцветом Хазарии и вновь возросла с середины X в., с падением Хазарского каганата в 965 г., после поражения от русских дружин.

Монголо-татарское нашествие на алано-асов

Мощное Алано-асское государство в 20-х гг. XIII в. потерпело страшный погром от монголо-татарских полчищ. Их армия, покорившая страны Передней Азии и Закавказья, для осуществления захвата Восточной Европы прежде всего должна была покончить с царством алано-асов, простиравшимся от берегов Лабы до Сунжи, от высокогорий Кавказа до низовьев Терека и его притоков. Татаро-монголы, покорившие народы Дагестана, в 1222 году прошли Дербентские ворота и столкнулись с аланами, которые привлекли на свою сторону кипчаков-половцев, обитавших в Южно-Русских степях, прилегающих к Пятигорью и Прикубанью (ил. 18, 19).

Тридцатитысячная армия монгольских полководцев Джебе и Субудея, столкнулась с алано-кипчакскими войсками. В результате жестокого сражения ни одна из сторон не смогла одержать верх.

Тогда монголы, прибегнув к своему испытанному методу разрушать обманым путем союзнические отношения своих противников, послали к кипчакам своих послов со словами: «Мы и вы одного рода, а эти аланы вам

чужие, и вера ваша не похожа на веру аланов. Оставьте аланов нам, а мы вам за это дадим столько добра, сколько вы захотите...»

Поверив в эту уловку, кипчаки разошлись по своим областям, оставив аланов одних против грозного врага. Разгромив аланов, монголы не только не выполнили свои обещания, но и, догнав кипчаков, отняли у них вдвое больше того, что им прежде дали, и разгромили их самих. Уцелевшие от этого побоища кипчаки отступили в Крым, там многие отошли в горы, другие по морю ушли в другие страны.

Северный Кавказ был включен в состав Золотой Орды, плодородные долины Предкавказья превратились в кочевья золотоордынских ханов. Золотая Орда строго следила за сохранностью этих угодий и своего скота. По свидетельству Гильома Рубрука (1254), каждый пятый из воинов золотоордынского хана должен был охранять от аланов выходы из ущелий, чтобы горцы не сжигали пастбища и не угоняли скот. С этой же целью ордынские ханы строили города-крепости в предгорьях Кавказа. Такие города были у входа в Эльхотовские ворота – Татартуп, у современного города Майского в Кабардино-Балкарии, такие же посты были у сел. Лечинкай, на реке Подкумок – город Маджары и т. п. И тем не менее аланы-горцы вели ожесточенные войны с отрядами завоевателей, нападали на них, угоняли их скот, сжигали посевы и пастбища. Но силы были неравными, и Северный Кавказ надолго оказался под властью Золотой Орды, которая с целью держать в повиновении покоренные народы, насаждала среди них новую религию – ислам, строила мусульманские мечети.

Походы Тимура и покорение асов

В войнах, которые вела Золотая Орда, Тохтамышу – золотоордынскому хану – оказывал всяческую поддержку завоеватель Тимур. Но, окрепнув, Тохтамыш неоднократно организовывал набеги на владения Тимура, когда тот был занят войнами в Азии и Индии. Терпение Тимура иссякло, и он предпринял поход против Тохтамыша, чтобы проучить его за неблагодарность.

В апреле 1395 г. войска Тимура прошли через Дербент и остановились перед решающей схваткой на берегу Терека (в районе современного города Майского) у золотоордынского города Джулат. Область Джулат к тому времени была богатейшей провинцией Золотой Орды. Здесь огромная армия Тимура пополнила свой провиант, запаслась кормом для своей конницы.

На Тереке произошло крупнейшее сражение, и Тохтамыш, потерпев поражение, начал отступать в глубь степей по реке Куре и далее к Волге. Послав специальные отряды преследовать Тохтамыша, сам Тимур остановился в районе Бештау. Отсюда он совершил несколько походов против русских и черкесов на Кубань.

Далее летописцы Тимура сообщают: «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всем, подобным небосводу,

войском повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных зная, мир завоевывающее, [войско] направилось на Буриберди и Бурихана, который был правителем народа асов. На этом пути находились леса. Вырубив деревья и проложив дорогу, Тимур оставил эмира Хаджи Сейф ад-Дина при обозе, а сам с целью джихада взосел на гору Эльбурз. В горных ущельях, укрепленных и защищенных, у него было много стычек с врагами веры, и во всех делах победоносное войско одержало победу, многих из тех неверных предав мечу джихада, разорило их крепости и захватило несметное богатство и бесчисленную добычу...»

Когда Тимур вернулся в Бештау, Хаджи Сейф-ад-Дин устроил ему роскошный пир в честь его победы. Однако Тимуру вновь пришлось идти на асов, которые поднялись на новую борьбу с завоевателем.

«Тимур, снова оставив обоз, двинулся оттуда к крепости Кулы и Тауса, они также принадлежали к племени обитателей Эльбурза. У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершинах гор, и пройти туда было чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая была так высока, что у смотрящего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой вершине, что пущенная стрела туда не долетала...».

Путем невероятных трудностей и больших жертв в рядах своих войск Тимур одолел крепость Тауса, взял в плен и убил Кула и Тауса. «Оттуда Тимур двинулся на крепость Пулада, в которой укрылся Утурку – один из старших эмиров Джучиева улуса. Тимур написал Пуладу письмо: «Пришли Утурку, укрывшегося у тебя, если же нет, то я приду с бесчисленным войском, которое все состоит из львов, поражающих врагов». Но Пулад ответил, уверенный в себе: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для защиты приготовлены. Утурку нашел у меня убежище, и пока у меня душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его...».

Крепость находилась в чрезвычайно труднодоступном месте, и тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться. После многих усилий победоносное войско одолело их и овладело крепостью. Но Утурку смог убежать в ущелье горы Эльбурз. Войско Тимура разгромило и сожгло дома асов, взяло бесчисленную добычу. В это время кто-то принес известие, что три отряда неверных, убежав, взосли на склон горы и стоят там. Тимур двинулся против них, одержал победу, многих взял в плен и сжег этих обреченных в ад! С правого крыла мирза Миран-шах прислал известие: «Мы гонимся за Утурку и вошли в горы Эльбурза в местность Аяса (Абаса?)» – так повествуют летописцы о походах Тимура в стране асов.

В местности Абаса (или Аяса) Тимур настиг Утурку и взял его в плен. Несколькими днями он провел в местности Бештау.

Походы Тимура окончательно заперли в «каменный мешок» асов (балкарцев и карачаевцев), основательно сократили их этническую территорию, которая некогда охватывала большую часть Северного Кавказа. Во времена походов Тимура балкарцы и карачаевцы уже представляли со-

бой сформировавшийся народ, сохранивший название своих предков – асов, аланов, болгар.

Поскольку топонимы в науке признаются за «этнический паспорт» древних племен, то такие карачаево-балкарские названия, как Кобан (Кубань), Балыкь (Малка), Баксан, Чегем, Черек, Терек (Терк), Азау, Кашхатау, Минги-тау, Кара-агач, Кызбурун, Акбаш, Кишпек (Киши-бек), Джулат (Джолты) или место слияния пяти рек у станицы Екатериноградской – «Беш-тамакь» – Пять устьев, Бештау, Кизляр, Эльхот и многие другие подтверждают сказанное о древней этнической территории балкарцев и карачаевцев. Рассмотренные в этой главе события явились завершающими в многовековом процессе происхождения карачаевцев и балкарцев.

Глава VII

БАЛКАРИЯ И КАРАЧАЙ В XV–XVII веках

Несмотря на погромы и геноцид со стороны монголов и войск Тимура в XIII–XIV вв., в XV в. Балкария и Карачай выступают на исторической арене как сформировавшаяся, самобытная и самостоятельная этнокультурная область Кавказа, находящаяся на пороге государственного образования, с разветвленной сетью княжеских владений, военных дружин, подчиненных верховному правителю – олию (вали), при котором существовал народный суд Тёре, который осуществлял управление всеми житейскими и военными делами, укреплял и узаконивал народные обычаи и традиции, осуществлял и устанавливал меры наказания и поощрения и т. д.

Первым письменным документом, свидетельствующим о сказанном, является надпись на золотом Цховатском кресте XIV–XV вв., в которой повествуется о том, что один из грузинских эриставов (князей) попал в плен в Басиани (так именуют грузинские источники Балкарию) и был выкуплен на средства Цховатской церкви (*ил.* 35).

Южные границы Балкарии и Карачая были защищены естественной грядой Кавказского хребта. Значительно менее прочными были границы северные, со стороны равнин и степей Предкавказья.

Расселение кабардинцев в Предкавказье

Походы монголов и Тимура еще более ослабили северные границы этнической территории балкарцев и карачаевцев. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, наиболее крупная и подвижная часть адыгских племен – кабардинцы – после трагических событий на Центральном Кавказе в XV–XVI вв. начала интенсивно расселяться по всему Центральному Пред-

кавказью, вплоть до реки Сунжи. Но вскоре, в результате возвращения вайнахских племен – предков ингушей и чеченцев – с гор на плоскость, на прежние свои земли, самые пределы расселения кабардинцев по берегам Сунжи стали значительно сокращаться, и восточные границы их стали пролегать в Моздокских степях.

Вот что писали кабардинские ученые XIX в.: «По сказаниям, кабардинцы встретили на новых местах татарские (балкарские. – И. М.) поселения, отодвинули их в степи или заперли в горных ущельях, а сами поселились на их местах»; «Из всех разнообразных рассказов можно сделать, таким образом, одно только несомненное заключение: кабардинцы не были исконными жителями Кабарды, а откуда-то сюда переселились...»; «Судя по всему, кабардинцы заняли эти места не раньше XV в. или начала XVI в.». (Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 6–10).

Взаимоотношения Балкарии и Кабарды

История взаимоотношений между Кабардой и Балкарией не знает никаких сколь-нибудь серьезных межэтнических столкновений или войн. Границ между ними, в нынешнем значении этого понятия, никогда не существовало. Они определялись мирными взаимоотношениями, носили прозрачный характер. Кабардинцы и балкарцы свободно передвигались и в Кабарде, и в Балкарии. Взаимоотношения между народами носили мирный, дружелюбный характер, что обуславливало множество кровнородственных связей, межэтнических браков. Причем подобные браки заключались как между княжескими фамилиями, так и среди простонародья. В результате этих контактов в Кабарде появилось множество балкарских фамилий: Кушховы, Балкаровы, Келеметовы и др., а в Балкарии – Черкесовы, Кабардоковы и др.

Возникавшие между Балкарией и Кабардой или между отдельными лицами и семьями споры решались при обоюдном согласии советом старейшин по обычному праву балкарцев и кабардинцев. В случае отдельных раздоров внутри Кабарды или Балкарии многие находили приют у своих соседей – в Балкарии или Кабарде. Иногда возникали распри между отдельными родами Балкарии и Кабарды, но они никогда не приводили к войнам.

Широкие рамки приобретали мирные и дружеские отношения между отдельными семьями и родами. Такие тесные контакты устанавливались между Абаевыми и Кайтукиными, Атажукиными и Балкаруковыми, Урусбиевыми и т. д. На Кавказе мирно соседствующие народы отдавали своих детей на воспитание (в аталыки) своим близким друзьям. Так, например, известно, что в 1747 г. «емчеком» – молочным братом – князя Большой Кабарды Касая Атажукина был балкарский князь Азамат Абаев. Документы отмечают, что в 1768 г. таким же молочным братом кабардинского князя Казыя Кайсынова был балкарский князь Мухаммат Биев. Многовековые мирные контакты отразились и на развитии экономики Балкарии и Ка-

барды. Кабардинцы свободно могли пасти свои табуны в Балкарии, получать отсюда и горные руды, лес и камень для строительства, меха и шкуры диких зверей и животных. Балкарцы в особо холодные годы арендовали зимние пастбища и стойбища в Кабарде. Некоторые ученые пытаются эти арендные отношения выдать за политическую и экономическую зависимость Балкарии от Кабарды. Подобные попытки не имеют под собой никакой почвы и строятся на поверхностных взглядах путешественников XIX в., которые не могли и не хотели вникать в действительную сущность арендных отношений между кабардинцами и балкарцами. Если за аренду зимних стойбищ балкарцы платили определенную цену, то какая же это дань или зависимость? Этот момент всегда надо иметь в виду, когда речь заходит о взаимоотношениях между двумя народами.

Взаимоотношения Балкарии и Кабарды значительно способствовали развитию экономики и той и другой стороны. В Кабарде Балкария закупала недостающий ей хлеб, соль, через Кабарду она выходила на российский рынок, откуда поступали ткани, предметы утвари, украшений, фабричные изделия и т. п.

Балкаро-карачаево-грузинские отношения

Сложившиеся еще в Средневековье взаимоотношения с Грузией с каждым последующим веком все более крепили и расширялись. В это же время углублялись и кровно-родственные контакты, основу которых заложил еще в те далекие времена брак царицы Тамар с сыном асской принцессы и киевского князя Андрея Боголюбского. В то же время надо иметь в виду, что не всегда эти отношения были столь безоблачными. Живым примером тому является упомянутый выше Цховатский крест.

Особенно тесные контакты балкарцы и карачаевцы имели с Имеретинским царством Грузии, с Мингрелией и Сванетией. Из Сванетии ведут начало несколько патронимических подразделений балкаро-карачаевцев: Отаровы, Рахаевы, Эбзеевы и др. В города Рачи и Они балкарцы и карачаевцы съезжались на еженедельные рынки, продавали здесь свои изделия из шерсти, кожи, продукты животноводства: масло, сыры, мясо и др.

Балкарцы и карачаевцы были своего рода связующим звеном во взаимоотношениях Грузии с Россией в XVII в.

Балкария и Карачай в системе русско-кавказских отношений. Развитие контактов с Грузией

В XVI–XVII вв. и позднее всю свою политику с кавказскими народами и государствами Россия проводила через Кабарду, которая к тому времени занимала самую важную, стратегическую, центральную часть Северного Кавказа. Кабардинские князья умело приспособлялись к этой ситуации и пользовались всяческими поощрениями со стороны России, получая почести, титулы и деньги за поддержку политики России на Кавказе.

Однако для успешного продвижения в своих контактах с Закавказьем, с Грузией в первую очередь, России необходимо было налаживать связи с Балкарией, которая к тому времени представляла собой вполне оформившуюся политическую общность, называемую «Беш тау эль», т. е. «Пять горских обществ», каждое из которых имело свою верховную власть в лице народного собрания – *Тёре*. Каждое из этих малых Тёре подчинялось единому верховному общепалкарскому Тёре во главе с верховным правителем – олием.

Впервые в русских документах имя балкарского народа появляется в 1629 г. В январе терский воевода И. А. Дашков сообщает в Москву, что в местности, где живут «балкары», имеются залежи серебряной руды, владеют этой землей сыновья сестры кабардинского князя Пшимахо Камбулатовича Черкасского. Данный документ подтверждает давние кровнородственные связи балкарцев, карачаевцев и кабардинцев: сестра Пшимахо была замужем за балкарским владельцем. Местностью «Балкар» владели ее сыновья Апши и Абдулла (иногда упоминается их фамилия – Тазрековы, но насколько это верно отражено, трудно судить. – *И. М.*).

В 1636 г. имеретинский царь Леван II посылает посольство к русскому двору, а в ответ на это в 1639 г. в Имеретию отправляются послы Москвы – Павел Захарьев, Федот Елчин. При подобных посольствах русский царь направлял посольские грамоты балкарским владельцам, через земли которых надо было идти послам. Такие грамоты выдавались и кабардинским и иным князьям, что говорит о самостоятельности балкарских князей в международных отношениях на Кавказе и с Россией.

Показав свои посольские грамоты, Елчин и Захарьев пробыли 15 дней в гостеприимной семье карачаевских князей из рода Крымшаухаловых, у младших братьев Камгута – Эльбуздука и Гиляксана, которые жили недалеко от места расположения современного города Тырнауза, в Баксанском ущелье в ауле Эль-Джурт. Здесь же располагается мавзолей Камгута и башня его жены Гошях-бийче. Отсюда русские послы отправились в Сванетию и далее к имеретинскому царю. Следующее посольство русского царя прошло в Грузию в 1651 г. через Верхнюю Балкарию, по реке Сукансу и далее. Послов Н. С. Толочанова и А. И. Иевлева радушно встречал и снабдил провиантом, вьючными животными и проводниками балкарский князь Артутай Айдаболов, предки которого уже упоминались в документе 1629 г.

В следующем документе 1653 г. говорится о том, что имеретинский царь Александр приглашал русских послов Жидовинова и Порошина посмотреть, «как он будет крестить Женбулата, сына балкарского владельца Айдарболова» (Айдаболова. – *И. М.*). Кстати сказать, из Грузии христианство проникало в Балкарию уже с XII в., о чем говорят развалины церкви у сел. Хулам, на стенах которой были открыты христианские фрески.

В 1658 г. в Москву направлялось посольство во главе с грузинским царем Таймуразом для налаживания русско-грузинских связей. Путь Таймураза пролегал через Балкарию, где к его свите примкнула балкарская

депутация во главе с уже упомянутым князем Артутаем Айдаболовым. В Москве он был радушно принят и наравне с Таймуразом вознагражден подарком в 40 соболей. Артутай пробыл в Москве около года.

Через 35 лет после этих событий в Москву пробирается опальный императорский царь Арчил. Как только он из Балкарии проехал на равнину, по дороге в крепость Терки на него напали отряды тарковского шамхала Будая и князя Малой Кабарды Кульчука Келембетова. В сложной международной обстановке того периода Будай придерживался персидской, а Кульчук крымской ориентации. Каждый из них хотел выдать Арчила своему патрону. Арчил находился в плену у Кульчука с сентября по ноябрь 1693 г. Однако, как свидетельствуют документы, «красота Арчила и его мужество сделали такое впечатление на жену Кульчука, что ночью она доставила ему средство к побегу: он скрылся в Басян (Басиан. – *И. М.*), а его люди ушли в Дигор». 28 ноября 1693 г. стало известно русскому начальству в Астрахани, что Арчил был пленен, а затем скрылся в «страну Балкар при истоках Малки». В своем письме от 15 апреля 1694 г. Арчил писал терскому воеводе, «что находится в Балкаре и чтобы его оттуда вывели». В письме от 20 мая 1696 г. Арчил подробно описывает великим наследникам-самодержцам России Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, как все с ним случилось. В сентябре Арчил был вывезен из Балкарии.

Со второй половины XVII в. сведения о балкарцах и карачаевцах все чаще попадают в письменные источники. Среди авторов, писавших о них, следует отметить Арканджело Ламберти (1654), Николая Витсена (1692), Энгельберта Кемпфера (1651–1716), Абри де ла Мотрэ (1674–1743) и многих других. Еще больше сведений о карачаевцах и балкарцах содержат документы XVIII–XIX вв.

Глава VIII

БАЛКАРИЯ И КАРАЧАЙ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX века

Балкарцы и карачаевцы в известиях путешественников и ученых XVIII века

В 1711 г., продвигаясь из Тамани через земли черкесов, французский путешественник Анри де ла Мотрэ достиг большой реки «Кара-Кубань», которую проводники называли еще термином «Большая река», т. е. *Уллукам*, что совпадает с карачаевским названием реки Кубань у ее истоков. По словам путешественника, жители здешние говорили на татарском языке, пекли хлеб в золе, ели конину, пили кумыс и айран. Вполне понятно,

что речь идет о карачаевцах. В 1736, 1743 гг. кизлярский дворянин Алексей Тузов посещает Верхний Чегем. Вблизи селения, в одной из пещер, к которым вела наскальная лестница «Битикле», он видел «хранящиеся в сундуках 8 книг, писанных на пергаменте, на греческом языке». Одна из них оказалась Евангелием XV в. Их остатки видел позднее и Ю. Клапрот. Общества «Чегем», «Харачай», «Малкар» и другие известны и в документах 1747, 1753, 1757, 1760 гг.

В 1779–1783 гг. по Кавказу путешествовал Якоб Рейнеггс, который отождествил дигоров с болгарами – утигорами, отметил общество «Орусбий» в Баксанском ущелье. В 1793–1794 гг. о балкарцах упоминают в своих записках академик П. С. Паллас и Ян Потоцкий.

В 1773 г. академик И. Гюльденштедт оставил подробное описание селений, нравов, обычаев, экономики и хозяйства Балкарии. То же самое в 1802 г. сделал академик Ю. Клапрот. Труды этих академиков до сих пор не потеряли своей ценности, как первоисточники по истории, культуре и экономике Балкарии и Карачая.

Интересные сведения о балкарцах и карачаевцах оставил венгерский путешественник Янош Карой Бешш (Жан Шарль Бессе). В 1829 г. он был приглашен генералом Емануелем принять участие в его экспедиции по покорению Эльбруса. Исходя из своих наблюдений, Бессе пришел к заключению о близком родстве дигорцев, балкарцев, карачаевцев и венгров. Он писал, что «никакая другая нация так не похожа на венгров, как карачаевцы и дигоры». В этом отношении его наблюдения полностью совпадают с генеалогическими преданиями балкарцев, карачаевцев и дигорцев, как происходящих от одного племени и от родных и двоюродных братьев: Басиата, Бадината и карачаевской княжны Крымшаухаловой.

Ведущий историк и географ Грузии царевич Вахушти в 1745 г. определял границы Басиани (Балкарии) следующим образом: с востока ограничивается горой, отдающей ей от Дигории; с юга – со Сванетией; с севера – Черкесией, с запада – горой, лежащей между Сванетией и Кавказом (Кавказом он называет почти все горы Центрального Кавказа). Басиани, пишет он, страна устроенная, с селениями, «населением, более прочих овсов знатным; имеются помещики и крепостные крестьяне». Основная река Басиани, продолжает он, стекает в Черкесию, потом вливается в реку Терек. Таким образом, вместе с границами Балкарии Вахушти определяет и тот факт, что река Терек и ее притоки, выходя из гор, сливаются на территории Кабарды. То же самое в 1837–1839 гг. писал адыгский ученый Хан-Гирей, который подчеркивал, что река Терек течет по земле адыго-кабардинцев «по выходу из гор...».

(Эти границы подтверждают и кабардинские археологические памятники, размещенные исключительно на равнине и в предгорьях. Именно по этой линии – Каменноост, Баксан, Нальчик, Урух и т. д. – строил Кавказскую оборонительную линию А. П. Ермолов).

По имеющимся сведениям русско-балкарские отношения налаживались начиная с 50-х гг. XVI в. Так, в документах 1558, 1586, 1587, 1588 гг.

в составе кабардинских и грузинских посольств в Москву неоднократно упоминаются имена переводчиков – толмачей (тилманч – переводчик кар.-балк. яз.) – «кабардинского черкеса», «грузинского черкеса», «горного черкеса», в которых источники позволяют распознать участников тех посольств – жителей Пяти горских обществ, т. е. выходцев из Балкарии и Карачая. В кавказоведческой литературе давно установлено, что под термином «горские черкесы», «горские татары» подразумевались нынешние балкарцы и карачаевцы.

Наше мнение о том, что русско-балкаро-карачаевские отношения уходят в глубь XVI в. подтверждается тем обстоятельством, что уже в 1590 г. в полный титул русского царя было вписано: «...иверские земли карталинских и грузинских царей и кабардинские земли черкесских и горских князей государь...».

В 1558 г. в составе посольства детей Темрюка Идарова – Салтана и Мамстрюка – значится некий Булгарьи-мурза, который не известен ни в числе детей Темрюка, ни в родословных списках кабардинских князей. Да и в Москве он был принят как-то по-особенному. В отличие от того, что Салтан был крещен, награжден именем и прочими почестями, Булгарьи-мурзе было сказано, что ему такие почести будут оказаны, если он поведет себя так, как угодно царю. Такое отношение к этому мурзе позволяет думать, что это был представитель не кабардинских князей, а был одним из рода балкарских князей Балкаруковых.

Взаимовыгодные связи Россия, Балкария и Карачай усиленно начинают искать в период активной деятельности на Кавказе Крымского ханства. Бесценным памятником такой активности является надпись 1709 г. на межевой каменной плите. Она гласит: «Между кабардинцами, крымцами и Пятью горскими обществами возник спор из-за земель. Пять горских обществ: Балгар, Безенги, Холам, Чегем, Баксан. Горские общества избрали Катукова Асланбека, кабардинцы – Казаниева Жабаги, крымцы – Сарсанова Баяна, и они сделали *Тёре* (совет. – *И. М.*) и определили: с местности Татартуп до Терека, оттуда до равнины Кобана, оттуда до перевала Лескенского хребта, оттуда до кургана Наречье, оттуда до Жамбаша и на Малку. Верхняя часть принадлежит Пяти горским обществам. С Таш-каласы (Воронцовская станция. – *И. М.*) до Татартупа владения крымские. С Таш-каласы вниз – владения русских...»

Дальнейшие русско-балкарские отношения приводят к тому, что в 1781 г. балкарцы, соседствующие с дигорцами, вместе с представителями 47 дигорских селений приняли подданство России. Очень интересно, что дигорцы приняли российское подданство не вместе с остальными осетинами в 1774 г., а вместе с близкородственными им балкарцами. Вероятно, потому, что дигорцы и карачево-балкарцы были кровно-родственными народами; дигорцы часто для решения своих особенно важных вопросов обращались в балкарское Тёре.

Однако не все балкарцы тогда приняли русское подданство. Поэтому балкарские ущелья, как свободные зоны, при погромах А. П. Ермолова – на-

чальника Кавказакой линии, служили убежищем для многих кабардинских и иных отрядов, не согласных с политикой царской России на Северном Кавказе. Генерал Ермолов категорически запрещал непокорным бунтарям уезжать и расселяться в Балкарии и Карачае, которые не были подвластны России. В целях покорения этих областей и разгрома бежавших от Ермолова отрядов, в Балкарии и Карачае многие населенные пункты сжигались дотла и грабились беспощадно. Сам Ермолов отмечал, что ему не раз приходилось на четвереньках пробираться по утесам верховьев рек Чегем, Баксан и Кубань. Все это мешало России активно проводить колониальную политику, так как в свободной Балкарии и Карачае все большее влияние могло получить Крымское ханство. В конечном итоге усиленная пропаганда силы и мощи России возымели действие: 11 января 1827 г. в Ставрополь приехала балкарско-дигорская депутация – по одному представителю от каждой княжеской фамилии. Эта депутация просила принять их в подданство России. Главнокомандующий царскими войсками на Северном Кавказе генерал Емануэль в январе 1827 г. принял присягу балкарских и дигорских таубиев, о чем он доложил Николаю I.

К этому времени карачаевцы, уверенные в неприступности своих ущелий и поддержке крымских ханов, представляли собой большую опасность для русских войск на Кубани, как скопище непокорных племен. Поэтому сюда было направлено основное внимание Емануэля. 20 октября 1828 г. он предпринял специальный военный поход на Карачай. Двенадцатичасовое отчаянное сражение карачаевцев (с 7 до 19 часов) закончилось победой русских войск. Генерал Емануэль неотложно докладывал Николаю I, что «Фермопилы Северного Кавказа взяты нашими войсками и оплот Карачаевский у подошвы Эльбруса для всех непокорных племен разрушен».

По подсчетам Емануэля, в этом сражении русские войска потеряли убитыми: 1 обер-офицер, 3 унтер-офицера 32 рядовых бойца; ранеными: командир полка Верзилин, 3 обер-офицера, 30 унтер-офицеров, 103 рядовых солдата.

В центральном ауле Карачая Карт-Джурте 21 октября верховный правитель Карачая олий (вали) Ислам Крымшаухалов и представители трех ведущих карачаевских фамилий подписали присягу на верность России. Так завершился процесс присоединения Балкарии и Карачая к России.

Из истории социальной структуры Карачаево-Балкарского общества

Важное место в истории экономического, культурного развития и взаимоотношений с соседними народами и странами занимает социальная структура изучаемого народа. В некоторых случаях, например, в случае с карачаевцами и балкарцами, из-за отсутствия достаточных письменных источников об этом важном вопросе можно судить по преимуществу по данным археологии, этнографии, фольклора, других смежных научных дисциплин.

Изучение археолого-этнографических балкаро-карачаевских поселений позволяет говорить о том, что существовавшие в древности и Средние века моногенные (однофамильные) поселения постепенно расширяются и уступают место полигенным (многофамильным) поселениям, наблюдается переход от родственного принципа расселения к общинному, соседскому типу.

Одновременно наблюдается переход от одноочажных, малых жилищ к многоочажным, большим жилищам, а позднее можно разглядеть обратный переход от многокомнатных больших домов к малым жилищам, что свидетельствует об обособлении малых семейных ячеек.

Погребальные памятники также говорят о переходе от единичных захоронений к коллективным, а затем наблюдается обратный процесс выделения одиночных погребений.

Появление отдельных надземных погребальных сооружений-мавзолеев, носящих имена отдельных князей и родоначальников, говорит о появлении феодальных отношений и большом имущественном расслоении. О достаточно развитых феодальных отношениях говорят и балкаро-карачаевские башни, крепости, замки, носящие имена своих владельцев: Абаевых, Балкаруковых, Шакмановых, Шахановых и т. п. Наиболее ранние оборонительные сооружения периода родовых отношений постепенно спускаются в долины, в населенные пункты. Этот факт, как и в других районах Кавказа, свидетельствует о том, что феодальные отношения прочно входят в обыденную жизнь общества.

Балкаро-Карачаевское общество имело достаточно четкую иерархию: на вершине стояли князья – *таубии*, затем шли свободные крестьяне – *уздени*, за ними независимые крестьяне – *кара-киши*, крепостные – *чагары*, неимущие – *кулы*, *караваши*. Рожденные от брака с крестьянкой назывались *чанка*.

Народный институт самоуправления – Тёре

Об институте Тёре мы уже упоминали неоднократно. Это был самобытный народный форум – суд, управлявший всей жизнью и деятельностью Балкарик и Карачая. В его состав входили на демократических основах избранные представители всех сословий. Во главе Тёре стоял избранный, самый авторитетный из князей. Подобные Тёре были и в каждом отдельном балкарском обществе, а главный Тёре руководил всей Балкарией. При главе Тёре – верховном правителе олии (вали) находились глашатаи, извещавшие всю Балкарию о принятых решениях. При нем же находилась военная дружина, состоящая из отдельных отрядов воинов, приведенных каждым из князей. Воины собирались на Басиат-кошах. Там они занимались военной подготовкой, джигитовкой и пр. Отряды воинов оберегали границы Балкарии и по приказу олия выходили на защиту родной земли.

На Тёре рассматривались все гражданские, уголовные и гражданские вопросы, выносились наказания, узаконивались новые обычаи и обряды. Таким образом, Тёре являлся государственным, юридическим и гражданским органом управления Балкарии. На балкарский Тёре для рассмотре-

ния особо важных своих вопросов приходили и представители Карачая и Дигории.

Название института Тёре происходит от древнетюркского слова «тер» – закон, обычай. Термин «тер» на карачаево-балкарском языке означает еще и понятие «почет».

На заседаниях Тёре выносили приговор за различные проступки. Уличенного в них очень часто подвергали одному из самых позорных наказаний: привязывали к «Камню позора» (Налат-таш), который обычно устанавливался в самом людном месте аула, и каждый прохожий выражал обвиненному свое презрение. Подобные камни были известны в Верхней Балкарии, в ауле Мухол, в Верхнем Чегеме, в средневековом поселении Кырыс-кам в Баксанском ущелье. Фотография одного из «камней позора» в Верхнем Чегеме выставлена в экспозиции Нальчикского краеведческого музея.

Социальные институты обычного права

В общей системе обычного права балкарцев и карачаевцев большое место отводилось различным социальным институтам. Среди них особое значение имели институты родственных отношений. Широко было развито молочное родство между людьми, не связанными кровными узами родства. Такие люди с малых лет отдавали своих детей побратимам, и они воспитывались в их домах.

В доме побратимов эти дети считались молочными братьями и питались молоком одной матери. Такая мать называлась «эмчек ана» – молочная мать, а сын назывался «эмчек улан» – молочный сын. Институт этот назывался общетюркским термином «Аталык», т. е. «отцовство». Этот институт ученый и путешественник в 20-х гг. Х в. Ибн Фадлан отмечал у волжских болгар. Название этого института широко вошло в язык многих народов. Многие кабардинские и балкарские князья и крестьяне отдавали своих детей в семьи своих друзей в Балкарию или Кабарду и тем самым способствовали укреплению дружбы и взаимоуважения народов.

Следующим таким же прекрасным институтом социальных отношений являлся институт «куначества», получивший название от общетюркского слова «конак» – гость. Куначество, или гостеприимство, испокон века является неотъемлемой частью духовного богатства народов Кавказа. Гость считался лицом почти священным, ему предназначалось все лучшее, чем располагал хозяин дома. Эту особенность кавказцев неоднократно отмечали многие европейские ученые и путешественники XIII–XIX вв. Для примера можно вспомнить балкарского князя Пулада (Болата), дерзнувшему ответить отказом самому Тимуру, который потребовал у него выдачи его гостя – золотоордынского эмира Утурку. Таких примеров кавказоведческая литература знает множество.

Такие социальные термины, широко вошедшие в этнографию кавказских народов, как «аталык», «куначество», «узден», термины, касающиеся одежды, оружия, и многие другие показывают значительное влияние карачаево-балкарской этносоциальной культуры на соседние народы.

Глава IX

ЭКОНОМИКА И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ XIV–XIX веков

Отсутствие достаточных письменных документов об экономическом развитии Балкарии и Карачая указанного времени выдвигает на первое место и в данном случае археолого-этнографический материал.

Основу экономики балкарцев и карачаевцев составляло земледелие, скотоводство, ремесло и промыслы, торговля-обмен, охота и т. д.

Земледелие

Культура земледелия была характерна для предков балкарцев и карачаевцев с древнейших времен. Об этом говорят археологические находки медно-бронзовых серпов Киммерийской эпохи в Карачае, остатки железных лемехов на поселениях болгаро-аланов, а также массивные террасированные склоны гор в верховьях Черека, Чегема, Баксана, Кубани и Зеленчуков, служившие террасовыми полями средневекового земледелия.

Однако земледелие, из-за чрезвычайной скудости земельных угодий, не могло играть ведущую роль в экономике балкарцев и карачаевцев. Хотя в Карачае и Балкарии усиленно обрабатывался каждый клочок земли, на это тратились огромные силы, сооружались оросительные каналы, своего хлеба в этих областях почти никогда не хватало. Его приходилось закупать у соседних народов, обменивать на богатейшую скотоводческую продукцию: масло, молоко, мясо, сыры, шкуры, кожи, меха и пр.

О том, что земледелие глубоко отражено в культуре балкарцев и карачаевцев, говорят обрядовые земледельческие игры и празднества – *Сабан-той*, *Эрирей*, топонимы *Сабан-кош* и мн. др. На празднествах *Сабан-тоя* балкарцы варили густую кашу – «геже» из семи видов злаков, устраивали водные игры – «Су-оюн» и др.

Огородничество и садоводство практиковались в Балкарии и Карачае с конца XVII – начала XVIII вв.

Скотоводство

Ведущей отраслью экономики балкарцев и карачаевцев было скотоводство, которое являлось для них главным занятием с древнейших времен. Судя по археологическим находкам костей, в состав их стад издавна

входили овцы, бараны, свиньи, козы, быки, коровы, лошади и др. Этот набор почти без изменения сохраняется здесь до принятия ислама, когда исключаются свиньи.

Важно отметить, что археологи вблизи средневековых поселений в Балкарии и Карачае открыли большие кошары с загонами для овец, в которых могли разместиться до 1500 голов овец. Находки ножниц для стрижки овец, остатков войлочных киизов, кожаных сапожек, ноговиц и др. свидетельствуют о значительной роли скотоводства в экономике и быту карачаево-балкарцев, в развитии их домашних промыслов, традиционной кухни, состоящей преимущественно из мясомолочной продукции.

Скотоводческий уклад хозяйства балкаро-карачаевцев нашел отражение в духовной культуре и фольклоре этих народов. Покровителем крупного рогатого скота считался у них *Сыйыргын*, божеством и покровителем мелкого скота был *Аймуш*. Первый ягненок нового приплода всегда приносился в жертву божествам, дабы приплод был богатым. Жертвенный ягненок назывался *Тёлю баш*, т. е. «Голова приплода». По бараньей лопатке балкарцы и карачаевцы гадали и предсказывали будущее общества, надвигающиеся изменения и т. п. Надо сказать, что этот способ гадания был характерен для балкарцев и карачаевцев еще с XIV в. до н. э., т. е. с эпохи так называемой кобанской археологической культуры, которая оставила глубокий след в культуре балкаро-карачаевцев.

Многие ученые и путешественники XVII–XVIII вв. отмечали, что «разведение овец составляет главнейшее упражнение балкарцев и карачаевцев». Академик Ю. Клапрот писал, что «зимой балкарцы гонят свои стада в Кабарду на пастбище, держат много овец, ослов, мулов и лошадей, которые невелики, но сильны, проворны для езды по горам». По словам академика И. Гюльденштедта, Палласа и других, балкарцы ежегодно платили кабардинцам по одной овце с семьи за использование этих зимних пастбищ. Клапрот уточняет этот факт следующими словами: «Когда же жатва обильна и пастбища их цветущи, в эти годы они держат скот при себе всю зиму и не только не идут к кабардинцам, но запрещают этим последним приходиться к себе, что порождает частые споры...»

В хозяйстве балкарцев и карачаевцев главным занятием всегда считалась заготовка сена и другого корма для скота на зиму. Судя по этнографическим данным, сведениям исторических и фольклорных материалов, сенокос являлся одной из самых главных работ и всегда отмечался с особой торжественностью устраивались пиры, игрища, приносились жертвы и т. п.

С расселением на Кавказе древнейших овцеводов-кочевников III тыс. до н. э. здесь возникает новая форма хозяйствования – яйлажное скотоводство, когда скот на лето перегонялся на летовки – «яйлаг», т. е. жайлыкь (летовка), и зимники – «кышлык», от чего происходит понятие «кишлак».

Значительным подспорьем являлось разведение домашней птицы. Об этом говорят находки скорлупы куриных яиц на средневековых поселениях Балкарии и Карачая.

Скотоводство являлось основным источником богатства Карачая и Балкарии, скот одевал и кормил балкарцев и карачаевцев. По статистическим данным 1886–1887 гг., эти области были самыми богатыми регионами Северного Кавказа, по отношению к ним определялось богатство и благосостояние соседних народов. Например, в Балкарии в 1866 г. насчитывалось: лошадей – 3289, ослов – 1424, крупного рогатого скота – 15 747, овец – 118 273 головы. В начале века эти показатели резко возросли. Так, в Баксанском ущелье насчитывалось 10 775 голов крупного рогатого скота, 62 012 овец (в среднем на одну семью приходилось по 25 голов крупного скота, 144 овцы), в Чегемском обществе было соответственно 14 780 и 65 432 (т. е. по 27,7 и 100,3 головы на каждую семью); в Холамском – 6919 и 23 407 голов (по 23,9 и 80,7 на семью); в Безенгиевском обществе – 4150 и 15 648 голов (по 20,5 и 77,5 на семью); в Балкарском обществе – 9941 и 57 286 голов (по 14 и 82 на семью).

Всего в Балкарии к концу изучаемого нами времени насчитывалось 46 558 голов крупного рогатого скота и 223 788 голов овец. Наиболее богатым было Чегемское общество. Сравнивая скотоводческое богатство Балкарии и других районов Терской области, авторы так называемой Абрамовской комиссии по земельным вопросам Нагорной полосы Северного Кавказа писали, что балкарцы имели крупного рогатого скота в 1,7 раза больше, чем в Грозненской области, в 3,4 раза больше, чем во Владикавказской, в 1,9 раза больше, чем в Хасавюртовской, в 1,3 раза больше, чем в Кабарде. По количеству овец соответственно эти цифры были: больше в 8,3 раза, 6,6; 3,3 и 3,5 раза. К 1913 году в Карачае приходилось 130 голов скота на одну душу населения, а всего к концу XIX века в Карачае было более 700 тыс. голов скота.

Охота

Обилие и разнообразие животного мира Балкарии и Карачая способствовали развитию охоты, которая была существенным подспорьем в экономике карачаевцев и балкарцев. Археологические находки говорят, что объектом охоты для них были медведи, волки, лисы, зайцы, олени, кабаны, горные козы – туры и мн. др.

Хороший охотник всегда считался человеком достойным и уважаемым в обществе. О таких охотниках слагались народные песни, что свидетельствует о том, что охота глубоко вошла в систему народного хозяйства балкарцев и карачаевцев. Об этом говорит поклонение божеству – покровителю охоты и охотников – Абсаты.

В честь Абсаты балкарцы и карачаевцы устанавливали различные изображения – стелы из камня, другого материала. Одно из таких изображений в виде 4-метровой каменной стелы в форме дикого животного было найдено археологами в 1959 г. в дремучем лесу Чегемского ущелья. Ныне остатки этой стелы стоят во дворе Краеведческого музея в городе Нальчике (ил. 28).

Перед отправкой на охоту балкарцы и карачаевцы приносили жертву Абсаты, оставляли ему по одной стреле или пуле, а после удачной охоты ему выделяли определенную долю дичи.

Домашние промыслы и торговля

Как и перечисленные виды деятельности, домашние промыслы и торговля играли важную роль в системе экономики Карачая и Балкарии. Поскольку это были высокогорные области, здесь издавна получило широкое развитие горно-рудное дело. Предки балкарцев и карачаевцев, а затем и они сами научились добывать и обрабатывать горные руды. Обо всем этом красноречиво говорят многие археологические находки медных, бронзовых, железных, свинцовых, серебряных, золотых изделий. Этот факт подтверждают и многочисленные места древних выработок меди, железа, свинца и серебра у сел. Карт-Джурт, Верхний Чегем, Верхняя Балкария, Верхний Баксан и др. Следы металлических орудий – рубанка, пилы, скребков и др. – на деревянных изделиях служат таким же аргументом для определения высокого развития металлообработки.

«Их горы обеспечивают им селитру и серу, – писал Клапрот, – и им не приходится для добывания, подобно черкесам, выщелачивать подстилку овечьих стойл и загоронок. Их порох мелкий и отличается особенной силой».

Всевозможные украшения: серьги, кольца, перстни, диадемы, уникальные наперстки для женских шапочек – все это говорит о высоком уровне ювелирного мастерства балкарцев и карачаевцев.

Многочисленные башенные сооружения, склепы и мавзолеи свидетельствуют о высоком уровне камнерезного и строительного мастерства. Есть прямая возможность предполагать, что строительное дело в Балкарии и Карачае выделилось в отдельную отрасль ремесла.

Нет сомнения в том, что в такую же отрасль ремесла выделилось изготовление войлока – киизов, войлочных изделий, бурок, башлыков, головных уборов и т. п. По словам академика И. Гюльденштедта, балкарцы все необходимое выменивали на шерсть, толстое сукно домашнего производства, войлоки, лисьи и куньи меха и т. д.

Торговля у балкарцев и карачаевцев в XIV–XVIII вв. была в основном меновая, не за деньги, писал Э. Кемпфер. Де ла Мотрэ писал, что «деньги настолько мало известны или так редки в этой стране, что торговля совершается путем обмена». О том, что деньги еще не были в ходу, говорят и археологические находки. Например, в XVIII в. монеты в Балкарии еще служили украшением и подвешивались вместе с бусами на шею девушек из богатых семей.

Балкарцы и карачаевцы вывозили в XIX в. на еженедельные рынки в Они и Рачу многие товары домашнего производства: войлочные ковры, сукно, башлыки; сыры, молочные и мясные продукты. О широких масшта-

бах торговли свидетельствуют находки турецких монет у сел. Ташлы-Тала, арабских монет у сел. Верхняя Балкария, Верхний Чегем, Былым и др.

Множество находок изделий из драгоценных камней и другие говорят также о широком размахе торговой деятельности. По территории Карачая проходил, например, Великий шелковый путь из Хорезма в Византию, что также способствовало торговле. Активную торговую деятельность раз-вернули в Карачае и генуэзские купцы.

По подсчетам авторов XIX в., балкарцы и карачаевцы получали огромные средства за свои сукна, выбрасываемые на рынки Кавказа и других районов. Так, например, в Чегемском обществе в год производилось 114 500 аршин, в Баксанском – 108 500, Балкарском – 100 000, Холамском – 41 000 аршин сукна, т. е. на каждый двор приходилось в среднем по 170 аршин сукна. Авторы утверждают, что если продавать это сукно даже по 50 коп., то общая сумма получаемой балкарцами прибыли будет более 195 тыс. рублей. Если к этой сумме, полученной только за торговлю сукнами, добавить прибыль от других товаров, тогда общая сумма будет значительно большей. Сюда надо добавить стоимость бурок, башлыков, мясомолочной продукции и пр. Например, из трах карачаевских аулов в 1878 г. было вывезено 16 075 бурок и 3470 шт. полстей сукна.

Выведенная карачаевцами порода овец – *карачаевская* – прославлена высоким качеством мяса и шерсти. Эта порода овец неоднократно награждалась золотыми медалями и грамотами XIX в. в Лондоне, Москве, на ярмарках Новгорода и Варшавы и т. д.

Такова была в общих чертах экономическая база Балкарии и Карачая.

Поселения и жилища балкарцев и карачаевцев

Балкария и Карачай представляют собой почти сплошной горный массив Центрального Кавказа, поэтому их поселения носят горный характер. Одни располагались в высокогорных районах, на склонах гор и на вершинах горных плато, другие – на плоскости и в долинах ущелий. Ранние поселения носили характер однофамильных родовых поселений, защищенных родовыми оборонительными комплексами, башнями и пр.

Несмотря на неудобные условия планировки балкаро-карачаевских поселений, в них уже в XIV–XVII вв. археологи выявляют хорошо продуманные и вымощенные улочки, проулки между рядами жилищ.

В горных условиях Балкарии и Карачая основным строительным материалом для возведения жилищ является камень. Но в Карачае наряду с каменными жилищами встречаются и специфические срубные дома из бревен.

Раскопки на Эль-Джурте и обнаружение обгорелых бревен, сведения путешественников XVII–XVIII вв. позволяют констатировать, что срубные дома были характерной особенностью быта карачаевцев. Восточной границей их распространения было Баксанское ущелье, где встречаются и каменные, и срубные дома.

Во всех других ущельях Балкарии дома строились из камня, как и у соседних народов Центрального Кавказа.

Архитектурные особенности и отдельные детали балкарских жилищ XVI в., например: домов Тамука Кулиева в Булунгу, Хаджимурата Кулиева в Верхнем Чегеме (Эль-тюбю), Буллы Забакова в Кюнлюме, Мусарби Малкарова в Верхней Балкарии и мн. др. – представляют почти копии архитектурных деталей всемирно известных памятников в Микенах, Египте, гробнице Хнемхотепа в Бени-Хасане, сооруженных за 3 тыс. лет до указанных жилищ балкарцев. «Знакомство с отдельными элементами балкарской народной архитектуры, – пишут архитекторы, – дает возможность особенно реально представить, как происходило зарождение архитектурной и строительной культуры вообще, причем позволяет судить об этом наиболее ясно, поскольку здесь эти зачаточные формы существуют не как археологические отрасли, а действующие элементы еще обитаемых построек».

Одежда и украшения

Одежду карачаевцы и балкарцы шили из домотканых суконов, обработанной кожи, сафьяна, мехов и пр. С развитием торговли и обмена либо вся одежда, либо ее отдельные элементы изготавливались из фабрично-заводских тканей. Археологические находки говорят о том, что сюда доставлялись шелка из Китая, Индии, Персии и из европейских стран. Наиболее полное представление археология дает о женской одежде, которая состояла из меховых и войлочных шапочек с металлическими наперщиками, украшенными драгоценными камнями, из шелковых рубашек, плотных платьев из домотканых и фабричных тканей, сафьяновых сапожек, различных накидок и пр. Женский туалет состоял из множества украшений: перстней, колец, серег, туалетных сумочек и т. п. Один из наиболее полных наборов балкарской женской одежды XIV в. можно увидеть в Национальном каеведческом музее города Нальчика.

Мужская одежда состояла из кафтанов, меховых шуб, ноговиц, горских чабуров и чарыков из обработанной кожи. Обращает на себя внимание название «ген-чарыкъ», которое происходит от древнетюркского слова «ген» – обработанная кожа, а «чарыкъ» – это общетюркский термин: обувь, тапки и т. п.

Основным украшением мужского костюма были кинжал, пояс и «хазыры», вошедшие в литературу как «газыри». Столь же широко распространен на Кавказе самобытный мужской головной убор – «башлык», т. е. наголовник, характерный для карачаево-балкарцев еще со времен скифов. Вообще, многие элементы женского и мужского костюма карачаевцев и балкарцев носят на себе явные преемственные черты одежды их предков – скифов, болгар, аланов.

Завершая краткую характеристику карачаево-балкарской народной одежды, необходимо сказать, что она оказала существенное влияние на

одежду соседних народов. Дело в том, что любое название перенимается народом вместе с самим предметом, например: «галифе», «фуражка», «костюм», «билет» и т. д. Следовательно, бытующий у всех народов Кавказа термин «башлык» не мог получить такое распространение без самого предмета. Если бы этот элемент одежды был изобретен другим народом, то вряд ли у него не нашлось бы слова «голова», чтобы назвать на своем языке «наголовник». То же самое относится и к термину «аркалык» – «наспинник», к термину «газыри» (хазыр) – готовый. Дело в том, что этнографы давно отмечают, что первоначально газыри представляли собой готовые заряды для ружей.

Пища и утварь

Как отмечалось, пища балкаро-карачаевцев в основном была мясомолочной, как и у их предков: скифов, болгар, аланов и др. Из-за нехватки своего зерна, мучная пища была представлена в кухне этих народов гораздо беднее.

Балкаро-карачаевцы обогатили кухню своих соседей всемирно известным айраном и сырами. Среди мясных блюд особое место занимает «жёрме», бытовавшее у многих тюркских народов Алтая, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа. Отличительной особенностью кухни балкаро-карачаевцев являлись кумыс, конина, шашлык из жеребенка – *казы* и т. п. Эти элементы особо подчеркивают преемственную генетическую связь карачаево-балкарцев со скифами, сарматами, болгарами, аланами.

Рассмотренные выше историко-археологические, этнографические материалы, данные говорят об экономическом развитии, являются базой для формирования их духовной культуры, мифологии, религиозных представлений и всего мировоззрения в целом.

Выводы

Балкарцы и карачаевцы представляют собой древнейший народ Кавказа. Уже до монголо-татарских и тимуровских погромов они составляли единый этнос, с одним языком и одной территорией. С XIV–XV вв. начинается их территориальное обособление, при сохранении единого языка, общей культуры, психологии и традиций.

Древнейшими пратюркскими предками их были представители так называемой курганной (или ямной) археологической культуры древнейших кочевых племен-овцеводов. Материальными памятниками этих предков были курганы и могильники в городе Нальчике, у сел. Акбаш, Кишпек, Шалущка, Былым; у станиц Мекенской в Чечено-Ингушетии, Тифлисской, Казанской, Новотитаровской в Краснодарском крае, у сел. Усть-Джегута в Карачае и др.

Кавказско-кочевнический симбиоз предков балкаро-карачаевцев особенно наглядно проявился в сложении знаменитой майкопской культуры, получившей свое название от кургана в городе Майкопе.

В майкопское время предки карачаево-балкарцев имели тесные этнокультурные и языковые контакты со всемирно известной цивилизацией шумеров Двуречья.

Наследники ямной культуры – скифы, сарматы, а позднее болгары и аланы – явились завершающими весь многовековой процесс формирования балкаро-карачаевского народа.

Имеющийся в науке материал доказывает, что балкарцы и карачаевцы на Северном Кавказе проживают уже более 5 тыс. лет. До монголо-татарских погромов их этноисторической территорией были горы и предгорья Северного Кавказа между реками Лаба и Терек.

Минги тау. Нальчик: Эльбрус, 1994. № 1 (53)

НАРОДЫ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В XIII–XVIII ВЕКАХ

Пособие
для учителей и краеведов

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы вместе с неуклонным ростом чувства национального достоинства непременно растет и постоянный интерес людей к истории и культуре своих народов.

В условиях многонационального Северного Кавказа к этим вопросам проявляют особый интерес как из-за самобытности каждого народа и его традиционной культуры, так и большой степени интеграции различных культурных течений.

Высокая степень интеграции культурных достижений наблюдается и в истории народов Кабардино-Балкарии.

После известных событий, связанных с татаро-монгольским нашествием и походами Тимура в XIII–XIV вв., основными жителями территории нынешней Кабардино-Балкарии являются кабардинцы и балкарцы.

Кабардинцы представляют собой один из адыгских народов, относятся к абхазо-адыгской группе иберийско-кавказских языков. На этих языках говорят многие народы Кавказа – грузины, сваны, мегрелы, хевсуры, тушинцы, чеченцы, ингуши, аварцы, лакцы, даргинцы и другие дагестанские народы (кроме кумыков). К абхазо-адыгской группе относятся языки абхазов, черкесов, адыгейцев, кабардинцев и других адыгоязычных народов. Ближайшие соседи называют кабардинцев **кашкон** (осет.), **черкес**, **къабарты** (карач.-балк.).

Балкарцы являются древнейшим тюркоязычным народом Кавказа. Соседние народы сохранили за ним имена древних тюркских народов: **ассон**, то есть **асы** (осет.), **сабир** (сван.), **балкар** (кабард.), **басиан** (груз.), **аланы** (мегр.).

Многовековое обитание в горах Кавказа, тесные экономические и культурные связи с соседними народами способствовали формированию у кабардинцев и балкарцев во многом общего с другими кавказцами хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры.

Ныне оба народа вместе с представителями многих других национальностей являются тружениками Кабардино-Балкарской Республики в составе Российской Федерации.

Глава I

О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ БАЛКАРЦЕВ

§ 1. Историко-этнографическая справка

Балкарцы являются одним из самых высокогорных народов Кавказа, говорят на тюркском языке, относятся к так называемому кавкасионско-му антропологическому типу европеоидной расы.

Названия высочайших вершин и ледников, крупнейших рек Центрального Кавказа – Минги-тау, Дых-тау, Катын-тау, Коштан-тау, Терек, Малка, Чегем, Черек, Баксан, Кубань и другие – имеют только тюркоязычные объяснения.

Перечисленные факты издавна обуславливали неослабное внимание ученых ко многим вопросам древнейшей истории балкарского народа. Но, к сожалению, эти вопросы до сих пор освещены недостаточно. Самой сложной в данном случае является проблема: каким образом тюркский язык и его носители – европеоиды – оказались на гребне Кавказа в плотном окружении других языков и культур? Полагать, что это произошло лишь в XIV–XV вв. после погромов всемирного завоевателя Тимура, как думают отдельные авторы, нет никаких научных оснований. Практически было невозможно заселить высокогорные районы Центрального Кавказа, минуя другие этнические группы, будто бы издревле здесь обитавшие. Кроме того, не было никакой возможности уже к XVI–XVII вв. успеть переименовать на тюркский лад названные вершины, реки, фирновые поля и отразить их в балкарских эпических нартских сказаниях. И в самом деле, ведь не было же никакой необходимости позднему населению, появившемуся в этих районах, переименовывать такие названия, как Беш-тау, Золка, Ак-баш, Кара-агач, Кишпек, Кызбурун и многие другие, бытующие и по сей день.

Общеизвестно, что специфические особенности традиционной культуры тюркских народов, в т. ч. и балкарцев, уходят в глубь веков истории и культуры Евразийских степей и скифов-кочевников: курганная насыпь, захоронения в деревянных колодах и срубам, сопровождение умершего жертвенными животными (овцами, лошадьми), употребление в пищу конины, кумыса, айрана, традиции изготовления войлока и войлочных из-

делий, способы гадания на ивовом мочале и прутьях, способ варки мяса без дров и котла и мн. др.

Для того чтобы правдоподобно освещать историю народов, необходимо искать пути и методы зарождения специфических особенностей народной культуры. Исходя из этого, поиски зарождения особенностей культуры тюркских народов должны быть начаты с эпохи IV–III тыс. до н. э., когда зарождались перечисленные элементы культуры.

На рубеже IV–III тыс. до н. э. так называемые племена древнеямной (курганной) культуры, ведущие подвижной овцеводческий образ жизни, определившие свои особенности в Волго-Уральском междуречье в указанный период, начинают проникать на Северный Кавказ.

Значительный след эти племена оставили в известном Нальчикском могильнике того периода (р-н нынешней Опытной станции садоводства), в курганах у сел. Лечинкай, Кишпек, Шалушка, Ак-баш, Былым и других пунктах Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа. Именно в этот период происходит первый контакт и симбиоз, синкретическое развитие культуры горских и степных племен.

Балкарцы закрепили за собой общее географическое название *таулу* – «горец», а в обращении друг к другу, к группе людей, понимающих их язык, в качестве понятий «сородич», «соплеменник», сохранили этноним *алан*, восходящий к тюркскому слову «долина». В сочетании этих двух терминов мы видим симбиоз и слияние двух понятий: кавказцы-горцы и степняк-курганники. Поскольку древнеямники (курганники) были европеоидами, то и отмеченное антропологическое смешение произошло без особых осложнений и отразилось на современном антропологическом облике балкарцев, превратившихся в «классических кавкасионцев».

Этногенетические корни балкарского народа в определенной степени освещены в исторической памяти соседних народов. Так, например, самые длительные исторические партнеры и соседи балкарцев – осетины называют балкарцев *асс* + *он*, т. е. *асы*, Балкарию они называют *Ассиаг*, а Карачай – *Стур-ассиаг* («Большая Асия»), А поскольку еще в XIII–XV вв. *ас* был самоназванием аланов, следовательно, осетины этноним *алан* или *ас* сохранили не за собой, а за балкарцами. Другие соседи, к примеру мегрелы, называют карачаевцев не иначе как *алан*. А по словам такого крупнейшего ученого, как Н. Я. Марр, термин *ас* грузины и сваны сохранили за названием карачаевцев и балкарцев.

Известно, что вторым крупным слагаемым в формировании балкарского народа являлись кавказские болгары, имя которых сохранено в названии балкарцев, особенно балкарцев Черекского ущелья. Имя кавказских болгар еще во II в. до н. э. закреплено за жителями Центрального Кавказа. Об этом вполне однозначно пишут древнеармянские письменные документы.

Из всего изложенного вытекает, что древнейшую основу формирования балкарского народа составило смешение древнейших кавказцев с древнейшими кочевыми племенами Евразийских степей. Позднее в этот процесс включались тюркские племена скифов, аланов и болгар.

На различных этапах процесса формирования и интеграции названных племен в балкарский народ происходили разносторонние межэтнические контакты с соседними народами. Подобные контакты прекрасно иллюстрируются целым рядом старинных балкарских патронимических названий, восходящих к этническим именам соседей. Таковы, например, названия фамилий: Черкесовы, Кабардиковы, Кабардоковы, Эбзеевы, Кумыковы, Ногайлиевы, Дюгерлиевы и мн. др.

В дооктябрьском прошлом балкарцы сыграли огромную роль в рождении и развитии отечественного альпинизма и горного туризма, географической, геофизической науки и т. д. Особую роль в этом сыграла известная балкарская семья Урусбиевых. Здесь достойно отметить Мырза-кула Урусбиева, его сыновей Измаила, Хамзата, Магомета. В этой семье не раз гостили и встречали радушный прием выдающиеся деятели передовой русской науки и культуры: М. М. Ковалевский, А. В. Пастухов, И. В. Мушкетов, Г. В. Абих, П. К. Михайловский, С. И. Танеев, Н. А. Ярошенко и мн. др. В этой семье постоянно гостили видные альпинисты и путешественники из Англии, Венгрии, Польши, Швейцарии, Германии, Франции и других стран. Большой вклад в науку и просветительство внесли сыновья Измаила Урусбиева – Сафар-Али, Науруз, получившие образование в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы.

Неоценимый вклад в культурно-историческое наследие внесли такие сыновья и дочери Балкарии, как историк Мисост Абаев, скрипач Солтанбек Абаев, просветительница Ханифа Абаева, Фуза Шакманова, Али-мурза и Дадаш Балкаруковы, выдающийся юрист и просветитель Басиат Шаханов, видный хирург профессор Абай Шаханов и другие.

Балкарский народ, как и его соседи, свято чтит свое историко-культурное наследие и множит ратный и трудовой подвиг своих предков и соотечественников.

Наиболее слабо разработанной проблемой в истории кабардинского и балкарского народов являются вопросы их происхождения. Особенно слабо эта тема освещена в истории балкарского народа, поэтому на ней приходится остановиться более подробно.

Весь имеющийся в науке материал говорит о том, что этнические корни балкарцев надлежит искать в недрах древнейшего Кавказа и тех пратюркских племен, которые находились на гребне первых этнических волн тюркоязычного населения, накатывавшегося в Предкавказье из Евразийских степей, особенно Волго-Уральского междуречья. Иначе они не могли оказаться на гребне Центрального Кавказа.

Имея в виду изложенные факты, проблему происхождения балкарского народа можно тесно увязать с тремя глобальными вопросами:

1. Каким наиболее ранним периодом в пределах Центрального Кавказа можно датировать тюркские термины и этно-, топогидронимы, известные нам на данном этапе развития науки об истории древних племен?

2. Как далеко в глубь веков древней истории Восточной Европы уходят истоки отдельных элементов традиционной материальной и духовной культуры балкарцев, отличающие их от соседних народов?

3. Что сохранил народ в своих идеологических воззрениях и фольклоре о своей этнической истории, и есть ли в этом наследии рациональное зерно?

В поисках ответов на эти вопросы всегда нужно иметь в виду, что в истории любого народа большую роль играли переселения древних племен. «Все дело в том, – пишет В. В. Мавродин в книге «Происхождение русского народа», – что одни переселения нашли отражение в письменных источниках, потому что они произошли сравнительно недавно. О других же, происшедших в древности, свидетельствуют лишь косвенные данные: язык, топонимика, антропологический тип, материальная культура, фольклор, обычаи и прочее, но от этого они не перестают носить характер реальных исторических событий».

В этнической истории любого народа большую роль играет имя этноса, закрепленное в устах как самого народа, так и его непосредственных соседей, связанных с ним многовековыми этнокультурными и историко-политическими, экономическими и другими контактами. Недаром В. Ф. Миллер, анализируя этногенетические вопросы истории осетинского народа, на первое место выводил те сведения, которые содержались в хрониках их соседей – грузин. Полагаясь на общепризнанное положение о том, что самоназвание – это первостепенный признак племени и рода, можно констатировать, что для каждого из таких единств имя служит объединяющим признаком.

Суммируя все сказанное, можно подчеркнуть важность того факта, что балкарцы в устах извечных соседей: осетин, кабардинцев, сванов, мегрелов, абхазов и других – назывались *балкар*, *сабир*, *алан*, *басиан*, *ассон*, *асиаг*, *азухо* и пр.

В 1959 г. на Всесоюзной научной сессии по проблеме происхождения балкарцев был сделан вывод, что «балкарцы и карачаевцы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные болгары», и в особенности одно из западно-кипчакских племен».

Этот вывод для того времени был очень важным, отвечал уровню имевшегося тогда научного материала, во многом способствовал и стимулировал дальнейшие поиски. Но по истечении 35 лет все это кажется более политическим, нежели научным выводом, аргументирующим восстановление автономных прав балкарского народа. Теперь этот вывод нуждается в серьезных уточнениях и дополнениях.

§ 2. Состояние изученности проблемы происхождения балкарского народа

В настоящее время практически существуют три гипотезы происхождения балкарцев:

1. Балкарцы – это аборигенные кавказские племена, смешавшиеся с древними болгарами.

2. Балкарцы – это аборигенные кавказские племена, смешавшиеся с аланами, якобы бывшими ираноязычными.

3. Балкарцы – это бежавшие от монголов в горы половцы XIII в., смешавшиеся с аборигенами Кавказских гор.

Для более полной характеристики проблемы необходимо остановиться на отдельных докладах на сессии 1959 г.: из проанализированного тогда материала видно, что научными сведениями более всего обставлена гипотеза о болгарском происхождении балкарцев. Эта гипотеза в настоящее время принята такими видными учеными, как М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев, которые опирались на труды В. Ф. Миллера, М. М. Ковалевского, В. В. Бартольда и др. Близки к признанию или признают эту точку зрения С. А. Плетнева, А. В. Гадло, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов, С. Я. Байчоров, автор настоящих строк и мн. др.

Однако существует и весьма спорный вопрос об ираноязычности аланов и их участии в этногенезе балкарцев и карачаевцев. Говоря об аланском (псевдоиранском. – *И. М.*) субстрате в карачаево-балкарском языке, В. И. Абаев, вслед за В. Ф. Миллером, отстаивает тезис о том, что территория Балкарии и Карачая до XIII в. была заселена будто бы ираноязычными предками осетин. Как известно, Миллер строил свою теорию на нескольких поверхностно истолкованных топонимах, имеющих в своем составе якобы осетинские слова *дон* – «вода, река»; *ком* – «нёбо, пасть, отверстие»; *дор* – «камень». Примером такого толкования может служить название песчаного плато *Донгат*, где даже трава как следует не растет, объясненное Абаевым как «мокрое место», «водянистое место», или же название дремучего высокогорного лесистого ущелья *Мыстыкам*, объясненное как «мышинное ущелье», и т. д.

Но даже если допустить такие лексические несурезицы, необходимо было отмечать, что они обнаруживаются только на дигорском диалекте осетинского языка. А это обстоятельство в корне меняет всю картину в силу ряда серьезных факторов:

- Махмуд Кашгарский в XI в. и Рашид ад-Дин в XIV в. называют среди тюрков-огузов племя *дигор*;

- в XIV в. выдающийся арабский историк и географ Абу-л-Фида размещал у Дарьяльского ущелья тюркоязычное племя *ас*;

- автор XIX в. Я. Рейнеггс писал, что дигоры/утигоры говорят на одном из старых тюркских наречий;

- дигорцы и балкарцы возводят своих родоначальников к двум родным братьям – Басиату и Бадинату. Прародительницей всех своих княжеских фамилий дигорцы считают карачаевскую княжну из рода Крымшаухаловых;

- в Дигории почти нет ни одной фамилии, которая не встречалась бы в Балкарии и Карачае;

- в Северной Осетии, в основном на территории Дигории, осетиноведы сами насчитывают около 150 тюркских топонимов, в числе которых запечатлены и древнетюркские этнонимы: *сабиры*, *басилы*, *басмалы*, *огуз*, *гуз* и т. д.;

■ склепы-мавзолеи позднего Средневековья на территории Дигории по архитектурным особенностям, погребальному обряду ничего общего не имеют с синхронными склепами осетин-иронцев и во всем сходствуют с подобными сооружениями Балкарии и Карачая.

После всего сказанного нет ничего удивительного в том, что обнаруживаются лексические сходства у балкарцев и дигорцев. Однако по «доводам» Миллера и Абаева, дигорцы проникли и осели на Кавказе где-то в III–IV вв., а балкарцы в XIII в., т. е. спустя 1000 лет после сарматов, считающихся предками дигорцев. В таком случае трудно себе представить, каким же образом сложились эти лексические сходства у дигорцев и балкаро-карачаевцев, которые сохранили в своей речи наиболее характерные староосетинские термины, которыми оперируют Миллер и его последователи. Я думаю, что нельзя уповать на то, что дигорцы на протяжении тысячи лет тайком от иронцев бережно хранили эти термины, чтобы в XIII в. передать их не иронцам, а балкарцам, и одновременно сами все это забыли. Ясно, что в такой концепции концы с концами не сходятся.

На основе доклада У. Б. Алиева на упомянутой сессии ряд карачаевских ученых выступил в поддержку того, что аланы изначально были тюркоязычными. К сожалению, тогда у них фактов было далеко не достаточно, кроме констатации того, что слово *алан* есть искаженное тюркское слово *оглан* – «сын, потомок». Совершенно ясно, что на таком шатком предположении вряд ли возможно делать столь далеко идущие выводы.

Позднее эту точку зрения наиболее полно изложил Х.-А. И. Хаджилаев, опираясь на лексический материал. По мнению Хаджилаева, вся топонимика верховьев Кубани, Карачая, тюркская; жившие в Карачае аланы были тюрками; существовал особый и ранее неизвестный науке древнетюркский – аланский – язык, «давший наименование аланскому союзу племен и неучтенный тюркологией» (терминология У. Б. Алиева); накопленный научный материал по проблеме происхождения балкаро-карачаевцев изучен недостаточно, и «из сделанного не все можно принять всерьез». К последнему утверждению Хаджилаева вряд ли что можно добавить, его трудно опровергнуть.

С резкой критикой на работу Х.-А. И. Хаджилаева выступил в свое время В. А. Кузнецов, который полностью пытался реанимировать устаревшие взгляды Миллера – Абаева. Но поскольку вся работа Хаджилаева построена на опровержении именно взглядов Миллера – Абаева, Кузнецов ничего нового в этот спор не вносит. Пытаясь доказать ираноязычность жителей древнего Карачая, В. А. Кузнецов ссылается на так называемые глиняные курильницы в виде стаканчиков, которые считаются эталоном ираноязычных племен. Но ведь именно этих эталонов и нет в верховьях Кубани.

Далее, Кузнецов пытается доказать принадлежность так называемых наскальных гробниц верховьев Кубани аланам-иранцам. О несостоятельности этой точки зрения мы уже писали неоднократно, а по мнению В. Б. Ковалевской, в этих гробницах хоронили своих усопших не столько иранцы-аланы, сколько тюрки-болгары.

В попытках отрицать научную значимость древнетюркских рунических надписей, в массовом количестве обнаруживаемых именно в наскальных гробницах Карачая, В. А. Кузнецов прибегает к весьма неудачному приему.

Он пишет: «Если даже будет установлена принадлежность надписей, это отнюдь не будет доказывать, что погребенные в наскальных гробницах были тюркоязычными, ибо между погребенными и сделанными надписями далеко не всегда обязательна непосредственная связь. Дело в том, – продолжает Кузнецов, – что такие знаки в наскальных катакомбах (или гробницах. – *И. М.*) могли быть высечены не в эпоху раннего Средневековья, а значительно позже».

Следуя этой странной логике, нетрудно заподозрить, что вообще древние надписи могут быть делом рук первооткрывателей, а не древних жителей, скажем, надпись на Бехестунской скале, клинопись древних шумеров и т. д.

В своем споре В. А. Кузнецов счел нужным привести этимологию некоторых аланских имен. Он ссылается на мнение Г. Вернадского, что имя *Саросий* означает «Вождь асов». Но уместно спросить: чей же он вождь, если во всем северокавказском мире неизвестно имя «ас»? Почему же своим «именем» осетины до сих пор называют не себя, а балкарцев?

Кроме того, Кузнецов, если он объективно настроенный ученый, должен был учесть, что в статье Н. А. Аристова об этнических названиях древних тюрков насчитывается этноним с термином *сары* – «желтый» более тридцати раз! Почему бы не вспомнить этот факт при этимологии термина *Сары + ос*?

Имя аланского царя *Итаз* в первоисточнике – хронике Феофана – звучит как *Итаксий* или *Итаксай*. Р. И. Маркварт возводил его к персидскому слову *падиахи* – «наместник», соотнося его с греческой формой *битаксий*. Но, как пишет И. С. Чичуров, это имя у первого переписчика Феофана, папского библиографа Анастасия (середина IX в.), передано как *Хиотакси* или *Хоктакси*, и что оно осталось без должного внимания всех исследователей, касавшихся этого имени. Если учесть, что чуждый греческому языку звук **ч**, **ш**, они передавали как **кс**, то это имя будет звучать в действительности как *Хиотачи* или *Хотачи*, а форма *Итаксий* или *Итаксай* – как *Итачай*. Оставленный без внимания исследователей термин *Хиотачи* или *Хоктачи* имеет прозрачное тюркское значение, восходящее к слову *Хот/Гут* – «счастье», «благо», «благодать», «благополучие», «удача», «счастливый», «достойный», «величие». Любое из этих значений вполне подходит к имени аланского царя и предводителя.

Таким образом, становится очевидным, что приведенные Кузнецовым имена полностью легли на чашу весов Хаджилаева.

В поисках поддержки своим положениям В. А. Кузнецов ссылается на «Аланское приветствие» византийского поэта и писателя XI в. Иоана Цеца, которое звучит на «верхнекузбанском диалекте аланов», т. е. на языке асов, которыми сами осетины называют не себя, а балкарцев.

Это приветствие для XI в. звучит более чем странно: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?»

В оригинале здесь значатся 13 слов, из которых только два могут быть связаны с иранским языком, все остальные – это общетюркские слова типа: *хос* – «добрый»; *катын* – «госпожа»; *каитарыф* – «вернувшись»; *кординг* – «увидел»; *кинжа (генже)* – «молодая, молодуха»; *фули (вали)* – «правитель» и мн. др. Вряд ли после всего этого данное приветствие можно считать ираноязычным!

В своем споре Кузнецов полностью поддерживает весьма неудачные попытки В. И. Абаева, объясняющего термин *алан* как авестийское *аруана*, *ариан* и пр. Однако ученый скрыл от читателей то, что формант *йа* в Авесте выступает как словообразовательная частица в терминах, означающих реки, страны, горы: *Нуса + йа*, *Дайт + йа*, *Эрзиф + йа* и др. Исходя из этой закономерности, невозможно объяснить термин *арйа* или *арйан*, как этноним *алан*, страна которых согласно авестийскому написанию должна была бы звучать как *алан + йа*, которую историко-географическая наука не знает. Вполне очевидно, что в Авесте имеются в виду не *алан + йа*, а *ар + йа*, т. е. народ или племя *ар*, которых история также не знает.

Весьма легкомысленной выглядит и другая попытка Абаева объяснить термин *алан* как название сказочных осетинских персонажей *аллон*. Во-первых, самоназвание осетин, а также и осетинские названия других народов образуются с помощью прибавления к корню слова форманта **-он**: *Ир+он*, *Дигор + он*, *Асс+он*, *Кашк + он* и т. п. Следовательно, и в сказочном термине осетин речь может идти только об этнониме *алл + он*, т. е. племени *алл*, которых история не зафиксировала.

В то же время иранисты-осетиноведы преднамеренно «забывают», что термином *алан* карачаевцы и балкарцы до сих пор в своем быту обращаются друг к другу, к группе людей, понимающих их язык, в обращении супругов друг к другу в качестве понятия «сородич», «соплеменник» и т. п.

Кроме того, ни один из иранистов не вспоминает, что термин *алан* в переводе с тюркского означает «долина», «опущка», «равнина» и т. п. В виде этнонима этот термин бытует до сих пор среди алтайцев, туркмен, в виде *Аландан келген* – «Пришедшие с равнины»; *Салкын алан* – «Прохладная поляна» и др. Весьма уместно сказать и о том, что в V в. часть аланов, именуемая *Керти алан* – «Истинные аланы», под предводительством хана Кандака перекочевала в Малую Азию, в устье Дуная.

Несмотря на массу фактов о тюркском языке аланов, В. Ф. Миллер в своей тенденциозности дошел до того, что утверждал: «...аланы (иранцы по Миллеру. – *И. М.*) научили тюрков-кочевников навыкам скотоводства». Но когда ему надо было объяснить тюркские термины в осетинском языке, обозначающие металлы, животных, птиц, плоды и пр., он ищет выход из своих противоречий, объявляя все это заимствованиями из урало-алтайских языков, будто бы карачаево-балкарский язык не имеет отношения к урало-алтайским!

Много ездивший по Балкарии и Карачаю вместе с Абаевым А. К. Боровков, характеризуя идеалистические тенденции Миллера, писал, что, по мнению последнего, «степняки-татары не только научились у осетин

земледелию и скотоводству, но научились и каменному зодчеству, усвоили их духовную культуру, включая фонетические особенности языка... Ученый профессор, – продолжает Боровков, – никак не мог допустить, чтобы родственники «благородных» индоевропейцев могли что-либо заимствовать у степняков-татар... Тенденциозность этой науки выпирает из каждой строки».

В западной и буржуазно-русской науке вообще, как писал в 1954 г. Г. А. Меликишвили, «обнаружение» индоевропейской правящей верхушки во всех индоевропейских древностях и древневосточных племенах и народностях сделалось одной из основных тем исторических исследований». В таком же состоянии оставались исследования по истории балкарского народа даже у таких крупных ученых, как Г.-Ю. Клапрот, В. Ф. Миллер и др. В плену этой концепции по сей день остается и В. И. Абаев со своими последователями. Однако при необходимости объяснить так называемые «староосетинские» термины *кам*, *дан* они прибегают постоянно к помощи балкарского языка, но в то же время пишут, что «культурное и языковое влияние балкарцев на осетин в силу объективного состояния (? – И. М.) сил было и не могло не быть совершенно ничтожным». Но как объяснить наличие в осетинском языке таких общетюркских терминов: *каз* – «гусь», *тева* – «верблюд», *аркан* – «аркан», *берю* – «волк», *нанык* – «малина», *сокур* – «слепой» и т. п. ? Ссылка на то, что «осетинский должен был соседствовать в прошлом с каким-то другим северотюркским языком», порождает вопрос: неужто с якутским?

В 1970 г., составляя «Русско-осетинский словарь», Абаев «забыл» включить в него термин «Балкария», «балкарцы». Такая «забывчивость», помешавшая отметить живущих в соседнем ущелье балкарцев, с которыми осетины имели почти двухтысячелетнее соседство и родство (а по народным преданиям дигорцев, они происходили от двух родных братьев), кроме всего прочего, попросту обкрадывает словарный фонд осетинского народа. Но еще более поражает другое. К словарю приложены административно-географические термины в осетинском звучании, но не нашлось места осетинскому названию Балкарии и Карачая – *Ассиаг* и *Стур Ассиаг*. Когда возникла необходимость назвать соседнюю республику – Кабардино-Балкарию, автор словаря именует ее на осетинский лад – *Касог-Балкар республика*, т. е. кабардинцев называет их осетинским именем *касаг/кашак*, а балкарцев почему-то называет их русским именем *балкар*. Вероятно, автор не хотел обнародовать, что усиленно приписываемый в литературе осетинам этноним *ас* сам осетинский народ испокон веков закрепил за балкарцами.

На сессии 1959 г. доклады Х. О. Лайпанова, Н. А. Баскакова, Л. И. Лаврова были посвящены доказательству половецкой гипотезы происхождения балкаро-карачаевцев. А выступление У. Б. Алиева было направлено как раз на отрицание близости карачаево-балкарского языка с языком кипчаков. Первые строили свою точку зрения на половецком словаре «Кодекс куманикус» XV в. и на неверно истолкованных сведениях арабского автора

XIII в. Ибн аль-Асира. Возражая им, Алиев писал, что кипчакский язык относится к «йокающему» диалекту тюркских языков, тогда как карачаево-балкарскому этот диалект не свойствен. В последние годы вообще отрицается принадлежность этого словаря кипчакам (Р. Л. Дашкевич). Более того, карачаево-балкарскому языку присущ наиболее древний, «джокающий» диалект тюркского языка. Таким образом, становится очевидным, что карачаево-балкарцы не могли перейти с позднего диалекта («йокающего») на более ранний («джокающий»).

Используя сведения Ибн аль-Асира, исследователи не всегда следуют последовательности описываемого им события. Говоря о походе монголов 20-х гг. XIII в. на Северный Кавказ, летописец отмечает, что часть кипчаков бежала в горы. Но в какие горы они бежали: то ли в горы Дагестана, то ли на Центральный Кавказ, то ли в Крым, – исследователи не уточняют. А вот как все это описал сам Ибн аль-Асир:

«Прошедши Дербенд ширванский, они (монголы. – *И. М.*) шли этими областями, а в них были многочисленные племена, в том числе аланы, лезгинны и несколько тюркских племен. Они ограбили и умертвили много лезгин, которые были частью мусульмане, а частью неверные, и напали на других жителей той страны. И дошли до аланов, а их много племен, и дошла туда весть о татарах. Они постарались и собрали у себя толпу кипчаков и сражались с ними, и не одолела одна сторона другой. Итак татары послали к кипчакам сказать: мы с вами один род, а эти аланы не из вас, чтобы вы помогли им, и вера их не похожа на вашу веру, и мы обещаем вам, что не коснемся вас и привезем к вам сколько хотите денег и одежд, – оставьте нас с ними. Итак, кипчаки оставили аланов, и напали на аланов татары, и убили их множество, и ограбили, и взяли в плен, **и пошли на кипчаков, а те разошлись, считая себя безопасными, по миру, происшедшему между ними. Они не успели услышать о татарах, как они пришли к ним**, вступили в их земли и напали на них постепенно, и взяли от них в несколько раз больше того, что привезли к ним. **И те из кипчаков, которые были далеко, услышав эту весть, бежали без боя и удалились; одни спрятались в болотах, другие в горах, а некоторые ушли к русским**». А следующая фраза летописца совершенно отклоняет возможность за этой землей, куда бежали кипчаки, видеть горы: **«И остановились татары в Кипчаке**, а это земля богатая пастбищами зимою и летом; в ней есть места, прохладные летом, богатые пастбищами, и есть места, теплые зимою, богатые пастбищами. **Это и есть степи на берегу моря**. И пришли они к городу Судаку. Это главный город кипчаков. Прибыв к Судаку, татары овладели им, и жители расселись: часть ушла в горы, со своими семействами и именем, а часть села в море и ушла в Малую Азию, находящуюся в руках мусульман из потомства Кылыдж-Арслана», – повествует Ибн аль-Асир.

Рашид ад-Дин (1247–1318) – первый переводчик Асира – рассказывает об этом же эпизоде следующее: «Так как проход через Дербенд был невозможен, то они (монголы. – *И. М.*) послали Ширваншаху сказать: «Пришли нам несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Он при-

слал 10 человек из старейшин своего народа... Те из страха указали путь, и монголы прошли. Когда они пришли в область аланов, а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы. – *И. М.*) сообщая с кипчаками сразились с войсками монголов. Никто из них не остался победителем. Тогда монголы дали знать кипчакам: «Мы и вы – один народ (заметим, что у Асира написано «один род». – *И. М.*) и из одного племени, а аланы же чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (аланов) нам. Они принесли много добра, кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части грабежа и убийства. **Кипчаки, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям.** Монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали. Некоторые из кипчаков, оставшихся в живых, убежали в страну русских, а монголы зазимовали в этой стране, сплошь покрытой лугами. Оттуда они отправились в город Судак на берегу моря, соединяющегося с Константинопольским проливом, и взяли тот город. Затем монголы двинулись на страну русских и на кипчаков, которые туда бежали».

Крупнейшие знатоки истории Золотой Орды Б. Греков и А. Якубовский поясняют, что «разбитые кипчаки покинули свои кочевья и двинулись на Юго-Восток Европы к кипчакам, кочующим между Волгой и Днестром, в надежде получить у них помощь. В погоне за ними татары дошли до Крыма, где захватили кипчакский город Судак».

Рассказ Ибн аль-Асира о взятии Судака и крымских областей кипчаков В. Тизенгаузен и А. Якубовский переводят следующим образом: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись: некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находилась в руках мусульман из рода Килидарслана».

Анализ сведений Асира показывает, что после первого столкновения с монголами на Северном Кавказе кипчаки, которых «постарались и собрали аланы», доверившись заключенному договору, «разошлись, считая себя безопасными» (Асир), или «спокойно разошлись по своим областям» (Рашид ад-Дин). Сейчас довольно точно определены эти области, где проживали кипчаки в составе восьми объединений: Предкавказских, Крымских, Поволжских, Нижнедонских, Приазовских, Донецких, Приднепровских, Лукоморских (С. А. Плетнева).

Можно полагать, что именно предкавказские кипчаки, восточные границы которых определены не далее как левобережье верховьев Кубани и Подкумка, выступили в союзе с аланами, а затем «спокойно разошлись по своим областям». И лишь после второго погрома и взятия Судака кипчаки бежали кто в горы Крыма, кто по Черному морю. Услышав эти вести, «кипчаки, жившие вдали», вероятно, придонские, приднепровские, приазовские и прочие, бежали в земли русских.

Таким образом, становится понятным, что в сообщениях Ибн аль-Асира нет сведений о бегстве кипчаков в горы Северного Кавказа, а следовательно

но, этот источник не может так прямолинейно использоваться для подтверждения половецкой гипотезы происхождения балкарцев.

§ 3. Происхождение балкарского народа

Предками балкарцев были древнейшие кавказские племена, смешавшиеся с самыми первыми скотоводами-овцеводами, ведущими подвижной кочевой образ жизни в степях Евразии. Этот контакт состоялся впервые в конце IV тыс. до н. э. Это и был древнейший кавказский субстрат в процессе этногенеза балкарцев.

Древнейшие овцеводческие племена, проникавшие на Кавказ, представляли первейшую основу пратюркских племен. Для них был характерен курганный обряд захоронения. Умерших укладывали в деревянные могилы-срубы, дно их покрывали войлоком, травой или кустарником. Этот обряд захоронения древние пратюрки – носители так называемой ямной археологической культуры – занесли в Закавказье, Переднюю и Малую Азию, где смешались с носителями древнейших земледельческих культур.

Потомками древних ямников были тюркские племена – скифы, именовавшиеся *Ас-киши* (*Аш-кузы*). По всем современным научным данным, это был древнейший и первый этап формирования балкарцев, как древнейших обитателей Кавказа, хронологически это уходит в глубину веков где-то на 5–6 тыс. лет.

Потомки скифов – аланы, болгары, гунно-сарматы – являлись вторым слагаемым компонентом в изучаемом нами процессе этногенеза балкарцев.

Огромную роль в этом процессе сыграли аланы, о чем мы пытались рассказать выше. Теперь необходимо наиболее полно осветить степень участия древних болгар в этногенезе балкарцев.

О болгарях – предках балкарцев. Как уже отмечалось, гипотезу о болгарском происхождении балкарцев поддерживают многие видные специалисты. Для этого имеются и достаточные **сведения древних письменных документов.** Так, сирийский историк III в. Мир-Аббас Котина, ссылаясь на армянского автора Бардасена, писал, что во времена царя Аршака I (127–114 гг. до н. э.) «**возникли смуты в цепи великой Кавказской горы в земле Булгаров**, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю...».

В первой половине VI в. Захарий Ритор (сирийский автор) на западе от Дербента, рядом с аланами, помещает болгар. В «Армянской географии» VII в. «на Кубани и южнее» размещены четыре болгарских племени.

В X в. хазарский царь Иосиф на юге своей страны, в приграничье с Грузией, указывает на племя *бл-г-р*, *тулас*, которых ученые считают предками балкарского народа.

В XII в. становится известным этногенетическое предание о происхождении хазар и болгар от трех братьев-эпонимов, двое из которых «пришли в страну аланов, называемую Барсилией». Это предание трудно не сопоставить с преданием балкарцев и дигорцев о том, что они произошли от двух родных братьев – Басиата и Бадината.

Все эти факты подкрепляются сведениями Прокопия Кесарийского (VI в.), что предки болгар – гунны в этот период обитали в Дарьяльском ущелье и руководил ими тогда некий богатырь Амбазук (*Эмбазыкъ* – «Наитолстый», «Наймошный»).

Данные языка. Доклад А. Х. Соттаева на сессии 1959 г., раскрывший разительные болгаро-балкарские лексические сходжения, в наши дни принят многими учеными. Плодотворные работы С. Я. Байчорова по выявлению, дешифровке и историко-лингвистическому анализу древнеболгарских надписей основательно доказывают генетическое родство и преемственность карачаево-балкарского языка с древнеболгарским. Кроме всего этого, балкарцы сохранили как самоназвание имя древних болгар (болкар) – *балкар*.

Антропология. Видный антрополог академик В. П. Алексеев признавал, что древние болгары отличались теми же особенностями, которые выражены и в современных типах балкаро-карачаевцев. Чрезвычайную близость антропологических типов современных болгар и балкарцев подкрепляют и исследования болгарских антропологов, например, Ц. Кристанова, который в 30-х гг. проживал в Кабардино-Балкарии. Он и в годы войны занимался антропологией тюркских народов Средней Азии. Он обследовал более 2 тыс. балкарцев и карачаевцев – мужчин, женщин, детей и стариков – и установил их безусловную близость к дунайским болгарам.

Археология. Среди археологического материала типично болгарскими принято считать глиняные котлы с внутренними ушками (ручками). Впервые на это обратил внимание В. А. Кузнецов, его поддержали многие другие археологи. В последнее время все большее звучание и признание получает мнение, что так называемые наскальные гробницы, или склепы, принадлежали болгарам (В. Б. Ковалевская и др.). Распространение древнетюркских рунических надписей говорит о массовом расселении тюрков-болгар в верховьях рек Уруп, Кяфар, Узун-кол, на городищах Гиляч, Адиух и др. Обнаружена масса глиняных котлов с внутренними ушками и их фрагментов на поселениях у сел. Лашкута, Нижний Чегем, Индыш, Аргудан, на горе Муртаз у сел. Аргудан и т. д. Во всех этих памятниках и прилегающих к ним могильниках обнаружены типично болгарские погребения в земляных (грунтовых) ямах в деревянных колодах, или составных гробовищах.

Этнотопонимы в процессе изучения этногенеза играют огромную роль. Известно, что самоназваниями-этнонимами являлись многие термины: «люди», «человек», «настоящие люди», противопоставляя понятия «мы» и «они». Для древнетюркских племен этими самоназваниями стали понятия *киши*, *эр* – «мужчина, человек, люди». В зависимости от географического места обитания к этим понятиям прибавлялись слова: «горы», «реки» и т. п., например: *Алтай-киши*, *Чу-киши*, *Ас-киши* и др. Анализируя значение этнонимов, всегда надо иметь в виду тот факт, что терминами «человек», «настоящие люди» никто не называл бы людей иноплеменни-

ков, противопоставляя их своим сородичам, не оставив эти термины для своего племени.

Для изменения самоназвания не обязательно, чтобы изменился сам этнический объект – народ или племя, он может измениться в результате изменения окружающих племен или народов. В связи с этим важным замечанием выдающихся этнографов весьма примечательно, что все соседние народы за балкарцами сохранили их древнейшие этнонимы: *Асы, Аланы, Болкар, Сабир, Азухо, Ассон, Басиани* и т. п. Столь же огромную роль в изучении этногенеза балкарского народа имеют топо-гидронимы, в которых сохраниены древнейшие имена древнетюркских племен. Достаточно назвать такие топонимы, как *Башил (Басил), Басмалы-кол, Ас-кала, Алан-дорбун, Гунн-тала, Хазар-кала, Чамас, Быллым, Гюдюргю, Биттургу* и многие другие, в которых очевидны имена *асов, аланов, хазар, болгар, базилов*, предков болгар – *кутургуров* и *утигуров*.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что древние болгары являлись одним из существенных компонентов в процессе этногенеза балкарцев.

§ 4. Традиционная культура, идеологические воззрения и фольклор об этногенезе балкарцев

Этнографический материал является бесценным источником для изучения сложного этногенетического процесса в истории любого народа. В этом материале наиболее отчетливо отражается участие различных племен. На фоне этого материала более красочно звучат данные других смежных наук: истории, языка, археологии, антропологии.

Особого внимания заслуживают такие элементы традиционной культуры, которые не встречаются у соседних народов. Прежде всего начнем с **материальной культуры** балкарского народа.

Балкарцы и карачаевцы называют свои поселения термином *эль* и *журт*, которые бытуют у многих тюркских народов в форме *иль, аль, аил, аул, юрт* и т. п. Большую научную информацию содержат балкаро-карачаевские жилища и усадьбы. Прежде всего бросаются в глаза так называемые *крытые дворы*, в которых все хозяйственные и жилые постройки были объединены общей кровлей. Эта особенность отличает культуру балкаро-карачаевцев от культуры соседних народов и одновременно сближает с народами Поволжья, Алтая и др. К таким же особенностям относятся жилища-срубы, которые возводили в Карачае и Балкарии. Восточнее Баксанского и Чегемского ущелий подобные постройки неизвестны. Поиски аналогий срубным постройкам балкаро-карачаевцев уводят нас в глубь истории Центрального Кавказа, где они встречались в конце II тыс. до н. э. и в эпоху гуннов.

Интересные этногенетические наблюдения можно сделать при анализе балкаро-карачаевской одежды.

Верхняя плечевая одежда их изготовлялась из шерсти, кожи, меха, шкур, которые широко использовались и у многих других скотоводческих народов.

Как и у многих тюркских народов – болгар, чувашей, татар, башкир, казахов, киргизов и других, излюбленным украшением верхней плечевой одежды балкарцев являлась меховая оторочка по вороту, подолу, рукавам наподобие рубашки и кафтана XIV в. из могильника Байрым в Верхнем Чегеме.

Большую популярность у тюркских народов издревле, еще с эпохи ямной культуры IV тыс. до н. э., имел войлок – *кийиз*, из которого изготовлялись разукрашенные и аппликативные ковры, головные уборы, плащ-накидки и пр. Одним из интересных головных уборов народов Кавказа является *башлыкъ*, название которого с тюркского означает «наголовник». По мнению В. Ф. Миллера, он напоминает древнюю форму одежды сарматских племен, описанную Плинием. Здесь уместно отметить, что в 1896 г. участник экспедиции В. М. Сысоева по Карачаю А. Н. Дьячков-Тарасов на берегу реки Теберды обнаружил каменную статую половецкого типа. На плечи истукана было накинуто что-то вроде капюшона – башлыка из материи с крестообразными рисунками и каймой, привесками и лапками, перекинутыми вокруг шеи.

Башлык близко напоминает формы головных уборов, покрывающих плечи на скифских изваяниях прикубанского типа, а также на изваяниях в горах Тянь-Шаня и окрестностей Иссык-Куля. Другая разновидность войлочных головных уборов – это шляпы *къал-пакъ* и карачаевский *кийиз-бёрк*, различные формы которых известны и бытуют у чувашей, киргизов, алтайцев, древних болгар и др.

Балкарские женщины носили туникообразную рубаху со стоячим воротом и разрезом на груди. Этот тип рубахи является неотъемлемой частью женской одежды чувашей, башкир, казахов, туркмен, а происхождение этого типа исследователи связывают с древними болгарами. Повседневным элементом одежды балкарской женщины является наплечный платок-плед (*жаулукъ*), широко распространенный под этим же именем у татар, казахов, болгар и других тюркских народов. Многие виды балкаро-карачаевской одежды – *бешмет*, *чешкен*, *гебенек* (плащ-накидка чабанов), *аркъалыкъ* и другие – были широко распространены у многих тюркских народов Алтая, Средней Азии, Поволжья, Казахстана, Кавказа. Бытующие у многих тюрков островерхие конической формы головные уборы в раннем Средневековье были характерны для тюрков Западного каганата VIII–IX вв. Позднее они стали неотъемлемой деталью одежды башкир, ногайцев, татар и др.

Хорошо известно, что черкеска кавказских народов украшалась небольшими кармашками по обеим сторонам груди. В мелкие отделения этих кармашков вставлялись так называемые теперь *газыри* – небольшие деревянные, костяные или серебряные трубочки, куда раньше закладывались готовые заряды. С появлением пятизарядной винтовки они превратились в простые украшения, но за ними сохранилось тюркское древнее название *хазыр* – «готовый».

Одним из основных промыслов балкаро-карачаевцев было домашнее ткачество. Домашние сукна пользовались большим спросом на кавказских рынках в Грузии. По словам Н. П. Тульчинского, балкарскую женщину невозможно было увидеть без веретена, с которым она не расставалась ни при беседах с соседками, ни даже по пути в соседний аул. «Встретить женщину без этих атрибутов – значит или она больна, или очень бедна», – писал Тульчинский. Эта характеристика балкарской женщины буквально повторяет слова Приска о гуннских женщинах, «которые никогда не покидают своего веретена».

Не менее важный материал для освещения проблемы этногенеза балкарцев можно почерпнуть из состава блюд традиционной кухни. Поскольку основным занятием балкарцев было скотоводство, то мясомолочная пища занимала ведущее место. Повседневной молочной пищей балкарцев, алтайцев, туркмен, казахов, узбеков, ногайцев, хакасов, башкир, кумыков и других народов являются различные виды кислого, заквашенного молока – *айрана*, сыров и *кумыса*. По словам скифского мудреца Анахарсиса, повседневной пищей скифов также были сыры, айран и кумыс. Кумыс широко бытовал и у гуннов в I в. Популярную разновидность айрана – *жуурт-айран* упоминает в 1256 г. Гильом Рубрук.

Как известно, Аммиан Марцеллин, автор IV в., описывая быт и культуру гуннов, говорит, что они «мясо кладут под бедра на седле и парят его», и питаются этим мясом. Безусловно, автор таких слов не мог понять, что это было вяленое на солнце мясо, притороченное к седлу кочевника вместе с бурдюком с айраном, кумысом, сыром и другими продуктами. Ныне такое мясо употребляют многие народы Северного Кавказа.

Отличительной особенностью мясных блюд балкарцев является *жёрме* – тип свежей колбасы из внутреннего жира, завернутого в кусочек рубца. Из различных видов шашлыков (*шиш* – «вертел», отсюда и название *шишлик* – «навертельник») особо следует отметить *тёш*. При обрядовом разделе туши овцы или барана дядя по матери вырезал из грудной части туши кусочек мяса вместе со шкурой, жарил его и преподносил тому, в честь кого совершено данное жертвоприношение. Изысканным деликатесом среди мясных блюд балкарцев является шашлык из свежей печени, жаренной в собственном внутреннем жиру животного – *жалбауур*.

Тёш, *жалбауур*, *жёрме* хорошо известны и характерны для мясной пищи многих тюрков. У алтайцев жёрме звучит *дьоргем*, происходящее от тюркского слова *жёрме*, *чёрге* – «обматывать», «заворачивать» и др. Большой популярностью у тюрков пользуется колбаса из свежих внутренностей – печени, почек, легких молодого жеребенка – *къазы*. Подобная колбаса из печени называлась *сохта*.

Все перечисленные мясные блюда до сих пор широко бытуют у тюркских народов Алтая, Казахстана, Средней Азии, Поволжья, Кавказа.

Этнической особенностью балкарской кухни являются изделия из ячменной муки. Ячменные хлебы, которые балкарцы пекли в золе, отмечал еще французский путешественник Абри де ла Мотрэ (1711). Его сведения

принципиально важны для нашей темы. Он писал, что, следуя по очень крутым горам, они добрались до деревни, жители которой живут в срубленных домах из больших бревен, понимают язык ногайцев, татар, турок, пьют и почитают бузу и айран, кушают конину, пекут лепешки в золе, именуются горскими черкесами.

Большую этногенетическую информацию можно получить из слов Плиния (I в.), который писал, что некоторые сарматские племена питаются «сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко...». Автор, конечно, не мог знать, что широко было распространено у тюркских племен поджаривание зерен и изготовление из них так называемой муки – *кзууут*, готовой к употреблению с айраном, кумысом, маслом, сливками и т. д. Столь же важны слова Плиния о том, что некоторые кочевые племена питаются «белой кашницей из ячной муки». Этой белой кашницей могла быть каша, или мамалыга, – *как*, широко бытовавшая в балкаро-карачаевской кухне.

Исследования показывают, что, вобрав в себя основные комплексы материальной культуры кочевников Евразийских степей, предки балкарцев, попав в условия горного Кавказа еще в IV тыс. до н. э., вовсе не утратили специфических особенностей своей традиционной культуры, а, наоборот, в новых условиях развивали их, приспосабливаясь к этим условиям и окружающей среде. Таким образом, они создали специфическую и самобытную этническую культуру, вобравшую в себя наследие скифов, сарматов, гуннов, болгар, аланов и др.

Теперь рассмотрим **данные духовной культуры**.

Идеологические воззрения народа всегда содержат определенную долю исторической информации об этногенетическом процессе. Передаваясь из поколения в поколение, мировоззрение людей дополняется новыми элементами, напластованиями, продиктованными различными историческими эпохами и событиями. Но тщательный анализ материала всегда позволяет отыскать первоначальное ядро обряда, обычая, поверья, будь то изначально мифического или исторического происхождения.

В предлагаемой работе не рассматривается весь комплекс духовной культуры балкарцев, а используются только те элементы, которые не встречаются у соседних народов, но одновременно находят глубокие параллели, связи, скрещения с идеологическими воззрениями древнетюркских племен и современных тюркских народов. С этих позиций большой интерес представляет верховное божество балкарцев – *Уллу Тейри* («Великий Тейри»), который не фиксируется в мировоззрениях соседних кавказских народов. По представлениям карачаево-балкарцев, Тейри – это владыка и повелитель богов, он руководит всем ходом жизни, дает счастье, посылает беды, обеспечивает богатый урожай, хороший приплод скота и т. п. От имени Великого Тейри, олицетворяющего собой дух неба и солнца, происходит балкаро-карачаевское название небесной радуги: *Тейри Къылыч*, т. е. «Меч Тейри» – всекарающий и всему благоденствующий, всеоберегающий.

Исторический анализ роли и места Тейри в балкарском мировоззрении уводит в далекий древнетюркский мир, где он, как дух неба и культ солнца, описывается в китайских источниках. Под «Духом неба» китайские авторы понимали *Кок-Тенгри* («Голубое небо»), зафиксированный в Орхоно-Енисейских древнетюркских надписях VIII в. «Вначале было наверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человечества», – повествуют древние сказания. Описывая жизнь и быт тюрков-сабиров VI–VII вв., обитавших на Северном Кавказе, Моисей Каганкатваци неоднократно подчеркивал, что среди множества божеств Тенгри наиболее почитаемым был Тенгри-хан – чудовищный громадный герой, бог неба и света. Ему посвящали деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровью которых поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья. Согласно сообщениям средневековых авторов, недалеко от столицы гуннов в Северном Дагестане – Варачане – стоял огромный дуб, представляющий материализацию идеи Тенгри. «Князь и дворяне, – пишет Моисей, – почитали его спасителем богов, жизнеподателем и дарователем всех благ». Помимо главной рощи, находящейся вблизи Варачана, в стране гуннов были и другие рощи и святилища, посвященные этому божеству. К этому дереву и в рощи собирались по средам, развешивали на деревьях разные плоды, поклонялись им и приносили им различные жертвы.

В связи с преклонением древних гуннов-сабиров перед Тенгри/Тейри в образе дерева небезынтересно отметить дерево *Раубазы*, которое росло в Верхней Балкарии у аула Шаурдат. Этой дикой груше поклонялись, ей приносили жертвы, «угощали» ее пирогами, просили ее, чтобы она бездетным дала детей, пастухам и чабанам – хороший приплод скота, земледельцу – богатый урожай и т. п. Даже в 50-х гг. XX в. автору этих строк не раз приходилось видеть щепочки Раубазы, бережно хранящиеся в сундуках балкарцев-старожилов в далеких от родных мест аулах Средней Азии. Такой же реликвией и божеством считалась одинокая сосна у аула Хурзук в Карачае *Джангыз терек*. Это была «довольно большая корявая сосна, – пишет В. М. Сысоев в конце XIX в., – одиноко стоявшая среди голой равнины между Хурзуком и Учкуланом по правую сторону реки Хурзук...».

Кроме этих деревьев, почитавшихся всем народом, были еще и отдельные родовые деревья, почитавшиеся отдельными патронимиями. Так, например, в Карачае фамилия Чотчаевых почитала одно дерево, с которым связана интереснейшая этнографическая подробность. Родоначальник их женился на кабардинке и привез ее домой. По пути домой, во время отдыха под этим священным для Чотчаевых деревом, они стали есть мясо. При этом хозяин взял себе лопатку, которая по обычаю полагалась старшему. За эту оплошность старший свиты сделал ему замечание. И в самом деле, в эпическом сказании тюркских народов «Огуз-наме» сказано, что лопатка жертвенного животного (овцы или барана) полагалась самому почетному из присутствующих на тризне. Правая лопатка предназначалась самому почетному, левая немного уступала по рангу. Выдающиеся культурологи XIX в. Э. Тейлор, Дж. Леббок и другие однозначно приписывали зарожде-

ние этого обычая древним тюркским народам. А в археологических памятниках Балкарии известны отлитые в бронзе бараньи лопатки XII в. до н. э., которые использовались гадалками, предсказателями, шаманами и т. п.

Молодой жених исправил свою ошибку и подал лопатку самому старшему, тот съел мясо, а лопатку повесил на верх дерева. Жена молодого человека родила ему впоследствии шестерых сыновей. Этот случай послужил поводом тому, что щепки того дерева свято хранились в каждой семье фамилии Чотчаевых.

У многих тюркских народов считается, что определенные деревья делают плодovitыми и женщин, и скот. Так, например, у киргизов бесплодные женщины катаются по земле под одинокой яблоней, некоторые волжские племена, как и древние гунны, приносят деревьям жертвы, а шкуры жертвенных животных развешивают на ветвях. В канун Рождества многие югославские и болгарские крестьяне замахиваются топором на бесплодное фруктовое дерево, а стоящий рядом человек вступает за это дерево со словами: «Не срубай его! Оно скоро будет плодоносить!». Трижды заносился топор и трижды отводился. После этого считалось, что дерево на следующий год обязательно должно плодоносить. Веру в чудодейственную силу дерева отмечал в 765 г. у дунайских болгар средневековый автор Феофан.

Как отмечалось, балкарцы и карачаевцы имя Тейри приписывали небесной радуге – *Тейри кылыч*, т. е. «Меч Тейри». Этот момент удивительно перекликается с легендой древних гуннов, переданной в 449 г. послом Рима в ставку Аттилы. Согласно этой легенде, некий пастух-гунн долго не мог понять причину ранения ноги у одной из своих телок. Выслеживая ее по кровавым следам, он натолкнулся на великолепный, сверкающий на солнце меч и принес его своему повелителю Аттиле. Тот принял «небесный дар» для покорения мира и стал его владыкой. Римские авторы называли этот меч мечом Марса, а гунны стали называть *Тейри кылыч*, с которым балкарцы и карачаевцы отождествляли небесную радугу.

Древнетюркское божество Тенгри/Тейри Дж. Фрезер отождествлял с величайшим из греческих богов – Зевсом. Тому и другому посвящались отдельные деревья, рощи, оба были богами неба, грома, дождя и т. д.

Пораженные молнией места, а также и люди, очень почитались у тюркских народов. На этих местах устанавливались знаки, здесь приносили жертвы и пр. Ибн Фодлан писал в 922 г. о болгарях: «Если ударит молния, они не приближаются к нему (к пораженному) и оставляют все как есть на месте. Болгары, гагаузы, чувашаи, алтайцы, кумыки и другие тюркские народы совершают различные магические обряды при первой в году молнии. Как и балкаро-карачаевцы, многие тюркские народы зажигают при этом большие костры, прыгают через огонь, устраивают игры и пр.

В 80-х гг. XIX в. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский отмечали в сел. Верхний Чегем святилище, где собирались люди петь магическую песню «*Чопна*», которую обычно воспевали вокруг человека, пораженного молнией. В Карачае подобные святилища назывались *Чоппаны-ташы* («Камень

Чоппа»). Вокруг них кружились, пели песни, приносили жертвы, резали козлят, именуемых «Козленком Чоппа».

Среди ведущих языческих амулетов тюрков-кочевников VIII–IX вв. являются амулеты, связанные с культом Тенгри, – это круг с четырьмя прямыми лучами, «представляющий собой один из вариантов очень распространенной в древности символической фигуры огня-солнца-креста в круге» (С. А. Плетнева). Этот древний символ огня-солнца является одним из любимых мотивов в балкаро-карачаевском народном орнаменте на войлочных коврах – *кийизах*, тульях головных уборов – папахах, войлочных шляпах, на башлыках и погребальных платьях Средневековья. Большое количество отмеченных образцов амулетов можно видеть в археологическом материале из памятников Балкарии и Карачая. Характерен круг с перекрещивающимися четырьмя лучами в сюжете наскальных изображений XVI–XVII вв. в верховьях реки Тызыл в Баксанском ущелье. С магическим изображением подобного амулета у балкарцев связана одна из древнейших клятв, отмеченная М. М. Ковалевским в 80-х гг. XIX в. в Верхнем Чегеме: «Начертят круг острием палки на земле, затем в нем крест-накрест две линии, становятся в центр круга и произносят присягу. Это называется у них Къач». Это же изображение наносилось на двери, стены, опорные столбы домов в знак особого благодарения Тейри.

Культ диких животных и культ камня у балкарцев символически сочетался в так называемом *Абсаты-таш* («Камень Абсаты»), представлявшем собой монолитную стелу высотой около 4 м. Она была найдена в 1959 г. в дремучем лесу в Чегемском ущелье. Стела изображала какое-то дикое животное, верхняя часть ее сейчас сохранилась и стоит во дворе Национального краеведческого музея города Нальчика. Поскольку Абсаты – это балкаро-карачаевское божество охоты, покровитель диких животных, постольку представляет и большой интерес место его обнаружения – дремучий лес. Перед отправкой на охоту этому камню поклонялись, просили у него удачи, оставляли в залог одну из своих стрел, а на обратном пути приносили ему определенную долю дичи.

Культ камня отражен и в названиях многих ритуальных камней: *Налат-таш* («Камень позора»), *Къарын-дашла-таш* («Камень братьев»), *Къарачайны къадау ташы* («Замковый камень Карачая») и т. д.

Широко был распространен у балкарцев и культ коня. Черепа лошадей очень часто можно видеть на изгородях пастушеских стоянок, на заборах крестьянских подворий. Они служили оберегами. В 1965 г. нам неоднократно приходилось видеть высохшие черепа лошадей, прикрепленные к центральному опорным столбам старинных карачаево-балкарских домов. Поскольку центральный столб олицетворял незыблемость и нерушимость семьи и рода, то подвешивание черепа лошади на этих именно столбах приобретает особый символический смысл. У балкарцев бытует поверье, что нельзя бить коня по голове, что голова коня – это солнце и т. п.

У балкарцев в прошлом бытовал и культ быка. Так, например, в нартском эпосе говорится о том, что однажды герой Карашауай встретил пас-

туха, стерегущего всеми любимого огромного быка размерами в «64 обхвата». Ежегодно нарты устраивали около этого быка различные ритуальные игрища, жертвоприношения, ристалища и пр. В связи с этим культом необходимо привести одну интересную этнографическую подробность. У крымских болгар в сел. Карачоле, название которого удивительно совпадает с этнонимом карачаевцев, приведенным в 1654 г. А. Ламберти в форме «Карачиоле», жили греко-болгары, которые «сохранили болгарский язык, костюм и быт», – пишет этнограф Фонберг. Здесь 21 мая, в день древнего земледельческого праздника, торжественно приносили в часовню иконы святых Константина и Елены, а затем обратно уносили к роднику, где эти иконы постоянно стояли. На рассвете этого дня к источнику собирались жители из Карачоле и других селений и пригоняли пожертвованный скот. Самой главной и почетной жертвой был бык с «золочеными рогами». К этому быку выходил почтенный старец из часовни и, шепча на ухо быка заклинание, закалывал его, горячей кровью мазал себе лоб и щеки. Затем мясо быка варили, угощались, танцевали, устраивали хороводы и игры.

Удивительно идентичный обряд бытовал в прошлом у балкарцев. По сведениям М. М. Ковалевского и В. Ф. Миллера, в Верхнем Чегеме, на правом берегу речки Жылгы-суу (Джилги-су), стоял каменный домик – Нартжия. «При этом домике держали быка на общественных началах и обильно кормили его всем аулом до дня весеннего праздника – начала полевых работ. В этот день выводили этого быка и гадали об урожае: если он мычит, опустив голову, значит, урожай ожидается на нижних полях, а если мычит, подняв голову, то хороший урожай будет на верхних полях. Затем быка резали и устраивали жертвенный пир. Каждая семья к этому дню печет пироги-хичины и несет к указанному домику».

В описании путешествия по Балкарии М. М. Ковалевский рассказывает об одном интересном случае. В сел. Былым во время раскопок средневековых склепов «балкарцы, копавшие склепы, неожиданно увидели пробежавшего зайца, и, побросав лопаты, бросились ловить его. Поймали, погладили и отпустили». Выдающийся знаток законов и обычаев кавказских народов не нашел ничего подобного у соседних народов и сравнил эту игру с известным сюжетом из геродотовского рассказа о скифо-персидской войне. На глазах у огромной армии Дария скифы перед сражением увлеклись поимкой пробежавшего мимо них зайца. Дарий, собрав своих предсказателей, предводителей армии, спросил, что бы это могло означать? Те ответили ему, что скифы, видимо, совершенно их не боятся и не придают особого значения предстоящей битве. Тогда Дарий ночью тихо собрал свою армию и отступил без боя.

Скифо-балкарский эпизод игры напоминает сюжет из нартского эпоса о герое Рачикау, в котором говорится, как из-под копыт скачущего коня выскакивают зайцы. Такая деталь в сказаниях соседних героев не встречается, но зато в скифских археологических памятниках очень часты находки с изображениями зайцев вокруг скачущих всадников.

Общим для многих тюркских племен и народов являются поверья в различные магические существа: Суу анасы («Мать воды»), Жер иеси

(«Хозяин места, земли»), поверья в оборотней Алмасты. В представлениях балкарцев эти существа владеют водой, землей, охраняют отдельные участки и т. п. Оборотни-обуры и ведьмы всячески вредят людям, превращаются в различных животных, чтобы заманить людей в западню и т. д. Оборотни-ведьмы напоминают легенду о происхождении гуннов от неких оборотней-обуров, которую сами гунны рассказывали Приску.

Таков в основном научный потенциал духовной культуры при анализе процесса этногенеза балкаро-карачаевцев.

Некоторые фольклорные сюжеты об этногенезе балкарцев.

В истории этногенеза любого народа большую роль играет фольклор. Воспоминания народа не бывают случайными, беспричинными. В народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые коснулись всего народа, в которых весь народ принял участие, и через это участие впервые почувствовал себя единым целым. В истории младописьменных народов эта народная память приобретает первостепенное значение, т. к. нет письменных свидетельств о процессе их этногенеза.

Исследователи эпических сказаний единодушны в том, что сходство эпоса тюркских народов объясняется тем, что степные скотоводческие племена Евразийских степей общались между собой в течение многих веков, сходство было связано с созданием и распадом целого ряда племенных объединений и конгломератов.

При сравнении фольклорного материала с данными истории и других научных дисциплин отслаиваются различные напластования позднейших эпох на первоначальное ядро или сюжет фольклорного произведения. После «очистки» от подобного рода наслоений всегда есть возможность обнажить истоки или ранние сюжеты фольклора, которые могут стать в руках исследователей важным источником в раскрытии интересных вопросов этнической истории народа.

В эпической памяти балкарского народа сохранилось содержательное предание о том, как был заселен их край и образовалась *Малкъар эл*, т. е. «Балкарское общество». Суть предания сводится к следующему: «Когда-то в незапамятные времена в ущелье Балкарии пробрался один охотник по имени Малкъар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя *таулу* (горцы)... Малкъару эта местность понравилась, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не особенно понравилось, поэтому Малкъар поселился на другой поляне, и оба рода жили спокойно, размножаясь... Однажды сюда же является неизвестный человек по имени Мисака и останавливается в гостях у Малкъаровых, которых к тому времени было 9 братьев и единственная сестра – красавица и умница... Мисака, поправ гостеприимство братьев, злодейски их убивает и овладевает их богатством и сестрой... Затем он привел туда своих людей и начал притеснять мирных тружеников-таулу, которые в конце концов превратились в его подвластных. Потомки Мисака теперь носят имя Мисака (или фамилию Мисаковы)... Через некоторое время в эти ме-

ста являются два брата – Басиат и Бадинат. От Басиата пошли балкарские таубии (т. е. горские князья), а от Бадината – дигорские феодалы...»

Несомненно, память народа охватывает определенные события из жизни и на протяжении многих эпох дополняет их сюжетами последующих времен. Многие имена могут перемещаться вместе с событиями, а вполне возможно, что одно и то же событие может быть приписано нескольким персонажам. Таким образом, первоначальное зерно может оказаться скрытым под многовековым фольклорным напластованием.

Но в данном случае важно, что вновь образовавшееся общество стало называться *Балкар*, или *Малкър*, по имени человека, впервые проникшего на место обитания местных горцев.

Такова основа предания, на которую позднее отложился сюжет о пришельце и порабителе – *Мисаке*, прежде жившем где-то на «Кумыкской равнине в Дагестане». Завершается предание сюжетом о двух родных братьях – родоначальниках балкарских и дигорских князей.

Сюжет о том, что некий охотник, будучи на охоте, в погоне за дичью, особенно за оленем, открывает ранее неизвестные земли, очень распространен в балкаро-карачаевском фольклоре. Так, например, карачаевский герой Боташ, преследуя оленя, открыл для себя новые земли в долине Кубани и Теберды, а нартский герой Ёрюзмек однажды, преследуя белого оленя, открыл неведомый ранее замок – Белую крепость.

Проанализировав фольклорное наследие балкарцев, исследователь не может не обратить внимания на следующие факты.

1. Предания об охотнике Малкър, Боташ, нартовском герое Ёрюзмеке, открывших для себя новые земли, замки, крепости в погоне за оленями, удивительно созвучны с легендой гуннов о том, что дорогу через Азовское море в Европу они открыли, преследуя на охоте оленей.

2. В имени *Малкар* сохранился этноним балкарцев, а в имени *Мисаки*, жившего на Дагестанской равнине, отражено имя гуннов – *масаха*.

3. В упоминавшейся Белой крепости, к которой привела Ёрюзмек белая лань, скрыто название хазарской «Белой крепости» – *Сары къала* (Саркел).

4. Имя *Басиат* связано с этнонимом хазарского племени *баса*.

Одна из древнетюркских легенд повествует о том, что когда-то род тюрков был полностью истреблен, остался лишь один мальчик, которого враги, отрубив руки и ноги, выбросили в реку. Его выловила одинокая волчица и в пещерах Алтая родила от него 10 сыновей. По истечении времени род волчицы – *Ашин/Асян* – разросся и сошел с гор на плоскость.

Китайские источники говорят, что «пещера» эта находится в центре Алтайских гор: «В горах есть пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травой на несколько сот ли окружностью. Со всех сторон пещеры лежат горы». Весьма интересно, что типичная горная котловина или долина в фольклорном преобразовании названа «пещерой», из которой распространился древнетюркский род.

Память о единственном, оставшемся в живых тюркском мальчике сохранилась в балкарской поговорке. Когда они хотят подчеркнуть глубоко-

кую древность, глубь веков и прочее, то именуют это понятие *Къалыу бала*, *Къалыуу баладан бери*, что буквально означает: «Оставшийся ребенок», «Со времен оставшегося ребенка» и пр.

По второму варианту легенды, тюрки произошли от рода *Со* и той же волчицы. Из их потомков сохранилось только четыре внука. Первый превратился в Лебедя (*Ку*) и поселился на реке *Ку* (река Лебедь). Второй, под именем *Цигу*, поселился между реками *Абу* (Абакан) и *Гянь* (Енисей), а третий и четвертый поселились на реке *Чу* на Южном Алтае. Исследователи отождествляют потомков первого внука с лебединцами – *Ку-киши* (Лебединцы. – *И. М.*), сохранившими в своем имени тотемную птицу – Лебедь. Второго внука ученые связывают с киргизами, живущими между реками Абакан и Енисей (река Гянь-кам). Потомки третьего внука связываются с самой волчицей и именуются *Асян-шу*. Род *Со* известный ученый-тюрколог Н. А. Аристов связал с подразделением *Со* среди североалтайского племени кумандинцев, занимавших реку Бий.

Эта легенда интересна тем, что один из родов тюрков ведет свое происхождение от легендарного Лебедя (*Ку*). Не потому ли среди древнетюркских амулетов так много изображений птичьих головок, расположенных по кругу, изображений птиц на керамике в виде ручек, крышек и т. п. У ряда тюркских народов – чувашей, татар и других – гусь, лебедь, обозначаемые одним термином, являются жертвенными святыми птицами при различных ритуальных торжествах. Очень часты в археологических находках амулеты с так называемыми «соколиными головками», встречающиеся еще в скифское время. Не отсюда ли берет начало вдохновляющий клич кочевников при набегах: «*Ку! Ку!*»?

Китайские источники говорят, что все представители рода *Со* погибли из-за своей глупости, остались в живых только упомянутые четверо внуков волчицы. Но в чем проявилась та глупость, авторы не рассказывают. Эта легенда удивительно напоминает, а в отдельных деталях совпадает с одним из эпизодов балкаро-карачаевского нартского сказания... У нартского кузнеца Дебета было 19 сыновей. Старшего звали *Гу*, следующего – *Цехни*. Дело в том, что здесь повторяются имена двух внуков волчицы – *Ку* и *Цигу*. Цикл сказаний о *Гу* и *Цехни* проливает свет на необъясненную китайскими источниками глупость рода *Со*, из-за которой все погибли. *Гу* был пастухом отцовских овец, а *Цехни* – могучий и ловкий зверолов и охотник, он постоянно подшучивал над *Гу*. Часто говорил ему, что тот не сможет даже уберечь свое стадо от воров, не сможет оказать им сопротивление и т. п. Старший, *Гу*, всегда отвечал младшему брату *Цехни*: «Эй ты, сокол мой зоркий, мой волк быстроногий! Где тут взяться нежданному вору!» Однажды ночью шутник *Цехни* подкрался к отаре *Гу*, а тот, услышав шорох в кустах, пустил туда стрелу и убил кравшего «вора», которым оказался его младший брат *Цехни*. Терзаемый горем «брatоубийца» *Гу* превращается в морскую чайку или лебедя и исчезает в небесах. Не этот ли трагический случай подразумевали китайские авторы под глупостью, погубившей род *Со*?

С четырьмя внуками волчицы древнетюркской легенды возможно сопоставить 4 колена древних болгар: *Купи-булгар*, *Дучи-булгар*, *Огхондор-булгар*, *Чдар-болгар*; 4 рода болгар, отмеченных в «Именнике болгарских князей IX в.»: *Дуло*, *Укуль*, *Ерми*, *Угаин*. Сюда же вписывается предание о происхождении карачаевцев и балкарцев, в которых также фигурируют по четыре героя: *Карча*, *Науруз*, *Адурхай* и *Будуян* в карачаевском и *Малкар*, *Мисака*, *Басиат* и *Бадинат* в балкарском преданиях. Здесь же можно упомянуть четыре группы *Дорт Карача* в Крымском ханстве (т. е. крымские болгары. – И. М.), выступавшие как самостоятельное княжество. Их князь Сулешев в 1615 г. при царе Джанибеке-Гирее заключает договор с русским послом, о чем сказано в шортной грамоте Джанибека.

С загадочными четырьмя внуками волчицы – тотема тюркских народов – есть возможность сравнить наскальные изображения в верховьях реки Тызыл в Баксанском ущелье. Здесь, примерно в 11 км от сел. Кенделен вверх по реке, на левом берегу Тызыла, в небольшой пещерке нарисованы потускневшей красной органической краской четыре длинноногие, фантастические птицы, идущие колонной. Рядом с ними на открытых скалах изображен всадник с луком, какое-то чудовищное, четырехногое змеевидное существо на фоне горного массива. Над всем этим изображен круг с четырьмя перекрещивающимися лучами, т. е. графическое изображение кюльта солнца и упомянутой балкарской клятвы *Къач* (ил. 88).

В июле 1909 г. Н. Б. Талицкому на известном болгарском городище Хумара мальчик-проводник рассказал карачаевскую легенду об огромной четырехногой змее необычайной силы. «Увидев жертву, она берет свой хвост в рот и катится на врага, и бьет хвостом, отпустив его с такой силой, что никакая лошадь не в силах устоять или убежать от нее». Поиски объяснения этой легенды подтолкнули Талицкого к карачаевской легенде об их расселении в верховьях Кубани и Теберды. В 1896 г. 120-летний Джанкезов и другие старожилы рассказывали, что из местности Архыз и Загдан, в поисках новых земель, родоначальник карачаевцев – Карча двинулся в восточные районы Прикубанья. «Под одной из гор, – говорится в сказании, – путники увидели большую змею, которая лежала поперек их пути. Путники испугались и, повернув в сторону, остановились на ночлег. Науруз как опытный охотник предложил убить ее в полдень, когда она будет спать на солнце. В полдень 60 всадников с Наурузом подъехали к ней и увидели, что она спит: хвост ее лежал в реке, а голова и туловище в долине». Охотники убили эту чудовищную змею.

Данная легенда живо напоминает чудовище-змею чувашских легенд – *Юху*, которая 100 лет живет как змея, затем 1000 лет живет в виде дракона-чудовища, а затем превращается в девушку *Юху*, но может приобретать и другие формы. С легендарной змеей-чудовищем Юхой А. П. Смирнов связывает многие змееподобные изображения в болгарском археологическом материале Поволжья.

Карачаевская легенда о чудо-змее отражена в наскальных изображениях в верховьях реки Тызыл, где нарисован всадник, стреляющий из лука в змееподобное существо, а поодаль ломаной линией изображены горы...

...Один из сыновей нартского кузнеца Дебета, Алауган, долгое время оставался неженатым. Однажды он отправился в далекий путь и у берегов Эдила (Волги) видит: сидит чудовищная женщина-эмеген. Закинув свои груди за плечи, она штопала огромной иглой трещину в земле. Алауган незаметно подкрался к ней сзади и прильнул к ее груди. «Ох, как ты быстро стал моим сыном, не то был бы лакомым кусочком к обеду», – огорчилась эмегенша. «Да, я поторопился стать твоим сыном, не то непременно убил бы тебя», – ответил сын Дебета. В итоге она выдает за Алаугана свою дочь, которая как только родит ребенка, тут же его съедает. Так длилось долго. Алауган не мог больше этого вынести и, подложив однажды вместо только что родившегося ребенка маленького щенка, которого эмегенша сразу съела, унес своего сынишку к Минги-тау (Эльбрус). Здесь он устраивает ребенка в трещинах ледника и со словами: «Пусть эти ледники будут тебе колыбелью», – покидает его. Мальчик Карашауай вырос, питаясь вместо материнского молока ледяными сосульками Эльбруса, и превратился в нарта небывалой силы и отваги.

Этот эпизод напоминает такую же героиню с закинутыми за плечи грудями из фольклора чувашей, татар, волжских болгар (А. П. Смирнов).

Как известно, осетины-дигорцы и балкарцы связывают свое происхождение с двумя родными братьями – Басиатом и Бадином. Этим, вероятно, эпическая память народов отражает существующую культурно-историческую близость между дигорцами и балкарцами. Этим объясняются почти полная идентичность патронимических названий, фамилий, общность одного и того же «цокающего» диалекта в их языках и т. п. Дигорские предания говорят о том, что Бадинат (Бадила) женился на карачаевской княжне из рода Крымшаухаловых. От этого брака родились семь сыновей: Туган, Кубат, Карачай, Абисал, Кобан, Чегем, Бетуй, от которых пошли все семь княжеских фамилий Дигории – Тугановы, Чегемовы, Кобановы, Абисаловы, Кубатиевы, Битуевы, Карачаевы. Поэтому ничего удивительного нет в том, что на территории Северной Осетии, особенно Дигории, имеется более 150 тюркских топонимов, в т. ч. зафиксировано и имя родоначальника карачаевцев – *Карчи*, звучащее на цокающем диалекте дигорцев как *Карца*. Для примера можно привести дигорское звучание названий таких селений, как *Чми/Цми*.

Некоторые историки считают возможным предполагать, что в преданиях о приходе братьев, Басиата и Бадината, на Центральный Кавказ получило своеобразное поэтическое осмысление историческое событие – переселение на Кавказ 20 тыс. болгар во главе с двумя родными братьями, о которых повествует хроника Якобитского патриарха Михаила Сирийского (1126–1199). Возможно предположить, что мотив о двух братьях может восходить к преданию, переданному Прокопием, о том, что болгары происходят от двух родных братьев-гуннов: Утурку и Кутургу.

Много ценной исторической информации содержит по рассматриваемому вопросу балкаро-карачаевский нартский эпос. Имя нартского кузне-

ца *Дебета* идентично древнетюркскому этнониму *Дебо*, названию тюркского племени *тобо*, которое в середине V в., покорив гуннов, объединив все разрозненные племена, создало древнетюркскую империю, названную китайскими летописцами *Вэй*. Имя *Дебет* образовано с помощью характерного аффикса множественности *ат*, прибавленного к корню *дебо* или *тобо*.

В балкаро-карачаевском эпосе говорится о жестоком притеснителе народа, кровожадном властителе Къызыл-Фуке, требовавшем от нартов непомерные налоги. Быть может, эпический образ Къызыл-Фука сформировался под впечатлением злодеяний золотоордынского эмира Къызыл-Фука. Известно, что Къызыл-Фук вошел в историю как жестокий вымогатель.

Рассмотренные сюжеты, конечно, не охватывают всего многообразия параллелей между фольклором древнетюркских племен и караево-балкарцев, но они представляют собой характерные примеры творческого отражения и переосмысления в балкаро-карачаевском фольклоре сказаний и легенд древних тюрков: гуннов, болгар, скифов и др. Из всего этого становится очевидным, что фольклорное наследие балкарцев и караевоцев может сыграть огромную роль в освещении сложнейшей проблемы этногенеза названных народов.

Теперь в полный рост встает вопрос: на какую же кавказскую основу легли все рассмотренные выше материалы из древнетюркского и пратюркского мира?

§ 5. Кавказский компонент в этногенезе балкарцев

Когда речь заходит о кавказском субстрате в процессе этногенеза балкарцев, обычно исследователи останавливаются на так называемой кобанской культуре Центрального Кавказа раннего железного века – I тыс. до н. э. Однако этот неверный постулат нуждается в серьезной поправке. Дело в том, что сама кобанская культура зародилась в XVI–XIV вв. до н. э. на южном склоне Кавказа в долине реки Лиахвы на территории Южной Осетии (В. В. Техов). Отсюда она перекинулась на северный склон Кавказа и распространилась именно по горным районам Северной Осетии, Чечни, Ингушетии, Балкарии и Карачая. В степных и равнинных районах Предкавказья эта культура неизвестна.

Таким образом, сама кобанская культура не является автохтонной (коренной) культурой для Центрального Предкавказья, а потому она не может служить изначально кавказским субстратом для формирования культуры пратюрков и древних кавказских тюркских племен и народов, предки которых проникли сюда более чем за 2 тыс. лет до проникновения кобанской культуры.

Истинно местнокавказскими чертами, представленными в одном из самых ранних неолитических памятников Северного Кавказа – Нальчикском могильнике рубежа IV–III тыс. до н. э., являются погребения в ямах, выложенных камнем, с галечной подстилкой и пр. Умершие лежали в скорчен-

ном положении, на правом или левом боку, ориентированы были с юга на запад. Весь этот погребальный обряд бытовал в период разведения кавказскими племенами крупного рогатого скота.

В эту кавказскую среду в IV тыс. до н. э. проникают элементы степной курганной культуры. Умершие лежали в мелких курганах, на спине, с подогнутыми в коленях ногами, ориентированы головой на восток. Могильные ямы были выстланы органической подстилкой (кора, трава, камыш) или войлоком. Вместе с тем на Кавказ проникает новая форма скотоводства – кочевое овцеводство.

Симбиоз кавказской и степной (кочевнической) культур отразился и в антропологическом типе древних обитателей Северного Кавказа.

Исходя из собранного в 1926–1928 гг. В. И. Левиным материала, выдающийся антрополог В. Н. Алексеев пришел к выводу, что балкаро-карачаевцы относятся к так называемому кавкасионскому типу европеоидной расы и в их антропологическом типе нет специфических отклонений в направлении к большой монголоидной расе, что они четко сближаются с остальными горно-кавказскими группами. По мнению антропологов, карачаевцы и балкарцы «являются классическими представителями кавкасионского типа», не имея никаких монголоидных черт. Антропологические измерения К. Х. Беслюкоевой и В. П. Алексеева подтвердили принадлежность могильников XIII–XVIII вв. балкарцам и карачаевцам, имеющим далекие местнокавказские антропологические истоки.

Приведенные антропологические выводы были подтверждены рядом таксономических данных, собранных в 1958 г. экспедицией Института экспериментальной морфологии АН Грузии им. А. Н. Натишвили. Экспедиция изучила группы по 100 человек в сел. Джегута, Усть-Джегута, Сары-тюз, Эль-таркач, Кенделен. Исследователи пришли к выводу, что по основным признакам (таксономически важным для разграничения монголоидной и европеоидной рас) – по монголоидной складке верхнего века (эпикантуса), горизонтальной профилировке лица, пигментации у балкарцев и карачаевцев – «нужно исключить монголоидную примесь и определить их место среди прочих кавказских групп, представителей южной ветви европеоидной расы».

В последние годы археологи внесли существенные дополнения в древнекавказские истоки традиционной культуры балкаро-карачаевцев. Прежде всего отметим раскопки В. Б. Ковалевской на реке Эшкакон в зоне Кисловодского водохранилища. Открытые здесь дома I тыс. до н. э. «увели в глубь веков на два с половиной тысячелетия те культурные традиции, которые прослеживались в жилом строительстве горских народов северных склонов Большого Кавказа», в т. ч. и в культуре балкаро-карачаевцев.

Эту преемственность археологи прослеживают по целому ряду специфических строительных приемов, деталям оформления интерьеров, способу возведения и укрепления стен и перекрытий, по внутренней планировке помещений и хозяйственных построек.

Достаточно большие дома, раскопанные В. Б. Ковалевской на поселении «Уллу багъанала II» и других, достигающие 80–90 м², имеют много об-

щего с балкаро-карачаевскими домами XIX–XX вв. не только по габаритам, но и по ряду строительных приемов, прослеженных известным архитектором Э. Б. Бернштейном.

Исследования архитекторов прекрасно дополняют выводы археологов о том, что строительные традиции балкаро-карачаевцев уходят вглубь на два с половиной тысячелетия до н. э. Балкарцы и карачаевцы умело и верно использовали свойства строительного материала над проемами стен, особенно камня. Так, например, «чтобы перекрыть каменной плитой более значительный, чем обычно, пролет входа в конюшню дома Буллы Забакова в Кюнлюме (Верхняя Балкария), взят неотесанный камень неправильной формы, имеющий размеры 2 x 0,70 x 0,40 м. Но, если обычно такие камни укладывались плашмя, здесь он поставлен на ребро, так что плоскости слоев в нем вертикальны, и тем самым увеличено сопротивление на изгиб». Архитектор далее пишет, что «этот прием, когда-то подмеченный великим архитектором Шуази при исследовании храмов на острове Эгине и в Пестуме, считается им признаком высокого понимания греческими зодчими свойств материала и вполне заслуживает такой же оценки при изучении построек балкарских. <...> По основным конструктивным элементам балкарского народного жилища видно, что по их конструкции, форме и постепенному развитию можно судить о том, как зарождались классические архитектурные формы».

Чтобы проследить, как выглядели деревянные опоры, от которых произошла ордерная система, классики обращаются к изображению архаической деревянной колонны, высеченному на архитравном камне Львиных ворот в Микенах. Показанный на нем столб, несущий перекрытие в виде балки с лежащим на ней рядом жердей, прижатых камнями, является памятником тех деревянных конструкций, которые не сохранились от времени, отдаленного от нас почти тремя тысячами лет. Но вот рассмотрели ряд опор балкарских жилищ, и при этом оказывается, что несущие столбы в доме того же Буллы Забакова, построенном не ранее XVI в., почти полностью повторяют указанное изображение на Львиных воротах. Причем в балкарском доме эту опору мы видим не изображенной по исчезнувшему образцу и открытой археологами путем раскопок, а реально существующей и несущей нагрузку, для поддержания которой она когда-то была установлена. По словам Бернштейна получается, что если «сопоставить кюнлюмскую опору с микенской, опору в доме Мисирби Малкарова в Тура-хабла (Верхняя Балкария) со столь сходной с ней пальмовидной колонной Египта или взглянуть на четырехгранный деревянный центральный столб жилища дома Тамука Кулиева в Булунгу, то кажется, что все они созданы специально для того, чтобы проиллюстрировать и подтвердить слова Альберта о том, что «сначала колонны были деревянными и круглыми, какими даровала их природа, а затем применение их привело к тому, что в некоторых местах стали появляться и четырехугольные» (Л.-Б. Альберт). «Наконец, – продолжает архитектор, – если взять четыре опоры навеса дома Хаджимурата Кулиева в Эль-тюю, каждая из которых

обтесана на 16 граней, имеет утончение ствола сверху, начинающееся с $\frac{1}{3}$ высоты, а вся высота которой составляет 6 диаметров, и сравнить их с двумя колоннами гробницы Хнемхотепа в Бени Хасане, имеющими также 16 каннелюр, то же утончение ствола (энтазис) и то же соотношение диаметра к высоте, – трудно поверить, что последние датируются между 2770 и 2560 гг. до н. э., а первые созданы в горах Северного Кавказа не ранее XVIII в. А ведь именно колонны Бени Хасана считаются самыми ранними прообразами греко-дорического ордера. Форма этих колонн с их карнизом и высеченными в скале подражаниями торцам балок рассматривается как древнейшее свидетельство деревянного происхождения этого ордера. Но в истории мировой архитектуры нет такого памятника деревянного зодчества, который по своим формам так непосредственно примыкал бы к этому древнейшему воплощению в камне предшествующих ему форм деревянной конструкции и в котором бы уже имелись выполненными в дереве все элементы архитектурной обработки, повторенные в камне в гробнице Бени Хасана. Правда, колоннада дома Хаджимурата Кулиева появилась не до гробниц Бени Хасана, а через 3 тыс. лет после них...»

Завершая свой труд, Э. Б. Бернштейн писал: «Знакомство с отдельными элементами балкарской народной архитектуры дает возможность особенно реально представить себе, как происходило зарождение архитектурной и строительной культуры вообще, причем позволяет судить об этом наиболее ясно, поскольку здесь эти зачаточные формы существуют не как археологические останки, а действующие элементы еще действующих построек».

Многовековое совместное обитание в одинаковых физико-географических условиях привело к формированию однообразного хозяйственного уклада горских народов Северного Кавказа. Все это нашло отражение в народной, традиционной культуре горцев: в жилищах, горных аулах, пище, одежде, украшениях, домашней утвари и пр.

В ы в о д ы. Анализ существующей научной информации по вопросу происхождения балкарцев убеждает в том, что отдельные авторы подходили к нему либо с преднамеренной задачей, либо не совсем верно трактовали первоисточники. Однако объективные исследования приводят к солидарности с теми учеными, которые справедливо считают, что традиционная культура народа является важнейшим этническим определителем. Когда данные традиционной культуры, хозяйственного уклада и языка находят общие точки соприкосновения, а они, в свою очередь, подтверждаются историческими сведениями, тогда получаемые исследователями выводы приобретают особую значимость. В этом отношении очень важен тот многозначительный факт, что и в языке самих балкарцев, их соседей совершенно без каких-либо изменений сохраняются и существуют либо как самоназвания балкаро-карачаевцев, либо как их этнические названия в устах соседей, либо как топогидронимы Балкарии и Карачая такие древние этнонимы, как *Ас*, *Алан*, *Болкар*, *Басил*, *Басмалы*, *Кутургу*, *Биттургу*, *Былым*, *Хазар* и др. Правомерность бытования этих

тюркских этнонимов подкрепляется многими специфическими элементами традиционной культуры (срубные дома, плащи-накидки – *гебенек*; молочные продукты – *айран*, *кумыс*; изготовление войлока и войлочных изделий: употребление конины, специфических мясных блюд: *къазы*, *тёш*, *жёрме* и др.), вовсе не характерными изначально для культуры соседних кавказских народов. Такие же отличительные особенности наблюдаются и в духовной культуре балкаро-карачаевцев. Прежде всего это Верховное божество Тейри (Тенгри), не встречающееся у соседей; преклонение и почитание отдельных деревьев; культ быка, коня, зайца; верования в различных оборотней-обуров, хозяев земли, воды и пр.

Поиски аналогий этим элементам идеологических воззрений уводят нас в мир древнетюркских скифских, алано-асских, гунно-болгарских племен.

Проанализированные материалы свидетельствуют, что основное этногенетическое ядро формирования балкарского народа было заложено на Северном Кавказе в период проникновения сюда и оседания здесь древнейших кочевников IV–III тыс. до н. э. Позднее на эту основу накладывались скифские, гунно-болгарские, алано-асские племена, отраженные во множестве античных и римско-латинских литературных произведений. Так, например, древнейшие предки балкаро-карачаевцев – скифы, киммерийцы и другие – вполне однозначно отмечены в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, в работах Гесиода, Геродота, Страбона, Плиния, Помпония Мелы, Птолемея и мн. др.

В различные исторические эпохи, в результате различных событий, многие тюркские племена вступали в непосредственные контакты с кавказскими племенами, а также с ранее сюда проникшими тюркскими соседями.

Таким образом, первый этап формирования балкарцев происходил в эпоху энеолита (новый каменный век) на Северном Кавказе и был связан с процессом смешения кавказских племен со степными носителями древнеямной (курганной) археологической культуры рубежа IV–III тыс. до н. э. На основе такого кавказо-степного симбиоза к середине III тыс. до н. э. на Северном Кавказе формируется на базе степных элементов так называемая майкопская курганная культура. В этот период древнейшие создатели майкопской культуры – древнейшие степные овцеводческие племена – проникают со своим курганным погребальным обрядом в Азербайджан, Грузию, Армению и далее в Переднюю и Малую Азию, где вступают в контакт с древнейшими земледельцами и дают новый толчок формированию древнейшей цивилизации шумеров.

Второй этап этого процесса падает на период синкретизма и симбиоза культуры государства скифов – прямых потомков древнеямников – с абригенами Кавказа и наследниками ямно-кавказского смешения.

Третий этап рассматриваемого процесса относится к периоду смешения потомков ямно-скифо-кавказских племен с раннесредневековыми племенами гунно-болгарского и алано-асского круга, создавшими Великую Болгарскую державу в VII в. и Аланское государство в IX–XIII вв.

Сохранение в устах исторических соседних народов: осетин, адыгов, абхазов, сванов, мегрелов и других – этнонимов *ас*, *алан*, *болгар*, связанных со скифами, болгарами, аланами в современных названиях балкарцев и карачаевцев, является весьма примечательным фактом для определения этнических корней балкарцев и карачаевцев.

Глава II

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАБАРДИНСКОГО НАРОДА

Принято считать, что этническая история адыго-кабардинцев изучена лучше, чем история других народов. Однако данная проблема все еще нуждается в дополнительной аргументации многих положений. К сожалению, догадка Ш. Ногмова о том, что в этнониме *адыге* сохраняется имя древних антов – *анты*, «изменившееся с течением времени» в *адыге* или *адыхе*, не могла получить научного обоснования. Л. Лопатинский пытался связать этноним *адыге* с названием племени *зихи* «через промежуточную форму» *а-дзиге*. Термин *зихи* является одним из древних названий адыгов. Этот этноним встречается еще у Страбона (I в.), но он не смог более или менее правдоподобно указать район обитания этих племен. По его словам, *зихи* (*зиги*) обитали где-то между Черным и Каспийским морями, на побережье Азова, рядом со скифами, савроматами и др.

Незаслуженно забыто объяснение Ш. Ногмова, который справедливо выводил термин *зихи* из адыгского слова *цух* – «человек». Ш. Б. Ногмов писал, что «наши предки сделались известными своим соседям под названием человека: *циг*, *джиг*, *цух*». Тем не менее исследователи до сих пор не предприняли попытки проанализировать слова Ногмова и указанный этноним.

Многие авторы считают предками адыгов племена синдов и меотов, хотя некоторые ученые говорят, что этот тезис уже давно и безнадежно устарел. Опровергнуть или подтвердить генетическую связь адыгов, синдов и меотов весьма сложно. Во-первых, в письменных источниках этноним *меоты* объединяет несколько разноразных племен и носит собирательный характер для обозначения племен, обитающих вокруг Меотиды (Азовского моря). Достаточно вспомнить, что Страбон к числу меотов относил синдов, дандариев, торетов, агров, тарпетов, обидиакенов и мн. др. Во-вторых, еще остается невыясненным, как произошел этноним *меоты* – от имени моря Меотиды или море получило название от имени народа, населявшего берега Азова? Плиний считал, что море получило название от имени народа, а Страбон писал, что название моря происходит от слова *мотоас*, т. е. «мутный» на языке племени ассиаков. Если вспомнить, что ас-

сиаками осетины называют балкарцев, то становится весьма примечательным тот факт, что слово «мутный» на балкарском языке будет звучать *мутхус*, что очень близко страбоновскому термину. В-третьих, участие синдов и меотов в этногенезе кабардинцев некоторые считают устаревшей гипотезой лишь потому, что формант *ты* в осетинском языке означает множественное число. Однако является большой и общепринятой ошибкой считать, что носители этнонима говорили на том же языке, на каком объясняется данный этноним или его частица. В-четвертых, формант *ты, ат* образует множественное число в монгольском и тюркском языках. Поэтому вряд ли можно считать осетино-иранскими такие этнонимы, как *яку + ты, буря + ты, го + ты, тетракси + ты*, или такие топонимы, как *Карпа + ты, Суде + ты, Дуглам, Ойрат, Конграт, Арат* и мн. др. Кроме всего этого, по словам самих же авторов – сторонников теории синдского происхождения адыгов, термин *син* является тюркским и означает «памятник». Но вряд ли отсюда можно делать вывод о тюркоязычности синдов.

Таким образом, проблему о языке синдов и об их отношении к адыгам приходится оставить открытой, а тем более, что есть авторы, утверждающие фракийское происхождение самих синдов.

Адыго-кабардинцам свойствен еще один, до конца не выясненный этноним – *черкес*. Видные тюркологи А. Н. Баскаков, М. И. Артамонов связывают этот тюркский термин со словами *чер/чир* – «войско». Вторая часть термина означает *кес* – «резать». Таким образом, Данный термин может означать «режущее войско». Но более вероятным кажется объяснение второй части слова тюркским *киси* – «человек», как это наблюдается во множестве тюркских этнонимов: *Алтай-киси, Чу-киши, Ас-киси*, обозначающих «алтайский человек, чуйский человек, асский человек» и др. Из этих разъяснений становится очевидным, что термин *черкес* может означать: «войско + человек», равнозначное понятию «воин, военный» и пр. Подобное толкование подтверждается множеством находок оружия: сабли, наконечники стрел, колчаны – в кабардинских погребениях XIV–XVII вв. В памятниках чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев, карачаевцев такого обилия оружия не встречается.

В X в. становится известным еще один этноним адыгов – *косог*, бытовавший среди племен хазарского времени – рубежа VIII–IX вв. По словам авторов X в. Константина Багрянородного и Абу-ль-Хасана Али аль-Масуди, косоги жили «между Кабхом (Кавказом. – И. М.) и Румским (Черным. – И. М.) морем... Над Казахией (Косогией. – И. М.) – Кавказские горы, а за горами земля Алания...». Из этих сведений ясно видно, что косоги жили западнее аланов, граничащих по реке Лабе.

Существует предположение, основанное лишь на созвучии слов *косог* и *кошак (кашки)*. Следуя ему, некоторые авторы отождествляют средневековых косогов с переднеазиатскими кашками II тыс. до н. э.

Однако ведущие археологи давно сомневаются в возможности такого отождествления. Например, Р. М. Мунчаев пишет: «Что это за племена, откуда они сюда проникли, на каком языке говорили, остается неясным. Можно

ли связывать кашков с адыго-абхазами? Для ответа на этот вопрос и подобные ему мы пока не располагаем сколь-нибудь надежными данными».

Если учесть, что термин *косог* появляется в тот период, когда в Южно-Русских степях и на Северном Кавказе господствовали хазарские племена, и что тюркские племена называли себя по количеству входящих в их состав подразделений: *Он-ок*, *Уч-ок* и т. п., то неудивительно появление тюркского названия племен *кос + ок*, т. е. «пара стрел», «объединенные стрелы» и пр. Сам термин происходит от тюркского *кош* – «объединяй, соединяй». Именно объединения многих племен адыгов, бжедухов, жанеевцев, черкесов, кабардинцев, шапсугов и других именовали себя термином *адыги*.

Мы отметили лишь незначительные моменты этнической истории адыго-кабардинцев, а именно происхождение их этнонимов. Но эти слегка затронутые вопросы могут сыграть важную роль при освещении этнической истории названных народов.

Глава III

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЕЛЕНИЯ БАЛКАРЦЕВ И КАБАРДИНЦЕВ НА НЫНЕШНЕЙ ТЕРРИТОРИИ

По сведениям античных и средневековых авторов, предки кабардинского народа входили в круг так называемых синдо-меотских племен Нижнего Прикубанья и Приазовья, имевших тесные культурно-экономические контакты с Причерноморским Боспорским царством.

В различных источниках предки кабардинцев именовались *зихами*, *керкетами*, *косогами*, *черкесами*.

Основные археологические памятники материальной и духовной культуры адыго-кабардинцев в период, предшествовавший событиям XIII–XIV вв., сосредоточены на их этнической территории в Нижнем и Среднем Прикубанье, где они сформировались как самобытные этнические группы адыгов. Такое размещение археологических источников подкрепляется и целым рядом письменных сведений того периода. Так, известный арабский ученый Масуди в X в. писал, что «по соседству с аланами, между горой Кабхом (Центральный Кавказ. – И. М.) и Румским морем (Черное море. – И. М.) находилось племя по имени Кешак» (косоги. – И. М.).

В том же, X в. анонимный персидский источник Худуд-аль-Алем сообщает, что на западе аланы граничат с землей «кесак» на берегу моря Гурз (Черное море. – И. М.). К западу от аланов и Кавказских гор помещает касачов (косогов) и византийский автор X в. Константин Порфирородный.

Подробно описывая монгольское нашествие 1222 г. на Центральный Кавказ и перечисляя местные племена, знаменитый Ибн аль-Асир не на-

зывает среди них кабардинцев или кашков. Не упоминают их здесь и летописцы Тимура в 1395–1396 гг. Наоборот, они сообщают, что великий Тимур после разгрома золотоордынского хана Тохтамыша на реке Терек, близ современного города Майского, останавливается на отдых в Бештау и оттуда снаряжает специальный отряд для покорения черкесов на Кубани.

В некоторых научных кругах распространено предположение И. М. Дьяконова о том, что в центральной и западной частях Северного Кавказа в III тыс. до н. э. обитали племена, либо непосредственно принадлежащие абхазо-адыгской языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгскому. Однако известный специалист по истории и культуре Кавказа эпохи бронзового века Р. М. Мунчаев доказывает, что «предположение Дьяконова чрезвычайно трудно признать. До сих пор мы не имеем ни одного убедительного свидетельства в пользу этого в памятниках III тыс. до н. э. Здесь нет ни одного источника, в котором был бы запечатлен хотя бы один из этих языков. Что это за племена (будто бы говорившие на Северном Кавказе на абхазо-адыгском языке в III тыс. до н. э. – И. М.), откуда они сюда проникали и на каком языке говорили, остается неясным. Можно ли их связывать с кашками, обитавшими в конце III – начале II тыс. до н. э. на северо-востоке Понта? Для ответа на этот и подобные этому вопросы мы пока не располагаем сколь-нибудь надежными данными» (Мунчаев, 1975, с. 411–413).

Из приведенных фактов видно, что некие племена кашков как в III–II тыс. до н. э., так и в эпоху Средневековья обитали где-то на восточных берегах Черного моря.

Очень важные сведения о расселении кабардинцев на территории Центрального Предкавказья дают исследования известных кабардинских археологов Р. Ж. Бетрозова и А. Х. Нагоева. Всесторонне проанализировав материалы из кабардинских курганов, они пишут, что переселение кабардинцев на нынешние территории началось в конце XIV – начале XV в., после погромов местных племен полчищами Тимура. «Максимальное же расселение кабардинцев, по их мнению, приходится на XV – начало XVI века» (Нагоев, 1974, с. 44; Бетрозов, 1980, с. 141–142).

В подтверждение этой даты много исторических и фольклорных данных приводит кабардинский ученый В. Кудашев в своем известном труде «Исторические сведения о кабардинском народе», посвященном 300-летию Дома Романовых и изданном в Киеве в 1913 г.

Древнейшие предки балкарцев неразрывно связаны с древними племенами Кавказа и кочевниками-овцеводами Евразийских степей. Проникновение кочевнической древней курганной культуры, зарожденной в Междуречье рек Волги и Урала в конце IV – начале III тыс. до н. э., на Северный Кавказ и Закавказье свидетельствует о тесных культурных и этнических контактах древних кавказских племен с древнейшими кочевниками. Археологический материал говорит о смешении культуры кавказцев и кочевых племен конца IV – начала III тыс. до н. э. Подобная интеграция культурных течений заложила прасоснову формирования предков балкарского народа.

В эпоху раннего Средневековья (до монгольского нашествия) предками балкарцев были тюркские племена – асы, аланы, болгары, сабиры, – большинство из которых входило в гунно-болгарское объединение. По сведениям древнеармянских источников, еще во II в. до н. э. Кавказские горы назывались «Землей болгар», а по сообщению Прокопия Кесарийского, в V в. Дарьяльским проходом владели гунны. В VII в. в Прикубанье была создана Великая болгарская держава хана Кубрата, охватывавшая районы нынешних Кавминвод. Основным городом был Хумара, расположенный на правом берегу Кубани, близ аула Хумара в Карачаево-Черкесии. Он представлял собой большой город-крепость, обнесенный мощной оборонительной каменной стеной шириной более 5 метров.

В конце VII – начале VIII в. Болгарское государство было разгромлено хазарами и болгары были включены в Хазарский каганат, представляя в нем южные окраины, граничащие с Грузией.

После распада Хазарского каганата, в X – XIII вв., предки балкарцев, объединенные под эгидой аланов, образовали крупное государственное объединение с широкими культурно-экономическими связями со множеством средневековых государств мира.

Археологические и эпиграфические памятники предков балкарцев – аланов и болгар – густой сетью покрывают почти всю территорию Северного Кавказа от верховий Кубани до Терека. Среди них можно отметить аланские городища Нижний и Верхний Архыз на Зеленчуке, Нижний и Верхний Джулат на Тереке, городища и поселения, могильники аланов и болгар у селений Кёнделен, Лашкута, Заюково, Кызбурун, Нижний и Верхний Чегем, Аргудан, Лескен, Кешене-аллы и мн. др. Огромная масса археологических памятников тюркских племен сопровождается таким же количеством тюркских названий местностей – гор, рек, урочищ Северного Кавказа. Достаточно отметить такие балкарязычные топогидронимы, как *Ак-баш*, *Беш-тау*, *Кызбурун*, *Кишпек*, *Эльхот*, *Лачин-кая*, *Терк*, *Кобан*, *Балкъ* (*Малка*), *Черек*, *Чегем*, *Бештамакъ* и др. Последний топоним, как место слияния «Пяти устьев» – т. е. рек Терек, Черек, Чегем, Баксан, Малка, у нынешней ст-цы Екатериноградской, упоминается в трудах европейских авторов XVIII–XIX вв. Сохранение этого топонима чрезвычайно важно, потому что в окрестностях давно уже живут нетюркские народы, а название остается прежним.

В результате событий XIII–XV вв. территория народов Северного Кавказа значительно сократилась.

Картографирование археологических памятников кабардинского народа XIV–XVII вв. показывает, что в этот период своего расселения территория Кабарды доходила по линии предгорий вплоть до берегов Сунжи (*Нагоев*, 1974, карта).

Основные материальные свидетельства о расселении кабардинцев – так называемые Кабардинские курганы – достаточно четко определяют их границы. По исследованиям археологов, самые южные границы проходят по зоне предгорий, примерно по линии современных селений – Каменномост,

Заюково, Лачинкай, Шалушка, Вольный Аул, Псыгансу, Лескен (Нагоев, 1974, карта). Изучение этих памятников приводит исследователей к выводу о том, что «Кабардинские курганы в большом количестве встречаются в равнинной и особенно в предгорной частях Центрального Предкавказья. Они совершенно неизвестны в горах и степях» (Там же, с. 44).

По линии выходов из ущелий, где ограничиваются южные пределы распространения Кабардинских курганов, воздвигали свои крепости и золотоордынские ханы, каждый пятый воин которых должен был охранять выходы из ущелий от аланов, укrywшихся в горах. Именно по этой же линии выходов из ущелий строит свою оборонительную линию и Россия по рекам Черек, Нальчик, Чегем, Баксан, Малка (В. Кудашев; В. Жилиховская).

Определенные сведения о границах Кабарды содержат труды ученых и путешественников XVIII в. Грузинский царевич Вахушти в 1745 г., описывая границы горских народов Кавказа, говорит, что **«Басиани (т. е. Балкария) на севере доходит до выхода реки Терек из ущелий на равнину»** (Вахушти, 1954, с. 150).

В 70-х гг. XVIII в. академик Паллас писал, что ближе к верховьям Баксана находились Атажукины поселения, а в среднем течении той же реки, у подножий гор, располагались Мисостовы владения, главное место пребывания которых было в Кызбуруне (Волкова, 1974, с. 44, 45, 51).

В 1886 г. сын видного кабардинского владельца Конова – Магомет, сопровождая С. Ф. Давидовича из Пятигорска в Верхний Баксан, заявил, что выше аула Атажукиных (Заюково) дорога по Баксанскому ущелью ему незнакома (Исторический вестник. Т. 28. 1887. С. 346). Этот факт перекликается со словами Палласа, что самым высокогорным аулом кабардинцев являются аулы Атажукиных.

В 1869 г. в докладной записке Кавказского военного округа военному министру о разграничении Горских обществ с Большой Кабардой написано, что «земли кабардинские служат продолжением ущелий, занятых Горскими обществами».

Крупнейший знаток документов XVI–XVIII вв. по русско-кавказским отношениям Е. Н. Кушева приходит к заключению, что «кабардинцы занимали равнинные места и предгорья по левым притокам Терека, до входа в горные ущелья (Кушева, 1963, с. 91, 95).

В 1836 г. Хан-Гирей писал, что «от выхода из гор до принятия реки Сунжи Терек течет через земли черкесов». В том же году Бларамберг, составитель топографического, статистического и военного описаний Кавказа, отмечал, что «Кабарда расположена к югу от Георгиевска и Моздока, параллельно, так сказать, этим городам. Ее ширина – от 30 до 80 верст вплоть до Черных гор Кавказа (Лесистый хребет. – И. М.) и протяженность ее до 200 верст от Подкумка до Сунжи» (Адыги, балкарцы и карачаевцы... с. 409). Те же параметры для Кабарды указывает и Хан-Гирей.

Точно те же параметры (ширина от 30 до 80 верст) соблюдены на топографической карте Черкесии 1830 г. (Н. Дубровин). Причем самое узкое место, примерно в 30 верст, приходится на «переход от бассейна Кубани

к бассейну Терека», т. е. к районам Подкумка и Джинал-сырта, а самая широкая полоса, в 80 верст, охватывает линию от Моздока в направлении Баксана и Нальчика. Если перевести на современную карту эти данные, мы получим границы Кабарды XVIII–XIX вв.

На протяжении XIX в. предпринимались попытки отодвинуть земли балкарцев как можно в глубь гор, даже за Скалистый хребет, чуть ли не к подножию снежных вершин. Одним из таких никем из местной, областной и царской администраций не поддержанных проектов разграничения земель Балкарии и Кабарды был проект Л. Кодзокова от 24 октября 1863 г.

Будучи председателем Поземельной комиссии, Кодзоков настаивал определить границы между Кабардой и Балкарией по линии: от впадения рек Камык, Герхожан в Баксан, далее через Холам, до впадения Карасу в Черек и т. д.

Аргументы Кодзокова сводились к следующему:

1. В очерченных им границах якобы находятся «известные памятники и могильники кабардинских аулов».

2. Границы, обозначенные кабардинцами, правдоподобны, потому что «указываемые ими границы могли быть вследствие той силы и того преимущества, которыми они некогда пользовались над горскими обществами».

Балкарцы настаивали на своих границах примерно по линии: где река Псыгансу впадает в Черек, далее от впадения реки Хаюко в Баксан (близ совр. сел. Лашкута) и далее по пастбищам Хаймаша. Свои требования они аргументировали следующим образом:

1. «С водворения русского правительства на Кавказе горские общества не имели с Кабардой определенных границ и горцы не встречали препятствия пользоваться постоянно пастбищами даже ниже поселений кабардинских аулов».

2. «Землями ниже кабардинских поселений до пришествия в край кабардинцев балкарцы владели и пользовались ими в последнее время без платы и границ с Кабардой не имели».

Этот спор не смогли решить и медиаторским, третейским, судом.

Сопоставив утверждения Кодзокова о памятниках и могильниках кабардинцев в горах со всеми вышеизложенными фактами, нетрудно понять, что ни один исследователь древностей Кабарды не может подтвердить голословные заявления автора «проекта».

Аргументы балкарцев подкрепляются всеми вышеприведенными историко-археологическими фактами, которые свидетельствуют о том, что в памяти народа сохранилась историческая обстановка двух-трех столетий, истекших с XV–XVI вв.

Проект Кодзокова не был сколь-нибудь серьезно воспринят тогдашней администрацией всех уровней. Вот как оценивали этот проект тогдашние власти:

1. «Когда медиаторское решение не состоялось, то будто бы когда-то существовавшие границы были определены личным произволом предсе-

дателя комиссии и создались, конечно, в его воображении, потому что в основании этого определения не положено никаких данных».

2. Начальник Терской области Лорис Меликов (покровитель всех действий Кодзокова) писал: «При этом считаю долгом заявить, что во всяком случае границу придется назначить властью административную, потому что требования как кабардинцев, так и горцев до того преувеличены, что к согласию их взаимных претензий не представляется никакой возможности».

Такова была тогдашняя участь необоснованного проекта Л. Кодзокова. Вряд ли в наше время стоит вытаскивать на свет и пытаться вдохнуть жизнь в подобные документы, отвергнутые историей.

Необходимо сказать, что узаконенных, закрепленных в документах каких-либо границ между балкарцами и кабардинцами никогда не было. Оба народа веками мирно и доброжелательно жили в тесных экономических, культурных, кровно-родственных контактах. Именно такой характер жизни мы должны отстаивать и углублять ради общего блага всех народов Кабардино-Балкарской Республики.

Глава IV

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ XIII–XVIII веков

В истории народов Северного Кавказа время XIII–XVII вв. принято называть эпохой позднего Средневековья, а не Новым временем, как в истории классических европейских стран. В пределах отмеченных хронологических рамок в истории кабардинцев и балкарцев прослеживаются процессы становления их самостоятельной экономики и традиционной культуры, развития общественной, социальной структуры, установления политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений с Россией и соседними кавказскими народами и государствами. Особо важно подчеркнуть, что в этот период складываются мощные кровно-родственные, межэтнические связи балкарцев и кабардинцев, которые процветают и в наши дни.

Одним из крупнейших событий, затормозивших поступательное развитие экономики и культуры народов Кабарды и Балкарии, явилось монголо-татарское нашествие, начавшееся для Восточной Европы с предгорий Кавказа. Горцы Северного Кавказа в 1222 г. совместно с аланами и кипчаками (половцами) первыми приняли удар монгольских полчищ. В следующем, 1223 г. все их вероломство испытали на себе войска русских князей на реке Калке. В связи с этими событиями русские летописи сообщают: «И мы слышахом, яко многи страны полониша, ясы, обезы множество

избиша». Те же документы повествуют, что осенью 1238 г. ханы Менгукаан и Кадан приступили между Азаком и Кубанью к систематическому истреблению черкесов, организовывали против них специальные походы. И все же полностью покорить косогов, черкесов, аланов им не удавалось, что подтверждают путешественники XIII в., которые отмечали, что эти племена то платили дань, то не платили. В этом контексте уместно привести слова путешественника середины XIII в. Гильома Рубрука: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине».

Мы уже отмечали, что именно по этим линиям выхода из ущелий строили свои крепости и золотоордынские, и русские войска.

Уничтожительные погромы черкесов и асов устраивал и всемирный завоеватель Тимур в 90-х гг. XIV в. Так же как и в случае с монголами, северокавказские народы сполна испытали силу и мощь тимуровских армий, выступая по необходимости, как подвластные народы, на стороне золотоордынского хана Тохтамыша. По сведениям источников, на берегах Терека 14 апреля 1395 г. в районе крупнейшего средневекового города Нижний Джулат, расположенного у головного сооружения Малокабардинской оросительной системы близ современного города Майского, произошла крупнейшая битва между войсками Тимура и Тохтамыша.

После разгрома Тохтамыша Тимур остановился на отдых у Беш-тау и оттуда организовывал специальные походы против черкесов, которые, по словам летописцев, «сжигали луга, которые находились между Азаком и Кубанью, вследствие чего множество скота победоносного войска погибло на этом пути и оно бедствовало около 7–8 дней от бескормья». В наказание за это Тимур направил в Прикубанье лучших своих эмиров и приказал покорить эту страну.

Далее летописцы Тимура пишут: «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всем, подобным небосводу, войском повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Бурикана, которые были правителями народа асов». Затем идет описание больших трудностей в преодолении горных массивов, штурма множества крепостей, сооруженных на недоступных скальных утесах. Эти события и крепости многие исследователи справедливо локализируют на территории Балкарии. Этот факт прекрасно совпадает с тем, что знаменитый географ и историк XIV в. Абу-л-Фида писал, что в те времена на Центральном Кавказе, вблизи Дарьяльского прохода, жили тюркоязычные племена асы.

Жестокие события связаны в истории народов Кабарды и Балкарии с происками вновь образовавшегося в XIV–XV вв. Крымского ханства, проводившего на Северном Кавказе политику Османской Турции. «Не проходило и года, – пишет Жан де Люк, – чтобы крымские ханы не совершали набега на черкесов и других горцев Северного Кавказа». Так, в 1545 и 1547 гг. хан Сагиб-Гирей опустошил земли Кабарды. В 1552 г. Девлет-Гирей

разорил земли «пятигорских черкесов» за то, что те хотели «бить челом русскому царю».

В середине XVI в. начинают складываться первые русско-кавказские контакты. Они приобретают характер межгосударственных с образованием Русского централизованного государства и присоединением к нему Астраханского и Казанского ханств (1552, 1556).

В 1552 и 1555 гг. в Москву дважды прибывали адыго-кабардинские посольства, которые от имени своих народов и «всей земли черкасской», первыми среди народов Кавказа, били челом, чтобы присоединиться к России. Следующее посольство, тщательно подготовленное главным князем Кабарды Темрюком, прибыло в Москву с такой же просьбой в июле 1557 г. Это посольство официально оформило добровольное присоединение Кабарды к России, которое явилось крупным поворотным событием в истории народов Кабарды и Балкарии.

Тонкий и дальновидный политик Темрюк в сложных политических условиях XVI в. со знанием дела распорядился своими кровно-родственными возможностями. Выдав дочь Кученей (Марию) за Ивана Грозного, вторую дочь Алтынчач (*тюркск.*: Златокудрая) за астраханского царевича Бекбулата, а третью дочь Малхуруб за ногайского князя Тинехмета, сына хана Измаила (*Кушева*, 1963, с. 235), Темрюк Идаров умело использовал эти политические каналы в своих интересах в борьбе как с другими кабардинскими князьями, так и с соседними народами региона.

Политика Темрюка вызывала недовольство его противников, искавших союза с Крымским ханством. Главным противником его был Пшеапшоко Кайтукин и шамхалы Тарковского княжества Дагестана. Вражда с ними вынуждала Темрюка часто обращаться к Москве с просьбой защитить его владения от недругов.

Эти просьбы не оставались без внимания. Царь направлял в Кабарду войска, которые помогали Темрюку наголову разбить своих врагов. Для укрепления владений Темрюка в 1567 г. в устье реки Сунжи была построена крепость Терки, в которой обустроивались казаки и войска.

Прочные русско-кабардинские отношения значительно способствовали установлению и развитию русско-грузинских, русско-дагестанских, русско-осетинских, русско-чечено-ингушских связей.

Русско-кабардинские отношения XVI–XVII вв. изучены довольно обстоятельно, изданы в двух томах документы, этому вопросу посвящены монографии, ряд статей и пр. Напротив, русско-балкарские связи подробно не изучались и не отражены в научной литературе, хотя документы намекают, что в составе отмеченных посольств могли быть представители балкарского народа. На такую мысль наталкивает, кроме всего прочего, и имя некоего Булгар-мурзы (Булгарьи-мурза) в составе посольства 1558 г., названного в числе «детей Темрюка». Но поскольку среди сыновей Темрюка, да и вообще в родословных списках кабардинских князей, не числится названный мурза, постольку термин «дети Темрюка» имеет своим источником некие политические взаимоотношения Булгарьи-мурзы

с Темрюком. Более того, в названии имени нетрудно увидеть и этноним *болкар*, трансформированный в «Болгар-мурза». Так или иначе, вполне очевидно, что данный вопрос нуждается в серьезных дополнительных исследованиях.

Русско-балкарские контакты во многом способствовали расширению, укреплению и успешному развитию русско-грузинских связей, имевших огромное значение как для России, так и для Грузии в сложных международных условиях XVI–XVII вв.

Одним из первых письменных документов балкаро-грузинских контактов является надпись рубежа XIV–XV вв. на золотом кресте Спасской церкви в сел. Цховати Ксанского ущелья. Она гласит, что некий эристав Ризия Квенипновели сделал пожертвование этой церкви в память о том, что он попал в плен в Басиани (Балкарию) и был выкуплен на средства святой церкви.

В связи с необходимостью налаживать контакты с Грузией и ее отдельными княжествами Россия приступает к тщательному изучению гор Центрального Кавказа, одновременно разыскивая здесь и различные ископаемые руды. В результате этого имя балкарского народа попадает в русские документы. 11 января 1629 г. терский воевода И. А. Дашков сообщает в Москву, что «в горах по реке Сукан-су и Черек имеются серебряные руды и что тем местом «Балкар» владеют балкарские мурзы Абдаулла и Апши», мать которых была сестрой ведущего кабардинского князя Пшимахо Канбулатовича Черкасского.

В 1639 г. русские послы Павел Захарьев и Федот Елчин шли в Имеретию и обратно по Баксанскому ущелью, через перевал Донгуз-Орун. На этом пути они недалеко от современного города Тырныауза, в местности Эль-Джурт, 15 дней гостили у карачаевских князей Крымшаухаловых и показывали им специальные, отдельные от кабардинских князей, грамоты русского царя. Такие же грамоты показывали послы 1650 г. Толочанов и Иевлев, прошедшие через Балкарию по рекам Сукан-су и Череку, по перевалу Гезефцек в Имеретию и обратно. В Балкарии их радушно встречал, снабдил вьючными лошадьми и провизией тот же балкарский владетель Абдаулла (Айдабол) и Алибек.

Артутай Айдаболов сыграл огромную роль в налаживании русско-грузинских и русско-балкарских отношений. Дело в том, что для успешного развития контактов с Грузией Россия могла пользоваться в то время только услугами Кабарды и Балкарии, так как пособники Персии и Турции – крымские ханы, тарковские шамхалы Дагестана объединенными силами перекрывали все пути этих сношений. Весной 1658 г. кахетинский царь Теймураз выехал в Москву для переговоров. В Балкарии, через которую пролегал путь этого посольства, к Теймуразу присоединился известный балкарский князь Артутай Айдаболов. Личность его, как нового партнера в налаживании русско-грузинских отношений в процессе предыдущих посольств, вызвала живой интерес в столице России. Этот интерес усиливался и лестными отзывами послов Толочанова и Иевлева.

Артутай безотлагательно был принят государем Алексеем Михайловичем и наравне с Теймуразом высоко был одарен «сорока соболями стоимостью в сорок рублей». Артутай пробыл в Москве около года. Хотя прямых документов их беседы с царем не обнаружено, нет сомнения в том, что они прежде всего касались судьбы балкарского народа в ту тяжелую эпоху и затрагивали вопросы, интересовавшие и Россию, и Балкарию. Это тем более вероятно, что беседы проходили при Теймуразе, который решал вопросы присоединения Грузии к России.

Ровно через 35 лет после описанных событий в Россию бежал имеретинский царь Арчил, гонимый с престола как внутренней междоусобицей, так и натиском Турции и Персии. Путь его пролегал, как и путь Теймураза, через Балкарию в Терки. По дороге в Терки на Арчила напали отряды тарковского шамхала Будая и князя Малой Кабарды Кульчука Келембетова. Напавшие на Арчила северокавказские владетели в сложной международной обстановке того периода придерживались – первый персидской, а второй крымско-турецкой ориентации. Арчил находился у них в плену с сентября – октября 1693-го по ноябрь того же года. Шамхал Будай готовился выдать его персидскому шаху, а Кульчук хотел отдать его крымскому хану. Однако «красота и мужество Арчила сделали такое впечатление на жену Кульчука, что ночью она доставила ему средство к побегу: он скрылся в Басян, а его люди ушли в Дигор», – повествует документ.

В Терках 28 ноября 1693 г. встретились архимандрит Лаврентий, прибывший из Москвы и следовавший с другими грузинами в Имеретию, и другой духовный сановник по имени Николай, состоявший в свите Арчила. Последний и рассказал о покушении и пленении Арчила и «его бегстве в Балкари, т. е. в страну при истоках Малки». Но конкретное место обитания Арчила оставалось в строжайшей тайне. Когда к Кульчуку явился посол от шамхала Будая с требованием выдать Арчила, последнего в Терках уже не было. Кульчук, боясь расплаты, скрылся бегством, а разъяренный Будай ворвался в его владения, «сжег его дом, потравил весь хлеб и угнал скот». Сыщики шамхала рыскали по всей Кабарде, но найти Арчила не смогли.

Астраханский воевода Петр Иванович Хованский был уведомлен о случившемся с Арчилом только в январе – феврале 1694 г. прибывшими к нему горцами и терским воеводой. Небезынтересно отметить, что теми горцами были «Азамат-мурза Елмурзин сын Байтереков, да Кошкарин, да Тлев Уразаев». Узнав о том, что для нового пленения Арчила на помощь шамхалу Тарковскому крымский хан выслал отряд из 500 человек и что на сторону врагов Арчила встали донские казаки, князь Хованский поднял на защиту Арчила «все племена, признававшие власть московского государя».

В своем письме от 15 апреля 1694 г. Арчил писал терскому воеводе, «что находится в Балкарии, чтоб его оттуда вывели». Однако вывести его оттуда удалось лишь в сентябре 1696 г. В письме от 20 мая 1696 г. Арчил писал на имя «наследственных самодержцев всея России, великим князьям Иоану Алексеевичу и Петру Алексеевичу», что он находится в Балкарии

и описывает, как это случилось: «В 1692–1693 годах мы не обращались с просьбою к государям, не требовали подпоры и вооруженной помощи. Но в Кабарде напали на нас сын шамхала и Кульчука-мирза, едва не убили нас: мы обязаны спасением только Богу и Вашему чистому праву. Теперь я не могу ни оставаться здесь, ни прийти к Вам, под руку, без вооруженной помощи». Письмо это было получено государями 5 сентября 1696 г., а имеющиеся сведения говорят о том, что осенью того же года Арчил вновь занял свой престол в Имеретии. Из приведенного эпизода вытекает, что Арчил пробыл в Балкарии около трех лет – с ноября 1693-го по сентябрь 1696 г. Таким образом, описанные факты говорят о глубоких исторических корнях грузино-балкарских и русско-балкарских взаимоотношений.

Подводя итог изложенному, можно сказать, что эпоха XVI–XVII вв. является для истории кабардинского и балкарского народов крупным поворотным этапом, который вывел их на широкую историческую магистраль в будущее.

Глава V

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В XIII–XVIII веках

В XIII–XIV вв. на Северном Кавказе происходят коренные изменения. Многократные походы монголо-татарских войск через северокавказские земли, рейды во внутренние области, а затем такие же погромы армий Тимура – все это самым пагубным образом отразилось на экономике, культуре и социальном развитии народов Кабардино-Балкарии. По всему региону шел двуединый процесс – рост кочевий для захватчиков за счет роста запущенных земельных угодий коренных обитателей края.

Северный Кавказ вместе с Юго-Восточной Европой превращается в кочевья золотоордынских ханов. Северокавказские земли, богатые пастбищами и плодородными пахотными угодьями, теперь составляют часть Джучиева улуса, или Золотой Орды. Здесь ее ханы разбивают свои ставки. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в 1318 г. князь Михаил Тверской был вызван ханом Узбеком «в ставку на реке Сивинце» (река Сунжа. – *И. М.*).

Большие средневековые города Верхний и Нижний Джулаты, у нынешних станиц Змейской и города Майского, были переименованы в Тартатуп, т. е. «Стан татаров». Прежде это были богатейшие города, где армия Тимура запасалась «провизией из тамошних зерновых запасов». Теперь же, после погромов Тимура, они прекращают свое существование. Народы Северного Кавказа, в т. ч. и Кабардино-Балкарии, и их земли оказались втянутыми в систему военно-политической организации Золотой

Орды, за что и были разорены Тимуром. В конце XIV – начале XV в. предгорная полоса Северного Кавказа, прежде населенная аланами, покрывается густой сетью кабардинских курганов вплоть до реки Сунжи.

Основным занятием кабардинцев и балкарцев в описываемую эпоху по-прежнему оставались скотоводство и земледелие, значительно подкрепляемые охотой, бортничеством, садоводством, рыболовством, различными ремеслами и промыслами. Однако не все эти виды хозяйства имели одинаковую значимость в экономике народов. В зависимости от сложившихся в домонгольское время хозяйственных навыков, а также в силу различных физико-географических и климатических условий – в горах и на равнине, доминирующим занятием являлось либо скотоводство, либо земледелие, либо сочетание того и другого. В зависимости от этих же условий определялся удельный вес различных промыслов и подсобных занятий.

Земледелие. Основным земледельческим районом являлась предгорно-плоскостная зона, т. е. Кабарда, но посильной обработкой земли и горным земледелием занимались и жители гор – балкарцы

Определенное представление о земледелии этих народов дают археологические материалы. На ряде домонгольских поселений часто обнаруживались железные лемехи от плугов, мотыги, серпы, каменные зернотерки, жернова ручных мельниц, ступы, песты и пр. В ряде кабардинских курганов, например у сел. Старый Черек, археологи находили зерна проса. Истлевшие зерна ячменя исследователи обнаруживали и в средневековых склепах Балкарии.

О развитии земледелия свидетельствуют обширные террасовые поля на склонах гор, неоднократно отмеченные многими авторами. Об этом же говорит и система поливных каналов, водопроводов из глинобитных, гончарных, деревянных труб на горных поселениях, а также наличие глубоких зерновых ям на поселениях и городищах Кабарды и крепостей Балкарии.

По сообщениям письменных источников, распространенной культурой у кабардинцев было просо, а у балкарцев – ячмень. Эти культуры хорошо известны в устном народном творчестве, в т. ч. и нартском эпосе балкарцев и кабардинцев.

Судя по сообщению Интериано (XV в.), у черкесов пахота велась на быках, а зерно они мололи на ручных каменных мельницах. Н. Витсен и Тавернье (XVII–XVIII вв.) говорили, что адыги «не обрабатывают несколько лет подряд одно и то же поле, а переносят ежегодно свои плантации с места на место». Это свидетельствует о навыках переложной системы земледелия уже в описываемую эпоху.

В 1235 г. доминиканский миссионер Юлиан сообщает, что «в Алании во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле». В его сообщениях интересен и другой факт: когда путешественникам было необходимо из-за большой нужды продать нескольких своих работников, чтобы остальные могли продолжить путь, то им это сделать не удалось, «так как никто не умел ни пахать, ни молоть». Один из их работников «умел делать ложки и кое-что другое, за что иногда они получали немного проса».

Иосафат Барбаро (XV в.), говоря о стране «Кремух», рядом с которой живут «кавертейцы и асы», пишет, что «земля их изобилует хлебом, скотом и медом». В 1634 г. о наличии у них проса и другого зерна пишет Дортелли д'Асколи. Об этом же писал Жан де Люк. Сведения о земледелии у народов Кабарды и Балкарии XIII–XVII вв. имеются у Феррана, Кемпфера, Мотрэ и других авторов интересующей нас эпохи.

Все сказанное достаточно свидетельствует о роли земледелия в хозяйстве народов нашей республики в далеком прошлом.

Скотоводство являлось основным видом хозяйственной деятельности, основой всей экономики названных народов. Какова бы ни была доля земледелия, оно все же не могло заменить собой экономического значения скотоводства, которое было развито и формировалось здесь на протяжении многих тысячелетий.

Различные изображения скотоводческого быта, находки большого количества остеологического (костного) материала, предметов по уходу за скотом, по обработке продуктов скотоводческого хозяйства, обнаруживаемые археологами, убедительно говорят о доминирующей роли скотоводства в общей системе хозяйства кабардинцев и балкарцев. Скот обеспечивал их всем необходимым: продуктами питания, кожей и шерстью для изготовления тканей, войлоков, ковровых изделий, бурок, башлыков и другой одежды.

Высокому уровню развития скотоводства способствовала богатая кормовая база – прекрасные альпийские луга в горах и богатейшие речные долины, изобилующие сочными травами на равнине и в предгорьях.

Народы Кабарды и Балкарии разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней, домашнюю птицу. Кости этих особей являются постоянными находками археологов.

Побывавший в Предкавказье в середине XIII в. Плано Карпини пишет, что «его жители очень богаты скотом – верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми, а выючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире». Иосафат Барбаро дополняет это словами о том, что в тех краях «разводили прекрасных быков, что их хватило бы вполне даже на итальянские бойни». Особое удивление вызывали у путешественников бараны с огромными курдюками, которые позднее получили название «карачаевской породы» и восхищали даже лондонских гастрономов. Выдающихся успехов народы Кабардино-Балкарии достигли в области коневодства. Интериано писал об адыгах, что «часто они готовы отдать все свое имущество за коня, который им приглянется, и нет у них вещи драгоценнее хорошего коня». Эту же оценку продолжает Тавернье в следующей формулировке: «Их главное богатство заключается в стадах, в особенности в прекрасных лошадях, очень сходных с испанскими. Они имеют, кроме того, большое количество коз и овец, шерсть которых так же хороша, как и получаемая в Испании, так что московиты приходят и закупают ее для выделки войлока». Почти то же говорит и Кемпфер: «Их главное богатство состоит в скоте и особенно в прекрасных лошадях, которые

ценятся наравне с испанскими, затем в козах и овцах, из шерсти которых москвичи изготавливают войлок».

В скотоводстве, как и в земледелии, проявляется вертикально-зональное размещение, дифференциация хозяйства. В горах разводили в основном мелкий и в меньшей мере крупный скот. В предгорьях и степи доминировало разведение быков, коров, лошадей и меньше коз и овец.

О значительной роли овцеводства в Балкарии свидетельствует и древний пастушеский двадцатиричный счет, который соседние пастухи, например осетинские, категорически именуют «балкарским счетом». Кроме того, пастухи-овцеводы пользовались и специальными деревянными бирками с зарубками, как и древнетюркские племена Дебо,

Скотоводство было отгонным. На весенне-летний период скот отгоняли на горные пастбища, зимой содержали в стойлах, а иногда на околоаульных выгонах. Выгон на зимние пастбища практиковался в горных районах. Зимой со скотом уходили только мужчины, а летом и женщины, и целые семьи.

Большая роль скотоводства в жизни этих народов отражена в эпических сказаниях, детских играх, ритуальных танцах и пр. Скотоводство нашло отражение и в народном календаре, празднествах, обрядах и обычаях. Например, первый ягненок сезона у балкарцев приносился в жертву покровителю овец Аймушу, чтобы был хороший приплод. Жертвенный ягненок назывался *Тёлю баш* – «Глава приплода».

У адыгов божеством-покровителем коней и наездников был Зейгут, покровителем овец – Емыш, покровителем рогатого скота – Ахин, покровителем пахотных волов – Хакусташ и т. д. Покровителем овец у балкарцев, как отмечено, являлся золоторогий Аймуш, а покровителем крупного рогатого скота – Долай.

Этот пестрый пантеон божеств красноречиво говорит об огромной роли скотоводства в жизни балкарцев и кабардинцев. В поверьях наших народов широко развиты заклинание, заговаривание скота, чтобы уберечь его от хищных зверей. Практиковались народная ветеринария, система берегов и т. д.

У кабардинцев и балкарцев особо отмечался день выхода на сенокос. По словам Ш. Ногмова, кабардинцы август называли «сенокосным месяцем», а у балкарцев, например, сентябрь считался месяцем «стрижки овец», октябрь был месяцем мясных заготовок на зиму.

Все сказанное довольно хорошо иллюстрирует большую значимость скотоводства в жизни кабардинцев и балкарцев.

Ремесло. Монголо-татарские погромы 1222–1240 гг. нанесли существенный урон и этому виду хозяйственной деятельности. Захватчики согнали тысячи мастеров из завоеванных стран в свои ставки, города Золотой Орды и летние кочевья.

В XIII–XIV вв. в городах Золотой Орды – Сарае Берке, Маджарах, Астрахани и других – сложились целые кварталы потомственных ремесленников – выходцев с Северного Кавказа и из России. Современник Ибн

Баттута сообщает, что в Сарае живут разные народы, как то: «асы, которые мусульмане, кипчаки, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их». Есть сведения, что там были и черкесские кварталы ремесленников.

Судя по археологическим находкам, ремесленники обрабатывали камень, кость, дерево, шерсть и кожу, железо и другие металлы. Широко практиковалось золотошвейное мастерство и др.

Почти каждый кабардинский курган XIV–XVII вв. содержит набор оружия – длинные сабли, лезвия которых нередко превышают 1 м, колчаны с десятками стрел, кинжалы, ножи, ножницы для стрижки овец, железные кресала, скобы для скрепления деревянных погребальных колод и другие предметы ремесленного производства. Почти те же предметы обнаруживаются в балкарских захоронениях, за исключением сабель.

Кабардинские и балкарские женщины XIII–XVII вв. широко пользовались различными ювелирными изделиями – перстнями, серьгами, кольцами, браслетами и др.

По заключению специалистов лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР, на основе анализа железных предметов из памятников Кабардино-Балкарии можно утверждать, что в основе кузнечной технологии того периода лежит свободнаяковка металла с последующей тепловой обработкой готовых изделий. Это относится как к предметам быта (скобы, кресала, ножи, ножницы), так и к предметам вооружения (сабли, стрелы, кинжалы).

Среди археологических памятников известны железоплавильни, выработки недалеко от сел. Верхний Чегем, у ледников Дых-тау и Хрум-къол и др. От одного из рудников у Дых-тау сохранились следы выработок, «крепленные деревянными стойками и пилеными досками». В Чегемском ущелье, по словам Гюльденштедта, добывали свинец и изготовляли порох. По словам Кемпфера, черкесы «очень трудолюбивы и добывают даже железо». Вероятно, под «черкесами» автор подразумевал и горские племена, так как на равнине, на исторической территории кабардинцев, неизвестны железные рудники. Объединение под термином *черкес* многих кавказских народов региона практиковалось даже в академической науке вплоть до конца XIX в. Известно, например, что Президент Петербургской академии наук А. Я. Купфер еще в 1830 г. черкесами называл жителей карачаевского аула Схауат и указывал, что они показывали ему свои древние рудники.

Упомянувшийся Интериано писал, что черкесы сами делали свои стрелы «и в целом мире не найти стрел, которые хватили бы так далеко и имели бы столь закаленное острие». Уместно отметить, что крымский хан в 1547 г. возложил на кабардинцев дань, в числе которой были указаны панцири. А Интериано писал, что черкесы даже «спят в кольчугах и панцирях».

О том, что кузнечное дело пользовалось большим почетом, может свидетельствовать и тот факт, что кузница у кабардинцев и балкарцев представлялась священным местом, существовали культ железа, покровитель кузнечного дела и кузнецов. У балкарцев таким покровителем был первый нартский кузнец Дебет Златоликий, а у кабардинцев таковым был Тлепш.

В не меньшей мере было распространено ремесло по обработке камня. В камнерезном искусстве прежде всего необходимо отметить небывалое мастерство, проявленное при строительстве многочисленных склепов-мавзолеев и усыпальниц, уникальных оборонительных сооружений – башен, крепостей, замков, сооруженных казалось бы в немыслимых труднодоступных местах горных утесов. Такое же мастерство мы наблюдаем и в различных каменных изображениях языческих божеств, ритуальных каменных изваяниях, надгробных каменных стелах с замысловатым орнаментом и пр.

Большого мастерства достигли народы Кабарды и Балкарии в обработке дерева. Из него изготовлялась в основном вся домашняя посуда, так как гончарное ремесло к этому периоду, видимо, пришло на территории нашей республики в упадок, и керамических изделий в археологических памятниках рассматриваемого времени почти нет.

Из дерева изготовляли предметы быта: посуду, пряслица для веретен, туалетные гребешки и гребни для обработки шерсти, предметы для обработки кожи, различные шкатулки и пр. Об умении обрабатывать дерево свидетельствуют и отлично выполненные погребальные колоды, выдолбленные из цельных стволов, составные гробовища, скрепленные посредством точно рассчитанных пазов и шипов, и другие изделия.

Столь же распространенным было ремесло по обработке кости, из которой изготовлялись различные предметы быта, украшения, поделки, пуговицы, наконечники для сельхозорудий и т. п.

Обнаруживаемые при раскопках обрывки домотканых тканей и изделий из них, остатки войлочных предметов, фрагменты дубленой и сыромятной кожи и изделия из нее говорят об уровне развития этого вида ремесленного производства.

Особого искусства достигли женщины в золотошвейном рукоделии. Интериано писал, что они «не занимались никакими другими работами, кроме вышивания или тканья, красиво вышивая кисеты для огнива и кожаные пояса». Тавернье и Асколи пишут о кабардинках, что они вышивают золотом и серебром «седла, накладки колчанов и футляров для луков, башлыки и носовые платки». Исследователи и путешественники не раз восхищались мастерством женщин Кабарды и Балкарии в искусстве рукоделия. Например, неоднократно отмечали, что балкарки не бросают своих веретен даже по пути в соседнее село. Эта характеристика дословно повторяет слова римского дипломата и историка V в. Приска Панийского, сказанные о гуннских женщинах, что они, как отмечалось, «никогда не покидают своего веретена».

Все приведенные факты говорят о глубокой исторической традиции ремесленного производства у народов Кабардино-Балкарии.

Промыслы играли в экономике названных народов не меньшую роль. Среди них на первое место выходит традиционная охота, о чем красноречиво говорят находки костей различных животных, в т. ч. медведей, каба-

нов, оленей, туров, барсуков, зайцев, лис, волков и др. Мясо некоторых из них употребляли в пищу, шкуры шли на шитье одежды, кости использовались для изготовления предметов быта, различных оберегов и т. д. Клыки кабана, например, использовались для разглаживания и утюжения швов различных изделий, клыки волка, лисы, медведя служили в виде подвесок-амулетов, оберегавших от различных болезней и слеза.

Охота нашла глубокое отражение в фольклоре и народных поверьях, по которым покровителями охоты и охотников были у кабардинцев Мезитха, а у балкарцев Абсаты. Каменные изображения этих божеств известны в различных районах нашей республики, а одно из них хранится во дворе Национального краеведческого музея в городе Нальчике.

Есть определенные свидетельства и о рыболовстве. Среди археологического материала нередки глиняные грузила для сетей, обнаруживаемые в слоях XIII–XIV вв. на поселениях по берегам Терека. Шипы осетровых рыб были найдены и на высокогорном городище у сел. Верхний Чегем.

Средневековые авторы, имена которых уже несколько раз упоминались, часто говорят о наличии у народов Кабарды и Балкарии того времени «много меда», о развитии у них бортничества. Отмечались также и различные садоводческие культуры, являвшиеся хорошим подспорьем в экономике.

Торговля. Немалое место в экономике кабардинцев и балкарцев занимала торговля. Об этом достаточно сведений в археологическом материале XIII–XVIII вв. В кабардинских курганах и памятниках балкарцев очень часто находили обрывки шелковых и шерстяных тканей, привозные самшитовые гребни, цветные камни для инкрустации перстней, колец, серег, а также сердоликовые, халцедоновые, пастовые и стеклянные бусы и мн. др. В некоторых кабардинских курганах в Пятигорье найдены золотоордынские монеты, а в могильнике у сел. Ташлы-Тала были обнаружены турецкие монеты Ахмеда III (1703–1730), битые в 1703–1704 гг. в Константинополе и Мисре; монеты Махмуда I (1730–1734), чеканенные в Константинополе в 1730–1731 гг. Но, несмотря на эти находки, торговля все еще оставалась меновой, о чем говорят слова современников: «...они не имеют монеты, а свои произведения обменивают». Причерноморские черкесы вели оживленную торговлю с генуэзцами, которые возили соль, рис, мыло, пряности, горчицу, хлопчатобумажные ткани, шелк, бархат, ковры, слоновую кость, золотые и серебряные украшения и фарфор. Взамен вывозили сало, меха, шерсть, войлоки, бурки, а также мед, воск, лес, фрукты и др. Обо всем этом говорит устав «Генуэзских колоний» 1449 г.

О широких торговых связях народов нашего края писали Интериано, Эль-Омари, Гюльденштедт и др. По словам Гюльденштедта, балкарцы вели оживленную меновую торговлю с соседними народами – сванами, грузинами, кабардинцами. Он писал, что «малканцы приходят с толстым сукном, войлоками и тому подобным на еженедельную ярмарку в Они, что в Радше (Рачи. – И. М.) при Риони, и выменивают тут бумажные материи и пр. Но тем более сношения имеют базианцы (балкарцы. – И. М.) с кабардинцами

и получают в Кабарде, в случае нужды, оленей и всегда российскую соль, бумажные материи, холст и сафьян. Все сие выменивают они на шерсть, толстое сукно, рожь, войлоки, лисьи и куньи меха, серу, которую они добывают близ Устожирта (Хуштосырт. – И. М.) в Чегемском округе, и огнестрельный порох, ими самими приготовляемый».

Около 15 дней торговлей и «барышом занимался» один из послов Московского государства Ф. Елчин среди балкарцев и карачаевцев в 1639 г., следуя по Баксанскому ущелью в Грузию. Многие авторы говорят о существовании базаров в Пятигорье, куда съезжались купцы многих стран, в числе которых были и русские. В свою очередь купцы-черкесы и кабардинцы ездили по торговым делам в Москву. Так, Николай Варкоч, посетивший Москву в 1589 и 1594 гг., пишет, что в Москве «ведут торговлю многими превосходными товарами приезжие в большом количестве туземные и иностранные купцы из очень далеких краев... Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и других земель».

Приведенные материалы подтверждают существенное место и значение торговли в экономической жизни кабардинского и балкарского народов.

Социальная структура кабардинского народа изучена довольно хорошо, чего совершенно нельзя сказать о балкарцах.

После известных событий XIII–XIV вв. усиливается процесс продвижения адыгских племен из Причерноморья на юго-восток. Как наиболее активная их часть – кабардинцы выходят из Закубанья в плодородные и богатые долины Центрального Предкавказья. Заселение опустошенных монголами, а затем и Тимуром, пастбищных и пахотных угодий от Лабы и до Сунжи значительно способствует ускорению дальнейшего развития нараставших феодальных отношений в их среде. Все это способствовало еще более мощному скачку в социально-экономическом развитии кабардинского народа. В конечном счете это привело к значительному опережению кабардинцами соседних северокавказских народов. Именно поэтому они вызвали повышенный интерес к себе у молодого Русского централизованного государства, искавшего на Кавказе надежного партнера в сложнейших международных отношениях рассматриваемого времени.

Уже генуэзские документы XIV–XV вв. говорят о зихских князьях и правителях, а в XV в. Интериано и Барбаро упоминают о знатных княжеских родах. Этот факт подтверждают и русские документы XVI–XVII вв. В подчинении князей находились дворяне – *уздени*, свободные крестьяне – *тльфокотли*, крепостные крестьяне, в русских документах называемые *ясачными людьми*. Существовали и домашние рабы – *унауты*.

При рассмотрении социальной структуры балкарского народа необходимо учитывать, что предки балкарцев – аланы – в X–XII вв. находились на стадии развитых феодальных отношений и раннегосударственного образования. А другая этническая группа их предков – асы – уже в XIV в. имела своих правителей, владевших неприступными и мощными крепостями и замками, которые с большим трудом пришлось покорять армии Тимура.

В 1967 г. автором этих строк была предпринята попытка объяснить социальную структуру Балкаро-Карачаевского общества с помощью археолого-архитектурных памятников рассматриваемого периода. Как известно, уже в памятниках XIII–XIV вв. у сел. Верхний Чегем, Ташлы-Тала и других имеются очень разнящиеся по богатству инвентаря погребения, содержащие изделия из серебра, шелка, привозные вещи и т. п. В сравнении со множеством беднейших захоронений на тех же могильниках этот фактор проясняет многое в вопросах социального и имущественного расслоения общества. К XV–XVI вв. здесь имеются такие сильно укрепленные замки и крепости, как Зылги, Курнаят, Усхур, Болат-къала, Джабо-къала и др. В XVI–XVII вв. княжеские фамилии балкарцев – Абаевы, Балкаруковы, Айдеболовы, Крымшаухаловы и другие – имели собственные мавзолеи-усыпальницы, грандиозные башенные сооружения, носящие фамильные и личные имена князей. Весьма показательно, что княжеские мавзолеи всегда находятся в окружении рядовых и очень бедных захоронений, как и башни, замки в окружении бедных саклей горцев.

Сооружение таких огромных архитектурных ансамблей, безусловно, требовало большой и умелой организации наемного, а скорее всего принудительного, труда.

Все эти факты говорят о том, что в балкарской среде в XIII–XVII вв. мы наблюдаем глубоко зашедший процесс социальной и имущественной градации, о котором свидетельствуют как сами памятники, так и документы XVI–XVII вв. В этих документах социальная верхушка именуется мурзами, владетелями, правителями. Грузинский историк и географ царевич Вахушти писал о Балкарии, что здешние овсы знатнее и почетнее других и что среди них имеются помещики и крепостные крестьяне.

Балкарские князья именовались *таубий* – «горский бий», а княжеское сословие называлось *басиат*. Последний термин восходит к этнониму предков хазар – *басил*, т. е. «главный народ». Вероятно, от этого же этнонима происходит и грузинское название балкарцев – *басиани*.

Балкарская социальная знать объединялась термином *Ак-сюек* – «Белая кость». Таким же термином именовалась социальная верхушка древнетюркских племен еще в VII в.

За таубиями и басиатами в Балкарском обществе идут *уздени* – свободные общинники, владевшие собственным хозяйством и живущие своим трудом. Вероятно, поэтому они и называются *ѣз + ден*, что буквально означает «от себя», «самостоятельно». Рожденные от брака таубия и узденя именовались *чанка*. В домашнем быту эксплуатировались рабы – *кзул, къарауаш* (кул, караваш).

Многие исследователи устанавливают, что в Балкарии XV–XVII вв. уже шел процесс феодализации. Но тщательное изучение этой проблемы остается насущной задачей историков Кабардино-Балкарии.

Феодальные отношения в Кабарде и Балкарии были тесно переплетены и скрыты под вуалью различных пережитков родового строя. Красноречивым проявлением этого являются такие институты родового

стройка, как *левират* – женитьба на вдове близкого родственника мужа, а также институт аталычества, название которого происходит от термина *аталыкъ*, т. е. «заменяющий отца». По этому обычаю ребенок, особенно мальчик, отдавался на воспитание до совершеннолетия в семью низкого сословия или родственника. В связи с этим интересно отметить, что еще в 922 г. подобный институт был описан Ибн Фодланом у древних болгар в следующих словах: «Одно из их правил таково – если у сына какого-либо человека родится сын, то его берет к себе его дед, прежде его отца, и говорит:

– Я имею больше прав, чем его отец, на воспитание, пока он не сделается взрослым мужем».

Такова краткая характеристика социального строя и экономики народов Кабарды и Балкарии в XIII–XVIII вв.

Глава VI

ОЧЕРК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ XIII–XVIII веков

Материальная культура народа представляет собой совокупность различных предметов, изделий и сооружений, созданных трудом человека и служащих ему в повседневном быту. Ее неотъемлемыми элементами являются поселения и жилища, одежда и украшения, пища и утварь, орудия труда и оружие, архитектурные памятники и многое другое. Все они, вместе взятые, отражают уровень экономики и культуры, способ хозяйствования и торговые связи народов, так как каждая вещь представляет собой совокупность многих свойств и может быть полезна различными своими сторонами. Развивая эту мысль, можно сказать, что остатки средств труда имеют такое же важное значение для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций, как строение останков костей для изучения организации исчезнувших животных видов.

В этом смысле памятники археологии – вещи, некогда находившиеся в обращении в обществе как продукт или предмет человеческой деятельности, – не могут изучаться вне связи с общественной средой, внутри которой они были созданы и использовались. Комплекс археологических памятников позволяет нам судить о материальной культуре народа.

Отдельные отрывочные сведения о материальной культуре кабардинцев и балкарцев XIII–XVIII вв. содержатся в путевых заметках многих путешественников того времени. Среди них заслуживают особого внимания упоминавшиеся Иосафат Барбаро, который впервые называет имя *кавертейцы*, Джорджио Интериано, оставивший наиболее полное описание быта и культуры адыгов XV в. Не менее интересны сведения Адама

Олеария, Энгельберта Кемпфера, Мартина Броневского, Яна Потоцкого, Яна Стрейса, Жана Батиста Тавернье и др. И все же более полное представление о культуре народов Кабарды и Балкарии того периода мы получаем посредством археолого-этнографических памятников, в изучении которых в последние годы достигнуты определенные успехи. Раскопаны и изучены десятки архитектурных памятников, могильников, поселений и городищ, сотни кабардинских курганов. На базе данных археологии и этнографии, которые подкрепляются сведениями письменных источников, мы можем судить об уровне культуры средневековых народов Кабарды и Балкарии.

Поселения и жилища. Большим пробелом в археологическом изучении остаются кабардинские поселения, которые до сих пор не удается обнаружить. Это, вероятно, объясняется тем, что кабардинцы в ту эпоху быстро перемещались с места на место. Вследствие этого легкие жилища строились из плетня с соломенной или камышовой крышей. Поселения на одном месте долго не оставались, а следовательно, не оставался и культурный слой, по которому археологи изучают древние поселения и жилища.

Но этот пробел в некоторой степени восполняется теми скудными сведениями, которые мы находим у отмеченных путешественников. Так, о планировке адыгских и кабардинских поселений того времени можно судить по описанию и рисункам Тавернье, согласно которым поселения располагались по кругу со свободной площадью внутри для скота и колодца. Шора Ногмов писал, что адыги «издревле имели привычку располагать дома четырехугольником, так, что для четырех семейств делали одни ворота для выезда и выгона скота». Сведения о турлучных (плетенных из прутьев и ветвей) жилищах имеются и у Интериано, Олеария, Эвлия Челеби и др.

Таким образом, можно заключить, что в рассматриваемый период жилища кабардинцев представляли собой плетеные постройки, покрытые соломой и камышом. Они имели несколько помещений, из которых одно постоянно принадлежало гостям. Как и в более позднее время, в каждую комнату вел отдельный вход. Каменных или земляных оборонительных сооружений вокруг селения не было. Но группы домов внутри селения и все селение целиком «ограждались изгородями из дерева и кустарника», пишет Эвлия Челеби, или «изгородями из сплетенных одно с другим деревьев», как отмечает Жан де Люк.

Нет никакого сомнения, что дальнейшие целенаправленные поиски значительно дополнят эти сведения.

Письменных сведений того времени о планировке поселений и жилищ балкарцев пока что не обнаружено, но зато большой материал по этим вопросам получен в результате археологических раскопок. Здесь прежде всего надо отметить средневековое городище XIII–XIV вв. у сел. Верхний Чегем, расположенное в небольшом ущелье Лыкъарильги на берегу реки Джилги-су, и поселение XV–XVIII вв. Эль-Джурт, находящееся в 3 км от города Тырныауза, вверх по Баксанскому ущелью. В этом поселении в семье карачаевских князей Крымшаухаловых 15 дней гостили русские послы 1639 г., следовавшие в Имеретию.

Балкарские поселения, как правило, располагались на солнечных склонах гор, были укреплены системой мощных оборонительных сооружений. Жилища строились из горного рваного камня, без связующего известкового или другого раствора. Размещались дома скученно, террасообразно, как и жилища более позднего времени. В центре жилища сооружался очаг, обставленный каменными, обработанными брусьями – *тыгыр-таш*. Вдоль стен всегда устраивались каменные лежанки – *тырхык*. Каковы были перекрытия домов того времени, судить трудно из-за разрушенности жилищ, но можно полагать, что они, как и в более позднее время, были деревянно-земляными и плоскими.

Как каждое городище или поселение в отдельности, так и каждое «Горское общество» средневековой Балкарии было укреплено системой башен, крепостей и замков.

Архитектурное наследие Кабардино-Балкарии в основном сосредоточено в горной Балкарии. К настоящему времени здесь сохранились 7 башен, носящих имена своих владельцев, – башня Балкаруковых в сел. Верхний Чегем, башня Амирхана, две башни Абаевых, фрагменты башни Шахановых в сел. Кюнлюм в Верхней Балкарии; башня Ак-къала у сел. Безенги и остатки башни Суюнчевых у сел. Холам. Кроме того, сохранились 3 крепости – Усхур-къала в Хуламо-Безенгийском ущелье, Болат-къала и Малкъар-къала у сел. Верхняя Балкария. Большой интерес представляют 3 замка – Курнаят и Зылги в Верхней Балкарии и замок Джабо-къала в Хуламо-Безенгийском ущелье.

Перечисленные памятники делятся на две хронологические группы. Первая, куда входят Малкъар-къала, Болат-къала, Усхур-къала, относится к XIII–XV вв. Вторая объединяет замки Зылги, Курнаят, Джабо-къала и фамильные башни Балкаруковых, Абаевых, Амирхана, Суюнчевых, Шахановых, которые относятся к XV–XVIII вв.

В Кабардино-Балкарии сохранился 21 надземный склеп. Кабардинцы называют их *чешане*, а балкарцы – *кешене*. В отличие от подобных склепов чеченцев, ингушей, осетин, в которых хоронили до 60 и более покойных, склепы Кабардино-Балкарии содержат одно, максимум три захоронения и служат мавзолеями-усыпальницами князей и их близких. Склепы-мавзолеи Кабарды и Балкарии представлены тремя типами – круглые в плане и яйцевидной формы, как склеп Абаевых у сел. Ташлы-Тала, склеп в ауле Мухол в Верхней Балкарии. Второй тип – склепы прямоугольные в плане с двускатными крышами, как склепы Куденетовых у сел. Лечинкай, склепы у замка Джабо-къала, у замка Курнаят, склеп Камгута Крымшаухалова на средневековом поселении Эль-Джурт. В эту же группу входят четыре склепа у сел. Верхний Чегем. Третью разновидность мавзолеев-усыпальниц представляют склепы многогранные в плане и с пирамидальными крышами, как склепы Бековичей-Черкасских у сел. Чегем II, четыре склепа у сел. Верхний Чегем и склеп у сел. Баксаненок.

Наиболее древними являются круглоплановые склепы, а также склепы у замка Курнаят и Джабо-къала, склеп Камгута, которые, судя по при-

легающим к ним могильникам, относятся к XV–XVI вв. Остальные склепы датируются XVI–XVIII вв.

Все отмеченные памятники сложены из хорошо обработанных камней, на прочном известковом растворе, и свидетельствуют о высоком уровне строительного мастерства и большом умении организации труда в эпоху Средневековья. Даже выдавшие виды летописцы Тимура удивлялись тому, как были построены указанные выше башни и замки. По их словам: «У тамошних обитателей Эльбурза были крепости и укрепления на вершинах гор, и пройти туда было чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой высоте, что пущенная стрела туда не долетала».

Многие из этих сооружений построены на таких участках, что даже современные исследователи добирались к ним при помощи альпинистского снаряжения. Невольно напрашивается вопрос: а как обходились древние строители, как доставляли они сюда камни, известковый раствор, деревянные балки для перекрытий? Все эти вопросы уже сами по себе говорят о высоком уровне организации труда.

Одежда. Археологический материал дает более полное представление о женской одежде, чем о мужской. Одежда описываемого времени до сих пор не являлась предметом специального исследования. Существующая этнографическая литература о народах Северного Кавказа почти не затрагивает одежду древнее XVIII–XIX вв.

Поскольку основой хозяйства кабардинцев и балкарцев было скотоводство, то для изготовления одежды шли прежде всего товары этой отрасли – шерсть, шкуры, кожи и пр. В археологических памятниках изделия из этих материалов сохраняются очень плохо, но тем не менее определенные находки позволяют воссоздать отдельные элементы одежды того периода.

Одной из замечательных находок является почти полностью сохранившаяся женская одежда XIII–XIV вв. из могильника Байрым у сел. Верхний Чегем. Этот уникальный комплекс можно посмотреть в экспозиции Национального краеведческого музея города Нальчика, где он выставлен после реставрации в Государственном историческом музее. Головные уборы кабардинок и балкарок изготавливались из дубленой кожи, войлока и домотканого грубого сукна. Форма их в основном была круглая или многогранная с конусообразным верхом. Шапочка из Байрыма была изготовлена из войлока, имела 5-гранную форму в основании. Сверху войлок покрыт шерстяной тканью, а поверх нее шапочка накрыта легкой шелковой вуалью, из нее же на одной из граней шапочки был прикреплен пышный бант.

Верхнюю одежду представлял кафтан из грубой ткани с меховой оторочкой подола и рукавов. Под кафтаном была рубашка из шелковой ткани полотняного переплетения покроя «кимono» с длинными рукавами. От горловины до талии рубашки идет разрез, вдоль которого нашиты мел-

кие металлические пуговицы и петли из тесьмы. Манжеты рукавов и подол рубашки были отделаны кружевами. На поясе прикреплены две петли из рулика, на которых подвешена туалетная сумочка, в которой лежали самшитовый гребешок и бронзовый орнаментированный наперсток. Под рубашкой находились широкие шаровары, сшитые из ластовиц и четырех равных полотнищ клетчатой полотняной ткани. Шаровары в талии, объемом 74 см, держались на шнурке.

Завершая описание этого костюма, отметим две пары кожаных сапожек. Одни из них представляли собой ноговицы из мягкой, отлично обработанной кожи, типа лайковых изделий. Другие являлись верхними сапожками больших размеров, украшены тисненым орнаментом.

У женщины из Байрыма хорошо сохранилась прическа – волосы заплетены в косы и уложены на голове в виде короны. В заплетенных косах видны два тонких шелковых шнурка, скреплявших прическу. Этим подробным описанием женского костюма мы обязаны реставраторам ГИМа – С. Скопинцевой и Т. Никитиной.

Описанный костюм является уникальным памятником культуры средневекового населения не только Кабардино-Балкарии, но и всего Северного Кавказа.

Много фрагментов одежды найдено и в других памятниках республики. Интерес представляют кожаные, остроносые тапочки из кабардинских курганов у сел. Старый Черек, фрагменты шапочек, обрывки тканей, кожи, из которых шилась одежда.

Островерхие дамские шапочки украшались металлическими, конусообразными наверхиями, инкрустированными вставными камнями. Завершались они нередко лунообразными серебряными или позолоченными пластинками или обвивались крученой тесьмой и руликом. Лобная часть этих уборов украшалась различными орнаментированными диадемами из металлических пластин (*ил. 119*).

Неотъемлемой частью женского костюма являлись многочисленные украшения – перстни, серьги, кольца, браслеты, поделки из кости, камня, дерева, железа, серебра и золота (*ил. 114*). Такую же часть их одежды и костюма составляли всевозможные железные ножички, ножницы (для стрижки овец и портняжные), двусторонние самшитовые гребешки, зеркала, различные нашивки, бляшки и пр.

Археологический материал свидетельствует, что многие детали позднейшего женского костюма кабардинок и балкарок формировались в рассматриваемое время. Это относится и к нагрудным металлическим застежкам, наборным поясам из пластинок, островерхим шапочкам и т. п. (*ил. 32*).

Небезынтересно отметить, что островерхие конические шапочки носили еще скифские женщины в VII–V вв. до н. э. и женщины-аланки в VIII–IX вв. У кипчаков (половцев) подобные шапочки назывались «бокка», как и в детской речи балкарцев.

Фрагменты мужской одежды, представленные в археологическом материале, говорят, что она также шилась из домотканых шерстяных тканей,

войлока, кожи, меха. Большой интерес представляет кафтан из курганов у станицы Белореченской, описанный В. П. Левашовой. Один из кафтанов доходил до колен, сходящиеся борта застегивались от ворота до пояса крупными пуговицами. Там же был представлен халат прямого покроя, однобортный, без воротника. Кроился он из четырех полотнищ, в боковые швы вставлялись длинные клинья.

Мужские шелковые рубашки «китайского покроя» из цветной ткани, ворот которых завязывался тонкой тесьмой, из балкарских средневековых склепов Верхней Балкарии описаны Г. Н. Прозрителевым. Находки остатков войлока и густоволокнистых тканей позволяют полагать, что уже в те времена были известны накидки из войлока или бурки.

Распространенный головной убор – башлык был известен еще скифам, очертания его встречаются в средневековых каменных изваяниях Северного Кавказа.

Географ I в. Страбон отмечает, что жители Кавказских гор «летом взбираются на вершины, подвязывая подошвы из воловьей кожи». Как нам кажется, здесь нетрудно видеть прообраз кабардинских и балкарских гоншарыхов и чабуров.

Судя по этнографическим данным, балкарцы в дождливую погоду использовали накидки – *гебенек*. Этот вид плаща бытовал у древних болгар, чувашей, алтайцев. Автор XIII в. Рашид ад-Дин пишет, что в дождливую погоду монгольские войска надевали «валянные из войлока капенеки».

Мужской костюм XIII–XVII вв. украшался различными нашивками, бляшками и пр. Особым украшением в национальном костюме кабардинцев и балкарцев являются *газыри*. По общему признанию этнографов, газырницы – это «карманы с мелкими отделениями, в которые вкладывали газыри – деревянные трубочки с заготовленными в них зарядами для огнестрельного оружия... К концу XIX в. в связи с появлением пятизарядной винтовки газырницы утратили свое значение и сохранились как украшение». Этим и объясняется их название *хазыр* – «готовый», вошедшее в литературу, как газыри.

Археологические данные о средневековой одежде кабардинцев и балкарцев дополняются отдельными сведениями путешественников. Интериано в своем описании Черкесии пишет: «Верхняя одежда адыгов делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии... На голове носят шапку из этого же войлока... Носят сапоги и ботинки, надеваемые одни на другие и очень нарядные, а также широкие холщовые шаровары».

В 1654 г. Арканджело Ламберти в описании Колхиды (Грузии) приводит одно интересное сообщение, что в бытность его в Колхиде какой-то народ напал на «Московское царство, а часть его войск направилась на Кавказ, чтобы напасть на сванов и карачаевцев». Пришельцы были разбиты, а среди убитых оказалось много женщин. Владетель Колхиды изъявлял сильное желание, чтобы одну из этих женщин доставили ему. Доставить живых женщин не удалось, но ему доставили несколько экземпляров их боевой одежды. «К панцирю внизу приделано что-то вроде юбки, кото-

рая достигает до колен; она шерстяная, наподобие нашей саржи, но такая ярко-красная, что похожа на самую тонкую порфиру. Обувь была покрыта крохотными кусочками белой меди, величиной не больше булавочной головки... Эти воинственные женщины, как мне передавали, обыкновенно воюют с татарами, называемыми калмуками».

Академик П.-С. Паллас, путешествуя в 1793 г. по Кавказу, среди прочих рисунков сделал зарисовки костюмов кабардинского княжеского сословия. Отличительной особенностью их боевого одеяния была «боевая юбочка» из плотной шерстяной ткани, скорее всего из войлока, ярко-красного цвета, обшитая по краям галунами. В собранном виде она прикреплялась к поясу с правой стороны. Более ранние сведения о таких юбочках дают среднеазиатские миниатюры XV в. Среди них есть изображения охотничьего костюма местных феодалов. В него входила короткая распашная юбка типа киргизской набедренной одежды – *бельдемич*.

Исследователи отмечают, что подобные юбки в прошлом служили боевым одеянием. В 1981 г. на Среднеазиатско-Кавказских этнографических чтениях было высказано мнение, что изображенные Палласом войлочные юбки кабардинских князей играли боевую защитную роль, как и *бельдемич*, и восходят к нему своим происхождением. В 1634 г. Эмидио Дортелли д'Асколи подтверждает, что излюбленным цветом для мужской одежды у черкесов был красный. По его словам, «носят они верхнее платье до колен, рукава его сверху широки, снизу обтянуты и разрезаны или открыты вдоль, как у испанцев или французов. Чулки носят в обтяжку, башмаки узкие с одним швом спереди, без всяких украшений... Плащ из цельного куска материи, узкий около ворота, а внизу широкий, так что едва обрисовывает стан». Далее он говорит, что «замужние женщины прикрепляют к задней части головы как бы другую, набитую материями, так что они ходят словно с двумя головами. Девицы носят шапочки и распускают волосы».

В том же году монах Жан де Люк также отмечает красные рубашки из бумажных тканей, бурки из войлока и др. В 1668 г. Жан Батист Тавернье писал, что одежда черкесов «состоит из цветного платья, сделанного из хлопчатобумажной ткани...». Он также писал, что их женщины, как только выйдут замуж, меняют форму головного убора и «привязывают сзади головы толстую подушечку из войлока и закрывают ее белым покрывалом, сложенным в мелкую складку».

Описываемые Тавернье башмаки, «сделанные как сверху, так и снизу из сафьяна и имеющие только один шов», очень близки фрагментам тапочек, найденным в кабардинских курганах у сел. Старый Черек.

О войлочных плащах указанных народов говорит и Адам Олеарий в 1653 г. Его описания женского костюма, и особенно головного убора, повторяют сведения Интериано и Тавернье: «На голове у них двойные черные подушки, на которые они кладут сложенный бумажный платок или платок пестро вышитый, и затем все это связывают под подбородком. У вдов же сзади головы большие надутые бычачьи пузыри, обвитые пестрым флером или белой бумажной материей; издали получается впечатление, точно у них по две головы».

Спустя 30 лет на Кавказе побывал Я. Я. Стрейс, описания которого почти повторяют сведения Олеария. Он, как и его предшественник, говорит об этих же «бычачьих пузырях» и что издали кажется, будто у них по две головы. Но добавляет, что зимой кабардинцы носят шубы, а летом ходят в одних рубахах – желтых, красных, синих или зеленых. Мужская одежда их состоит, по словам Стрейса, из «серого верхнего платья, поверх которого надевается бурка косматой, грубой шерстью наружу. Она завязывается или застегивается на пуговицу у шеи, чтобы ее можно было поворачивать в любую сторону». Почти то же самое об одежде адыгов, черкесов сообщает Энгельберт Кемпфер в своем труде, изданном в 1723 г.

Вот, пожалуй, и все сведения о средневековой одежде кабардинского и балкарского народов, которые мы можем почерпнуть из письменных источников и археологического материала.

Нет сомнений в том, что основные элементы мужского костюма изучаемых народов, распространенные в позднейшее время, формировались в рассматриваемую эпоху. Здесь прежде всего отметим бурки, башлыки, черкески, которые, по общему мнению этнографов, «свое наименование получили от русских, которые впервые увидели ее на адыгах-черкесах...». Балкарцы этот вид одежды называют *чепкен*. Под названием *чекмен* она известна узбекам, киргизам, кубанским казакам. Термин *башлык* происходит от слова *баш* – «голова», и в буквальном переводе означает «наголовник».

Пища. Интересный материал дают археолого-этнографические данные о средневековой пище кабардинцев и балкарцев. Как и в истории других народов Северного Кавказа, этот вопрос почти не изучен и не обобщены материалы археологии, этнографии и письменных источников. Наша попытка и в этом вопросе является первой пробой систематизации разрозненного материала.

Пища является существенным элементом материальной культуры любого народа. Она формируется на протяжении всей его истории. В ней находят отражение такие важнейшие стороны жизни, как хозяйство, культура, исторические взаимосвязи с соседними народами на различных этапах развития.

Немаловажное значение в сложении всего комплекса пищи играет физико-географическая среда, фауна и флора исторической территории народа, поскольку все это накладывает существенный отпечаток на хозяйственную деятельность, которая непосредственно связана с производством продуктов питания. В силу всего этого пища больше, чем другой элемент материальной культуры, характеризует хозяйственный уклад народа.

Вместе с изменениями формы и содержания хозяйства менялась или существенно дополнялась и пища. В технологии ее приготовления, рецептуре и терминологии очень часто отражаются и важные этнические переплетения, смешения, взаимовлияния различных племен и народов, и более всего соседствовавших длительное время. Одним словом, развитие и формирование пищи, самого необходимого элемента материальной культуры, связаны с весьма существенными сторонами жизни народа.

Кухонная утварь, форма подачи пищи, ее употребление, почитание старших за трапезой, членение туши, особенно жертвенной, подача пищи по социальному и возрастному рангу участников трапезы, ритуальная пища, различные церемонии и суеверия, связанные с приготовлением и приемом пищи, и многое другое имеют огромное значение для освещения и более глубокого понимания быта, нравов и верований народов Кабарды и Балкарии XIII–XVII вв.

Кабардинцы и балкарцы издревле живут в предгорьях и горах Центрального Кавказа, являются традиционными скотоводами. Поэтому в их пище на первый план выступает мясомолочная продукция. Земледелие значительно лучше развито в Кабарде, а в Балкарии оно играло подсобную роль, вследствие чего мучная пища у первых была более распространена, чем у вторых.

Археологический материал не позволяет полностью восстановить средневековую кухню этих народов, но относительное представление о ней получить все же можно.

Употребление в пищу зерновых культур в XIII–XVII вв. подтверждается как находками зерен проса и ячменя в погребениях того периода, так и обнаруженными зернотерками, жерновами ручных мельниц, каменными ступами, пестами на поселениях и городищах. Находки в памятниках множества костей домашних и диких животных говорят о том, что мясо этих животных составляло основу пищи названных народов.

Можно предполагать, что пища рассматриваемого времени вряд ли существенно отличалась от этнографически известной пищи XVIII–XIX вв., за исключением ограничений, внесенных исламом, и дополнений продуктами позднейшего огородничества.

Некоторые блюда балкарцев и кабардинцев представляют исторический интерес. Прежде всего различные виды заквашенного молока – айран, который был неотъемлемой частью повседневной пищи и неоднократно упоминается в нартских сказаниях, зафиксирован средневековыми авторами. Гильом Рубрук, путешествовавший в середине XIII в., писал, что «им дали выпить своего коровьего молока, которое было очень кисло; они называли его *айра*». В прошлом у балкарцев был распространен кумыс, который китайскими источниками отмечается еще у гуннов в первых веках н. э., а в XIII в. описан тем же Рубруком как молочный напиток у народов Предкавказья. Не усматривая прямой преемственной связи, все же следует сказать, что кислое молоко, различные сыры, столь широко бытовавшие у кабардинцев и балкарцев, знаменитый Геродот отмечает еще у скифских племен как их повседневную пищу. Он приводит слова скифского мудреца Анахарсиса о том, что завтраком и обедом для каждого скифа служат молоко и сыр. Разумеется, что в данном случае имеется в виду кислое, заквашенное молоко, так как вряд ли древним кочевникам удавалось сохранить молоко в свежем виде на длительный срок. Скифы называли сыр *иптак*, что очень созвучно алтайскому названию *пиштак* и балкарскому *бишлак*. Но вполне возможно, что скифское название вос-

ходит к общетюркскому термину *аппак* – «наибелый». Дело в том, что все молочные продукты у тюркских народов объединяются общим словом *акъ*, т. е. «белый». Вполне допустимо, что скифы называли сыр термином «наибелый», «чисто белый», т. е. *аппакъ*.

По сведениям Геродота, скифы изготавливали напиток *асхи*, название которого многие видные специалисты по древнегреческим источникам К. Мюллентоф, В. В. Латышев, С. Я. Лурье связывают с тюркским словом *ачы* – «горький». Мне думается, весьма заманчиво сопоставить скифское слово *асхи* с балкарским термином *ицхи* – «напиток».

Традиционное блюдо кабардинцев, представляющее собой крутую кашу из просяной крупы, – *паста*. Она употребляется вместо хлеба с жирной мясной пищей, очень часто упоминается в трудах многих путешественников. Уместно вспомнить, что историк I в. Плиний пишет, что «просо любят в особенности жители Камнании (Кумании? – И. М.) и готовят из него белую кашу; делается из него также очень вкусный хлеб».

Балкарцы и кабардинцы в прошлом заготавливали впрок муку – *кзуут* из поджаренных зерен ячменя, позднее кукурузы и пшеницы. Эта мука готова к употреблению с айраном, сливками, молоком и маслом. В определенной степени ее можно сравнить с заготовленными впрок сухарями. Интересно, что тот же Плиний говорит: «...сарматские племена также по большей части питаются этой кашей (пастой. – И. М.) и даже сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко». Безусловно, это под сырой мукой автор не разглядел *кзуут*, а под «кобыльим молоком» имел в виду *кумыс*.

Глубокую историческую традицию имеет широко практикуемое среди кабардинцев и балкарцев вяленое и сушеное на солнце мясо. Греческие и римские авторы, описывая быт кочевников, часто говорят, что те питаются сырым мясом, которое долго возят у себя под седлом. Не может быть сомнений в том, что эти авторы не употребляли сушеное мясо, которое кочевники возили у седла вместе с айраном, сыром, маслом, мукой – *кзуутом*. При таком снаряжении всаднику не было необходимости даже слезить с коня для утоления голода и жажды. А это имело очень важное значение при длительных переходах и кочевках.

Много интересных сообщений имеется у средневековых путешественников о мясном бульоне – *ляпс* и *шорпа*, которыми обязательно сопровождается мясо, подаваемое к столу. Столь же часто упоминаются и различного рода колбасные изделия кабардинцев и балкарцев, употребляемые в свежем виде. Среди них надо отметить *сохта* – колбасное изделие из свежей печени, почек, а также колбасное блюдо из свежего внутреннего жира, завернутого в кусочек рубца. Последнее блюдо кабардинцы называют *жарума*, а балкарцы, как и многие народы Алтая, Средней Азии, именуют его *жёрме*, т. е. «завернутый».

Особенно почетной долей при торжественных тризнах и жертвоприношениях считается голова животного и порция, содержащая лопатку туши. Вероятно, поэтому археологи так часто находят кости черепов и лопаток в святилищах и культовых местах.

Такова в общих чертах краткая характеристика средневековой пищи кабардинцев и балкарцев.

Утварь. Домашняя утварь рассматриваемых народов изготовлялась из дерева, кости, шкур и пр. Для изготовления различных предметов быта из этих материалов использовались топоры, пилы, молотки, стамески, зубила и мн. др., фрагменты и следы работы которых археологи обнаруживают при раскопках. Об этих орудиях труда и утвари имеются сведения в работах неоднократно уже отмечавшихся путешественников.

Широко использовались шкуры животных. Целиком содранная шкура овец шла на приготовление кожаных мешков – *гыбыт*, *тулукъ*, *къапчыкъ* и т. п. О таких мешках писали Плано Карпини и Гильом Рубрук.

Обработанные рога животных использовались, по словам Н. Витсена, в качестве стаканов. В археологическом материале часто встречаются фрагменты деревянных чашек, ложек, столиков-треножек и т. п.

Глава VII

О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ XIII–XVIII веков

Духовная культура народа представляет собой совокупность всей системы его мировоззрения: идеологических представлений, уровень нравственных и правовых норм, норм поведения, системы воспитания и взаимоотношений людей, уровень развития искусства, фольклора, письменности, народного творчества, различных религиозных воззрений и верований и связанных с ними обрядов и обычаев, ритуальных игр, танцев, песен, восприятие окружающего мира и мн. др.

Уровень хозяйства, экономики и материальной культуры всегда определяет и влияет на духовную культуру, а все они вместе находятся в тесном взаимодействии. Известно, что уровень духовной культуры в решающей степени зависит от материальных основ культуры. Поскольку духовная культура находится в таком тесном взаимодействии со многими сторонами жизни, то изучение ее в большой степени помогает более глубокому осмыслению всей истории народа. К сожалению, духовная культура кабардинского и балкарского народов эпохи XIII–XVII вв. до сих пор еще не изучена и не систематизирована. Имеющаяся литература в основном описывает религиозные воззрения, отдельные обычаи и обряды этих народов, что никак не может дать полного представления обо всей системе духовной культуры кабардинцев и балкарцев.

Наивно было бы ожидать исчерпывающего освещения этой сложной проблемы и в предлагаемом кратком очерке. Наша задача более скром-

на – очертить круг элементов, составляющих духовный мир кабардинцев и балкарцев того времени, и остановить внимание на вопросах, слабо освещенных в нашей литературе.

Основой идеологических представлений является отражение действительности, и прежде всего определенных общественных интересов. В способах и формах этого отражения проявляется уровень психологического, нравственного, этического, а может быть, и этнического развития народа. Среди этих форм и способов отражения действительности немалое место занимают астрологические представления кабардинцев и балкарцев. Большой интерес заслуживает объяснение ими затмения солнца и луны: будто бы их пожирает некий дракон, воспользовавшись оплошностью их хранителей. Поэтому кабардинцы и балкарцы старались различными шурами и стрельбой разбудить стражей и спасти светила.

Не менее интересно объяснение названия Млечного Пути как «След отары», в чем нельзя не видеть отражение их земного скотоводческого уклада хозяйства.

В археологическом материале очень часты находки всевозможных подвесок в виде круга с перекрестием внутри. Этот вид амулетов, по общему признанию исследователей, является наиболее распространенным изображением культа солнца – подателя всех благ и живительного тепла. Именно изображение этого культа чертили на земле балкарцы, становились в его центр и произносили клятву, о чем писал крупнейший ученый-социолог XIX в. М. М. Ковалевский. Безусловно, перед нами в этом этнографическом штрихе проявляется клятва солнцем и небом, распространенная в народе.

Культ солнца и луны у многих народов проявляется с глубокой древности. В Кабардино-Балкарии это наблюдается с эпохи бронзы и отражено в нартском эпосе кабардинцев и балкарцев. Так, премудрая Сатаней – мать нартов – является дочерью солнца и луны, а одна из героинь балкарского эпоса зачала от лучей солнца. По верованиям адыгов, луна помогала им во многих житейских делах. По словам А. Мотрэ, «луна, которую некоторые черкесы обожают и поклоняются, открыла им врагов, и они изрубили на куски такое большое число людей...».

Источником знаний человека всегда является его трудовая деятельность и накопленный опыт. С трудовой деятельностью связано и зарождение искусства.

Образцы искусства известны в археологических памятниках в виде небольших скульптур из глины, бронзы, каменных стел. Определенное представление об этом дают наскальные изображения, например, в верховьях реки Тызыл (приток Кенделена), где нарисованы сцены, скотоводческого и охотничьего быта – всадники, животные, а также ломаные линии, изображающие горный ландшафт. Над этими изображениями нанесен упомнутый знак солнца в виде круга с перекрещивающимися лучами (ил. 88).

Большой интерес представляют орнаментальные узоры на войлочных коврах-киизах и арджанах (вид циновки), в которых изобилуют растительные, геометрические узоры, изображения круторогих туров, оленей и пр.

Значительное развитие получили такие практические отрасли знания, как народная медицина, фармакология, ветеринария, токсикология, заживление переломов костей, различных ран, удаление больных зубов и т. п.

Очень большой интерес вызывает кабардинский обряд *чапи*, заключающийся в постоянном развлечении больного, чтобы отвлечь его от боли. У балкарцев существовали различные приправы и настои из трав, корней и плодов для лечебных целей. В этих же целях нередко использовались различные бусы – от болезней зубов, горла, глаз, желудка и т. д. При археологических раскопках нередко случаи находок бус неизвестного назначения, обнаруживаемых в одном-двух экземплярах в различных местах погребений. Есть основания полагать, что мы в этих случаях имеем дело с подобного рода бусинами-оберегами, использованными при заболевании той части тела, где они обнаруживались.

В качестве оберегов использовались и различные амулеты-подвески из зубов и клыков диких животных.

Умение плавить железо, обрабатывать серебряную руду, изготавливать порох и другие горно-рудные навыки способствовали появлению элементарных знаний в области химии.

Многовековая скотоводческая культура этих народов не могла не отразиться в народном календаре. Многие месяцы года именовались у них определенными видами работ – сенокоса, стрижки, окота овец, отделения молодняка от маток, заготовки мяса впрок и т. п.

В период разложения родового строя и становления военной демократии, с усилением грабительских и оборонительных войн, возникают героические сказания. В эпоху раннего железа у народов Северного Кавказа складывается героический нартский эпос. В своем развитии он конечно же не мог стоять на месте, на одном уровне, а постоянно дополнялся и пополнялся новыми историческими событиями, именами, отображенными в эпическом преломлении различных сюжетов. Например, в нартских сказаниях балкарцев нашли отражение прямые аналогии с мировоззрением скифов, древнетюркские легенды о происхождении тюркских народов, гуннская легенда о том, как они открыли для себя неизвестные ранее земли за Азовским морем и др.

На стадии перехода от доклассового общества к раннеклассовому, к которому мы склонны отнести и рассматриваемый период истории кабардинского и балкарского народов, начинается выделение профессионального умственного труда. Первыми такими профессионалами были сказители, певцы, постановщики театрализованных мифологических инсценировок и обрядовых мероприятий. К этой категории, несомненно, относятся кабардинские и балкарские сказители и певцы-*джегуако*, обличительных песен и сатиры которых побаивались даже князья, наделенные неограниченной властью.

Большое место в духовной культуре народов занимали обрядовые игры, священные с различного рода хозяйственными работами, воспитанием ловкости и мужества, прошением дождя, хорошего урожая, богатого приплода и т. п.

Апогеем развития культуры общества является создание упорядоченной письменности. В этом отношении неоценимыми являются грамоты кабардинских князей XVI–XVIII вв., написанные на арабском и турецком языках. Столь же ценна каменная плита, найденная в 30-х гг. у аула Холам с балкарской надписью арабскими буквами, датируемая 1715 г. Надпись гласит о разделе и закреплении земли, установлении границ участков в присутствии третейских судей-свидетелей из соседней Дигории, Кабарды и Кумыкии (Дагестан). Этот документ свидетельствует о закреплении феодальной собственности на землю. В этом отношении его значение трудно переоценить.

Огромным историческим достоянием культуры народов Кабардино-Балкарии является обычай гостеприимства, зафиксированный еще в конце XIV в. летописцами Тимура при описании его походов на асов, обитавших в окрестностях горы Эльбрус. В 1395 г., после поражения Тохтамыша, один из эмиров Джучиева улуса, Утурку, нашел убежище у правителя асов Пулада, владевшего неприступной крепостью. Тимур обратился с письмом к Пуладу с требованием выдать ему Утурку. Но асский предводитель дерзнул ответить отказом самому Тимуру следующим образом: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для защиты приготовлены; Утурку нашел у меня убежище, и, пока у меня будет душа в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать его».

О гостеприимстве черкесов пишет Интериано: «Вообще у них в обычае гостеприимно и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют *конак*».

Составным элементом духовной культуры народов являются различные предсказания, гадания и пр. Особо распространен среди балкарцев и кабардинцев обычай гадать на бараньей лопатке о будущем своего стада, о предстоящих военных столкновениях, о благополучии общины и т. п. В связи с этим уместно отметить недавнюю уникальную находку пастухов из Верхней Балкарии у перевала Шарыфчик. Речь идет о великолепно выполненной литой бронзовой лопатке овцы, которая, вероятно, висела на шее у древнего гадателя-шамана. Эта лопатка найдена вместе с другими бронзовыми предметами знаменитой кобанской культуры и датируется временем не позднее XIV–XII вв. до н. э.

У балкарцев в прошлом бытовал интересный и, вероятно, очень действенный метод наказания человека, уличенного в непристойном поступке – воровстве, прелюбодеянии и т. п. Такого человека привязывали к «Камню позора» – *Налат-таш*. Эти камни представляли собой огромные валуны с просверленными отверстиями, в которые продевали веревку, и ею привязывали человека. Стояли камни, как правило, в самом людном месте селения. Каждый прохожий выражал свое презрение привязанному к ним человеку-преступнику.

Одним из элементов культуры взаимоотношения людей являются и социальные институты типа аталычества, левирата и др. Составной частью духовной культуры балкарцев можно считать «собрание старейшин» –

Тёре, во главе с верховным князем – *олием*. На заседании Тёре решались все важнейшие вопросы войны и мира, экономических и культурных связей с соседними народами.

Большое место в культуре народов Кабарды и Балкарии занимали различные религиозные верования, и прежде всего языческие, зарождавшиеся в глубокой древности. Неумение объяснить явления природы порождает поклонение предметам окружающей среды – камням, деревьям и пр. Смерть человека воспринималась как временное явление, и поэтому в могилу клали вместе с умершим все его оружие, орудия труда, пищу, воду, украшения и т. п. Это древнее представление у кабардинцев и балкарцев бытовало до принятия ислама – начала XVIII в. В захоронениях, как отмечалось, обнаруживаются сабли, стрелы, ножи, кинжалы, предметы быта – ножницы, иглы, наперстки, кресала, всевозможные украшения – перстни, кольца, серьги и мн. др. Все это говорит о глубокой вере в загробную жизнь в языческих представлениях. С культом предков связаны погребальные обряды и периодические поминки, сопровождавшиеся обильными угощениями, жертвоприношениями и т. д.

Один интересный поминальный обычай балкарцев был отмечен в XIX в. Как и у многих тюркских народов, он называется *чёк* – т. е. «присядь». Суть его в том, что в ночь перед поминками изготавливается деревянное чучело, на него надевают одежду умершего, усаживают его у семейного очага, ставят перед ним угощение и просят у него помощи в своих житейских бедах. Поэтому обряд этот и называется *чёк* – поскольку чучело усаживалось у очага. Под таким же названием этот обычай зафиксирован еще в Орхон-Енисейских тюркских надписях VIII в.

Языческие верования кабардинцев и балкарцев представлены большим пантеоном отмеченных выше божеств-покровителей различных хозяйственных работ. Всем этим божествам приносились жертвы, в честь их устраивались различные обряды, игры. В этой связи интерес представляет верховное божество тюркских народов – *Тейри* (*Тенгри*). Еще в I в. через гуннов это божество было известно китайцам как бог «Голубого неба» и отождествлялось с солнцем. По сообщениям древних авторов, этому божеству посвящались огромные деревья-дубы. Так, в V–VII вв. в столице гуннов – Варачане (в Северном Дагестане. – *И. М.*) был огромный дуб, о котором писали: «Среди множества божеств был Тенгри-хан, чудовищный, громадный герой, бог неба и света. Ему посвящались деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья». Древнетюркский и балкарский Тейри аналогичен величайшему из греческих богов – Зевсу. Тому и другому посвящались огромные дубы и дубовые рощи, оба были богами неба, грома, молнии и дождя. Аналогии с греческими богами находят по своим функциям и многие адыгские божества, что достаточно отражено в литературе.

Говоря о посвящении деревьев божеству Тейри, нельзя не вспомнить священные деревья балкарцев и карачаевцев. Это прежде всего дикая

груша *Раубазы* в Верхней Балкарии и «Одинокая сосна» в Карачае, которым в прошлом приносили жертвы, просили у них благополучия и счастья. Следует отметить, что в чудодейственную силу дерева верили и предки балкарцев – древние болгары, о чем пишут средневековые авторы – Никифор и Феофан.

Большое место в мировоззрении кабардинцев и балкарцев занимали обряды «прошения дождя». С этой целью кабардинцы наряжали лопату, как куклу, и ходили с ней по дворам с песней-просьбой дождя. Этот обряд известен под названием *Ханца-гуаша*, что означает «Княжна-лопата». У балкарцев с этой же целью купали лягушку, раскрывали старые могилы и обращались к своим предкам с просьбой послать дождь для хорошего урожая и пр. Следует отметить, что к купанью лягушки с этой же целью прибегали и чуваша, одни из потомков древних болгар. А у гуннов лягушки, особенно черепахи считались священными, их изображения очень часты на погребальных покрывалах-войлоках, в захоронениях гуннских князей.

Нельзя не отметить различные обряды и игры по поводу первых весенних полевых работ, сопровождавшиеся обильными жертвоприношениями и пиршеством всей общины или селения. Исследователи XIX в. отмечали у балкарцев большой праздник, посвященный первому выходу в поле. Для этого дня всей общиной откармливали специального быка и в день праздника по его поведению угадывали будущий урожай: если он мычит, подняв голову, то урожай ожидается на верхних полях, а если опустит голову, то на нижних... Затем его резали и устраивали всеобщий пир, сопровождавшийся играми, танцами и песнями. Очень важно, что этот обряд почти буквально совпадает с таким же празднеством крымских болгар, описанным этнографами. Подобный обряд заставляет вспомнить эпизод с «огромным быком в 64 обхвата» из балкарских нартских сказаний, вокруг которого ежегодно устраивали различные ритуальные игры, тризны и состязания. Археологический материал свидетельствует о значительной роли христианства в развитии духовной культуры кабардинского и балкарского народов. Эта религия проникала сюда двумя путями – из Византии через Западное Предкавказье и из Грузии по перевалам Центрального Кавказа.

В 1849 г. А. Фиркович, в 1867 г. братья Нарышкины, а позднее и многие другие авторы описали на территории Кабардино-Балкарии множество церквей, камней с изображениями крестов. Археологами обнаружено около 14 церквей рассматриваемого времени на нашей территории. «Крытую железом церковь» видел еще в 1772 г. академик Гюльденшtedт в Верхнем Чегеме. А в 1743 г. здесь же кизлярский дворянин Алексей Тузов отмечает, что жители хранили в строжайшей тайне «священные книги», оказавшиеся обрывками Евангелия XV в. В 1960 г. на Верхне-Чегемском и Нижне-Джулатском городищах XIII–XIV вв. были обнаружены нательные христианские кресты, а недавно у сел. Лашкута найдены несколько каменных стел в виде крестов, возможно, относящихся к X–XII вв.

Христианство отразилось и в народном календаре – в названиях дней недели, месяцев, нашло отражение в работах не раз упоминавшихся путешественников. Но все путешественники в один голос говорят, что у этих народов христианство было очень сильно переплетено с языческими верованиями.

По словам Ш. Ногмова, кабардинские фамилии – Шогеновы, Шогенцуковы – происходят от названий христианских священников-шугуенов. Гильом Рубрук писал, что «черкесы, аланы, асы исповедуют христианство», а Асколи уточнял, что у кабардинцев «есть шугуены, умеющие немного читать по-гречески. Они соблюдают и христианские обычаи – по вторникам, средам и пятницам не едят мясо, соблюдают посты перед праздниками святых апостолов и перед Рождеством Христовым».

К концу XVII – началу XVIII в. можно говорить о проникновении ислама. Как и у многих народов Северного Кавказа, первыми его приняли социальные верхи. Среди археологического материала об этом может свидетельствовать исчезновение к этому времени курганного обряда погребения у кабардинцев и появление мусульманских архитектурных форм в виде многогранных усыпальниц у балкарцев. О раннем проникновении ислама в города Золотой Орды может свидетельствовать и раскопанная нами на Нижнем Джулате крупнейшая на всем Северном Кавказе мусульманская мечеть XIV в., совершенно повторяющая по своим архитектурным деталям мечеть в столице Золотой Орды в городе Сарай-Берке на Волге.

Распространение ислама существенно повлияло на мировоззрение народов Кабарды и Балкарии последующих веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный краткий очерк истории и культуры народов Кабарды и Балкарии XIII–XVIII вв. позволяет сделать следующие выводы:

1. События XIII–XIV вв., связанные с нашествием монголо-татарских полчищ и армий Тимура, нанесли огромный урон экономике и культуре народов Северного Кавказа. Вскоре после этих событий они оказались на острие противоречий между Турцией, Персией и Россией.

2. В создавшихся условиях добровольное вхождение Кабарды в состав России сыграло огромную положительную роль в дальнейшей исторической судьбе народов региона.

3. В XIII–XVIII вв. происходит процесс становления и развития традиционной культуры народов Кабардино-Балкарии. Происходит возрастающее взаимное знакомство с культурой и экономикой народов края между со-

бой. Идет процесс сближения и формирования кровно-родственных и добрососедских отношений кабардинского и балкарского народов.

4. Сформировавшиеся в те века культурно-экономические достижения, материальная и духовная культура послужили фундаментом позднейшей культуры и экономики XVIII–XIX вв.

5. В рассматриваемые века у народов Кабардино-Балкарии были довольно развиты различные ремесла, промыслы. Шел процесс зарождения письменности, искусства. Получают дальнейшее развитие идеологические воззрения, фольклор и пр.

6. Все отмеченные факторы сопровождались дальнейшим развитием земледелия, скотоводства, торговли и углублением социальных процессов – выделением княжеских семей, имущественным и социальным расслоением общества.

Нальчик: Эльбрус, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

К. Т. Лайпанов, И. М. Мизиев. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Предисловие	4
Краткие сведения о тюркских народах.....	6
Концепции о происхождении тюркских народов.....	8
Волго-Уралье – родина прототюрков	13
Ямно-афанасьевцы и их наследники в Южной Сибири	21
Ямная культура и ее наследники в Причерноморье	25
Древнейшие пратюрки и Кавказ.....	28
Шумеры – древнейшая часть пратюрков.....	30
Скифы / сколоты – тюрки.....	32
Исторические сведения	33
Из быта и обычаев скифов	35
Из религиозных представлений и мифологии скифов.....	37
Данные антропологии	47
О языке скифов	49
Скифские этнонимы, топонимы, ононимы	51
Сарматы и гунны – предки тюркских народов	61
Болгары и хазары	65
Аланы – тюркские племена	68
Заключение	79

ШАГИ К ИСТОКАМ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

<i>В. Б. Виноградов.</i> Назревшая проблема и поиски путей ее решения	84
Введение	89
Исчез ли шумерский язык?	94
О скифо-тюркских параллелях	110
Уобос, уобос-ети и ос-ети	129
Асы, аланы и дигоры в свете балкаро-дигоро-карачаев- ских параллелей	148
Карачаево-балкарский язык об этнической истории Северного Кавказа.....	162
О некоторых вопросах трактовки скифо-сармато-алан- ского наследия в истории Северного Кавказа	185
Некоторые замечания об этнической интерпретации средневековой археологической культуры северо- кавказских племен.....	198
Заключение	215
Своевременная книга	217
Библиография.....	220

ИСТОРИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Г л а в а I. Общие сведения о балкарцах и карачаевцах	234
География и территория расселения карачаево-балкарцев	234
Характеристика карачаево-балкарского народа	234
Хозяйство и культурно-экономические связи	234
Культура, просвещение, наука	235
Древние сведения о балкарцах и карачаевцах	236
Г л а в а II. Что такое этногенез	237
Что входит в понятие этногенеза	237
Понятие о языковых семьях и группах	237
Источники изучения этногенеза	238
Состояние изученности этногенеза карачаево-балкарцев	239
Г л а в а III. Древние предки балкарцев и территория их рас- селения	240
Зарождение традиционной культуры тюркских племен	240
Расселение и древние контакты пратюркских племен	241
Кавказ и древние пратюрки. Майкопская культура	241
Продвижение пратюрков в Закавказье и Переднюю Азию	243
Шумеро-карачаево-балкарские лексические схождения	244
Г л а в а IV. Скифо-сарматы – предки балкарцев и карачаевцев. Наследники ямной культуры	246
Краткие сведения о Скифии	246
Древние авторы о скифах и сарматах	246
Скифские легенды и сказания об их происхождении	247
Кто такие киммерийцы	248
О языке скифов и сарматов	248
Культура и быт скифов и сарматов	249
Искусство скифов и сарматов	250
Быт и устройство скифского общества	251
Военно-политическая история скифов – предков карачаево- балкарцев	252
Походы скифов в Переднюю Азию	252
Походы Дария на скифов	254
Борьба скифского царя Атея с Филиппом Македонским	255
Г л а в а V. Гунно-болгарский этап формирования балкарцев и карачаевцев	256
Гунны Северного Кавказа	257
Гунны в Европе. Держава Аттилы	258
Потомки гуннов на Северном Кавказе	259

Великая Болгария – держава Кубрата	260
Этнопонимическое наследие гунно-болгар и хазар	261
Археологическое наследие болгар в Балкарии и Карачае	262
Наследие болгар в традиционной культуре балкарцев и карачаевцев	263
Гунно-болгары и хазары в генеалогических преданиях балкарцев и карачаевцев	264
Г л а в а VI. Аланы и асы – предки балкарцев и карачаевцев	265
Расселение аланов на Северном Кавказе	265
Культура и быт аланских племен	266
Аланы – предки балкарцев и карачаевцев	267
Кто такие асы	268
Военно-политическая история алано-асов – предков карачаево-балкарцев	269
Монголо-татарское нашествие на алано-асов	270
Походы Тимура и покорение асов	271
Г л а в а VII. Балкария и Карачай в XV–XVII веках	273
Расселение кабардинцев в Предкавказье	273
Взаимоотношения Балкарии и Кабарды	274
Балкаро-карачаево-грузинские отношения	275
Балкария и Карачай в системе русско-кавказских отно- шений. Развитие контактов с Грузией	275
Г л а в а VIII. Балкария и Карачай в XVIII – начале XIX века	277
Балкарцы и карачаевцы в известиях путешественни- ков и ученых XVIII в.	277
Из истории социальной структуры Карачаево-Балкар- ского общества	280
Народный институт самоуправления – Тёре	281
Социальные институты обычного права	282
Г л а в а IX. Экономика и материальная культура Балка- рии и Карачая XIV–XIX веков	283
Земледелие	283
Скотоводство	283
Охота	285
Домашние промыслы и торговля	286
Поселения и жилища балкарцев и карачаевцев	287
Одежда и украшения	288
Пища и утварь	289
Выводы	289

НАРОДЫ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В XIII– XVIII ВЕКАХ.

Пособие для учителей и краеведов.

Введение	292
Г л а в а I. О древнейшей истории и происхождении балкарцев	293
§ 1. Историко-этнографическая справка.....	293
§ 2. Состояние изученности проблемы происхождения балкарского народа.....	296
§ 3. Происхождение балкарского народа.....	304
§ 4. Традиционная культура, идеологические воззрения и фольклор об этногенезе балкарцев	306
§ 5. Кавказский компонент в этногенезе балкарцев.....	319
Г л а в а II. Об этнической истории кабардинского народа	324
Г л а в а III. Некоторые вопросы расселения балкарцев и кабардинцев на нынешней территории	326
Г л а в а IV. Краткий обзор исторических событий XIII–XVIII веков	331
Г л а в а V. Краткая характеристика социально-экономического развития народов кабардино-балкарии в XIII–XVIII веках	336
Г л а в а VI. Очерк материальной культуры кабардинцев и балкарцев XIII–XVIII веков.....	345
Г л а в а VII. О духовной культуре кабардинцев и балкарцев XIII–XVIII веков.....	355
Заключение.....	365

Научное издание

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ
В ТРУДАХ ИСМАИЛА МИЗИЕВА

В трех томах

Том II

Редактор В. Н. Котляров

Художник Ж. А. Шогенова

Корректоры: Н. В. Лысенко, Н. В. Римская

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 09.10.09. Подписано в печать 01.02.10. Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Mypiaд. Усл. печ. л. 25,54+5 (ил. 72 с.). Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-93680-337-6

Издательство М. и В. Котляровых.

360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.

Тел./факс (8662) 42-62-09

e-mail elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

Отпечатано: ООО «Кубаньагитпечать».

350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.

Тел.: (861) 274-10-74. Заказ №

